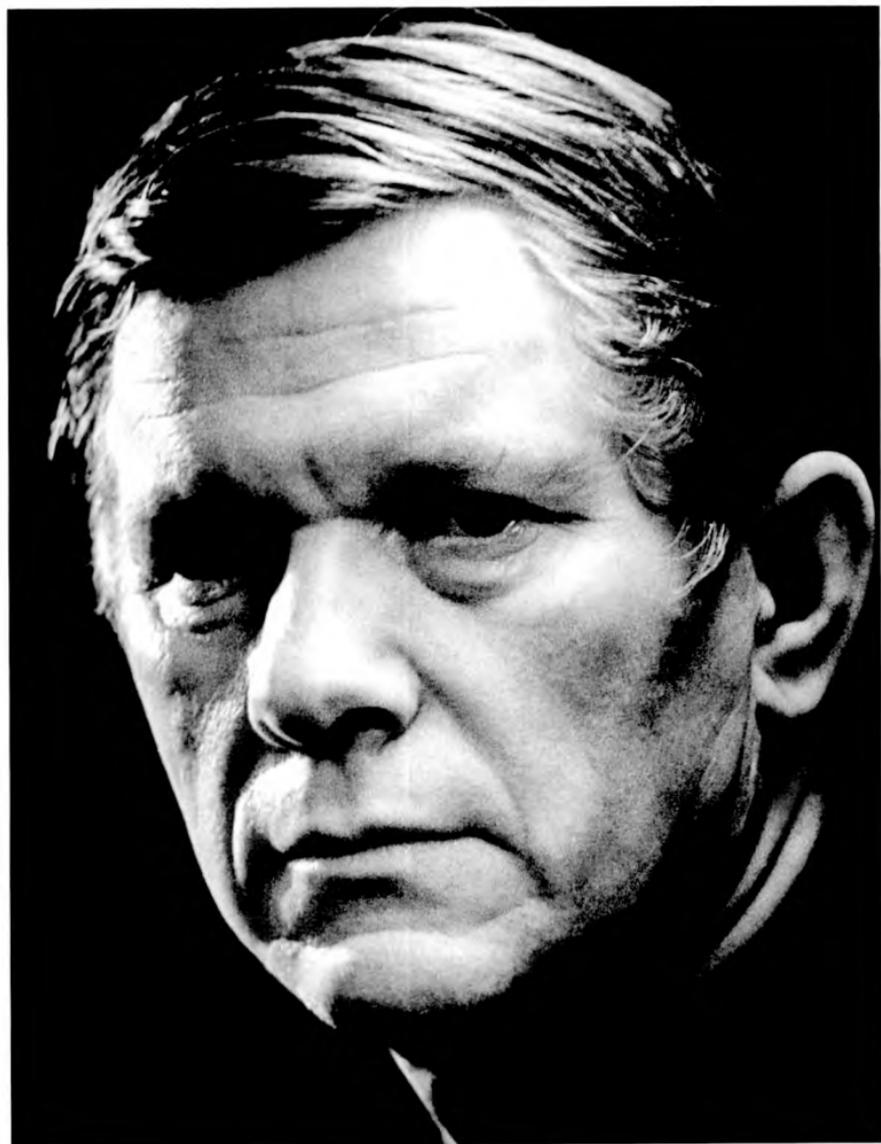

Васіль

Быкаў

10 том
Кніга **2**

Поўны збор
твораў

Грамадскае аб'яднанне
«Саюз беларускіх пісьменнікаў»

Васіль Быкаў

*Поўны збор твораў
у чатырнаццаці тамах*

Рэдакцыйная калегія:

БЫКАВА І. М., КАЗАКОЎ В. М., КАЗУЛІН А. У.,
ПАШКЕВІЧ А. А., САЧАНКА (ПЯТРОВІЧ) Б. П.,
СІНЬКОВА Л. Д., ТЫЧЫНА М. А., ШАПРАН С. У.

Васіль Быкаў

Поўны збор твораў

Том

10

Кніга 2

Артыкулы, эсэ, прадмовы, выступленні, інтэрв'ю,
гутаркі, калектыўныя творы (1981–1990)

Мінск
«Кнігазбор»
2019

УДК 821.161.3-4
ББК 84(4Бел)-6
Б95

Укладанне і каментары Сяргея Шапрана

Асаблівая ўдзячнасць за дапамогу падчас падрыхтоўкі гэтага тома Беларускаму дзяржаўнаму архіву-музею літаратуры і мастацтва і Дзяржаўнаму музею гісторыі беларускай літаратуры.

ISBN 978-985-7207-84-8

© Быкава І. М., Быкаў С. В., Быкаў В. В.,
2019

© Шапран С., уклад, камент., 2019

© ГА «Саюз беларускіх пісьменнікаў», 2019

© Афармленне. ПУП «Кнігазбор», 2019

[ІНТЭРВ'Ю ЧАСОПІСУ «БЕЛАРУСЬ»]

— *Паважаны Васіль Уладзіміравіч! Дазвольце мне сардэчна павіншаваць вас, выдатнейшага майстра слова, з прысваеннем высокага звання народнага пісьменніка Беларускай ССР і ад імя шматлікіх чытачоў часопіса і прыхільнікаў вашага таленту пажадаць вам шчодрага плёну і моцнага здароўя.*

Хацеў бы задаць вам, Васіль Уладзіміравіч, некалькі пытанняў — як працяг неаслабнай цікавасці чытачоў да вашай творчасці, да вашай асобы. Як вы сябе адчуваеце ў новай якасці — народнага пісьменніка і ваша разуменне гэтага высокага звання?

— Нялёгка прывыкнуць да такога ганаровага звання, асабліва памятаючы і ведаючы народных пісьменнікаў Беларусі, маіх папярэднікаў. У маім уяўленні гэта перш за ўсё людзі гіганцкага таленту, надзвычайнай працаздольнасці, крышталёвага сумлення і абвостранай грамадзянскай чуйнасці.

Што ж датычыць самых першых нашых народных — Янкі Купалы і Якуба Коласа, дык яны класікі, стваральнікі новай беларускай літаратуры.

Ці трэба гаварыць, які маральны абавязак кладзецца на плечы пісьменніка самім фактам прысваення гэтага звання, якое, безумоўна, не толькі канстатацыя заслуг, але і пэўны аванс на будучае.

— *Лёс вашых твораў, як ён склаўся?*

— Лёс твораў, як і лёсы людзей, складваецца па-рознаму. Адны лёгка пішуцца і лёгка друкуюцца — гэта ўдачнікі (як і людзі ў жыцці). Іншым жа доўга не шанцуе — у часе працы над імі, пасля — пры выданні. Так, напрыклад, мая аповесць «Сотнікаў» спазнала шмат турбот у часе працы над ёй, але яшчэ болей у часе выдання. Прынамсі, гэта зразумела, бо ў рэдакцыях таксама людзі са сваімі поглядамі, адносінамі, здольнасцямі разумення мастацкага твора, мастацкімі і асабістымі схільнасцямі. Затое цяпер у «Сотнікава» шчаслівы лёс, ён выдадзены на мовах амаль усіх еўрапейскіх народаў і па-за Еўропай. І нават былыя апаненты цяпер не толькі прызнаюць

яго, але, здараецца, і хваляць. На гэта можна сказаць, што літаратура, бывае, выходзіць густы.

— *Часта бываюць канферэнцыі па вашых творах, сустрэчы з чытачамі. Якое ваша паразуменне з чытачом?*

— Вядома, канферэнцый па творах і сустрэч з чытачамі хапае. Справа гэта нялёгкая і патрабуе ад аўтара пэўнай самааддачы. Я не належу да ліку тых аўтараў, якія вельмі лёгка адчуваюць сябе з чытачамі, устанаўліваючы з імі пэўны кантакт. Мне заўсёды здаецца, што чытачы чакаюць ад твора нечага іншага, здаецца, што я напісаў нешта не так. Нават калі мяне пераконваюць у адваротным, мне цяжка саступіць з мае думкі. Але ж вядома, што ў літаратуры бачыць недахопы і ўмець іх пазбавіцца далёка не адно і тое ж. Шлях ад аднаго да другога часам бывае цяжкі і доўгі.

— *Паездкі і ўражання, ці дадаюць яны вам матэрыялу для вашых твораў?*

— Паездкі — заўсёды спасціжэнне свету і сябе ў гэтым свеце. Ездзіць па краіне і свеце заўсёды карысна, хоць і не заўсёды гэта чыстае задавальненне, бо, як вядома, справа гэта турботная, патрабуе нямала часу і здароўя. У мяне ў апошнія гады былі цікавыя паездкі ў Сярэдняю Азію, Закаўказзе, а таксама ў Балгарыю, якую я вельмі люблю (у дужках можна зазначыць: а хто яе не любіць?), у Чэхаславакію і на Кубу. У кожнай такой паездцы міжвольна параўноўваеш сваю радзіму з краінамі гасцявання, і гэта будзіць думку, пачуццё, абвастрае назіральнасць. Ну і, канечне, расшырае кола сяброў, без якіх жыццё было б пазбаўлена асалоды і сэнсу.

— *Радзіма — малая і вялікая. Уражання маленства, родныя краявіды? Якое значэнне маюць яны для вашай творчасці?*

— Аляксандр Твардоўскі вельмі дакладна сфармуляваў некалі гэтае паняцце, назваўшы яго пачуццём «малой радзімы». Гэта сапраўды так. Без малой не бывае і быць не можа вялікай Радзімы, любоў да апошняй завязваецца яшчэ ў малой, якая ўключае ў сябе замілаванае пачуццё з дзяцінства да сваёй вёскі (горада), поля (вуліцы), нейкага раўка ці ўрочышча, куточка краявіду. Што датычыць мяне, дык куды б лёс мяне ні закідваў у жыцці (Расія, Украіна, Далёкі Усход, зарубежжа), я не пераставаў бачыць у снах свой крывулісты пасёлак на Ушаччыне, знаёмы з дзяцінства ляскі і пералескі, раўкі і балацявінкі. Ну і, натуральна, знаёмых з дзяцінства людзей — мужчын, жанчын, дзяцей. Шмат што з гэтай «краіны дзяцінства» прама ці ўскосна знайшло свой адбітак у маіх творах, не зважаючы на іх тэму, час ці месца дзеяння.

— Апошняя пытанне традыцыйнае: над чым новым вы працуеце?

— Працую над аповесцю пра вайну на зямлі беларускай.

— *Поспехаў вам, Васіль Уладзіміравіч, і здзяйснення ўсіх задум і планаў!*

Гутарку вёў Рыгор Барадулін.

[1981]

ЗАКАНЧЭННЯ НЕ БУДЗЕ...

Гэта была наша апошняя з ім сустрэча, нядоўгая размова, якая зараніла ў маю душу невыразны смутак па ім — аціхлым, незразумела панураным.

І перад тым былі нядоўгія, на хаду, сустрэчы ў Саюзе пісьменнікаў на вуліцы Энгельса, але тады ён яшчэ поўніўся клопатам, справай, часам скардзіўся на выдавецкія хібы, як гэта было з ягонай кнігай крытыкі і публіцыстыкі, ужо пасля смерці аўтара адзначанай Дзяржаўнай прэміяй БССР. А тады, памятаю, ён дужа наракаў на цяжкасці з выданнем, на нечаканыя патрабаванні рэдактуры. Ну, але гэта справа прывычная. У часе ж той, апошняй сустрэчы гаворка была пра іншае.

Месяцы два перад тым выйшла «Польмя» з яго апошнім раманам, у канцы якога было пазначана: «Заканчэнне будзе», і ці трэба казаць, як чакалі чытачы гэтага заканчэння любімага ўсімі твора. Але прыйшоў наступны нумар часопіса, за ім яшчэ адзін, а заканчэння ўсё не было, і тады стала зразумела, што твор па нейкай прычыне затрымліваецца. Але па якой?

Менавіта пра гэта я і запытаў Івана Паўлавіча ў часе той памятнай нашай сустрэчы ў Маскве.

Мы ціха ішлі падземным пераходам ад гасцініцы «Масква» да Краснай плошчы, памалу падняліся па гранітных прыступках. Іван Паўлавіч ступаў марудна, неяк стомлена, пасля майго пытання і без таго невясёлы, ён яшчэ больш спахмурнеў. Мы спыніліся на рагу музея Кастрычніцкай рэвалюцыі, і ён неяк аціхла, з нетугэйшай тугой уваччу агледзеў Аляксандраўскі сад, Манежную плошчу і сказаў словы, якія тады здзівілі мяне і збянтэжылі:

— Заканчэння не будзе, Васіль.

— Як — не будзе?

— Не будзе ніколі.

Натуральна, я не паверыў яму, палічыў гэта няшчырасцю. Ды і як было дапусціць хоць на хвіліну, што гэтка твор заста-нецца няскончаным, ды яшчэ па волі самога аўтара?

Памятаю, тады я нешта гаварыў яму ў тым сэнсе, што Іван Паўлавіч перабольшвае, калі не жартуе, хоць сказанае, тон і выгляд Мележа былі надта сур'ёзнымі, каб тое можна было прыняць за жарт. Ён жа нічога больш не дадаў, замкнуўся, маўчаў, увесь аддаўшыся сваім, невядомым мне клопам.

Праз няпоўныя тры месяцы яго не стала.

Цяпер я думаю пра тых яго словы і дзіўлюся, як можна было, маючы такое здароўе, такія прадчуванні, зрабіць так хораша і так шмат у літаратуры. А можа, менавіта дзякуючы таму? У такім стане ўжо не да сквалыжнага шарлатанства, не да дробязей і цацкання з тым, што не варта і гадзіны затрача-нага на яго часу, не тое што жыцця. Мележ адчуваў сваю меру і надта добра ўсведамляў свой мастакоўскі абавязак перад лі-таратурай і перад народам, каб разменьваць час на нявартае чалавека, тым больш мастака з такім талентам.

Канешне, цяпер можна наракаць на лёс, які так скупа ад-мераў жыццёвага веку найлепшаму з нашых майстроў род-нага слова, але, напэўна, менавіта лёс гэты запатрабаваў ад яго поўнай самааддачы, зрабіў немагчымымі фальш, разлік, кан'юктурныя хітрыкі, якія загубілі не адзін талент у свеце.

З Мележам такога не здарылася, і мы павінны мець вялі-кую ўдзячнасць яму і ягонаму лёсу, бо маем творы, якія доў-га яшчэ будуць служыць прыкладам для многіх пакаленняў літаратараў.

* * *

Адзін з вялікіх пісаў, што мастаку не трэба баяцца ставіць перад сабой грандыёзныя задачы, што толькі на шляху да вялі-кай мастацкай мэты цераз пераадоленне неверагодных цяж-касцей творчага ды і іншага парадку яго чакае вялікая ўдача. Відаць, гэта правільна. Калі мастак валодае значным талентам і неабходнай мужнасцю, дык гэта пераадоленне, барацьба з са-бой і абставінамі і з'яўляюцца тым гарнілам, дзе загартоўваецца моц неардынарнага, тым болей эпохальнага твора.

Што датычыць Мележа, дык мы маем перад сабой менавіта такі шчаслівы выпадак. Задача, ім перад сабой пастаўленая, была грандыёзная, у згодзе, аднак, з наяўным талентам, які ў спалучэнні са шматгадовай творчай апантанасцю даў літара-туры твор такой глыбіні і такога эпічнага размаху, менавіта

якога не хапала ў нашай нацыянальнай культуры. Безумоўна, апроч таленту і працы, для таго патрабавалася немалая мужнасць рашэння і ажыццяўлення, якой валодаў гэты мастак — воін Вялікай вайны, грамадзянін, камуніст.

Вялікі Стэндаль некалі засведчыў і даказаў на ўласным прыкладзе, што літаратура любіць моцныя страсці. Не адзін аўтар са шмат якіх краін свету пацвердзіў справядлівасць гэтага вызначэння. Тут няма патрэбы называць іх імёны, але варта з задавальненнем і гонарам успомніць імя нашага земляка, удача якога таксама пралегла менавіта ў гэтым кірунку. Агульнавядома, што, як і шмат якому з народаў свету, беларускаму народу наканаваны гісторыяй адзін з самых драматычных лёсаў, што жыццё ніколі не песціла яго. Але зноў жа так складалася, што гэты драматызм ягонай гісторыі быў найменш адлюстраваны ў мастацтве. І калі трагічныя падзеі на нашай зямлі ў гады Вялікай Айчыннай вайны даволі паспяхова распрацоўваюцца ўсімі відамі мастацтва на працягу ўсіх пасляваенных гадоў, дык адна з самых драматычных старонак нядаўняга мінулага — пералом векавога ўкладу вёскі ў гэтай спрадзеву сельскагаспадарчай краіне, за якую па недасведчанасці, а таксама з прычыны адсутнасці асабістага вопыту мала хто з сучасных літаратараў мог узяцца. Не баючыся адсутнасці літаратурнага прэцэдэнта і наймавернай цяжкасці задачы, Мележ узяўся, і мы маем цяпер шырокае і грунтоўнае мастацкае асэнсаванне аднаго з самых нялёгкіх момантаў нашай гісторыі.

Агульнавядома, што савецкая літаратура даўно і цвёрда стаіць на пазіцыях сацыялістычнага рэалізму і што для яе развіцця, як і для развіцця кожнай рэалістычнай літаратуры, найпершай умовай з'яўляецца праўда жыцця. Але справа ў тым, што праўда як мастацкая катэгорыя — вельмі не простае паняцце. І як ні дзіўна, але менавіта праўда жыцця даецца для адлюстравання толькі значным і мужным талентам. Што датычыць Мележа, дык безумоўна, што адна з галоўных вартасцей яго прозы, ягонай «Палескай хронікі» — гэта менавіта праўда сялянскага жыцця ў яго самым найбольшым аб'ёме. Ужо гэтага аднаго было б дастаткова, каб зрабіць неўміручым імя гэтага мастака.

Вось тыя найпершыя ўрокі і тыя вартасці, якія мне бачацца ў творчасці нашага незабыўнага Івана Паўлавіча Мележа.

[Люты 1981 г.]

[ІНТЭРВ'Ю ГАЗЕЦЕ «ВІЦЕБСКІ РАБОЧЫ»]

— *Васіль Уладзіміравіч! Многае ў вашым жыцці звязана з Віцебшчынай, краем, які багаты на рэвалюцыйныя, баявыя і працоўныя традыцыі. Тут вы нарадзіліся, закончылі школу, адсюль пайшлі ў вялікае і складанае жыццё. Віцебчане паслалі вас сваім прадстаўніком у Вярхоўны Савет рэспублікі. Ці знаходзіць усё гэта сваё адлюстраванне ў вашых творах?*

— Пачатак жыцця, дзяцінства, родны кут заўсёды шмат значаць для чалавека наогул і для творчага чалавека асабліва. У мастацкай творчасці аўтар, як правіла, мае справу з абагульненымі вобразамі, характарамі збіральнымі, у якія ён укладвае шматлікія назіранні за жыццём і людзьмі. Але гэта не значыць, што нейкія канкрэтныя асобы, выпадкі, падзеі не могуць у той ці іншай меры стаць мастацкімі вобразамі. Мусіць, так і ў мяне. Мае землякі, равеснікі або ўдумлівыя даследчыкі творчасці могуць заўважыць у маіх творах шмат што такое, што прыйшло з дзяцінства, з роднага кутка. Пейзажы, партрэты, некаторыя падзеі і геаграфія іх, якія прама ці ўскосна адносяцца да Ушаччыны, знайшлі сваё месца ў аповесцях «Жураўліны крык», «Трэцяя ракета», «Пайсці і не вярнуцца» і іншых.

— *Сярод шматлікіх рэцэнзій было некалькі выказванняў вядучых літаратурных крытыкаў, спрошчана разумеючых філасофска-эстэтычную праблематыку вашых твораў. У сувязі з гэтым пытанне: у чым роля літаратурнай крытыкі, наколькі яна спрыяе станаўленню пісьменніка, развіццю і ўдасканаленню яго творчага майстэрства?*

— Пра мае творы напісана вельмі многа работ у розныя часы, у розных выданнях, на розных мовах. Сярод іх ёсць вельмі грунтоўныя, разумныя і справядлівыя (назаву толькі кнігі Л. Лазарава, А. Адамовіча, В. Бурана, І. Дзядкова). Былі, аднак, і выпадкі аглабельнай крытыкі. Я чытаў многае з таго, што было напісана, часта пагаджаўся, часам не (і не толькі ў залежнасці ад стаўлення да творчасці), безумоўна, многае мне дапамагала, нешта замінала. Але, ведаючы аўтараў гэтых прац, няцяжка было вызначыць, дзе праўда, а дзе наадварот, каго трэба паслухацца, а каго можна ігнараваць.

— *У многіх тэатрах краіны ажыццёўлены пастаноўкі па вашых аповесцях. Ці заўсёды патрэбен ваш дазвол на сцэнічную інтэрпрэтацыю твора? Гэта першая частка пытання.*

І другая – вашы адносiны да рэжысёрскай трактоўкі, калі яна ў значнай меры разыходзіцца з задумай аўтара?

– Звычайна рэжысёры пытаюцца толькі права інсцэніраваць твор, а далей ужо робяць па свайму разуменню, у якім аўтар мае мінімальную магчымасць што-небудзь змяніць. Я не надта люблю сучасны тэатр з яго пастановачным, «відовішчым» ухілам, часта мне бывае сумна глядзець канспектыўны пераказ майго твора, і, мусіць, з майго боку было б больш правільна не даваць згоды на інсцэніроўку. Але вядома, што разумныя думкі прыходзяць позна.

– *Часта гавораць, што жаночыя вобразы вашых партызанскіх апавесцей, напрыклад Клава з «Воўчай зграі», напамінаюць жаночыя вобразы партызанскіх карцін М. Савіцкага. Што вы самі думаеце аб гэтым?*

– Калі ўжо гаварыць аб падабенстве маёй творчасці і жывапісу М. Савіцкага, дык было б больш правільна бачыць гэтае падабенства ў тэматыцы, у антыфашысцкай і патрыятычнай накіраванасці яе. А жаночыя вобразы? Не ведаю. Не адчуваю.

– *Вядома, што работа ў саставе Вярхоўнага Савета рэспублікі займае ў вас многа часу. Раскажыце, Васіль Уладзіміравіч, аб вашай дэпутацкай дзейнасці.*

– На Ушаччыне я дэпутат яшчэ першы год, да гэтага быў дэпутатам ад Талачынскай акругі. Як вядома, абавязкі дэпутата Вярхоўнага Савета рэспублікі даволі разнастайныя як у акругах на месцы выбараў, так і ў пастаянных камісіях Вярхоўнага Савета. Найпершы – гэта пастаянная сувязь з масамі, выбаршчыкамі, рэалізацыя іх патрэб і пажаданняў, справаздачы аб дэпутацкай дзейнасці, выкананне даручэнняў пастаянных камісій, у дадзеным выпадку – камісіі па замежных справах Вярхоўнага Савета БССР. Клопату хапае, і ўсё гэта патрабуе часу, на які ў творчага чалавека заўсёды дэфіцыт.

– *Васіль Уладзіміравіч! Вашы пажаданні чытачам «Віцебскага рабочага»?*

– Вельмі жадаю чытачам «Віцебскага рабочага», усім працоўным Віцебшчыны паспяховага выканання іх вытворчых планаў, шчаслівага жыцця і добрага здароўя.

Інтэрв'ю ўзяў А. Русецкі.

[1981]

ЗРУКА НАШАЕ БУДУЧЫНІ

Развіццё нацыянальнай культуры немагчыма без апярэджваючага развіцця літаратуры, за якой ідуць іншыя віды мастацтва, менавіта ад літаратуры беручы сучасныя ідэі, пераймаючы найважнейшыя праблемы часу. Так, прынамсі, заўсёды было ў нашай краіне, і нават зараз наша мастацтва гэтак шырока карыстаецца не толькі плёнам сучаснай літаратурнай практыкі, але і класічнай спадчынай рускай і іншых братніх літаратур.

Мы маем літаратуру сталую ва ўсіх адносінах, літаратуру, якой можа ганарыцца кожная развітая нацыянальная культура. У нас ёсць раман як паўнакроўны эпічны жанр, прадстаўлены імёнамі многіх таленавітых майстроў слова, ёсць багатая на велістыка; наша паэзія даўно і трывала ўвайшла ў скарбніцу еўрапейскай культуры. Можна доўга і падрабязна гаварыць аб вартасцях і дасягненнях нашай літаратуры, як гэта няблага зроблена ў дакладах сакратароў СП Беларусі. Але я хацеў бы тут закрануць некаторыя прыватныя бакі, можа, спецыфічныя моманты, якія, на маю думку, маюць пэўнае значэнне ў нашым сённяшнім літаратурным працэсе і могуць адбіцца на ім заўтра.

Мы навучыліся няблага пісаць. Сярэдні ўзровень нашай паэзіі, прозы, драматургіі даволі высокі. Ва ўсякім разе, у нас амаль не выходзіць яўна бездапаможных кніжак, у кожнай ёсць нешта, хай сабе не дужа фундаментальнае, але ж вартае чытацкай увагі, ёсць нейкая ідэя, часцей не надта арыгінальная, добра ўжо распрацаваная папярэднікамі, затое выпрабаваная і агульнапрызнаная. Можна нават сказаць, што руціннасць формы і асабліва зместу становіцца ўсё больш звычайнай умовай творчасці, асабліва што датычыць нашай мастацкай прозы. І раманісты, і навелісты навучыліся працаваць роўна, бяспрэчна, «наверняка», і мне асабіста бачыцца ў гэтым пэўная адзнака стагнацыі, калі ўсё вызначылася, пошук адсутнічае, і яшчэ горш — пазбягаецца малейшая рызыка. Паўтараю, наша літаратура шмат чаму навучылася, але ці не за кошт прытуплення вастрыні грамадзянскага болю, прытуплення чалавечага нерва, і яна робіцца ўсё больш эпічна ўраўнаважанай, — гэта ў аднолькавай меры адносіцца да твораў як старэйшых, так і малодшых аўтараў. Ствараецца такое ўражанне, што, пачынаючы з нашых першых кніжак — аповесцей ці раманаў, мы найперш баімся рызыкі, пішам з пэўнай, не дужа прыгожай прыкідкай на шырокі і абавязковы поспех, афіцыйнае прызнан-

не, нярэдка прытым вольна абыходзячыся з такой далікатнай катэгорыяй, як праўда жыцця. Гэтая тэндэнцыя сама па сабе з'яўляецца небяспечнай для кожнага таленту паасобку, а калі яна робіцца пашыранай у літаратуры, дык гэта ўжо выклікае трывогу, бо выхалашчвае літаратуру, выганяе з яе жывы неспакой, усяляе самазаспакаенне, і літаратура з высокага мастацтва паволі ператвараецца ў слоўнае рамяство. Мяне дык гэта найбольш засмучае. За апошнія некалькі год выйшла ня мала дабротных твораў у маштабах нацыянальнай літаратуры, але ці шмат з іх выклікала колькі-небудзь сур'ёзныя спрэчкі, прымусіла захвалявацца хоць бы наша творчае асяроддзе, так было ў іх усё звыкла, будзённа і правільна. Часам мы схільны вінаваціць крытыку за яе стэрэатыпы ў стаўленні і ацэнках, але ці ва ўсім вінавата крытыка? Ці не мы ў тым вінаваты, што нашыя канфлікты, характары, праблемы сталі ў пэўнай меры стэрэатыпнымі? Каханне, наведванне родных мясцін, праблема капешкі сена ці сантыменты з поваду спрамленай рэчкі, у якой не стала рыбы. Сапраўдная сацыяльнасць або адсутнічае ў такіх творах, або падмяняецца яе ўяўнасцю. А што такое ў наш час твор, пазбаўлены сацыяльнасці, мы памятаем яшчэ з Бялінскага, які гэтую праблему фармуляваў гранічна імператывна: сацыяльнасць або смерць (для твора, зразумела). Чаму ж тады мы ідзем аблегчанай каляінай? Канешне, ні адзін аўтар не хоча заўчаснай смерці свайму ў пакутах народжанаму твору, але, відаць, мы баімося непасільнай для нас задачы, баімося памылкі, няўдачы, вынік якіх яшчэ няблага помніцца з недалёкага мінулага нашай літаратуры. Але ж элементарна, што з празмернай «осмотрительностью» знікае элементарная грамадзянская аб'ектыўнасць, і ці можна забываць, што для развіцця літаратуры ў цэлым паасобныя няўдачы часам бываюць больш важныя, чым некаторыя ўдачы. За няўдачамі заўсёды стаяць урокі, як абавязковая ўмова развіцця, а за несумненнымі ўдачамі часам няма нічога, апроч хіба таго ж дробненькага разліку і сярэдняга ўзроўню, які хоць, можа, і пазбаўлены яўных недахопаў, але не шмат надзелены і вартасцямі.

Разам з пэўнымі літаратурнымі дасягненнямі, аб якіх гаварыў вышэй, мы яшчэ не пазбавіліся таго, што ідзе ад нашага літаратурнага «младзенчаства», ад вузкага правінцыялізму. Колькаснае развіццё прозы (ды і паэзіі таксама) у шырокім сэнсе апераджае развіццё якаснае. Шмат якія нашыя творы прозы бессаромна грашаць не толькі мнагаслоўем, але ўжо і мнагатом'ем. Ствараецца такое ўражанне, што іх аўтары пасля натуральнай і зразумелай пары коснаязыкага вучнёўства так

лёгка разгаварыліся, што ўзрадаваліся гэтаму празмерна. І не могуць спыніцца.

Я ўжо меў выпадак аднойчы кранаць праблему мовы некаторай часткі нашых праявічых твораў, якія замест таго, каб садзейнічаць моўнаму развіццю, на практыцы дасягаюць адваротнага — разбураюць нацыянальнае адзінства літаратурнай мовы. Моўнае эксперыментатарства, стылёвыя і лексічныя пошукі на літаратурнай перыферыі ў іншы час, на іншым гістарычным этапе, можа, і былі б апраўданыя і зразумелыя, але не цяпер. Цяпер не трэба быць вялікім правідцам, каб зразумець важнасць для нацыі адзінай літаратурнай мовы, якую трэба ўсямерна шанаваць, берагчы, ашчадна развіваць і ўдасканалваць у рамках разумнае моўнай практыкі, а не гвалціць яе канцылярызмамі, не разносіць па рэлігійных і хутаранскіх дыялектных закутках, ператвараючы ў моўны кангламерат, даступны хіба літаратурным снобам і мала зразумелы народу. А што ўсё наша літаратура без яе чытача — народа?!

Мы ўзялі ў спадчыну ад народа вялікі і неацэнны скарб — яго шматвекавую, пераважна гутарковую бытавую мову, якая легла ў аснову сучаснай літаратурнай мовы. Але для развітой нацыі гэтага яўна недастаткова, грамадства ў наш час не можа абысціся без іншых стылёвых моўных пластоў: дзелавога, бюракратычнага, газетнага, тэхнічнага, вайсковага, навуковага. А дзе яны? Заслугоўваюць сур'ёзнага папроку нашы вучоны-мовазнаўцы, якія яўна ўхіліліся ад распрацоўкі надзённых праблем стылістыкі сучаснай беларускай мовы, абмежаваўшыся сістэматызацыяй бытавой гутарковай мовы. Такім чынам, у галіне мовы ў нас дагэтуль усё ў адной кучы, дзе рознастылёвасць разбурае моўную гармонію. Бытавы стыль беларускай вёскі, які складваўся стагоддзямі, выдатны ў дачыненні да з'яў прыроды, вясковага побыту, адносін паміж сялянамі, але ён робіцца малапрыдатны ў дачыненні да сучаснай навукі, тэхнікі, філасофіі, мастацтва. Тут патрэбна іншая лексіка і іншая, адметная ад звыклай нам бытавой, стылістыка. Калькаванне з рускай мовы, да якога звяртаюцца кожны раз у такім выпадку, — не выйсце, а наша бяда, бо такі пераклад не дае арганічнага эквіваленту на беларускай мове. Зрэшты, гэтая недастатковасць адчуваецца таксама і ў бытавой мове, бо мушу заўважыць шаноўным лінгвістам, што сённяшні чулок — гэта не панчоха, форменны вайсковы паўшубак — гэта не кажухок, а мастакоўская каланковая кісьць — гэта не пэндзаль, як гэта значыцца ў слоўніках. Калі нацыя хоча развіваць культуру па высокіх сучасных стандартах, яна павінна валодаць моваю

гнуткай, багатай, мілагучнай і — рознастылёвай. Трэба, каб на беларускай мове натуральна і прыгожа гучалі не толькі мастацкія літаратурныя творы, але і тэхнічныя творы, навуковыя творы, філасофскія творы.

Агульнапрынята гаварыць і пісаць пра культурны рост нашага чытача. Мы радуемся сапраўды небывалай у нашым жыцці з'яве, як масавы попыт на кнігу, кніжны бум, якога не ведае гісторыя. Але калі б літаратура глыбей зазірнула ў сутнасць факта, дык, мабыць, зразумела б, што тут трэба не радавацца, а хутчэй смуткаваць, бо на масавым рынку кнігу купляюць не для чытання, што таварны выгляд яе дамінуе над яе зместам, што кніга з духоўнага фактару ўсё болей ператвараецца ў фактар рыначны, што яна стала элементам хатняга дызайну, не болей, і што за ўсім гэтым стаіць не прага духоўнае дасканаласці, а сугубая матэрыялізацыя быту з яго банальным захапленнем модамі, рэчамі, мэбляй. Літаратура, мне думаецца, недастаткова даследавала і не дала правільнай ацэнкі такой распаўсюджанай у наш час з'явы, якой з'яўляецца «вешчызм», аднёсны яе да звыклай катэгорыі мяшчанства. Але ці мяшчанства гэта? Бо калі прызнаць сучаснае захапленне рэчамі, модамі, дублёнкамі, мэбляй, аўтамабілямі і дачамі мяшчанствам, тады што ж вынікае? Тады вынікаюць сумныя вывады пра ўсеагульнае абмяшчыванне грамадства, да якога адносімся і мы, дзеячы культуры. Бо і мы ж гэтакія самыя, як некаторыя далёка не станоўчыя героі нашых кніг, якіх мы бязлітасна выкрываем пасля таго, як самі набудзем мэблю, дублёнку, аўтамашыну, а хто-ніхто — дачу. Але, мабыць, справа тут не ў мяшчанстве, не ў пэўным светапоглядзе і светаўспрыманні, а хутчэй у якасна новым кірунку развіцця грамадства, кірунку, якому ні наша грамадская думка, ні наша літаратура яшчэ не далі належнага глумачэння.

Свет, відаць, уступае ў новы, вельмі складаны і небяспечны этап свайго існавання з безліччу сацыяльных, эканамічных, духоўных, палітычных праблем, міма якіх не можа прайсці і літаратура. Цяпер ужо зразумела, што надзеі чалавецтва на навукова-тэхнічны прагрэс як паратунак ад многіх небяспек і выйсце са шматлікіх цяжкасцей не апраўдаліся. Мабыць, навукова-тэхнічны прагрэс ужо даў чалавецтву ўсё, што мог даць карыснага, і на нашых вачах усё болей ператвараецца ў фактар выразна антыгуманны. Тая ланцуговая рэакцыя, што ахапіла навуку і тэхніку, скіроўвае ўсё болей у бок знішчэння, а ніяк не стварэння, і супрацьстаяць ёй можа толькі высокая чалавечая духоўнасць, гуманізм мастацтва. Канешне, мастацтва не шмат

можа, асабліва калі параўноўваць яго з магутнай, касмаганічнай ядзернай сілай знішчэння, але ўсё ж... Бяздушная сіла знішчэння таксама не ўсёмагутная, нешта ёсць у свеце магутнейшае за яе. Нядаўна ў газетах прамільгнула невялікая нататка пра адзін від раслінных кляшчоў. Аказваецца, каб вытрузіць гэтых насякомых, штогод выдаткоўваецца вялікая колькасць ядахімікатаў, ад якіх кляшчы гінуць сотнямі тысяч. Але парадокс заключаецца ў тым, што ад гэтага іх не становіцца меней, наадварот: іх усё большае з кожным годам. Хімічныя сродкі барацьбы з імі не толькі неэфектыўныя, а яшчэ болей садзейнічаюць іх размнажэнню. Аказваецца, даследамі ўстаноўлена, што, гінуць, кляшчы пасылаюць сігнал уцалеўшым, і тыя адказваюць генерацыяй патомства ў геаметрычнай прагрэсіі. Чалавек не можа перамагчы ў барацьбе з імі, і ёсць толькі адзінае выйсце з гэтай праблемы: статус-кво ў адносінах да кляшчоў.

Я прывёў гэты факт толькі для таго, каб паказаць сілу і бяссілле сучаснага навукова-тэхнічнага прагрэсу, які ўжо дасягнуў узроўню, калі можа знішчыць усё жывое на зямлі, але бяссільны, напрыклад, перад кляшчамі. Можа знішчыць мільёны людзей, але не можа вылучыць аднаго чалавека не толькі ад раку, а ад банальнага грыпу. У тым адноснасць навукі. Я не хачу сказаць, што мастацтва і літаратура пазбаўлены падобнага рэлятывізму, затое грунтоўца яны на шматвяковых гуманістычных традыцыях, і, пакуль мы будзем трымацца іх і нешта рабіць, яшчэ застаецца надзея.

Не зважаючы на пэўныя недахопы і цяжкасці, беларуская літаратура ў меру сваіх сіл і магчымасцей служыць інтарэсам народа, які будзе новае грамадства на прынцыпе сацыяльнай справядлівасці і гуманізму. У тым аднасць нашых інтарэсаў і зарука нашае будучыні.

[1981]

СЛОВА ЗА НАМІ

У адным з інтэрв'ю ў мяне спыталіся: «Чым вы найбольш даражыце ў сваіх творах?» Я адказаў: «І ў сваіх, і ў іншых перш-найперш праўдай!»

Праўда не дзеліцца, гэта вядома даўно. Іншая справа, што кожны з нас, з-за пэўнай абмежаванасці асабістага вопыту, можа валодаць толькі некаторай доляй жыццёвай праўды (я

гавару найперш аб вопыце вайны). Яшчэ адну вялікую частку ў нашай свядомасці папаўняе жыццёвы вопыт іншых — блізкіх, знаёмых, сяброў, усяго грамадства ў цэлым. Нам, франтавікам, тым, хто змагаўся з ворагам, што называецца, «ушчыльную», зразумелая нашая праўда смяртэльнай хваткі, другім жа яна знаёмая не па акопах, па палях, знявечаных мінамі, а па камандных пунктах, штабах, рэдакцыях ваенных газет. І ўсё гэта разам складаецца ў агульную складаную, цяжкую, праўдзівую карціну вайны.

Кожны мастак уваходзіць у мастацтва перш-найперш з праўдай асабістага вопыту, з уласным разуменнем і асэнсаваннем свету. Справа чытача — меркаваць аб ступені яго праўдзівасці, меры яго праваты. Я, у ліку іншых, спрабаваў паказаць перажытае асабіста мною, але гэта — толькі невялічкая частка, як бы маленькі асколак Вялікай вайны, што нас, франтавікоў, біла ва ўпор, страляла ў сэрца кожнага з нас. Тым, хто вырваўся з яе страшэннага пекла, яна бачыцца ў сне і цяпер, праз дзесяцігоддзі пасля Перамогі. Раней снілася кожную ноч, цяпер радзей, але занадта глыбока ўвайшла яна ў нашу свядомасць.

У сваіх аповесцях я пісаў аб тым, што бачыў і перажыў сам, што бачылі і перажылі мае таварышы. Канешне, у маіх кнігах няма літаральнага ўзнаўлення жыццёвых сітуацый. Але ўсё, аб чым я пішу, так ці інакш было. Выключэнне, можа быць, складаюць партызанскія аповесці. І ўсё ж яны напісаны на аснове асабістага ведання, уяўлення, а галоўнае — разумення псіхалогіі чалавека на вайне.

Гэта толькі так здаецца на першы погляд, што прырода партызанскай барацьбы і вайны на фронце ў нечым зусім розная. На самай справе і тут, і там усё вырашала адно старадаўняе, як свет, і заўжды самае вострае для ўсіх пытанне — жыцця і смерці. Усім выжыць было немагчыма, а паміраць ніхто не хацеў. У гэтай невырашальнасці канфлікту — галоўная сутнасць усякага твора на тэму вайны.

Нашай літаратурай шмат чаго яшчэ не даследавана, не сказана пра вайну — а яно, занатаванае народнай памяццю, псіхалогіяй, з гадамі ўсё ж адыходзіць, губляецца ў віры часу. Узяць хаця б стан, псіхалогію чалавека, які застаўся адзін на адзін з ворагам, — тут шмат чаго яшчэ недагаворана, па-мастацку не вырашана.

Слова пра салдата, працаўніка вайны, як трапна было сказана калісьці, — яшчэ за намі, літаратарамі.

[1981]

СИЛЬНЫЕ ДУХОМ

Когда закрываю глаза и в который раз вспоминаю первые дни мира, то кажется, вновь наступает та непривычная, звенящая, давящая на уши тишина — нет стрельбы, не слышно разрывов мин и снарядов и не кричат команды рвущимися от напряжения голосами командиры. Тишина... И можно спать по ночам. Отсыпаться за всю войну. Как же давно это было. Вот уже тридцать шесть лет тишины в Европе. Тридцать шесть лет... В масштабах истории — это один миг. А ведь за это время выросло целое поколение людей. Вот так — поколение людей, проживших свои тридцать шесть лет без войны.

А как об этом мечтали и безусые солдаты, «зарытые в шар земной», так и не продолжившие свой род, и те, у кого оставалась дома дюжина «мал мала меньше»! И не только мечтали, но сражались и отдавали во имя этого свои жизни...

Трудно найти слова, чтобы описать великий подвиг советских людей, сумевших победить в этой беспощадной, страшной войне.

Для многих буржуазных историков и по сей день остается загадкой, как смогли мы выжить, победить, они так и не смогли разгадать секрет нашей Победы,

А он прост, этот секрет, и мы ни от кого не таим его. Он в нашем советском образе жизни, в нашем великом братстве советских народов, он — в неиссякаемой вере в правоту нашего дела, вере в будущее. Во имя этого будущего мы сражались и побеждали.

Чудо-богатырями называл наш народ героев Отечественной войны. Чудо-богатырями и были наши советские солдаты, прошедшие под скорострельным огнем немецкого оружия, бомбовыми ударами «мессершмиттов» и «юнкерсов», под густым градом минных осколков, штурмовавшие на своем пути до Берлина бесчисленное число деревень, высот и укреплений, под адским огнем форсировавшие десятки малых и больших рек, изнывавшие под знойным солнцем в степи, мерзшие на лютом морозном ветру в чистом поле, изгонявшие врагов с родной земли.

Это были поистине богатыри духа. Они выстояли и разгромили захватчиков в трудном сорок первом году под Москвой, нанесли смертельные удары фашистскому зверю под Сталинградом и на Курской дуге. А потом шли вперед, гремя фашистскую нечисть, освобождая от нее народы Европы.

Кровью давалась жестокая наука побеждать. Чудо-богатыри шли, побеждали, теряли товарищей, не добравших буквально несколько шагов до мира, до заветного часа Победы. Но дошли, победили и установили мир. И этим символом мира, символом великих гуманных целей нашего народа стал памятник советскому солдату с немецкой девочкой на руках, поставленный в Берлине в Трептов-парке.

Да, победил солдат. Победил советский народ. Победили женщины, заменившие мужчин у мартиеновских печей, мальчишки и девчонки, чьи носы едва доставали до станка, а глаза были красными от недосыпания. Их руками были сделаны снаряды, которые я загонял в ствол своего орудия, они делали и патроны, которыми стреляли пехотинцы, танкисты и летчики. И что-то сжималось в горле, и крепче держали руки оружие, когда читал вложенную в маленькую, но такую дорогую посылку записку: «Дяденька солдат, крепче бей проклятого врага!»

Эти слова не давали покоя, они бередили душу, звали в бой. Они окрыляли, эти слова, эти посылки, эти фотографии в газетах — подростков-рабочих, женщин, занявших место своих мужей. Это был наш тыл. Мы верили в него и побеждали. В нем был источник нашей победы и нашего героизма. И потому День Победы — это всенародный праздник.

...В этот день я достаю старенький, слегка пожелтевший уже снимок военных лет, наскоро сделанный где-то в тылу на формировке. На нем засняты четыре офицера, командиры взводов, рот. Простое, даже будничное какое-то выражение лиц, ничего особенного... Но ни одному из них не удалось дожить до Победы. Первый погиб на Днепре в 1943 году, последний — 27 апреля сорок пятого года в Австрийских Альпах... Их ровесник, я сегодня вдвое старше их. Я дожил до Победы. В минуту молчания, когда звучат шумановские «Грезы», мне слышится: помните о нас... помните о нас, люди...

Мои боевые товарищи, солдаты Великой Отечественной... Сраженные пулей или осколком снаряда, они остались в братских могилах, над которыми сегодня воздвигнуты памятники, обелиски. И там, где когда-то в горячке боев мы ограничивались словами известной эпитафии: «Пал смертью храбрых в боях за Родину», наскоро написанной на фанерной табличке под фанерной звездой, сегодня высечены имена героев золотыми буквами на граните.

Многое сделано общественностью, следопытами, восстановлены имена погибших людей даже в самых глухих захоронениях, и в этом заключен справедливый и глубоко гума-

нистический смысл. Ведь имя на обелиске — это последнее, что остается от бойца в жизни, а единственная его безмолвная просьба к живым — не забудьте!

У каждого из них была большая и малая родина, был дом, были родители, были малые и большие заботы. Вспомнить о них — долг живущих друзей, однополчан, земляков.

В эти праздничные весенние дни постаревшие ветераны всюду выйдут на улицы городов. Грудь многих из них украсят награды—символы доблести, храбрости и героизма, проявленных в жестокой борьбе с врагом. Поклонитесь им до земли. Нет выше их подвига в веках. Они победили в той освободительной войне, равной которой не было.

Великая Отечественная война советского народа против немецкого фашизма — целая эпоха в истории нашей Родины, блестящие страницы его героического прошлого. Война унесла колоссальное количество жизней, разрушила сотни и тысячи селений и городов. Еще живы те, кто потерял на войне своих близких. Полстолетия мало, чтобы затянулись все раны.

В одной только Белоруссии в годы войны погиб каждый четвертый из ее жителей...

Мы свято чтим память павших. Но лучше всех памятников их подвигу — наше настоящее, наш созидательный труд. За послевоенные годы все разрушенное восстановлено, отстроено, а облик земли нашего Отечества стал еще лучше, еще краше прежнего. Растут новые поколения счастливых людей. И всем нам хочется, чтобы дети наши и дети наших детей никогда не увидели ужасов войны. Во имя этого мы живем и трудимся. Во имя мира на земле.

[1981]

[ИНТЕРВЬЮ ГАЗЕТЕ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНДУСТРИЯ»]

— *Василий Владимирович, поздравляем вас с открытием съезда писателей, делегатом которого вы избраны. Вы посвятили себя разработке военной темы в нашей литературе. В этой связи хотелось бы узнать ваше мнение о сегодняшнем состоянии военной прозы, о том, как работают ваши собратья по перу...*

— В последнее время мне доводилось слышать мнение некоторых литературных критиков о наступившем периоде усталости нашей военной прозы. Возможно, специалисты правы. Как и всякое живое дело, военная проза в своем развитии не может избежать определенных периодов расцвета и спада, особенно после пережитых ею блистательных лет расцвета в конце 50-х — начале 60-х годов, когда появились произведения, на многие годы определившие пути ее развития. И хотя в последующие годы литература о войне несколько потеснилась в сознании читающего народа, уступила первенство не менее блистательным произведениям «деревенской» прозы, вряд ли когда-либо померкнут в ее сокровищнице замечательные по мастерству и правдивости произведения того времени, принадлежащие перу Юрия Бондарева, Григория Бакланова, Константина Симонова, Владимира Богомолова, Юрия Гончарова, Евгения Носова, Сергея Крутилина и других. Написанные, казалось бы, об одном и том же — о человеке на войне — эти произведения несут в себе неиссякаемое разнообразие авторского отношения к войне и ее непростым проблемам. Но, разумеется, самое ценное в них — правда пережитого, достоверность подробностей и психологии, неизменность гуманистического отношения к человеку самой трудной судьбы — солдату.

О войне написано много во всех жанрах литературы, на всех 77 языках народов нашей страны, разумеется, с различной степенью мастерства, умения, талантливости. Что для меня как читателя (да я думаю, для большинства читателей, воевавших и невоевавших), может быть, для нас дороже всего в этих книгах не мастерство изложения, не красочность слога, но — правда. За тысячелетия земной истории о войне на всех языках мира написано много неправды, красивых сказок и прямой лжи. Это и понятно, потому что война, как известно, всегда была продолжением политики военными средствами и служила интересам власть предержавших. Наша же большая война, на полях которой решались судьбы планеты, имела другой характер и другие, отличные от предыдущих цели. Говорить неправду о ней не только безнравственно, но и преступно как по отношению к миллионам ее жертв, так и по отношению к будущему. Люди земли должны знать, от какой опасности они избавились и какой ценой досталось им это избавление.

— *Очевидно, наибольшим зарядом правдивости, исторической правдивости, обладает документальная, в том числе мемуарная литература?*

— С одной стороны, это так, ведь что касается читателя, то ему интересно знать все: от переживаний солдата в передовом окопе до работы крупных штабов и ставки по руководству войсками. Художественная литература многое сделала для раскрытия психологии рядового бойца и младшего офицера переднего края, но, по причине отсутствия прежде всего личного опыта у ее авторов, она оказалась некомпетентной в том, что касается крупных штабов, объединений, ставки. Этот пробел и восполняют военные мемуары, принадлежащие перу генералов, крупных военачальников. Среди них немало честных, хороших книг. Но есть и такие, где, как писал недавно Виктор Астафьев, «проступает явное вранье». В самом деле, часто трудно добраться до сути через аккуратный штакетник округлых стереотипных фраз или задним числом сочиненных подробностей, заимствованных из фронтовой печати тривиальных примеров и бесконечных страниц разговоров. Иные мемуары по своей форме смахивают на пьесы, так много и подробно (вплоть до междометий) переданы в них разговоры, речи, выступления, беседы. Можно ли поверить в их достоверность спустя 20, 30 и 40 лет? Ведь на войне было нечто поважнее пусть даже самых содержательных разговоров — было дело.

Да, люди по праву хотят знать о войне полнее, больше, особенно о том, что лежит за пределами их жизненного или военного опыта. Но, когда я читаю длинные главы, описывающие в подробностях жесты, выражения, все те же разговоры генералов, маршалов, исторических лиц, сокровенные раздумья о собственных военных просчетах бывшего наркома обороны или ставшие столь популярными в литературе сцены в кабинете Сталина, я с недоумением обращаюсь к имени автора на обложке и спрашиваю себя: откуда все это? Из каких документов, по чьим свидетельствам? Ах, это авторский домысел, стало быть, сочиненность, выдумка, но тогда, извините, тогда мне это неинтересно.

Кровь и муки народа в минувшей войне накладывают на нас первейшее из обязательств — безусловную верность правде. Кстати, последнее условие важно в отношении ко всей документальной литературе, которая в некоторой — я бы сказал, в значительной — своей части обрела ныне чересчур поэтическую раскованность, чтобы с должным основанием считаться документальной. В некоторых произведениях этого жанра при всем старании невозможно обнаружить и следа документа, разве что имя героя реально, все же остальное состоит из домыслов, описаний, все тех же диалогов и внутренних монологов,

заполняющих страницы и главы. Опять как в романах, как в художественной литературе. Но кому нужна эта художественность, ради которой попирается главное и, может, единственное достоинство этого рода литературы — правда.

Впрочем, это элементарно и давно известно. Тем более что у нас есть и примеры другого рода, замечательные примеры высокого документализма и самой высокой гражданственности: здесь уместно вспомнить творчество С. С. Смирнова или же «Блокадную книгу» Адамовича и Гранина, где все — факт, жизнь, судьба, уже принадлежащие истории. Трагической странице нашей с вами истории.

Прошлая война для нас, как очень точно сказал поэт Евгений Евтушенко, — слишком сокровенная тема, прикасаться к которой надобно с ясным сознанием огромной ответственности: под ней море народной крови.

И прав Виктор Астафьев: память человеческая избирательна и любит приятное. К старости все трудное видится в ином свете, нежели тот, что освещал муки, кровь и страдания в годы военной молодости. Задним числом кому не хочется видеть себя героем? Это понятно и извинительно для всякого стареющего человека, но не для литературы. Литература не имеет права на старость и должна все помнить в подробностях, в первозданности, не упуская ничего.

— *Какие из последних книг о войне произвели на вас наибольшее впечатление?*

— Возвращаясь к началу нашего разговора, повторяюсь. Не знаю, устала ли военная проза или просто у нее небольшой десятиминутный привал на ее долгом пути. Как знать? Кто на войне спрашивал солдата об его усталости: солдат всегда был готов к подвигу и к смерти. Так же и военная проза. Пути и возможности ее неисповедимы. Когда, казалось бы, тема партизанской борьбы с фашизмом была до основания отработана искусством. Дмитрий Гусаров создает свой новый роман «За чертой милосердия», заставивший с особой остротой понять, что такое борьба в тылу врага. Чье сердце не содрогнулось при чтении этой действительно немилосердной в своей правдивости книги?

Когда о пехоте и ее нечеловеческих муках и крови было написано столько, что, думалось, у читателя вот-вот пропадет интерес к атакам и контратакам, окопному и госпитальному быту, Вячеслав Кондратьев напечатал «Сашку», и мы увидели, сколько еще там, в пехотной цепи, человеческих драм и литературных возможностей.

После книги Гусарова трудно было что-либо добавить к теме оккупированных территорий и немецкого тыла, но вот появились «Каратели» Алеся Адамовича, это философско-психологическое исследование предательства и природы фашизма, глубинное проникновение в человеческую патологию, равное которому вряд ли сыщется в мировой антифашистской литературе. Григорий Бакланов напечатал отличную, в ключе своих прежних прекрасных вещей повесть «Навеки девятнадцатилетние», а Юрий Бондарев в новом романе «Выбор» дал пронзительной силы страницу войны, ранящей человека и спустя тридцать лет. Новые вещи о войне на подходе у Владимира Богомолова, Виктора Астафьева, и мы не сомневаемся в их успехе, обеспеченном силой их замечательного таланта и кровью освященного опыта.

А усталость? Не знаю, из будущего будет виднее. Действительно, может оказаться, что все это пишется не со свежими силами, во время привала на большой дороге. Но если даже в таком состоянии, в период, скажем так, «нерасцвета» наша литература способна создавать такие произведения, то честь ей, хвала и слава.

*Беседу записал К. Смирнов.
[1981]*

НА ЧАРГОВЫМ ЭТАПЕ

Не так даўно Анатоль Бачароў выказаў меркаванне аб надшыоўшым перыядзе стомленасці нашай ваеннай прозы. Не буду па прыкладзе некаторых спецыялістаў гэтага роду літаратуры абвяргаць вядомага крытыка і тэарэтыка савецкай літаратуры, які нямала зрабіў і для асэнсавання ваеннай прозы: зусім магчыма — ён мае рацыю. Як і ўсякая жывая справа, ваенная проза ў сваім развіцці не можа пазбегнуць пэўных спадаў, асабліва пасля перажытай ёю бліскучай пары росквіту ў канцы 50-х — пачатку 60-х гадоў, калі паявіліся творы, якія на доўгі час вызначылі шляхі яе развіцця. І хоць у наступныя гады літаратура аб вайне некалькі пацягнулася ў свядомасці народа, саступіўшы месца, можа быць, не менш выдатным творам «вясковай» прозы, наўрад ці калі-небудзь згаснуць у яе скарбніцы выдатныя па майстэрству і праўдзівасці творы таго часу, якія належаць пяру Юрыя Бондарова, Рыгора

Бакланава, Канстанціна Сіманова, Уладзіміра Багамолава, Канстанціна Вараб'ёва, Віктара Астаф'ева, Анатоля Ананьева, Юрыя Ганчарова, Яўгена Носава, Сяргея Круціліна, Віктара Курачкіна і іншых. Напісаныя, здавалася б, аб адным і тым жа, аб чалавеку на вайне, гэтыя творы нясуць у сабе невычэрпную разнастайнасць — жанравую, тэматычную, стылёвую, своеасаблівасць аўтарскіх адносін да вайны і яе няпростых праблем. Але, зразумела, самае каштоўнае ў іх — праўда перажытага, праўдзівасць падрабязнасцей і псіхалогіі, нязменнасць гуманістычных адносін да чалавека самага цяжкага лёсу — салдата на самай вялікай і самай крывавай вайне.

Аб вайне напісана многа ва ўсіх жанрах літаратуры, на ўсіх 77 мовах народаў нашай краіны, зразумела, з рознай ступенню майстэрства, умельства, таленавітасці. Што да мяне, як чытача (ды, я думаю, і да большасці чытачоў, якія ваявалі і не ваявалі), то, можа быць, для нас даражэй за ўсё ў гэтых кнігах не так майстэрства выкладання, не так маляўнічасць стылю, як — праўда. За тысячагоддзі зямной гісторыі аб вайне на ўсіх мовах свету напісана многа няпраўды, прыгожых казак і проста хлусні. Гэта і зразумела, таму што вайна, як вядома, заўсёды была працягам палітыкі ваеннымі сродкамі і служыла інтарэсам уладатрымальнікаў. Наша ж Вялікая вайна, на паях якой вырашаўся лёс планеты, мела іншы характар і іншыя мэты, якія адрозніваюцца ад папярэдніх. Гаварыць няпраўду аб ёй не толькі амаральна, але і злачынна як у адносінах да мільёнаў яе ахвяр, так і ў адносінах да будучыні. Людзі Зямлі павінны ведаць, ад якой небяспекі яны пазбавіліся і якой цаной дасталася ім гэта збавенне. Што датычыць чытача, то яму цікава ведаць усё: ад перажыванняў салдата ў перадавым акапе да работы буйных штабоў і стаўкі па кіраўніцтву войскамі. Літаратура многае зрабіла для раскрыцця псіхалогіі радавога байца і малодшага афіцэра пярэдняга краю, але па прычыне адсутнасці перш за ўсё асабістага вопыту ў яе аўтараў яна аказалася некампетэнтнай у тым, што датычыць буйных штабоў, аб'яднанняў, стаўкі. Гэты прагал у значнай меры кампенсуюць ваенныя мемуары, якія належаць пярэ генералаў, буйных военачальнікаў, сярод якіх нямала сумленных і добрых кніг. Але нямала і такіх, дзе фактычны бок выкладання ўспрымаецца з вялікім сумненнем, дзе, як пісаў нядаўна Віктар Астаф'еў, «выступае яўная хлусня». Сапраўды, часта цяжка дабрацца да сутнасці праз акуратны штыкетнік круглявых стэрэатыпных фраз або заднім чыслом напісаных падрабязнасцей, запазычаных з франтавога друку трывіяльных прыкладаў і бяскон-

цых старонак размоў. Некаторыя мемуары па сваёй форме падобныя на п'есы, так многа і падрабязна (аж да выклічнікаў) перададзены ў іх размовы, прамовы, выступленні, гутаркі. Белетрызацыя ўспамінаў, імкненне напісаць па-мастацку, абавязкова як у «спраўдных» пісьменнікаў, звычайна выдае чужую, не аўтарскую руку і значна зніжае вартасць такога роду літаратуры. Бо як можна паверыць у дакладнасць падзей, праз 20, 30 і 40 гадоў перададзеных у форме размовы? Было ж на вайне і нешта важнейшае за няхай сабе нават самыя змястоўныя размовы, — была справа.

Так, людзі па праву хочуць ведаць аб вайне паўней, больш, асабліва ў тым, што ляжыць за межамі іх жыццёвага або ваеннага вопыту. Але калі я чытаю доўгія раздзелы, якія апісваюць падрабязныя жэсты, выразы, усё тых ж размовы генералаў, маршалаў, гістарычных асоб, роздумы сам-насам аб ваенных праліках былога наркома абароны, я са здзіўленнем звяртаюся да імя аўтара на вокладцы, пытаюся: адкуль усё гэта? З якіх дакументаў, паводле чых сведчанняў? Ах, гэта аўтарскі домysel, уяўленне, але тады, прабачце, мне гэта нецікава. І мне робіцца шкада многіх тысяч чытачоў, якія праяўляюць зразумелую, амаль трапяткую цікавасць маленькіх людзей да жыцця і клопатаў вялікіх і ўспрымаюць усё гэта за чыстую фактаграфію, гістарычную рэчаіснасць.

Можна, напэўна, запярэчыць мне, спаслаўшыся на творчую практыку Талстога, Манаў, Фейхтвангера, але рэчы гэтыя супастаўляць нельга. Нават памылковы вопыт вялікіх застаецца вялікім у гісторыі і літаратуры, бо іх памылкі для нас не менш важныя, чым іх несумненныя ўдачы. Зноў жа, ці трэба забываць, што нам далекавата яшчэ і да Талстога, і да Манаў, каб дазволіць сабе нястрымны палёт фантазіі ў адносінах да таго, што да гэтага часу застаецца схаваным ад чалавецтва за бетоннай сцяной маўчання. Кроў, пакуты і пот народа ў мінулай вайне накладваюць на нас найпершае з абавязацельстваў — безумоўную вернасць праўдзе.

Апошняя ўмова імператыўная таксама ў адносінах да дакументальнай літаратуры, якая ў некаторай — я б сказаў, у значнай — сваёй частцы набыла цяпер занадта паэтычную раскаванасць, каб з належнай падставай лічыцца дакументальнай. У некаторых творах гэтага жанру пры ўсім старанні немагчыма знайсці і следу дакумента, хіба толькі імя героя рэальнае, усё ж астатняе складаецца з домыслаў, апісанняў, усё тых жа дыялогаў і ўнутраных маналогаў, якія запаўняюць старонкі і раздзелы. Зноў як у раманах, як у мастацкай

літаратуры. Але каму патрэбна гэтая мастацкасць, дзеля якой парушаецца галоўная і, можа, адзіная вартасць гэтага роду літаратуры — праўда.

Між іншым, гэта элементарна і даўно вядома. Тым больш што ў нас ёсць і прыклады іншага парадку, выдатныя прыклады высокага дакументалізму і самай высокай грамадзянскасці.

Тут дарэчы ўспомніць творчасць ды і ўсё жыццё незабыўнага Сяргея Сяргеевіча Смірнова. Яго кнігі здольны стаць узораў, прыкладам для пераймання наступных пакаленняў пісьменнікаў-дакументалістаў. Або «Блакадная кніга» Адамовіча і Граніна, дзе ўсё — факт, жыццё, лёс, якія ўжо належаць гісторыі.

Той жа Віктар Астаф'еў пісаў нядаўна: «Думаю, усё лепшае ў літаратуры аб вайне створана тымі, хто ваяваў на перадавой». Увогуле гэта справядліва, хоць я б і не сцвярджаў так катэгарычна, згаджаючыся, аднак, з той часткай яго сцвярджэння, што асабісты вопыт вайны тут нельга замяніць нічым. Уся бяда літаратуры другога гатунку якраз і заключаецца ў адсутнасці пэўнага асабістага вопыту ў адных аўтараў і пагардзе да гэтага вопыту з боку тых, у каго ён ёсць, у адыходзе за яго межы, я б сказаў, за межы якога б там ні было вопыту ў сферы «пісьменніцтва», прыблізнасці і няпраўды. І таму такая літаратура, з якой бы вытанчанасцю яна ні была створана, непрымальна па сваёй сутнасці, яна не прыбаўляе нічога да пазнання і асэнсавання духу вайны, а вядзе чытача ў сферу міфаў, артадоксій і домыслаў. Ва ўсякім іншым выпадку, можа быць, аб гэтым не трэба было б гаварыць, але мінулая вайна для нас, як нядаўна пісаў Еўтушэнка, — занадта запаветная тэма, дакранацца да якой патрэбна з ясным усведамленнем велізарнай адказнасці: пад ёю мора народнай крыві. Віктар Астаф'еў мае рацыю: памяць чалавечая выбарачная і любіць прыёмнае. К старасці ўсё цяжкае бачыцца ў іншым святле.

Заднім чыслом каму не хочацца бачыць сябе героем? Гэта зразумела і даравальна для ўсякага чалавека, які пачынае старець, але не для літаратуры. Літаратура не мае права на старасць і павінна ўсё помніць у падрабязнаснях, у першаіснасці, не ўпускаючы нічога.

Не ведаю, ці стамілася ваенная проза або проста ў яе невялікі дзесяцімінутны прывал на яе цяжкім шляху. Хто ведае? Хто на вайне пытаў салдата аб яго стомленасці: салдат заўсёды быў гатоў да подзвігу і да смерці. Гэтак жа і ваенная проза. Шляхі і магчымасці яе нязведаныя. Калі, здавалася б, тэма партызанскай барацьбы з фашызмам была да канца адпрацавана мастацтвам і створана велізарная галерэя самаадданных хлоп-

цаў, дзядоў, цёткаў, бравых партызанскіх камбрыгаў, а таксама ўсіх разнавіднасцей фашыстаў і іх прыслужнікаў, Дзмітрый Гусараў стварае свой раман «За мяжой міласэрнасці», які прымуся па-новаму адчуць, што такое барацьба ў тыле ворага. Чыё сэрца не здрыганулася пры чытанні гэтай сапраўды неміласэрнай праўдзівасці кнігі! Калі аб пяхоце і яе нечалавечых муках і крыві было напісана столькі, што, думалася, у чытача вось-вось прападзе цікавасць да атак і контратак, акупнага і шпітальнага быту, Вячаслаў Кандрацьеў друкуе «Сашку», і мы ўбачылі, колькі яшчэ там, у пяхотным ланцугу, чалавечых драм і літаратурных магчымасцей.

Мы чыталі многа праўдзівых радкоў аб подзвігах працаўнікоў тылу, але вось выйшла кніга «Жыві і помні» В. Распуціна, якая паказала яшчэ адну нечаканую і трагічную грань вайны, яе пераламленне ў грэшнай і заўсёды вялікай жаночай душы.

Пасля кнігі Гусарава цяжка было што-небудзь дадаць да тэмы акупаваных тэрыторый і нямецкага тылу, але вось паявіліся «Карнікі» Алеся Адамовіча, гэта філасофска-псіхалагічнае даследаванне здрады і прыроды фашызму, глыбіннае пранікненне ў чалавечую паталогію, роўнае якому наўрад ці знойдзецца ў сусветнай антыфашысцкай літаратуры. Рыгор Бакланаў надрукаваў выдатную, у ключы сваіх ранейшых цудоўных рэчаў аповесць «Навекі дзевятнаццацігадовыя», а Юрый Бондараў у новым рамане «Выбар» даў пранізлівай сілы старонку вайны з далёка прарослымі каранямі прычыннасці і трагічным плодам, які выспеў праз тры дзесяцігоддзі пасля перамогі. Новыя творы аб вайне на падыходзе ва Уладзіміра Багамолава, Віктара Астаф'ева, і мы не сумняваемся ў іх поспеху, забяспечаным сілай іх выдатнага таленту і крывёю асвечанага вопыту.

А стомленасць? Не ведаю, з далейшага будзе відней, сапраўды, можа аказацца, што ўсё гэта пішацца не са свежымі сіламі, у час прывалу, на вялікай дарозе. Але калі нават у такім стане, у перыяд, скажам так, «няросквіту» наша літаратура здольна ствараць такія творы, то гонар ёй, хвала і слава.

Дарагія таварышы! Намаганнямі лепшых талентаў нашага шматнацыянальнага савецкага народа створана велізарная літаратура аб вайне, цэлы літаратурны кантынент. Кнігі аб вайне выпускае мноства выдавецтваў на працягу многіх дзесяцігоддзяў. Здаецца, аднак, яшчэ не было колькі-небудзь сур'ёзнай спробы іх выдавецкай сістэматызацыі. З прычыны гэтага я прапаную на працягу бліжэйшых гадоў пачаць выпуск міжвыдавецкай бібліятэкі, серыі з сотні кніг пад агульнай назвай

«Вялікая Айчынная». Гэта серыя яшчэ больш замацуе ў народнай свядомасці бяспрыкладны подзвіг народа ў гады Вялікай вайны, з'явіцца нашым мастацкім сведчаннем аб ёй і нашым заповітам будучыні.

[1981]

БОЛГАРИЯ — БЕЛОРУССИЯ

Благословенная страна Болгария с ее замечательным по своей доброте народом впервые явилась в мою судьбу в предпоследний год Великой войны, и в ту драматическую пору для солдатского сердца не было милее уголка в Европе. В памятный сентябрь сорок четвертого мы навеки разломали хлеб самой искренней дружбы и увидели, какую бездну добра вмещает в себе благородное сердце болгарина. Конечно, нетрудно догадаться, откуда эта щедрость на дружбу — она в драматизме исторического прошлого народа, и в этом смысле мы не можем не заметить поразительную общность исторических судеб болгар и белорусов. Все тяжелейшие испытания, выпавшие на долю болгарского народа, близки и понятны белорусам, тоже полной чашей испившим на своем веку и многовековой гнет, и национальное истребление, и нравственное и духовное закрепощение. Надо ли говорить, как это объединяет и сплачивает.

Если коснуться литературных связей, то в последнее время они так крепки и многообразны, как никогда прежде. Первооткрывателями в этом деле явились два болгарских литератора Найден и Георгий Вылчевы, многое сделавшие для популяризации белорусского художественного слова в Болгарии, а также наш замечательный белорусский поэт, нынешний руководитель Союза писателей республики Нил Гилевич, Болгария для которого стала второй благословенной родиной. Именно этим писателям принадлежат первые переводы с братских литератур и первые строки о братских народах. С тех пор прошло почти четверть века, и теперь десятки белорусских литераторов переводят на родной язык болгарское слово, а десятки болгар отвечают им тем же. Широкую популярность в Белоруссии приобрели переводы с болгарского В. Никифоровича, В. Анискевича, В. Кулешовой.

Недавно в Минске вышла отдельной книгой «Белорусская поэма» — произведение, написанное по-болгарски и переве-

денное на белорусский язык. Для меня лично она очень дорога, эта полная мудрой скорби поэма, и тому много причин. Во-первых, она о моем родном крае — Ушаччине, славном своим партизанским прошлым, во-вторых, строй ее поэтических чувств необыкновенно близок и понятен каждому из белорусов, в-третьих, ее создал замечательный болгарский поэт и мой друг Стефан Паптонев, а перевел на родной язык один из самых талантливых мастеров нашей поэзии и мой белорусский друг — Рыгор Бородулин. Надо ли говорить, какой это прекрасный взнос в и без того никогда не скудевшую копилку нашей благородной дружбы.

Пусть же она не померкнет в веках!

[1981]

ГАЛОЎНАЕ ДАСЯГНЕННЕ НАШАЙ ЛІТАРАТУРЫ

Кажуць, што асноўным паказчыкам стану літаратуры на кожным пэўным этапе з'яўляецца ступень развіцця жанру рамана, што толькі раману дадзена падняць на сабе самыя важкія грузы часу з усімі комплексамі яго ідэй, трывог і пошукаў — яго праўды. Напэўна, гэта так. Нават у младапісьменных літаратурах роля рамана становіцца ўсё больш прыкметнай, не кажучы ўжо аб літаратурах старых і развітых. Сапраўды, мы маем выдатныя дасягненні ў гэтай галіне перш за ўсё дзякуючы шэрагу выдатных твораў апошніх год — Чынгіза Айтматава, Юрыя Бондарова, Валянціна Распуціна, Надара Думбадзэ, Данііла Граніна, Уладзіміра Багамолава, Івана Чыгрынава, Юозаса Балтушыса. Відаць, характар рамана, яго магчымасці, яго напоўненасць праўдай рэзка змяніліся з цягам часу і вылучылі раманы на пярэдні край літаратуры.

А яшчэ 10–15 гадоў назад сітуацыя ў гэтай галіне была іншай, раманы не былі тым, чым ён стаў цяпер. Памятаецца, як Аляксандр Твардоўскі, тагачасны рэдактар «Новага міра», не раз сцвярджаў, што самым аператыўным і сучасным праявітым жанрам з'яўляецца апавесць. І сапраўды, 50–60-я гады былі часам росквіту апавесці. Чаму так? Зразумела, на тое былі свае прычыны, некаторыя з іх адышлі з часам, іншыя засталіся. Калі гаварыць аб злабадзённасці гэтага жанру, яго апера-

тыўнасці, дык, зразумела, трэба аддаць перавагу кароткай, са сціслым сюжэтам, праблемнай аповесці. Бадай таксама, як у гэтых адносінах аповесць уступае нарысу, які таксама расквітнеў у сучасны момант. На самай справе, у вастрэні пазнання жыцця, быту, эканамічных, маральных і іншых праблем нарыс прадэманстраваў свае бліскучыя магчымасці, звязаныя з імёнамі Івана Васільева, Юрыя Чарнічэнкі, Анатоля Стрэлянага і іншых. Вось ужо сапраўды чые нарысы можна класіфікаваць на стол Дзяржплана, хай папацее. Без перабольшання можна сказаць, папацее яму ў гэтым выпадку давядзецца доўга, бо праблемы, узнятыя гэтымі пісьменнікамі, не жартоўныя і распрацаваныя яны, як правіла, глыбока і востра. Аўтарам аповесцей не так проста за імі ўгнацца. Тым больш аўтарам раманаў, хоць літаратура час ад часу становіцца сведкам такога роду спроб, калі некаторыя з раманістаў цалкам прысвячаюць сваё дзецішча якой-небудзь гаспадарчай, эканамічнай або нават тэхнічнай праблеме. Гэта так званы вытворчы раман. Не ведаю, як крытыка (я тут выступаю як прыватная асоба, так сказаць — радавы чытач), але я не магу ўспомніць колькі-небудзь значных поспехаў у гэтым напрамку. Відавочна, у наш бурны, складаны век, век НТР, многія праблемы і эканамічныя пошукі старэюць раней, чым знойдуць сваё ўвасабленне ў раманах, якія, як вядома, не хутка пішуцца і яшчэ марудней выдаюцца. Славуцкая планавая сістэма і на кнігавыдавецкай справе адбіваецца таксама, як і ў іншых гаспадарчых галінах: не столькі штурхае справу наперад, колькі цягне яе назад. Але гэта іншая тэма, і не аб гэтым зараз размова.

Размова аб тым, што ж усё-такі цяпер раман, што ён можа і чым ён павінен быць.

На маю думку, мудрыя людзі прыдумалі ў свой час размежаванне літаратуры па жанрах, і хоць цяпер, як ніколі раней, граніцы жанраў робяцца няпэўнымі, размытымі, падвержанымі ўзаемадыфузіі і змяшанню, усё ж жанравыя законы застаюцца ў сіле, і беспакarana парушаць іх немагчыма. вопыт вясковай і ваеннай прозы, вопыт нашых лепшых майстроў літаратуры красамойна пацвярджае гэта. Тое, што ўласціва аповесці, не вельмі ўласціва раману. Раман можа тое, што не пад сілу аповесці. У апавядання адны задачы, а ў нарысы зусім іншыя.

Зразумела, я далёкі ад таго, каб выводзіць тут нейкія правілы, тым больш навязаць іх паважаным раманістам. Але мне думаецца: чаму б не асэнсаваць урокі таго ж Айтматава, Бондарава або Распуціна? Ва ўсіх трох апошніх раманах гэтых аўтараў пры ўсёй іх рознасці — тэматычнай, філасофскай,

стылёвай, этычнай — у аснове аўтарскай канцэпцыі ляжыць чалавечы лёс, лёс асобы ў драматычныя моманты нашай гісторыі. Няважна, як і якімі сродкамі ўвасабляецца гэта ў рамане — у Айтматава гэта амаль усё жыццё героя, у Бондарава — два кардынальныя моманты жыцця, так узаемаўвязаныя паміж сабой, што вызначаюць усё змешчанае паміж імі жыццё. Тое ж у Распуціна: на адным выпадку з жыцця — выпадку, зразумела, значным і важным — паказаны чалавечы лёс і нават болей, як пісаў А. Адамовіч, «всенародное наше прощение с крестьянской Атлантидой, постепенно скрывающейся во всем мире», адыходзячай з жыцця ў гісторыю. Канешне, патрэбны немалы талент, каб адважыцца на задачу такой грандыёзнасці, драму, звязаную з лёсам асобы або тым больш цэлага класа, не кожны раманист валодае здольнасцямі такога маштабу. І ў дадзеным выпадку поспех у многім быў забяспечаны шчаслівым спалучэннем высокай задачы і бліскучых літаратурных здольнасцей. Значыць, даводзіцца суадносіць нашы магчымасці, — што рабіць? Інакш кожны з нас напісаў бы па «Вайне і міру» за сваё жыццё, бо па меншай меры ўседліваасцю нас не здзівіш, а ў добрых намерах ніхто не ўсумніцца.

Так, цяпер ужо зусім відавочна, што не кожная пухлявая кніжка прозы — роман, таксама як не кожны верш лесвіцай ёсць паэзія.

Жыццё і смерць — вечная тэма мастацтва, таму відавочна, што чалавечы лёс змяшчаецца менавіта паміж гэтымі двума момантамі — нараджэннем і смерцю. Незалежна ад таго, як чалавек да іх ставіцца, яны вызначаюць яго лёс, яго самацэннасць сярод іншых яму падобных на гэтай зямлі. Асабліва шмат азначае менавіта смерць, як вынік лёсу, ягонае следства. Можна баяцца або пагарджаць ёю, грэбаваць ёю або нават прагнуць яе, але незалежна ад нашых да яе адносін нікому не дадзена пазбегнуць яе, і таму яна нябачна і пастаянна прысутнічае ў чалавечым быцці, у значнай ступені вызначаючы яго змест. Калісьці, у гады вайны, мы, маладыя тады людзі, спасцігаючы жыццё менавіта ў форме жорсткай вайны, нават не заўважалі яе пастаяннага і нябачнага прэсу, мы зжыліся з ім і проста не маглі сябе адчуваць інакш. І толькі 9 мая 1945 года, калі гэты прэс раптам знік, мы не так зразумелі, як нечакана для сябе адчулі, чаго пазбавіліся. Перш за ўсё — няпэўнасці лёсу. Упершыню за гады вайны наша жыццё набыло для нас сэнс і вызвалілася ад улады выпадку. Але ж многія не дажылі да гэтага дня, не дайшлі да Перамогі і — што мяне надта ўражвае — не тое, што яны загінулі, гэта занадта банальна на

вайне), — а тое, што, загінуўшы, яны так і не даведаліся аб заканчэнні гэтай вайны. Загінулі ў няведанні. І да гэтага часу застаюцца ў ім, не ведаючы аб самым, мабыць, галоўным з усяго, што шэраг гадоў займала свядомасць мільёнаў людзей.

Увогуле можна зразумець прыроду той прагнасці шчаслівых фіналаў, якую нярэдка выказваюць чытачы нашых твораў. Але вось што датычыць прозы аб вайне, дык я, напрыклад, кожны раз бянтэжуся, сутыкаючыся з выказваннем падобных пажаданняў. У такіх выпадках само па сабе ўзнікае пытанне: што ж такое літаратура? І што такое мастацтва наогул?

Здавалася бясспрэчным, што мастацтва — гэта сродак пазнання жыцця з мэтай яго ўдасканалення. Таму лепшыя творы мастацтва заўсёды трывожылі чалавечую свядомасць, пазбаўлялі чалавека самазаспакоенасці, задаволенасці сабой і сваім жыццём. Мы ведаем шмат прыкладаў такога роду ва ўсе часы — ад Сервантэса да Айтматава. Але мы не можам таксама і заплюшчыць вочы на тую акалічнасць, што з некаторага часу мастацтва ўсё больш становіцца сродкам уік-энду, санлівага адпачынку або шумнага фестывальнага свята з нейкай нагоды ці юбілею. Адзін паважаны кінарэжысёр у нядаўняй дыскусіі ў «Літ. газете» так і напісаў чорным па белым: «Чалавек ідзе ў кіно, каб развесяліцца, пацешыцца, значыць, задача кіно — пацешыць, развесяліць яго, калі яно атрымала ад яго 50 капеек за білет». Кнігі падаражэлі, паўрублём не абыдзешся. Тады што ж, старацца пацяшаць, весяліць на рубель? Ці на трыак і болей, калі гэта раман? Зразумела, я некалькі ўтрырую, але ўсё ж я не магу пазбегнуць пытання: што павінна літаратура? Вучыць? Наўрад ці. У наш час вучоных настаўнікаў хапае і без літаратуры. Абуджаць добрыя пачуцці? Але ў галіне пачуццяў свет дажыў да ядзернай сякеры, тут не да добрых пачуццяў — хоць бы не страціць розум ад нянавісці. Можа быць, у займальнай форме сродкамі белетрыстыкі прапаведаваць ісціны, якія ў іншай, не займальнай форме ўжо не засвойваюцца грамадствам? Чым больш думаеш над гэтымі і падобнымі да іх пытаннямі, такімі натуральнымі для людзей нашай прафесіі, тым усё болей схіляешся да адзіна разумнай магчымасці рэалістычнага мастацтва: *паказаць чалавеку чалавека такім, які ён ёсць, і хай ён вырашае сам, якім яму быць*. Хай ён сам і выбірае свой лёс, альтэрнатыўнасць якога ў наш час вызначаецца гранічна проста: жыць або памерці.

Але тут ёсць яшчэ адно далікатнае пытанне, якое адносіцца менавіта да гэтага паказу. Кажуць, што культура — гэта памяць чалавецтва. Уся справа, аднак, у тым, што трэба памятаць, —

чалавечая ж памяць выбарачная, а мастацтва ўжо ў сілу сваёй прыроды выбарачнае тым болей. Напрыклад, што датычыць вайны, дык адзін з яе ўдзельнікаў з усяго перажытага найбольш ярка запомніў, як яго даганялі, хацелі забіць, але прамахнуліся, і ён да гэтага часу ўскоквае па начах у халодным поце. Другі — як яго ўзнагароджвалі ордэнам, і ён праз гады не перастае перажываць радасныя хваляванні з гэтай нагоды. Трэціму не дае спакою выпадак, калі раззлаванае начальства назвала яго дурнем, але цяпер гэта папулярнае слова ў вуснах не вельмі разборлівага на словы начальніка гучыць для яго як «малайчына» і кожны раз дае повад да замілавання. Гэта я кажу пра ветэранаў, але тое ж можна сказаць і пра аўтараў ваенных раманаў.

Цяпер нярэдка можна пачуць ад нашых чытачоў, у тым ліку і ад ветэранаў, меркаванні накшталт: «Ну колькі можна пералапачваць адно цяжкае ды крывавае, былі ж на вайне і вясёлыя моманты, і жарты, і смех». Гэта значыць, на першы план выступае ўсё тое ж жаданне пацешыцца. Але ж ва ўсе часы ахвотнікі пацешыцца ішлі на кірмаш, у скамарошны рад і ніколі — у храм. Баюся, што змяшэнне жанраў і асабліва забыццё высокіх задач літаратуры пагражаюць зраўняць кірмаш з храмам, зрабіць мастацтва таварам шырскажыву, сродкам, які стаіць у адным шэрагу з прадукцыяй мебельшчыкаў, — не болей. Тым, чым яно зрабілася па той бок акіяна, дзе па сведчанні Джона Стэйнбека, «пісьменнік стаіць некалькі ніжэй за клоўна і некалькі вышэй за дрэсіраванага цюленя». Але наўрад ці мы пажадаем калі-небудзь зраўняцца з клоўнам, тым больш з цюленем. Нават выдатна выдрэсіраваным.

Я думаю таксама, што, хаця мы, дапусцім, і не геніяльныя пісьменнікі, але ўжо, ва ўсякім выпадку, кваліфікаваныя чытачы. Гэта значыць, адносна няблага ведаем жыццё, каб разбірацца ў яго забытаных эмпірэях, і сёе-тое разумеем у літаратуры. І тут узнікае цікавы парадокс: чаму мы, людзі, у сілу свайго выхавання і спосабу жыцця часта далёкія ад сялянскіх нізоў, ад жыцця «неперспектыўных» вёсак, быту старэнькіх дзядоў і бабак, мала або зусім непісьменных пустэльнікаў у, можа, ніколі не бачанай намі дрымучай тайзе з іх размераным, аднастайным і часта прымітыўным укладам, чаму мы часцяком з куды большай цікавасцю і спачуваннем чытаем аб іх справах і клопатах, чым аб бліскучых навуковых або службовых поспехах тых, хто значна бліжэй да нас па вопыце жыцця, светапоглядзе — высокаадукаваных жрацоў навукі, мастацтва, кіраўнікоў, генералаў, начальнікаў глаўкаў? Чаму малапісьмен-

ны дзед на калгаснай бахчы куды цікавейшы за вопытнага дыпламата, які вызначае лёс народаў, у той час як наш дзед не можа здавальняюча вызначыць лёс адзінай сваёй рагулі, што засталася на зіму без сена? Аб тым сум ягоны, і ён кранае нас больш, чым драматычныя перажыванні памянёнага дыпламата перад выходам на цалкам заслужаны адпачынак з немалой пенсіяй і статусам пенсіянера саюзнага значэння. Чаму салдату ў акопе ў многіх (калі не ва ўсіх) адносінах я аддаю перавагу перад удачлівым маршалам у бляску яго амуніцыі, штаба і яго маршальскага «глубокоумія»? Чаму так? — хачу я спытаць паважаных калег, хаця і прадбачу іх хуткі адказ: уся справа ў таленце аўтара. Так, але не зусім. Сіла таленту цудоўна праўляецца ўжо ў выбары героя, які і выклікае ў нас усе гэтыя пачуцці. Поўны і канкрэтны адказ на гэтае пытанне мне, аднак, невядомы.

У заключэнне хочацца сказаць, што раман, апроч іншых сваіх вартасцей, — гэта яшчэ і вельмі сур'ёзны жанр, вяршыня літаратуры. Усё ж вяршыня яе не драма, але раман. У адрозненне ад зменлівага, залежнага ад многіх прычын жыцця драмы ён нязменны і — на вякі. І няхай яго чытаюць старажытным індывідуальным спосабам — на адзіноце, ёсць надзея, што лепшыя нашы раманы перажывуць свой час. Чаго не скажаш аб творах драматургіі і, асабліва, кіно, якое ахоплівае мільёны, але ў вечнасці жыве долі секунды і нярэдка памірае яшчэ пры жыцці сваіх стваральнікаў. Паглядзіце старыя карціны, якія некалі так нас уражвалі, — сумнае пачуццё выклікаюць яны цяпер. Канешне, цяжкае пачуццё могуць выклікаць і некаторыя раманы ўжо ў момант свайго паяўлення, але прычыны гэтай аднолькавай з'явы тут усё ж розныя.

Таму ў заключэнне я хачу абвясціць: «Няхай жыве таленавіты, можа, нязручны і непрадузяты, чэсны і мужны раман — галоўнае дасягненне нашай літаратуры!»

[1981]

[ПРАДМОВА ДА КНІГІ «ЧАЙКІ НАД ЭЛЬТЫГЕНАМ» АНАТОЛЯ НІКАНОРКІНА]

Характар літаратурнай работы Анатоля Ніканоркіна ў значнай меры вызначаюць тры моманты яго біяграфіі. Гэта, перш за ўсё, прафесія ўрача, кім з'яўляецца А. Ніканоркін, яго ўдзел у Вялікай Айчыннай вайне і, нарэшце, тая акалічнасць, што Ніканоркін па месцы жыхарства — даўні крымчанін, гораха ўлюбёны ў свой бласлаўлены край. Апрача таго, ён паэт, аўтар некалькіх кніжак вершаў. Зрэшты, вершы яго, на мой погляд, пазбаўлены якіх-небудзь пабочных уплываў і ўяўляюць сабой дабротную сучасную лірыку, споведзь чалавека, які пражыў нялёгкае жыццё, навучыўся ў яго лёгкай самаіроніі і светламу чалавечаму смутку.

У прозе ж ён рэаліст і аналітык, старанны даследчык гісторыі, які ўмее не толькі засвоіць дух даўно мінулых часоў, але і ўвасобіць характары людзей, добрыя справы якіх не павінны быць забыты наступнымі пакаленнямі. Менавіта такімі людзьмі з'яўляюцца ў ягонай прозе крымскія медыкі мінулага: прафесар А. А. Баброў, земскі доктар П. В. Ізергін, заснавальнік цяпер шырока вядомага костна-туберкулёзнага санаторыя; В. Н. Дзмітрыеў, гэты доктар без лякарстваў, арганізатар крымскіх курортаў, а таксама вядомы хірург М. І. Пірагоў, чья выдатная дзейнасць так ярка праявілася ў часе Крымскай кампаніі.

У дакументальных аповесцях аб медыках звяртае на сябе ўвагу пахвальная якасць Ніканоркіна-дакументаліста: скрупулёзнае валоданне матэрыялам, таксама як і спосабам яго адлюстравання, стрыманы стыль аўтара, пазбаўлены непатрэбнай белетрызацыі, як нельга лепш выяўляе дзейсны характар герояў, раскрываючы ўсю сутнасць іх самаадданай працы для чалавецтва.

Такі ж стрыманы, ёмісты і выразны стыль аўтара і ў лепшай ягонай мастацкай рэчы — аповесці «Сорак дзён, сорак начэй», прысвечанай адной з самых, можа быць, трагічных старонак мінулай вайны — Керчанскаму дэсанту часцей Савецкай Арміі ў 1943 годзе. З першых радкоў аповесці чытач паглыбляецца ў цяжкую дзейнасць невялікага падраздзялення ваенных медыкаў ва ўмовах падрыхтоўкі і высадкі іх на чужы, заняты ворагам бераг, праходзіць усё пекла баёў у абароне, складанасць якіх

мае не многа роўных сабе ў Вялікай вайне супраць нямецкага фашызму. Зразумела, пры ўсім тым, «Сорак дзён, сорак начэй» застаецца перш за ўсё літаратурным творам, аповесцю з усімі ўласцівымі гэтаму жанру ўмоўнасцямі, якія, аднак, толькі абвастраюць і падкрэсліваюць увесь драматызм гэтага славутага ў ваеннай гісторыі дэсанта. Жыццёвая верагоднасць, непрыдуманасць многіх характараў байцоў і камандзіраў, ваенных дактароў, санінструктараў, дакументальная скрупулёзнасць адлюстравання жажлівых баёў з нямецкімі часцямі, дакладнасць псіхалагічных характарыстык і стану ўдзельнікаў абароны заслужана ставяць аповесць у шэраг лепшых твораў савецкай прозы аб мінулай вайне.

Пяру Анатоля Ніканоркіна належыць нямала выдатна напісаных ваенных апавяданняў, а таксама нарысаў аб літаратарах (У. Лугаўскі, А. Грын, Леся Украінка, Ю. Друніна) і мастаках (Фёдар Васільеў, які памёр у Ялце, У. Яноўскі, стваральнік вядомага «Ачакава ў агні», Пётр Сталярэнка). А. Ніканоркін, апрача таго, з'яўляецца аўтарам шэрагу кразнаўчых твораў аб Крыме і яго гісторыі, якія дадаюць новыя рысы да багатай гісторыі Крымскага паўвострава і ягоных народаў.

Галоўная вартасць прозы А. Ніканоркіна ў яе нешматслоўнай, дакументальнай праўдзівасці. Амаль усё напісанае ім паўстае ў багатым і дакладным фактычным адлюстраванні, калі чытач адчувае, што аўтар ведае аб прадмеце апавядання куды больш таго, што выказана словамі ў кнізе. І гэта выдатна, таму што такое адчуванне могуць выклікаць толькі Талент і Праца.

[1981]

[ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ «ПОЧТОВЫЙ КРУГ» ВАЛЕРИЯ ХАЙРЮЗОВА]

Многие из героев Валерия Хайрюзова видят мир сверху, из заоблачной выси неба.

Валерий Хайрюзов нашел себя в литературе не только благодаря недожизнному таланту, но и редкому сердечному вниманию к простым людям, на первый взгляд заурядным житейским ситуациям. Проза молодого писателя незатейлива по языку и построению, в ней угадывается стремление к яс-

ности изображения, к предельно точному выражению чувств и переживаний героев. Валерий Хайрюзов — летчик, командир корабля, налетавший тысячи километров над таежными просторами, в совершенстве усвоивший многие секреты и особенности данной профессии. Может быть, именно по этой причине всегда интересно читать его со знанием дела написанные сцены нелегких посадок, всевозможных погодных осложнений, столь обычных для сурового края. Автор раскрывает мир летчиков с завидной полнотой, показывает взаимоотношения, повседневный труд и их подвиги в ситуациях экстремальных. Литературная манера иркутского прозаика, неторопливая и обстоятельная, вызывает заслуженное уважение. На VII Всесоюзном совещании молодых писателей творчество Валерия Хайрюзова было высоко оценено, а решением Союза писателей СССР и ЦК ВЛКСМ ему была присуждена премия Ленинского комсомола 1980 года.

Хочется пожелать автору «Почтового круга» новых художественных свершений под стать его светлому и доброму таланту.

[1981]

1982

ДОРОГА ПАМЯТИ

Казалось бесспорным, что искусство — это средство познания жизни с целью ее совершенствования. Поэтому лучшие произведения всегда будоражили человеческое сознание, лишали человека самоуспокоенности и довольства собой. Мы знаем множество примеров такого рода во все времена. Но справедливости ради следует сказать, что с некоторых пор я весьма часто слышу: искусство все больше становится средством уик-энда, отдыха от трудов или предметом празднества. Понятно и в общем объяснимо нередко высказываемое читательское желание счастливых финалов в наших произведениях. Но вот что касается прозы о войне, то я, например, каждый раз теряюсь, сталкиваясь с выражением подобных желаний. В таких случаях сам по себе возникает вопрос: что же такое литература? И что такое искусство вообще?

Один уважаемый кинорежиссер в недавней дискуссии в «Литгазете» написал, что человек идет в кино, чтобы развлечься, значит, задача кино — развлечь его, коль оно получило с него 50 копеек за билет. И вот я думаю: книги подорожали, полтинником не обойдешься. Тогда что же, стараться развлекать на рубль? Или на трешку и больше, если это многостраничный роман? Разумеется, я несколько утрирую, но все же не могу отделаться от вопроса: что должна литература? Учить? Пробуждать чувства добрые? Может быть, в занимательной форме средствами беллетристики проповедовать истины, которые в другой, незанимательной форме уже не осваиваются обществом? Чем больше размышляешь над этими и схожими с ними вопросами, столь естественными для людей нашей профессии, тем все больше склоняешься к реальной возможности реалистического искусства: показать человеку человека таким, каков он есть, и пусть он решает сам, каким ему быть. Пусть он сам и выбирает свою судьбу, альтернативность которой в наш ядерный век выражается предельно просто: жить или погибнуть.

Но тут есть один щепетильный вопрос, относящийся именно к этому показу. Говорят, что культура — это память человечества. Это правильно. Все дело, однако, в том, что следует помнить, — ведь человеческая память избирательна, а искусство уже в силу своей природы избирательно тем более. Например, что касается войны, то один ее участник из всего пережитого наиболее ярко запомнил, как его догоняли, хотели убить, но промахнулись, и он до сих пор вскакивает по ночам в холодном поту. Другой — как его награждали орденом, и он спустя годы не перестает переживать радостное волнение по этому поводу. Третьему не дает покоя случай, когда рассерженное начальство назвало его дураком, но теперь это слово в устах не очень разборчивого на слова начальства звучит для него как «молодец» и заставляет каждый раз умиляться. Это я говорю о ветеранах, некоторых, конечно, но те же свойства памяти проявляются и у некоторых авторов военных романов.

Приходится слышать иногда от читателей суждения вроде: «Ну сколько можно перелопачивать одно трудное да кровавое, ведь были же на войне и радостные, веселые моменты, и шутка, и смех». И приводят в качестве примера «Василия Теркина». Да, на войне, к счастью, были и веселые, и даже счастливые минуты. И, конечно, высоко ценились юмор, шутка, все, что могло отвлечь солдата от мрачных мыслей, тоски по дому, настроить на оптимистический лад, поднять его боевой дух. Но хочу задать вопрос читателям, желающим избавиться себя от бремени истинных знаний о прошлой войне: как они думают, почему свое замечательное повествование о Василии Теркине, смелом, решительном, никогда не унывающем бойце, Твардовский начал публиковать в 42-м, в самый разгар войны, а стихотворение «Я убит подо Ржевом» написал уже после ее окончания, а двумя десятилетиями позже — щемяще-пронзительное «Я знаю, никакой моей вины...»? Почему так, а не наоборот?

Когда я слышу сегодня о книгах про Великую Отечественную, что в них опять «трудное да кровавое», то воспринимаю это не иначе, как выступающее на первый план желание развлечься, пусть даже за счет такой малоподходящей темы, как тема войны. Но ведь во все времена жаждущие развлечения шли на торжища, в скомороший ряд, но никогда — во храм. Боюсь, что смешение жанров и особенно забвение высоких задач литературы грозят уравнивать торжище с храмом. Я не отрицаю, разумеется, ни цирка, ни эстрады, ни так называемых развле-

кательных программ, у которых свои цели и свои задачи. Но у литературы — иная миссия.

Настоящая литература, слава богу, никогда не укладывалась в прокрустово ложе, уготованное ей любителями легкого чтения. Вот и сейчас в наших журналах появились такие произведения о войне, с помощью которых не только не избавишься от бессонницы — от них и вовсе глаз не сомкнешь. Своей беспощадной, горькой правдой они безжалостно разрушают внутренний комфорт, переворачивают всю душу.

Военная часть «Плотины» В. Семина, как и предыдущий его роман «Нагрудный знак “OST”», написана почти в документальном жанре. В. Семин рассказал о вещах, о которых литература, по сути, еще не говорила. И сделал это на предельной честности, с предельной откровенностью, что, впрочем, было всегда свойственно его творчеству. Сегодня, когда Виталия Семина нет среди нас, читая эти военные страницы незавершенного романа, с особой остротой и болью воспринимаешь исповедь героя, непокоренного, несломленного фашистской каторгой, страшными, жестокими обстоятельствами жизни, героя, который повторил немилосердную судьбу автора — узника гитлеровского арбайтс-лагеря.

«Мы не от старости умрем, — от старых ран умрем». Скорбным провидением звучат эти строки С. Гудзенко и по отношению к В. Семину, к его ранам (прежде всего, конечно, душевным), которые, видно, так никогда и не зажили.

В ноябрьском номере «Нового мира» увидела свет вторая часть «Блокадной книги» А. Адамовича и Д. Гранина, которые пошли в народ, переживший вражескую осаду Ленинграда, и взяли свидетельства у тех, кто еще мог их представить. Это очень тяжелый материал, и в нем Адамович и Гранин обнаружили многое такое, что было неизвестно нашей литературе. На основе собранных документов, воспоминаний можно было написать не одно художественное произведение. Но авторы избрали другой путь — самый правильный, но и самый трудный: оставить для потомков все в первоизданном, нетронутым виде. У Адамовича был опыт такого рода работы — книга «Я из огненной деревни», — который, собственно, и дал толчок, помог при создании «Блокадной книги». Огромного смысла и значения дело сделали Адамович и Гранин, явив пример, который не должен остаться неподхваченным... Хочется надеяться, что этот их труд по созданию бесценного исторического документа, коллективного народного памятника блокаднику, его

непреклонности, мужеству, его высокой человечности будет по достоинству оценен нашей общественностью.

Более всего в «Блокадной книге» потрясает дневник 16-летнего Юры Рябинкина. Он погиб в начале января 1942 года. С первого дня войны и до последнего дня своей жизни он вел дневник, в который записывал, что видел, что думал, что переживал. Мы читаем строки, полные высоких дум и стремлений. А рядом — записи, передающие помыслы иного рода, вызванные постоянным унижительным чувством голода. И мы видим, как голод разрушает человеческую личность и как в то же время дух хорошего, порядочного существа противится этому разрушению. Трагические страницы, равных которым я не знаю в мировой литературе. Трудно что-либо сравнивать, всегда получается приблизительно. Но читая дневник ленинградского подростка, вспоминаешь знаменитый «Дневник Анны Франк», взволновавший в свое время весь мир, переведенный на многие языки, инсценированный и экранизированный. Дневник Юры Рябинкина несколько иного свойства. Автор его оказался в условиях, когда люди начинали терять человеческие черты, когда надо было выжить, не утратив при этом человеческого облика. В холодном, голодном, отрезанном от страны городе война расщепляла сознание, медленно вымораживала, выхолащивала волю. Только очень сильные духом люди могли сопротивляться, и этот мальчик сопротивлялся из последних сил. Он требовательно и строго наблюдает за собой, без снисхождения стыдит себя за малейшее проявление малодушия, эгоизма, он искренне терзается, что слаб, бессилен, впадает в отчаяние, что из-за него, такого, могут погибнуть мать и сестренка, и готов за их спасение заплатить собственной жизнью. Во многих его записях звучит мысль, что, мол, ничего не сделал и сделать не смогу, потому что слаб. Он не понял, но мы-то сейчас должны понять, что тем самым, что он так бесстрашно анализировал себя, свою жизнь, свои поступки, не давая себе сползти, утратить человеческие качества, и все это передоверил бумаге, чтобы это дошло до нас, — он тем самым свершил свой собственный подвиг.

Война — неуходящая тема. Она не может быть уходящей, когда человечество борется против угрозы ядерной катастрофы. Видимо, в ближайшее время наша проза найдет новый аспект в познании и осмыслении сурового лихолетья минувшей войны, новый угол зрения на нее, и будет обнаружено еще нетронутое, какие-то неизведанные, неразработанные пласты. Как нашлось это у В. Кондратьева, неожиданно, почти сорок

лет спустя, однако оно не умерло в его памяти и дало блестящую повесть «Сашка» и другие вещи.

Уверен, в военной прозе появится еще немало нового не только по фактажу, но, главное, по концепции. Если попробовать немного прогнозировать — хотя предугадать кто может? — то это, по-моему, углубленный психологизм, на пути которого следует ожидать какие-то новые повороты в военной теме. Есть и у меня кое-какие замыслы, хотя я и не знаю, насколько удастся их воплотить. Во всяком случае, хотелось бы если не в развитие, то в дополнение к уже написанному кое-что сделать.

Не однажды приходилось слышать от коллег — прозаиков и поэтов, что отзыв критиков, рекомендации и советы, содержащиеся в рецензиях, их мало занимают, главное для них — как отнесутся к вещи читатели. Да, реакция читателей, безусловно, никого не оставляет равнодушным, автору дорог читательский резонанс, ему важно знать, как принято его произведение. Я уважаю мнение критики, разумеется, критики серьезной, честной, не преследующей конъюнктурных соображений. Когда, скажем, вышла моя последняя повесть «Пойти и не вернуться», я с интересом прочитал в «Литературном обозрении» два мнения о ней — И. Дедкова и И. Золотусского. Но... соглашаясь с концепцией того или другого критика, видя резон в его толковании, что-то принимая из его замечаний, я тем не менее не много извлекаю из его анализа в смысле доработки или переработки произведения. Дело в том, что, как только начинаешь вторгаться в ткань повести, сразу же наталкиваешься на ее скрытое сопротивление автору, который как будто хочет ей изменить и переметнуться в лагерь ее противников. Особенно противостоит изменению идея, как первооснова произведения, имеющая свою автономную логику и, подобно живому организму, активно отторгающая чужое, пусть даже и улучшающее ее вторжение. (В этой связи хотелось бы сказать о том странном чувстве, которое вызывает высказывание Л. Аннинского в его диалоге с ныне покойным Ю. Трифоновым — «Новый мир», № 11, 1981, — его апологетика критического своеволия по отношению к литературному произведению. И дело тут не в естественном праве каждого автора на самовыражение, а именно в критическом своеволии, от которого более чем от чего другого страдала в прошлом наша художественная практика.)

Я думаю, что хотя мы и не гениальные писатели, но уж, во всяком случае, квалифицированные читатели. То есть от-

носителем хорошо знаем жизнь, чтобы разобраться в ее запутанных эмпириях, и кое-что смыслим в литературе. И тут возникает любопытный парадокс: почему мы, люди, в силу своего воспитания и образа жизни зачастую далекие от проблем «неперспективных» деревень, быта древних стариков и старух, мало- или вовсе неграмотных отшельников в зачастую никогда не виданной нами дремучей тайге, с их размеренным, однообразным и часто примитивным укладом, — почему мы частенько с куда большим интересом и участием читаем об их трудах и заботах или о думах и тревогах скромного железнодорожного рабочего с маленького, затерянного в необозримой степи полустанка, нежели о блестящих научных или служебных успехах тех, кто гораздо нам ближе по опыту жизни, мировоззрению, мироощущению — высокообразованных жрецов науки, искусства, руководителей производства, начальников главков? Почему безграмотный дед из послевоенной деревеньки интереснее иного «интеллектуала», озабоченного судьбами народов, в то время как наш дед не может удовлетворительно определить судьбу единственной своей буренки, оставшейся на зиму без сена? О том печаль его, и она нас трогает больше, чем драматические переживания кого-либо из упомянутых мною перед уходом на вполне заслуженный отдых. Почему так? Задаю вопрос и предвижу скорый ответ: все дело в таланте автора. Да, и все же... Исчерпывающий же ответ на этот вопрос мне, однако, неведом.

Думается, недаром мудрые люди придумали в свое время разделение литературы по жанрам. И хотя нынче, как никогда прежде, жанры эти становятся неопределенными, размытыми, подверженными взаимодиффузии и смешению, все-таки жанровые законы остаются в силе, безнаказанно преступать их нельзя. Опыт деревенской и военной прозы, опыт наших лучших мастеров литературы красноречиво подтверждает это. То, что свойственно повести, не очень подходяще роману. Роман может то, что не по силам повести. У рассказа одни задачи, а у очерка — совсем другие. По остроте познания жизни, быта, экономических, нравственных и иных проблем очерк продемонстрировал свои блестящие возможности, связанные нынче прежде всего с именами И. Васильева, Ю. Черниченко, А. Стреляного и других. Вот уж действительно чьи очерки можно класть на стол Госплана, пусть попотеет. Без преувеличения можно сказать: потеть ему в этом случае придется долго и много, потому что проблемы, поднимаемые в них, нешуточные, и разработаны они, как правило, глубоко и остро. Авторам по-

вестей трудно за ними угнаться. Тем более авторам романов, хотя литература время от времени становится свидетельницей такого рода попыток, когда некоторые из романистов целиком посвящают свое детище какой-либо хозяйственной, экономической или даже технической проблеме. Это так называемый производственный роман. Я не могу вспомнить сколько-нибудь значительных удач в этом направлении. Очевидно, в наш сложный, бурно развивающийся век, век НТР, многие проблемы и экономические искания устаревают раньше, чем найдут свое воплощение в романах, которые, как известно, нескоро пишутся и еще медленнее издаются.

Всякий раз, когда решаю отдать рукопись для публикации, вспоминаю о Твардовском. Конечно, я люблю его как поэта, автора уникальной книги про бойца, но для меня он очень много значил и как огромная, яркая личность. В бытность его в «Новом мире» увидели свет три мои вещи. Никогда не забуду (я писал уже об этом), как в период горестных уныний, вызванных резкой критикой, которая обрушилась на меня, пришел из Москвы в канун майских праздников небольшой конверт с журнальным грифом и поздравительной открыткой внутри — редакционное послание автору, несколько напечатанных на машинке строчек с выражением приветия, а ниже характерным угловатым почерком было дописано: «Все минется, а правда останется. А. Твардовский».

Потом были многие не менее мудрые и прекрасные его слова в письмах, были разговоры, критические и одобрительные, но именно те первые четыре слова поддержки на всю жизнь запали в мое сознание. Наверно, это потому, что они исторглись из самых чутких глубин души человека, кто, может, не менее других нуждался в подобных словах и, может быть, недополучил их при жизни. Это последнее осознаешь с тем большей горечью, что, наверное, все мы, в свое время обласканные им, чего-то недодали ему самому, по беззаботности или по недомыслию полагая, что у Александра Трифоновича в добром слове недостатка не бывает. А как нет? Что же тогда может извинить нам эту непростительную нашу нечуткость?

Единственно в какой-то мере может возместить ее наше искреннее слово о нем, как это сделал в свое время с помощью телеэкрана К. Симонов, как это делает А. Кондратович. Его книга об Александре Твардовском — это удивительный сплав уважения и понимания замечательной личности человека и художника.

Великое дело — человеческое общение хотя бы как средство познания, затем взаимопонимания, а может быть, и сближения. В годы войны мы видели немцев только на поле боя, в прицеле оружия или в качестве пленных и всегда — в облике наших врагов. Тогда понять их мотивы, логику их поступков было непросто, если не совсем невозможно — фашизм разделил наши народы, казалось, навек непреодолимым рвом вражды и ненависти. Но вот случилось так, что спустя четыре десятилетия, в ноябре минувшего года, мы, группа советских писателей, общаемся с немцами из ФРГ на их древней земле — с новыми, родившимися после разгрома фашизма, и с теми, кто в свое время вольно или невольно послужил ему. В новых исторических условиях рождается взаимопонимание, продиктованное прежде всего искренней озабоченностью судьбами Европы и мира. Из бесед с писателями Баварии обнаружилось, что в нравственном и политическом смысле у нас и у них, несмотря на многие различия, немало общего, на котором и следует строить наш диалог и наши общения. Именно такой диалог и общение двух разных систем и содержит в себе то зерно надежды, из которого может прорасти будущее мира без войн и ненависти.

Запись Ирины Ришиной.
[1982]

[ИНТЕРВЬЮ ГАЗЕТЕ «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»]

Сначала пехотное училище в Саратове, из которого девятнадцатилетний Быков младшим лейтенантом уходит на фронт, в пехоту, затем он командует взводом «сорокапятки» в истребительной противотанковой артиллерии. С этим взводом дойдет он до Балкан, закончит войну в Австрии.

— На войне, — говорит Василь Владимирович, — делал то, что делали все, — воевал. Участвовал в боях, лежал после ранений в госпиталях, был на различных формированиях и переформированиях. В общем, видел все то, что видели и другие фронтовики...

Через много лет после войны побывал он на месте бывших боев под Кировоградом. На обелиске одной из братских могил в длинном списке погибших прочел... свою фамилию.

— Спас меня тогда счастливый случай. Тяжело раненный, я выполз из хаты, откуда вели мы огонь и которую через несколько минут проутюжили прорвавшиеся фашистские танки. Подобрали меня потом санитары, видимо, другой части, потому что в полку посчитали погибшим и отправили матери похоронку...

— Как же случилось, что вы стали писателем?

— Знаете, после войны я еще многие годы продолжал службу в Вооруженных Силах. В Одесском военном округе, на Дальнем Востоке, в Белорусском военном округе. В пятидесятом году написал первые два рассказа. Послал на родину, но они напечатаны не были. И больше ничего не писал вплоть до увольнения в запас. Опубликовал же первый рассказ в журнале «Советский воин» в 1957 году...

В основе всех моих вещей лежит то, что видел, что знаю о войне. Это не значит, что все написанное — из собственного опыта... «Третью ракету» я составил из разных кусков моего военного опыта, «Фронтovou страницу» почти всю придумал как по сюжету, так и по характеру, так же, как и «Альпийскую балладу». Некоторые вещи написались как воспоминание, там меньше всего выдумки, там почти все, что касается сюжета и обстоятельств, — документально, как теперь принято говорить.

Характеры, образы, поступки тех, с кем воевал Быков, можно отыскать во многих его повестях. И я уверен, что «списывал» он своих героев и с тех, кто остался жив, с кем и сегодня поддерживает связь.

— Таких немало, — подтверждает писатель. — Владимир Левчук, товарищ по училищу, был тяжело ранен при форсировании Южного Буга, живет в Саратове. В Николаеве живет Лев Ахрин, в Киеве — Павел Завалий. Есть однополчане и в Москве, и в других городах.

В «Третьей ракете» один из героев — старший сержант Желтых. Его прототип — старшина Лукьянченко, командир орудия. Он был гораздо старше нас, ему лет под пятьдесят было в годы войны. Очень обязан ему, он был стойкий, настоящий товарищ...

Итак, главная тема творчества Быкова — война. Не думает ли он в будущих книгах обратиться к нашей современности?

— Уже в «Альпийской балладе» возникает связь военного времени с послевоенным. Помните, в эпилоге героиня обращается с призывом: не забывать павших на поле битвы. Не забывать, что для того, чтобы одолеть фашизм, нужна была не только сила оружия, но и сила человечности. А в мирное время? Разве не возникают в мирной жизни такие ситуации, когда человеку необходимы и ясное понимание своего долга, и сила воли, и готовность поступиться личным ради общественного, не посчитаться с опасностью? Я не говорю уже о воинской службе...

— Кстати, не привлекает ли вас тема современной армии?

— Все дело в том, что я уже отстал от быстротечной армейской жизни. А революция в военном деле требует перестройки психологии военного человека, больших знаний, ответственности. Отчасти я знаю это по своему сыну Сергею, который служит связистом, скоро меня догонит в звании — он уже капитан. Огромное впечатление на меня произвели учения «Запад-81», которые, к сожалению, смотрел только по телевидению, поехать на «поле боя» не смог, заболел. Грозное, великой силы оружие, совершеннейшая техника! Нам, солдатам сороковых, хоть бы часть ее... Ведь для солдата на войне оружие дороже отца с матерью... А о современной армии пусть пишут современные армейские писатели. Ведь есть среди них талантливые люди. Правда, читал я не все, времени не хватает, но вот, например, роман «Красная эскадра» капитана 2-го ранга Бориса Шереметьева написан крепко, со знанием дела, в нем есть исследование жизни моряков...

Интервью взял В. Лукашевич.

[1982]

НЕКАЛЬКІ ЗЛАБАДЗЁННЫХ ПЫТАННЯЎ

— Што за апошнія гады ў практыцы агульнасаюзнай і сусветнай літаратуры аб вайне вы лічыце найбольш цікавым?

— На фоне агромністай літаратуры пра вайну стварыць што-небудзь значнае аб ёй, тым больш такое, што б уражвала навізнай, становіцца ўсё трудней нават для мастакоў, якія валодаюць значным літаратурным талентам і асабістым вопытам. Тым не менш, хоць, можа, і не часта, такія творы з'яўляюцца, і калі мець на ўвазе апошнія некалькі год, дык я назваў бы кнігу А. Адамовіча «Карнікі», «Плаціну» В. Сёміна, troхі ранейшы раман У. Багамолава «У жніўні сорак чацвёртага...».

Гэта сапраўды не толькі цудоўныя сваёй праўдай рэчы, не толькі новае слова ў літаратуры пра вайну, якое значна паглыбляе нашыя веды аб ёй, але і новы мастацкі погляд, пэўная навізна аўтарскай канцэпцыі, можа быць, немагчымая яшчэ некалькі год назад. Гэта той выпадак, калі асабістае веданне вайны і народнага лёсу (В. Сёмін) у значнай меры падмацавана дакументам (У. Багамолаў), калі аўтар аб'яднаў у сабе мастака і вучонага-даследчыка (А. Адамовіч), што і дало магчымасць стварыць творы, якія ні ў малой ступені не паўтарылі нічога з вялізнага мора, створанага раней. Сюды ж, мабыць, нялішне будзе аднесці і В. Кандрацьева з яго чыстым і сумленным голасам, яго словам у адрас пяхоты, некалькі абыдзенай увагай нашай літаратуры пра вайну.

— Ці магчыма, на ваш погляд, сапраўдная сур'ёзная літаратура аб вайне ў тэксценнікаў пакаленняў, якія не ваявалі?

— Я ўжо карыстаўся магчымасцю выказацца па дадзенай праблеме, але той факт, што гэтае пытанне ўзнікае зноў і зноў, сведчыць аб устойлівай цікавасці да яго як з боку чытача, так і з боку нашай журналістыкі. Зрэшты, гэта і зразумела. Пакаленні адыходзяць у свой урочны і няўрочны час, на змену ім ідуць новыя, цікавасць чалавецтва да апошняй, самай вялікай і крывавай вайны будзе яшчэ заставацца доўга. Канешне, пісаць пра вайну будуць усё больш і тыя з літаратараў, якія асабіста яе не перажылі, можа, нарадзіліся пасля вайны, і веды аб ёй ляжаць за мяжой іх асабістага жыццёвага вопыту. Магчыма, што імі таксама будуць створаны значныя творы пра чалавека на вайне. Але пасля столькіх выдатных кніг, створаных на аснове бязлітаснай і скрупулёзнай праўды аб ёй, гэта будзе няпроста і запатрабуе не толькі выдатнага літаратурнага та-

ленту, але таленту геніяльнага. У адваротным выпадку цяжка будзе пазбегнуць другаснасці, прыблізнасці. Зрэшты, характар такога роду творчасці відаць на прыкладзе сучаснага кіно аб Грамадзянскай вайне, калі гэта адна з самых драматычных тэм нашай гісторыі ўсё больш трактуецца кінематографам як тэма лёгкіх прыгод і рамантычнага кахання. Аблегчанасць у адлюстраванні такога труднага і канфліктнага часу ідзе ад імкнення прыстасаваць яго да мэтаў кіно з яго нястрымным імкненнем пацяшаць і весяліць. Гэта, зрэшты, усё болей адчуваецца і ў некаторых фільмах аб мінулай вайне. Не хочацца іх называць тут, але, я думаю, яны на памяці ў многіх глядачоў-франтавікоў, непрыемна ўражаных іх бясконцымі каламбурамі, камедыйнымі пасажамі, бяздумным трукацтвам.

Калі гаварыць пэўна, дык я лічу, што ў мастацтве наўрад ці магчыма стварыць што-небудзь вартае на аснове няведання. Значыць, веды, вопыт сучаснікаў неабходны нават для несумненных талентаў, калі яны прэтэндуюць на значныя адкрыцці ў якой бы там ні было галіне мастацтва. Запазычанае ж ніколі не прыносіла поспеху, аб гэтым сведчаць мноства прыкладаў з кожнай літаратуры.

— *Што, на ваш погляд, з'яўляецца дамінантай вашай творчасці, ці адпавядаюць гэтаму погляду вывады крытыкаў?*

— Мне трудна адказаць на гэтае пытанне, бо я мяркую, што няўдзячная гэта справа — тлумачыць уласную творчасць. Куды лепш, калі гэта робяць іншыя. Тым больш нашы прафесійныя крытыкі, сярод якіх ёсць выдатныя таленты, творы якіх мы чытаем з не меншай цікавасцю, чым мастацкую прозу. У гэтым сэнсе я не ўяўляю ўласнай творчасці без вельмі праніклівага погляду на жыццё і літаратуру крытыка А. Адамовіча, тонкага аналітыка Л. Лазарава, блізкага мне па ваеннаму вопыту і па адносінах да таго, што мы пішам. У апошнія гады наша літаратура як бы асвяцілася новым, вельмі сумленным і свежым поглядам на яе Ігара Дзядкова, які праявіў надзвычайнае разуменне многіх, часта ўнутраных, патайных яе працэсаў. Чытанне артыкулаў і рэцэнзій гэтага крытыка для мяне не толькі ўдзячная праца розуму, але і душэўная асалода. Думаецца, пры добрай і праніклівай увазе гэтых і іншых крытыкаў нішто значнае ў нашай творчасці не застанецца не зразуметым. Дык ці ёсць неабходнасць пераглядаць свае творчыя кufры ў пошуках дыямантаў, якія схаваліся там ад крытычнага погляду? Калі крытыкі іх не заўважылі, дык ці былі яны там?

[1982]

У ДЗЕНЬ ЮБІЛЕЮ

Агульнапрызнаны той несумненны факт, што духоўная культура народа на шляхах свайго гістарычнага развіцця ўзбагачаецца ў значнай ступені намаганнямі лепшых яго сыноў, яго бескарыслівых падзвіжнікаў. Сам працэс гэтага ўзбагачэння ніколі не прасты і заўсёды надзвычай трудны. Мінулае кожнай культуры багата прыкладамі драматычных сутычак талентаў з сіламі рэакцыі, коснасці і кансерватызму. У гэтых адносінах дарэвалюцыйны лёс Коласа, таксама як і лёс яго сябра і паплечніка Янкі Купалы, не быў выключэннем і патрабаваў ад абодвух нечага яшчэ большага, чым іх так пранізліва і рана заявіўшыя аб сабе паэтычныя таленты. Усё было на іх цяжкім шляху: і гарачая падтрымка адных, і ўпартае супраціўленне другіх, прызнанне абодвух у якасці нацыянальнай надзеі і ганебнае паліцэйскае праследаванне, публічныя авацыі і здзекі ў друку з іх шчырых і сардэчных радкоў. Многа давялося перажыць абодвум, і мінулі гады, перш чым іхнія імёны зрабіліся тым, чым яны з'яўляюцца сёння.

Купала і Колас у пачатку стагоддзя стаялі каля вытокаў новай беларускай літаратуры, адроджанай паэзіі; Коласу, апрача таго, было наканавана значна пасунуць у сваім развіцці нацыянальную прозу, удыхнуць у яе жывое народнае жыццё — нялёгкае жыццё беларускага селяніна, якім ён быў сам па нараджэнню і па сутнасці заставаўся на працягу ўсіх сваіх год. Але, акрамя ўсяго, лёсу было патрэбна, каб гэты селянін стаў яшчэ і адным з першых беларускіх інтэлігентаў, і вось у гэтым дваадзінстве сапраўднай сялянскай сутнасці і нялёгка набытай духоўнасці сакрэт абаяльнасці коласаўскага таленту, таленту надзвычай зямной сілы, якая спакваля завалодала свядомасцю рабочых, сялян, інтэлігенцыі.

Колас — наш нацыянальны геній, класік савецкай літаратуры, які шмат разумеў і бачыў далёка — з вышыні свайго чалавечага вопыту і свайго цудоўнага таленту. І ў той жа час ён заставаўся чалавекам простым, да неверагоднага сціплым. Так, займаючыся вялікімі праблемамі, многа сіл аддаючы працы ў Акадэміі навук Беларусі ў якасці яе віцэ-прэзідэнта, ён адводзіў душу на сціплай дзялянцы жыта, якую вырошчваў на сваім гарадскім участку, пісаў мудрыя кнігі і з'яўляўся ініцыятарам такой надта земляробчай кампаніі, як барацьба з засмечанасцю глебы камянямі на палях рэспублікі.

Ён адышоў ад нас, пакінуўшы вялікую спадчыну свайго неспакойнага духу, шматлікія мастацкія старонкі народнага жыцця першай паловы XX стагоддзя. У іх і ён сам. Але і не толькі ў іх. Усё ж такі як бы там ні было, а творца вышэй за сваё тварэнне, і самы геніяльны твор не можа пераўзысці яго аўтара. Чалавек ёсць бог над створаным ягонымі рукамі, але не ягоны раб. Мне думаецца, што праз гады нашчадкам яшчэ давядзецца асэнсаваць усю няпростую цэласнасць шматграннай коласаўскай асобы, у поўнай меры спасцігнуць феномен ягонай душы. Яго мастацкая творчасць нясе ў сабе вялізны зарад добра і чалавечнасці, важнасць якіх у наш тэрмайдзерны век пераацаніць немагчыма. Разам з гэтак яскрава і поўна выяўленай партыйнасцю і народнасцю яны складаюць глыбінную сутнасць коласаўскага генію, які не памеркне да таго часу, пакуль будзе жыць чалавецтва.

[1982]

НЯЎСТУПЛІВАЕ СУМЛЕННЕ

Як гэта ні dziўна, але факт: прыйшоў час юбілеяў для пакалення тых, хто ў гады вайны палічыў бы за злосны жарт усялякае ўпамінанне аб падобнага роду падзеях. Сапраўды, для многіх тады было не проста дажыць да вечара, дзе ўжо там думаць аб канцы вайны, тым больш аб якіх-небудзь круглых угодках. Трыццацігоддзе аказалася для тысяч недасягальным, роўна як і дваццаціпяцігоддзе, а то і дваццацігоддзе. Гінулі маладымі, калі не сказаць — юнымі.

Нямногім, аднак, пашанцавала, яны перажылі вайну, а за ёй і паўстагодні рубаж і нават больш. Лёс да іх аказаўся звязлівы, дараваў жыццё, але і наклаў абавязак — таксама, думаецца, на ўсё жыццё.

Дарэчы, гэта зразумела. Жывым давялося жыць, працаваць, а то і змагацца не толькі за сябе, але і за многія тысячы тых, хто назаўсёды страціў гэту магчымасць. І вось у ліку гэтых, па шчаслівай выпадковасці выжыўшых і да многага абавязаных вайной, — наш сябра і таварыш, цудоўны крытык і вучоны-літаратуразнаўца Анатоль Георгіевіч Бачароў.

Не ведаю, як іншыя чытачы, як многія былыя франтавікі або студэнты-філолагі, — мне ж чытаць А. Бачарова заўсёды цікава і радасна. Мабыць, гэта таму, што нашае «верую» ад-

нолькавага паходжання, нашы літаратурныя густы блізкія, а наша разуменне грамадзянскага абавязку, асабліва што датычыць мінулай вайны і яе адлюстравання ў літаратуры, — даўно адэкватныя.

Анатоль Бачароў — надзвычай актыўны крытык, ён многа піша і нават для крытыка надзвычай многа чытае, і не толькі на тэму вайны: яго літаратуразнаўчая эрудыцыя вышэй за ўсялякія пахвалы, а яго літаратурную сумленнасць можна аднесці да той яе катэгорыі, якая звычайна прыносіць аўтару болей нягод, чым задавальнення. Але яна не дае спаць пісьменнікам, трывожыць свядомасць грамадства, заўчасна б'е ў званы, калі небяспека толькі яшчэ на падыходзе і мала хто яе бачыць. Бачароў бачыць. Інакш бы многія «ваенныя» прэзаікі, якіх у апошнія гады так пацягнула адпачываць на сумленна заробленых лаўрах, яшчэ адчувалі б сябе маладымі гусарамі. Ды не! Іх гусарскі час ужо ззаду. Як ні сумна, трэба гэта прызнаць і згадзіцца з А. Бачаровым: трохі прытамілася наша ваенная проза. Пэўная прыкмета таго — яе цяга да буйнаблочных эпапеяў, панарамных ахопаў — ураўнаважаных, вывераных, часам надта ўжо правільных ва ўсіх адносінах.

У гэты знамянальны дзень шасцідзсяцігоддзя Анатоля Бачарова я сардэчна абдымаю яго, сумленнага салдата Вялікай вайны, мудрага генерала савецкай літаратуры, і жадаю яму сілы і магчымай жыццёвай бадзёрасці на тым нялёгкім шляху, у які ён адправіўся аднойчы.

Каму не вядома, што на гэтым шляху не так многа прыемных здзяйсненняў, безліч хваляванняў, і працы, і, можа быць, трохкі задавальнення ад у меру сіл выкананага абавязку.

Удачы табе, дарагі Анатоль Георгіевіч!

[1982]

НЕКАЛЬКІ ДУМАК ПЕРАД ЮБІЛЕЕМ

З вялізнымі, агульнапрызнанымі поспехамі прыходзіць Беларусь да слаўнага юбілею — шасцідзсяцігоддзя ўтварэння Саюза Савецкіх Сацыялістычных Рэспублік. Далёка па свеце разносіцца слава пра яе эканоміку, прамысловасць, сельскую гаспадарку, яе навуку і, вядома, яе нацыянальную культуру. Нам, сучаснікам, можа, не так ужо бачна яскрава, як гэта можа адкрыцца пасля, праз шмат год, але ўжо і цяпер можна з най-

большай аб'ектыўнасцю ацаніць тоё, чаго дасягнулі ў гэтай галіне. Асабліва ў нашай літаратуры.

Найперш трэба сказаць, што наша літаратура зрабілася развітаю ва ўсіх яе жанрах. Калі яшчэ некалькі дзесяцігоддзяў назад галоўныя яе поспехі пераважна звязваліся з паэзіяй, дык цяпер не меншых вышынь і ўсеагульнага прызнання дасягнула беларуская проза, мастацкая і дакументальная, таксама як і драматургія, публіцыстыка. Мы маем багатыя здабыткі такога важнага пражэкта жанру, як раман, які нясе на сабе галоўную нагрузку ў адлюстраванні сучаснага жыцця народа і яго мінулага — ад пачатку гістарычных часоў да нашых дзён. Наша паэзія, за параўнаўча кароткі час прайшоўшы шлях ад вострасацыяльнай, лозунгава-заклікальнай па змесце, стала адной з самых інтанацыйна багатых і тэматычна разнастайных паэзій Еўропы. Безумоўна, гэта не значыць, што мы дасяглі беззаганнай дасканаласці ў нашым развіцці, у нас яшчэ шмат нераспрацаваных тэм, бакоў нашага жыцця, шмат мастацкіх праблем, але мне здаецца, што агульны напрамак нашай хады плённы і правільны. Ён вызначаецца перш за ўсё прынцыпамі партыйнасці і народнасці, метадам сацыялістычнага рэалізму — выпрабаванымі праз гады кірункамі, якія вызначаюць усё развіццё.

Адной з такіх актуальных праблем з'яўляецца, як вядома, адлюстраванне сучаснасці ў нашым мастацтве, чалавека нашых дзён, яго спраў і ягоных імкненняў.

У гэтай сувязі я хацеў бы зазначыць, што ў літаратурнай крытыцы часам звужаецца само паняцце сучаснасці, калі яно разумеецца як адрэзак па часе ў некалькі апошніх год, нават апошніх месяцаў. Але вядома, што час хуткаплынны і зменлівы і што тое, што яшчэ ўчора здавалася важным і актуальным, заўтра нярэдка перастае быць такім, бо гэтае заўтра высоўвае новыя праблемы і грамадства шукае новыя спосабы іх вырашэння. Для мастака важна не толькі заўважаць дэталі часу, яго характэрныя адзнакі, але і ўзбудзіць важнейшае і апускаць у сваёй увазе нешта хоць і пашыранае, але малаістотнае. Письменнік не ўсеядны, звычайна ён выбарачны ў сваёй увазе да праяў жыцця, і калі ён валодае талентам, дык нярэдка пад ягоным пяром падзеі даўно мінулых дзён становяцца надзіва актуальнымі для нашага сёння і наадварот. Напрыклад, у творах У. Караткевіча аб мінулым Беларусі або ў ваеннай літаратуры нашых лепшых беларускіх баталістаў мне бачыцца

вельмі шмат сугучнага нашаму часу — не ў дэталях, рэаліях, калізіях, вядома, а ў маральна-філасофскай праблематыцы, у тым, што ў характары чалавека не надта мяняецца з гадамі, але што ва ўсе часы было надзённым і важным. І такім застаецца па сёння. Вузкае ж разуменне сучаснасці і задач мастацтва ў яе адлюстраванні нярэдка прыводзіла да спрощанасці, ілюстрацыйнасці і рэдка давала належны плён. Гэта, канешне, не значыць, што толькі больш-менш далёкая мінуўшычына забяспечвае поспех, безумоўна, найперш тут вырашае талент, але для поспеху ў адлюстраванні надзённа-злабадзённага патрэбны немалы талент, які заўжды быў рэдкасцю, на які не так багата сучасная літаратура. Вобразна кажучы, літаратура ў нейкай меры тугадумка, ёй патрэбен час для асэнсавання жыцця, тады яна творыць упэўнена і грунтоўна.

Як ужо гаварылася, у нас даволі развіты ўсе жанры літаратуры, але, на маю думку, паэзія наша ўсё ж болей спрактыкавана за прозу ці драматургію, болей адпрацавана, ці што. Праўда, нельга не зазначыць прытым, што, дасягнуўшы майстэрства, вытанчанасці формы, пэўнага мастацкага лоску, яна ўсё ж страчвае нешта істотнае, можа, тое, што найперш яе парадзіла ў нашай літаратуры, а іменна: пафас, свежасць і шчырасць пачуцця, грамадскі балявы нерв. Яна ў гэтыя дзесяцігоддзі разумна, паэтычна і вельмі прыгожа апявае шмат якія праявы жыцця чалавека эпохі НТР, але голас яе ўсё ж слабаваты для веку ядзернага вар'яцтва, пагрозы ўсеагульнага знішчэння жыцця на зямлі. І вельмі шкада, што менавіта ў такі час у паэзіі не чуваць галасоў песняроў-трыбунаў, роўных голасу У. Маякоўскага, А. Твардоўскага, А. Куляшова, якія так патрэбны былі ў іх час. Але патрэба ў яркіх паэтычных талентах, валадарах дум людскіх, апосталах добра і справядлівасці не меншае, а можа, большае з часам, ды яшчэ перад тварам пагрозы татальнай пагібелі на зямлі.

Зрэшты, нешта падобнае перажывае, на мой погляд, і беларускае выяўленчае мастацтва, якое ў значнай меры ўсё больш аддае перавагу форме над зместам. Безумоўна, было б неправамерна, а можа, і зусім няправільна разглядаць твор у такім расшчэпленым стане, тут, як нідзе ў мастацтве, важна двуадзінства метаду, але ж... На пэўнай ступені развіцця мастацтва для яго самі па сабе важны такія элементы, як колер, лінія, каларыт, святло і цені, ды толькі развітое мастацтва бачыць у іх сродак, а не самамэту, бо мэта ў яго куды большая, чым сродкі,

яна далёка наперадзе, часам нават недасяжная. Але, калі мы бачым яе, пастаўленую мастаком, мы ўдзячны яму, калі нават у сродках або яшчэ ў чым і не зусім пагаджаемся з ім. Можна па-рознаму адносіцца да чыста жывапіснай вартасці твораў Міхася Савіцкага з яго вядомага цыклу «Лічбы на сэрцы», але грамадзянская пазіцыя мастака і яго звышзадача не могуць не выклікаць у нас разумення і самага шчырага хвалявання. Тут можна з упэўненасцю сказаць, што голас ягонага сэрца гучыць званом сярод людзей, прапаведуе, перасцерагае і заклікае.

Літаратура, як і ўсё наша мастацтва, знаходзіцца ў вельмі рухавым стане, у стане няспыннага дыялектычнага развіцця. Магчыма, праз нейкі час шмат што ў ёй запатрабуе пераацэнкі, некаторых удакладненняў яе вартасцей, але ўжо цяпер зразумелы як характар яе поспехаў, так і прычыны яе пралікаў. Трэба думаць, далей будзе лягчэй. У літаратуру прыйдуць новыя таленты, якія на новую ступень узнімуць яе багатыя і разнастайныя набыткі. Галоўнае, каб нязменным заставаўся яе асноўны завет — вернасць інтарэсам свайго народа, які яе парадзіў і якому яна павінна служыць. Гэтак, як служылі ёй нашыя славуць пачынальнікі, а цяпер служаць лепшыя працаўнікі прозы, паэзіі, драматургіі, імёны якіх назаўжды ўвайшлі ў яе гісторыю і, трэба спадзявацца, застануцца там надоўга.

За імі пойдучь новыя майстры, тыя, хто цяпер яшчэ толькі пачынае і, можа, яшчэ толькі расчаў свой шлях на бацькоўскай зямлі.

І тыя, што яшчэ не нарадзіліся, але, безумоўна, народзяцца і прадоўжаць ранейшы шлях.

Талентамі ніколі не бяднела наша зямля.

[1982]

МАЙСТАР МАСТАЦКАЙ ПРОЗЫ

Выдатны рускі прэзаік Сяргей Паўлавіч Залыгін, аўтар многіх раманаў на тэмы рэвалюцыйнага пераўтварэння Сібіры і жыцця навукова-тэхнічнай інтэлігенцыі, а таксама шырока вядомай аповесці «На Іртышы», прысвечанай калектывізацыі ў Сібіры, прадстаўляецца тут беларускаму чытачу як апавядальнік.

Апавяданні Сяргея Залыгіна прысвечаны розным тэмам, але галоўнае ў іх — наша сучаснасць, этычныя, эканамічныя і сацыяльныя праблемы жыцця. Выдатны майстар мастацкай прозы, Сяргей Залыгін у кожным з іх знаходзіць сваю непаўторную танальнасць, свае фарбы і гукі для стварэння вобразаў, жывых і цікавых, кожны з якіх — характар у шырокім разуменні гэтага слова. Апавядальная манера Сяргея Залыгіна заўсёды аздоблена добрым гумарам, мудрай аўтарскай усмешкай, якія надаюць асаблівы каларыт усяму, што апісваецца ў яго невялікіх творах.

Думаецца, што чытачу спадабаюцца змешчаныя тут апавяданні Сяргея Залыгіна, пісьменніка і вучонага, лаўрэата Дзяржаўнай прэміі СССР, аднаго з самых папулярных і любімых празаікаў нашай краіны.

[1982]

[ПРАДМОВА ДА КНІГІ ЯЎГЕНА КАРШУКОВА «ПІСЬМО ЖОНЦЫ»]

Жыццё, як вядома, складаецца не толькі са святаў і радасцей, але і з нялёгкіх турбот і нястомных будняў, у якіх здараецца рознае — добрае і благое, бо яшчэ не перавяліся людзі, чыя мараль знаходзіцца ў прамой супярэчнасці з духам і зместам нашага жыцця.

Яўген Каршукоў даўно і плённа працуе ў нялёгкім жанры сатыры і гумару, ужо выдаў дзве кніжкі гумарэсак, таксама пасобныя апавяданні, якія друкаваліся ў розных выданнях. Ён валодае на практыкаваным пісьменніцкім позіркамі, пільным да заган жыцця, умее знайсці ў ім характары і сітуацыі — аб'екты яго выкрываўчай іроніі, а то і злосці.

Зместам многіх са змешчаных тут апавяданняў з'яўляецца тое малапрыкметнае, а часам і няўлоўнае, міма чаго звычайна праходзіць чалавек, не надзелены талентам гумарыста. Неназойлівы гумар Каршукова часам прымушае чытача зірнуць і на сябе з нечаканага боку. Нярэдка ўсё апавяданне заканчваецца нечакана, несучы новы паварот думкі, у якой — канцэнтраванае выражэнне аўтарскай ідэі, ягоны прысуд. Многія апавяданні грунтуюцца на аўтарскай самаіроніі, якая выклікае добрую ўсмешку чытача, нават спачуванне да небаракі-апавя-

дальніка, у той час як у інших гумарэсках выкрываючы голас аўтара гучыць на поўную сілу, бескампрамісна. Вядома, сам па сабе ні той, ні другі метад не мае перавагі над іншым, уся справа ў мастакоўскіх меры і мэце, якія Яўген Каршукоў выдатна адчувае і якімі карыстаецца беспамылкова.

Ва ўсякім разе мы разам з аўтарам ахвотна смяёмся са шмат якіх характараў і сітуацый, апісаных у гэтай невялічкай кніжцы, і закрываем яе з пачуццём удзячнасці аўтару за некалькі хвілін асалоды і захаплення.

[1982]

АНДРЭЙ МАКАЁНАК

Усё сваё свядомае жыццё Андрэй Макаёнак самааддана любіў тэатр, якому служыў у поўную сілу свайго яркага драматургічнага таленту. Гэтая яго любоў прайшла праз мноства цяжкіх выпрабаванняў, і кожны іншы менш моцны талент мог бы зачахнуць ад іх, яшчэ не развіўшыся. Кожны іншы мог бы адступіць, адрачыся, тым больш што ў жыцці знайшлося б нямала іншых не меней вартых і важных спраў. Але не такі быў Макаёнак. Апрача непаўторнага мастакоўскага таленту, ён меў яшчэ і ўпартую волю салдата, сапраўдны характар байца, які толькі гартаваўся ў нягодах жыцця, стаў больш чалавечны і мудры.

Ён быў сапраўдны баец, мабыць, яшчэ задоўга да таго, як стаў палітруком стралковай роты на Крымскім фронце, дзе быў цяжка паранены, і гэта раненне ледзьве не каштавала яму жыцця. Але ён здолеў абараніць сябе, як да гэтага абараняў кожную пядзю роднай зямлі, а пасля адстойваў ідэалы добра і справядлівасці, і самой сілай уласнага таленту служыў людзям.

У той жа час гэта быў надзіва мяккі, кампанейскі чалавек, надзейны і верны таварыш.

Яго драматургія населена цэлым натоўпам самабытных народных характараў, кожны з якіх — увасабленне аўтарскай думкі, мары, ідэі. Ад п'есы да п'есы ішло развіццё ягонага таленту камедыёграфа, які заваяваў тэатры краіны і за рубяжом; мільённыя натоўпы глядачоў сталі ягонымі паклоннікамі. Пачынаючы са славутай камедыі «Выбачайце, калі ласка!», што ўбачыла святло рампы ў 1953 годзе, аж да нашых дзён зпад яго п'яра выходзілі ўсё новыя і новыя п'есы, і яго імя даўно стала поруч з імёнамі самых прызнаных драматургаў краіны.

Андрэй Макаёнак выдатна валодаў сцэнічным сакрэтам гумару, які ў яго, аднак, не быў самамэтай, а заўжды дасканалым сродкам выяўлення ідэі, мастацкаю зброяй у барацьбе з заганами жыцця. Смех у Макаёнкі — заўжды адмаўленне ў імя сцвярджэння, нават там, дзе дзейнічаюць, здавалася б, адны толькі адмоўныя персанажы. Як правіла, абвостраная канфлі-

ктнасць ягоных п'ес ёсць вынік максімалізму макаёнкаўскай жыццёвай пазіцыі, аўтарскае непрыняцце і сцвярджанне адначасна.

А. Макаёнак напісаў багата, тэматыка ягоных камедый надзвычай разнастайная. Пачаўшы з драматургічнага даследавання замежнага жыцця («На досвітку»), ён выдатна развіў гэтую тэму ў «Зацюканым апостале», які прынёс яму заслужаную славу майстра сатыры. Сапраўды, сіла выкрывальніцкага сарказму гэтай п'есы, багацце падтэксту, філасофская насычанасць рэплік зрабілі яе ўніверсальнай зброяй сучаснасці супраць свету, дзе фальш з такім намаганнем імкнецца замаскавацца пад праўду.

Поспех «Зацюканага апостала» несумненны і агульнапрызнаны, але ён не стаў вызначальным для далейшай творчасці драматурга, улюбёнай стыхіяй якога ўсё ж засталася вёска і адвечныя яе праблемы. Тут ён, як, можа, ніхто з нашай беларускай драматургіі, падняў самыя глыбінныя пласты народнага жыцця і стварыў вобразы-тыпы, якім жыць доўга. Далёка па тэатральных падмостках разышліся ягоныя Калібераў і Мошкін, Лявон Чмых са сваёю Лявоніхай, Цярэшка Калабок, дзед Каравай, персанажы яго апошняй камедыі. І гэта зразумела. Валодаючы багатым жыццёвым вопытам, чуйна прыкмячаючы найменшыя змены грамадскай атмасферы краіны, выдатна адчуваючы душу селяніна наогул і селяніна-калгасніка ў прыватнасці, з густам наследуючы лепшым мастацкім традыцыям класічнага тэатра, Андрэй Макаёнак таленавіта і дакладна стварыў яркія народныя характары ў тыповых абставінах іх жыцця.

Ён выдатна ведаў жыццё, заўжды крута варыўся ў яго трудных клопатах, жыва цікавіўся міжнароднымі справамі нашай краіны, шмат ездзіў, бываў на ўсіх кантынентах, і ягоная душа заўжды поўнілася брацкім спачуваннем да простых людзей і гарэла нянавісцю да іх прыгнятальнікаў. Асабліва ён ненавідзеў усіх масцей і адценняў бессаромных палітыканаў, здольных дзеля барышоў або ў імя ўласных шалёных ідэй кінуць свет у бездань новай вайны. Як былы салдат, ён выдатна ведаў, што такое вайна і чаго яна каштуе людзям.

Аб тым яго апошняя п'еса «Дыхайце эканомна», дзе сілай макаёнкаўскай любові і нянавісці зрываюцца ўсе маскі дабрачыннасці з тых, хто, на словах выступаючы супраць вайны, на справе бачыць у ёй сродак для новай, вытанчанага асалоды ўладай. Напэўна, ні ў адной з яго ранейшых камедый мака-

ёнкаўскі сарказм выкрыцця не дасягаў такога з'едлівага май-стэрства, ніколі яшчэ Макаёнак не паднімаўся гэтак высока ў высакароднай справе абароны міру на нашай зямлі, як у гэтай поўнай досціпу і гумару выдатнай сатыры.

Шкада, што ён не ўбачыў яе на сцэне, не дажыў да публікацыі ў часопісах. Асколак нямецкай сталі, што чатыры дзесяцігоддзі таіўся ў ягоным параненым целе, зрабіў сваю каварную справу. Але мы ўбачым і мы прачытаем. І мы будзем удзячны мастаку, які столькі зрабіў для галоўнае справы на гэтай зямлі — барацьбы са злом у імя сцвярджэння добра, справы, якой было аддадзена жыццё выдатнага пісьменніка краіны.

[1983]

[ИНТЕРВЬЮ ГАЗЕТЕ «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»]

— *Вы написали пятнадцать повестей и множество рассказов. И все — про войну.*

— Так вы считаете?

— *А вы — не так? «Фронтовая страница». «Третья ракета». «Западня». «Атака с ходу». Сами названия уже определяют и время, и место. Дело, понятно, не в названиях — в сути. Достаточно припомнить основные события хотя бы одной, вероятно, самой известной вашей повести — «Сотников»...*

— Разве эта книга только о войне?..

— *Выбор... Говоря о ваших книгах, Василий Владимирович, чаще всего речь ведут именно об этом.*

— Да, выбор... На поверхности — падение или взлет. Глубже — жизнь или смерть. И еще глубже и проще: сумеет ли человек остаться человеком, сможет ли отстоять свое достоинство?

— *В обычной жизни, мне кажется, не столь жесткие точки отсчета.*

— Возможно. Но я предпочитаю говорить о войне, потому что война — это жизнь на пределах человеческого. А уж коли сама жизнь идет до пределов, то и нам, людям, важно и нужно досконально эти пределы познать.

— *Вы их знаете?*

— Нет. Для того и пишу, чтобы узнать...

— *Ужесточение жизненной ситуации не означает ли обеднение и упрощение ее?*

— Вопросы жизни и смерти — из самых главных. А если так, стало быть, их и достаточно, чтобы сказать сполна о самой жизни. Без эффектов. Без ненужных красот и красотостей.

— *А красота подвига?*

— Подвиг — это когда сама гибель оправдана общезначимым результатом. А если не оправдана? Если не принесла результата? — спрашиваю себя. — Виноват ли в том погибший? Нет. Чаще всего нет... Война была такая страшная, что многие гибли, не сделав ни единого выстрела, так и не поняв, что уже погибли...

Прежде всего веду речь о гражданском населении, разумеется. О тысячах тысяч погибших жителей советских городов и деревень... Считаю своим долгом говорить и говорить и о такой смерти, и такой судьбе. Здесь, считаю, много правды о войне, которая, как известно, действует далеко не по законам красоты и логики.

Для чего, собственно, писать о войне? Для того, чтобы говорить правду о войне. А если мы знаем, что эта война — самая страшная за всю историю, то, стало быть, есть смысл брать трагические обстоятельства, направленные против достоинства человека на войне и возле нее.

— *Крайности убедительны, только вряд ли вся правда в них...*

— Что значит «вся»? Где она, «вся»? Фашизм — это самая жестокая военная машина. Но нельзя забывать, самая жестокая еще и потому, что умная. Не оставляющая — в своем «идеале» — ни единого выхода, ни единой надежды на спасение жизни и духа. Умело уничтожающая и физически, и нравственно... Если ты реалист и пишешь о войне, то это надо брать за исходное. Надо начинать с этого страшного нуля. И идти дальше... Мы утверждаем: человеческое в человеке всегда сильнее. Это правда. Но это долженствование, эту интуитивную веру необходимо подкрепить бесстрашным поиском и примером. Иначе нынешнему человеку трудно научиться выстаивать и побеждать в схватках с идеологиями и силами, по своему изуверству и глобальности родственными фашизму...

Я не знаю, не могу знать самых «предельных» пределов... Но во всяком случае я знаю и утверждаю в своих книгах, что наш, советский человек способен, может противостоять самым страшным силам...

— *Нелегко, верно, живется в быковском «пространстве крайностей»...*

Быков усмехается. Не понять, грустно или иронично...

— Нелегко. Зато, смею думать, — честно.

— Вы «помещаете» своего героя, Василий Владимирович, во все более трудные условия. Взять хотя бы Ивановского из повести «Дожить до рассвета» — лейтенанта, отдавшего жизнь в обмен, если можно так сказать, на одну жизнь обозного солдата и один воз соломы... Но не возникает ли для писателя в этом движении к сути опасность, отбросив все, остаться перед пустотой?

Светлые брови нахмурены... Острый, пристальный взгляд. И не сразу, но твердо:

— Нет.

— ...

— Потому, что я следую за человеком. Что для меня главное? Не как должно вести себя в такой-то ситуации, а как поведет себя этот человек в этой ситуации.

— А если все пределы исчерпаны?

— «Если» — это уже из области игры...

— Ну, игра или нет, а на вопрос вы прямо не ответили...

— А вы определите сначала, где они, эти пределы, на какой отметке расположены.

— Хорошо. Тогда я иначе спрошу: что движет вами? Чем вы руководствуетесь, ставя своего героя во все более трудные обстоятельства...

— Мы, воспитывая, куда чаще показываем потолок, нежели пол, небо — нежели землю. Я против этого. Я за то, чтобы человек, в особенности молодой, был психологически подготовлен к незнакомому, необычному. Необычное же — это не только выдающееся. Это часто заурядное, но на пределах возможного... Такова судьба Ивановского, того же Сотникова, да и старосты, и Дёмчихи из повести «Сотников». Что особенного совершили они? Ничего. Это по одной мерке, если мерить глобальными масштабами. И — многое, если мерить иначе. Они сумели остаться людьми...

Мы, если говорим о войне, то, конечно, прежде всего речь ведем о выдающихся подвигах. Да, это нужно. Это и привлекает. Но, по-моему, полезно и важно говорить и о простых, а если реально оценивать опыт прошлого, то тоже чрезвычайно трудно сохраняемых ценностях. О чести, о достоинстве человека, которое тогда только достоинство, когда оно неизменно: и в уличной драке, и в общении с начальником, и в стремительной фронтовой атаке, и один на один — в столкновении с вражеским танком. В таких разговорах не красота, не романтика должна быть главным аргументом. А — правда. Будничная правда. Ведь ужас будничной, безвестной смерти — одно из

самых тяжких испытаний для человеческой души. На войне редко кому человеку выпадало взорвать эшелон, уничтожить колонну вражеских танков. Для этого, кроме характера, нужны и средства, и время, и место, и многие другие условия. Которые должны еще и совпасть. Нередким было другое. Каждому надо было быть готовым отдать жизнь, чтобы не прошел хотя бы один вражеский солдат. Чтобы отстоять хотя бы одну пядь родной советской земли.

Да, мы верим, мы убеждены, что жизнь всегда побеждает. Но в основе этой веры должен быть не бездумный наивный автоматизм: после «сегодня» обязательно наступит «завтра»... Наступит. Если, конечно, каждый сознательно готов обеспечить его наступление. Речь — о силе, о способности выстоять и в тех случаях, когда выжить — не достойнее, чем умереть. Когда выжить — значит подчас согласиться, сломаться... Рыбак, например, выбрал жизнь. Любой ценой, ценой чести — но жизнь. Сотников выбрал достоинство.

— Но на войне были, вероятно, и иные ситуации? И иные решения — при не менее однозначных обстоятельствах...

— Разумеется. Когда жить — означало побеждать. Бороться и побеждать: с оружием, без оружия, даже фактом существования своего несдающегося «я». Но не надо обольщаться видимой простотой и легкостью такой судьбы... Рыбаку и эта судьба вряд ли была по силам: ведь жить, положим, в концлагере, в гестаповском застенке, под пытками, под страхом крематория — составляло куда более страшное испытание, нежели умереть...

— Василий Владимирович, приземленность отрезвляет, но она же, как известно, может подрезать крылья.

— Да нет, вы не правы. Хочешь вырастить стойкой, глубокой молодую душу — не допускай «ножниц» меж реальным и должным, меж тем, что есть в жизни, и тем, что ты, из лучших побуждений, частично умалчивая, местами приукрашивая, общаешь о ней. «Ножницы» — это две морали, две совести, две нормы поступка.

Это не что иное, как воспитательный, педагогический брак. К важнейшему делу воспитания необходимо подходить только с позиций партийности, только с позиций правды. Суровая же школа жизненной правды еще никогда и никому не помешала.

— Нынешние молодые... Коли уж мы заговорили, то давайте до конца определим: какими вы их видите?

— Они мне, в общем-то, нравятся... Тут вот что важно: еще никогда нравственные состояния войны и мира не совпадали

полностью. Смелый в мирной жизни — не значит еще непреходящий храбрец на войне. И по-другому: парень, на которого рукой махнули — как знать? — может, он-то героем и станет! Я все это к тому, чтобы предостеречь от скоропалительности: к месту и не к месту прикладывать беспощадно жесткие фронтовые мерки — к мирной-то жизни... Прикладывай, да не ошибись.

— *А вы не боитесь ошибиться, «прикладывая» свои, тоже военные, мерки к современным проблемам?*

— А это вовсе не так! — засмеялся Быков. — Ничего-то я не прикладываю и не притягиваю.

— *Непонятно...*

— Я просто считаю, что должно быть общее, и есть оно — скажем, на глубине корней: философских, нравственных. Эти-то «корни» меня и интересуют.... Конечно, автору, говоря слогом старомодных романов, хотелось бы надеяться, что все же некоторые его нравственные и философские выводы окажутся универсальными.

— *Некоторые?*

— Да. Некоторые, — становится он сразу серьезным. — Мы утверждаем: в жизни всегда есть место подвигу. Совершенно справедливое крылатое выражение. Только как бы нам всем избежать упрощения в его понимании и толковании! Вот когда все уезжали на целину, один поэт взял и написал одно яркое стихотворение, как хорошо ехать на целину, вот бы сейчас и он поехал — и так далее... Стихотворение напечатали. Похвалили. Поблагодарили. И предложили поехать. «Да вы что, товарищи?! — взмолился поэт. — Не понимаете?! Мое дело — написать, а поехать — это уже их дело!»

Как бы нам и так сделать, чтобы «написать» и «поехать», «отправить» и «пойти» — совпадало в одном человеке до точки... Я вообще считаю, что нужно беспощадно наказывать тех, кто, сам оставаясь в тени, берется подталкивать кого-либо на поступок, которые сам бы ни за какие коврижки не совершил и родному сыну бы не посоветовал.

Тут важно время, как говорил Достоевский, представить, что на месте другого, чужого — твоя сестра, твой сын, твоя мама. Наконец, если этого мало, то и ты — сам.

— *Что же вас занимает более всего, что для вас важнее — «война» или «мир»? Проблемы прошлого или проблемы современные?*

— Как вам сказать? — задумался Быков, откидываясь в кресле и уронив светлые тонкие волосы на белый нахмурен-

ный лоб. — Я в любом случае предпочитаю говорить о настоящем, а не только о прошедшем. Хотя в прошлом наши корни, и надо разбираться в них, чтобы понять, куда и как растет ствол настоящего...

Это, наверное, и есть самое важное?

Интервью вел Александр Афанасьев.

[1983]

[ІНТЭРВ'Ю ГАЗЕЦЕ «ГОЛАС РАДЗІМЫ»]

— *А як жа, Васіль Уладзіміравіч, склалася першая кніга? Чаму вы ўзяліся за пяро?*

— Не адразу. Спатрэбілася каля дзесяці год, каб асэнсаваць горыч перажытага. Я прадстаўнік забітага пакалення. З кожнай сотні маіх аднагодкаў, што пайшлі на фронт, у жывых засталася трое. Усяго ж савецкі народ страціў у барацьбе з фашызмам 20 мільёнаў сваіх лепшых сыноў і дачок. У зямлю ляглі людзі, якія маглі будаваць гарады і вырошчваць хлеб, любіць і нараджаць дзяцей... Такія раны не загойваюцца.

Я ўцалеў, хоць пасля аднаго з баёў каля вёскі Вялікая Севярынаўка таварышы, палічыўшы мяне забітым, унеслі маё прозвішча на абеліск над брацкай магілай. Лічу сваім абавязкам ад імя загінуўшых выкрываць жорсткасць вайны, яе антычалавечую сутнасць. Асэнсаванне ваеннага мінулага, якое з'яўляецца цэлай эпохай у жыцці народа, даследаванне псіхалогіі звычайнага чалавека ў незвычайнай гістарычнай схватцы — галоўная тэма маёй творчасці.

— *Наколькі аўтабіяграфічныя вашы творы?*

— Кожная мая аповесць пра вайну створана на падставе асабістага вопыту і ўяўлення або дакладных ведаў і домыслу. Домысел пры гэтым прасціраецца строга ў межах магчымага. Напрыклад, адна з маіх першых аповесцей «Трэцяя ракета». Я сам камандаваў у стралковым батальёне ўзводам процітанкавых 45-міліметровых гармат, з якімі перажыў на фронце нямала драматычных момантаў. «Саракапятку» за яе недастатковую эфектыўнасць як процітанкавага сродку пяхоты і нас напаўжарт-напаўсур'ёзна называлі «бывай, Радзіма». Сапраўды, вельмі многія з нас назаўсёды развіталіся з Радзімай. Для апо-

весеці я ўзяў адны суткі баёў «саракапяткі», але ўшчыльніў у іх звычайныя падзеі нашых будняў.

— *Ваша новая аповесць «Знак бяды», якая летась друкавалася ў часопісе «Польмя», была адзначана ў друку як этапны твор, дзе Васіль Быкаў выходзіць на новыя для сябе межы...*

— У «Знаку бяды» няма франтавых баёў, партызанскага змагання, партызан. Ёсць толькі маленькі хутар і двое яго жыхароў — Сцепаніда і Пятрок, што ціха дажывалі тут свой век, калі прыйшла вайна.

— *Ці зрабіла ўплыў творчасць іншых літаратараў на фарміраванне вашых поглядаў?*

— Сапраўды, пра вайну было напісана ўжо нямала. Дастаткова, напрыклад, успомніць кнігі выдатнага савецкага баталіста Канстанціна Сіманава. Але мне бліжэй аказаліся першыя кнігі такіх маіх равеснікаў, таксама былых франтавікоў, як Рыгор Бакланаў, Юрый Бондараў, Віктар Астаф'еў. Іх цяпер называюць другой хваляй савецкай ваеннай прозы. Яе вызначае перш за ўсё паказ вайны не з вышыні камандных пунктаў армій, а адлюстраванне яе праз радавых працаўнікоў фронту — салдат, страявых камандзіраў. Я зразумеў, што змагу сказаць тут і сваё слова.

Мяне цікавяць не нейкія чыста стратэгічныя ваенныя моманты. Гэта справа гісторыкаў. Літаратуру пра вайну павінна займаць душа ваюючага чалавека, маральныя аспекты яго паводзін. І я сканцэнтравуў увагу на праблеме: чалавек і яго душа ў нечалавечых умовах смяртэльнай сутычкі, у дадзеным выпадку з нямецкім фашызмам.

— *Хемінгуэй вуснамі аднаго са сваіх герояў сцвярджае: «Чалавек адзін не можа». Вы ж, як правіла, пакідаеце сваіх герояў сам-насам са злым лёсам, у самых трагічных абставінах прымушаючы іх часам рабіць пакутлівы выбар паміж смерцю і несумленным учынкам...*

— Жорстка раблю не я. Самай жорсткай людскай трагедыяй з'яўляецца вайна. Яна не толькі забірае ў чалавека жыццё. Гэта не самае страшнае, хоць жыццё ў чалавека адно і бясконца дарагое кожнаму. Вайна — неверагоднае псіхалагічнае выпрабаванне. Нават пакідаючы ў жывых, яна нярэдка бязлітасна ламае душу чалавека, яго волю, назаўсёды перакручвае людскія лёсы. Вось чаму побач з героямі сустракаліся і маладушныя. Яны таксама фігуруюць у маіх аповесцях. Гэта суровая праўда вайны.

— *Помніца, Васіль Уладзіміравіч, такую вашу канцэпцыю спачатку называлі «акопнай праўдай». Учым жа, на ваш погляд, праўда вайны?*

— Праўда пра вайну разнастайная і ў той жа час адназначная. Гэта ўсё тое, што вызначае дух народа ва ўсіх падрабязнасцях — з народнымі пакутамі, народнымі перажываннямі, ахвярамі і горам, роўна як і гераізм народа. Менавіта праўда вайны з'яўляецца мэтай нашай літаратуры, нашага мастацтва.

Вайны не павінна быць ніколі. Мы, пісьменнікі ваеннага пакалення, сведчым пра свой час. І вельмі важна, каб гэта сведчанне было таленавітым і абавязкова сумленным. Жорсткая праўда пра вайну, яе псіхалагічныя, маральныя моманты будуць з найбольшай карысцю служыць людзям і чалавецтву ў яго нястомнай барацьбе за мір, супраць ядзернага вар'яцтва, што пагражае ліквідаваць жыццё на зямлі.

У гэтым сэнсе мае кнігі — пратэст супраць вайны ўвогуле. Я думаю, што ўся наша савецкая літаратура, якая піша пра мінулую вайну, па сваёй сутнасці антываенная літаратура. Таму што ўся барацьба савецкага народа з фашызмам была па сутнасці барацьбой супраць вайны, за мір. Носьбітамі вайны і ваеннай ідэалогіі былі гітлераўцы. Савецкія людзі вымушаны былі ўзяцца за зброю, каб абараніць Радзіму. Але мэтай іх барацьбы, іх імкненнем і звышзадачай быў мір, пастаянны мір у Еўропе і ва ўсім свеце.

В. Бькаў не спяшаецца выкладваць свае думкі і пачуцці на паперу. Паміж яго невялікімі па аб'ёму кнігамі часам праходзяць гады. Ён прызнаецца, што не садзіцца за рабочы стол, пакуль цалкам, да апошняй драбязы не вынасіць у галаве ўвесь сюжэт, усе дэталі вобразаў герояў. Пры гэтым застаецца прыхільнікам аднаго жанру — аповесці.

— Аповесць — самы ёмісты, канкрэтны праявічны жанр, — гаворыць пісьменнік. — Раман празмерны для маіх праблем, патрабуе больш часовай нагрузкі, большага ахопу жыцця з вялікай колькасцю герояў. Мне ж, як вы, напэўна, заўважылі, дастаткова іншы раз аднаго-двух.

— *Васіль Уладзіміравіч, даволі працяглы час вы працавалі літаратурным кансультантам — прачыталі сотні твораў пачынаючых праявікаў і паэтаў. Што вы можаце сказаць у цэлым пра стан сучаснай беларускай літаратуры?*

— Яе фундаментальныя асновы на зары дваццатага стагоддзя заклалі нашы выдатныя нацыянальныя класікі, народныя паэты Янка Купала і Якуб Колас, 100-годдзе з дня нараджэння якіх па рашэнні ЮНЕСКА ў 1982 годзе шырока адзначалася ва ўсім свеце. Іх выдатныя традыцыі рэалізму, увагі да простага чалавека, разняволенага рэвалюцыяй і ўсвядоміўшага

сваю нацыянальную годнасць, прадоўжылі многія літаратары старэйшага пакалення.

Пасляваенная проза, мне здаецца, развіваецца ў некалькіх напрамках. Першы — сучаснасць. Усё, што звязана з аднаўленнем народнай гаспадаркі, з ростам гарадоў, з праблемамі вёскі. Другая тэндэнцыя — і ў гэтым беларуская літаратура дасягнула значных поспехаў — гэта адлюстраванне чатырох год барацьбы з нямецкім фашызмам. Сюды ж адносіцца і партызанскае мінулае рэспублікі, гераізм яе падпольшчыкаў у гарадах. Дарэчы, тут у сэнсе мастацтва значна больш цікавых аспектаў, чым у апісанні вайны франтавой з яе ў значнай ступені армейскай рэгламентаванасцю: больш вялікая стыхія характараў і акалічнасцей. Гэтай сваёй тэмай беларуская літаратура выйшла за межы рэспублікі, дабілася прызнання чытачоў у Савецкім Саюзе і іншых краінах. Найбольшыя дасягненні звязаны з імёнамі Міхася Лынькова, Івана Мележа, Янкі Брыля, Алеся Адамовіча, Івана Шамякіна, Івана Навуменкі, Івана Пташнікава, паэтаў Аркадзя Куляшова, Максіма Танка, Пімена Панчанкі, Рыгора Барадуліна.

Нарэшце, самая новая тэндэнцыя — гістарычная, жаданне зазірнуць у далёкае мінулае. Гэты бок народнага жыцця ў нашай літаратуры быў распрацаваны менш за ўсё. Значная з’ява тут стала творчасць Уладзіміра Караткевіча. Яго гістарычныя раманы, аповесці таленавітыя і глыбокія па думцы.

— *Пра вайну сёння пішуць і тыя, хто нарадзіўся пасля яе. Як вы ацэньваеце гэтыя спробы?*

— Думаю, што, пакуль жывыя сведкі і ўдзельнікі мінулай вайны, галоўнае і першае слова пра яе належыць ім. Але, зразумела, да гэтай тэмы падключаецца і пасляваеннае пакаленне мастакоў. Творчасць іх, аднак, не можа быць першаснай, яна вытворная ад ужо напісанага пра вайну. Яна можа быць значнай нечым іншым: новым асэнсаваннем псіхалагічнага і сацыяльнага парадку, але не рэканструкцыяй праўды вайны. Сапраўднымі носбітамі гэтай складанай праўды з’яўляюцца, на маю думку, толькі яе сведкі і ўдзельнікі.

— *Апошняе пытанне, Васіль Уладзіміравіч. Што вы лічыце галоўнай задачай мастака ў наш трывожны час?*

— Не быць у баку ад барацьбы за мір. А гэта значыць, што ва ўсе часы, пры ўсіх перыпетых палітыкі, на ўсіх стадыях развіцця дзяржавы пісаць праўду. Трагедыя вайны не павінна паўтарыцца.

*Інтэрв’ю ўзяў В. Хадасоўскі.
[1983]*

НАШЫ СІЛА І ВОЛЯ

Ідзе час, але не цьмянеюць у памяці людзей гады вайны, веліч нашай Перамогі над нямецкім фашызмам. Цяжка пераацаніць яе значэнне ў гісторыі, цяпер ужо відаць, што на яе падмурку збудавана ўсё сучаснае, а быць можа, і будучае чалавецтва. І зараз, калі зноў зрабіўся нетрывалым мір на зямлі, калі сілам агрэсіі і разбою не сядзіцца ў спакоі, мы ўспамінаем нядаўнія ўрокі, дадзеныя людзям вайной, і зноў упэўніваемся ў неабвержнасці нашай праўды — праўды міру і гонару.

Адной з адметных рысаў мінулай вайны была яе ўсенароднасць, калі за агульную справу — на фронце, у прамысловасці, у сельскай гаспадарцы, у партызанскім тыле — змагаліся ўсе, ад малых да старых. Няхай не ўсе рызыкавалі ў аднолькавай меры, але ўсе аддавалі сябе, свае майстэрства, вопыт і сілу дзеля Вялікай Перамогі, якая абышлася для нас такой дарагой цаной. Велізарнае напружанне ўсіх фізічных і духоўных сіл народа, вялізныя матэрыяльныя выдаткі, 20 мільёнаў чалавечых жыццяў — вось плата савецкага народа за яго самую цяжкую і велічную ў стагоддзях Перамогу. Салдацкай жа платой, асабістым укладам байца ў імя будучыні часам аказвалася яго асабістае жыццё, расстацца з якім было дужа нялёгка, але, як нярэдка здаралася, — іншага выйсця не выпадала. І мільёны маладых ды і старэйшых людзей — мужчын, хлопцаў, жанчын — прынялі смерць, выразна ўсведамляючы, што якім бы дарагім ні было жыццё кожнага, лёс Радзімы і чалавецтва непараўнальна важней.

Салдат гінуў проста і без скаргаў, сумленна і да канца выконваючы свой абавязак, і толькі ў душы ў яго, можа быць, апошняю перадсмяротнаю думкаю было ўсведамленне пранізлівай заўчаснасці гэтай яго пагібелі. Можна ўявіць сабе ўвесь трагізм яе ўлетку 41-га года, калі такой распльвіста-няпэўнай здавалася бліжэйшая будучыня, такой вялізнай была небяспека для Радзімы. І той, хто гінуў, як бы ён ні верыў у нашу перамогу, не меў нават уяўлення аб тэрмінах яе ажыццяўлення, не ведаў, колькі прадоўжыцца вайна і які адрэзак зойме ў ёй уласнае жыццё — палову, чвэрць або і яшчэ меней. А гадоўнае — так мала гады, у сорак першым, было перамог і так многа роспачы. Няпроста было паміраць і ў сярэдзіне вайны, калі чаша ваеннай удачы па-зраднацку вагалася то ў адзін, то ў другі бок, а наперадзе ляжаў такі доўгі, крывёю паліты шлях — ад Волгі да Эльбы. Да таго ж у гэты пераломны час ужо

вызначылася наша баявая сіла, узрасло ваеннае майстэрства; у гады Сталінградскай і Курскай бітваў мы ўжо навучыліся ваяваць на роўных, хаця гэтая навука і далася нам празмерна вялікай крывёю. Але менавіта ў цяжкіх пераможных бітвах многія расставаліся з жыццём, гаротна ўсведамляючы, што зрабілі для Перамогі далёка не ўсё, што маглі б зрабіць, што надта заўчасна абрываецца іх поўнае сілы жыццё, што цяпер, калі ёсць умельства, пераадолены страх і набыта рашучасць, менавіта цяпер з'явілася магчымасць біць ворага пэўна. З такімі або падобнымі думкамі яны адыходзілі ад нас назаўсёды. Праз шмат гадоў, глядзячы на пажайцельныя фатаграфіі гэтых рана пасталелых хлопцаў у пакамечаных гімнасцёрках з пятліцамі на каўнярах, рэдка і скупа ўзнагароджаных, не ведаеш, што падумаць? Ці то зайздросціць, што яны воляю ваеннага лёсу сышлі з паловы шляху, на якім столькі яшчэ давялося стрываць, перажыць і столькім загінуць на сваёй і на чужой зямлі, ці, можа, паспачуваць: столькіх пераможных радасцей не ўбачылі яны, далёка не дайшоўшы да Берліна. Ну, а тыя, што гінулі на самым зыходзе вайны, у сорак пятым? Менавіта ў гэтым годзе, больш чым калі-небудзь раней, пачалі мы задумвацца над будучым, дапытліва імкнучыся зазірнуць за рысу, якая вось-вось павінна была падзяліць вайну з мірам. Заставалася зусім нямнога, ішлі баі ў сэрцы Германіі, акружалі Берлін, штурмавалі рэйхстаг. І на кожным вогненным метры гінулі, прайшоўшы тысячы кіламетраў да жаданай мэты і не дабегшы вартыя жалю метры да міру. Многія, уцалеўшы на вайне доўгія чатыры гады, не дажылі некалькіх кароткіх гадзін да запаветнага спынення агню. Балючае ўсведамленне гэтага *неда* чым бліжэй да канца вайны, тым вастрэй упівалася ў салдацкае сэрца, але і яно не магло стрымаць усеагульны парыв, спыніць апошні рывок у атаку, смяртэльны кідок на варожы бункер. Трэба зазначыць яшчэ, што да гэтага часу мы ўжо зблізіліся адзін з адным, прыцёрліся, а то і здружыліся з тымі, хто быў з намі побач. К канцу вайны, як ніколі раней, узмацнела франтавая таварыскасць, і, можа, таму кожная страта байца ў агульным страі была яшчэ і горкай асабістай стратай для многіх яго таварышаў па зброі.

Перада мной старэнькі, ваенных гадоў здымак, зроблены недзе ў тыле на фарміроўцы, добра пацёрты за гады ў нагруднай кішэні гімнасцёркі. На ім чатыры афіцэры, камандзіры рот і ўзводаў, ні аднаму з якіх не пашчасціла дажыць да Перамогі. Першы з іх вельмі хутка загінуў на Дняпры, апошні быў забіты ў Аўстрыйскіх Альпах 27 красавіка 1945 года. Я ўглядаюся

цяпер у іх маладыя твары і хачу прачытаць у іх скіраваных у аб'ектыў позірках нешта такое, чаго не заўважаў раней, але што павінна адкрыцца сёння, праз шмат часу пасля іх пагібелі. Гэта дрэнна мне ўдаецца, таму што ва ўсіх чатырох вельмі будзённыя выразы твараў з трошачкі прытоенай гарчынкай ад нялёгкай іх долі, схаванай у сабе трывогі за будучае. Але ні просьбы, ні жалбы, ні дакору, і гэта зразумела. У момант фатаграфавання яны жылі агульнымі для ўсіх справамі, штодзённымі клопатамі, і хаця салдат заўсёды гатовы да самага горшага на вайне, ён стараецца аб тым не думаць.

Позіркі загінуўшых могуць нешта выказаць або не выказаць нічога, але мы, тым, што воляю лёсу выжылі, сталі больш чым удвая старэйшыя і, трэба лічыць, мудрэйшыя за іх, мы абавязаны ўбачыць у іх тое значнае, што так дорага было для іх і ў роўнай меры важна для нас сёння.

Перш за ўсё мы абавязаны разгледзець у іх маўклівую просьбу *памятаць*, не забыць у змене гадоў іх імёны і іхнія справы, расказаць нашчадкам пра сэнс іх жыцця і асабліва — іхняй заўчаснай смерці. Даўно вядома, наколькі зменлівая і недасканалая чалавечая памяць, якую няшчадна размывае час, па крупінках забіраючы ў забыццё спачатку другаснае, менш значнае і яркае, а затым і істотнае. Не зафіксаваная ў дакументах, не асэнсаваная мастацтвам гісторыя і жыццёвы вопыт людзей вельмі хутка выціскаюцца з памяці чаргою бягучых спраў і падзей і назаўсёды трацяцца з духоўнай спадчыны народа. У гады вайны, калі чалавечае жыццё нярэдка было толькі сродкам да вялікай мэты, не так важным здавалася імя чалавека, што ўпаў побач, дастаткова было ведаць, што гэта свой, і апошнім клопатам жывых было аддаць яго цела зямлі. У гарачцы баёў мы здавальняліся словамі вядомай эпітафіі на фанернай таблічцы пад такой жа фанернай зоркай: часам толькі памеры насыпу на брацкай магіле прыблізна сведчылі аб колькасці ў ёй пахаваных. Але вось пасля стала зразумела, што нельга чалавеку без імя — жывому, а тым болей мёртваму. Намаганнімі грамадскасці і юных следапытаў цяпер адноўлены імёны нават на самых глухіх магілках, і ў гэтым ёсць справядлівы і глыбока гуманістычны сэнс: кожны, хто нарадзіўся пад сонцам і меў на зямлі свой твар, павінен мець і імя; той, хто ляжыць у брацкай магіле, тым болей. Імя на абеліску — гэта апошняе, што застаецца ад байца ў жыцці, і таму адзіная яго маўклівая просьба да жывых — не забудзьце!

Мёртвыя, вядома, не напамняць, але ж мы, жывыя, разумеем, што нам патрэбна ведаць пра іх па магчымасці больш.

У кожнага з іх была і малая радзіма, былі бацькі, былі іх хай малазначныя для нас сёння справы на заводзе, у калгасе, звязаныя з імі малыя і вялікія клопаты. Успомніць пра іх — абавязак жывых сяброў, аднапалчан, землякоў. На фронце нярэдка здаралася, што ў трагічных абставінах акружэння, цяжкіх баёў, прарыву былі здзейснены подзвігі, але ні тых, што здзейснілі іх, ні іхніх сведкаў не засталася ў жывых, і мы нічога не ведаем і, можа, ніколі не даведаемся аб невядомых героях. Але, калі ўжо хтосьці застаўся жыць, прайшоўшы праз выпрабаванні палонам, пакуты шпіталяў, можа, болей не вярнуўшыся не толькі ў сваю часць, але і ў дзеючую армію, было б недаравальна, калі б ён не паведаміў людзям пра подзвіг, сведкам якога апынуўся. Няважна, што памяць не захавала імя героя або той быў зусім незнаёмы, — пасля вайны захаваліся архівы, падшыўкі газет, дакументы, не меншае энергіі ў маладых следкаў, якія гатовы разблытаць самыя заблытаныя клубкі мінулага.

У колькі б твараў забітых вы ні ўглядаліся, мне здаецца, рэдка ў якім так ці інакш не прачытаецца няное, як дакор, пытанне да нас, жывых: а вы як? Якія вы цяпер? Тыя, хто ўцалелі і так доўга жывяце пасля нашай крывавай вайны? Вялікае мноства адценняў і сэнсу заключаецца ў гэтым нявыказаным пытанні, і для мяне асабіста яно — самае цяжкае і самае абавязваючае. Пры ўсёй яго няпэўнасці яно самае суровае і катэгарычнае. А што яно ёсць, гэта пытанне, я не толькі адчуваю, але ведаю пэўна: сам на іх месцы звярнуўся б да жывых перш за ўсё менавіта з гэтым пытаннем. Яно самае істотнае і грунтоўнае з усяго, што можа звязаць мёртвых з жывымі.

На жаль, час бязлітасны не толькі да чалавечай памяці, ён такі ж неміласэрны да ўсяго, што складае пэўную частку чалавечых адносін. Цудоўная рэч франтавое братэрства, выдатна, калі яно збераглося ад разбуральнага ўздзеяння гадоў, збераглося надоўга. Але вядома нямала выпадкаў і іншага роду, калі некалі моцная франтавая дружба не вытрымлівае выпрабавання часам, рушыцца пад націскам неспрыяльных для яе абставін, цьмее і знікае. Зрэшты, і гэта зразумела: з часам мяняемся мы самі, не абавязкова робімся горшымі, — становімся іншымі, і тое, ранейшае, што звязвала нас на фронце, што нам здавалася нятленным, дарагім і важным, больш не здаецца такім. Відаць, тут няма нічога заганнага, такая прырода чалавечай істоты. Але як важна, каб гэтая змена, калі ўжо яна непазбежна, адбывалася ў бок паляпшэння, маральнага ўдасканалення, а не да пагоршэння — чэрствасці, гіпертрафіі сябелюбства, раздражнёнай незадаволенасці навакольным.

Адстаяць ад разбуральнага ўздзеяння часу духоўнае я чалавека, зберагчы ідэалы франтавой маладосці, да канца дзён застацца вернымі духу таварыскасці, дружбы, захаваць гатоўнасць у любы момант рынуцца ў бой за справядлівасць — хіба не такі маўклівы заклік праглядаецца ў позірках нашых даўніх і вечна маладых таварышаў?

У святочныя веснавыя дні нашай Перамогі тысячы па-старэлых ветэранаў з'явіцца на вуліцах, пройдуць у калонах дэманстрантаў. Грудзі многіх з іх упрыгожаць узнагароды, у каго больш, у каго трохі меней, — гэтыя сімвалы ўмельства, храбрасці і майстэрства, праяўленых у жорсткай барацьбе з ворагам. Але ёсць і іншыя, часта сумныя сімвалы таго ж роду, прынесеныя жывымі з вайны, — знявечанае шрамамі цела, безумоўныя адзнакі інваліднасці. Няхай у гэтых людзей меней узнагарод (звычайна так і бывае), але ў час усенароднага свята ім першы паклон, першае слова ўвагі, наша першае братэрскае прывітанне.

Як вядома, на вайне месца ў баявым страі не выбіраюць, кожны знаходзіцца там, куды яго прызначаюць. У гады вайны дзяржава ператвараецца ў адзіны баявы арганізм, дзе кожны грамадзянін на сваім, прызначаным толькі яму месцы, з яго строга азначанымі функцыямі. Розныя ў кожнага праца, бой і роля ў розных родах войск, розныя вайсковыя абавязкі салдат і камандзіраў. Ветэраны сёння дакладна і па заслугах ацэньваюць кожнага са сваіх таварышаў, вылучаючы, аднак, пэўную катэгорыю самых вартых павагі. Мы аддаём належнае тараннай магутнасці танкістаў, якія ішлі наперадзе ў самую гушчыню агню і нярэдка канчалі жыццё ў саляравых вогнішчах сярод поля бою, лётчыкам — знішчальнікам і штурмавікам, што ня-мала дапамагалі пяхоце. Агульнавядома, як шмат зрабілі для перамогі артылерысты і мінамётчыкі. Але ў радасны дзень нашай доўгачаканай Перамогі наш самы нізкі паклон пехацінцу, байцу стралковага палка, хто прайшоў... не, не вайну — у пяхоце вайну не праходзяць, — хоць бы добрую частку тае вайны пад хуткастрэльным агнём нямецкай зброі, пад бомбавымі ўдарамі «месершмітаў» і «юнкерсаў», вытрываў пад гусеніцамі «пантэр» і «тыграў», пад густым градам мінных асколкаў, узяў на сваім шляху да Берліна безліч вёсак, вышынь і развілак, пад пякельным агнём фарсіраваў дзясяткі малых і большых рэк, знемагаў пад спякотным сонцам у пыльным стэпе, замярзаў на лютым ветры ў зімовым полі, забіваў ворагаў са свайго ППШ або «драгункі» і ўсё ж выжыў, не даў знішчыць сябе. Не змяншаючы заслуг воінаў іншых родаў войск, іхняга ўкладу ў

нашу Перамогу, сярод усіх іншых я выдзяляю менавіта яго — пехацінца мінулай вайны, далёка не бржавага выгляду салдата ў пакаменчаным, перапэцканым глінай шынялку, у абмотках на нагах, часта паўсоннага, дашчэнтэ стомленага, з недажываным кавалкам счарсцвелага хлеба ў супроцьгазавай сумцы, прытрываўшага да сваёй цяжкай долі, але заўсёды гатовага па свістку ротнага кінуцца ў агонь — насустрач пагібелі або перамозе. Калі, дарагі чытач, вы сустрэнеце ў такі дзень пехацінца — былога салдата, сяржанта, малодшага афіцэра стралковага палка, — пакланіцеся яму да зямлі — подзвігу болей гераічнага за ягоны не знайсці ў вяках.

Вялікая Айчынная вайна савецкага народа супроць нямецкага фашызму — цэлая эпоха ў гісторыі нашай краіны, бліскучая старонка яго гераічнага мінулага. Вайна забрала безліч чалавечых жыццяў, разбурыла сотні паселішчаў і гарадоў. І хаця за пасляваенныя гады ўсё адноўлена і адбудавана, воблік зямлі стаў яшчэ прыгажэйшы, нябачныя сляды вайны яшчэ застаюцца ў сэрцах і душах людзей. Яшчэ жывуць тыя, хто страціў на гэтай вайне сваіх блізкіх — у адзіноце дажываюць век асірацелыя з вайны старыя, браты і сёстры, выраслі без бацькоў дзеці. Відаць, і трэці стагоддзя мала, каб зацягнуліся ўсе душэўныя раны, прычыненыя гэтай цяжкай вайной. У адной толькі Беларусі ў гады вайны загінуў кожны чацвёрты з яе жыхароў, а ў некаторых абласцях (напрыклад, Віцебскай) загінуў кожны трэці. Калі ж узяць мужчынскае насельніцтва гэтай вобласці, то пасля вайны тут недалічыліся паловы мужчын. Па сутнасці, загінулі ўсе дарослыя мужчыны Віцебшчыны, якая дагэтуль не дасягае даваеннай колькасці жыхароў. Страты такога маштабу, зразумела, не могуць не адбіцца на сучасным развіцці эканомікі, ствараючы складаныя праблемы нястачы рабочай сілы ў сельскай гаспадарцы і на вытворчасці, накладваючы дадатковыя абавязкі на тых, хто працуе. Яшчэ доўга тут будуць помніць вайну.

Глыбінная сутнасць народнага подзвігу ў мінулай вайне з'яўляецца жыватворнай тэмай сучаснага мастацтва. Аб жыцці чалавека на вайне пастаўлена нямала выдатных фільмаў, створаны цудоўныя творы літаратуры. Адным з важнейшых крытэрыяў у ацэнцы твораў на тэму вайны з'яўляецца захаванне меры і такту ў адносінах да праўды вайны, яе ўдзельнікаў — жывых, але галоўным чынам — забітых. У шэрагу твораў тэатра і кіно апошніх гадоў, на жаль, гэты такт нярэдка ігнаруецца, праўда характараў і абставін грэбуецца ў імя таннай займальнасці або, што яшчэ горш, — недарэчнай камедыйна-

сці. Некаторыя ядрэнныя фільмы пра вайну, якія карыстаюцца поспехам у моладзі, непрымальны для непасрэдных яе ўдзельнікаў, бо ў фільмах паказваюць тое, чаго не толькі не было на вайне, але і не магло быць. Ці ёсць патрэба гаварыць, наколькі недапушчальна ў мастацтве на дадзеную тэму сачыненне пацяшальных фарсаў на крыві, камедыі на чалавечых пакутах. І тут узнікае складанае пытанне аб аўтарстве твораў на тэмы вайны, аб праве людзей, якія нарадзіліся пасля яе, пісаць і ставіць пра яе фільмы з шэрагам эфектных драбніц у надуманых і фальшывых сітуацыях. Вядома, для сучаснага кіно з яго вялізнымі тэхнічнымі магчымасцямі няма тэм, якія нельга было б узяць, кажуць, што мове кіно ўсё даступна. Але ў гэтай тэме, якая ўсё яшчэ сочыцца крывёю, калі няма катэгарычнага рэгламентавання, дык, мне думаецца, было б дарэчы кіравацца маральнымі аргументамі, накіравацца: можна, але ці трэба?

Псіхалагічная паглыбленасць, дакладны і суровы рэалізм адлюстравання драматычных, а то і трагічных перыпетый вайны — вось прымальны шлях пошукаў сур'эзнага мастацтва на тэмы мінулай вайны. І ў нас ёсць нямала менавіта гэтых прыкладаў твораў, бліскучых ва ўсіх адносінах, якія кранаюць перш за ўсё святой праўдай тых вогненных гадоў. Знамянальна прытым, што лепшыя кнігі і фільмы пра вайну — не толькі выдатныя ўзоры творчасці выдатных аўтараў, але і адначасна сведчанне ўдзельнікаў і відавочцаў. Значэнне іх у духоўным жыцці народа і ўплыў на народную свядомасць не мінецца з гадамі незалежна ад таго, што ў іх сыграе першаступенную ролю для будучыні — выхаваўчая функцыя патрыятызму або яркае і сумленнае сведчанне аб пакаленнях, якія вынеслі на сваіх плячах галоўны цяжар вайны. Асабліва для нашага часу, калі справа разрадкі напружанасці апынулася пад пагрозай зрыву перад тварам знішчальнай ядзернай катастрофы, пераможцаў у якой, як вядома, не будзе. Будуць зачыншчыкі татальнага знішчэння, спыніць якіх можа толькі Сіла і Воля.

Сіла і Воля, падобныя да тых, што сталі на шляху нямецкага фашызму і забяспечылі некалькі дзесяцігоддзяў міру ў Еўропе.

[Красавік 1983 г.]

[ИНТЕРВЬЮ ЖУРНАЛУ «ОТЧИЗНА»]

— *Расскажите, пожалуйста, об истоках вашего творчества.*

— Все дальше уходит война в невозвратное прошлое, эта самая большая война, освободительная война, равной которой не было в истории человечества. Минуло столько лет, почти четыре десятилетия, а память об этой войне жива в сознании народа, в сердцах и душах людей. Вот почему минувшая война — неуходящая тема нашей литературы. Все доскональнее хочется рассказать о событиях той беспрецедентной борьбы, о жизни тех, кто не увидел нашу Победу, хочется пристальнее взглянуться в их судьбы, осмыслить их подвиги и, наконец, соизмерить собственную мирную жизнь с деяниями тех, кто остался на полях сражений. Они, как и все мы, имели свои неповторимые лица, свои имена, что-то, возможно, успели совершить в жизни...

Четыре военных года по концентрации пережитого не сравнимы ни с какими другими годами нашей истории. Но по истечении стольких лет после войны возник обобщенный взгляд на происходившие события, мы видим их с большого расстояния, и потому особенно важно не утратить живое ощущение участника тех событий, оно неповторимо.

И в моей жизни эти четыре года войны вобрали в себя весь ступок мыслей и чувств, тот нравственный потенциал, которые навсегда оставили свой отпечаток. Эта жестокая память и обязывает нас, бывших солдат, рассказывать сегодняшнему поколению суровую правду о священной войне, которую вел советский народ.

Мы воевали за честь Родины, за свою свободу, за жизнь. Мы отдали 20 миллионов жизней в этой борьбе. В моей родной Белоруссии погиб каждый четвертый человек — четверть всей нации! Это не просто арифметика. Это — трагедия народа. Нужны шекспировские краски и страсти, шекспировский талант и драматизм, чтобы хоть приблизительно воспроизвести для ныне живущих то, что происходило в 1941–1945 годах.

Даже недруги поняли и признали: советский народ, приняв на себя основной удар военной мощи противника и сумев разгромить его, спас не только себя, но и все человечество от фашистского порабощения. Он нашел в себе физические и духовные силы, необходимые для того, чтобы выстоять и победить, явив миру образец массового героизма. Исследовать истоки этого героизма, показать во всем богатстве черты со-

ветского человека, отобразить всеобщность борьбы — такова потребность художника, писателя. Создано много хороших книг о воинском и трудовом подвиге и в русской литературе, и в литературах национальных республик. В белорусской же литературе отображение подвига народа в войне стало едва ли не доминирующим.

Не писать о пережитом и увиденном не мог и я, не имел права. Мой опыт солдата-фронтовика и сослужил мне неоценимую службу...

— *Где вас, Василий Владимирович, застала война?*

— На Украине в городе Шостке, куда я приехал в субботу, 21 июня. Вначале был инженерный батальон, почти круглосуточная работа по сооружению укреплений, отступление, потом военное училище. Там получил звание младшего лейтенанта и специальность командира взвода. А затем — передовая. Всего лишь дважды ранен, один раз... похоронен. По ошибке, конечно. Кончил войну в Австрии. Естественно, многое из пережитого и перечувствованного легло в основу моих повестей.

— *Которая из них наиболее автобиографична?*

— Пожалуй, «Третья ракета». События, описанные в ней, происходили в моем взводе в течение нескольких дней. Я же «спрессовал» их в одни сутки. У героев повести есть реальные прототипы: командир орудия, другой герой «пришел» в повесть из моего стрелкового взвода.

— *Как отмечают критики, в локальном ключе решена и ваша повесть «Пойти и не вернуться». Вы, автор «Третьей ракеты», «Атаки с ходу», «Его батальона» и других фронтовых произведений, все чаще и чаще обращаете свое внимание на то, что лично вами не было испытано и пережито: партизанская война. В войне этой, по вашему собственному признанию, «извечная тема “выбора”... стояла острее и решалась разнообразнее, мотивированность человеческих поступков была усложненнее, судьбы людей богаче, зачастую трагичнее, чем в любом из самых различных армейских организмов».*

— В партизанскую стихию я окунулся уже после войны. Многочисленные встречи с бывшими лесными бойцами, их рассказы-исповеди, архивы... Меня буквально потрясло то, что я открыл для себя. Сколько героизма и мужества, причем героизма массового, всенародного! Я убедился, что партизанская тема открывает перед писателем огромные возможности. Я долго не решался прикоснуться к ней, считая себя не вправе это делать, но затем почувствовал, что просто не могу не писать о партизанах...

Изображение партизанской войны дает художнику возможность показать в необычных условиях иные грани поведения человека на войне, различные проявления его характера в кризисных, драматических обстоятельствах. Здесь надо не только выстоять и победить, но выстоять, победить и остаться в этой жесткой, нечеловечески трудной борьбе человеком, противопоставив все это фашизму и его носителям, которых Гитлер «освободил от совести, человечности и даже элементарной житейской морали».

— *Ваши последние работы тоже о партизанах?*

— Недавно закончил повесть «Знак беды». Ее герои — жители белорусской деревни, оккупированной фашистами. И здесь я пытаюсь дать психологический анализ поведения людей в критической ситуации, людей, которые не сразу, но решительно и бесповоротно стали на путь борьбы. Многие из них поплатились жизнью за это, но иначе они не могли. Книга выходит в Минске в издательстве «Мастацкая літаратура».

— *Вас не обошел вниманием кинематограф. Как вы относитесь к фильмам, поставленным по вашим произведениям?*

— Повести «Третья ракета» и «Альпийская баллада» легли в основу одноименных фильмов. В 1976 году вышла картина режиссера Ларисы Шепитько «Восхождение», в основу которой легла повесть «Сотников». В них постановщики почти не отходят от литературной основы. Все внимание уделено внутреннему миру человека на войне, стремлению правдиво и художественно верно показать величие духа советских людей, истоки их беспримерного героизма. На экране крупный план отдается солдатам, рядовым войны. За это я им благодарен.

— *Общеизвестен неослабевающий интерес советского читателя к военной литературе. Что вы скажете о дальнейшем развитии военной прозы?*

— Люди по праву хотят знать о войне полнее, больше, особенно о том, что лежит за пределами их жизненного опыта. Кровь, муки и пот народа в минувшей войне накладывают на писателя, работающего над темой войны, первейшее из обязательств — безусловную верность правде.

Правдой и большим талантом отмечены книги Виктора Астафьева, Владимира Богомолова, Юрия Бондарева, Григория Бакланова, Сергея Крутилина и других. Не могу не отметить, не сказать несколько слов о Виталии Семине, которого уже нет среди нас, о его военной части «Плотины» и «Нагрудном знаке «OST»». Они написаны почти в документальном жанре.

Или Дмитрий Гусаров, создавший роман «За чертой милосердия». Он заставил по-новому увидеть, что такое борьба в тылу врага. Чье сердце не содрогнется при чтении этой действительно немилосердной правдивости книги?!

Казалось, что после книги Гусарова трудно что-либо добавить к теме оккупационного режима и немецкого тыла, но вот появились «Каратели» Алеся Адамовича, это философско-психологическое исследование предательства и природы фашизма, глубинное проникновение в человеческие характеры, в их психологию. Смею утверждать, что вряд ли сыщется в мировой антифашистской литературе произведение, равное этому.

Григорий Бакланов написал повесть «Навеки девятнадцатилетние», а Юрий Бондарев — роман «Выбор» — глубокие и правдивые произведения о прошлой войне.

Повесть Вячеслава Кондратьева «Сашка» захватила нас правдой войны, мы увидели, сколько еще там, в пехотной цепи, человеческих драм и литературных возможностей.

Мы читали много правдивых строк о подвигах тружеников тыла, но вот вышла книга «Живи и помни» Валентина Распутина, и мы увидели еще одну неожиданную и трагическую грань войны.

Я думаю, в ближайшее время наша проза найдет новый аспект в познании и осмыслении сурового лихолетья минувшей войны, новый угол зрения на нее, и будет обнаружено еще не тронутое, какие-то неизведанные, неразработанные пласты. Как нашлось это у В. Кондратьева, неожиданно, почти сорок лет спустя.

— *Как вы, Василий Владимирович, оцениваете документальную литературу?*

— В некоторых произведениях этого жанра при всем старании трудно обнаружить документальность. Иные авторы ради предвзятой художественности попирают главное и, может быть, единственное достоинство этого рода литературы — правду. Все это, конечно, давно известно. Тем более, что у нас есть примеры другого рода, замечательные примеры высокого документализма и самой высокой гражданственности. Вспомните творчество, да и всю жизнь незабвенного Сергея Сергеевича Смирнова. Его книги способны стать образцом, примером для подражания последующих поколений писателей-документалистов. Или же «Блокадная книга» Адамовича и Гранина, где все — факт, жизнь, судьба — уже принадлежащее истории. Трагической странице нашей с вами истории.

Алесь Адамович и Даниил Гранин пошли в народ и взяли свидетельства у тех, кто еще мог их представить. Это очень тяжелый материал, и в нем Адамович и Гранин обнаружили многое такое, что было неизвестно нашей литературе. На основе собранных документов, воспоминаний можно было написать не одно художественное произведение. Но авторы избрали другой путь — самый правильный, но и самый трудный: оставить для потомков все в первоизданном, нетронутым виде. У Адамовича был опыт такого рода работы — книга «Я из огненной деревни», который, собственно, и дал толчок, помог при создании «Блокадной книги». Это труд по созданию бесценного исторического документа, коллективного народного памятника тем, кто пережил блокаду, их непреклонности, мужеству, их высокой человечности.

— Ныне в литературу вступил целый отряд молодых писателей, которые не воевали, но дали о себе знать достойными книгами о войне. Как вы относитесь к этому явлению?

— Мы почти привыкли уже к тому, что о войне пишут ее участники или свидетели. Но события далеких лет наложили свой отпечаток не только на тех, кто воевал. Память войны свежа и для новых поколений советских людей. И оттого, наверное, неожиданно для многих, когда мы встречаемся с закономерным явлением — приходом в литературу с военными произведениями писателей, родившихся уже после войны, или тех, для кого война была временем их детства, видевших войну глазами своего детства, как и Лариса Шепитько. Им удалось сказать свое слово свежо, по-новому, ярко и весомо. В их творчестве по-разному, самобытно, преломились события той грозной и героической поры, высветились именно теми сторонами, на которые не смогли обратить внимание писатели старших поколений. У нас, в Белоруссии, их целая плеяда. Назову некоторых: Иван Пташников, Борис Саченко, Рыгор Бородулин, Анатолий Вертинский и другие. И великая книга «Война и мир» еще пишется и написана будет! Усилиями всех пишущих. Не имеет значения, чем обернется в этой книге труд каждого отдельного писателя — главой, страницей или только строчкой — не в том суть. Главное — книга эта будет создана, и я уверен, молодые писатели сумеют внести в нее свой вклад, достойно воспеть на века самоотверженность и героизм воинов и партизан, заронить в сердца грядущих поколений непреходящую скорбь о жертвах войны.

— Читатель знает вас и как драматурга...

— В начале 1970 года задумал пьесу «Последний шанс» — о драматических событиях, происшедших в маленьком белорусском городке в 1942 году. Первыми познакомились со спектаклем мои земляки, гродненцы. В 1974 году в Гродно, в областном драматическом театре, была поставлена эта психологическая драма.

Затем постановку осуществил театр имени Янки Купалы в Минске. Позже ее показал МХАТ в Москве. Здесь ее решение было отлично от купаловского, и это естественно, поскольку отличны режиссерский почерк, традиции коллективов, художественное оформление, исполнительский состав. Но единой оставалась судьба героев-подпольщиков, их поединки с гестапо.

Должен сказать, что театр заинтересовал меня и своим огромным арсеналом изобразительных средств, стремлением к наглядной правде мыслей и чувств. Общение с постановщиками, художниками, актерами необыкновенно обогащает писателя.

— *Ваши повести «Третья ракета», «Обелиск», «Дожить до рассвета» и другие также стали театральными постановками.*

— Особое внимание к моим повестям проявили московские театры. К ним обращались вслед за МХАТом Театр на Таганке, драматический театр имени К. Станиславского, театр на Малой Бронной. Недавно на сцене театра имени Маяковского осуществлена постановка повести «Пойти и не вернуться». Эта же повесть поставлена на сцене Московского нового драматического театра.

— *Ваша общественная жизнь также насыщена?*

— Для писателя, как и для любого художника, чрезвычайно важно непосредственное участие в жизни народа, страны. Моя скромная работа в качестве депутата Верховного Совета Белорусской ССР, где решаются столько самых насущных задач общереспубликанского значения, тоже дает немало материала для писательской деятельности.

— *С какими проблемами, с какими героями встретится читатель в ваших новых произведениях?*

— Есть, конечно, замыслы для новой книги о войне. Думаю о такой книге, хотя и не знаю, насколько удастся эти замыслы воплотить. Во всяком случае, хотелось бы, если не в развитие, то в дополнение к уже написанному кое-что сделать.

Интервью вела Галина Бакшеева.

[1983]

НАУКА ПОБЕЖДАТЬ

Это многоплановое произведение¹, по-видимому, задумывалось автором как традиционный семейный роман — с обстоятельным и неторопливым исследованием характеров в их семейных и бытовых сцеплениях, как это и принято в современной и классической литературе, имеющей немало великолепных примеров такого рода. Но известно, что в наш XX век с его отличными от предыдущих времен, порой лихорадочными и сумбурными ритмами жизни семейные рамки тесны и недостаточны. И уж они совершенно не в состоянии выдержать напора тех буйных страстей и ошеломляющих событий, которыми изобиловала минувшая война.

Для каждого человека в отдельности эта война началась по-своему, застигнув в различный момент его жизненной деятельности, но на всех она нагрнула безжалостно и внезапно, разом и навсегда отрубив прошлое от будущего. Для многих миллионов это будущее так никогда и не состоялось, для других в то памятное воскресенье началась бесконечная череда испытаний на мужество и человечность. Прямо от свадебного стола спешит к боевым друзьям оперуполномоченный уголовного розыска Алексей Купрейчик, который становится вскоре командиром полковой разведки, а его двоюродный брат, участковый милиционер Петр Мочалов, принимает командование ротой. Семья Славиных в оккупированном Минске с первых дней войны включается в активную борьбу с врагом, за что старший Славин вскоре поплатился жизнью. Его сын, подросток Володя, познав боль утрат и ошибок, становится активным подпольщиком.

Володя Славин — один из наиболее привлекательных образов этого изрядно населенного героями романа, что, впрочем, понятно: за ним угадывается военный опыт автора, испытавшего многое из того, что пережил Володя в разрушенном, но не покорившемся врагу Минске. В то же время на фронте, в подмосковных и калининских лесах, происходило солдатское становление Алексея и Петра, ценой крови и ошибок постигавших науку побеждать врага. Здесь особое внимание автора отдано Алексею Купрейчику, чьи фронтовые будни полны напряженных забот и смертельного риска. Поиск разведчиков,

¹ Размова пра раман «Вам — задание» М. Чаргінца. — *Тут і далей заўвагі ўкладальніка.*

охота за «языками» выписаны автором в подробностях и впечатляют достоверностью человеческой психологии и фронтовых деталей. Может быть, не лишены некоторой нарочитости его неудачные встречи-расставания на фронтовых дорогах с женой Надей, которая то не может сообщить собственного адреса, то не признает в израненном и перевязанном бинтами Алексее своего мужа. Не станем оспаривать вероятность такого в условиях войны и обстановке прифронтового тыла, напомним лишь, что наличествующий здесь элемент случайного не самый выигранный ход в литературе.

Да, война разбросала людей, близких и дальних родственников, соседей, одним уготовив героическую участь в борьбе, а других обрекая на каждодневные муки и неизвестность. Долгие месяцы неизвестности относительно судьбы мужа суждено прожить жене ротного Мочалова, сельской учительнице Татьяне Андреевне с детьми, и трудно сказать, кому выпало больше испытаний — ее мужу в жестоких боях на фронте или ей самой в каждодневном напряжении, тревогах за судьбу детей, постоянном противостоянии немецким прислужникам.

Фронт, госпитальный тыл, партизанская деятельность, борьба с оккупантами в городе и деревне — вот сферы напряженной, полной риска и страданий борьбы, с различной степенью успеха запечатленной на страницах этого романа.

Новые фабульные повороты позволили автору наполнить заключительную часть книги многообразным содержанием, чтобы в новых обстоятельствах с наибольшей полнотой раскрыть характеры прежних персонажей. Скупое, но точно и впечатляюще Н. Чергинец передает атмосферу первых лет на освобожденной территории, характерную для западнобелорусского города и деревни с социальной разношерстностью их населения, среди которого встречалось немало чуждых по сути, а то и открыто враждебных новой власти людей. История разоблачения и поимки банды Федыко, рискованное проживание Славина на хуторе старика Лешика под видом заготовителя продуктов интересны сами по себе своим отчетливо детективным характером. Кроме того, автор обращается здесь к еще недостаточно освещенным в белорусской литературе драматическим страницам борьбы с бандитизмом в республике, когда враждебные элементы убивали сельских активистов, грабили население, дезорганизовывали хозяйственную деятельность села. Борьба с ними потребовала самоотверженности со стороны милицейских работников республики, многие из которых отдали свою жизнь за покой и счастье людей. Следует

заметить, что именно в этих заключительных главах романа талант Чергинца-прозаика проявился с наибольшей силой и его признанный опыт мастера детектива вновь заявил о себе красноречиво и убедительно. Читатель с искренним интересом следит за скрупулезной розыскной и следовательской работой отдела, возглавляемого Петром Мочаловым, приведшей наконец на удаленный от города хутор в лесу, где нашли убежище два матерых бандита, один из которых маскировался под старшину, а другой — под заслуженного офицера Красной Армии.

Роман не окончен, автор продолжает работу над второй книгой. В качестве дружеского совета хотелось бы предостеречь его от некоторой разбросанности, в какой-то мере свойственной первой книге, когда действие скорее обозначается, чем раскрывается с достаточной убедительностью и художественной полнотой. После того, как разнохарактерные события на фронте и в партизанском тылу остались в прошлом и сами герои обрели каждый свое лицо и, что важнее, свою неповторимую судьбу, появилась возможность раскрыть эти судьбы в новых условиях жизни и на новом художественном уровне.

Есть все основания полагать, что это и будет с успехом сделано в новой книге. Таланта у автора хватит, да и опыта милицейской жизни ему не занимать — более чем двадцатилетняя служба в органах милиции — надежная тому опора.

[1983]

ТОЕ, ШТО СТАЛА ЖЫЦЦЁМ І ЛЁСАМ

Гэта серыя фільмаў стваралася не адразу і мае сваю гісторыю, у аснове якой — пяцігадовай даўнасці заклік Алеся Адамовіча да каго-небудзь з «нелянівых і цікаўных» адкласці на час свае высокаталенавітыя творы і пайсці да былых франтавічак і партызанак з магнітафонам, каб запісаць іхнія ўспаміны. І вось гэта здзейснена: успаміны запісаны і паводле іх зняты фільмы. Хаця тое, што мы чуем з экрана, успамінамі можна назваць з нацяжкай — столькі ў гэтых маналогам несіханага болю жанчын, што здаецца: усё гэта працягвае ў іх жыцц і цяпер і паліць іх ужо немаладыя душы агнём жалобы і нянавісці. І ўсё ж гэта — мінулае, Вялікая наша вайна, пра якую мы столькі ўжо ведаем з асабістага вопыту, сведчанняў літаратуры, кіно, гісторыі.

Але, аказваецца, ведаем не ўсё.

Гэтая непаўната нашых няхай сабе самых дасканалых ведаў пра вайну выяўляецца адразу, з першых жа кадраў фільма В. Дашука і С. Алексіевіч, які выйшаў на экраны краіны пад агульнаю назвай «У вайны не жаночае аблічча». Хаця наўрад ці можна назваць аблічча вайны і мужчынскім, але ўжо сапраўды не жаночым: столькі ў ім страшнага і драпежнага, уласцівага хутчэй жывёльнаму свету, чым чалавечаму грамадству. Але такі паварот грунтоўна адпрацаванай у нашым мастацтве тэмы мы бачым, мабыць, упершыню, і мы ўдзячны стваральнікам фільма за яшчэ адну праўдзівую старонку з вялікае праўды аб мінулай вайне.

Віктар Дашук, прыступаючы да працы над гэтай серыяй, ужо меў салідны вопыт такога роду, набыты ім пры стварэнні сумесна з А. Адамовічам серыялу «Жанчыны з забітае вёскі». Праца ж над гэтай серыяй пачалася са знаёмства з вялізным матэрыялам Святланы Алексіевіч, якая затраціла гады на пошукі і запіс апавяданняў соцень жанчын, удзельніц мінулай вайны, і стварыла кнігу аб іх трудным і гераічным мінулым. Зразумела, выкарыстанае В. Дашуком — толькі маленькая часцінка з яе збору, але і ў гэтай часцінцы, як у кроплі вады адлюстроўваецца акіян, адлюстраваўся акіян людскога гора, мужнасці і гераізму.

Менавіта гераізму перш за ўсё, бо як жа інакш назваць усё тое, што перажыла на фронце хоць бы адна з гераінь фільма, санінструктар стралковага батальёна Вольга Амельчанка, якая ратавала на полі бою параненых, часам макрэючы ад чужой крыві, без сіл ад катаржнай нежаночай працы; здаралася, што яна зубамі перагрызала мякаць перабітай рукі параненага, прымала ўдзел у расстрэле асуджаных за трусасць у баі. Гэта ёй з асуджэннем і трывогай скажа пасля камандзір батальёна: «Як ты будзеш жыць пасля вайны, Амельчанка?» Тады невясёлыя гэтыя словы былі ўспрыняты Вольгай з недаўменнем, але пасля вайны сапраўды не раз прыходзілі ў галаву былой франтавічцы, пасляваенны лёс якой аказаўся не надта больш ласкавы, чым яе франтавое мінулае.

Чым, як не высокаю мужнасцю, адзначаны лёс іншай дзяўчыны — зенітчцы Валі Чудаевай, якая атрымала ў баі цяжкае раненне і адмарозіла ногі ў снежнай гурбе, куды была адкінута выбухам. Але яна па сваёй добрай волі абрала для сябе такі лёс, і калі ў шпіталі, апынуўшыся перад неабходнасцю ампутацыі, спрабавала скончыць жыццё самагубствам, яе ўратавала дабрыва старой нянькі і майстэрства маладога капітана-хірурга.

Сапраўды, людская дабрыва адназначна і самацэнна, але нідзе яе неабходнасць не праяўлялася з такой выразнасцю, як на вайне. Дзяўчына-санінструктар у пяхоце была і выратоўцай параненых, што сцякалі крывёй на полі бою, і суцяшальніцай іх у апошнія хвіліны жыцця. «Калі чалавек памірае і ты не можаш яму памагчы, ты цалуеш яго, гладзіш, лашчыш — развітваешся з ім. Усё гэта цяжка, гэта вельмі цяжка, і такіх шмат было, і гэтыя твары ў мяне во і цяпер у памяці... Чамусьці вось гады мінулі, а хоць бы каго забыць», — кажа санінструктар Тамара Умнягіна, і ў гэтым таксама праяўленне самай міласэрнай жаночай дабрывы і спрадвечнае жаночай памяці на вайну ў яе канкрэтных драбніцах, яе не заўжды прыемных дэталях — яе праўды.

Кожнае хвалюючае апавяданне ў фільме дапаўняецца наступным, не менш хвалюючым, нязменна пашыраючы нашае ўяўленне пра тую ролю, якую адыгралі на вайне прызваныя на яе восемсот тысяч жанчын. Гэтая шматскладаная і шматзначная роля да канца яшчэ не даследавана нашым мастацтвам, якое стварыла цэлы шэраг гераічных вобразаў дзяўчат на фронце і ў нямецкім тыле, што належаць пераважна да «прэстыжных» ваенных прафесій — снайпераў, лётчыц, разведчыц. А вось перад намі сведчанне прадстаўніцы іншай спецыяльнасці — запісанае С. Алексіевіч апавяданне работніцы пральна-лазневага атрада Марыі Дзядко: «Мыла бялізну. Праз усю вайну мыла... Бялізны прывязуць... Халаты белыя. Ну гэтыя, маскіровачныя, а яны ў крыві, не белыя, а чырвоныя. Гімнасцёрка без рукава і дзіра ва ўсе грудзі. Слязьмі адмываеш і слязьмі палощчаш».

Жанчыны памятаюць усё ці амаль усё і, што асабліва важна, праз шмат гадоў умеюць расказаць (як пра труднае і трагічнае, так і пра светлае, хорошае) з прывабнай прастатой і шчырасцю. На вайне побач з крывёю, баямі, страхам і нянавісцю ўжываліся і светлыя пачуцці. Каханне паміж маладымі людзьмі і там не было выключэннем, праўда, там яно ў большасці выпадкаў мела трагічны фінал. У гэтым сэнсе запамінаецца расказ усё той жа Вольгі Амельчанкі, якая аддала сваю кроў незнаёмаму лейтэнанту, які, паправіўшыся, адшукаў яе ў шпіталі і выклікаў у дзявочых грудзях светлае пачуццё кахання. Вольга, наколькі было магчыма, берагла яго, гэтае сваё першае пачуццё, пранёшы яго праз многія баі і нягоды аж да таго восеньскага дня, калі на вызваленай Сумшчыне сярод свежазакапаных магіл з дашчатымі слупкамі помнікаў не ўбачыла шылдачку з імем свайго каханага. Светлую жалобу выклікае ў душы гледача

гэты невясёлы расказ, і поўная гэтай жалобы мелодыя старых рамансаў гучыць на працягу фільма.

Але ў фільме В. Дашука і С. Алексіевіч не толькі вайна. Уся вобразная структура серыі пабудавана так, што ваенна-дакументальныя кадры чаргуюцца з сучаснымі, расказ паймаўшэска спалучаецца з паказам. У знарок замаруджаным руху кадраў мы маем магчымасць разгледзець твары, жэсты, працу людзей на полі бою, перавязку ў варонцы, сяброў, якія развітваюцца з забітым на краі магілы, і радасныя поціскі рук камандзіра, што адпраўляецца на перадавую з медсанбата. Гераніні фільма не толькі ўспамінаюць сваю нялёгкую долю, але і разважаюць пра жыццё, людзей, аб сучаснай моладзі, шчасце і дабрабыт якой у многім вызначыла наша перамога над нямецкім фашызмам. Неадназначны гэтыя адносіны да пасляваеннага пакалення, яны нясуць у сабе шэраг няпростых праблем, над вырашэннем якіх так ці інакш даводзіцца думаць многім. У кнізе С. Алексіевіч ёсць запіс гутаркі з былым доктарам медсанбата Лідзіяй Сакаловай, якая шмат перажыла на фронце ў гады вайны. На пытанне журналісткі, ці раскажвала яна пра вайну сваім дзецям, Лідзія Канстанцінаўна адказвае адмоўна:

— Мы шкадавалі сваіх дзяцей. Нашы дзеці выраслі, нічога не ведаючы пра тыя жахі, якія нам давалося перажыць.

Мабыць, можна зразумець жанчыну-маці, якая ўсяляк засцерагае дзяцей ад нягодаў жыцця, але наўрад ці можна лічыць яе прынцып правільным. Ды ў канцы размовы яна і сама згаджаецца, што дзеці павінны выходзіць на прыкладзе бацькоў, лёсу таго пакалення, якое перажыло вайну і якога становіцца ўсё менш.

І гэта бясспрэчна.

Гэтай жа высакароднай мэце служыць і турботная работа маладой журналісткі С. Алексіевіч па збору і запісу жаночых сведчанняў, работа, якая яшчэ не скончана і працягваецца, і фільм, выдатна зняты прызнаным майстрам-кінадакументалістам В. Дашуком.

Апроч усяго іншага, у іх справе мне чуецца красамоўны адказ на пытанне, якое часта задаюць маладыя аўтары: як трэба пісаць пра вайну тым, хто па маладосці гадоў не ўдзельнічаў у ёй? Хочацца адказаць ім: перш за ўсё так, як напісала Святлана Алексіевіч і зняў Віктар Дашук — шчыра, праўдзіва, без умаўчання і адсябяціны, з павагай да справы і людзей, для якіх мінулае вайна была іх трудным жыццём і назаўжды стала лёсам.

[1983]

[ИНТЕРВЬЮ ГАЗЕТЕ «СОВЕТСКАЯ МОЛОДЕЖЬ»]

— *Через несколько дней, 26 июня, тысячи юношей и девушек примут участие в референдуме «Я голосую за мир!» Что бы вы могли им сказать?*

— Нет честнее, благороднее задачи, чем предотвращение ядерной катастрофы, которая подступила очень близко и нависла над судьбами всех континентов. Каждому из нас трудно противостоять этой опасности, но человечество в целом (т. е. объединив усилия) может многое сделать. По крайней мере, прогрессивная литература так понимает свою задачу. Понимает, что нельзя сидеть сложа руки и ждать, когда будет уже поздно что-либо поправить.

В наши дни человечество достаточно информировано о том, что его ждет в случае, если государства захотят выяснить свои отношения с позиции силы. Мы читаем в газетах: со спутников поражают лазером наземные и воздушные цели, смотрим по телевидению хронику: «першинги», «трайденнты», «МХ» в действии. Специалисты все чаще оперируют таким термином, как «сверхуничтожение». Например, на складах США накоплено столько химического оружия, что его хватило бы на уничтожение пятидесяти населений нашей планеты. На производство оружия тратятся миллиарды, и в то же время — подумать только! — одного литра газа зарин достаточно, чтобы умертвить миллион человек, а «обойдется» это всего-навсего в пять долларов.

Нет нужды долго комментировать обстоятельство, когда в результате «прогресса» науки и техники за 10–15 минут могут исчезнуть целые государства. Это, к счастью, пока «теория», но уже теперь требуется больше века на исправление экологических последствий войны во Вьетнаме; женщины рожают уродов, потому что подверглись воздействию дефолиантов, потому что Вьетнам стал испытательным полигоном современного оружия.

Вот потому огромное значение приобретает борьба за мир и разоружение. Теперь уже никто не думает, что этим должны заниматься только некие высшие сферы, лишь политические деятели стран. Это дело каждого из нас.

Пятьюдесятью миллионами жизней заплачено за Вторую мировую войну, пока не суммированы жертвы «локальных»

войн, а мир упорно толкают к новой — теперь уже ядерной — катастрофе...

— *Давайте вспомним: вот просыпается дом, специальные устройства начинают уборку, будят жителей, сообщают прогноз погоды, подают завтрак. Но людей нет: только их тени на стене, выжженные в один страшный миг. Такие же тени, как в Хиросиме. Это рассказ Рея Бредбери «Будет ласковый дождь». Можно вспомнить «Пленника» Эрико Вериссимо, а в нашей отечественной литературе — произведения Григория Бакланова, Александра Чаковского, Ивана Стаднюка, Юрия Бондарева... Я называю эти фамилии не для того, чтобы сравнивать форму и содержание, масштабность повествования или проводить параллели, но лишь подчеркнуть, что литература не раз предупреждала и напоминала человечеству о том, какое горе несет война. Об этом же и ваши книги, в том числе последняя повесть «Знак беды».*

— Я не готов сейчас к разговору о всей антивоенной литературе в целом. У нас же в стране литература, осмысливая уроки прошедшей войны, тем самым активно и честно выступает против ее повторения.

...Война не минула никого — не было «хаты с краю». Именно этот простой с нею «счет» определял поведение людей. Поэтому Рыбак в числе карателей шел вешать Сотникова, Волошин вместе со своим батальоном брал высоту, которую, казалось, невозможно было взять, а, скажем, тихий и послушный Петрок защищал свое человеческое достоинство.

— *Из этих слов надо полагать, что герои ваших книг — реально существовавшие люди?*

— Безусловно. Хотя в конечном счете каждый из них — образ собирательный.

— *Тогда такой вопрос: что же все-таки заставляет вас до чрезвычайности редко пользоваться правом автора на если уж не счастливый для героя финал, то, по крайней мере, на благоприятное стечение обстоятельств?*

— Прежде всего — сама тема: жить хотелось всем, но в войну выжить всем было невозможно. Если же писатель заставит героев действовать вопреки внутренней логике, если он силой втиснет их в рамки плана, то герои начнут превращаться в ходячие схемы, в роботов — об этом хорошо сказал еще Паустовский.

— *Значит ли это, что, начиная книгу, вы не знаете, как к последней странице сложится судьба ее героев?*

— Я пишу очень медленно и всегда с трудом, но никогда не начинаю работы, если хоть что-то в сюжете неясно до последней детали. Это правило помогает мне придерживаться достоверности.

— *У нас в стране создано немало хороших книг о Великой Отечественной войне, но, скажем честно, есть и посредственные. Все меньше становится писателей-фронтовиков или писателей, чье детство совпало с годами войны, на себе испытавших все ее тяготы... Так не predetermined ли, как вы считаете, таким обстоятельством появление в будущем произведений, повторяющих уже сказанное?*

— Сложный вопрос. Упрощенно было бы тут ответить категорично: «У нас были, есть и будут хорошие книги». Но плохих книг всегда больше, чем хороших, что объясняется не только недостатками в работе издательств или редакций журналов, но скорее закономерностями развития литературы как в целом, так и на определенном временном этапе. Думается, тема Великой Отечественной войны еще долгое время будет заставлять писателей братья за перо. Столько стоила народу победа! Кроме того, сама тема неисчерпаема, очень много еще в ней нераскрытых страниц. А раз так, то должны появиться и новые талантливые произведения.

Вторая мировая война — урок истории для многих государств, своеобразное напоминание о доме, который проснулся без людей. Не случайно, например, участники видеосвязи между СССР и США в Останкино и Глен-Хелен Парке как тему взаимопонимания выбрали тему содружества и мира. Телемост, перекинутый через океан, напомнил, как советский и американской народы вместе сражались с фашизмом, подтвердил стремление людей к миру.

— *В Останкино тогда прозвучал вопрос, который сейчас очень многие себе задают: доживет ли человечество хотя бы до 2000 года, что ему в этом поможет?*

— И прозвучал ответ: не запасы оружия, не стремление убивать, властвовать и насильственно подчинять своей идеологии, а здравый смысл — стремление человека к счастью.

*Интервью вел И. Щедрин.
[1983]*

[АДКАЗЫ НА ПЫТАННІ АЛЯКСЕЯ ГАРДЗІЦКАГА І ЎДЗЕЛЬНІКАЎ ЛІТАРАТУРНАГА СЕМІНАРА Ў ДОМЕ ТВОРЧАСЦІ ПІСЬМЕННІКАЎ У КАРАЛІШЧАВІЧАХ]

Зноў мы з Васілём Быкавым едем у Каралішчавічы, зноў, як і сем год назад, ён мае трымаць слова перад маладымі літаратарамі, што сабраліся на чаровы снежаньскі семінар. Цяпер пісьменнік жыве ў Мінску, нядаўна ў яго выйшаў чатырохтомны Збор твораў, і я прапаноўваю яму, каб днямі сустрэцца і пагаварыць. Ён скардзіцца, што многія да яго звяртаюцца з просьбамі аб інтэрв'ю: «Вось і зараз на стале ляжаць тры лісты з пытаннямі, чакаюць сваёй чаргі. Прытым часта бывае так, што пытанні або зусім не тычацца літаратуры, або паўтараюцца, я ўжо некалі на іх адказваў».

Сыходзімся на тым: я запішу яго сустрэчу з маладымі, а што паспею — спытаюся ў дарозе. Цікаўлюся, чаму ён не ўключыў некаторыя апавяданні, надрукаваныя ў часопісах, у Збор твораў.

— Быў вызначаны памер усяго выдання 100 аркушаў, у якія я не мог уключыць усё і ахвяраваў апавяданнямі, п'есамі, публіцыстыкай. Кніга публіцыстыкі мае выйсці асобным выданнем.

— *У час адной з гутарак я падкрэсліваў, што вы шмат зрабілі ў асваенні беларускай літаратурнай мовы вайскоўцаў. Мне здаецца, што ў вашай новай аповесці «Знак бяды» адчуваецца намнога ўзрослае моўнае багацце.*

— Бачыце, мова — не самамэта. Мова — сродак. Але што тычыцца маіх твораў, то тут былі розныя праблемы. Скажам, калі я пісаў вайсковыя аповесці. Як вядома, зносіны ў арміі адбываюцца на рускай мове, — і ў мяне былі пэўныя цяжкасці: знайсці ў беларускай мове эквівалент вайсковай тэрміналогіі. У выпадку са «Знакам бяды», калі ўсе падзеі адбываюцца ў сялянскім асяроддзі, геаграфічна недзе на мяжы Лепельшчыны і Ушаччыны, дык у мяне была пэўная палёгка — я мог карыстацца тамтэйшай гутарковай мовай, нават мясцовым дыялектам. І тут не трэба было нічога перакладаць, шукаць моўных эквівалентаў, усё адбывалася на натуральнай беларускай мове. Дарэчы, на гэты конт я сказаў бы, што ёсць вялікія цяжкасці

ў паказе гарадскога жыцця: аўтарам, што пішуць на гарадскія тэмы, трэба ствараць сучасную літаратурную мову. І калі тут хто з іх дабіваецца натуральнага гучання, то такое трэба лічыць дасягненнем...

— Ну, вось і прыехалі, — сказаў Васіль Уладзіміравіч, калі мы спыніліся ля Дома творчасці і ўбачылі на яго шырокім ганку «семінарыстаў». — Далей працягнем гаворку гуртам.

І вось Васіль Быкаў гутарыць з пачынаючымі пісьменнікамі.

— Бачыце, — гаворыць ён, — стала традыцыяй, што ў нас папаўненне літаратурнае прапускаецца праз Каралішчавічы. Што ж, карысьць у вучобе ёсць. Натуральна, што які б ні быў талент, якая б ні была тэарэтычная падрыхтоўка і жыццёвы вопыт таго, хто ўваходзіць у літаратуру, тым не менш вельмі важнае непасрэднае дачыненне да гэтай самай літаратурнай кухні. Некалі Аляксандр Твардоўскі разважаў пра тое, што патрэбна для мастацтва, у тым ліку для літаратуры. Для літаратуры, казаў ён, патрэбна жыццё, але апрача таго патрэбна яшчэ і мастацтва. Літаратура, як любая творчасць, таксама мае сваю тэхналогію. Гэтыя нашы штогоднія нарады не так ужо многа, пэўна, даюць, але нейкім чынам далучаюць да ўдзелу ў літаратурным працэсе і, магчыма, да тэхналогіі літаратурнай працы.

Праўда, у наш час — я гэта ведаю па вопыту сустрэч з чытачамі — рэдка калі пытаюць пра жыццё: кожны чамусьці лічыць, што жыццё ведае, бачыць і назірае з таго месца, дзе ён жыве. Безумоўна, пра культуру так не распытаеш, не спасцігнеш яе з адной гаворкі. Але амаль кожнага цікавяць тэхналагічныя моманты літаратуры. Звычайна многія недасведчаныя людзі думалі, што менавіта ў іх уся справа — як пісаць, калі пісаць, на якой паперы, якой ручкай ці, можа, лепш адразу друкаваць на машынцы. І вельмі цікавяцца, як у пісьменніка гэта атрымліваецца. Я сказаў бы, што ўсё гэта абсалютна не важна, і тут ніякай заканамернасці няма, і, відаць, вывесці яе немагчыма. Таму што, калі мы прывядзём прыклады аднаго парадку з творчай працы вялікіх, то зноў жа прыкладаў процілеглых або іншага характару таксама можна назбіраць нямала.

Ну, калі гэта будзе вам цікава, я мог бы расказаць нешта і са свайго вопыту, хоць, канечне, вопыт у мяне чыста праязны, і для паэтаў ён, відаць, не падыдзе. Я лічу, што нараджэнне літаратурнага твора адбываецца перш за ўсё глыбока інтымна, недзе ў асобе, калі звяртацца да фізіялогіі — недзе ў падкорцы чалавечага мозга; працэс вельмі складаны. І вось пасля таго,

як адбыўся першы штуршок, пачынаецца далейшае развіццё. Ведаю па сабе, што найлепш, калі твор цалкам нараджаецца ў душы яшчэ да таго, як наносыцца на паперу першыя словы, калі ўжо загадзя вядома не толькі развіццё сюжэта, падзей, але і фінал. Не ведаю, можа, у раманістаў іншая манера і іншая пазіцыя, але для аўтара такіх аповесцей, якім я з'яўляюся, вельмі важна пачынаць тады, калі ты ведаеш і апошнія словы. Гэта значыць, што ўвесь твор павінен нарадзіцца ва ўяўленні аўтара. Тады лёгка пішацца, тады не трэба перарабляць, выкідваць, дабаўляць нейкія старонкі, раздзелы, тады ідзе паслядоўная работа. Канечне, немагчыма ўсё трымаць у сваім уяўленні, немагчыма чакаць, калі ўсё з'явіцца ў галаве. Многае прыходзіць па ходу працы, але тым не менш галоўны план, галоўная ідэя і характары, што вельмі важна, павінны быць гатовы да пачатку работы. Бо ўсякія змены ў характарах і вобразах прыводзяць часта да непажаданых пераробак і блытаніны. Зноў жа, у рамане гэта можа быць інакш, там вялікі адрэзак часу, там сам чалавечы характар можа змяняцца на працягу нейкага перыяду, скажам, некалькі гадоў. Гэта натуральна, так і павінна быць. Там, пэўна, і не трэба сачыць за пастаянствам, нязменнасцю характару. А што датычыць невялікай аповесці, то ў ёй неабходна характар бачыць, адчуваць і правесці яго ад пачатку да канца. Бо змены могуць разбурыць характар. У рамане такое адхіленне можа не адчувацца, там яго можна «замаскіраваць» пад дыялектычнае развіццё. Хаця тут, зноў жа, цяжка нейкія заканамернасці вылучыць, мы ж ведаем, што ёсць моманты, калі чалавечы характар праяўляецца па-рознаму і на працягу аднаго дня, але ўсё гэта патрабуе нейкага мастацкага абгрунтавання.

Хачу яшчэ раз падкрэсліць той агульнавядомы момант, што ў мастацтве характар вельмі важны. Яшчэ важней — адкрыццё характару: зусім цяжкая справа, але да гэтага павінна імкнуцца кожнае мастацтва, і літаратура ў тым ліку.

Далей... Звычайна я пішу тады, калі ёсць нешта, што імкнецца на паперу адразу, у межах, канечне, задуманага сюжэта ці нейкай падзеі, дзеяння, што ўжо гатова і можна выкласці ў словах. Я не прытрымліваюся вядомай заповедзі «ні дня без радка», мне думаецца, што гэта малаэфектыўна, калі прымушаць сябе пісаць кожны дзень. У прынцыпе, можна пісаць нейкія радкі штодзень, але навошта? Калі ўжо нешта ўнутрана нарадзілася, тады ўжо садзіся за стол. У які час пішацца — раніцай, удзень, увечары — няважна. Для мяне ў канцы дня чамусьці найлепш. Не ведаю, чаму так адбываецца. Можа,

таму, што так павялося з даўняй пары — чалавек павінен аддаць дзень з яго клопатамі, мітуснёй той жыццёвай справе, з якой ён есць хлеб. Ну, а вось ужо вечар, ноч належаць асабіста чалавеку, яго думкам, і тут ён можа распараджацца па-свойму. Вельмі важны фактар у нашай справе — цішыня. Мне здаецца, не так зрокавыя вобразы вырываюць з той атмасферы, куды стараецца паглыбіцца пісьменнік, як гукавыя. Вядома, што некаторыя паэты могуць пісаць свае вершы нават у самалёце, некаторыя пісьменнікі — у дамах творчасці, гасцініцах, санаторыях. Я некалі, як пачынаў, таксама шукаў падобныя ўмовы. Але не заўсёды гэта атрымлівалася. Тады я зразумеў, што павінен пісаць у сваім кутку, так сказаць, у сваёй хатняй бярозе, якая б яна ні была. У самай прывычнай атмасферы, за прывычным сталом.

— *Колькі вы пішаце старонак за дзень?* — пачулася рэпліка.

— Мне здаецца, што гэта не мае значэння. Калі ёсць натхненне, ёсць думкі, усё падрыхтавана недзе там у падкорцы для перанясення на паперу, іншы раз можна і многа. Пра сябе скажу, што пішу не больш за чатыры-пяць старонак, у лепшым выпадку. Ну, а ў горшым — можа быць адна старонка або нават адзін абзац, як калі. Канечне, так многа не напішаш, асабліва, калі існуюць перапынкі паміж творамі. Перапынкі — справа непажаданая, хоць і непазбежная. Бо ўсё-такі патрэбна нейкае назапашванне, падрыхтоўка, нейкае нараджэнне ў свядомасці зусім ужо іншых вобразаў, іншага сюжэта. Відаць, у часе такога перапынку не толькі нараджаецца і мацнее новая задума, але ж на нейкім этапе яна можа змарнець і проста памерці, асабліва калі ў сваю пару не будзе рэалізавана.

Калі яшчэ гаварыць пра тэхналогію, то я сказаў бы, што важна працаваць у сваёй галіне. Свая галіна можа быць па-рознаму зразумета, тым больш, мы ведаем, што кожны твор мае нейкія выхады на агульначалавечае, і чым гэтых выхадаў больш, тым лепш. Але тут дзіўная справа адбываецца: у мастацтве рэалізаваць агульначалавечае магчыма толькі на нейкім прыватным, канкрэтным матэрыяле. Калі пісаць, скажам, наогул пра каханне або наогул пра смерць, дык аказваецца, што гэта кепска, бо пазбаўляе нейкіх прыватнасцей, дэталей, фарбаў. Але зноў жа, калі пісаць пра чыста прыватную, канкрэтную справу, не ўздываючыся да пэўных абагульненняў, то гэта таксама кепска, гэта не кранае. Часта вопытныя літаратары, якія ведаюць творчую тэхналогію, звяртаюцца да агульнадаступных абставін і сфер жыцця, напрыклад такіх, як магазін, цырульня, лазня, таксі, тралейбус, тое, чым звычайна карыстаецца гараджанін.

З аднаго боку гэта добра, бо ўніверсальна даступна, на гэтым фоне можна разгортваць любыя драмы, любыя трагедыі. Аднак наколькі такі прыём даступны, настолькі і ўязвімы, асабліва калі перабольшваецца яго значэнне, пачынаецца педаліраванне агульнавядомага, а ўслед за ім — апісальніцтва, бытавізм.

Некаторыя з вас працуюць у раённых і гарадскіх газетах, і я некалі працаваў у газеце. Там любяць пісаць на газетнай паперы, якая, як вядома, не надта высокай якасці. Я ведаю пісьменнікаў, ну, магу назваць Уладзіміра Караткевіча, які любіць пісаць перавай, наліўной ручкай на вельмі добрай гладкай паперы. Некалі я таксама пісаў на газетнай паперы, і шмат пісаў, пасля перайшоў на мелаваную — цяпер прадаюцца ў магазінах вялікія лісты, я іх разразаю напалам, і, прызнаюся, вельмі добра на ёй пішацца дробнымі літарамі. Проста сам працэс пераводу думак на паперу ў такім выпадку найбольш, так сказаць, лёгкі, і думка хутка сцелецца. Таму што калі пачынаеш пісаць пяром, ды яшчэ там мачаеш у чарніліцу, ды дрэнная папера — усё гэта нейкім чынам разбурае цячэнне думкі. Ну, гэта я так кажу, між іншым.

Неабходны ў прозе, думаю, таксама і ў паэзіі, жыццёвы вопыт. Не ў тым сэнсе, што, скажам, жыць у вёсцы і займацца сельскай гаспадаркай больш прывабліва, чым жыць у горадзе. Калі я гавару пра жыццёвы вопыт, дык маю на ўвазе перш за ўсё вопыт духоўны. Я, напрыклад, перакананы, ды гэта і агульнавядома, што чалавеку, у якога жыццё складваецца надта гладка, надта паспяхова, проста няма чаго рабіць у літаратуры, нават валодаючы талентам. Памятаю, як некалі Еўтушэнка скардзіўся на Твардоўскага, які яму сказаў: «Женя, ну у вас в жыцці хоть что-нибудь случилось?..» Твардоўскі звярнуў увагу, што пісаць творы ад глыбока перажытага, пакутніцкага — гэтым заўсёды была моцная руская літаратура. Канечне, гэта не значыць, што той, у каго ў жыцці былі нейкія драмы — каханні, адносіны з начальствам ці з падначаленымі, што той мае шмат пераваг. Тут у рэшце рэшт вырашае талент. Але ўсё ж такі я лічу, што ў традыцыі нашай літаратуры перш за ўсё — паказ народных пакут і выпрабаванняў. Вазьміце вы ўсіх нашых пісьменнікаў — Мацея Бурачка, Янку Купалу, Якуба Коласа, Максіма Багдановіча. У аснове іх творчасці ляжыць тое, з чаго яны пачыналі — з перажывання народнай драмы, народнай трагедыі. Вядома, што час трошкі інакшы, у цэнтры, асабліва паэзіі, становіцца асоба самога паэта, паэзія робіцца эгацэнтрычнай. Гэта ў нейкай меры таксама няблага, калі ў аснове такіх твораў — асабістая драма, рэальныя асабі-

стыя пачуцці. Але ўсё-такі асабістыя пакуты, без суперажывання з жыццём, з лёсам народа, яны, канечне, рэдка могуць быць сацыяльна паўнацэннымі. І гэта нейкім чынам адбіваецца на ўзроўні паэзіі.

Зноў жа, нямногія з літаратараў надзелены здольнасцю бачыць і, у прыватнасці, убачыць істотнае, важнае ў народным жыцці, можа быць, такое, што сам народ яшчэ не асэнсаваў. Ён можа і не асэнсаваць. Але літаратар павінен убачыць і асэнсаваць, паказаць народу сродкамі літаратуры. У гэтым, відаць, галоўная місія ўсякага мастацтва, у тым ліку кожнай нацыянальнай літаратуры. Так было заўсёды, у даўнія і нядаўнія часы нашай гісторыі, і гэта застаецца нязменным для нашага сучаснага жыцця.

— *Вы гаварылі пра вобразы, якія складваюцца ў вас да таго, як пачынаеце пісаць. І ўсё ж у вас здаралася такое, калі вобраз быў поўнасю вынашаны, а потым выйшаў з-пад кантролю?*

— Пра гэта многа гавораць. Яшчэ з часоў Пушкіна — вядомая яго фраза пра Таццяну. Канечне, могуць быць нейкія адхіленні, але я скажу, што ў маёй практыцы вялікіх адхіленняў не было. Усё-такі я вытрымліваў той вобраз, які быў задуманы напачатку і быў неабходны для вырашэння маёй ідэі. Для вырашэння пэўнай ідэі я выбіраў іменна такі характар, бо іншыя проста не падыходзілі. Некаторыя нязначныя адхіленні былі, што-нішто знойдзенае ў часе працы цягнула цугу, але кардынальных змен не адбывалася.

— *Як вы глядзіце на тое, што ў некаторых напісаных на рускай мове праявітых творах, дзеянне якіх адбываецца на Беларусі, мова герояў змешаная?*

— Думаю, што ўвогуле гэта будзе правільна, ва ўсякім разе ў прозе. Мова будзе набліжана да натуральнасці, праўдзівасці. Зноў жа тут многае вызначае мера. Відаць, калі цалкам ісці за натуральнай гаворкай, дапусцім сучаснай, дык недзе мера будзе парушана, і аўтар можа апынуцца на мяжы разбурэння літаратурнай мовы, асабліва калі ён яшчэ і ў аўтарскім тэксце гэтым захопіцца — мясцовай гаворкай, слоўцамі, фразеалагізмамі, а таксама словамі з іншых моў. Усё гэта не надта спрыяе літаратуры. У нас ёсць аўтары, якія цалкам карыстаюцца ў прозе мясцовымі гаворкамі. Вядома, што ў Беларусі можна ў кожнай вёсцы нахапаць рознага. І калі недзе здраджвае пачуццё меры і назіраецца такое бязмернае захапленне, то гэта кепска. У рэшце рэшт, усё вырашае густ аўтара. Я ведаю, напрыклад, што ў Рыгора Барадзіліна шмат чыста ўшацкіх слоў і фраз, але ў яго гэта нідзе не выходзіць за межы, як кажуць, здаровага сэнсу.

Ён умее гэты мясцовы дыялектны каменьчык так абкатаць і падаць, што ён хоць і малавядомы, а зьяе, як дыяменцік, усімі гранямі пераліваецца. Дык для гэтага трэба мець вельмі высокі густ, такі густ, які ставіць аўтара над мовай, і ён выступае ўжо як моватворца. Гэта, канечне, выдатна.

— *Як вы гледзіце на перспектыву захавання беларускай мовы?*

— Пытанне нялёгкае. Я толькі мяркую, што перспектыва захавання мовы залежыць ад таго, як яна развіваецца, ці знаходзіцца ўвесь час ва ўжытку, у якой меры ёй карыстаюцца.

Я ведаю, што вы маеце на ўвазе. У нас адбываецца многа непажаданых з'яў у гэтым сэнсе, многія пераходзяць на змешаную мову, пасля на іншую. Гэта, канечне, вельмі засмучае літаратараў, гэта вельмі кепска. Гэтану, відаць, ёсць нейкія канкрэтныя прычыны. Але я б сказаў у суцяшэнне, што адбываюцца і падзеі іншага парадку, якія нас радуюць. Напрыклад, усім вядома, што ніколі ў гісторыі рэспублікі не выходзіла столькі літаратуры на роднай мове, як цяпер. І не толькі мастацкай літаратуры. Усё-такі ёсць нейкае развіццё, нейкае пашырэнне і ўзбагачэнне. Ну, а як яно будзе далей, у гістарычнай перспектыве, цяжка сказаць. Мы ж ведаем, што прагнозы такога роду, а іх заўсёды бывае многа, рэдка калі збываюцца, бо жыццё, гісторыя мае сваю хаду, намеціць якую наперад вельмі цяжка, асабліва на нейкую адлегласць.

Што ж датычыць нас, літаратараў, то наша задача — ствараць на сваёй роднай мове літаратуру і рабіць гэта як найлепш.

— *Ці сочыце вы за маладой беларускай прозай і якія вашы думкі пра яе?*

— Раней сачыў лепш, цяпер горш. Проста таму, што менш чытаю, — гэта недахоп, у якім я вінося. Калі рабіць нейкія заключэнні з таго, што я прачытаў і што адчуваю, дык я сказаў бы, што цяпер узровень маладой беларускай літаратуры значна вышэйшы, чым ён быў якіх-небудзь дваццаць-трыццаць год таму назад. Узровень культуры, узровень адукацыі значна падняўся, пачынаючыя пісьменнікі ў большай меры далучаны да сусветнай культуры, куды больш ведаюць і, відаць, разумеюць. Я б сказаў, што і моўнае майстэрства таксама вышэй за тое, якое было, скажам, хоць бы пасля вайны. Відаць, на гэта ёсць свае прычыны, тут я не змагу сказаць вам нешта слушнае, проста я не думаў над гэтым. Але ёсць некаторыя недахопы. На маю думку, сучаснай маладой беларускай прозе не хапае смеласці. Памятаю, у 50-я гады, калі я ўваходзіў у літаратуру, менш было майстэрства, але што датычыць смеласці замахвац-

ца на важныя грамадскія праблемы, дык яе было куды больш. Канечне, тут нельга вінаваціць толькі аўтараў, відаць, многае залежыць ад часу, атмасферы, грамадскага жыцця, ад літаратурнай практыкі выдаўцоў, газет, часопісаў. Але вы ведаеце вядомае выказванне Бялінскага, які вельмі катэгарычна ставіў гэтае пытанне: сацыяльнасць або смерць. Так што трэба дамагацца большага ўвасаблення гэтай сацыяльнасці. І менавіта пачатковец, які знаходзіцца бліжэй за ўсе іншыя літаратурныя пакаленні да вытокаў жыцця, іменна на сённяшнім часе, можа знайсці гэтую сацыяльнасць у большай меры і данесці да чытача на старонках літаратуры. Таму што пісьменнікі старэйшага пакалення, на маю думку, хоць і валодаюць вопытам, у меншай меры валодаюць вострынёй успрымання новых з’яў, ім цяжэй узняць надзённую праблему на грамадскі агляд. А пачаткоўцы, якія жывуць у самай гушчыні жыцця, менавіта цяпер толькі і могуць гэта зрабіць. Таму трэба быць смялейшымі. Дарэчы, я маю на ўвазе сацыяльнасць у шырокім сэнсе, не толькі, скажам, эканоміку, хаця гэта таксама важна, але наогул — і псіхалогію, і тыпы чалавечых характараў, і іншыя аспекты.

— *Культура творчасці — вельмі шырокае паняцце. А вось канкрэтна, ці адчувалі вы ў творчасці ўплыў эстэтыкі экзістэнцыялізму?*

— Бачыце, у кожнага творцы ёсць нейкая філасофія, калі яна нават не выкладзена ў сістэме нейкіх лагічных паняццяў. Я не надта знаёмы з экзістэнцыялізмам, больш, так сказаць, спасцігаў яго на прыкладзе мастацкіх твораў, выразнікаў гэтага кірунку. Лічу, што гэта філасофія непрымальная цалкам для нашага грамадства, але што датычыць мастацтва, яна мае вельмі многа слушных момантаў, якія ігнараваць наша мастацтва не можа. Прызнаючы нейкія пастулаты гэтай філасофіі, мы вымушаны карыстацца імі ў мастацтве. Скажу, што літаратурныя рэчы, дапусцім, творы Сартра або Камю — гэта выдатныя рэчы, якімі ні адна літаратура не можа грэбаваць. Я ведаю, што Аляксандр Твардоўскі вельмі высока цаніў многія творы Сартра, а таксама «Чуму» Камю. І я гэтак жа высока стаўлю іх і думаю, што ў наш час, час складаны і цяжкі, у нечым нават пагрозлівы і страшны, проста немагчыма не ўспомніць тыя адкрыцці, не прыняць іх пад увагу, якія ўжо былі зроблены тым самым Камю.

— *Як вы ацэньваеце экранізацыю сваіх твораў?*

— Як ацэньваю? Эканізацыя — гэта творы іншага мастацтва, хоць яны зроблены паводле літаратурных твораў. Я, напрыклад, лічу, што кіно пэўным чынам паразітуе на лі-

таратуры, гэта значыць, замест таго, каб, будучы самастойным мастацтвам, займацца стварэннем яго ў першааснове, яно бегае, так сказаць, па вярхах літаратуры, па часопісах і хапае адтуль, што можна схапіць. І заўсёды гэта — другаснае. Бывае, праўда, калі зроблена на ўзроўні, вельмі рэдка бывае, калі зроблена лепш, чым у літаратуры, а звычайна — на два парадкі горш, і выступае гэта экранізацыя ні чым іншым, як гаворкай пра тое ж, толькі іншай мовай. Арыгінальных сцэнарыяў становіцца ўсё менш, таму што кінематаграфісты не хочуць рызыкаваць. У іх ёсць, безумоўна, свае цяжкасці. І таму я даўно ўжо нічога не чакаю ад экранізацыі. Ёсць экранізацыі лепшыя, ёсць горшыя, але такіх, у якія я быў бы ўлюбёны, якія, будучы маімі па ідэі, па задуме, з'явіліся б для мяне нечым вельмі ўзрушальным і прываблівым, такіх экранізацый нешта я не бачу — ні па ўласных творах, ні па творах іншых.

— *Як складваўся ваш літаратурны лёс у сэнсе друкавання?*

— Я пачынаў друкавацца даволі актыўна. Звычайна ў «Маладосці». Сустрэкаліся і пэўныя цяжкасці. Хоць гэта было і непрыемна для мяне, можа, і для нашай літаратуры, ну, а калі зазірнуць трошкі далей, дык можна ўбачыць, што з многімі літаратарамі было куды горш. І цяпер, у сучасны момант, калі такога няма, дык цяперашнія беды літаратурныя проста не ідуць ні ў якае параўнанне з тымі падзеямі, якія мелі месца некалі, у тым ліку і ў крытыцы, і ў выдавецкай справе. Ну што можа быць цяпер для літаратара самае цяжкае? Ну, не надрукуюць яго твор па нейкіх прычынах. Адхілены ён, дапусцім, у адным выдавецтве, у другім, трэцім і чацвёртым. Я ведаю па сваёй практыцы і практыцы другіх пісьменнікаў, што ўсё-такі калі твор таленавіты, калі ў ім нешта ёсць, дык пасля некаторых кампрамісаў, узаемных вядома, усё-такі гэты твор з'явіцца. Возьмем прыклад з практыкі апошніх год — «Ягдныя мясціны» Еўтушэнкі. Раман цяжка праходзіў першадрукаванні. Я ведаю, што Еўтушэнка абхадзіў ці не ўсе маскоўскія часопісы, і не толькі маскоўскія, і ніхто з іх не ўзяўся яго друкаваць. Канечне, у такім выпадку вельмі шкада, што траціцца час, марнуюцца аўтарскія сілы, ён не можа працаваць над нечым іншым. Так можа прайсці некалькі гадоў, але ў рэшце рэшт твор з'явіцца, як гэта атрымалася і з Еўтушэнкам, часопіс «Москва» надрукаваў яго раман. Прычым асаблівых страт я там не бачу, раман гэты так ці інакш ацэнены, і ён увайшоў ужо ў літаратуру. Таму не трэба падаць духам, апускаць рукі, калі ў вас напачатку нешта такое здарыцца, скажам, не надрукуюць або надрукуюць і пакрытыкуюць. Бо літаратура — справа зменлі-

вая і цякуючая. І тое, што, скажам, на сучасным этапе прызнана выдатным, шэдэўрам, за які і прэміі даюць, пасля нейкага часу, бывае і кароткага, становіцца нічога не вартым у літаратуры, і шум, ажыятаж, які быў, заціхае, марнее і проста знікае. А бывае, што раптам як бы ўваскрасаюць старыя рэчы. Узяць той жа феномен з твораў Булгакава, які пры жыцці не выдаваўся, а ўбачыў свет пазней. Цяпер мы бачым, наколькі папулярны Булгакаў, яго «Майстар і Маргарыта».

— Скажыце, што вы зараз пішаце?

— Як заўсёды, пачаў новую аповесць, але нешта яна слаба ідзе, бо папярэдняя аповесць, маю на ўвазе «Знак бяды», неяк яшчэ да ладу не даведзена, асобным выданнем пакуль не выйшла, таму, канечне, аўтарская свядомасць скіравана туды, час ад часу трэба ўмешвацца ў старую рэч, якая на грані «отторжения», але канчаткова не «отторгнута». Не ведаю, як у каго, а ў мяне пакуль папярэдняя рэч канчаткова не будзе «отторгнута» ад маёй свядомасці, я не магу аддацца як след новай рэчы.

— Ці няма ў вашых задумах рамана пра сучаснасць?

— Раман пра сучаснасць я не пішу. Лічу, што ёсць аўтары, якія бліжэй стаяць да сучаснасці, маладзейшыя, вось вы напрыклад, вам бы і пісаць раманы аб сучаснасці. Гэта так толькі здаецца, а час хутка бяжыць, пройдзе якіх дваццаць гадоў, і нехта з вас, ну не ўсе, магчыма, а некаторыя, будуць сядзець на гэтым месцы, дзе я сяджу, а там будуць сядзець іншыя людзі, і будзе ісці гаворка, і з'явіцца творы вельмі важныя і цікавыя, можа быць, лепшыя, чым стварыла ранейшае пакаленне пісьменнікаў. Але яно так і будзе, гэта безумоўна. Як бачыце, я лічу, што кожны аўтар павінен перш за ўсё памятаць аб уласным вопыце, у яго няма другіх сродкаў, другіх магчымасцей, чым толькі ўвасобіць у літаратуры менавіта свой уласны вопыт. Гэта найперш.

Ну што ж, калі пытанняў больш няма, тады я хачу ў заключэнне пажадаць вам таго, пра што я сказаў — новых твораў, новых імён, новых поспехаў, ну і, канечне, самага важнага: не адрывацца ад народа, хаця гэтая справа можа паказацца такой даволі простаю, але яна вельмі складаная і праблематычная. Таму — трымаць руку як мага шчыльней на пульсе народнага жыцця, там вы ўбачыце многа праблем і загадак, але там жа ляжаць і ўсе адгадкі на ўсе загадкі.

...Мы вярталіся дадому, а ўздоўж дарогі карчавалі лес экскаватары, пашыралі шашу. Толькі невялічкая палоска хвой ад-

дзяляла іх ад Дома творчасці. Ішло, так сказаць, звычайнае жыццё, у якім — няспынная барацьба.

— Чаму вы пачалі пісаць? — спытаўся я ў пісьменніка.

— У тым, што я пачаў пісаць, пэўную ролю адыграў палемічны момант. Справа ў тым, што ў першыя гады пасля вайны ў літаратуры былі пашыраны творы аб вайне, якія мала даста-соўваліся да майго асабістага ваеннага вопыту, і ўзнікала такое ўражанне, што іх аўтары проста не ведалі нечага істотнага з вайны, што ведаў я. (Вядома, як пазней высветлілася, справа была не ў веданні, многія ведалі нават больш.) І вось тады я пачаў з няўмелых і наіўных уласных твораў, паступова на ўласных няўдачах прабіваючыся да нечага большага і значнага.

— Што стымулюе вашу творчасць?

— Вядома, найлепш стымулюе поспех, але і няўдача таксама. Няўдача, можа, нават больш, бо дадае жадання напісаць лепш. Горш за ўсё — адсутнасць таго і другога, маўчанне крытыкі і раўнадушша чытача. Яны проста пазбаўляюць аўтара волі, і калі аўтар не графаман, то ў такім выпадку ён не хуткае возьмецца за наступны твор.

— У вас больш за сто выданняў на замежных мовах. Гэта немалая лічба, ёю мог бы ганарыцца любы пісьменнік. Ці думаеце вы, працуючы над творам, пра замежнага чытача, чытача міжнароднага? Я маю на ўвазе — пра тыя з'явы і праблемы сучаснасці, якія хвалююць сёння ўсё чалавецтва.

— Я ўжо некалі адказваў на гэтае пытанне і магу толькі дадаць, што замест нейкай абстрактнай фігуры чытача найперш стараюся бачыць Ісціну, якая, як гэта паказвае жыццё і практыка многіх літаратур, будучы належным чынам увасобленай, блізкая і зразумелая розным чытачам — айчынным і замежным. Тым больш што ў наш час яна, гэтая Ісціна, робіцца ўсё больш універсальнай і яе відаць здалёку — цераз усе акіяны і кантыненты. Імя яе — Мір і Жыццё.

[Снежань 1983 г.]

[СЕРГЕЙ ЗАЛЫГИН]

Около тридцати лет назад Сергей Павлович Залыгин вошел в большую литературу со страниц «Нового мира», который тогда редактировал незабвенный Александр Твардовский,

любивший и умевший открывать таланты в самых отдаленных уголках России.

Это его появление в столь серьезном журнале было естественным и правомерным: располагая недюжинным жизненным опытом, Сергей Залыгин принес в литературу ряд важных жизненных проблем, отразив их с глубиной и блеском истинного таланта. Последующие публикации С. Залыгина сделали его имя широко известным в стране, некоторые из них вызвали серьезные споры в литературных кругах, но ни одно из произведений Сергея Залыгина не оставляло читателя равнодушным, так или иначе затрагивая самые болевые точки в сознании современного человека.

Обладая разносторонним литературным дарованием, которому по плечу художественное воплощение самых различных сторон человеческого бытия, Сергей Залыгин тем не менее снискал всеобщее признание как знаток деревни, психологии широких крестьянских масс Сибири в годы революционного перелома и последующих социальных преобразований в России. Теперь, по прошествии ряда лет, особенно видно непреходящее значение для литературы самобытных залыгинских образов — Чаузова, Мещерякова, Брусенкова, целой плеяды крестьянских характеров из его «Комиссии», колоритных и обаятельных женских образов, густо рассыпанных по страницам залыгинских произведений. Литературный талант Залыгина неизменно подкупает своей жизненной емкостью и многогранностью, нередко поражая широтой писательского познания, глубиной постижения характеров и эпохи. Залыгин умеет услышать и передать на своих страницах и гневный гул революционной толпы, и тихий, исстрадавшийся голос женщины, задавленной жизнью, обстоятельствами, страхом за ее малолетних детей. Не чужды ему и дела наших современников, людей эпохи НТР, их далеко не традиционные заботы, характеры научных работников с их специфическими проблемами, в чем, естественно, проявляется давнишний авторский интерес к науке — предмету увлечения его молодости.

Натура активно и честно мыслящая, Сергей Залыгин сочетает чисто писательскую работу с важным и естественным в таких случаях осмысливанием опыта современников, равно как и наших великих предшественников. Его «Литературные раздумья», а также очерк о творчестве А. Чехова явились плодом именно такого вдумчиво-аналитического подхода к литературным урокам прошлого, осознанию их значения в современном отечественном и мировом литературном процессе.

Наблюдая за общественной стороной жизни С. Залыгина последних лет, нельзя не подивиться его творческой и чисто гражданской активности, широте его интересов, живости и «подъёмности», с которыми он отзывается на различные общественно-литературные мероприятия, будь то поездка в далекое Заполярье, осмысление насущных проблем братской латышской литературы или обсуждение состояния венгерской прозы. Он же на удивление по-молодому читающий писатель, отлично осведомленный о последних достижениях молодой прозы, опекающий многих из начинающих авторов. И к нему идут, потому что его знают и любят, на него по праву надеются.

Семь десятков лет — срок, пожалуй, немалый, в иных случаях целиком вбирающий жизнь и судьбу человека. Но, как это засвидетельствовано многими примерами, истинному таланту возраст не помеха для его выражения: обогащенный жизненной и художнической мудростью, он плодоносит с новой, не менее замечательной, чем прежде, энергией. Что касается Сергея Залыгина, то все последние годы писатель занят напряженной работой над, может быть, главной книгой своей творческой жизни — романом «После бури», первая часть которого вышла в прошлом году. Есть все основания полагать, что это будет поистине значительное явление в нашей литературе, плод зрелого ума и пытливой мысли художника, которому подвластны все стороны человеческого существования.

Новых свершений вам, дорогой Сергей Павлович!

1983

УРОКІ МІНУЛАЙ ВАЙНЫ

Мы жывем у складаны час, які пагражае небывалай у гісторыі небяспекай новай знішчальнай вайны, на карту пастаўлена само існаванне ўсёй нашай зямной цывілізацыі. І гэта ва ўмовах, калі чалавецтва толькі што аправілася ад згубных з'яў мінулай вайны, якая адабрала 50 мільёнаў чалавечых жыццяў і скончылася перамогай над злосным ворагам чалавецтва — нямецкім фашызмам.

Мінулая Вялікая вайна, аднак, славуцая шматлікімі ўрокамі, якія яна пакінула людзям, самы важны з якіх заключаецца ў катэгарычнай неабходнасці для свету і чалавецтва ўсямернага згуртавання ў імя міру, жыцця і прагрэсу.

Можа быць, менавіта гэты ўрок быў галоўны для аўтара «Альпійскай балады», калі ён больш як дваццаць гадоў назад браўся за пяро, каб напісаць маленькую гісторыю двух людзей, у якой, аднак, яму бачылася большае — вартая ўвагі старонка мінулага, а, быць можа, і штосьці з будучага існавання чалавецтва.

Каханне як найвыдатнейшае з людскіх пачуццяў здольна ў аднолькавай меры як разбураць, так і ствараць, сацыяльнае значэнне яго ва ўмовах вайны, барацьбы і ўсеагульнай нянавісці наўрад ці магчыма пераацаніць. Нярэдка здаралася, што каханне перамагала смерць і нават у нечалавечых умовах існавання ўсяляла надзею. Асабліва калі злучала ў адно людзей рознай сацыяльнай і нацыянальнай прыналежнасці, людзей Захаду і Усходу, і ў сілу выключнасці сваіх пачуццяў прадухіляла многае з таго, што ў такіх выпадках іх раздзяляе.

У аснову гэтай аповесці пакладзены праўдзiвы факт, які меў месца на апошнім годзе вайны ў Аўстрыі, калі воляю выпадку сышліся разам палонны беларус і італьянская дзяўчына, што ўцяклі з нямецкага канцлагера. Трывожным і кароценькім быў час іх нечаканага кахання, за які адзін з іх заплаціў жыццём, а для другой гэтыя тры разы перажытыя дні засталіся назаўжды зоркавым часам, найвышэйшым узлётам яе дум і памкненняў.

Хочацца спадзявацца, што сучасны зарубежны чытач знойдзе ў гэтай невялічкай аповесці хоць бы маленькую частку таго, што дабром і мірам закране яго душу, зробіць свет прывабнейшым, а надзею — святлейшай.

Гэта будзе менавіта тое, на што і спадзяваўся аўтар.

[1983]

О ПЕРЕЖИТОМ

Эта повесть¹ — еще одно литературно-художественное свидетельство о прошлой войне, о судьбах поколения, которому выпало пройти через суровые испытания на человеческое достоинство, рано познать боль утрат, немало испытать душевных и физических страданий. Перед читателем разворачиваются исполненные военных тревог картины жизни на оккупированной территории Белоруссии — в деревне и в небольшом городке,

¹ Аповесць «Тревожные дни» Г. Васюковой.

где на улицах хозяйничают оккупанты и их прислужники, а за калитками, в зеленых двориках, за плотно затворенными ставнями зреет народная решимость к сопротивлению.

Обычные городские мальчишки и девчонки, вчерашние школьники, на свой страх и риск начинают борьбу с фашизмом. И пусть эта борьба еще малоэффективна, а ребята лишены какого бы то ни было опыта, все же им удастся внести свой посильный вклад в дело большой Победы. Конечно, не обходится без неудач, сомнений и переживаний, первые жертвы омрачают радость успеха. Автор с тонкой наблюдательностью и завидной памятью о тех давних днях повествует на этих страницах о трепетном чувстве первой зарождающейся любви, взаимоотношениях в среде молодежи. Многие страницы повести живо передают искреннее волнение автора за судьбу героев, и мы с неослабевающим интересом следим за нелегкими, а порой страшными приключениями Оли, чей образ следует отнести к числу самых удачных в повести, или ее брата Леньки, его нелегкой жизнью в партизанском лагере. Запоминается эпизодический, но точно очерченный образ Влади с ее трагической гибелью в оккупированном городе, а также партизанские образы деда Авдеича, Андрея, Шакена и других. Следует заметить при этом, что наибольшей достоверности и содержательности писательница достигает в изображении быта и жизни в разоренном войной и оккупацией городе, где множество деталей и подробностей создают картину жизни и борьбы под пятой немецких захватчиков. Из партизанских эпизодов захватывает остро приключенческая глава о событиях на продовольственной базе, опасном и драматическом столкновении Леньки с засланным в отряд немецким диверсантом.

Надо полагать, повесть заинтересует ее молодых читателей, чья нынешняя жизнь так не похожа на молодость их отцов. Но все пережитое народом в прошлой войне таит в себе огромный нравственно-психологический урок, значение которого не убывает со временем, о чем и свидетельствует эта небольшая, но содержательная повесть.

[1983]

[ІНТЭРВ'Ю ЧАСОПІСУ «ПОЛЫМЯ»]

— *Васіль Уладзіміравіч, для каго вы пішаце? Хто галоўны адрасат вашай творчасці?*

— Пішу для тых, хто мае патрэбу ў літаратуры. Вядома, што так званая масавая культура Захаду абмяжоўваецца стандартным наборам апрабаваных прыёмаў, якія пэўным чынам дзейнічаюць на свядомасць людзей, і там месца, якое займае літаратура ў жыцці грамадства, самае мінімальнае. Яе ўсё болей выпцяняюць тэхнічныя сродкі камунікацыі (тэлебачанне, напрыклад), для ўспрыняцця якіх патрэбны мінімум намаганняў і мінімум разумовых здольнасцей. Але было б жахліва пасля такога бліскучага росквіту сусветнай літаратуры асудзіць чалавецтва на бяздумнае спажыванне стандартных набораў з сексу, жорсткасці, прапаганды варожасці. Гуманістычныя традыцыі сусветнага мастацтва заўжды былі найбольшай каштоўнасцю ў духоўнай скарбніцы чалавецтва, а цяпер, перад глабальнай пагрозай ядзернай катастрофы, значэнне іх робіцца яшчэ большае.

Таму галоўны адрасат маёй творчасці — людзі, якія яшчэ не страцілі здольнасць бачыць, думаць і разумець.

— *Відаць, у тым, каб людзі не страчвалі, а набывалі гэтую здольнасць, заключана галоўная мэта ўсёй сапраўднай літаратуры. І калі ваш адрасат — чытач падрыхтаваны, відушчы і схільны да разумовай работы, паставім пытанне больш канкрэтна: з якой мэтай вы для яго пішаце?*

— Я не лічу сябе апосталам добра і справядлівасці, але, пражыўшы на свеце без малога шэсць дзясяткаў гадоў, думаю, што трохі пабачыў у ім, што-кольвечы зразумеў. Сваё разуменне жыцця, якое вынікае выключна з асабістага вопыту, я і хачу давесці людзям з адной-адзінай мэтай: каб ім лягчэй было зразумець сябе, сваю мінуўшчыну, а можа — і будучыню.

— *Мінула тры гады, як вас назвалі народным пісьменнікам Беларусі. Што за гэты час змянілася ў вашым жыцці? Як на ім адбіваецца гэтае званне?*

— Я не адчуваю ў сабе (ці каля сябе) якіх-небудзь змен у гэтым сэнсе. Жыццё ідзе само па сабе, а творчасць — гэта перш за ўсё праца, якая з цягам часу (з вопытам) не робіцца лягчэйшай, хутчэй наадварот. Вопыт толькі адкрывае ўсю бездань паміж тым, што робіш, і тым, што хацеў бы зрабіць.

— *Можна сабе ўявіць, колькі часу ў вас займае грамадская работа: паездкі, выступленні ў друку, юбілейныя і будзённыя прамовы... І пры гэткай раскіданасці — разважлівая, нават павольная проза. Як вам удаецца «захавацца»?*

— Гэта сапраўды вельмі няпроста — захаваць у сабе здольнасць да творчасці, калі мець на ўвазе ўсю бясконцую калатнечу, на якую асуджае жыццё пісьменніка. Але захаваць гэта трэба. Інакш па дробязях рассыпаецца асоба, разбураюцца цэласнасць і непаўторнасць яе светаўспрымання і светаразумення, без чаго немагчыма ніякая свядомая творчасць.

— *Васіль Уладзіміравіч, ці шмат і пра што пішуць вам вашы чытачы?*

— Пішуць менш, чым чвэрць стагоддзя назад, з чаго я раблю вывад, што эпістальны жанр з кожным годам занепадае ўсё болей. Найбольшая колькасць пісьмаў прыходзіць ад «страсных кнігалюбаў» з просьбай прыслаць кніжку з «цёплым дарсценным надпісам» — гэта сучасная разнавіднасць усё той жа дрымучай патрэбы — мець. Некалі я па магчымасці пасылаў, пасля адказваў аб немагчымасці паслаць, а цяпер не адказваю нават; немагчыма сотні разоў тлумачыць адно і тое ж: што паводле новых выдавецкіх правіл аўтар атрымлівае толькі два экзэмпляры свайго выдадзенага твора.

— *А якім бы вы хацелі бачыць свайго чытача? Ці думаеце пра чытача, калі пішаце?*

— Чытач існуе не ў аўтарскім уяўленні, а хутчэй у яго адчуванні. Я адчуваю яго вельмі блізкім да мяне чалавекам, можа, аднагодкам, нават сябрам і напэўна ж аднадумцам, якому я спавядаюся, а ён мяне разумее і падзяляе мае меркаванні. Ва ўсякім разе, ён мне не пярэчыць і ўсё прымае на веру, і я стараюся не ашукаць яго ні ў галоўным, ні ў дробязях. Хаця, безумоўна, такога чытача, мусіць, не існуе ў прыродзе — чытачы, як і людзі, не добрыя і не бліягі — розныя. А розным, як вядома, не дагодзіш.

— *Цяпер часта гавораць пра развіццё асобы. Як вы думаеце, у які бок павінна ісці гэтае развіццё? Якія найбольш важныя рысы ў чалавеку?*

— Мне думаецца, што маральныя чалавечыя якасці, нашыя «трэба» і «нельга», даўным-даўно выпрацаваны чалавечым

грамадствам, іх характар не надта змяніўся на працягу стагоддзяў. Па-ранейшаму неабвержны сэнс вядомага катэгарычнага імператыву Канта: адносіцца да іншых так, як табе хацелася б, каб яны адносіліся да цябе самога. Але тут важна, каб тое, да чаго дайшоў у сваім маральным развіцці індывідуум, чалавек, асоба, стала такой жа неабвержнай каштоўнасцю для расы, класа, чалавецтва наогул. Ды ўся справа ў тым, што чалавецтва ў выніку рознага роду падзелу, няроўнасці, палітычнага і іншага саперніцтва яшчэ лічыць для сябе маральным тое, што даўно стала недапушчальным у адносінах паміж двума добрымі суседзямі. Не проста зразумець і растлумачыць, чаму так сталася, але пэўна, што культура, веды, тэхнічны прагрэс не ў стане зрабіць людзей больш цяпымі адзін да аднаго, без чаго, аднак, далейшае чалавечае існаванне на нашай зямлі робіцца няпэўным, нічым не гарантаным. Бяздумны тэхнічны прагрэс, не забяспечаны патрэбным маральным прагрэсам, можа толькі паскорыць усеагульную пагібель. З гэтага, я думаю, зусім зразумела, у якім кірунку пажадана развіццё асобы і ўсяго чалавечага грамадства.

— *Сярод вашых чытачоў — крытыка. Яе даробак на матэрыяле вашых твораў салідны. Як вы гэты даробак ацэньваеце?*

— Крытыка — таксама творчасць, у якой знаходзіць сваё адлюстраванне асоба крытыка ва ўсім яе духоўным аб'ёме. Прыемна, калі характар гэтай духоўнасці супадае з маім, а калі не... Як і ў жыцці наогул. Часам бывае прыкра ад таго, што мой твор — увесь пад яркім святлом ягонага крытычнага разгляду, у той час як ягоны — гарантанваны ад такога ж разгляду з майго боку. Тыповы выпадак аднабаковай сувязі. Як у гарадскім аўтобусе, дзе мікрафон — толькі ў вадзіцеля.

— *Як вядома, вашы адносіны з крытыкай склаліся не адразу...*

— Што праўда, то праўда. Не адразу. З некаторымі крытыкамі не складваюцца да гэтага часу. Але што ж — кожнаму сваё, як было сказана задоўга да ўсялякай мастацкай крытыкі. Хаця, мабыць, гэта і добра, бо, як пісаў Заля, толькі падвяргаючыся атакам і можа расці пісьменнік.

— *...І твор, напэўна, каб стаць пазачасовай з'явай у літаратуры, зайсёды павінен прайсці праз нейкія церні. А хто дапамагаў вам «выбіцца ў людзі»?*

— «Выбіцца ў людзі» — можа, занадта сказана, і тут я не магу назваць каго-небудзь канкрэтна. Але два чалавекі-пісьменнікі сапраўды аказалі мне некалі неацэнную паслугу сваімі парадзімі. Абодва ўжо нябожчыкі. Іван Калеснік, працуючы ў «Чырвонцы», некалі сказаў пачаткоўцу Быкаву, аб чым яму не

варта пісаць, а Раман Сабаленка, наадварот, раскрыў яму вочы на тое, што ў яго найлепш атрымліваецца. Дагэтуль лічу, што на пачатку творчасці аўтару больш і не трэба. Абодва гэтыя пісьменнікі мелі добрае адчуванне літаратуры, і іхнія парады з’явіліся надзвычай дарэчы. Яшчэ не лішне будзе сказаць некалькі слоў пра мае сувязі ў гэтым сэнсе з Аляксандрам Твардоўскім, у бытнасць якога галоўным рэдактарам «Новаго мира» я надрукаваў там тры аповесці і падрыхтаваў да друку чацвёртую. Праца з Твардоўскім стала для мяне незабыўнаю школай літаратуры, мабыць, у яе агульным, але вельмі значным разуменні. Ён раскрыў перада мной рад элементарных, але вельмі важных літаратурных (і не толькі літаратурных) ісцін, якімі часам грэбуюць як аўтары, так і выдаўцы. Не буду спыняцца на ўсім падрабязна, а хацеў бы прывесці толькі адзін крытэрыў Твардоўскага ў ацэнцы таго ці іншага твора — неабходнасць яго паяўлення ў літаратуры менавіта ў дадзены час. Як паказваюць гісторыя літаратуры і наша сучасная практыка, гэтае патрабаванне — можа, найгалоўнейшае ў мастацтве наогул.

— *Як вы ўспрынялі крытыку на «Знак бяды»?*

— Добразычлівая крытыка, мне думаецца, заўжды ўспрымаецца адназначна. Я не ведаю прыкладу ў сучаснай літаратуры, каб нейкі аўтар пакрыўдзіўся за тое, што яго пахвалілі.

— *Напэўна, «Знак бяды» стаўся вялікай нечаканасцю для многіх вашых чытачоў. Засталіся ранейшымі жанр — аповесць і тэма — вайна. Але моцна змянілася іх напайненне. Загаварылі пра Быкава «ў новай якасці»...*

— Тут я не судзя свайму твору. Тым больш калі яго расудзяць іншыя.

— *Як стваралася аповесць: працягласць у часе, вывучэнне этнаграфічнага і гістарычнага матэрыялу?*

— Шмат з таго, аб чым напісана ў аповесці, я ведаў даўно, насіў у сабе яшчэ з дзіцячых гадоў і аднойчы адчуў, што гэта ўжо «уходзячая» тэма і калі не напішу пра тое я, дык з цягам часу шанцаў на напісанне будзе ўсё менш. Значыць, найперш — уласны вопыт, веды, ну і трохкі пісьменніцкага ўяўлення, без чаго не бывае творчасці. Аповесць напісалася прыкладна за год з нечым. Пісалася без асаблівых пераробак, паслядоўна: спярша — матэрыял ваенны, пасля — даваенны.

— *Васіль Уладзіміравіч, у сваіх выступленнях вы не раз заклікалі пісьменнікаў пісаць пра вайну праўду. Значыць, ёсць сярод вашых калег і такія, якія пішуць няпраўду?*

— Значыць, ёсць. Я не магу, напрыклад, прыняць твораў так званай дакументальнай літаратуры, у якіх персанажы — рэаль-

ня, часам вядомыя гістарычныя асобы, але дакументальнасці там — на газетны артыкул, не болей, а ўсё астатняе — аўтарскі вымысел. Апісанні, дыялогі, даследаванне псіхалогіі герояў — спрэс вынік аўтарскай выдумкі, якая да таго ж нідзе не агаворваецца і падаецца за сапраўднасць. У тым мне бачыцца не што іншае, як прыхаваная літаратурная спекуляцыя на натуральнай цікавасці чытача асабліва да «великих мира сего», герояў вайны і г. д. У жанры мастацкай прозы пра вайну таксама нямае «развесистой клюквы», якая, праўда, мае іншае паходжанне: недастатковае аўтарскае асваенне матэрыялу з прычыны адсутнасці асабістага ваеннага вопыту, імкненне да афектацыі, псіхалагічныя недакладнасці. Часам гэтым грашаць адносна маладыя аўтары, якія пішуць пра падзеі, не перажытыя самімі на вайне. Мне ў гэтай сітуацыі ўспамінаецца рэпліка аднаго вядомага ваеннага пісьменніка: «Хоць бы ўжо яны пачакалі, калі адыдуць з жыцця ветэраны, а пасля выдумлялі, пра што захочацца. Каб не было ўжо каго саромецца».

І гэта ўвогуле правільна, бо «праўда — адзіны помнік, які варты памяці мёртвых», як пісаў нядаўна памёршы выдатны французскі пісьменнік Арман Лану.

— *Адзін з вашых герояў, Васілевіч, разважае так: «Усё ж Вечны агонь у памяць аб тых, хто загінуў, — гэта здорава! Калі толькі вечнасць яго не акажацца кароткай». Што можа скараціць гэтую вечнасць?*

— Пішучы гэта, я меў на ўвазе канкрэтны, прынамсі не такі ўжо і рэдкі факт. Справа ў тым, што, як гэта здаралася ў некаторых населеных пунктах, дзе захапіліся наладжваннем вечных агнёў, гэтыя агні згаслі неўзабаве пасля іх адкрыцця, бо (як некалі, напрыклад, у Гродне) не знайшлося каму плаціць за спалены газ. А без аплаты які ж агонь?

— *Зрэшты, у гэтым выразе Васілевіча можна ўбачыць і перасцярогу новай бойні. Як вы ацэньваеце захады супраць вайны ў сённяшнім свеце? Што лічыце найбольш эфектыўным?*

— Шырокая кампанія пратэсту супраць пагрозы ядзернай вайны ахапіла, як вядома, Стары і Новы свет, і яна вельмі ўражвае. Можа, не варта яе і пераацэньваць у сэнсе канкрэтных вынікаў, бо як бы актыўна яна ні вялася і колькі б мільёнаў у ёй ні ўдзельнічала, не яна вырашае практычныя пытанні вайны і міру, прэрагатыва на якія ўсё ж у руках палітыкаў, кабінетаў, «сильных мира сего». Але ж у народаў няма іншых сродкаў выказаць свае адносіны да намераў тых, каму зноў засвярбела распачаць новае шаленства, і спадзявацца, апроч як на свае сілы, у іх таксама няма на каго. А галоўнае цяпер можа заклю-

чацца ў тым, каб зразумець неверагодную важнасць моманту, які яшчэ дазваляе выбар. «З гэтага стану нельга выйсці, рухаючыся ў тым жа напрамку. Можна толькі спыніцца і, быць можа, павярнуць назад. Вось яшчэ на што можна спадзявацца», — пісаў незадоўга да сваёй смерці Макс Борн. А ўжо ён ведаў, што такое ядзерная катастрофа.

— *Мы ж хіба толькі ў агульных рысах можам сабе ўявіць, што такое сучасная вайна. Гэта з'ява антыгуманная, антычалавечная. І таму, мусіць, у свядомасці майго пасляваеннага пакалення яна асацыіруецца перш за ўсё з фашызмам. А што такое фашызм? Той самы Васілевіч кажа, што гэта шалёная актыўнасць адных пры мяшчанскай пакорлівасці другіх. З чаго пачынаецца фашызм?*

— Уся справа ў тым, што фашызм пачынаецца з адной вельмі старой, як свет, пасылкі: мы (я) не такія, як іншыя, мы — лепшыя, разумнейшыя, вышэйшыя, і таму «мы павінны», «мы маем права»... Гэтае пачуццё перавагі ў якасці першапрычыны прынесла ўжо незлічоныя пакуты чалавецтву і, што цікава, наўрад ці шмат што дало тым, хто дабіваўся большага. Гінулі мільёны ахвяр заваёўнікаў правоў і тэрыторый, гінулі самі заваёўнікі, але ўсё ў свеце (ці амаль што ўсё), па сутнасці, заставалася па-ранейшаму, і найперш па-ранейшаму заставалася людская няроўнасць і пад ёй — тая самая глеба, на якой раслі новыя прэтэнзіі «не такіх», «лепшых», «вышэйшых».

— *Вось дзве вытрымкі з лістоў гітлераўскіх салдат: «Па дарозе ад Міра да Стоўбцаў мы размаўлялі з насельніцтвам мовай кулямэтаў, ніякай спагады мы не адчувалі. У кожным мястэчку, у кожнай вёсцы ў мяне свярбляць рукі. Хоцацца пастрэляць з кулямэта па натоўпе». «Мы кідаем ручныя гранаты ў жылыя дамы. Дамы вельмі хутка гараць. Агонь перакідваецца на іншыя хаты. Прыгожае відовішча. Людзі плачуць, а мы смяёмся са слёз». Гэта немагчыма зразумець. Хоцацца верыць, што так маглі пісаць адзінкі, але не хоцацца і ашукаць сябе. Мусіць, усё ж так думала большасць «заваёўнікаў». Значыць, абставіны прымуслі большасць пераступіць цераз гэты бар'ер?*

— Чалавек, прайшоўшы ў сваім развіцці вялізны шлях ад звера да свядомай істоты, змяшчае ў сваёй душы дужа шмат рознага, гэта выдатна давеў яшчэ Дастаеўскі. Але справа ў тым, што ў розных сацыяльна-палітычных умовах праяўляюцца яе пэўныя якасці. Культура, выхаванне, літаратура культывуюць у чалавеку лепшыя яго рысы, прымушаюць падаўляць горшыя, тыя, што ідуць з дрымучай першабытнай мінуўшчыны, і пры пэўных умовах людзі дасягаюць выдатных вынікаў. Фашызм

жа для дасягнення сваіх драпежных мэт адкрыў у чалавеку да-рогу яго самым чорным інстынктам, і вось на вачах усяго свету нямецкая нацыя, адна з самых культурных нацый Еўропы, гэтак лёгка ператварылася за дзясятка гадоў фашысцкага панавання ў нацыю турэмшчыкаў і забойцаў. Мусіць, для многіх немцаў гэта было дужа проста, бо было лёгка, нават у нечым заманліва, а галоўнае — Гітлер кожны год падахвочваў да новых забойстваў, усю адказнасць за іх дэмагагічна беручы на сябе. Выходзіць, вельмі лёгка рабіць злачынствы, калі адказваць за іх будзе нехта іншы.

— *Адна са зняволеных лагера смерці ў раёне Азарыч успамінала: «Побач з дротам, якім быў абнесены лагер, былі выкапаны канавы, запоўненыя бруднай балотнай вадой. У канавах ляжала шмат гнілых трупаў. Вады для піцця немцы не давалі, і мы вымушаны былі браць яе з гэтых канаў». Яшчэ адзін бар'ер. Няўжо чалавек настолькі залежыць ад абставін, што дзеля фізічнага існавання здольны пайсці на ўсё?*

— У пэўных абставінах так. У нечалавечых абставінах дужа цяжка захаваць чалавечую годнасць, гэта дадзена не кожнаму. Асабліва перад тварам смерці, калі ў чалавека яшчэ тлее іскрынка надзеі. Фашысты ведалі гэта і вельмі ўмела падтрымлівалі надзею да самага апошняга моманту. Нават ведучы няшчасных у газавую камеру, давалі ім падставу спадзявацца, маскіруючы тую камеру пад душ або лазню.

— *У літаратуры гераічныя факты вайны часам пакрываюць лакам голай рыторыкі. І тут прыгадваецца думка Альбера Камю: «Надаючы празмерна вялікае значэнне добрым учынкам, мы, урэшце, уносім ускосную хвалу самому злу...»*

— Я вельмі высока цаню А. Камю, асабліва яго мастацкую творчасць, і з усяго — найбольш раман «Чума». Але мне думаецца, што гэтыя словы яго не самыя вешчыя. Справа ў тым, што зло, якое прынёс свету фашызм, не было ўжо такім прымітыўным, як гэта некаторым здаецца. Гэта было зло, выдатна камуфліраванае пад дабро, па-філасофску абгрунтаванае, псіхалагічна і маральна даволі забяспечанае, вядома, з пэўных пазіцый. Над яго здзяйсненнем працавалі мільёны немцаў, і сярод іх траплялася нямала разумных і здольных людзей: дзелявых, умелых у вайскавай і арганізацыйнай справе, валявых і тэхнічна граматных. Таму зло, якое зыходзіла ад іх, было вялікаю сілай, і калі знайшлася сіла, якая перамагла тую сілу зла, дык тым большая хвала ёй і слава.

— *Нянавісць — нядобрае пачуццё. Нянавісць мяжуе з фанатызмам, яна не разважае, яна бяздумная. І таму, відаць, са*

з'яўленнем «літаратуры акупнай праўды» ў лепшых герояў мы амаль не бачым гэтага пачуцця. Так з Сотнікавым. Што ў ім замяніла нянавісць?

— Нянавісці да фашызму ў творах літаратуры «акупнай праўды» не менш, чым у іншай. Толькі аўтары гэтай літаратуры, мабыць, не дужа імкнуцца дэклараваць яе, даючы магчымасць чытачу самому спарадзіць яе ў сабе, зыходзячы з логікі развіцця падзей, сістэмы мастацкіх вобразаў. І ў гэтым, безумоўна, тая ступень мастацкасці, якой мастацкая літаратура адрозніваецца ад публіцыстыкі.

— *Васіль Уладзіміравіч, на Захадзе часта пішуць пра так званую шкоднасць партызанскай барацьбы на тэрыторыі Беларусі. Маўляў, кожны акт забойства фашыстаў аўтаматычна выклікаў знішчэнне вёсак і катаванні мірных жыхароў. Словам, быццам бы партызаны самі правакавалі гітлераўцаў на злачынствы. Што вы можаце на гэта сказаць?*

— Гэта элементарная тэндэнцыя тых, хто хацеў бы пажаданае выдаць за сапраўднае. Але калі народ паднімаецца на барацьбу з чужынцамі і нясе пры тым вялікія страты, хто можа абвінаваціць (ці хоць бы папракнуць) яго за неасцярогу? Асцярожныя ў вайну звычайна станавіліся на калені, хоць тое ў радзе выпадкаў не дужа і памагло ім. Але ж некаму трэба было ісці, ваяваць, перамагчы ці загінуць.

— *Што вы самі можаце сказаць пра ролю вашых твораў у барацьбе супраць вайны?*

— Натуральна, я не старонні назіральнік у адносінах да сваіх твораў, таму нічога наконт гэтага сказаць не магу.

— *«Знак бяды» з усіх вашых твораў, мусіць, найбольш нацыянальны: узбагацілася мова, з'явілася характэрная псіхалогія беларускага селяніна... А наогул, як у Вашай творчасці рэалізуецца формула «праз нацыянальнае — да агульначалавечага»?*

— Матэрыял, час, акалічнасці вымагалі звярнуцца да такой менавіта мовы. У вайсковых (франтавых) аповесцях гэтая акалічнасць была трохі іншай. Што ж датычыць вядомай формулы, дык яна тут бяспрэчная. У літаратуры без нацыянальнага не можа быць і агульначалавечага. Як агульнае рэалізуецца праз канкрэтнае, так і агульначалавечае — праз нацыянальнае.

— *Адам Мальдзіс пасля паездкі ў Оксфард пісаў, што моўная праблема на Беларусі носіць не палітычны, а маральны характар. Дарэчы, у сваіх нататках ён згадвае, што ў Англіі выйшаў «Сотнікаў», «але ў перакладзе з рускай мовы — у прадмове нават не адзначылі, што гэта беларускі пісьменнік».*

— Я думаю, што моўная праблема на Беларусі мае трохі болей складаны характар, чым той, які вызначае Адам Мальдзіс. Наконт перакладу без спасылкі на мову арыгінала магу сказаць толькі, што крыўдна, канечне. Але за мяжой (у Францыі, напрыклад) я сам сутыкаўся з прыкладамі, калі людзі не ведалі, дзе гэта Беларусь, лічылі яе проста правінцыяй Расіі, такой, як Валагодчына або Пскоўшчына ці Арлоўшчына. Але чыя тут віна?..

— *Васіль Уладзіміравіч, што вы як пісьменнік робіце для папулярызацыі роднай культуры?*

— Раблю тое, што пішу па-беларуску, як адчуваю і ўмею. Пры тым хочацца зазначыць, што мова — не самамэта ў мастацкім творы, а сродак — дужа важны, адзін з самых галоўных, але ўсё ж сродак для нечага большага. Калі ж ісці на повадзе словатворчасці, дык не цяжка прыйсці да стварэння слоўніка — няхай сабе і цікавага, але такога, якому часам патрэбны яшчэ адзін слоўнік — тлумачальны. Што датычыць маіх першых твораў, дык яны былі слабыя ў многіх адносінах, у тым ліку і ў адносінах беларускай мовы, ад якой я амаль што адвык, каля пятнаццаці гадоў жывучы за межамі Беларусі. У працэсе творчасці даводзілася многае спасцігаць нанова; вядома, гэты працэс заняў не адзін год і даваўся дужа нялёгка.

— *Хемінгуэй неяк пісаў, што пісьменнікі не павінны мець зносін паміж сабой, пакуль не скончылі сваіх твораў, інакш яны робяцца падобнымі да чарвякоў для прынады ў адной бутэльцы: ядуць адзін аднаго і саму бутэльку. А калі сур'ёзна, што вам даюць у маральным, творчым сэнсе вашы калегі?*

— Вядома, Хемінгуэй мае рацыю, хоць, можа, трохі і ўтрыруе пытанне. Завастрае, як кажучь. Як і кожны чалавек у жыцці, пісьменнік не павінен быць у адзіноце. Працяглая адзінота дае пэўныя ўмовы для творчасці, роздуму і самапаглыблення, але яна і «сушыць» асобу, стрымлівае яе калектывісцкае развіццё. Чалавеку ў жыцці патрэбны падобныя да яго, сябры, аднадумцы, і для літаратара такімі могуць быць не абавязкова літаратары. Залішняя цэхавая герметызацыя — таксама зло, і чым шырэй сувязі пісьменніка з жыццём і жывымі людзьмі, тым лепш. Асабліва на пачатку творчасці, калі ідзе вывучэнне тыпаў людзей, назапашванне назіранняў характараў, абставін.

— *Што стымулюе вас да пісання: самадyscyпліна (ні дня без радка), натхненне ці памяць, старыя раны?..*

— Я працую нерэгулярна. Часам паміж кнігамі — гады прастою. Пачынаю пісаць тады, калі нешта даволі выразна акрэсліваецца ў душы (тэма, ідэі, вобразы), калі няпэўны яшчэ намер

выкрышталізуецца ў нейкі парадак, набудзе сваю ўнутраную логіку і заканамернасць — хай сабе яшчэ толькі ва ўяўленні. У такім разе для мяне важна як мага болей дакладна (праўдзіва) і пераканаўча стварыць вобраз, у якім, як вядома, і будзе адлюстраванне маёй аўтарскай ідэі, думак, пачуццяў.

— *Які рэжым вашай работы: час дня, працягласць, сістэматычнасць?*

— У любы час сутак, калі ўяўленне нарыхтуе вобразы, падзеі, абставіны і запатрабуе іх моўнай рэалізацыі.

— *Ці даводзілася калі-небудзь кідаць пачатак? І ці вярталіся потым да кінутага?*

— Здаралася, кідаў. Двойчы вяртаўся — у працы над «Дажыць да світання» (праз два гады) і над «Знакам бяды» (праз год перапынку).

— *Ваш метад называюць «жорсткім» альбо «непрымірым» рэалізмам. Ці згодны вы з такімі вызначэннямі?*

— Як і ці правільна называюць іншыя, я не ведаю. Ведаю толькі, што мастацтва павінна будзіць, нястомна біць у званы, паказваць на небяспеку, асабліва ў крызісныя перыяды чалавечай гісторыі. А зараз (у XX стагоддзі наогул) менавіта такі перыяд гісторыі — драматычны, бязлітасны, які пагражае завяршыць зямное існаванне самым трагічным чынам.

— *Над чым вы працуеце зараз?*

— Над новай аповесцю, дзе будуць мір, вайна, юнацкія мары аб будучыні, якая для героя не настане ніколі.

— *Якая з экранізацый вашых твораў падабаецца вам найбольш?*

— Экранізаваны, здаецца, восем маіх аповесцей, з якіх большасць — сярэднія фільмы. Але ёсць і такія, што ўдаліся і мне падабаюцца («Узыходжанне», «Доўгія вёрсты вайны»).

— *Васіль Уладзіміравіч, вы вучыліся ў мастацкім вучылішчы. Ці не ўзнікла калі-небудзь шкадавання, што не сталі прафесійным мастаком?*

— Шкадаваць, мабыць, пазнавата ўжо. Але, як падумаеш, праца ў выяўленчым мастацтве выгадна адрозніваецца ад літаратурнай працы, бо сам працэс яе нясе большую асалоду для мастака, дае магчымасць «сіюмінутнага» задавальнення ад творчасці, калі на тваіх вачах і пад тваімі рукамі нараджаецца новая рэальнасць і ты — яе творца і ўладар адначасна. У літаратуры інакш. Пішучы, увесь час пакутуеш над думкай, вобразам, не ў стане так, як хацелася б, выказаць іх словамі. І, напісаўшы твор, доўга яшчэ не ведаеш, што атрымалася. Аж пакуль не пачнецца абмеркаванне ў рэдакцыях, не пачуеш вод-

гукі сяброў і калег. У выяўленчым мастацтве найпершы (а то і канчатковы) суддзя свайму твору — ягоны аўтар, для якога плён яго працы — часта прадмет асалоды і захаплення.

— *Калі ўжо загаварылі пра выяўленчае мастацтва, дык прыгадаем і музыку. Ці спяваеце вы калі-небудзь і што?*

— Хацеў бы, ды не ўмею.

— *Тады зноў вернемся да «вашага» мастацтва. Як адбылося ваша першае знаёмства з сур'ёзнай літаратурай?*

— Некалі, у школьныя гады, захварэў зімой, паўгода не хадзіў у школу і перачытаў усю бібліятэку, што была ў вясковага настаўніка. А там былі Талстой, Салтыкоў-Шчадрын, Горкі, Станюковіч, Астроўскі, Драйзер, Твэн, Дзікенс і іншыя вельмі сур'ёзныя аўтары. Прачытаў іх, канечне, зарана, наўрад ці зразумеў усё, але тое дачаснае чытанне ўсё ж нешта пасеяла ў дзіцячай душы і штосьці зрушыла ў ёй. Можна, у бок дачаснага развіцця, ці што. Так мне здаецца. Цяпер, прынамсі.

— *Любiмых пiсьменнiкаў кожнага чалавека можна ўмоўна падзялiць на два колы: першыя — гэта агульналюбiмыя. Напрыклад, Талстой, Чэхаў, Дастаеўскi. Iх называюць найчашчэй. Другія — гэта «толькi вашы» пiсьменнiкi. Дык хто яны, гэтыя другія?*

— Вельмі разумная пастаноўка пытання. Прытым уплыў гэтых другіх на пэўнага чалавека часам куды большы, чым уплыў агульнапрызнаных і агульналюбімых. Я. Еўтушэнка некалі пісаў, што, будучы пачаткоўцам, больш навучыўся ў малых паэтаў, што вялікія пачаткоўцу не дапамогучь. І гэта зразумела: элементарныя правілы рамяства болей прыкметныя ў даступных па ўзроўню творцаў, у творчасці ж вялікіх ад гэтых прыёмаў мала што засталася, кожны з іх сам творыць для сябе гэтыя прыёмы, і творыць на такім дыханні, якое не заўсёды даступна пачаткоўцу. Праўда, мне не хацелася б тут пералічваць усіх, каго я люблю і шаную, але назаву хоць бы некаторых: з замежных — Рэмарка, з рускіх — Бакланавы, а з беларусаў — Караткевіча.

— *А як вы ставiцеся да фантастыкi: простае i навуковае?*

— Таксама, як да шахматнай гульні: цікава, але навошта?

— *Як шырока вы сочыце за сучаснай беларускай лiтаратурай?*

— Не так пільна, як было б пажадана і як сачыў раней. Прычыны тут дзве: наша літаратура стала багацейшай, а мой час і магчымасці надта зьяднелі.

— *Каго вы можаце вылучыць з сучасных маладых празаiкаў?*

— Вылучаць каго-небудзь мне не хацелася б, асабліва ў адносінах да маладых, каб не пакрыўдзіць астатніх. Зноў жа, азіраючыся на свой шлях у літаратуры, цяпер бачу, як не збываюцца такія прагнозы. Некаторыя з тых, каго прынята было вылучаць, скажам, у 50-я гады, наогул сышлі з літаратуры, а вылучыліся і сталі знакамітымі тыя, каго тады ледзь заўважалі. Так што ўсё ў руках яго вялікасці выпадку, ну і таленту, канечне.

— *З вашых твораў паўстае фігура вельмі заклапочанага, вельмі сур'эзнага, нават суролага аўтара. Як вы ставіцеся да лірычнай паэзіі, паэзіі пра прыроду, пра каханне?*

— Не ведаю і не дужа цікаўлюся, як я выглядаю ў сваіх творах — хай гэта застаецца справай чытачоў і крытыкаў. А лірычную паэзію люблю, у тым ліку пра прыроду і каханне.

— *Колькі слоў пра ваш вольны час. Ці маеце якое хобі? Ці сочыце за гульнямі мінскага «Дынама»?*

— Вольны час для мяне — гэта прырода, абшары роднай зямлі, ушацкія азёры, Налібокi, любы наш Нёман. Колькі слаўных куточкаў у нас! Я толькі нядаўна наведаў Тураў, аб'ездзіў Палессе. А так хочацца пазнаёміцца з кожным гайком, узлескам, кожным лужком і палянкай, пахадзіць крывым беражком кожнай чыстай рачулкі, якіх ужо не так шмат засталася. А футбол... Не разумею, чым ён прываблівае тых, хто ў яго не гуляе, а толькі п'яна галёкае на стадыёнах.

— *А як спалучаецца творчасць з вашым асабістым жыццём?*

— Неяк ужываецца адно з адным.

— *Вялікі дзякуй, Васіль Уладзіміравіч, за цікавую гутарку.*

*Гутарку вёў Сяргей Дубавец.
[1984]*

[БЕСЕДА ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЮНОСТЬ»]

Улыбки у него непохожие. И лицо неодинаковое: нет, не схватишь, не поймешь сразу. Не угадаешь его вдруг и безошибочно, прочитав в лице характер. Временами такой простецкий, такой доступный и свой — и вот тебе: властный баритон и твердый, и темный, и пристальный взгляд все понимающего наперед и чуть насмешливого человека...

Сколько ему лет? Пятьдесят восемь? Можно дать и меньше. Можно и много больше.

— *Сколько вам лет?*

— А это как посмотреть. Какая точка отсчета предпочтительнее. Одна, положим, из прошлого: сколько прожил. Другая — из будущего: сколько осталось.

— *А для вас?*

— Для меня — первая.

— *И сколько?*

— Немало, знаете ли... Во всяком случае, кажется, больше, чем по календарю. Может быть такое, как вы считаете?

И мгновенная, едва различимая улыбка из приметливых глаз: что-то ответит человек, который, даже приблизительно, раза в два тебя моложе?..

Я не ответил: не взялся. И хорошо, что не взялся. Не свой опыт и не свой груз походя примеривать, пожалуй, не следует...

— *Василий Владимирович, каждую свою книгу по жанру вы скромно определяете повестью. Даже «Знак беды», выходящий, на мой взгляд, далеко за пределы этого жанра и по объему, и по глубине... Почему, собственно, вы не пишете романы?*

— Все писатели еще и читатели. Так вот у меня, как у читателя, нет должного доверия к современному роману. Ну, не верю я, что три-четыре тома можно заполнить мыслями и чувствами, не обходясь без расхожей беллетризации...

— *А как же тогда с классиками быть?*

— Я, может, рискованную вещь скажу, но, по-моему, житейски достаточно верную. Ритм жизни настолько изменился, что его невозможно передать долгими периодами и бесконечными томами. Мое мнение: повествование надо до предела уплотнять, потому что уплотнилась сама жизнь.

— *Жизнь уплотнилась. Что это значит?*

— Много стало резче. Неожиданнее. Но отнюдь не проще.

— *Судя по некоторым вашим высказываниям, вас во многом занимают именно сегодняшнее время, наши дни. Почему же в таком случае все повести только о войне?*

— Почему же только о войне?

— «Западня», «Атака с ходу», «Его батальон», «Знак беды» — даже названия говорят сами за себя...

— А по-моему, писать сугубо о войне или писать исключительно о мире просто невозможно. Если писать, то писать о жизни. Что я и стараюсь делать. И если я пишу о войне, то, наверное, только потому, что война — это та же жизнь. Но на пределах возможного, на последней грани человеческого.

Литература существует тысячи лет. А темы ее не меняются. И их немного. Жизнь, смерть, любовь... Что еще? Таких вечных тем негусто. А сколько прекрасных строк и страниц написано... Вопросы жизни и смерти, выходит, из числа самых главных. Стало быть, их вполне и достаточно, чтобы сполна сказать о самой жизни.

— *А как вы относитесь к таким понятиям, как счастье, мечта, любовь, дружба, красота?*

— К понятиям? К понятиям не очень хорошо отношусь. Лучше быть сдержанным, чем оказаться фальшивым... Мы поистрепали довольно-таки многие хорошие слова и понятия. Другое дело — что за ними стоит... Тем и важен военный опыт, что он помогает без ошибки отделять правду от кривды. Счастье, мечта, дружба, любовь — все это было на войне... А красота... Не знаю.

— *Красота, скажем, подвига?*

— Война жестока.

— *Но одно не отменяет другого полностью. Стоит ли вспоминать десятки книг, где есть тому примеры. Да вы и сами пишете о подвигах.*

— Нет. Если вы заметили, я, как правило, о подвигах не пишу. Нужно, чтобы в критической ситуации совпали многие обстоятельства — и только тогда будет подвиг.

— *Не совсем понятно. Один из ваших героев хотел уничтожить вражескую базу. А вместо базы обстоятельства оставляют его один на один с повозкой гнилой соломы...*

— Да. Именно потому я и считаю: подвиг — это когда сама гибель оправдана общезначимым результатом. А если нет такого результата? Говорить о подвиге — то же самое, что говорить о неслыханной удаче. Война была страшная, многие гибли. Не сделав ни единого выстрела, не совершив не единого поступка.

Потому-то в большинстве случаев неуместны, по-моему, эпитеты, фальшиво красивые слова, произносимые по поводу гибели человека...

Но такое встречается все реже и реже. Минуло, кажется, уже время, когда достоинство литератора оценивалось в прямом соответствии с количеством вражеских эшелонов, уничтоженных им на страницах своего романа. Чем грандиознее взрывы, считалось, тем талантливее автор.

Сейчас, к счастью, иначе оценивают работу писателя. Мы знаем, что эта война — самая страшная за всю историю. В каких-то случаях она не создавала обстоятельств, «удобных» ни для достойного выживания, ни для достойной смерти. Стало

быть, и показывать надо и случаи соединения обстоятельств, направленных против человека, против его достоинства... Здесь возможность и надежда сказать более полную правду о войне и человеку.

Это надо, конечно, объяснять. Хорошо, я объясню. Война всегда направлена против человека. Фашизм — это самая жестокая военная машина. Вспомните судьбу Рыбака. Он пытался перехитрить машину. Но не учел, что машина бьет и заталкивает в свой жернов наверняка, насовсем. Кто поддался ей в малом — поддается ей окончательно. Кто допустил, что можно предать «чуть-чуть», тот предаст по-настоящему. И «понарошку» записавшийся в полицию Рыбак, по сценарию этой машины, простому, но верному, делает следующий шаг: участвует публично в ликвидации. Все. С этого момента ему нет пути назад. И мы видим: фашистская машина стремится не оставить не единого выхода, ни единой надежды на спасение... Она умело уничтожает и физически и нравственно...

Если ты реалист и пишешь о войне, то надо начинать с этого страшного нуля. И идти дальше...

Мы не имеем никакого права вырабатывать этику нашего поведения на войне только лишь по результатам ошибок, сбоев, которые вражеская военная машина допускала. Да, были такие сбои. Да, многие другие «сбои», а потом и полный крах военной машины мы сами подготовили и обеспечили всенародными усилиями... Эта способность поражать и побеждать есть и должна быть у нас в крови. Но там же, в крови, должна быть и способность стоять до конца в любом случае.

— *Вы подчеркнуто сдержанны, Василий Владимирович, и в своих книгах, и в своих выступлениях... Язык, как правило, нейтрален и скуп, обстоятельства предельно однозначны, а ваши герои, попадающий в эти обстоятельства, настойчиво лишаются какого-либо значительного и яркого фона и самой возможности поступать значительно, колоссальные усилия их нередко так и не достигают общезначимого, весомого результата. Да и задачи, которые им в конце концов остается решить, более чем скромны: взорвать деревянный мост, отбить коня, уничтожить повозку... Несоразмерность лезет в глаза, поражает... Почему так в ваших книгах складывается?*

— Я сразу уточню: не в книгах. А на действительной войне, а потом уже и в книгах. Ведь чаще всего я говорю не о героях и не о возможном с их стороны героизме. Мне кажется, я смотрю шире. Я говорю просто о человеке. О возможностях для него — и в самой страшной ситуации — сохранить свое

достоинство. Если есть шанс — выиграть. Если нет — выстоять. И победить, пусть не физически, но духовно.

Война загоняет человека в угол. Пытается лишить его чести, оклеветать, вывернуть и перемолоть его душу. А он все выносит.

Речь не только и не столько о силе оружия. Мои герои чаще всего безоружны. Вооружены они лишь душой. Это крайние случаи войны... Но это своего рода и чистые случаи, когда и без ярких, нарядных эпитетов видно, как и почему побеждает человеческое, духовное.

— *Я задам вам сейчас «большой-большой» вопрос, Василий Владимирович. Чем-то вы руководствуетесь, коли ставите своего героя во все более трудные обстоятельства... Рассказать, как было, как могло быть, — задача, конечно, благородная. Ну, а «сверхзадача»? Есть ли она?*

— Да тут вроде и нет никакого секрета... Чтобы быть понятым, говори о вещах общепонятных. Так вот... То, что ты хочешь сказать о мире, имеет всегда и прикладной смысл. Писатель должен воспитывать, верно?

— *Но воспитатель должен быть терпимым...*

— Я, знаете ли, не поклонник элегии. Я за то, чтобы человек, в особенности молодой, был психологически подготовлен к незнакомому, необычному. Необычное в нашем сознании стало вторым именем выдающегося. А ведь это не так. Необычное чаще всего — заурядное. Но — на пределах возможного... Такова судьба Ивановского, того же Сотникова, да и старосты, и Демчихи из повести «Сотников»... Что особенного совершили они? Да ничего. Это по одной мерке, если мерить стратегическими масштабами. И — многое, если мерить иначе: они сумели остаться людьми... А это всевременная мера: не как должно быть или могло быть. А как всегда есть и всегда будет.

По-моему, полезно говорить почаще о простых, а если реально оценивать опыт прошлого, то чрезвычайно трудно сохраняемых ценностях. О чести, о человеческом достоинстве. В таких разговорах не красноречие, не красота слога должны быть главным аргументом, а правда. А если правда порой беспощадна, то этого нельзя скрывать. Нельзя приукрашивать ее, иначе неизбежна «двойная бухгалтерия».

Нынче же, как я замечаю, кое-кто из молодых пытается жить как бы по такой вот «двойной бухгалтерии». Вернее, живет по одной — о которой публично не скажет, а говорит — по другой... Это плохо. Плохо более всего, что то и другое в

одном человеке уживаются. И воспринимаются им подчас как обыденное, как данность, необходимость.

— Социологи, опираясь на научные выкладки, утверждают, что духовная зрелость наступает теперь в более позднем возрасте, чем прежде. Но есть и иная точка зрения. Она принадлежит самим молодым, которые довольно высоко оценивают свои духовные, человеческие возможности.

— Я не думаю, что социологические исследования верны во всем. Нередки несовпадения. Но если бы социологию мы использовали всегда с толком... А то ведь и машинно-точные рекомендации впрок порой не идут. Было, например, такое. ЭВМ дает результат, расходящийся с официально существующим мнением. Кто не прав? ЭВМ не права! ЭВМ отключили. И за ненадобностью сдали в аренду... Но это несколько в сторону. А по существу нашего разговора, я думаю, что никогда никакой опрос не даст полной картины. И выводы его всегда ограничены.

Молодым не хватает, мне кажется, в чем-то цельности, определенности. Но, сравнивая их со своим, военным поколением, я далек от желания делать из этого какие-либо глобальные выводы.

Последняя война (хочется верить, что именно последняя!) упростила многое, ужесточила, но и многое выпрямила. Заставила относиться серьезнее и к себе, и к другим. Прояснила, кто есть кто, прояснила сами нравственные ценности.

Я хочу хорошо думать о нынешней молодежи. Время иное — и молодежь иная. Но хуже? Нет.

В сути своей, я полагаю, теперешние молодые — не слабее и не сильнее нас, не умнее и не глупее... И души и сердца у них на месте. А души — они, случись нужда, разберутся, души не подведут.

Несовпадения же неизбежны. На войне нередко становится храбрецом тот, кто на своей улице был тихоня тихоней... Случалось же, что и признанный сорвиголова бледнел перед опасностью.

Что тут скажешь? Истоки мужества, мотивы героизма не столь очевидны, как нам кажется. Во всяком случае, я бы избегал прикладывать фронтовые, военные мерки к мирной жизни. Как, впрочем, и наоборот. Тут возможны ошибки. И непоправимые. Это полезно знать педагогам, да и всем тем, кто по профессии ли своей, по склонности ли характера любит порассуждать на тему героического...

— *Формула поведения ваших героев: в самой тяжелой ситуации, всегда и везде поступай достойно. Ваши герои живут на войне. Но каждая такая ситуация вольно и невольно укрупняется, выходит за пределы военной переделки. Вы говорили, что следует искать общий знаменатель, философский корень войны и мира, прошлого и настоящего. Так как же быть тогда с мерками?*

— Нравственные нормы мира и войны не совместить. Вот, положим, что такое подвиг на войне и в мирной жизни? Мне как-то рассказывали про председателя одного колхоза. Когда у него загорелся телятник, он собрал парней и спросил: есть ли среди вас герои? Или вы все трусы? Если герои найдутся, то идите и вытащите телят из огня... Трусов, понятно, не оказалось. А один из парней едва жизнью не заплатился из-за телят, которых завтра же утром отправили на бойню...

Мы утверждаем: в жизни всегда есть место подвигу. Как бы нам всем избежать упрощения в понимании и толковании этого крылатого выражения.

Ведь героизм необходим только тогда, когда он действительно необходим.

Как бы нам так сделать, чтобы «послать» и «пойти» — совпадало в одном человеке до точки... Я вообще считаю, что нужно беспощадно наказывать тех, кто, оставаясь в тени, берется подталкивать кого-то на рискованный поступок.

Тем более наказывать, коли подразумевается опасность для жизни человека.

Ничего нет выше ценности человеческой жизни, и я берусь утверждать: ты не вправе посылать человека на риск, если сам ничем не рискуешь...

*Беседу вел Александр Афанасьев.
[1984]*

СКОРЬБЬ НАРОДНАЯ

Ушел от нас гигант художественной мысли XX века.

Вся наша советская литература на протяжении многих лет своего существования жила и развивалась под могучими крыльями шолоховского гения, духовность многих поколений со школьный скамьи формировалась под благотворным воздействием изумительных по красоте и правдивости шолоховских

образов. Древняя донская земля благодаря художественной силе Шолохова прославилась в мире, а драматические судьбы ее людей обрели величие наряду с самыми драматическими судьбами в истории человечества.

Уроки шолоховского гения непостижимы даже для самого пронзительного ума современности и, как это бывает с дарованием такого масштаба, полностью раскрываются лишь по прошествии времени. Но уже теперь ясно, что лежит в основе этого уникального дарования. Глубинная народность его поэтики, революционный смысл его идей, верность правде человеческого существования в этом жестоком мире породили его трагического и прекрасного Григория Мелехова — один из самых пронзительных образов XX века. Если бы Шолохов не создал ничего более, одного Григория было бы достаточно, чтобы обессмертить имя его создателя. А их, этих трагических и прекрасных образов, у него вон сколько!..

Безутешна скорбь народная, всей нашей многонациональной литературы, многих миллионов его читателей. Он ушел от нас, оставив пламенный завет живущим — завет любви и ненависти, тысячелетия питающих мировое искусство, в котором и его столь привычное и дорогое для нас имя.

[1984]

ОТ ИМЕНИ ПОКОЛЕНИЯ

Нечасто так случается в литературе, что одно из первых произведений молодого писателя делает переворот в определенном ее направлении, становится вехой, хотя, быть может, и спорной в момент ее появления, зато отчетливо видной и широко признанной по прошествии лет. Со времени появления «Батальоны просят огня» Юрия Бондарева минуло более четверти века, отшумели многие литературные и прочие споры, и теперь мы имеем возможность четко определить как тщету их, так и правоту, которая, как это нередко бывает, в конечном счете остается за художником. Да, художником, каким с самого начала предстал перед читателями Юрий Бондарев, подтвердивший свой талант целым рядом замечательных произведений.

Главное, что на протяжении ряда лет питает неослабевающий человеческий интерес к его творчеству, это его неизменная верность проблемам минувшей войны, его непреходящее

пристрастие к характерам сложным, судьбам, опаленным горячим дыханием войны. И если первых повестях и романах мы видим человека на войне, в разбитых снарядами окопах, на разметанном взрывами снегу, в момент единоборства с немецкими танками, то в последующих произведениях этот выживший в жаркой схватке с фашизмом, постаревший и помудревший человек мучается над многими проблемами мирного бытия, среди которых, однако, главнейшими являются все те же, порожденные недавней борьбой с фашизмом. И в этом не проявление прихоти художника, а насущная необходимость поколения, пережившего войну и познавшего истинную цену человеческого существования.

В последних произведениях писателя рамки осмысления военной эпохи значительно раздвигаются, включая в себя новые связи, возникают новые порой неожиданные, но всегда важные выходы в наше время, а также в грядущее. Усложненная философичность бондаревских вещей поднимает их до высокого звучания, столь традиционного для лучших образцов отечественной и мировой классики.

Юрий Бондарев — обладатель ценного дара трепетного живописания словом, тончайшего анализа сложных психологических состояний, его языковое мастерство не может не покориť красотой и изысканностью слога. В то же время вслед за многими исследователями его творчества нельзя не поразиться умению, с каким Юрий Бондарев лепит характеры, всегда самобытные, не похожие на их литературных предшественников, верные той правде времени, которая постигается лишь впечатлительной душой и недюжинным жизненным опытом.

Волею судьбы или случая счастливо избежавший участи многих своих ровесников, останки которых покоятся в сотнях и сотнях братских могил, разбросанных на огромном пространстве от Волги до Эльбы, Юрий Бондарев остро осознает свой долг перед ними. Имя этому долгу — правда о минувшей войне и неусыпная забота о будущем, столь хрупком в наш беспощадный ядерный век.

[1984]

[ИНТЕРВЬЮ ГАЗЕТЕ «ГРОДНЕНСКАЯ ПРАВДА»]

— *Василь Владимирович, как известно, ваша творческая биография начиналась в те годы, когда вы работали в «Гродненской правде». С каким чувством вы вспоминаете то время?*

— Конечно, это было для меня незабвенное время, первых, потому, что оно выпало на годы моей молодости, которая всегда памятна в жизни любого человека, а во-вторых, в стенах «Гродненской правды» я получил первые уроки печатного слова, там состоялись мои первые шаги в журналистике, да и в литературе тоже. Я с благодарностью вспоминаю то теплое участие, которое проявили ко мне Андрей Абрамович Соловьев, Анна Ильинична Цыпина, мои товарищи по работе Георгий Цветницкий, Николай Овчаров, Александр Киркевич. Первые мои рассказы были напечатаны на страницах «Гродненской правды», первую литературную школу я прошел в литобъединении при областной газете с участием Михася Василька, и важность такой школы невозможно переоценить в жизни любого писателя.

— *Вы пишете о войне, и в некоторых ваших повестях читатель находит художественный материал с гродненской «прориской». Это случайная привязка или необходимость?*

— Естественно, что, долгое время проживая в Гродно и будучи связанным с делами и заботами тружеников Гродненщины, я не мог, да и не стремился обойтись без ее образов в своих повестях и рассказах. Так или иначе улицы Гродно, места и пейзажи Гродненщины я имел в виду, когда работал над «Обелиском», «Круглянским мостом» или «Пойти и не вернуться». В этой последней повести прямо называются некоторые населенные пункты Гродненщины, в других, хотя они и названы иначе, их облик легко прочитывается как гродненский.

— *Многие писатели говорят, что лучшая книга у них еще впереди. А вот какая из ваших книг наиболее дорога автору и почему?*

— Может быть, «Сотников», так как именно в этой повести мне с наибольшей полнотой и точностью удалось воплотить авторский замысел и без значительных потерь донести до читателя важную для меня идею произведения.

— *Что вы могли бы сказать о творчестве нынешних литераторов Гродненщины?*

— В силу неполной осведомленности мне трудно судить обо всех пишущих на Гродненщине, но я давно знаю и ценю Алексея Карпюка, чей самобытный талант прозаика давно и прочно завоевал признание в республике, так же как и поэтическое творчество Анатоля Иверса, Дануты Бичель-Загнетовой, Марьяна Дуксы, Марии Шевченко, статьи и рецензии литературоведа Алексея Петкевича, драматургию Олега Новожилова и других.

— *И, наконец, Василь Владимирович, что в эти напряженные юбилейные дни вы думаете о будущей работе?*

— С большим трудом, из-за постоянного недостатка времени, продолжаю работать над повестью о войне и мире на привычную для меня тему, может быть, с несколько иным поворотом некоторых ее аспектов.

*Интервью вел Юрка Голуб.
[1984]*

[БЕСЕДА ДЛЯ ГАЗЕТЫ «КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»]

— *Василий Владимирович, с момента выхода в свет «Альпийской баллады» прошло двадцать лет. Можно ли подвести итоги за эти годы?*

— А что, уже пора подводить итоги? — Быков слегка улыбается, голос его звучит по-белорусски мягко и задушевно, в неспешных словах чувствуется весомость и мудрость. — Впрочем, если серьезно, то, конечно, в шестьдесят лет, наверное, о каких-то итогах уже можно сказать. Хотя самому говорить об этом трудно...

Печатаюсь я с 1956 года. Начинал как юморист, как сатирик. Но чем дальше уходила война, тем все необходимее становилось для меня писать о войне. Это чувство знаю не только я, но и другие писатели, в чьем творчестве борьба нашего народа против фашизма занимает основное место: чем дальше мы от войны, тем настойчивее она овладевает нашими помыслами.

— *А где застала вас Великая Отечественная?*

— За три дня до начала войны мне исполнилось семнадцать. Я поступил учиться в Витебское художественное училище. Не расставался с карандашом и на фронте, только многие дорогие

мне рисунки погибли тогда. В восемнадцать лет был призван, в девятнадцать наш ускоренный выпуск Саратовского пехотного училища направили на фронт. Младшим лейтенантом командовал пехотным взводом, затем воевал в истребительной противотанковой артиллерии, и, как сказано в повести «Проклятая высота», перекуров мы не делали. Были трудные бои на Кировоградчине, было тяжелое ранение, была на меня похоронка матери, а на одной из многочисленных братских могил под Кировоградом в длинном списке погибших есть и моя фамилия...

— *В этом отношении ваши повести автобиографичны?*

— Наверное, как у каждого писателя. Демобилизовался в 1947 году, а через два года был снова в армии и еще почти 10 лет служил в дальних гарнизонах. Потом журналистская работа в Гродно. В книгах же своих хотел воссоздать несколько скромных образов наших людей, которым в суровые годы войны было суждено исполнить свой иногда неприметный, но всегда многотрудный долг. Это не красивое описание необычных подвигов бесстрашных богатырей, это — несколько будней войны, маленьких капель в необъятном море борьбы, которое до краев было полно тогда и людской крови, и людских слез. Уже писалось о том, что среди фронтовиков 1922–1924 годов рождения в живых остались три процента. Это писалось лет пять назад. Сейчас — осталось еще меньше...

А свою писательскую сущность я нашел не сразу. В этом отношении большую роль сыграла моя совместная работа с Твардовским. Он первый указал мне на силу лаконичной повести. Я ведь не пишу романов. Работая над повестями, следуя совету Александра Трифоновича, который подсказал мне создавать не романы, а повести, но с большей емкостью, чем у романа. Так появились «Журавлиный крик», «Фронтовые страницы», «Третья ракета», «Альпийская баллада», «Мертвым не больно». А успех, по моему убеждению, приходит тогда, когда автору удается точно отозваться на насущное требование народа, на актуальность темы для народа в данный момент. Так создавалась «Атака с ходу», «Проклятая высота», «Круглянский мост» и «Сотников». В «Волчьей стае» отразилось партизанское эхо войны. Кстати, повесть «Круглянский мост» редактировал сам Твардовский. И в творчестве своем я выделяю «новомировский период» — появление первых моих произведений в журнале «Новый мир». Период этот сыграл важное значение в моем становлении как писателя. «Сотников» написан уже после Твардовского, но и «посленовомировский

период», по-моему, характеризуется продолжением прежней тенденции: это показ войны такой, как она есть, — без прикрас, без бахвальства, без лакировки, показ того, что прошел сам, вдоволь насмотревшись на кровь, муки и пот пехоты. Я стремлюсь к углублению проблемы народности, сознательному усилению темы трагизма. Ведь это жестокая правда войны — будущего люди не имели: многие из них погибли за свободу нашей Советской Родины, за счастье нынешних поколений.

— *Сравнительно недавно была опубликована ваша повесть «Знак беды». Несколько слов об этой работе. Ведь этой повести уже было посвящено немало добрых отзывов, и прежде всего статьи в «Правде», «Известиях», «Огоньке».*

— Над «Знаком беды» я работал два с половиной года. На фоне огромной литературы о войне создать что-либо значительное, тем более поражающее новизной, становится все труднее даже для художников, обладающих личным военным опытом. Тем не менее, сказать необходимо еще многое, ибо тема «Человек и война» бесконечно глубока и серьезна.

— *Многие свои произведения вы сами переводите на русский язык. Так было и с повестью «Знак беды». Легко ли дается эта работа?*

— Перевод даже с такого близкого языка, как мой родной белорусский, — чрезвычайно сложное дело. Ведь язык белорусский несет множество смысловых оттенков, понятных только белорусу. Так что на перевод у меня уходит очень много сил и времени.

— *Василий Владимирович, а чем вы занимаетесь в свободное время?*

— Так его почти нет. Как депутату, надо выполнять указы земляков, руководить секцией прозаиков в Союзе писателей. Вот и сейчас надо идти на заседание. Ну, а если выдается день-другой свободный — стараюсь поехать в Гродно к внукам. И, конечно, тянет на родину. Ведь Родина для человека — это все, и с большой, и с маленькой буквы.

*Беседу вел Георгий Блюмин.
[1984]*

[ГУТАРКА З АЛЯКСЕЕМ ГАРДЗІЦКІМ]

— *Васіль Уладзіміравіч, беларускі чытач з гонарам усведамляе той факт, што ваша прасякнутая гуманістычным пафасам творчасць атрымала шырокае міжнароднае прызнанне, што вы — адзін з самых папулярных у свеце савецкіх пісьменнікаў. Пра ваш уклад у асваенне ваеннай тэмы пішуць і рэцэнзент венгерскага штотыднёвіка «Элет эш ірадалам», і супрацоўнік парыжскай газеты «Монд», і балгарскі літаратуразнавец, аўтар манаграфіі пра ваенную літаратуру, і рэдактар японскага выдавецтва «Сэйдзіся»... Як вы думаеце, чаму менавіта творы на ваенную тэму прыцягваюць сёння такую ўвагу сусветнага чытача? У чым тут справа?*

— На мой погляд, на тое ёсць некалькі прычын, і адна з іх заключаецца ў тым, што пагроза новай вайны так блізка падступіла да чалавецтва, што яно, чалавецтва, не можа не думаць пра вайну наогул і пра мінулую вайну ў прыватнасці. Чалавецтва хоча знайсці ва ўроках тае мінулае вайны нешта важнае, значнае, што б памагло не дапусціць вайны новай. Ну а апроч таго, гэта вайна — велізарны, шматпакутны вопыт многіх пакаленняў, і каб зрабіць з яго нейкія пазітыўныя вывады, трэба яго асэнсаваць у розных аспектах, гэты вопыт. А што найбольш глыбока асэнсоўвае і папулярна даводзіць кожны чалавечы вопыт, як не літаратура і мастацтва наогул?

— *Вы не раз удзельнічалі ў міжнародных пісьменніцкіх форумах, прысвечаных удзелу майстроў культуры ў змаганні за мір, супраць гонкі ўзбраенняў, ядзернай пагрозы. І тут у мяне да вас адразу некалькі пытанняў. Што асабліва ўразіла вас на гэтых сустрэчах? Наколькі эфектыўныя яны з пункту гледжання актывізацыі пісьменніцкіх сіл для барацьбы за мір, міжнароднае супрацоўніцтва і прагрэс? Што, на вашу думку, можа сёння слова мастака, якую ролю можа яно адыграць у супрацьборстве людзей добрай волі з атамнымі маньякамі, з сіламі вайны і рэакцыі?*

— Мабыць, ніколі яшчэ ў гісторыі чалавецтва мастацкая інтэлігенцыя свету не была такая аднагалосная ў пытанні вайны і міру, як сёння. Гэта асабліва відавочна выяўляецца на міжнародных пісьменніцкіх форумах у абарону міру, дзе прысутнічаюць прадстаўнікі літаратур усіх кантынентаў, і ўсе яны згодныя з тым, што літаратуру нашых дзён не мае права маўчаць і што няма ў яе большай задачы, чым прадухіленне пагрозы новай вайны. Для выканання гэтай задачы пісьменнікі заклікаюць

выкарыстоўваць усе даступныя ім сродкі: друк, тэлебачанне, радыё, кіно, тэатр. І я думаю, што такая згуртаванасць і цвёрдая рашучасць літаратараў свету робіць свой пэўны ўклад у справу міру і прымушае атамных маньякаў трохі задумацца перад тым, як націснуць на кнопку.

— *І ў час паездак за мяжу, і ў нашай краіне вам, Васіль Уладзіміравіч, даводзіцца сустракацца з замежным чытачом. Ён, зразумела, розны... І ўсё ж — які ён?*

— Вядома, замежны чытач розны, ён не мае нейкага пэўнага твару, бо прадстаўляе розныя класы, розны ўзровень ведаў пра наша жыццё і, урэшце, розны ўзровень культурнасці. Але я сказаў бы, што тыя з маіх чытачоў, з якімі я сустракаўся ў нас ці за рубяжом, вызначаюцца якраз шчырым жаданнем зразумець нас, наш лад жыцця, можа быць, чаму-небудзь навучыцца і болей даведацца пра нашу Вялікую вайну, пра якую многія з іх чулі, а іншыя і перажылі тыя страшныя гады барацьбы з нямецкім фашызмам. Жаданне пазнаць праўду пра нас, відаць, і прываблівае мяне ў іх болей за што іншае.

[1984]

[БЕСЕДА ДЛЯ ГАЗЕТЫ «ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ»]

— *Василь Владимирович, почему вы не пишете о мирной жизни, о наших днях? Разве это не странно — в течение тридцати лет все о войне да о войне? Скажем, Лев Толстой много лет посвятил «Войне и миру», но в основном-то писал о современной ему жизни. Есть ли все-таки у вас, возникало ли когда-нибудь желание написать о сегодняшнем дне и современных проблемах? Конечно, я понимаю — когда В. Быков пишет о войне, это не только о войне. Не зря у вас во многих повестях — «Волчьей стае», «Обелиске» — день нынешний и день минувший словно бы перекликаются, или война присутствует в обрамлении сегодняшних событий. Но все равно тема этих книг — война. Точка отсчета, нравственное исчисление норм поведения человека — там, на войне... А может, вы о войне пишете потому, что те проблемы, которые вас волнуют, вы не решаетесь почему-либо решить на современном материале?*

— Вся суть в том, что я еще не освободился от груза воспоминаний, почерпнутых в годы войны. Не знаю, что тому

причиной — или я эти впечатления реализую недостаточно, или, может быть, вся наша литература и искусство проходят мимо многого, значительного, что было в минувшей войне и что пока еще не намечается, художественно не освоено. А может, происходит естественное мое художественное углубление в тему. С каждой вещью мне открываются все новые стороны войны и, соответственно, все новые возможности для ее изображения. К тому же, если фронтовую войну я писал уже давно, то партизанская война, жизнь на оккупированной территории для меня открылась сравнительно недавно. И я увидел там пропасть важного и значительного по части человеческих отношений, психологии, поведения человека, наконец, разнообразия форм методов борьбы с оккупантами. Я взялся за эту тему только после того, как она, по крайней мере в белорусской литературе, считалась уже исчерпанной. Многие из прозаиков, которые писали о партизанской войне, к тому времени перешли к другим темам — в том числе современным, и тема войны в некотором смысле оказалась в литературе уходящей в прошлое. Фигурально выражаясь, я подобрал у них из-под ног то, что ими было уже, казалось, исчерпано...

Конечно, это не значит, что тема закрыта и ею уже никто не интересуется. Выходят новые книги — А. Адамовича, В. Козько, Д. Гусарова. И это лишь укрепляет мое мнение о неисчерпаемости этой темы.

— Однако существует мнение, что вы уже выработали свою тему — человек в окопе или партизанской землянке, испытание его трагическими обстоятельствами на войне. Хотя А. Адамович, помнится, в одной из статей в «Литературной газете» доказывал обратное, утверждая, что вы всего лишь верны теме и правде. Тем не менее стереотипы в изображении определенных конфликтов, обстоятельств, использование одной, принесшей когда-то успех интонации тем или иным писателем, на мой взгляд, присутствуют в современной прозе. Итак, как вы относитесь к мнению, что вы повторяетесь?..

— Это поверхностный взгляд. Я стараюсь не повторяться в самом главном — в образах и конфликтах. Что касается времени действия, каких-то бытовых мелочей, то в известной степени они, конечно, переходят из повести в повесть. И в этом отношении разнообразить их довольно сложно, а может быть, и не нужно. Потому что война — это четыре очень определенных года в жизни человека, со всем комплексом его чувствований, переживаний, реалий и деталей быта. Все это очень определенное.

— Мне кажется, что опровержением мнения о том, что В. Быков повторяется или топчется на месте, может служить повесть «Знак беды». Помимо того, что содержание ее нетрадиционно для В. Быкова, — показан значительный социальный срез из довоенного времени, в изобразительной структуре повести также немало нового, обусловленного определенными современными литературными тенденциями. Налицо выразительная символика: усадьба Петрока и Степаниды — Голгофа, опаленная ракета — некий знак беды... Словно бы повеяло некоторой «мифологизацией» образов, характеров, обстоятельств, волей-неволей уподобленных вечным конфликтам и типам, при всей, разумеется, реалистичности изображения, его обращенности в наше время.

— Ретроспективная, по отношению к военному времени, часть в этой повести — период, который раньше действительно мною не затрагивался. Это время — переломное в истории жизни народа, сравнимое разве что с самыми кардинальными, революционными изменениями в крестьянской среде. Какой-то частью оно присутствовало в моем личном опыте по воспоминаниям детства. И вот мне захотелось связать войну с предшествующим периодом. Показать истоки как героизма, так и подлости, проявившиеся в годы войны, потому как и то, и другое — не случайно и обусловлено глубокой причинностью. Не знаю, насколько повесть получилась, но во всяком случае автор стремился к этому.

— Но вы обходите молчанием последнюю часть моего вопроса — о символике и мифологизме.

— В отличие от предшествующих моих вещей, где действие происходит в течение одних-двух суток, здесь взята народная жизнь в исторической протяженности. И действуют удивительные народные характеры, типы, образы, со всем комплексом их верований, христианской и языческой символикой.

— Судя по краткости вашего ответа, эта сторона творчества вас особенно не увлекает. И все же, как вы относитесь к романтическому стилю, столь распространенному в современной советской многонациональной литературе, но, кажется, не в белорусской. Возможен ведь и героический романтизм, и всякого рода условные формы, тесно связанные с романтическим методом или стилем при изображении человека в разных обстоятельствах в том числе и на войне, скажем, «Василий Теркин» куда как реалистическое произведение, но глава «Смерть и воин» по форме условна, а как здесь все играет, как укрупняется характер, образ, и сам герой словно вы-

растает в мифического богатыря. Не потому ли он и стал воплощением национального характера, с его удалью, беззаветной храбростью, умением не теряться в самых фантастических обстоятельствах. Может быть, такого героя не хватает нашей прозе, в том числе и военной.

Но если вы так уж «открещиваетесь» от романтизма, каким же образом в «послужном списке» писателя В. Быкова оказалась повесть «Альпийская баллада», где даже само название говорит за себя? Разве баллада — не романтический жанр? И разве так уж невозможен у В. Быкова возврат к романтической прозе?

— У Быкова возврат к романтической прозе невозможен. К тому же «Баллада», о которой вы говорите, — в такой же степени романтическая, сколь и реалистическая повесть, писалась молодым автором о молодом чувстве да еще на фоне почти курортном. Таким образом она и обрела черты полуромантического произведения.

— Хорошо. Тогда возьмем пример из творчества другого писателя, наверняка вам близкого, — Виктора Астафьева. Его «Пастух и пастушка» с трагическим, но одновременно и возвышенно-романтическим (тема любви Костяева и Людмилы) взглядом — разве это новаторское произведение, не шаг вперед в творчестве писателя, не что-то новое в изображении войны в нашей литературе?

— Высоко ценю «Пастуха и пастушку». Автор там сумел свести воедино, казалось бы, несводимое — любовь и войну. И, может быть, в начале своего творчества, когда был помоложе, я бы и рискнул написать нечто похожее. Но не теперь. Сегодня я перерос, если можно так сказать, подобный взгляд на эти вещи.

— Я привел пример с «Пастухом и пастушкой» для того, чтобы подчеркнуть, как важно писателю время от времени менять интонацию. Писатель ведь тоже во многом актер, вольно или невольно (если он подлинный художник) он перевоплощается в своих героев, и на подмостках истории каждый раз вместе с новыми персонажами играет новую роль. Помните рассказ Данила Гранина «Ты взвешен на весах...» о художнике, под старость сменившем свое имя и решившем начать все сначала — без званий и регалий? Очень мудрый и многозначительный рассказ. Так вот, интонация, на мой взгляд, в писательском творчестве — великое дело. Сменить интонацию для писателя все равно что сменить имя, родиться в новом качестве. Помогает в этом, как мне кажется, обращение к новому

материалу, либо художнический эксперимент, либо творческое освоение опыта классиков. Мне кажется, что, когда вы писали повесть «Пойти и не вернуться», что-то такое преследовало и вас. Дух Достоевского где-то витал над вашим столом...

— Витать-то, может, и витал — и Достоевского, и Толстого. Только вот приблизиться к этим гигантам неимоверно трудно. Тут вот в чем дело. Хотя силовое поле идей этих писателей привлекает, но в то же время и отталкивает — несоизмеримостью гения, потому как великие находятся на слишком большой высоте и творят в собственном, созданном ими мире, который можно наблюдать со стороны, принимать или не принимать, но проникнуть в который дано далеко не каждому из смертных. В их художнических мирах свои законы и правила, ими установленные. Зачастую они непостижимы, вызывают восхищение или уважение и убеждают любого художника в той непреложной истине, что для творчества ему необходимо обрести свой собственный художественный мир. Мир,образный собственному мировоззрению и мироощущению.

— *Критик И. Дедков в своей книге о вас пишет, что вы «писатель аскетической художественной формы». Мне же кажется, что в последних вещах — «Пойти и не вернуться», «Знак беды» — заметно углубление психологизма при описании состояния героев, так сказать, «увеличение» психологических ухищрений. Нет ли здесь попытки приближения к роману? И вообще, почему вы пишете только повести, ушли от рассказов? Жанр — это важно для писателя или нет?*

— Аскетичность моя происходила от малоопытности, неразработанности стиля, который со временем развивался, усложнялся. Конечно, я не сторонник многословия, чем страдают многие и что становится порой современным стилем, когда идет болтовня и — абзац на три страницы... Но все-таки полагаю, что стиль, как и все в искусстве, должен обладать мерой (словесной). И слов должно быть несколько не больше, чем это нужно для выражения мысли. Если у меня обогатился мой стиль лексически, то могу лишь предположить, что это обстоятельство вызвано, возможно, некоторым робким обогащением мысли.

Что касается жанра... Бюффон сказал: стиль — это человек. Я бы к этому добавил, что жанр — это тоже человек. В спорте есть спринтеры и стайеры, в литературе есть эпика, что ли, и рассказчики, новеллисты. Самым подходящим жанром для моего литературного самовыражения оказалась короткая повесть.

У меня чересчур большое уважение к роману, для того чтобы я, не обладая романским дыханием, посягнул на этот жанр.

— Существуют особые документальные книги — «Народ на войне» С. Федорченко, «Я из огненной деревни...» А. Адамовича, Я. Брыля, В. Колесника, «Блокадная книга» А. Адамовича и Д. Гранина. Это книги, значение которых трудно переоценить. Но ведь и к страданиям, когда они неисчислимы, привыкаешь или уже не воспринимаешь с той, изначальной, остротой. У того же А. Адамовича в «Хатынской повести» или в «Карателях» некоторые художественные описания воздействуют сильнее, чем документальный факт. В конце концов художник напишет о том, как утопили собачку, и потрясает нас на всю жизнь, а иной реальный рассказ-случай о гибели человека, конечно, тронет, но может и забыться. Короче, не преувеличиваем ли мы сегодня значение документа, документальной литературы в ущерб художественности, литературе художественной?

— Не надо смешивать документальность и художественность. Это совершенно разные вещи. Документалистика — это журналистика, ремесло, а художественная литература — искусство. Отчего такая популярность журналистики в наше время? Думаю, в росте этой популярности сказалась девальвация художественного слова. Читатели увидели, что какие-то моменты нашей истории оказались неподъемны для художественной литературы. И рисковали исчезнуть вообще из духовного опыта народа. Некоторые литераторы, точно уловившие эту угрозу, — а это большая угроза, если что-либо исчезает из народного самосознания, — без всякого лукавства обратились к крупицам давних событий и донесли их в простой документальной журналистской форме. И читатели увидели в этих строках многие достоинства и преимущества, упущенные художественной литературой. И, конечно, мы благодарны этим авторам, которых можно именовать как угодно — составителями, собирателями, записчиками, журналистами, писателями, благодарны за их доброе дело. Такую колоссальную работу проделала недавно у нас Светлана Алексиевич, опросив сотни женщин — участниц войны. И вот получилась книга «У войны не женское лицо» — еще одна, новая страничка народной эпопеи.

— Двадцать лет назад вы утверждали: «Чтобы описать чувства человека в бою, в атаке, надобно самому их изведать». Изменился ли взгляд сегодняшнего В. Быкова на эту проблему?

— Нет, не изменился. Потому что по опыту своему и других я знаю, что в изображении войны нужна чрезвычайно важная степень достоверности. Но надо иметь в виду вот еще что. Как

определить ум человека может только умный человек — оценить это человеку недалекому просто не дано, — точно так же обнаружить недостоверность в изображении, войны может только ее переживший, который в каких-то мелочах, деталях почувствует чужой, фальшивый звук.

Я знаю много примеров из произведений талантливых авторов, которые, обращаясь к теме войны, создают очень эффектные картины — это относится к прозе, литературе, в особенности к кино, — поражающие воображение читателя и зрителя, но совершенно неприемлемые для участника войны. Очевидно, нельзя создать ничего стоящего, не обладая знанием в этой области...

— *Но вы говорите о деталях, картинах. А главное — все же отношения людей на войне.*

— В отношениях тем более. Человеческие отношения — это та самая часть в искусстве, где больше всего вранья. В фильмах, например, создающихся даже на основе хороших произведений, когда актеры произносят, казалось бы, достоверные диалоги из книги, нередко вылезает фальшь. Потому что не так произносят фразу, не та тональность, не то ударение... Все не так...

— *Но ведь и дальше будут писать о войне, в том числе авторы, не участвовавшие в ней.*

— Не помню кто, кажется, Бакланов сказал — тогда пусть бы подождали, пока вымрут участники, а тогда бы уж и резвились, как хотят. Как то делается сегодня на примере изображения Гражданской войны.

— *Василь Владимирович, известно, что в 60-е годы и вам, и некоторым другим вашим коллегам, писавшим о войне, немало досталось от критики — и за взгляд на войну из окопа, и за ремаркизм, и пр. Ваше отношение к критике тогда и сегодня? Что лучше для художника — когда критика ругает или хвалит? Помогает ли критика писателю хотя бы в чем-то или он может обойтись без нее?*

— В ту пору, о которой вы говорите, критика отставала. Ее взгляд на мир и войну был консервативнее, чем отношение литературы к войне. Военная проза тогда вырвалась вперед.

Так называемая «окопная правда» была изобретена той критикой для того, чтобы, навешивая это прилагательное, сделать эту правду неприемлемой, игнорируя тот факт, что правда однозначна. Но если это правда, то она не может быть ложью, какие бы эпитеты к ней ни подставлялись.

Сегодня, разумеется, я благодарен весьма умному, благожелательному рассмотрению моего творчества в монографиях Дедкова, Лазарева, Бурана, в целом ряде статей других критиков. Это, конечно, помогает осмыслить мир, литературу и себя в литературе.

— *При разговоре о правде нельзя, видимо, пройти мимо такого чувства, как страх. Поведение человека в порой невыносимых обстоятельствах войны — эта проблема затрагивалась и вами, в частности в «Сотникове», и Ю. Бондаревым в «Береге» и «Выборе», и Г. Баклановым в «Пяди земли» и «Мертвые сраму не имут». Что вы можете добавить к сказанному уже в литературе и как писатель, и как солдат?*

— Страх — это естественная реакция живого организма на угрозу собственного уничтожения. Как чувство, оно присуще всему живому. Человеку присуще в еще большей степени, потому что, как существо сознательное, он может не только видеть опасность, но и предчувствовать, прогнозировать. А отсюда, естественно, и строить модель собственного поведения с целью избежать опасности и продлить жизнь. Природа позаботилась о человеке, наделив его чувством страха. Это одна из целесообразностей природы, необъяснимая, по-моему, никакой эволюцией. Но все дело в том, что в человеческое существование вторгается еще такая вещь, как долг — обязанность не только по отношению к себе, но главным образом по отношению к другим — ближним, обществу, государству. Обе эти вещи очень трудно сочетаются в человеческом существе. Поэтому ценность каждого бойца определяется тем, насколько он способен господствовать над чувством страха и вызвать в себе готовность исполнить долг.

В определенной обстановке страх испытывают все, с той лишь разницей, что одни умеют это чувство спрятать от ближних, а другие этой способностью обладают в меньшей степени или не обладают совсем (труссы).

— *И, следовательно, возникает проблема выбора?*

— Изображая войну, мы обращаемся к современному человеку, который, может быть, и далек от прошлой войны, но и сегодня живет отраженным светом ее проблем. Уроки войны важны и сегодня. Одна из главных социальных теорий и проблем человеческого существования — теория выбора. И она в одинаковой степени актуальна как для военного, так и для мирного времени. Человек, может быть сам не замечая того, должен делать выбор в будничной жизни почти ежедневно. На войне важность выбора была особенно неотвратима, ибо след-

ствия выбора могли быть трагическими. По сути, конечным итогом выбора была победа или смерть, слава или бесславие.

Думаю, что в каждой из моих повестей происходит выбор. Хотя, может быть, не напрямую, а опосредованно, но эта проблема так или иначе занимает многих персонажей. Конечно, в большей мере в нравственном смысле. Потому как главные нравственные постулаты непреходящи, хотя и с наибольшей наглядностью они проявились в годы войны. И современная военная литература вполне правомерно адресует их из 40-х годов в наше время.

— *А правомерно ли испытывать человека крайними обстоятельствами, проверяя его, так сказать, принципами нравственного максимализма, как то постоянно происходит в ваших повестях? Война — это особые, исключительные обстоятельства, там человек рано или поздно проявится, а в мирной жизни попробуй узнай, кто он — Сотников или Рыбак?*

— Максимализм моих героев, может быть, вызван отчасти ретроспективно и является реакцией человека моего поколения на опыт несколько иного порядка, полученный в послевоенные годы. В войну было все просто и понятно в определенном смысле: был враг, был долг. Это обстоятельство определяло целый комплекс человеческих отношений между товарищами-бойцами, подчиненными и командирами. Отступление от высоких нравственных требований нередко заканчивалось большой кровью, когда виновником гибели кого-то являлся не только противник, что само собой разумеется, но также и тот, кто послал, не обеспечил. Не разобрался, ошибся, игнорировал обстановку. В таких случаях и выступают на первый план жесткие требования нравственного максимализма, игнорировать которые как раз и было бы безнравственно.

— *Как вы смотрите на тот факт, что вам шестьдесят? Как человек и как писатель...*

— Смотрю с иронией... С точки зрения сорокалетних и тридцатилетних, шестьдесят — это старчество, которое не дает никакого преимущества и является младенчеством. Хотя, может быть, с точки зрения семидесяти- и восьмидесятилетних, это и не так неприлично.

Конечно, все относительно. Вы знаете притчу? Спросили старика: «Отчего плачешь?» — «Да вот отец побил». — «А сколько отцу лет?» — «Да восемьдесят». — «А тебе?» — «Шестьдесят».

Что сказать об этом возрасте с точки зрения писателя? Великая движущая сила — отсутствие опыта, когда молодому

литератору кажется, что он все может. С возрастом, с приобретением опыта обнаруживается, что он может не все. А с усовершенствованием опыта выясняется, что он не может ничего.

А если я не могу так, как я хочу, то приходится ограничиваться...

Беседа вел Павел Ульяшов.

[1984]

[ИНТЕРВЬЮ ГАЗЕТЕ «НЕДЕЛЯ»]

— Василь Владимирович, что вы подумали, почувствовали, когда узнали, что началась война? Были ли вы готовы к ней? Я имею в виду внутреннюю, психологическую готовность... Думали ли вы тогда, в сорок первом, что до Победы вам придется пройти через несколько стран Европы?..

— Наверное, я чувствовал в тот день то же самое, что чувствовали миллионы наших людей, — гнев, возмущение, ненависть. И, конечно же, как и все, ни минуты не сомневался, что враг немедленно получит сокрушительный отпор. Все мы жаждали победы, но никто из нас не думал, что дорога к ней окажется такой длинной и трудной.

— А помните ли вы свой первый бой?

— Его не забыть, как, впрочем, и последний... Хотя я участвовал в нем скорее как «наблюдатель», чем как солдат. Правда, винтовка у меня была и шесть обойм патронов к ней. Это под Харьковом было, в сорок первом. У меня и сейчас стоит перед глазами большое свекольное поле, село в отдалении. Мы видели только крыши, утопающие в садах. Там был противник. На поле лихо развернулась для атаки спешно переброшенная сюда кавалерийская часть. Судя по всему, она прибыла издалека. Всадники были запылены, экипированы по-походному: с переметными сумами у седел, винтовками и шашками, средствами противохимической защиты для себя и лошадей. Высыпав из балки, они пустили коней галоп. Мы, сотня наспех вооруженных винтовками новобранцев, прикрывали их фланг. Несколько минут было тихо, а потом навстречу кавалеристам ударили фашистские пулеметы, танковые пушки. Дело довершили внезапно появившиеся «юнкерсы»... Из деталей этого боя больше всего почему-то запомнилась одна — толстые гофрированные трубки лошадиных противо-

газов. Вот больше сорока лет прошло, а никак не могу забыть эти противогазы...

— *Был ли у вас бой «самый памятный», как тот, о котором поется в «Безымянной высоте»?*

— Был. Тот самый, где меня ранило. Лежу беспомощный на снегу, сдвинуться с места не могу, а на меня наползает немецкий танк. Его гусеница прошла по полам моей распластанной шинели.

— *Какие новые, быть может, неожиданные грани человеческого характера открылись для вас на войне? Можете ли вы сказать, что война изменила Василя Быкова? Или она только «проявила» заложенные в нем гены? Минутку, еще не все... Стал бы Василь Быков писателем... без войны? Я знаю, писать вы начали после войны. Но был ли день, час, миг, когда вы, еще на войне, вдруг почувствовали, что все это надо как-то «зафиксировать», «отобразить»? Был ли период подготовки к «писательству» — дневники, записные книжки или просто раздумья, размышления?*

— Своего рода военная хитрость: в одном вопросе — десять вопросов... Во-первых, война научила меня не судить никогда о человеке по первому впечатлению, хотя многие говорят, что оно самое верное. Ведь не зря же народ «пуд соли» придумал! Человек делом проверяется, а не его словами, не твоим первым впечатлением. Был в моем взводе солдат Свиридов, которого я считал божьим наказанием для себя за его своеволие, необузданность, недисциплинированность. Я не надеялся на него в бою и все искал случая, чтобы избавиться от него.

И вот первый бой. Я даже не мог представить, что человек способен преобразиться до неузнаваемости. Стал сдержанным, расчетливым, находчивым, в кризисные моменты оказывался рядом и даже давал дельные советы, вызывался на самое трудное, рискованное. После боя я не мог смотреть ему в глаза: мне было очень стыдно, что я так плохо думал о человеке, совершенно не зная его. Он стал лучшим солдатом в моем взводе и погиб под Балатоном за четыре месяца до конца войны.

С тех пор, когда встречаю незнакомого человека и он почему-то кажется мне не очень симпатичным, я всегда вспоминаю Свиридова и говорю: не спеши, первый бой покажет.

Что же касается «писательских генов», то я вообще сомневаюсь в их существовании во мне. В детстве и юности я мечтал стать художником. Почти вся молодость прошла в армии. По существу, я — писатель-практик, не обладающий профессиональной филологической подготовкой. За перо взялся, как

теперь сам понимаю, скорее из литературно-полемических побуждений. Читал некоторые произведения о войне, и они выводили меня из себя своей «красивостью», своей «литературщиной». А мне хотелось правды! Может, это и сработало?

Ни в войну, ни после я не делал никаких записей, не вел дневников. Да и как это делать на передовой, если бы и хотел? Не стал их сочинять и задним числом. Считаю, что для создания чего-либо стоящего о времени недостаточно просто изучать это время, даже помнить его — надо жить в нем, даже если это время давно минуло. А еще лучше для художника, если это время будет жить в нем самом, не покидая его.

— *Вы почти никогда не говорите о своих отце и матери... У меня такое чувство, что главные герои вашей повести последней — Петрок и Степанида — очень родные автору. Скажите честно, не стали ли их прообразами Анна Григорьевна и Владимир Федорович?*

— Вот, казалось бы, простой вопрос, а ответить на него... Отвечу так. В «Знаке беды» отразилась часть моего детства. Да, Петрок и Степанида имеют отношение к моим родителям, но все же это характеры скорее литературного происхождения...

— *Я знаю, Василь Владимирович, что в свое время некоторые критики и читатели упрекали вас за то, что в каждом вашем произведении обязательно присутствует «Рыбак», то есть предатель. Что и говорить, тема неблагоприятная... Можете ли вы сказать, что исчерпали ее или хотя бы что она стала понятней для вас?*

— Характеры такого рода всегда очень трудно даются автору, особенно если он сам не обладает сходными чертами (не дай-то бог!) и вынужден их сочинять. Но у хорошего художника эта «сочиненность» бывает настолько точной, что порой затмевает реальные, принесенные из жизни характеры и прототипы. Я думаю, что опыт Ф. М. Достоевского в этом роде убедителен. Что же касается темы, то ни одну тему нельзя называть «исчерпаемой». Человечество-то ведь продолжает жить.

— *Писатель всегда тщательно разрабатывает биографию своего героя еще до момента его рождения на страницах произведения. А думает ли он о биографии своего героя за рамками произведения? Или это уже сфера читательского сотворчества?*

— Да, по-моему, это дело читателя. Многие произведения имеют так называемый открытый финал, как бы предлагающий читателю поразмыслить над тем, что недосказано книгой, то есть приглашают к соучастию, к сотворчеству.

— Теперь признаюсь, Василь Владимирович, что вопрос свой я задал с тайным умыслом. Молодые герои ваших прежних повестей, видимо, впитали какие-то черты молодого Василя Быкова. Представим невероятное: встретились сегодня тогдашний и нынешний Василь Быков. Что бы они сказали друг другу? Узнали бы друг друга или нет?

— Наверное, трудно узнать в себе нынешнем себя давнишнего. Мы не так по себе, как по своим знакомым видим, насколько изменяет нас время. А может быть, и не следует искать нас прежних, а следует больше полагаться на вечно текущее время, которое знает, в каком направлении нас меняет. Любимые мои герои, конечно, постарели, поседели... Но, наверное, они еще не растратили пыла своей юной души. И если крутые горки не слишком укатали их на дороге жизни (по крайней мере, я надеюсь, что они именно такие), думаю, они имеют право сказать о себе: есть еще порох в пороховницах!

— Заранее прошу простить меня. Но скажите, шестьдесят лет для писателя — это благо или... не очень?

— Жить значительно сложнее в шестьдесят, чем, скажем, в тридцать. Груз жизненного опыта имеет различные свойства: один его поднимает, другого он гнетет. Печально, если обретенный опыт подобен мертвому грузу и не находит не только применения в живой жизни, но даже и своего выражения. Каждый из нас может припомнить немало умнейших и достойнейших во всех отношениях людей, которые обладали уникальным опытом и унесли его туда, откуда никто не возвращается. С высокой вершины открываются прекрасные дали. А вот дойти до них может не каждый.

— Если бы вы вдруг решили написать повесть на современную тему, то про кого была бы эта повесть?

— Мне давно хотелось написать повесть, идею которой схематически можно выразить так: как легко проповедовать несомненные истины и как трудно им следовать в жизни! И что случается, если все-таки наперекор всему им следуют. И не следуют — тоже.

— А не мучает она вас, эта «нерожденная» повесть?

— Мучает, и уже много лет. Но все-таки я понимаю, что это не моя тема. Я скорее хотел бы видеть ее реализованной другим, более способным для того автором.

— И самое последнее. Что на столе?

— Повесть о войне и мире. Вернее, о некоторых моментах прошлой войны и настоящего мира.

— *Василь Владимирович! Редакция уполномочила меня пожелать вам от имени своих читателей хорошего, крепкого здоровья. И еще сказать вам, что шестьдесят в наш век — это совсем немного. И еще попросить вас никогда не изменять самому себе. Хотя быть Василем Быковым, наверное, нелегко.*

— Спасибо. Я оптимист. Еще проживем и поработаем. Еще далеко не все сказано, что обязаны сказать мы, солдаты прошлой войны, ставшие писателями. Еще не выполнен долг перед теми, кто не дожил до дня Победы.

Интервью вел Николай Матуковский.

[1984]

СВЕТЛЫ ДЗЕНЬ

Гэтага дня чакалі ўсе тры доўгія гады вайны. Чакалі яго на фронце тых, хто змагаўся з ворагам у радах Чырвонай Арміі, чакалі яго партызаны паўмільённай партызанскай арміі ў лясах і пушчах зняволенай Беларусі, чакалі яго ў зруйнаваных гарадах і спакутаных вёсках. За яго набліжэнне аддалі свае жыцці сотні тысяч байцоў і камандзіраў, партызан, падпольшчыкаў і партызанскіх сувязных, забітых на фронце, закатаваных у засценках паліцыі, замучаных у шталагах і лагерах смерці. У імя светлага дня вызвалення здзейснілі свой неўміручы подзвіг Мікалай Гастэла, браты Цубы і Марат Казей, маладыя змагары Обальшчыны і Аршаншчыны. Аб гэтым дні марылі падпольшчыкі Мінска, якія вялі бязлітасную барацьбу ў разбураным, але нескароным горадзе і тысячы якіх так і не дажылі да вызвалення.

Сорак гадоў назад магутная артпадрыхтоўка, якая паклала пачатак аперацыі «Баграціён», з'явілася грознай уверцюрай разгрому фашысцкай групоўкі «Цэнтр». Мабыць, не было тады болей прыемнай для нашага вуха музыкі, яе слухалі, стаіўшы дыхаючы, па абодва бакі вялізнага фронту і на самым фронце. Нямецкі вермахт у каторы раз услухоўваўся ў сваю «адыходную», і яшчэ праз некалькі дзён многія яго часці і злучэнні ў Беларусі перасталі існаваць. Дзясяткі тысяч забітых, яшчэ больш палонных, а тым, хто адкатваўся на захад, наладжвалі крываваю лазню беларускія партызаны.

У руінах, калючым дроце, смуродзе пажарышчаў паўстала сталіца Беларусі перад вачамі яе вызваліцеляў. Але гэта была

сталіца, старажытны горад, асяродак нацыянальнай культуры. Яго вызваліцелі ішлі далей, і многія загінулі на яшчэ доўгай дарозе вайны, так і не ўбачыўшы адноўлены горад у ягоным росквіце ў дні міру. Яго пабачылі мы. Мы жывём у ім, нашым клопатам добраўпарадкоўваем яго і ўпрыгожваем. І мы памятаем аб тых, хто аддаў сваё жыццё дзеля нашых жыццяў і жыццяў наступных пакаленняў. Люд Беларусі будзе вечно захоўваць у сваёй памяці імёны тых, хто ляжыць пад плітамі брацкіх магіл у Віцебску і Магілёве, Гомелі і Гродне, у пагранічным Брэсце, па тысячах вёсак і пасёлкаў Беларусі.

А сонечны летні Мінск разам з усёй Беларуссю святкуе радасную гадавіну вызвалення, якая адзначыцца сёлета і пускам першай чаргі мінскага метрапалітэна. Колішні горад рамізнікаў, конкі і трамваяў набывае самы зручны і сучасны від транспарту, які аблегчыць жыццё сваіх гараджан. Метро будзе расці, развіваць сваю сетку, жыццё наша будзе харашэць яшчэ болей, у гэтым няма сумнення.

Абы толькі было мірнае неба над галавой!

Але што б мы ні рабілі, якіх бы дасягненняў ні дабіваліся, мы ніколі не забудзем тых, хто ахвяраваў самым дарагім — уласным жыццём для шчасця людзей будучыні.

Вечная ім памяць!

З саракагоддзем вызвалення цябе, дарагая Беларусь!

[1984]

ПОМНИТЬ!

У меня хранится старенький, военных лет снимок, изрядно потертый за годы в нагрудном кармане гимнастерки. На фото, наспех сделанном где-то в тылу на формировке, — четверо офицеров, командиры рот и взводов, ни одному из которых не посчастливилось дожить до Победы.

На снимках взгляды тех, кого нет среди нас, могут мало что выражать, но мы, волею судьбы или случая выжившие, ставшие более чем вдвое старше и, надо полагать, мудрее, мы обязаны увидеть в них то сокровенное, что так дорого было для них и в равной степени важно для нас сегодня.

Прежде всего мы обязаны разглядеть молчаливую просьбу помнить, не забыть в череде лет их имена и их дело, поведать потомкам о смысле их жизни, и особенно — их безвременной

смерти, ведь миллионы мужчин, парней, женщин приняли смерть, ясно сознавая, что, как бы ни была дорога жизнь, судьба Родины несравненно дороже.

Давно известно, сколь обманчива и несовершенна человеческая память, безжалостно размываемая временем, которое по крупницам уносит в забвение сначала второстепенное, менее значительное и яркое, а затем и существенное. Не зафиксированные в документах, не осмысленные искусством история и исторический опыт быстро вытесняются из памяти вереницей текущих событий, навсегда утрачиваются для духовной сокровищницы народа. В годы войны, когда человеческая жизнь нередко являлась лишь средством к цели, не суть важным казалось имя погибшего, главной заботой живых было вовремя придать земле упавших рядом. Второпях, в горячке боев мы ограничивались словами известной эпитафии на фанерной табличке под такой же фанерной звездой. Теперь усилиями общественности, ветеранов войны и юных следопытов восстановлены и продолжают появляться имена даже на самых глухих захоронениях. В этом заключен справедливый и глубоко гуманный смысл, ведь имя на обелиске — это последнее, что остается от бойца в жизни.

Когда вглядываешься в знакомые и незнакомые лица солдат, не вернувшихся с войны, редко в котором из них не прочтется вопрос, обращенный к нам: а вы, те, что уцелели и так долго живете после нашей кровавой войны, вы нынче — какие? Многие, очень многие заключено в этом невысказанном вопросе, и для меня лично — он самый трудный и самый обязывающий. А что он подразумевается, этот вопрос, я не только чувствую, но знаю наверняка: сам на их месте обратился бы к живым прежде всего именно с этим вопросом. Он самый существенный из всего, что может связать во времени мертвых с живыми.

С годами мы меняемся, не обязательно делаемся хуже, просто становимся иными.

Но как важно, чтобы это изменение, если уж оно неизбежно, происходило в сторону нравственного совершенствования, вело к улучшению, а не к ухудшению — трусости, равнодушию, очерствению, гипертрофии себялюбия... До конца дней оставаться верными духу товарищества, сохранить в себе готовность в любой момент ринуться в бой за правое дело, за справедливость, в защиту добра — разве не этот безмолвный призыв сквозит во взглядах наших оставшихся навечно молодыми товарищей?..

В моей жизни долгое время никак не стыковались война и литература. Это происходило, наверное, потому, что в наших душах с юных лет наибольший след оставляла классика, в которой изображение войны, например, 1812 года у Толстого, имело для нас все же чисто познавательное значение, входило в сознание, непосредственно не затрагивая сердца. Может быть, по той причине, что мы просто были слишком молоды, если не сказать юны, для того, чтобы далекая война каким-то образом задевала нас. Хотя книги о Гражданской войне, безусловно, нас волновали. Очень сильное впечатление произвел на меня «Разгром» Фадеева. Я перечитывал его потом еще не раз, и до сих пор он поражает меня многими своими сторонами. Я вижу здесь живую правду, запечатленную талантливой и честной рукой. Обычно в литературе партизанские отряды громят гарнизоны противника, а тут все наоборот, и, мало того, роман назван емким, трагическим словом «Разгром». Мне импонирует и какая-то наивная, чистосердечная романтика, которая, как я полагаю, совершенно закономерна для такой стихийной среды того времени и которой, разумеется, было не так много в войне с гитлеровскими захватчиками. «Конармия» Бабеля, «Школа» Гайдара (помню, как читал ее в тридцатые годы и находил для себя нечто очень близкое, притягательное), рассказы нашего белоруса М. Лынькова — этой литературой о Гражданской войне увлекалось мое поколение.

То, что мы увидели, когда на страну обрушился удар гитлеровского фашизма, никак не соответствовало нашим предшествующим представлениям. Конечно, книги о всегда тревожившей народное сознание и неотвратимо надвигавшейся войне создавались и до ее памятного начала в роковое воскресенье 1941 года. Как всегда, это были отмененные разной степенью талантливости произведения, предвосхищавшие боевые события. В них действовали вполне симпатичные персонажи — наши люди — и вполне несимпатичные фигуры противников. И эта проза, и фильмы, сделанные по ней, обычно оканчивались скорым и могучим контрударом по врагу при малых потерях с нашей стороны. Тогда нам казалось, что иначе не должно да и не может быть, что за всем этим стоит правда жизни и гениальность художнического предвидения.

Первые же дни боевых действий показали надуманность литературных ситуаций, сюжетную заданность, психологическую анемичность выведенных образов. Книги эти не выдерживали серьезного сопоставления с быстро и мучительно приобретаемым опытом беспощадной борьбы — не на жизнь, а на смерть.

Вместо скорых побед, к которым мы были подготовлены и приучены довоенным воспитанием, на нас обрушилось нечто невообразимое. И мы должны были не просто наблюдать, мы должны были самым непосредственным образом участвовать в войне, найти в ней свое место, выстоять в неожиданной ситуации громадных уронов и потерь. Конечно, и в тяжелейшие времена мы верили в победу. Но высшая доблесть состоит не в том, чтобы в трагических обстоятельствах сохранить веру в победу, а в том, чтобы побороть себя, преодолеть отчаяние, страх. Мы знаем множество ситуаций, когда, казалось, всякие надежды были исчерпаны, но люди мужественно и честно исполняли долг — солдаты, офицеры, генералы, и мне в этом видится высший подвиг духа.

В суровых условиях борьбы народа начала создаваться новая литература о войне, в основе которой был собственный опыт авторов. Они, говоря словами Твардовского, видели кровь и пот войны на своей гимнастерке. Именно наличие этого опыта, максимально возможная мера правды и стала определяющей мерой талантливости новых произведений.

Но все-таки многое из того, что в 40–50-е годы печаталось, было неудобочитаемым, неприемлемым для непосредственных участников войны. И я, быть может, взялся за перо, побуждаемый скорее полемическим чувством, поскольку почти не находил таких книг, на которые бы отзывалась моя душа фронтовика.

Первые попытки остались без результата. Мои рассказы не были напечатаны. Потом, когда в 1955 году, прослужив почти шесть лет на Курилах и Сахалине, я демобилизовался, то решил все-таки продолжить литературную работу, но обратился к другим, невоенным темам — писал рассказы о колхозной жизни, о молодежи, юмористические, издал даже маленькую книжечку сатирических рассказов. И вновь к фронтовой жизни я вернулся, когда увидели свет повести так называемой второй военной волны, произведения «лейтенантской», как ее еще называли, литературы. Конкретно — после выхода повестей Г. Бакланова и Ю. Бондарева. Дело в том, что мы с Баклановым воевали на одном Третьем Украинском фронте, по крайней мере уже в конце войны, и участвовали в одних и тех же боях на Балатоне. Последняя военная зима оказалась для воинов Третьего Украинского фронта очень тяжелой. Мы вели ожесточенные бои, и почти все мои товарищи по стрелковому полку, в котором я тогда был, лежат теперь в больших и малых братских могилах возле Балатона в Венгрии. Как раз

на участке нашего полка в январе 1945 года произошел самый мощный прорыв немецкой танковой группировки. Это был, наверное, последний шанс Гитлера. Он его проиграл, но нам выигрыш обошелся очень дорого. Я остался в живых только потому, что в самом начале прорыва был ранен и вывезен в ближайший армейский госпиталь. Но он тоже оказался под ударом, и мы, кто как мог, перебирались на левый берег Дуная по совершенно разбитому льду. А вскоре я снова воевал и снова попал под еще один удар — в марте 1945 года, где опять погибла половина нашего полка.

И вот спустя двенадцать лет я читаю повесть Г. Бакланова «Южнее главного удара» и вижу художественно запечатленной в ней ту войну, которую я пережил в Венгрии, те ожесточенные бои у Секешфехервара, в которых и мне довелось участвовать. Неприкрашенной фронтовой правдой дышали страницы повествования. И образы солдат, офицеров, и их психология — те же в точности, что знал я, что ложились на мой личный опыт, что целиком ему соответствовали.

Именно эта вещь в наибольшей степени воодушевила меня на то, чтобы взяться за военную тему. Я написал «Журавлиный крик» — произведение из иного времени, но тоже основанное на личном опыте, на моей войне. «Батальоны просят огня» Ю. Бондарева, «Пядь земли» Г. Бакланова, как и «Южнее главного удара», вызвали страстный восторг одних и не менее горячее осуждение других, нелепые споры об «окопной правде» и «масштабности охвата», будто одно начисто исключает второе. Дело, однако, заключалось в той масштабности правды, которая явилась в книгах этих авторов и которую часть критиков, воспитанных на нормативной этике предыдущих лет, просто оказалась не в состоянии понять в таком объеме. А все непонятное, как известно, предпочтительнее отвергнуть, чем принять. Эти превосходные повести сопрягались с моим знанием войны, моим отношением к ней. Они укрепили мою уверенность, что если писать о войне, то только на основе собственного видения ее, своего взгляда, незаемного, не ориентированного на предшествующую литературу.

«Задача писателя неизменна. Сам он меняется, но задача его остается та же, — утверждал Хемингуэй. — Она всегда в том, чтобы писать правдиво и, поняв, в чем правда, выразить ее так, чтобы она вошла в сознание читателя частью его собственного опыта». С этой единственно возможной для большого, честного художника меркой подходил он к изображению войны. И Хемингуэй — особенно ценю его роман «По ком звонит

колокол», и Ремарк, и Сент-Экзюпери, и недавно умерший Лану изображали войну с высоких нравственно-гуманистических позиций. С точки зрения познания человека, понимания человеческой природы, человеческой души, возможностей человеческого духа они дают нам очень много. Любой читатель найдет в их книгах созвучные своим мысли, чувства, ощущения. Но мы участвовали в разных войнах, и, например, война в Испании, о которой прекрасно писал Хемингуэй, отлична от нашей войны с гитлеровским фашизмом.

Недавно мне попал в руки сборник французских авторов (он вышел давно — просто раньше я его не читал), посвященный Второй мировой войне, движению Сопротивления. Я обнаружил там немало замечательных строк о борьбе с фашистскими оккупантами, но эта борьба и многое из того, о чем рассказано в книге (а рассказано правдиво, я нисколько не сомневаюсь), в чем-то существенном разнится с нашим опытом. Например, захваченного в плен командующего партизанской зоной немцы потчуют кофе, допрашивают, посадив в мягкое кресло, и не применяют к нему не только изощренных пыток, но даже обыкновенной силы. Я верю автору, что так было. Но представьте себе, что бы подумал обо мне мой читатель, увидев на подобном допросе Сотникова или героя «Обелиска»?

«Я писал “Планету людей” со страстью, чтобы сказать моему поколению: вы — обитатели одной планеты, пассажиры одного корабля!» — объяснял Сент-Экзюпери цель своей книги, которую он создавал в тридцать восьмом году, накануне Второй мировой войны. «...Как бы ни были высоки наши побуждения, война все равно оставалась... противоестественным состоянием для каждого человека, не потерявшего людской облик», — говорил К. Симонов через двадцать лет после окончания войны. Теперь, когда мы уже отошли от нее почти на сорок лет, особенно виден пророческий смысл этих слов двух писателей — военного летчика и военного корреспондента. Это несомненно. Более того, я думаю, что именно теперь литература уже может позволить себе подняться над страстями кровавой войны, подняться и с холодным умом анализировать ее. В этом не только право литературы, но и ее обязанность. Мы, участники войны, очень медленно стряхиваем ее прах со своих ног, угли пожара по сей день жгут наши сердца. Но те, кто приходит в литературу сейчас, не смотрившие смерти в лицо, для них плодотворным мне видится философское, может быть, остраненное осмысление войны, да, остраненное, чего не можем позволить себе мы. Важно, однако, чтобы у молодых

это был выход в гуманизм без прегрешения против правды, без извращений главных истин прошлой войны.

Война не отпускает наше поколение, может, еще и потому, что мы были молоды, когда уходили на фронт, и наше мировосприятие, мироощущение было чрезвычайно обостренным. Помимо мозговой, умственной памяти, война глубоко осела в памяти эмоциональной. Я, например, помню свое душевное состояние в разные периоды, в какие-то определенные моменты — угнетенность, чувство безнадежности или, наоборот, приподнятости, радости.

Когда к теме войны обращаются талантливые художники, они обогащают литературу новыми яркими страницами о том, что, казалось бы, и до них знали, но так рассказать почему-либо не смогли, или о проблемах, к которым до них обращались недостаточно, не столь глубоко и смело осваивали их. Наше представление о войне, о человеке на войне благодаря их мастерскому, честному труду становится еще объемнее, и мы извлекаем для себя из этого знания новые и важные уроки. Тому пример и ржевская проза В. Кондратьева, и повести А. Генатулина, и партизанский роман «За чертой милосердия» Д. Гусарова, и документальная работа С. Алексиевич «У войны не женское лицо»... А пласт предательства — сколько здесь еще не познанного! Эту проблему, не углубляясь, затрагивали многие. Но вот А. Адамович выделил ее в отдельную тему и показал, что это такое — предательство. Психологию этих существ писатель рассмотрел и объяснил. Тут личный опыт — не помощник, тут необходимо было проникновение другого рода, и он — сумел. Его «Каратели» — книжка потрясающая как по собранному материалу, так и по мастерству, по глубине постижения этого материала. В ней чувствуется и аналитический ум философа, и рука художника.

Пишу повесть снова о войне. Есть там и наши дни, но это скорее сегодняшнее отношение к войне, чем сама мирная жизнь. Помимо прочего, мне хотелось взглянуть на минувшую войну не глазами двадцатилетних, как мы это делали на протяжении десятилетий, а с позиций моего нынешнего шестидесятилетнего возраста. Не скажу, что это взгляд свежий, но для меня он — новый.

Лечу в Италию, где будут проходить Дни Белоруссии. Те, кто читал мою «Альпийскую балладу», может быть, помнят, что ее герои — Иван Терешка из Белоруссии и итальянка Джулия. Черноволосую худенькую девушку из Неаполя я встретил вес-

ной 1945 года в небольшом городке в Австрийских Альпах. Всмотриваясь в колонну солдат нашего арtpолка, Джулия искала «своего» Ивана, как и она сама, тоже бывшего узника, с которым они вместе мыкались в горах. Прошло почти 40 лет. Не знаю, жива ли Джулия, ставшая прообразом моей героини. Но если жива — должна помнить. Теперь, когда снова стал зыбким мир на земле, мы обязаны напомнить об уроках, преподанных людям войной с фашистскими варварами. Помнить — значит не допустить новой всемирной трагедии, которая грозит существованию самого рода человеческого. Помнить!

[1984]

[ИНТЕРВЬЮ ГАЗЕТЕ «СОВЕТСКАЯ ТОРГОВЛЯ»]

— *Василий Владимирович, вы так же, как и ваши герои, прошли через Великую Отечественную войну. Что более всего цените в человеке на войне и в мирной жизни? Если бы довелось писать о работнике торговли, то каким вы представляете себе этого героя?*

— Самое главное в человеке — это его совесть. Человек воюет, работает, строит как существо сознательное. Он всегда должен осознавать свои действия и совершать то, что приказала ему его совесть.

Главное в человеке — его ответственность перед собственным «я», его патриотическая, интернациональная суть.

Человек и на войне, и в мирное время достоин высокого человеческого звания, если совесть его чиста, если он дорожит прежде всего собственной порядочностью. И тут уже не важно, где он работает, кем, какая у него профессия, какой служебный пост он занимает. Герой сегодняшнего дня представляется мне чистым по отношению к себе и честным по отношению к другим. Он борется против несправедливости, против зла, не идет на компромисс ни в общественной, ни в личной жизни, готов пожертвовать собственным благополучием во имя счастья других, больше всего боится потерять свое достоинство, свою человеческую суть.

— *Герои ваших произведений — люди простые и в то же время героические. Попадая в экстремальные условия, они, вы-*

полная воинский долг, погибают во имя грядущей победы, во имя торжества жизни. На чем основаны эти сюжеты? Какова в них доля факта, творческого домысла и вымысла?

— Писать о войне всегда сложно, трудно. Каждый раз как бы вновь идешь в бой, в атаку, на смерть. А когда произведение написано, я иной раз даже сам себе затрудняюсь ответить, где тут факт, а где вымысел. Еще великий Горький говорил, что в основе художественного произведения всегда лежит факт. Иное дело, как этот факт осмыслит писатель.

Война для человека противоестественна, ибо он рождается для жизни, в нем всегда живет инстинкт самосохранения. Но задача писателя заключается в том, чтобы показать, как высокое человеческое сознание побеждает страх перед смертью, перед небытием.

Однако у героев художественных произведений есть и своя, выстраданная ими логика поведения, и я нередко следую этой логике, вопреки ранее задуманному.

— Не могли бы вы проиллюстрировать эту мысль конкретным примером?

— Так получилось с героем моей повести «Дожить до рассвета» — лейтенантом Ивановским. По первоначальному замыслу он должен был совершить подвиг, к которому стремился с самого начала, но затем волею сложившихся обстоятельств автор привел его к другому финалу. Готовность лейтенанта осталась прежней и даже значительно окрепла, но возможность ее реализации сузилась — в точном соответствии с драматическими обстоятельствами войны. И образ Ивановского от того лишь укрупнился.

— Гибель человека на войне в какой-то мере трагически закономерна. В атаку идут, чтобы победить или умереть. А какими, на ваш взгляд, могут быть экстремальные условия в мирное время, когда человек вправе пожертвовать собой?

— Когда врач, спасая ребенка, высасывает трубочкой из горла дифтерийные пленки — это его долг во имя новой жизни. Когда из горящего дома, рискуя своей жизнью, человек выносит другого, спасая его, — это психологически и морально оправданный подвиг. Эти люди распоряжаются своей жизнью так, как подсказывает им их совесть.

— О фашизме написано немало. Каким видит фашизм писатель Василь Быков, мы хорошо знаем по его произведениям. И все же, ваше мнение о фашизме. Что и как, Василий Владимирович, следует делать, чтобы общечеловеческое желание жить в мире

восторжествовало в сознании людей? Каким вы видите долг писателя в борьбе за мир?

— В основе фашизма, как мне представляется, заложен эгоцентризм, т. е. крайний индивидуализм: все для меня, все во имя меня и моей избранной нации. Существует «я» — существует мир, нет меня — и мир перестает существовать. Именно на эгоцентризме основана идеология национал-социализма.

Фашизм античеловечен. Попирая всякую нравственность, он поставил себя вне человеческого общежития. Именно поэтому даже идеологические противники во время Второй мировой войны объединились против гитлеризма. И нравственность как понятие общечеловеческое восторжествовала — фашизм был ниспровержен.

Но бациллы фашизма оказались живучи. Фашизм — это война. И сегодня Рейган проповедует насилие, мечтает о мировом господстве.

Однако умирать, как известно, никто не хочет. И, надо думать, сегодняшние союзники США в конце концов поймут, куда их тянет Рейган. Всем честным людям, какую бы политическую, идеологическую, религиозную позицию они ни занимали, нужно объединиться против современного фашизма и сказать войне «Нет!».

В разоблачении человеконенавистнической роли фашизма я вижу патриотический и общечеловеческий долг любого писателя.

*Беседу вел А. Суслов.
[1984]*

[ИНТЕРВЬЮ ГАЗЕТЕ «ПРАВДА УКРАИНЫ»]

— Война уходит все дальше в невозвратное прошлое. Уходит в прошлое, но не становится прошлым. Минуло почти четыре десятилетия после завершения войны, а память о ней жива в сознании народа, в сердцах и душах людей. Вот почему все более досконально хочется рассказать о событиях той беспрецедентной борьбы, о жизни тех, кто не увидел Победу, хочется пристальнее взглянуть в их судьбы, осмыслить их подвиги и,

наконец, соизмерить собственную жизнь с деяниями тех, кто остался на полях сражений.

— *Где вас, Василий Владимирович, застала война?*

— Учился в Витебске в художественном училище. Но чуть повзрослев, было мне 17 лет, решил поступить в индустриальный институт. Оставил училище и поехал на Украину, в город Шостку. Приехал в субботу, а в воскресенье уже было 22 июня... Вначале — инженерный батальон, почти круглосуточная работа по сооружению укреплений, отступление, потом военное училище. Там получил звание младшего лейтенанта и специальность командира взвода противотанковых орудий. А затем — передовая. На удивление, всего лишь дважды ранен. Но зато один раз... похоронен. Все, как положено: на памятнике фамилия, матери вручили официальную похоронку. А я был просто ранен... Кончил войну в Австрии. Естественно, многое из пережитого и прочувствованного легло в основу моих повестей.

— *Которая из них наиболее автобиографична?*

— «Третья ракета». События, описанные в ней, происходили в моем взводе в течение нескольких дней. Я же «спрессовал» их в одни сутки. У героев повести есть реальные прототипы: командир орудия моего взвода, другой герой «пришел» в повесть из моего же стрелкового взвода.

События, происшедшие зимой 1944–1945 годов в Венгрии возле озера Балатон, послужили материалом для «Фронтowej страницы».

В моей жизни долгое время никак не соединялись война и литература. На войне, и даже долго после нее, не только писать, но и читать о ней не хотелось... Когда появилась так называемая вторая волна военной прозы, когда о войне начали писать бывшие лейтенанты, солдаты, это было настоящим откровением: так ново, пронзительно и правдиво зазвучали слова о войне...

«Батальоны просят огня» Юрия Бондарева, «Пядь земли» Григория Бакланова, как и «Южнее главного удара», вызвали во мне непреодолимое желание взяться за перо и написать то, что видел, что прочувствовал сам. Эти произведения укрепили мою уверенность, что если писать о войне, то только на основе собственного видения ее, своего взгляда.

— *Вы, автор «Третьей ракеты», «Атаки с ходу», «Его батальона» и других фронтовых повестей, все чаще и чаще обращаетесь к тому, что лично вами не было испытано и пережито. Это партизанская война. Как вы пришли к этой теме?*

— В партизанскую стихию я окунулся уже после войны. Многочисленные встречи с бывшими бойцами, их рассказы-исповеди, архивы... Меня буквально потрясло то, что открыл для себя. Долго не решался прикоснуться к этой теме, считая себя не вправе это делать, но затем почувствовал, что просто не смогу не писать о партизанах...

Изображение партизанской войны дает художнику возможность показать в необычных условиях иные грани поведения человека на войне, различные проявления его характера в кризисных, драматических обстоятельствах. Здесь надо не только выстоять и победить, но выстоять, победить и остаться в этой жестокой, нечеловечески трудной борьбе Человеком, противопоставив все это фашизму и его носителям, которых Гитлер освободил от совести, человечности и даже элементарной житейской морали. Таким образом, были написаны «Сотников», «Круглянский мост», «Последний шанс» и другие.

— *Ваши последние работы тоже о партизанах?*

— Не так давно закончил повесть «На семи ветрах». Ее герои — жители белорусского села, оккупированного немцами. И здесь пытаюсь дать психологический анализ поведения людей в критической ситуации. В другой повести, «Знак беды», также действуют простые люди: вчерашние колхозники, которые не сразу, но решительно и бесповоротно стали на путь борьбы. Многие из них поплатились за это жизнью, но иначе они не могли.

— *Вас не обошел вниманием кинематограф. Как вы относитесь к фильмам, поставленным по вашим произведениям?*

— «Третья ракета» и «Альпийская баллада» легли в основу одноименных фильмов. В 1977 году вышла картина режиссера Ларисы Шепитько «Восхождение» по повести «Сотников». В них постановщики почти не отходят от литературной основы. Все внимание они уделяют внутреннему миру человека на войне, стремясь правдиво и художественно верно показать величие духа советских людей, истоки их беспримерного героизма. На экране крупный план отдается солдатам, рядовым войны. За это я им благодарен.

Особо хочется сказать о фильме «Восхождение» — последней работе безвременно ушедшей из жизни Ларисы Шепитько. Эта молодая женщина-художник, помнившая войну девочкой, сумела глубоко проникнуть в суть повествования и предельно точно, бережно перенести на язык кинематографа нравственную, философскую сущность поведения героев.

— *Ныне в литературу вступил ряд молодых писателей, которые не воевали, но дали о себе знать достойными книгами о войне. Как вы относитесь к этому явлению?*

— Мы почти привыкли уже к тому, что о войне пишут ее участники или свидетели. Но события далеких лет наложили отпечаток не только на тех, кто воевал. Память о войне свежа и для новых поколений советских людей. И оттого, наверное, неожиданно для многих, когда мы встречаемся с закономерным явлением — приходом в литературу с военными произведениями писателей, родившихся уже после войны, или тех, для кого война была временем их детства, видевших войну глазами своего детства, как и Лариса Шепитько. Им удалось сказать свое слово свежо, по-новому, ярко, весомо. В их творчестве по-разному, самобытно преломились события той грозной и героической поры, высветились именно теми сторонами, на которые не смогли обратить внимание писатели старших поколений. У нас в Белоруссии их целая плеяда. И великая книга «Война и мир» еще пишется и будет написана. Усилиями всех пишущих.

— *Над чем вы работаете сейчас?*

— Пищу повесть снова о войне. Есть там и наши дни, но это скорее сегодняшнее отношение к войне, чем сама мирная жизнь.

Мне хочется взглянуть на минувшую войну не глазами двадцатилетних, как мы это делали на протяжении десятилетий, а с позиций моего нынешнего шестидесятилетнего возраста. Не скажу, что это взгляд свежий, но для меня он — новый.

Теперь, когда снова стал зыбким мир на земле, мы обязаны напомнить об уроках, преподанных людям войной с фашистскими варварами. Помнить — значит не допустить новой всемирной трагедии.

[1984]

РЫЦАР ЧАЛАВЕЧАГА ДУХУ

Сталася вялікая бяда — наш народ страціў аднаго з сваіх самых выдатных сыноў, мастака рэдкай і непаўторнай сілы, высакароднага рыцара духу Уладзіміра Караткевіча.

Смутака наш бязмежны, маўклівая людская жалоба беспрытульнай лунае над летнімі прасторамі Белай Русі, якія так любіў ён, дзеля якіх прыйшоў на гэты белы свет. Але што ж, усяму ёсць мяжа, і тое, што мае пачатак, непазбежна знойдзе канец. Заўчасна, аднак, дужа заўчасна скончылася ягонае жыццё, бо колькі яшчэ было дабрыні і жыццёвае сілы ў яго трапяткім, заўжды неспатольным сэрцы, колькі дзівосных фантазій бурліла ў мудрай яго галаве.

Ён валодаў нячастымі для нашага часу якасцямі і любіў людзей. Іх простыя радасці і натуральнае, без рахубы і хцівасці жыццё, якім павінен жыць на зямлі род чалавечы. Прыкладам уласнага жыцця ён увасабляў высакародныя прынцыпы любові і брацтва паміж людзьмі. Мы памятаем, як ён пачынаў — шчыра і пранізліва, якія ні на чые не падобныя вершы паявіліся за ягоным подпісам і як пасля шырока і магутна разгарнулася яго гістарычная проза. Гэта быў дар рэдкі і шчаслівы ў нашым лёсе, ён здзяйсняў тое, чым нас абдзяліла гісторыя, і на працягу болей як чвэрці стагоддзя яго магутная постаць белаю вежаю надзеі і гонару высілася над зялёнай зямлёй Беларусі. Ёй пакланяліся зблізку, яе ўбачылі здалёку — славянская культура і славянская гісторыя прынялі як свой добры знак, свой заслужоны сімвал.

Абаяльнасць яго добрай, надзвычай мяккай і чыстай душы адчуваў кожны, хто хоць раз да яе дакранаўся, не шмат хто ведаў, аднак, мяжу яго высокае прынцыповасці, яго непадатнай нязломнасці, калі справа датычыла чалавечае годнасці, праўды і літаратуры. Літаратура была ягонай стыхіяй і ягонай рэлігіяй, вышэй за яе для яго не было нічога. Нават сяброў, якіх ён любіў любоўю самаадданай і самаахвярнай і ў якіх так ненавідзеў дробязныя кухонныя звады, гандлярскі разлік і хутаранскую хцівасць, супраць чаго выступаў неаднойчы. Мабыць, не шмат было болей бескарыслівых служак літаратуры на нашай зямлі. Можа быць, іменна з тае прычыны яму не было нададзена пры жыцці і паловы з таго, што належала яму па праву. Але што ж, яму ўжо нічога не трэба, і марна надаваць пасля смерці — абразлівая і няўдзячная гэта справа, жалкі жэст дзеля самаапраўдання жывых.

Мы нізка схіляем свае галовы ля яго дарагой труны, і сэрцы нашыя зыходзяць няўцешным горам. На Беларусі ніколі не будзе гэткага мастака, а ў народа — такога сына. Такія людзі не паўтараюцца ў гісторыі, жыццё іх унікальнае, і для нас засталіся хіба што ягоныя кнігі, у якіх — жар яго вялікага сэрца і ягоны зварот да тых, што жылі, што жывуць, што будуць жыць потым. А наш заповіт ім: як найглыбей спасцігаць тварэнне ягонага розуму, высакародны палёт яго духу. Ён любіў вас і жыў дзеля вас.

Дык любіце ж яго!

[Ліпень 1984 г.]

[ВЫСТУПЛЕННЕ НА ПЛЕНУМЕ СП БССР (лістапад 1984 г.)]

Палова стагоддзя для вечнасці — не болей, чым імгненне для чалавецтва — гэта тэрмін свядомага жыцця аднаго пакалення, для гісторыі і мастацтва — гэта можа быць надта многа. Асабліва, калі гэта паўстагоддзе прыпадае на гады кардынальных, рэвалюцыйных змен, бурнага сацыяльнага развіцця, росквіту культуры.

Менавіта такім перыядам былі для нашай літаратуры апошнія 50 год, пражытыя ёю пасля ўтварэння Саюза пісьменнікаў, згуртавання літаратурных сіл краіны вакол адзінай рэвалюцыйнай ідэі на базе марксізму-ленінізму. Агульнавядома, што мастацкая творчасць у многіх адносінах — справа даволі далікатная, што ў ёй, як, можа, нідзе ў іншых галінах чалавечай дзейнасці, праяўляецца безліч суб'ектыўнага, без чаго яна ўвогуле немагчыма, але празмернасць чаго шкодзіць ёй жа самой, асабліва ў ацэнках і пазіцыях. Можа, найвялікшая вартасць стварэння адзінага саюза пісьменнікаў на адзінай ідэалагічнай платформе, заключалася ў згуртаванні літаратурных сіл краіны, ліквідацыі розных груп і груповак, аб'яднанняў і плыней, якія не столькі стваралі літаратуру, колькі змагаліся адна з адной, поўнячыся нецярпімасцю, дэкаруючы залішняю катэгарычнасцю, часам недарэчную варожасцю да калег, а таксама і да класікаў. Можа быць, мудрасць Горкага найбольш праявілася ў тым, што пад сцягам сацыялістычнага рэалізму саюз аб'яднаў усё сапраўды таленавітае, выдатна даказаўшы,

што сапраўдны талент заўжды служаць культуры і там самым не можа не служыць народу.

Што датычыць нашай беларускай літаратуры, дык цяпер мы бачым, наколькі гэта было зроблена своечасова, бо ва ўмовах той літаратурнай (і не толькі літаратурнай) барацьбы, якая папярэднічала з'езду, яшчэ невядома, ці зберагліся б у чысціні і пашане імёны нашых славурых класікаў і які лёс напаткаў бы шмат каго з іншых.

За паўстагоддзе наша нацыянальная літаратура стала адной з самых развітых літаратур свету, імёны нашых мастакоў, слова вядомы далёка за межамі нашай рэспублікі. Але сёння найперш мы абавязаны аддаць належнае тым, хто стаяў ля яе вытокаў, хто рабіў сваю справу з годнасцю і самаахвярнасцю, а славу сваю прыдбаў хіба што пасля смерці, маючы пры жыцці толькі нязбыўны клопат, нястачу, сухоты, паліцэйскія праследаванні, суды і турмы. Каліноўскі, Дунін-Марцінкевіч, Багушэвіч, Цётка, Багдановіч, Гартны, Гарэцкі, нашы бессмяротныя Купала і Колас — мы абавязаны ім не толькі за іхнія кніжкі, але найперш за ўсведамленне імі сваёй чалавечай годнасці, і тую выпакутаваную імі самасвядомасць, якую ўзялі ад іх у спадчыну. Гэта яны наперакор усяму давялі нашаму народу, што ён — народ, бо мае сваю гісторыю і сваю мову, на якой ужо была і зноў будзе вялікая літаратура.

Так, у нас ёсць вялікая літаратура з разнастайнымі развітымі жанрамі. Гэта не значыць, аднак, што з тым у нас скончыліся ўсе праблемы — з кожным годам іх робіцца ўсе болей; мусіць, такі ўжо дыялектычны закон развіцця. Літаратура іх бачыць і перамагае. Важна толькі, каб мы заўжды бачылі тое галоўнае і вялікае, дзеля чаго існуе мастацтва, каб дробязныя клопаты-звады не засланілі ад нас інтарэсаў народа, каб мы жылі тым, чым жыве народ, і каб нам заўжды балела тое, што баліць народу. І разам з тым, каб мы былі дабрэйшыя, спагаднейшыя найперш адзін да аднаго. Каб гналі з нашага асяроддзя заганы, нецярпімыя не толькі для мастакоў, інтэлігентаў, але і для больш-менш выхаваных людзей: непрыязнасць, зайздасць, карыслінасць і разлік. Няхай кожны ў меру сваіх сіл і здольнасцей сумленна робіць сваю справу, абрабляе свой агарод, не надта дбаючы пра сінюю птушку славы. У нас ёсць шмат стымулаў, адзнак і ўзнагарод, розных прэстыжных прэмій. Але хіба ўзнагароды і прэміі здольны ахапіць усю літаратуру ці хоць адлюстраваць яе сапраўдную вартасць? Нядаўна пайшоў ад нас выдатны пісьменнік, наш мілы і слаўны Уладзімір Караткевіч, які атрымаў пры жыцці да скарэднага мала, але

творчасць якога надоўга перажыве кнігі многіх, у тым ліку і ўвенчаных лаўрамі.

Час — вось наш найвялікшы суддзя. Канечне, ягоны вердыкт нярэдка спазняецца, затое ён безапеляцыйны і адзіна правільны. Час не памыляецца.

Дык будзем жа варты гэтага строгага суддзі і яго строгіх непадкупных законаў. Каб нам не драбнець перад нашымі папярэднікамі, тымі, хто гібеў на катарзе, канчаў жыццё на вісельні, кім ўсё жыццё пагарджалі, каго праследавалі, але чыімі намаганнямі ўпарта і настойліва рабілася літаратура, водбліскі якой дагэтуль асвятляюць і нашыя глыбакадумныя лбы. Часам нам думаецца, што гэта мы іх выпраменьваем, тья зіхоткія водбліскі. Але мы хіба што толькі адлюстроўваем тое далёкае святло, а каб выпраменьваць сваё, трэба, відаць, валодаць глыбейшай душой і куды большым сэрцам.

Таму — да працы, самаадданай і самаахвярнай. Талентаў жа нам не пазычаць, талентаў у нас безліч, было б болей адвагі і болей рашучасці служыць інтарэсам партыі і народа.

[1984]

[ОТВЕТ НА АНКЕТУ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» «ПРАВО НА ИМЯ»]

Всякий раз, когда читаешь произведения самых молодых, невольно сравниваешь их с начинающими литераторами моего времени. Должен признаться, что это сравнение не в пользу нынешних. Когда мы входили в литературу, у нас тоже были трудности. Писали невпопад, неумело, но всегда искренне. А у современных молодых все в точности выверено, взвешено, рассчитано. В их творчестве чересчур видны черты литературного приспособленчества. Не удивительно поэтому, что литературная поросль молодых не рождает крупного дерева. У них нет лидера. Более того — психологически они все считают себя лидерами...

Творческая биография, а вернее, карьера многих молодых, как правило, такова. В университете или институте на последнем курсе они уже четко определили чего хотят. Через год-два после окончания вуза занимают места в издательствах и редак-

циях, считая себя вправе и даже обязанными поучать других, в силу того, что занимают должность. Взамен жизненного опыта, знаний, творческого поиска они предпочитают некие особые установки, известные лишь им одним. И — как результат — становятся дантесами своих же собственных книг.

Может быть, недостаточно, но я все-таки читаю книги молодых и должен сказать, что ничего выдающегося из-под их пера за последние годы не появилось. Так, на уровне, но не более того.

Часто молодые и не пытаются брать на себя ту тяжесть, которую они должны взять. Возникает вопрос: а может, мы не знаем интересных произведений молодых, может, они просто не напечатаны? И тут есть резон. Издательства и журналы зачастую медленно издают заслуживающие того произведения. Так, например, один молодой московский прозаик прислал мне рукопись, в которой он затрагивает еще малоизученные пласты нашей жизни. Я рекомендовал ее к печати, но, насколько мне известно, она до сих пор не напечатана. Или другой молодой прозаик, инженер-атомщик, написал о работе людей на атомной электростанции. Произведение читается с интересом, волнует, рассказывает о специфической деятельности человека. Но автор безуспешно обошел уже не одно московское издательство...

Молодых всегда легко поучать, требовать от них чего-то. Но этого недостаточно. Необходимо давать им возможность высказаться.

Мне хотелось бы видеть нашу жизнь максимально отраженной в литературе, и кому, как не молодым, дано это сделать?

[1984]

ВЫСАКАРОДНАСЦЬ ПОГЛЯДУ НА СВЕТ І ЖЫЦЦЁ

Мне хочацца выказаць некалькі думак пра аднаго з выдатных майстроў сучаснай беларускай літаратуры — паэта Ніла Гілевіча.

Больш як чвэрць стагоддзя працуючы ў літаратуры, Ніл Гілевіч стварыў каля дваццаці паэтычных зборнікаў, кожны з якіх у той ці іншай меры адлюстравалі на сваіх старонках не

толькі паэтычнае развіццё яго таленту, але час і жыццё народа, думы і перажыванні грамадзяніна. Наогул трэба сказаць, што ў паэтыцы Ніла Гілевіча ў вельмі выразнай форме знайшлі выяўленне грамадзянскасць, скандэнсаваная сацыяльнасць, аб чым сведчаць яго шматлікія лірычныя і ліра-эпічныя творы і асабліва ягоная сатыра і гумар, у якіх паэт мае свой непаўторны голас, свой характэрны смех і сваю іронію. Сіла ягонай пагарды і выкрыцця адмоўных з'яў такі вялікая, а смех такі з'едлівы, што часам здзіўляе ягоная здольнасць пераходу да вельмі шчырай замілаванасці, дабрыні і пранізлівага лірызму ў вершах і паэмах іншага характару, у лірычных творах, дзе Ніл Гілевіч паказвае зусім іншыя грані свайго таленту. Гэтыя два розныя бакі яго творчасці знітоўваюцца адной моцнай, я сказаў бы, высакароднай якасцю, якую можна вызначыць як фальклорную, вельмі народную, што ідзе з самых вытокаў беларускага жыцця, з яго нацыянальнага характару і ягонай гісторыі.

Але ён ніколі не замыкаецца ў гэтых, няхай сабе і самых дабратворных і дабрачынных увогуле межах, ён сягае далёка і шырока, аб чым сведчаць яго зноў жа беспрэцэдэнтныя ў нашай літаратуры сувязі перш за ўсё з братняй балгарскай літаратурай, для чаго Нілам Гілевічам зроблена столькі, колькі, відаць, не зроблена ўсёй нашай нацыянальнай літаратурай за ўвесь час яе існавання. Перакладчыцкі талент Ніла Гілевіча сапраўды ўнікальны, і цяпер яшчэ цяжка сказаць, перад кім гэтаю сваёй дзейнасцю ён мае большыя заслугі — перад Беларуссю ці перад Балгарыяй. Але, можа, гэта і няважна, у абодвух выпадках усе мы ў выйгрышы.

Хочацца адзначыць і яшчэ адзін бок дзейнасці Ніла Гілевіча — яго выкладчыцкую і навукова-даследчыцкую работу ў сценах Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна, куды больш трыццаці гадоў таму назад ён прыйшоў студэнтам і дзе стаў прафесарам, заслужаным дзеячам навукі БССР. Менавіта тут з-пад яго пярэ выйшла звыш дзясятка навуковых манаграфій і кніг па літаратуразнаўстве і фальклору, тут ён стаў камуністам, руплівым выхаваўцам шматлікіх кадраў беларускай нацыянальнай культуры.

Талент Ніла Гілевіча надзвычай ёмісты і працавіты, чулы да подыху жыцця і да чалавечага болю. Паэт шмат выступае як публіцыст і літаратурны крытык, мае некалькі зборнікаў артыкулаў. Апошнім часам у друку з'явіліся драматычныя творы Гілевіча, неўзабаве, мабыць, што-нішто з іх мы ўбачым на сцэне.

Можна толькі здзіўляцца разнастайнасці і плёну ім здзейсненага ў розных літаратурных жанрах, што ўвасобілася,

мабыць, у паўсотні друкаваных кніг, але самае вялікае яго дасягненне ўсё ж бачыцца ў галіне паэзіі, у паэмах і лірыка-філасофскіх вершах, у прыватнасці, у такім працаёмкім лірычным жанры, як актава. Васьмірадковыя мініяцюры паэта становяць сабой як быццам эпіцэнтр усяе творчасці Гілевіча, яе мастацкае ўзвышша. Раўнуючы да ранейшае творчасці паэта, яны — значны крок наперад як з гледзішча мастацкае дасканаласці, так і ў сэнсе паглыблення і завершанасці ідэйнае канцэпцыі. У сканцэнтраванай форме класічнай актавы аўтар здолеў выказаць столькі значных, часам арыгінальных і афарыстычных думак і меркаванняў, і зрабіў гэта з такой дасканаласцю, што можна, не баючыся перабольшання, назваць кнігу «Актавы» этапнай як у паэтычнай творчасці самога Гілевіча, так і ва ўсёй сучаснай беларускай паэзіі. Сто дваццаць актаваў, кожная з якіх — увасабленне думкі і пачуцця, з зайздросным лаканізмам даводзяць нам пра самае важнае, самае вечнае ў жыцці чалавецтва наогул і кожнага чалавека ўпаасобку. Тут аўтар канчаткова сцвердзіў высакароднасць уласнага погляду на свет і жыццё і абараніў высакародны гуманізм ва ўсіх складанасцях чалавечых узаемаадносін.

Можна шмат гаварыць пра Ніла Гілевіча і пра тое, што зроблена гэтым самабытным майстрам паэтычнага слова, але я думаю, будзе лепш пачытаць яго самога.

[1984]

ПРА ПЕТРУСЯ БРОЎКУ

Некалі, можа, і не так даўно, калі яшчэ не было тэлебачання, а галерка радыёрэпрадуктара вісела хіба што ў хаце-чытальні, літаратура, асоба пісьменніка атаясамляліся з чымсьці надта высокім, амаль таямнічым. Асабліва ў краіне, дзе яшчэ толькі пачыналася барацьба за ўсеагульную пісьменнасць, дзе сялянскія масы дружна памкнуліся да святла і культуры. Тады ўяўлялася, што пісьменнікі — гэта людзі з далёкай мінуўшчыны або з далёкае далечыні, ва ўсякім разе ніхто не дапускаў і думкі, каб пісьменнікам стаў нехта свой, тутэйшы.

А ён стаў.

Ягонае імя рана паявілася пад звонкімі і бадзёрымі вершамі, якія тады друкаваліся ў мінскіх і полацкай акруговай газетах. Радкі з іх прыводзіліся ў якасці прыкладаў у школьных

падручніках, і імя гэтае было для многіх знаёмае, тутэйшае: Пятрусь Броўка. Мы, школьнікі, вучылі яго вершы на памяць, і кожнага разу настаўнікі напаміналі, што гэта наш зямляк, што яго верш трэба вывучыць добра, каб памятаць усё жыццё. Я ў тыя вучнёўскія гады вершамі захапляўся не надта і не надта любіў вучыць іх на памяць, але тое, што іх аўтар — наш недалёкі зямляк, надавала ім асаблівы сэнс і прывабнасць.

Сустрэч з ім у мяне было не шмат, тым болей не шчасціла на шчырыя гаворкі, але адна з іх усё ж запала ў сэрца сваёй сціплай чалавечай шчырасцю, і мне хацелася б пра яе ўспомніць.

Гэта было ці не ўлетку або на пачатку восені 1965 года, калі Пётр Усцінавіч прязджаў у Гродна, і Аляксей Карпюк, які быў тады сакратаром абласнога аддзялення Саюза пісьменнікаў, яго там прымаў. Аляксей Нічыпаравіч ганарыўся горадам, яго старажытнасцямі і звычайна не пакідаў госця да таго часу, пакуль усё, што можна паказаць, не будзе паказана. Прытым ён не зважаў ні на зацікаўленасць госця, ні на яго здароўе — нягледзячы ні на што, выконваў сваю праграму. Тым разам праграма гэтая зацягнулася, і мы, знясіленыя і знямоглыя, памалу валакліся вечароваю вуліцай да гасцініцы. Наперадзе з кімсьці паспяшаў Карпюк, я ішоў з Пятром Усцінавічам, які ціха апавядаў пра розныя рэчы, некаторыя з якіх мне здаліся даволі цікавыя. Праўда, цяпер, праз шмат часу, не буду прыкідвацца, што памятаю іх слова ў слова, — словы сцерліся з памяці, застаўся хіба што агульны сэнс, які я і паспрабую перадаць.

Пётр Усцінавіч гаварыў пра свой шлях у літаратуры — шлях няпросты і, вядома, нялёгкі, пра тое, што на гэтым шляху было рознае — барацьба, няўдачы і перамогі, цяпер бы ён, мабыць, пачынаў інакш, з большай сардэчнасцю, глыбінёй і чалавечнасцю, пазбягаючы траскатні і хадульнасці, — цішэй, спакайней, глыбей. Але тады, у 20–30-я гады, патрабавалася менавіта такая паэзія-агітацыя з высокай патэтыкай, і так пісалі амаль усе. А вядома, што якой бы індыўідуальнасцю таленту ні валодаў паэт, яму ўсё ж цяжка вызваліцца ад улады моды, знайсці і сцвердзіць свой асаблівы голас. Ды і тагачасная крытыка не дазваляла адступлення ад агульнага тону, паэзія павінна была стаць хорам, у якім раствараліся, знікалі паасобныя галасы песняроў. Пётр Усцінавіч з зайздрасцю гаварыў пра інакшы лёс маладзейшых, якія пачыналі пісаць пасля вайны, уступалі ў літаратуру пад канец 50-х гадоў, вельмі хваліў Р. Барадуліна, Г. Бураўкіна і Е. Лось, радаваўся, якая спрыяльная атмасфера настала для літаратуры, які клопат пра яе праяўляе партыя, увесь наш народ. Канешне, казаў ён, літаратура — справа скла-

даная, тут бываюць і суб'ектыўнае стаўленне, і суб'ектыўныя ацэнкі. Але галоўнае — у агульнай пазіцыі мастацтва і літаратуры, якія неабходны народу, і з гэтым у наш час немагчыма не лічыцца.

У гэтай размове мы, вядома, закранулі нашую малую радзіму, непрыкметную рэчачку Ушачку, і Пётр Усцінавіч з вялікім замілаваннем гаварыў аб тым, як ён праз усё жыццё пранёс мілы вобраз Ушаччыны. Яна жыла з ім у шчасці і нягодах, наяве і ў снах, вобразы яе людзей рабіліся літаратурнымі вобразамі яго паэзіі і прозы, часта ў думках ён вяртаўся туды, да свайго вытоку, і знаходзіў там сілы і падтрымку. Помню, ён гаварыў пра аднаго старога малапісьменнага дзеда з Пуцілкавіч, які вызначаўся сваім цвярозым і незалежным розумам. У цяжкія хвіліны выбару або сумненняў, калі трэба было вызначыць, што рабіць у тым ці іншым нялёгкім выпадку, Пётр Усцінавіч успамінаў гэтага дзеда, і адразу ў ягоных вушах гучалі дзедавы словы прысуду альбо адарэння. І гэтыя словы былі самою праўдай.

Пётр Усцінавіч пражыў вялікае творчае жыццё, быў сведкам шмат якіх гістарычных падзей, сустракаўся і быў блізка знаёмы з многімі вялікімі людзьмі, якіх ужо няма ў жыцці. Шкада, ён не пакінуў успамінаў. Неяк, памятаю, незадоўга да ягонай смерці мы былі ў яго на дачы, і Генадзь Бураўкін горача агітаваў яго напісаць пра тое, пра што ён так цікава і з такім захапленнем, з гумарам і лёгкасцю расказваў. Пётр Усцінавіч адмахваўся, маўляў, паспеецца. Або казаў так: «Не пісаў і не буду... Часам лішняя ведаць — бяда».

Можа, і так, можа, часам і кепска «лішняя» ведаць, але ўсё ж шкада, што столькі цікавых старонак жыцця і літаратуры сышло разам з ім туды, адкуль нішто не вяртаецца. Жыццё паэта — частка духоўнага вопыту народа, а кожны народ шануе, збірае, горне да аднае скарбонкі свой духоўны вопыт, без якога ён — не народ, а толькі вялікая ці малая грамада людзей.

1984

[ПРАДМОВА ДА РАМАНА «ЯДЛОВЕЦ СТРЫВАЕ І Ў СПЁКУ» ЮЛО ТУУЛІКА]

Юло Туулік належыць да пакалення, якое, хоць непасрэдна і не ваявала, але было дастаткова абпалена неміласэрным подыхам вайны. Яшчэ ў раннім дзяцінстве яму давялося перажыць звычайную для тых год драму сутычкі з акупантамі, якая каштавала немалых страт яго народу і пакінула невылечныя шрамы ва ўражлівай дзіцячай памяці. Праз шмат год, ужо стаўшы пісьменнікам, Туулік звярнуўся да тых страшных дзён і напісаў твор хвалюючай сілы, напалавіну дакумент, напалавіну раман пад сімвалічнай назвай «Ядловец стрывае і ў спёку». Раман быў цёпла сустрэты савецкім чытачом, перакладзены на многія мовы народаў СССР і Еўропы, засведчыўшы той несумненны факт, што шматлікі атрад ваенных літаратараў папоўніўся яшчэ адным таленавітым аўтарам, які сказаў сваё нягучнае, але сумленнае і таленавітае слова аб векапомных гадах народнага подзвігу.

Пра гэты раман дастаткова гаварылася ў друку, амаль усе літаратурныя выданні прысвяцілі яму падрабязныя рэцэнзіі, у якіх аднадушна прызнавалі несумненнае літаратурнае дараванне Ю. Тууліка і яго права на адлюстраванне «сваёй вайны», той вайны, сведкам і ўдзельнікам якой быў сам аўтар. І гэта справядліва. Ні адзін самы таленавіты пісьменнік не ў стане аднаасобна адлюстраваць усю разнастайнасць Вялікай вайны савецкага народа, але ўсе яе ўдзельнікі і сведкі ў меру сваіх сіл і магчымасцей могуць і павінны напісаць свае літаратурныя або мемуарныя старонкі, здольныя скласці той народны здабытак, які мы называем летапісам Вялікай Айчыннай вайны.

У навелістыцы Юло Тууліка непасрэдна або апасродкавана таксама прысутнічае вайна, водгукі таго даўняга часу, калі так бязлітасна ламаліся лёсы людзей. Аўтар і тут з'яўляецца дасканалы густу мастаком, які ўмее па ледзь улоўных рухах чалавечай душы паказаць драму людскіх адносін, што само па сабе складае высакародную мэту ўсякай літаратуры.

Да гэтага трэба дадаць, што многія старонкі ягонай кнігі прысвечаны малюнкам мора, працы моцных людзей і цяжкой рамантыцы марскога жыцця, якая заўжды прываблівае маладога чытача і дабратворна ўплывае на яго светапогляд.

[1984]

1985

НА ТЫНЯНОВСКИХ ЧТЕНИЯХ

Развитие любой современной науки, в том числе филологической и литературоведения, в качестве неперемного условия требует досконального освоения предшествующих накоплений, полного уяснения связей между предыдущими и последующими периодами. Этой важной задаче как нельзя лучше служат Тыняновские чтения, регулярно проводимые общественностью, а также Комиссией по литературному наследию Юрия Николаевича Тынянова.

Здесь нет необходимости подробно говорить о месте этой замечательной личности в истории русской литературы, русской филологии и даже кино; заслуги эти огромны, а оставленное им наследие столь велико в своем содержании, что вот уже около сорока лет продолжает привлекать все большее число ученых и исследователей. В вышедшем недавно в Риге «Тыняновском сборнике» представлена лишь небольшая часть из того, что было сообщено на конференции в мае 1982 года, состоявшейся на родине Тынянова в Резекне. Несомненно, однако, что это лучшая часть как по глубине проникновения в творчество писателя, так и по важности затронутых проблем, так или иначе связанных с его прозой, работами в русской филологии и кино. В этой связи нельзя не отметить прежде всего предпосланное сборнику вступительное слово В. А. Каверина, одного из немногих наших современников, наиболее близко стоявших к Тынянову, знавшего его с юных лет, дружившего с ним до самой кончины писателя и теперь на протяжении длительного времени возглавляющего Комиссию по литературному наследию этого писателя. Автор в сжатой форме точно и емко формулирует смысл непреходящего значения Ю. Н. Тынянова как прозаика, автора широко известных исторических романов, ученого-исследователя, практика и теоретика советского кино на раннем этапе его развития. Уникальность единения в одном лице большого ученого и большого писателя, пишет В. Каверин, в своем взаимодействии привело к замечательным итогам — созданию прекрас-

ных книг прозы и научных произведений. Серьезное занятие филологией не мешало, а помогало Тынянову создать углубленные образы героев его исторических романов, обогащало его стиль; в то же время опыт Тынянова-прозаика побуждал его на новые исследования с рядом замечательных выводов и открытий. З. Н. Поляк, говоря о документальных источниках романа «Смерть Вазир-Мухтара», прослеживает огромную работу автора с эпистолярным наследием А. С. Грибоедова и его современников. Метод «скрытого» цитирования первоисточников как основы документальности, то есть достоверности и историчности, широко использованный Тыняновым, позволил ему достичь замечательных результатов в области художественной прозы.

Во многих отношениях интересно малоизвестными в литературоведении фактами сообщение Ю. М. Лотмана и Ю. Г. Цивьяна «SVD: жанр мелодрамы и история», где на замечательном кино- и литературном материале анализируется опыт Тынянова-сценариста, создателя сценариев фильмов «Шинель», «Поручик Киже» и особенно «SVD», написанного им совместно с Ю. Г. Оксманом. Этот сценарий любопытен для нас смелым вторжением мелодраматического вымысла в конкретный исторический материал, сочетанием разнородных жанровых стилей и заимствований, свойственных кинематографу периода его становления, и той ролью, которую сыграло в нем творчество Тынянова как председателя ОПОЯЗа.

Личность выдающегося ученого или художника всегда является притягательным объектом как для широкого круга читателей, так и для ученых-исследователей. Современники Тынянова оставили нам немало проникновенных воспоминаний о нем, число этих воспоминаний растет. М. О. Чудакова и Е. А. Тоддес останавливаются в своем разборе на «Мемуарных заметках» крупного ученого, историка русской литературы, профессора Ю. Г. Оксмана, чье общение и совместная работа с Тыняновым продолжалась более двадцати лет. Как показывают авторы разбора, свидетельства Ю. Г. Оксмана ценны еще и тем, что жизненный и литературный опыт мемуариста во многих отношениях был сходен с опытом самого Тынянова.

В этих коротких заметках нет возможности подробно анализировать все материалы сборника, несомненно, того заслуживающие. И все-таки хотелось бы упомянуть содержательные статьи и сообщения В. В. Пугачева, М. Л. Гаспарова, Л. Д. Гудкова и Б. В. Дубина, В. И. Новикова. Как указывается в предисловии, авторы этих работ «стремятся показать исто-

рико-культурный подтекст, вовлечь в рассмотрение наследие не одного деятеля, но и его современников».

В общем это справедливо. Достоинство сборника, несомненно, повышается расширительным пониманием значения Ю. Н. Тынянова в истории русской литературы, где, по выражению В. Б. Шкловского, «взаимодействуют не отдельные элементы, а системы, и системы эти не пропадают бесследно, а вступают во взаимодействие».

Остается пожелать только, чтобы столь важное и благородное дело, как издание «Тыняновских сборников», равно как и проведение Тыняновских чтений, происходило регулярно и на столь же высоком нравственном и научном уровне, как это делалось до сих пор.

[1985]

ДОЖИТЬ ДО ПОБЕДЫ

В конце декабря 1944 года при отражении немецкой контратаки южнее Секешфехервара я был ранен в руку и отправлен в ГЛР (госпиталь легкораненых) 4-й гвардейской армии.

Госпиталь располагался в маленьком живописном городке Сексарде на правом берегу Дуная и занимал здание отеля в самом центре города. Раненых было много, тесные помещения номера вмещали по две кровати, на каждую из которых клали по двое, а то и по трое раненых, благо кровати были на западный манер — солидной вместительности. Моим напарником оказался старший лейтенант, командир стрелковой роты, раненный неделю назад в челюсть. С лицом, толсто обмотанным бинтами, он выглядел словно нынешний космонавт в скафандре и почти не разговаривал, только мычал иногда что-то нечленораздельное, а ночью ворочался и зло ругался. Несколько первых дней я отсыпался между перевязками и процедурами — на чистых простынях, в тепле и покое. После недавно пережитого, при относительно легком ранении это казалось блаженством, да, по существу, таковым и являлось. В этом же госпитале, только на первом солдатском этаже, находился и наводчик моего орудия, которое было разбито снарядом из танка. Иногда мы встречались в коридоре и разговаривали. Наводчик был ранен спустя несколько минут по-

сле моего ранения, он рассказывал о последних выстрелах из орудия, и мы оба тяжело переживали гибель нашего расчета.

Режим в госпитале был, в общем, нестрогий. Офицеры могли в свободное время выходить в город, и мы иногда прогуливались по его узеньким улочкам, крохотной центральной площади с конной статуей посередине. Там же был ресторанчик. Иногда мы захаживали туда перед обедом выпить стаканчик-другой местного вина. Там-то мы в узком кругу и отпраздновали встречу нового, 1945 года, — четверо или пятеро молодых людей, волею войны и ранений сведенных ненадолго вместе. Память не сохранила имен участников той встречи, запомнилась только веселая хохотушка Валя-Валечка, юная блондинка с короткой стрижкой, которая долечивалась в нашем госпитале. Она была ранена месяц назад при форсировании Дуная, на днях за ней должны были приехать из части, где она служила фельдшером в санроте. Далекое за полночь в уже наступившем новом году мы возвращались по ночному городу в госпиталь. Валя рассказывала о себе, о том, что родом она из Казатина, что до войны училась в медицинском училище, что это ее третье ранение и что, как только закончится война, она пойдет в мединститут, потому что в медицине видит единственное свое призвание и не мыслит другого занятия в жизни. «А вам еще служить, как медным котелкам», — подшучивала над нами Валя. Мы не возражали, чувствуя, однако, насколько все это проблематично как для нас, так и для Вали. Над городом и ближними холмами лежала новогодняя ночь, сыпал реденький пушистый снежок. Было нехолодно и почти тихо. Это были немногие из счастливых минут, пережитых мной на войне, которая под покровом новогодней тишины продолжала готовить нам свои кровавые сюрпризы.

Прогуливаясь по тихим улочкам Сексарда, мы почти не думали о том, что происходило в ту ночь недалеко к северу, на передовой, куда немцы спешно стягивали из Франции, Польши свои ударные танковые дивизии, их «тигры» уже занимали боевые порядки в ближних тылах, а гренадеры поспешно изготавливались для атаки с целью деблокирования Будапешта. Второго января начались ожесточенные бои, сначала возле Дуная, а затем южнее, у озера Балатон. Неделию спустя сам Гитлер взял на себя руководство всей операцией и силами шести танковых и двух пехотных дивизий нанес удар по обескровленным, вымотанным непрерывными боями частям 4-й гвардейской армии. Немцы прорвали фронт и вышли к Дунаю.

Госпиталь в Сексарде был поднят по тревоге и в спешке начал эвакуацию на левый берег Дуная. Транспорта для всех не хватало. На немногих машинах и повозках были отправлены те, кто не мог передвигаться самостоятельно, остальные своим ходом ночью в снегопад совершили марш в район Байи, где по битому льду перешли через Дунай. Долечивались мы в Сегеде.

Потом для меня снова потянулись долгие недели упорных боев под Балатоном, немцы долго не оставляли своих попыток расколоть войска Третьего Украинского фронта и сбросить их в Дунай. Один из их мощных ударов принес им успех: мы снова отступили, потеряв много боевых друзей, техники и вооружения. Но все же на дворе стоял 45-й год, и близка была наша Победа.

Она явилась для нас теплым солнечным днем в Австрийских Альпах, близ города Роттенманна, на реке Энс, где мы встретились с союзниками.

Этому дню предшествовали недели наступления по Венгрии, жестокие бои на австрийской границе и в горных районах Альп. После пятого мая выдались два дня передышки, в течение которой наш 1245 ИПТАП вместе с пехотой готовил новый, казалось, уже последний удар по упорно сопротивлявшемуся противнику. Уже был повержен Берлин, ходили слухи о скорой капитуляции Германии. Но это там, на севере, здесь же, в Альпах, перед нами оборонялись немецкие дивизии, которые предстояло сбить с их, как всегда, укрепленных позиций.

Атака была назначена на 19.00 седьмого мая, и весь день до вечера прошел для меня в хлопотах по ее подготовке. После полудня артиллерия пристреляла цели, пехота изготавилась к броску из последней траншеи. Солдаты дописывали письма. Все понимали, что в этом последнем, по всей вероятности, бою кому-то суждено будет навеки остаться в чужой земле, считанные часы не дожив до Победы. Помнится, я тоже написал своим старикам, однако отправить письмо не успел — меняли огневые позиции и стало не до того.

Как и было назначено, в 19.00 пехота поднялась, достигла немецкой траншеи, но... траншея оказалась пустой. Немецкие grenадеры скрытно покинули ее за час до нашей атаки и по всем дорогам устремились на запад, навстречу беспрепятственно наступающей американской армии. Мы начали преследование, а затем и обгон бесчисленных колонн немецкой пехоты, которая уже не оказывала сопротивления. Города и поселки горной Австрии встречали нас белыми флагами, простынями

с балконов, цветами и радостью на лицах исстрадавшихся австрийцев.

На реке Энс состоялась встреча с авангардом американской армии, мы выпили и проспали ночь на обочинах шоссе, в кузовах и кабинах автомобилей. Назавтра было девятое мая.

Последнее свое письмо с войны я обнаружил потом в полевой сумке и с наслаждением разорвал его в клочья.

А месяц спустя, вспомнив зиму, Новый год и госпиталь в Сексарде, написал в воинскую часть Вале, откуда через месяц получил официальный ответ, из которого следовало, что лейтенант медслужбы Ершова пропала без вести в январе 1945 года.

[1985]

[ИНТЕРВЬЮ ГАЗЕТЕ «СМЕНА»]

— *Василий Владимирович, наверное, вполне справедливо высказать предположение, что писателем вас сделало такое античеловеческое, такое страшное явление, как война?*

— Вероятно, это предположение справедливо, хотя начинал я в пятидесятые годы все-таки не с военной темы: первые страницы были посвящены молодым современникам. Затем вышел сборник сатирических рассказов, а о военной прозе тогда не помышлял. Однако вскоре она захватила меня целиком, и вот уже четверть века ни о чем другом писать не могу. Почему так? Скажу откровенно, во время войны не мог читать ничего, написанного о ней в жанре художественной литературы: слишком уж велика была разница между книжным изображением людских страстей и подлинными страстями, которые бушевали на полях сражений. Конечно, о той поре нынче написано много, и среди книг о войне встречаются очень сильные — вроде бы что еще можно добавить? Но когда в эту тему углубляешься, обнаруживаешь там все новые возможности, все новые проблемы. И хотя у меня есть полтора десятка повестей, думаю, что самого главного еще не ухватил, что там, в глубинах войны, заключено самое значительное, к чему стремится искусство...

— *Как вы сами для себя определяете это «самое главное, самое значительное»?*

— Главное в книгах о войне — правда, глубина постижения правды, и дается она далеко не каждому, даже если человек, берясь за перо, полон самых благих намерений. Но настоя-

ший талант возникающие при работе трудности обычно превозмогает, талант же поскромнее на них натывается и дальше скользит по линии наименьшего сопротивления. Вот тогда-то мы и читаем в книгах приблизительную правду, лишь часть правды, которая, например, состоит в стремлении отразить только героизм, только патриотизм. Однако на фронте рядом с грандиозным патриотизмом, с величайшим героизмом было еще самое разное... Поэтому, на мой взгляд, задача литературы и вообще искусства о войне состоит в том, что, пока есть возможность, пока живы участники тех событий, надо постараться отразить правду войны с полнотой максимальной... Самым честным, самым талантливым это удастся — назову хотя бы Бакланова, Бондарева, Астафьева, Адамовича, Гранина, Носова, Кондратьева... Обратите внимание: в этом перечне (который, конечно же, можно продолжить) все — бывшие фронтовики. У каждого — личный опыт *своей* войны. Когда же такого личного опыта нет, человеку приходится «сочинять», что обычно и делается...

— *Что касается ваших повестей, то там этот личный опыт автора ощущается постоянно: убедительность каждой детали почти документальная... И все же, ведь, допустим, в партизанах вы не были, а о партизанах пишете — значит, не только личный опыт!*

— Не только. Скажу так: личный опыт, умноженный на воображение... Да, в партизанском отряде я действительно не сражался, и все же партизанские повести написаны на основе личных знаний, представлений, а главное — понимания психологии человека на войне...

— *Уж коли речь зашла об этом: почему же все-таки вы, в прошлом армейский офицер, так настойчиво возвращаетесь к партизанской теме?*

— Наверное, прежде всего потому, что живу в Белоруссии, где партизанская война уделом целого народа. У нас сама нравственная атмосфера содержит в себе прошлого... Кроме того, когда в работе углубил свои нравственные поиски; то обнаружил, что борьба с врагом на оккупированной территории дает наибольшие возможности для исследования проблемы выбора. Человеку постоянно приходится делать выбор — и в малом, и в большом. Во время же войны выбор значил все, от него зависело — жить или умереть? Каждый солдат на поле боя был связан с этой проблемой. Так вот, война армий, если можно так выразиться, более стандартна, так как действия войск в значительной степени регламентированы. И потом — человек

дал воинскую присягу! На оккупированной же территории человек чаще всего никакой присяги не дает. Совесть — вот что определяет его действия. Там много хаоса, много стихии. Там было все — и высокая доблесть, и низкое предательство...

— *Исследованием истоков предательства вы так или иначе настойчиво занимаетесь почти в каждом своем произведении...*

— Потому что природа героического нам близка и понятна. Читателю не надо подробно разъяснять, что заставило Александра Матросова броситься на амбразуру дзота, что повело на смерть молодого гвардейцев: ведь их поведение для советского человека — норма. Так вот, тысячи действуют согласно этой норме, а один вдруг (вдруг ли?) — вопреки ей. Что же, какие же такие особые условия, чрезвычайные обстоятельства сделали его предателем? По мере сил стараюсь в природе предательства разобраться, дабы предостеречь людей от подобного в будущем, дабы все реже встречались в нашей жизни такие типы, как Рыбак или, допустим, Пшеничный...

— *Недавно в беседе с Вячеславом Кондратьевым, о книгах которого вы только что упоминали, я выяснил, что его война — это бои подо Ржевом, у деревеньки Овсянниково, недаром писатель посвятил этим местам столько страниц... Ну а откуда, от какого конкретного места, начинается ваша война, есть ли у вас свое «Овсянниковское поле»!*

— Таких памятных мест у меня несколько — и на нашей земле, и по ту сторону границы, особенно в Венгрии, у Балатона, где пришлось очень тяжело... И все-таки, пожалуй, свое «Овсянниковское поле» у меня есть — на Кировоградчине, возле деревни Большая Севериновка... Было это в январе сорок четвертого. Наш стрелковый батальон поздним вечером вел бой. И вдруг — вражеские танки. Огонь оказался очень плотным, выстоять пехоте против танков в степи трудно — в общем, взводу, которым я командовал, как и всем остальным, досталось крепко. Раненный в ногу лежу и вижу: один танк поворачивает на меня... Метнул гранату — неудачно: ударилась в снег возле гусеницы и не разорвалась. Фашист еще точнее повернул на меня, и я едва успел поджать ноги; танк буквально вдавил в снег полы шинели... Через мгновение комроты Петр Миргород отчаянным броском гранаты все-таки поразил гитлеровскую машину... Кое-как мы смогли добраться до скирды, но немцы ее зажгли. Добрели до полевой дороги, а там повозка довезла меня до села. Раненых в хате набралось человек пятнадцать. Только задремал, кто-то трясет за плечо: «Быков, Быков...» Смотрю — командир батальона: «Ты ранен?» — спрашивает.

«Ранен». — «Ходить можешь?» — «Нет». — «Наш батальон разгромлен», — сказал комбат... Утром село вновь атаковали гитлеровские танки. Я выполз из хаты, где был чудом подобран на последнюю повозку. Один танк остановился против нашей хаты, дал залп — хата вспыхнула... Очевидно, все это видел комбат, который не знал о моем спасении, — так на меня составили похоронку... Уже после войны, когда служил на Дальнем Востоке, однажды вдруг вызывают в штаб, показывают документ: «Лейтенант Быков Василий Владимирович значится убитым 7 января 1944 года и похоронен в братской могиле в деревне Большая Севериновка. Затребуйте у Быкова объяснение по этому делу...» Написал объяснение, а спустя некоторое время поехал в ту очень памятную деревню, пришел к той могиле, где покоятся и Петр Миргород, и почти все мои солдаты... Так что, возвращаясь к нашему вопросу, это поле под Большой Севериновкой в моей войне, пожалуй, самое главное. Там до конца узнал, почем фунт лиха...

— *А где для вас война закончилась?*

— В Австрийских Альпах, близ городка Роттенманн, на реке Энс: там мы встретились с союзниками...

— *Вели на фронте дневники?*

— Не представляю, как это можно сделать на передовой... Кстати, дневники в действующей армии вообще были строго запрещены, в связи с чем мне кажется, что некоторые сочиняют их уже задним числом.

— *Значит, все по памяти?*

— Если стремишься создать нечто стоящее о Времени, надо жить в нем, даже если это Время давно минуло. Впрочем, еще лучше, если Время будет жить в самом художнике, не покидая его... Когда читаешь книгу о прошедшей войне, нетрудно понять, в каких взаимоотношениях автор и Время находятся: «красивость» и «литературщину» с правдой не спутаешь... Не случайно столь выросла сейчас цена документального жанра. К примеру, вы, конечно, знаете книгу Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо»: молодая журналистка из Минска проделала колоссальную работу, объездила всю страну, записала рассказы сотен женщин — участниц войны, — и какая сильная вещь получилась!

— *Как считаете, в родительской семье были писательские гены? Когда читал «Знак беды», почему-то казалось, что Петрок и Степанида должны напоминать ваших отца, маму...*

— Никаких «писательских генов» в моей семье не было. Родители — крестьяне, с литературой почти не соприкасались.

В дни оккупации досталось им... Сестру гитлеровцы отправили в Германию, в дороге бежала. Может быть, что-то в героях «Знака беды» есть и от родителей, но если это и получилось, то подсознательно...

— *Кстати, «Знак беды», как и все, что вами написано о войне прежде, вы нарекли повестью. Между тем, многоплановость, ретроспекция, большой социальный срез, на мой взгляд, явно выводят это повествование к роману...*

— Мне уже приходилось сталкиваться с подобным суждением. Помнится, разъясняя свою позицию, попытался сравнить писательское дело со спортом. Понимаете, в спорте есть спринтеры и стайеры, в литературе — эпика и новеллисты. Самым подходящим жанром для моего литературного самовыражения оказалась именно повесть, которая больше отражает частности жизни, а роман неминуемо требует от жизни всей правды. Чересчур уважаю роман, но, поскольку романым дыханием, чувствую, не обладаю, посягнуть на этот жанр не в силах...

— *Как считаете: экранная и сценическая судьба ваших повестей сложилась удачно?*

— К тому, как мои повести выглядят на сцене и на экране, отношусь спокойно, потому что, переложенные на язык другого искусства, они неизбежно должны что-то потерять. Но что-то и обрести... Так, несомненно, новые краски обрела повесть «Знак беды», инсценированная и поставленная недавно на сцене Ленинградского театра драмы и комедии главным режиссером Яковом Хамармером. Очень важно, что в этой работе нет уклона в занимательность. Обычно опасаясь такого уклона, ибо занимательность серьезную прозу, тем более прозу о войне, разрушает. Почему? Да потому, что занимательность непременно, как говорится, «тянет одеяло на себя» — и исчезает то значительное, без чего невозможно данное прозаическое произведение, но без чего порой вполне обходятся и фильм, и спектакль...

— *Ну а фильм «Восхождение»?*

— Эту работу так рано ушедшей из жизни талантливой Ларисы Шепитько, конечно, выделяю. Кстати, и привнесенного, и утраченного там намного меньше, чем в других случаях...

— *О чем будущая книга?*

— В этой повести будут сочетаться два времени: война и нынешние дни. Опять проблема выбора. А еще — верности и (что у меня встречается нечасто) любви...

— *Итак, снова война...*

— Снова. Среди воинов Великой Отечественной мое поколение — 1924-й год рождения — было почти самым молодым. Живые свидетели тех дней уходят из жизни, и литераторы будущего (даже самые талантливые) едва ли смогут рассказать о той битве с полным знанием дела. Поэтому надо спешить...

Интервью вел Лев Сидоровский.

[1985]

[ВЫСТУПЛЕННЕ НА ВЕЧАРЫ РЫГОРА БАРАДУЛІНА]

Барадулін — гэта чараўнік.

Найперш — чараўнік паэтычнай стыхіі, якая жыве ў ім, мабыць, з дня яго нараджэння і які сам жыве ў ёй, вольна і радасна, як жыве птушка ў палёце, рыба ў вадзе, самаадданая жанчына ў каханні. Паэзія для Барадуліна — не варштат, не тачка, не прафесія ўрэшце. Паэзія для яго — бажэсценная стыхія, у якой ён нявольнік і ўладар адначасова. Віртуоз і мастра! Вобразы ягонай паэзіі, гнуткія і хлёткія, нечаканыя і ўтончаныя, — грацыёзныя служкі яго бязмежнай фантазіі і яго думкі — афарыстычнай і парадаксальнай, мужнай і чалавечнай.

Барадулін — дзіця народнай стыхіі, ён увасабляе яе без знарочыстасці і натугі — проста, натуральна і лёгка, бо тая яго народнасць — сапраўды ад народа, з якога ён выйшаў і якім жыве. Увесь барадулінскі розум — ад глыбіннага сялянскага рацыё, ажыўленага і аздобленага шчырым, трапяткім, чыста барадулінскім эмоцыё. У ягонай народнасці — спрадвечна сялянскае, амаль язычніцкае адчуванне прыроды, уласнага кутка і жылля, мілай несамавітай Ушаччыны, сардэчныя гімны якой, не перастаючы, гучаць у ягонай паэзіі.

Для каго паэзія — гэта космас і гмахі, веліч і гучнасць, для Барадуліна ж гэта найперш першазданная існасць: лес, поле, залева, прыпар, золак, дасвецце. Але таксама і драма жыцця і смерці, вайна, чалавек, каханне. Ягонья вершы поўняцца пошумам дрэў, травянымі пахамі, сельскімі радасцямі. Часам аздоблены сялянскім досціпам, а то і папулярным вясковым слоўцам, у якім не столькі ад злосці, колькі ад мілай бяскрыўднасці.

Барадулін — чараўнік народнага слова.

Паўна, як ні ў каго іншага з ягоных сучаснікаў, паэтычнае слова ў Барадуліна зіхаціць і пераліваецца ўсімі колерамі, гучыць, як бубен, і спявае, бы скрыпка. І ўсё з такім спрытам і густам, на якія толькі і здольна сапраўды паэтычнае слова. Нават самыя непаслухмяныя, каструбаватыя словы нашае мовы, усе гэтыя празаізмы, дыялектызмы, варварызмы і няўключныя неалагізмы, трапіўшы ў барадулінскі радок, дзівосна пераўтвараюцца, робяцца надзіва зграбныя і гнуткія. Ці трэба казаць, як гэта важна цяпер, калі сім-тым з дзяцей Беларусі роднае слова ўжо замянае ў іх «вышэйшай» культурнасці ў імпортных джынсах з японскімі «магамі».

У Барадуліна роднае слова гучыць так натуральна і мілагучна, як спрадвеку гучаць у сусветнай паэзіі італьянскае, французскае, расейскае словы. Бо яно, гэтае слова, набывае міласці і пекнаты з самых глыбіняў закаханага ў яго майстра, сапраўды народнага паэта Беларусі.

Пра паэзію Барадуліна і яго самога можна гаварыць бясконца, ды ўсё роўна сказанае не вычарпае ягонай сутнасці. Барадулін, як чалавек і паэт, невычэрпны. Бо ён арганічна таленавіты. І яшчэ ён зменлівы. Зменлівы, як кожная жывая істота, як талент, які бярэ ад жыцця на шматпакутнай святой зямлі пад сонцам любае Бацькаўшчыны.

І гэта выдатна. Толькі жывы талент здольны нарадзіць жывую паэзію, якая, у сваю чаргу, жывіць культуру, народную самасвядомасць. Паэзія Барадуліна, напэўна ж, будзе з таго нешматлікага, што, наспатолеўшы духоўную прагу часу, пяройдзе парог стагоддзяў.

Пяройдзе нашаю класікай.

Таму што Барадулін ужо і цяпер, пры жыцці, — выдатны наш класік, гонар беларускай культуры, і хоць аб тым пакуль не напісана ў падручніках, не абвешчана з літаратурных кафедраў, гэта так. (Зрэшты, Пушкіна таксама не песцілі ні імператар, ні ягонае міністэрства асветы, затое яго прыняла літаратурная вечнасць.)

[Люты 1985 г.]

ПОД КИРОВОГРАДОМ

Очень это непросто — писать о пережитом, тем более о давнем военном прошлом. И не потому, что многое выпадает из памяти — память фронтовиков как раз цепко удерживает все, что касается пережитого в годы войны, — трудности же здесь несколько иного рода. Как я теперь думаю, они в эмоциональном отношении к тому, что когда-то было проблемой жизни и смерти, а ныне, по прошествии лет, отдалились настолько, что стало чем-то почти ирреальным, из области снов, привидений. Иных в этом отношении к пережитому в годы войны тянет на юмор, на поиски забавного или, на худой конец, увлекательного по сюжету и его извилистым прихотям. Мне же все это по-прежнему видится в кровавом, заторможенно-невразумительном тумане, — как оно и отразилось тогда в нашем горячечном сознании, изнуренном боями, опасностью, предельным физическим напряжением и бессонницей.

1944 год начался для меня (как, впрочем, и закончился) в отчаянной борьбе с немецкими танками, одним, а затем и вторым ранениями, радостями многих больших и малых побед, а также и горечью неудач, зачастую трагических для солдата переднего края — наверное, всем комплексом переживаний, присущим любому фронтовику-окопнику.

Самое начало года, первые дни января, выдалось вполне успешным и даже весьма обнадеживающим. Войска Второго Украинского фронта перешли в наступление под Кировоградом. Танкисты генерала Ротмистрова прорвали немецкую оборону, и наша дивизия в числе других стрелковых соединений фронта легко и без потерь вошла в этот прорыв. Нашей задачей было расширять прорыв, следуя за танками, обеспечивать фланги. Наступали мы в основном ночью, когда над заснеженной степью спускались прозрачные зимние сумерки; до вечера же вели огневой бой с немцами, пережидая бомбежки, которые следовали одна за другой почти от восхода солнца. Вечером батальон сворачивался в походные колонны и вдоль немецкой обороны, между очагами вражеского сопротивления протискивался за танками на запад, однако отставая от них, что составляло тогда немалую заботу командования, непрестанно торопившего нас. Это же обстоятельство послужило, по-видимому, причиной того, что высланная вперед разведка недосмотрела, прозевала в степи довольно крупное сосредото-

чение немецких танков, всей мощью своего огня неожиданно ударивших из зарослей кукурузы по нашей походной колонне.

Батальон рассыпался по снежной степи, многие были сражены на узкой полевой дороге, другие побежали к черневшим в отдалении скирдам. Тотчас за трассирующим шквалом пулеметного огня взрвели моторами танки, и на поле высыпали немецкие автоматчики. Упав в рыхлый снег, я выпустил по ним свой диск и, когда стал перезаряжать автомат, обнаружил, что остался почти в одиночестве на этой стороне дороги. Боец, лежавший несколько впереди, уже не двигался, другие же ушли далеко назад, за дорогу, и перебежками старались добраться до скирд, представлявших здесь некоторое убежище. Я попытался вскочить, но сверкающий огневой шквал вынудил меня упасть снова. Танки были совсем близко, в громоыхании боя слышались выкрики немецких автоматчиков: «Рус, сдавайся!» Перезарядив автомат, я все-таки вскочил, потому как малейшее промедление грозило теперь обернуться худшим, чем гибель. Несколько десятков метров я передвигался бросками — пригнувшись, делал 5–6 широких шагов в густом сверкании трасс, падал и тотчас вскакивал снова. Мне надо было оторваться от немцев и догнать своих. В отдалении уже слышались заглушаемые боем крики и ругань моего ротного, лейтенанта Миргорода, отчаянно пытавшегося остановить бегущих и организовать сопротивление. Но была ночь, и хотя на снегу четко различался каждый силуэт бойца, лиц бегущих разобрать было невозможно. Я почти уже добежал до него, как вдруг сильный удар по ноге выше щиколотки опрокинул меня на снег. Сапог стал быстро наливаться кровью, и первой моей мыслью было: не перебита ли кость? Если кость перебита, то, разумеется, все для меня окончилось. Но танки уже приблизились, один через мою голову строчил из пулемета по бегущим к скирдам, и я тоже вскочил. К счастью, нога не подломилась, значит, кость цела (потом обнаружилось, что пуля отколола от голенной кости узкий обломок, в течение трех месяцев задержавший меня на госпитальной койке). Выпустив автомат, я отстегнул от ремня тяжелую противотанковую гранату кумулятивного действия и размахнулся. Однако мой бросок не достиг цели, кумулятивная не взорвалась (возможно, я не добросил или промахнулся), и танк, круто повернув в мою сторону, поддал газу. В клубах поднятого гусеницами снега он озверело ринулся на меня. В последний момент я едва успел отбросить в сторону ноги, как он прогремел рядом, обдав меня снежным крошевом и траками вмяв в снег полы моей

простреленной шинели. Сквозь поднятый им снежный вихрь я, однако, успел ухватить взглядом взметнувшуюся впереди фигуру Миргорода, его взмах руки, и тотчас мощный взрыв пахнул мне в лицо, сбив на снег шапку. Тяжело качнувшись, танк остановился, на его броню из башни вывалились два человека в черном. Тут уж я ударил по ним из автомата, и они скатились на землю. Однако больше мой автомат не стрелял: может, заело в диске или кончились патроны, мне недосуг было разбирать в том, — танки уже расстреливали из пушек скирды, туда же устремились немецкие автоматчики. Сзади за ними на всем протяжении до кукурузы темнели распластанные тела убитых, некоторые из раненых пытались ползти. Из недалекого провала свежей воронки, пригнувшись, ко мне подбежал боец нашей роты, он был ранен в плечо, и правая рука его плетью волочилась по развороченному гусеницами снегу. Солдат плакал, матерился, но он помог мне выбраться с того поля в засыпанные снегом заросли подсолнуха, с трудом преодолев которые, мы очутились на едва приметной полевой дорожке. Здесь нас догнала повозка, на которой лежали двое раненых, и девушка-санструктор с повозочным встревоженно вслушивались в грохот близкого боя. Стащив с ее помощью простреленный сапог, я вылил из него кровь. И девушка впервые перевязала мою ногу. К полуночи мы были уже в селе, где возле церкви в просторном поповском доме расположилась санчасть какой-то стрелковой дивизии.

В доме этой санчасти мне пришлось пережить ночь, события которой с достаточной подробностью описаны на страницах одной из моих повестей, а наутро всех его обитателей подняла отчаянная стрельба на окраине — село атаковали немецкие танки. Обороны здесь никакой не было, в селе располагались тыловые службы, санподразделения, и вскоре все, кто был способен к передвижению, бросились по балке в село по соседству.

Но что было делать раненым?

В последний момент, когда почти все наши покинули село, я выполз из санчасти на улицу с единственной подобранной во дворе противотанковой гранатой, намереваясь погибнуть не даром. Несколько минут, лежа в канаве, ждал появления танков, которые тем временем уже вошли в село и расстреливали последних его защитников, как вдруг из-за угла побитой осколками мазанки выскочила пароконная повозка с седоками. Закричав, я замахнулся гранатой, охваченный внезапным намерением задержать мой ускользающий шанс, и повозка остановилась в полусотне шагов на улице.

Эта повозка вывезла меня из села, сзади по нас торопливо стреляли танки, уже появившиеся у окраинных хат, за греблей. Тяжелые болванки угрожающе фуркали над головами, но нам повезло: мы выскочили из-под огня и на пригорке у соседнего села были решительно остановлены незнакомым офицером в полушубке, который собирал всех, укладывая в боевой порядок. Пришлось и мне залечь в цепь, хотя, кроме пистолета и гранаты, у меня ничего больше не было. Но в нашем положении противотанковая граната все-таки чего-то стоила.

Нас набралось здесь человек сорок. Второпях мы вырыли в рыхлом снегу неглубокие ямки и залегли. Очень скоро из балки появились танки, их было одиннадцать, при виде нашей цепи они замедлили ход, а затем и остановились вовсе. Эта их остановка сначала обрадовала, а затем и озадачила нас: лучше бы они нас атаковали, мы бы тогда попытались отбиться гранатами. На расстоянии же они были для нас неуязвимы, зато вполне уязвимы для них были мы. Не раз мне на фронте приходилось переживать подобную ситуацию. Так было и потом, в конце 44-го при втором моем ранении под Балатоном в Венгрии, когда танки с близкого расстояния буквально за несколько минут выбили залегший на мерзлой земле батальон. Снарядов они не жалели, времени у них было в достатке, впрочем, как и сноровки тоже.

Они расстреливали нас, методически, аккуратно посылая по снаряду в каждого бойца, и спустя четверть часа вместо нашей цепи на снегу чернел ряд кровавых разрывов с разметанными вокруг комьями мерзлой земли. Уцелевшие, почти все раненые, скатились по обратному склону в село, невесть на что надеясь и невесть что полагая. Но все-таки, как оказалось, мы задержали их, пусть и ненадолго, но за это время на улицах села появился десяток наших тридцатьчетверок, по-видимому, срочно переброшенных сюда с другого участка фронта. Они вышли на сельскую окраину, и между танками завязалась огневая дуэль, которая продлилась до вечера. Две наши тридцатьчетверки сгорели в вишеннике на отшибе, но горели и немецкие танки — за бугром в погожее небо долго валили черные клубы дыма. Вдобавок ко всему под вечер налетели «мессершмитты» и принялись нещадно бомбить село, от разрывов их бомб разваливались глиняные мазанки, разлетались плетни и сараи. Мы с несколькими ранеными сунулись в какой-то погреб, где и просидели до ночи. Но в наступивших сумерках наши тридцатьчетверки стали покидать свои позиции за селом, и чумазый капитан-танкист объявил, что они уходят.

Раненых, если те пожелают, могут взять на броню. Ночью село, по всей вероятности, будет занято немцами.

Мы торопливо взобрались на броню, человек по шесть на машину, вцепились в железные поручни. Тяжелораненых устроили посередине. Сначала нам было тепло и удобно, следовало только держаться покрепче. Но едва танки тронулись, снова налетели немецкие самолеты, началась ожесточенная ночная бомбежка. Некоторое время танки двигались, не обращая на нее внимания, то и дело пошатываясь в стороны от близких разрывов, которые грохотали справа и слева, спереди и сзади, обрушивая на нас пласты снега и комья мерзлой земли, высекая осколками искры из брони. Но после того как одна из машин взорвалась и из нее никто не выбрался, танкисты при первых разрывах бомб стали останавливать машины и разбегаться в стороны от дороги. Раненые, способные к передвижению, тоже соскакивали с брони, на которой оставались лишь те, кто не мог слезть и особенно взобраться на нее после. Притиснувшись к башне и сжавшись в болезненный ком, я переждал на танке четыре или пять таких бомбежек, опасаясь лишь одного — быть сброшенным взрывом на снег. Но вот танки въехали в какое-то большое село, и после непродолжительной стоянки капитан скомандовал слезть всем — на рассвете танки пойдут в атаку.

Что ж, пришлось слезть. Село горело после недавней бомбежки, которой была свежо и жестоко обезображена улица. Какой-то боец помог мне доковылять до более-менее сохранившейся мазанки, и, войдя в нее, я свалился на кровать в углу. Здесь уже кто-то лежал, наверное раненый, солома в кровати показалась мне мокрой, но только я прилег на краешке, как сразу же и уснул, словно провалился в забытие.

Как и во все эти суматошные дни, пробуждение наступило от сильной стрельбы на окраине, и я вскинул голову. Брезжил первый рассвет, из проредившейся темноты проступали убогие пожитки этой покинутой хатенки: стол, кровать, опрокинутая скамья на полу. Мой сосед не обнаруживал признаков жизни, и я толкнул его локтем, тут же, однако, испугавшись, — рядом лежал человек в сизой немецкой шинели с двумя офицерскими знаками на узком, отороченном галуном погоне. Под ним в соломе стояла лужа крови, испачкавшей полы моей шинели. Немец был мертв. Тем временем стрельба приблизилась: несколько пуль ударило в стену, от которой на кровать брызнуло сухой штукатуркой. Поняв, что поблизости завязывается что-то скверное, я сполз с кровати и доковылял

до дверей. В сенях было темно, в углу возле входной двери был сколочен сусек, полный картошки, и я вытянулся на нем, изготовив свой пистолет.

Бой в селе разгорелся с новой силой. Послышались крики, кто-то пробежал по улице. Вскоре там раздались гранатные разрывы — скверный признак того, что немцы ворвались в село. Сквозь щель в дверях мне виден был залитый взошедшим солнцем заснеженный двор — началось ядерное морозное утро. В свете этого утра за стеною мелькнула тень, послышалось усталое дыхание, и дверь передо мною резко распахнулась. В ее проеме возникло молодое лицо человека в немецкой каске с биноклем на груди. Одной рукой он открыл дверь, а в другой держал автомат. Нас разделяли каких-нибудь три метра, я был готов, мой пистолет был направлен в середину его груди, и я мог выстрелить тотчас же. Немцу же для очереди предстояло бросить дверную ручку и другой рукой подхватить автомат. Но я промедлил секунду, а немец, отсутствующе взглянув на меня, выпустил дверь и побежал дальше, туда, где слышались немецкая речь, крики и топот сапог. Так я подарил ему жизнь, впрочем, как и он мне тоже. А скорее обоим нам подарило жизнь солнечное утро, наверное, не давшее ему ничего увидеть в темном закутке. Я запахнул дверь и с пистолетом в руке стал терпеливо дожидаться развязки этого суматошного боя.

К полудню развязка все-таки наступила. Наша пехота выбила немцев из села и продвинулась дальше. Я выполз на улицу, кто-то из пробежавших бойцов показал, где искать их полковую санчасть. Когда мы с одним раненым техником-лейтенантом добрались до нее, снова налетели «юнкерсы» и обрушили на село контейнеры мелких осколочных бомб. Снова все запылало кругом, задымил, загрохотало. Девушка — лейтенант медслужбы, съездившись от близких разрывов, на полу санчасти торопливо заполняла на раненых карточки передового района — перевязывать раны уже не было возможности. Когда очередь дошла до меня, записав звание и фамилию, спросила номер полка и, услышав в ответ незнакомые наименования, удивилась.

— Это не нашей части.

— Где он ее найдет теперь, эту свою часть? — сказал техник-лейтенант.

— А это не мое дело.

Без карточки передового района эвакуироваться в госпиталь было невозможно, и я приуныл. Но тут «юнкерсы» сыпанули

на село очередную партию бомб, из хаты разом выскочили все окна, и девушка, смягчившись, бросила мне карточку.

Так, в общем, закончилась для меня эта не слишком выдающаяся эпопея — обычная солдатская история, несколько дней войны со смертями, кровью, успехами и, как сказали бы теперь, досадными срывами. Тому, кто воевал на переднем крае, особенно в пехоте, не раз приходилось переживать подобное. Иным доставалось и больше.

В январских боях под Кировоградом остался почти весь наш батальон, а может, и весь полк даже. Хоронили погибших не скоро, когда фронт откатился к Бугу и степь освободилась от снега. Жители окрестных сел собрали там пролежавшие зиму тела наших бойцов и свезли в братскую могилу в Северинке. Наверное, там же подобрали и мою полевую сумку с некоторыми бумагами. Это дало основание предположить, что ее хозяин тоже остался поблизости. В той же братской могиле оказался и мой командир роты лейтенант Миргород, имя которого носит теперь пионерская дружина местной школы. Недалеко от тех мест похоронен командир нашего батальона капитан Смирнов, ненамного переживший своего командира роты, по соседству с ними покоится прах командира полка майора Казаряна, скончавшегося от ран в медсанбате.

Неискушенному в войне, тем более молодому человеку может показаться, что наши разрозненные усилия были бесцельными, а наше малоуспешное сопротивление немецким танкам бессмысленным. Но это не так. Пока раненые, а также лишённые противотанковых средств и должной организованности бойцы тыловых служб вели спорадические бои с немецкими танками, сковывая их маневр и отвлекая на флангах, ударная группировка наших войск под командованием генерала Ротмистрова упорно окружала Кировоград, в итоге принудив немцев к отходу.

Тогда нам все это казалось по-разному, но теперь видится все яснее: наши жертвы были не напрасны, каждая капля крови, пролитой на поле боя, так или иначе приближала нашу Победу, потому что в той войне и нашем ожесточенном единоборстве перевешивала лишь чаша, до краев наполненная человеческой кровью. Миллионы человеческих жизней — красноречивое тому свидетельство. Может быть, именно поэтому на нашей стороне оказалась победа, значение которой непреходяще для человечества.

[1985]

[ОТВЕТЫ НА АНКЕТУ ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ»]

— *Что из написанного в годы войны и тогда прочитанного вами запомнилось вам больше всего? Что из этих произведений сохранило живую силу и в наши дни?*

— Больше всего и навсегда запомнилось из прочитанного в годы войны «Волоколамское шоссе» Александра Бека, это поистине удивительное произведение, по существу очерк, списанный с действительных лиц на поле боя, с конкретной обстановки. Но в этом очерке — жизнь, война, настоящие, а не придуманные характеры и проблемы и, что самое важное, подлинная атмосфера того времени, полная драматизма и тревоги, когда враг был под Москвой, а вся война лежала в тумане неизвестности и победа была так далеко...

— *Что нового дала литература о войне в последнее десятилетие? Какие направления в ней кажутся наиболее перспективными?*

— За последнее десятилетие литература, несомненно, расширила и обогатила наше знание о войне, высветила ряд ее новых немаловажных моментов. Здесь я имею в виду появление таких книг, как «Я из огненной деревни» Адамовича, Брыля и Колесника, «Блокадную книгу» Адамовича и Гранина и опубликованные недавно записки Светланы Алексиевич о трудной военной судьбе женщин — участниц войны. Время от времени продолжают появляться и теперь новые замечательные книги о войне во всех литературах нашей страны.

— *Будете ли вы продолжать писать о войне? Что, на ваш взгляд, необходимо еще рассказать о ней?*

— Я продолжаю писать о войне, так как вижу в ней массу еще не освоенного искусством материала из народной жизни и борьбы, относящегося к армии, партизанам, жизни на оккупированных территориях. И особенно — к области психологии и духа, нравственности, этики.

— *Какова в ваших произведениях мера соотношения вашего личного фронтового опыта и вымысла?*

— Так или иначе в основе всего написанного мной о войне лежит личный опыт, память о тех годах, незабытое чувство борьбы и смертельной опасности. Также оттуда все образы — виденные, познанные, причастные ко мне, ощущаемые мною.

Но сюжеты... Сюжеты — это уже не обязательно из пережитого, нередко они «сделаны», сочинены на основе знания и памяти.

[1985]

ВО ИМЯ ЖИЗНИ

Всякая агрессивная война уже по своей природе направлена против человека, который для нее — лишь средство, материал преступной политики тех, кто обанкротился в этой политике, ведя ее мирными средствами. Но прежде чем вовлечь в свою круговерть человеческую жизнь, война стремится покончить с культурой, потому что культура и ее вековые традиции уже фактом своего существования противостоят военному угару. Все самое ценное, накопленное народами в течение столетий мирного развития, быстро обесценивается, а оставшиеся крохи культуры пересматриваются и переоцениваются агрессором с расчетом адаптации их для своих целей. Такая война пожирает прошлое народное, лишает человека истории еще до того, как лишить его физического существования в мире.

И даже после ее окончания надобно длительное время, чтобы изжить ее следы на земле и в народном самосознании, психология ее живет долго; в той или иной форме ее следствия продолжают влиять на формирование будущего.

Вот почему тема минувшей войны на протяжении десятилетий не уходит из белорусского искусства, питает нашу литературу. И тут нет какой-либо заданности или преднамеренности — есть боль, не покидающая душу народа, который потерял за годы войны четверть своих людей — каждого четвертого жителя Белоруссии.

С началом войны обрываются всякие культурные связи между воюющими сторонами. То, что в области культуры естественно формировалось в течение столетий, расторгается за несколько недель. Надо сказать при этом, что честная интеллигенция обеих сторон болезненно переживает этот разрыв, который, безусловно, пагубно влияет на самочувствие обеих культур, особенно если популярные и уважаемые деятели культуры вольно или невольно оказываются в неправом лагере. В этом отношении показателен пример хотя бы норвежца Кнута Гамсуна, чьи романы были любимы в мире до того момента, как их автор оказался коллаборационистом фашиз-

ма. (Известно, что читатели возвращали Гамсуну его книги, швыряя их через ограду усадьбы писателя.)

Правда, и в годы войны, несмотря на наше шествие на наши земли дивизий вермахта, мы старались сохранить объективность и не распространять нашу ненависть, так сказать, ретроспективно. Гете, Гейне, Томас Манн всегда были и оставались для нас великими немцами, отношение к ним не изменилось с годами. Но драматизм момента в данном случае состоял в другом: миллионы наших людей на оккупированных территориях вынуждены были судить о немцах и немецком народе не абстрактно и не исторически, а весьма конкретно: ежедневно наблюдая за бытом, поведением и нравами фашистской солдатни, когда трудно было удержаться от того, чтобы эти далеко не джентльменские нравы не экстраполировать на весь германский народ. Лишь умные или образованные люди могли до конца сохранить объективность и понимать, что наглый фашистский фельдфебель — это еще не немец, то есть он сначала фашист-солдафон, а потом уже незадачливый представитель великой и культурной нации Европы, которую он предал позорнейшим образом.

Мне хорошо памятен случай, который я имел намерение использовать в своей прозе, но пока не использовал непосредственно. Суть его состоит в том, что осенью 41-го года, когда вермахт приступил к ликвидации еврейского населения в малых городах Белоруссии, один старый сельский учитель, человек очень воспитанный и интеллигентный, знавший немецкий язык и читавший Шиллера в оригинале, потрясенный трагедией уничтожения тысяч безвинных жителей местечка, отправился к немецкому коменданту с целью открыть ему глаза на всю бесчеловечность действий властей. В противоположность учителю комендант оказался невежественным солдафоном из тех немцев, которые до 33-го года были представителями люмпен-пролетариата, а с приходом Гитлера к власти сделали военную карьеру. Комендант долго не мог взять себе в толк, чего хочет этот старик-белорус. Его, конечно, удивило, что тот неплохо говорит по-немецки, но — культура?.. Традиции — христианские и гуманистические? Гете и Гейне? Коменданта, конечно же, не слишком заботили проблемы культуры — он был поглощен выполнением приказа командования относительно «окончательного решения еврейского вопроса». Ему очень досаждали эти местечковые евреи, которые бесконечно изворачивались, лгали и не подчинялись его требованию дружно и организованно идти в яму, и его солдатам

приходилось немало поработать, чтобы добиться повиновения. Что же касается Гейне, то тот — «сам жид», об этом ясно было написано в газете «Дас шварце корпус», которую регулярно читал комендант. Так кого же защищает этот взволнованный и плохо одетый интеллигентшишка из местных? Уж не шпион ли он, подосланный комиссарами? И чтобы разом разрешить сомнения и покончить с «заумной болтовней», комендант приказывает пристрелить и учителя. Благо тот не убегает и не сопротивляется. В еврейской шеренге, уже уложенный для расстрела в яму, он лег последним, с самого края.

Да, война и культура — несовместимы, они существуют в различных сферах и разговаривают на разных языках. В течение тысячелетий выработанные общечеловеческие истины чужды для войны и непостижимы ею.

К счастью, фашистская эпоха в Германии, хотя и была кроваво-жесточкой, но оказалась непродолжительной, немецкий народ все же сумел сохранить здоровое самосознание, и хотя рецидивы нацизма время от времени дают о себе знать в современном германском обществе, в целом немецкий народ знает, где и с кем его будущее. В Мюнхене, Кельне, Эрлангене, Западном Берлине я видел антивоенные и антифашистские демонстрации — грандиозные народные манифестации, дух и стремление которых были мне близки и понятны. Я присутствовал на многолюдном митинге в Западном Берлинском политехническом институте, приуроченном к пятидесятилетию захвата Гитлером власти в Германии, и выступал там. Тысячи немцев горячо аплодировали речам немецких антифашистов, польских узников Освенцима, молодых пацифистов. Это было, может быть, кратковременное, но поистине монолитное сплочение людей разных мировоззрений и национальностей во имя мира и культуры.

Мне не однажды приходилось говорить, что советская, так называемая «военная» литература — это не упоение войной, а не утихающая во времени боль от нее. Боль за погибших, скорбь по утраченному.

В том числе и в области культуры. Ведь многие из наших культурных ценностей, разрушенных войной, восстановить уже невозможно. Да, мы отстроили свои города и села, многие из них выглядят теперь лучше, чем прежде, как, например, столица республики Минск. Но прежний, исторический, облик ряда белорусских городов, как, например, древнего Полоцка, недавно отметившего свое 1100-летие, безвозвратно утрачен, и надо ли говорить, какая это чувствительная утрата для

исторического самосознания народа. Города без древнего центра, как бы современно и благоустроено они ни выглядели, все-таки лишены необходимой для них души. Утраты такого рода отлично чувствовал наш недавно умерший белорусский прозаик Владимир Короткевич, в романах которого много от ностальгии такого рода, и его очень любит и понимает современная молодежь.

В нашей «военной» литературе нет «упоения» войной, любования кровью и смертью — все это ей чуждо в своей основе. Но мы воспеваем в солдате прошлой войны красоту его духа, его благородную способность пожертвовать собой ради жизни товарищей (Григорий Бакланов), любви к женщине (Виктор Астафьев), и даже ради мирных жителей-немцев (Юрий Бондарев). Мы свято храним традиции русской классики (Лев Толстой, Федор Достоевский), ее уроки и ее позиции находят у нас многих последователей среди разных поколений писателей. Я, например, исхожу в своей прозе из элементарнейшей из толстовских посылок, которая, будучи несколько перефразированной, выглядит так: о войне, какой бы трудной она ни была, надо писать правду и всю правду, какой бы она ни была горькой. Правда в гуманистическом искусстве всегда однозначна и несет человечеству только добро. Именно такая позиция служит залогом того, что наша военная литература и впредь будет по сути своей антивоенной и сугубо гуманистической.

В этом смысле нам близок антивоенный пафос произведений замечательного и широко популярного у нас Генриха Белля, или мятежного Гюнтера Грасса, или Германа Канта, Дитера Нолля и многих других авторов обеих Германий — гуманистов и пацифистов.

Конечно, как в ФРГ, так и в СССР выросло поколение, родившееся после кровавой войны, о которой оно знает только по книгам, кино да по рассказам родителей, людей старшего возраста. У этого поколения свои, часто довольно затруднительные проблемы, требующие для их разрешения немалых усилий общества и государства. Но мы говорим, что ни одно поколение не вправе забыть об ужасах и уроках минувшей войны уже хотя бы потому, что человечество должно знать, кому оно обязано своим существованием. К тому же у нас в ходу известная истина, что каждая новая война начинается именно тогда, когда люди начинают забывать о войне предыдущей. Ведь уроки истории ничему не учат, как сказал один из великих немцев, и в общем это справедливо как констатация факта. Так всегда было в истории, но в наше время так

быть не должно. Как только человечество начнет забывать об уроках недавнего прошлого, оно будет ввергнуто в катастрофу, после которой уже ничего не останется. Кроме вечного льда и хаоса на мертвой земле.

На закате жизни свойственно вспоминать о прошлом, в том числе о войне и победном дне 9 мая 1945 года, который я встретил в австрийском городке Роттенманне на реке Энс, где войска Третьего Украинского фронта соединились с американским авангардом. Мы славно отметили эту долгожданную встречу, обменивались с американскими пехотинцами подарками и адресами, клялись в вечной дружбе. Жаль, что все это оказалось столь же кратким, как и иллюзорным. Но не по нашей вине. В том, что произошло вскоре в наших отношениях, менее всего повинны наши солдаты, впрочем как и американские пехотинцы. Я уверен, что те с таким же воодушевлением вспоминают тот день и нашу встречу на берегах горной реки, нянчат внуков и жаждут мира. Как его жаждем мы. И как его жаждут немцы обеих Германий, в этом я уверен тоже. Можно даже сказать, что весь мир жаждет мира, мир ненавидит войну, но между чаяниями народов и осуществлением этих чаяний стоит древнее чудовище — *страх*.

Что может быть благороднее и возвышеннее для культуры, чем содействие в преодолении этого чудовища, — во имя благополучия, культуры — во имя *жизни!*

[1985]

[ВЫСТУПЛЕННЕ НА ПЛЕНУМЕ СП БССР (чэрвень 1985 г.)]

Падзеі такога роду, як наш юбілейны пленум, адметны пэўнаю дадатнай якасцю — яны даюць магчымасць зазірнуць у мінулае, агледзець свой шлях, каб нешта ў ім зразумець. Звычайна, у наш вельмі дзелавы, прагматычны і хуткаплынны век гэта зрабіць няпроста, людзі занятыя важнымі справамі, і для таго, каб азірнуцца на сябе і сваё мінулае, у сучаснага чалавека проста не хапае часу. А можа, і вялікага жадання таксама.

А між тым памяць — гэта матэрыяльная сіла, галоўны элемент чалавечай духоўнасці, яна не толькі здольна ўзнаўляць мінулае, але і вызначаць будучае. І ў катастрофічных моманты

гісторыі ворагі-заваёўнікі ў адносінах да народа-ахвяры перш за ўсё спрабавалі пазбавіць яго гістарычнай памяці, пасля чаго з ім можна было зрабіць што хочаш. Многія народы выстаялі ў сваім гістарычным існаванні (нягледзячы на тое, што былі напалову фізічна знішчаны ці на стагоддзі пастаўлены на калені) менавіта з дапамогай пісьменнасці і мастацтва, у якіх увасобілася памяць аб мінулым, што з цягам часу дала ім магчымасць узрадзіцца. Успомніце гісторыю балгар. У той жа час адсутнасць пісьменнасці, гістарычнае бяспамяцтва зводзілі ў нябыт нават магутныя плямёны і народы, пра якіх мы і ў XX стагоддзі мала што знаем. Як пра нашых суседзяў яцвягаў, напрыклад.

Так, мы маем развітое мастацтва, высокамастацкую літаратуру, якія надзейна асэнсоўваюць і захоўваюць для нашчадкаў духоўную сутнасць нашай культуры, узбагачаюць народную самасвядомасць. І ў іх, вядома, адно з самых шаноўных месцаў належыць тэме мінулай вайны з нямецкім фашызмам, у якой мы панеслі небывалыя ў гісторыі страты, але і здабылі таксама найвялікшую ў гісторыі Перамогу.

Далосся гэта, як вядома, не проста і патрабавала неверагодных намаганняў. Мы цяпер хораша гаворым пра непакісную ўпэўненасць у нашу перамогу, якая нас ніколі не пакідала. Што датычыць гэтай упэўненасці ў гістарычным плане, дык гэта, мабыць, і так. Але ўся справа ў тым, што гісторыя творыцца грамадствам, а грамадства, у сваю чаргу, складаецца з індывідаў, існаванне якіх на зямлі, на жаль, не суладна з гістарычнымі маштабамі; чалавек так ці інакш жыве свой вельмі кароценькі адрэзак часу, і многія з нашых людзей так і не дачакаліся перамогі. Ішла вайна, і яны загінулі па шляху да яе. Адны ўлетку 41-га, другія вясной 45-га. І я не ведаю, чыя смерць была шчаслівейшай — тых, пасля якой наперадзе была яшчэ ўся доўгая вайна, ці тых, хто да яе канца не дабег на некалькі тыдняў, дзён ці нават гадзін. І такіх было ў нас болей як 20 мільёнаў. Ці можа наша мастацтва спакойна ўспрымаць гэты гістарычны факт?

У друку, літаратуры ды і размовах нярэдка можна пачуць залішне катэгарычныя меркаванні аб тым, што важней для грамадства, для гісторыі і для мастацтва — наш гаротны шлях адступлення ад Брэста да Волгі ці наадварот — пераможнае шэсце ад Валгаграда да Эльбы. Мне думаецца, што такая пастаноўка пытання негрунтоўная як сваёй катэгарычнасцю, так і пэўнай наіўнасцю. Ужо так заведзена на зямлі, што гісторыя кожнага народа найбольш памятливая на перамогу ўласнага войска, і

гэта зразумела. Але ўсё ж такі мастацтва імкнецца спасцігнуць ісціну, усю праўду пра чалавека, і таму няцяжка зразумець, што ў мінулай вайне для мастацтва аднолькава важны абодва яе этапы — як гаротны шлях на ўсход, так і пераможнае шэсце на захад. Таксама, дарэчы, як і нашыя зусім удалыя аперацыі на франтах, якіх было нямала, так і аперацыі не зусім удалыя, якіх таксама было не меней за цалкам удалыя. Як героі, што сваім умельствам і адвагай набліжалі нашу перамогу, так і тыя з нашых суайчыннікаў, што так ці інакш памагалі не нам. Як светлыя і самаадданыя парывы чалавечай душы, чым па праву ганарыцца нацыя і грамадства, так і пачуцці іншага парадку: трудна падуладнае чалавеку адчуванне страху, нерашучасці або проста фізічнай нямогласці, што стрымлівалі ягоную самаадданасць. Чалавек — істота сацыяльная, гэта даўно вядома, залежная ад многіх знешніх уплываў, але яшчэ і біялагічная, з устойлівай геннай асновай, пэўным чынам запраграмаванай у дагістарычным мінулым. І тое — не віна чалавека і не ягоная вартасць, тое — яго асаблівасць, з якой ён не можа не лічыцца нават у век небывалага росквіту навукі і тэхнікі.

Мастацтву падуладны ўсе бакі чалавечага існавання, і ў тым яго сіла. Але гэтая яго сіла — не нейкая вольная стыхія — у рэалістычным мастацтве яна мае свае вельмі канкрэтныя рысы і выдатна рэгулюецца вялікім крытэрыем — Праўдай жыцця. Праўда жыцця, абставін і паводзін чалавека ў пэўных жыццёвых акалічнасцях — вось магутны крытэрыі нашага рэалістычнага мастацтва.

Калі гэта так у адносінах да чалавечага існавання наогул, дык ці трэба многа даказваць, як гэта важна ў дачыненні да такой экстрэмальнай з’явы, якой з’яўляецца вайна? І з усіх войнаў — наша Вялікая вайна з нямецкім фашызмам. Якая тут патрэбна дакладнасць, выверанасць агульнага і праўдзінасць прыватнага.

На жаль, трэба прызнаць, што ў некаторых сучасных творах літаратуры і асабліва кіно пра вайну гэтыя крытэрыі гранічнай праўдзівасці нярэдка страчваюцца і тым самым вольна ці не размываецца праўдзівая памяць народа аб самым цяжкім і велічным перыядзе яго існавання. Асабліва тут прыкра тое, што гэтая размытасць ідзе галоўным чынам па лініі эмоцый і псіхалогіі — самага тонкага і самага адчувальнага элемента рэалістычнага мастацтва. Некаторым, можа, здаецца, што гэта якраз і неістотна, былі б захаваны знешнія дэталі і рэаліі таго часу, а псіхалогія — гэта эфемерыя, і чым яна прасцей — тым лепш. Але яшчэ ад Талстога мы ведаем, што «можно выду-

мать что угодно, но нельзя выдумать психологию». Дык вось, у такіх творах найбольш вольна абыходзяцца менавіта з псіхалогіяй, зводзячы яе да прымітыву, да псіхалагічнага знака. Але без праўды псіхалогіі няма мастацтва, ёсць хіба прадукт бяздумнай масавай культуры, што гэтак пашыраецца ў масах спажывецкага грамадства. Але нам у нашым гістарычным мінулым, з нашай Вялікаю самаахвярнай вайной, з нашай выдатнейшай класікай, ці нам гожа грэбаваць праўдай жыцця, паглыбленым рэалізмам. Цяпер, ва ўмовах нагнятання новай глабальнай пагрозы для чалавецтва, важна і дорага кожнае слова праўды пра мінулую вайну, слова, сказанае разумна, з талентам і тактам як у адносінах да жывых, так і ў дачыненні да паўшых. Так як гэта робяць лепшыя прадстаўнікі ваеннага мастацтва і літаратуры, старэйшыя, што самі са зброяй у руках змагаліся з фашызмам, трохі маладзейшыя за іх, чыё дзяцінства прайшло ў голадзе і холадзе акупаваных ворагам гарадоў і вёсак, і нават тыя, што нарадзіліся пасля вайны, але атрымалі яе з геннаю спадчынай ад бацькоў і імкнуцца расказаць пра яе калізіі — праўдзіва і без упрасачэнства.

Пакуль чалавецтва будзе ўсведамляць і памятаць, што яно перажыло ў сярэдзіне XX стагоддзя, што страціла і чаго дамаглося — новая вайна немагчыма. Я ў тым упэўнены.

[1985]

ПРАВДА, ПРОСТОТА, ИСКРЕННОСТЬ

Не так часто бывает в искусстве, чтобы слава, которая пришла к Александру Твардовскому в пору его молодости, с такой неизменностью оставалась верной ему всю жизнь. Но здесь, вероятно, дело не столько в сущности самой славы, как в определенной удачливости ее вообще привередливого выбора — этот человек, несомненно, заслуживал еще большего.

Глубоко национальный и в то же время в высшей степени общечеловеческий его герой встает со страниц многочисленных книг, посвященных, как правило, самым кардинальным моментам советской действительности. Его поэмы «Страна Муравия», «Василий Теркин», «Дом у дороги», «За далью — даль», «Теркин на том свете» давно уже стали классикой советской поэзии. Каждая из этих поэм была в свое время явлением, за каждой из них — сложная история ее создания, критические

баталии или единодушное признание при их первом же появлении в печати. Поистине завидная судьба!

Как и в прежние годы, так и теперь делается немало попыток разгадать его поэтический феномен, открыть секрет его исключительной популярности, разобраться в богатой разносторонности его творчества, начатого небольшим стихотворением под скромным названием «Новая хата». Как всегда в таких случаях, трудно избежать определенного риска в определении поэтической сути художника, основа которой, как известно, держится на его самобытном таланте. Но, кажется, есть все основания утверждать, что его кристальную по классической чистоте поэтику больше всего определяет среди множества иных дарований его необычайная и неизменная верность таким определяющим в искусстве категориям, как Правда, Простота, Искренность.

Думается, именно эти качества при высокой степени гражданской честности и самобытности поэтического таланта обеспечили такую долгую жизнь его поэмам, его задушевной, сдержанной и емкой по чувству лирике. Тут, очевидно, ему в определенном смысле повезло в самом начале, ибо то, к чему нередко приходят под конец пути после многих мучительных неудач и долгих поисков и без чего невозможно искусство, если оно не хочет превратиться в пустую забаву для снобов, это необходимое он постиг в самом начале. В зачине своей «Книги про бойца», перечисляя то, без чего невозможно на войне, автор делает наиважнейший свой вывод, что «всего иного пуще не прожить наверняка — без чего? Без правды сущей, правды, прямо в душу бьющей, да была б она погуще, как бы ни была горька».

Этой его пронзительной, «прямо в душу бьющей» правдой мощно отмечены всего его поэмы, статьи, его выступления, вся его военная лирика — от стихов, написанных им в снегах Карельского перешейка, до знаменитого «Я убит подо Ржевом» или одиннадцати строчек, совсем уже бездонно-беспощадных в своей смысловой и эмоциональной наполненности: «Я знаю, никакой моей вины в том, что другие не пришли с войны, в том, что они — кто старше, кто моложе — остались там, и не о том же речь, что я их мог, но не сумел сберечь, — речь не о том, но все же, все же, все же...»

Можно долго и подробно рассуждать о его поэмах и стихах, давних и написанных в последнее десятилетие, о его человеческих и гражданских качествах. Писал он, в общем, немного и в последние свои годы печатался мало, зато каждая

его строка была радостью для читателя, независимо от того, короткое ли это лирическое стихотворение, или «В живых-то меня уже нету...», или фундаментальная литературоведческая статья, как, например, о творчестве Ивана Бунина, или предисловие к чьим-либо публикациям в «Новом мире», который он много лет возглавлял. Несколько лет назад были напечатаны его дневники-воспоминания «С Карельского перешейка», которые не могли не поразить каждого своей новизной в изображении той небольшой, почти уже забытой Финской войны. Интересно заметить, что эта небольшая вещь открывает собой четко очерченные истоки Твардовского-баталиста, автора бессмертной «Книги про бойца». Именно так зимой 1940 года появилась для него тема Василия Теркина, которую затем он пронес всю мучительно долгую Отечественную войну и которая окончательно закрепила за ним славу одного из самых лучших советских поэтов.

Помимо многих других качеств, в этих записках впечатляет необычная авторская наблюдательность, его удивительно свежая, ничем не замутненная память, которая просто невозможна без чего-то истинно душевного, чем владеет далеко не каждый из наших даже и талантливых художников. Художественная достоверность каждой самой незначительной на первый взгляд детали, глубинная проникновенность мысли, отсутствие даже отдаленного напоминания о вторичности, реминисцентности при выразительном наличии истинно гуманистической первоосновы сближают эту прозу с самыми лучшими произведениями русской литературы и прежде всего с «Севастопольскими рассказами» Льва Толстого. Обе эти вещи лежат в гуманистическом русле мировой литературы на тему войны.

При самых возможно чрезмерных допущениях трудно преувеличить его влияние на советскую поэзию послевоенных лет, да и прозу тоже. Вряд ли найдется другой в нашей литературе, кто мог бы с ним сравниться в воспитании более молодых русских и не только русских писателей. Произведения автора этих строк в свое время имели счастье тоже попасть на его редакторский стол. Проходя у него суровую по требовательности школу литературы, мы постигали высоту его идеалов, избавлялись от остатков провинциального верхоглядства, учились не бояться несправедливой жестокости критических приговоров. И когда такие приговоры случались, он не имел обыкновения бросать безоружного автора или поспешно лишать его кредита доверия. Наоборот: какая бы неудача ни постигла автора, если он поверил в кого, так уже не менял этой

своей веры и поддерживал, как только мог. Отступничество было не в его характере.

Литература создается не для одного дня и не для какой-либо очередной кампании — ее жизнь измеряется десятилетиями, и каждое произведение живет тем дольше, чем больше в нем заложено от правды народной жизни. Именно заботами о долговечности литературы и ее правдивости были проникнуты его известные выступления на партийных и писательских съездах, на встречах с журналистами и читателями. Отвечая на упреки некоторых критиков относительно его будто бы непричастности к романтическому течению в литературе, он говорил, что дело не в течении, а в каждом конкретном литературном произведении. И если это произведение захватывает душу, дает читателю живительную радость познания, «я меньше всего озабочен выяснением того — романтизм это в чистом виде или еще что-то. Я просто благодарен автору за хороший подарок, — говорил он. — Но когда мне преподносят что-то ходульное, где жизнь дается в таких условных допущениях “возвышенности”, что хочется глаза зажмурить от неловкости, и говорят, что это нужно читать, это романтизм, тогда я говорю — нет».

Он часто напоминал об известной в литературе истине, что главным критерием достоинства любой книги является степень обязательности ее появления в данное время. Отметая все формалистические трюки, хоть и не отрицая значения литературного эксперимента в целом, он решительно становился на защиту интересов читателя. В этом смысле он высоко ценил такие далеко не традиционные по форме, но полные социального значения произведения западной литературы, как «Чума» Альбера Камю, «Носорог» Эжена Ионеско, «По ком звонит колокол?» Эрнеста Хемингуэя, фильм «Евангелие от Матфея» Пьера Паоло Пазолини. Рассуждая на тему о неразрывности формы и содержания, он говорил, что безответственность, беззаботность к форме очень часто тянет за собой безразличие читателя к содержанию произведения, так же как и беззаботность содержания способна обернуться безразличием читателя к самой утонченной форме.

«Искусство мстительно, — говорил он. — Оно жестоко расправляется с теми художниками, которые сознательно или бессознательно изменяют его основным законам — законам правды и человечности».

[1985]

[ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ АНАТОЛИЯ СУЛЬЯНОВА «ХОЖДЕНИЕ ЗА СЕДЬМОЕ НЕБО»]

С первых дней существования советского государства жизнь и боевая деятельность его армии были в центре внимания советского народа. И это понятно: наша армия — это часть самого народа, активный выразитель его интересов. Искусство вообще и литература в частности в меру своих сил и возможностей всегда старались осмысливать в нравственном и историческом аспектах жизнь различных воинских подразделений, лучше познать и истолковать духовную сущность «человека с ружьем», надежного защитника свободы народа на самых переломных моментах его истории. И если в годы войны, в открытой схватке с врагом боевая деятельность армии у всех на виду и сам народ является участником этой схватки, то в мирное время дело обстоит несколько иначе; в силу ряда причин будничная жизнь армии и всех ее многочисленных ячеек, по существу, протекает скрытно, недосыгаемо для посторонних глаз. Это, однако, не уменьшает нашего интереса к ней, скорее наоборот, и мы благодарны любой сколько-нибудь удачной попытке рассказать, тем более осмыслить эту жизнь военных людей, от которых, в конечном счете, зависят безопасность страны и благополучие народа.

Удачных попыток в этой области, однако, не так много, как нам бы того хотелось, и одна из причин этого — недостаточность военного опыта у профессиональных литераторов и литературного — у кадровых военнослужащих.

Однако бывают и исключения из этой закономерности, случаи счастливого сочетания того и другого, когда книга написана автором, обладающим определенным литературным даром и, что особенно важно, — знанием военной службы, почерпнутым не понаслышке, не в результате журналистской командировки в войска, а тем, для кого это дело — призвание и судьба.

Именно такой книгой мне представляется повесть Анатолия Сульянова «Только одна ночь» — центральная в его новой книге.

Нет нужды представлять здесь этого уже известного в литературе автора, давно и плодотворно работающего в русской прозе и еще дольше того продолжающего службу в армии. Все, о чем пишет А. Сульянов, взято им из трудного, порой

драматического опыта военного летчика, излюбленные образы его книг — это люди современной армии, авиации, а их дела и заботы — самые насущные для военных людей сегодняшнего дня. Я не знаю в современной советской литературе другого автора, который бы с таким доскональным знанием и завидным проникновением в самое сокровенное писал о вооруженных силах страны.

Научно-техническая революция нашего времени не только преобразует жизнь народа, но также плодотворно влияет на деятельность, быт, оснащение и вооружение армии, выдвигая перед военнотружущими задачи такой сложности, что справиться с ними порой чрезвычайно трудно. Эта сложность еще увеличивается в условиях, когда овладение техникой, методами современного боя связано с каждодневной боевой готовностью, обязанностью в любую минуту отразить нарушение государственной границы как по суше, так с моря и в воздухе. Со все нарастающей трудностью этой задачи призвана справиться техника, автоматизация систем управления, в которых заместитель командующего генерал Лисицын видит надежное средство, способное выручить в любой обстановке. Командующий же Скорняков, отдавая должное технике, главную, если не решающую роль все же отводит людям — солдатам, офицерам, генералам, управляющим этой сложнейшей техникой. Примат человека как такового над всей технической линией повести является нравственно-философской концепцией автора, раскрывающего эту концепцию на ряде столкновений художественных образов, действующих в экстремальной обстановке нарушения государственной границы, прорыва самолетов противника в воздушное пространство страны.

Действие повести охватывает всего одну ночь, но время здесь предельно спрессовано в драматический поединок офицеров командного пункта с группой воздушных нарушителей, насыщено рядом сложных и волнующих моментов определения, анализа и принятия решения командующим. Драматизм обстановки усугубляется рядом неблагоприятных обстоятельств, случайных совпадений, когда самолет-разведчик из сил прорыва маскируется под рейсовый самолет и загадочным образом исчезает с экранов локаторов. Только всесторонний анализ специфических боевых данных, личная нравственная зрелость Скорнякова дают ему возможность избежать худшего и в то же время обнаружить всю ограниченность ставки Лисицына на техническую непогрешимость автоматизированной системы управления.

Генерал Скорняков — центральный персонаж повести, ее несомненная удача. Изображенный в трудный момент кризисной обстановки, потребовавший раскрытия всех его человеческих и профессиональных качеств, он полнее других проявляется в повести и подкупает честностью, прямоотой суждений и недвужинным умом — качествами, совершенно необходимыми для современного военачальника, имеющего дело с огромным воинским организмом, до отказа насыщенным оружием, сложнейшей электроникой и другой техникой. При всем том Скорняков ни на минуту не забывает о еще более ценной силе, которой обладает армия, — ее людях. Не все получилось как надо, в эту полную тревог и сомнений ночь, но неудачи не могут поколебать в Скорнякове главного — его веру в людей, с которыми он служит, в правоту дела, которым он занят.

А вот самонадеянный Лисицын впервые вынужден усомниться в непогрешимости своего идеала — техники и выпестованного им детища автоматизированной системы «Сапфир», которую он, кстати заметить, ввел в строй действующих в состоянии, далеком от совершенства. Теперь он вынужден объяснять этот свой промах интересами боеготовности, требованием времени, но в мучительном разговоре с собственной совестью все-таки вынужден признать, что поступал опрометчиво и не всегда бескорыстно.

В повести действует ряд других офицеров командного пункта, в основном это не очень молодые, заслуженные кадровые командиры и начальники армии, за плечами которых многие годы службы, послевоенного строительства и перевооружения армии, оснащения ее передовой техникой. Понятно и правомерно, что на этом длинном пути в личной жизни каждого случалось всякое, несомненные успехи порой чередовались с неудачами, а то и длительным невезением. Но всякий раз судьбу каждого определяло главное: непоколебимая верность избранному делу, преданность интересам народа, как бы драматично ни складывалась порой личная судьба. В этом отношении представляется значительной и важной для понимания диалектики образа полковника Седых его училищная история. К счастью, история эта заканчивается благополучно, хотя она и оставляет свой след в биографии боевого офицера. Но она еще более скрепляет старую дружбу Скорнякова и Седых, и эта дружба двух офицеров также является важным гарантом мощи и надежности армии.

Со много передумавшим и много пережившим за эту тревожную ночь расстанемся мы и с командующим Скорняковым,

который предстает в итоге нравственно обогащенным, несмотря на выпавшие на его долю неудачи или, может быть, благодаря им. И в этом сила таланта автора, проведшего героя через возвышающие его трудные испытания.

Повесть «Замполит», вошедшая в книгу, помимо других несомненных достоинств, ценна в определенной степени реализованным намерением автора создать цельный и сложный образ офицера-политработника, каким является на ее страницах подполковник Сухопаров. На протяжении одних суток читатель как бы становится незримым напарником героя в его беспокойной работе военного воспитателя, главной целью которого является формирование человека-воина, летчика, гражданина своей великой страны. Эта работа приносит свои положительные результаты, хотя и требует огромных усилий всего коллектива, настоящего творческого горения и высокой принципиальности заместителя командира по политчасти Сухопарова.

Герой повести «Хождение за седьмое небо» летчик Кременчук во время перехвата цели ночью оказывается в очень сложной, противоречивой обстановке. Считанные доли секунды были отведены ему на принятие решения... Машина и экипаж спасены. Но... надо доказать необходимость изменения конструкции самолета, хотя у председателя комиссии по расследованию необычного ночного полета свое мнение — во всем виноват летчик. И Кременчук начинает свой бой за утверждение справедливости...

Повести и рассказы А. Сульянова наполнены интересными персонажами, людьми ищущими, пытливыми, беспокойными, готовыми как пойти на выполнение самого сложного полетного задания, так и ринуться туда, где решается судьба человека, чтобы вовремя протянуть ему руку помощи... Они, несомненно, будут с интересом встречены читателями.

[1985]

1986

[ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО К ВОСПОМИНАНИЯМ АННЫ БЕЛЯЙ]

Это — бесхитростные записки из трудного первого года Великой войны, принадлежащие перу ее рядовой участницы, медицинской сестры Анны Ивановны Беляй. Здесь нет ни полководческого «охвата», ни лукавого умствования задним числом, зато здесь — честное свидетельство о собственном военном опыте, полном неудач, ошибок, но и того беспримерного героизма, которым на протяжении веков будет славен победивший народ. Анна Ивановна была медсестрой полковой санчасти, когда вместе с ранеными оказалась в трагическом окружении под Лубнами осенью сорок первого года, это рядом с нею и почти на ее глазах погибло командование Юго-Западным фронтом во главе с генерал-полковником Кирпоносом. Вместе с боевыми друзьями шестнадцатилетняя Аня Беляй выдержала все долгие недели боев и окружения и, израненная, обессиленная от голода и холода, пробилась к своим, пройдя сотни километров по занятой врагом украинской земле. Впрочем, об этом вы прочтете в самих записках, исполненных просто и лаконично, где каждое слово — факт.

Теперь уже факт нашей истории.

[1986]

[ИВАН ДРАЧ]

Я знаю Ивана Драча почти четверть века — половину всех прожитых им лет, и по возможности читаю все, что выходит из-под пера этого замечательного поэта, мыслителя, одного из самых лучших мастеров слова никогда не скудевшей талантами братней Украины. Когда-то нас познакомил, наилучшим образом представив его, наш общий друг, другой честный и напряженный мыслитель и столь же честный художник слова

Алесь Адамович, безукоризненный вкус которого к знакомству и дружбе общеизвестен у нас, в Белоруссии. Высокое мнение Адамовича об его украинском друге вскоре подтвердил незабвенной памяти Микола Платонович Бажан, который в одном конфиденциальном разговоре со мной, когда речь зашла о молодых украинских литераторах, сказал, что Драч — настоящий народный интеллигент, в избытке наделенный всем для того, чтобы стать великим поэтом Украины.

Наверное, это так. Во всяком случае в течение многих лет, за которые в нашем изменчивом мире столь многое изменилось в своем качестве, нередко вынуждая переоценивать недавние авторитеты, как и наше отношение к ним, человеческая и писательская репутация Ивана Драча лишь крепла и утверждалась прежде всего его замечательным творчеством, исполненным передовой современной философии и жизнеутверждающего народного пафоса. Я люблю его стихи, в которых всегда дышит подлинная поэзия, неподдельное человеческое чувство и, что, может быть, важнее всего, — напряженная живая мысль о времени и нашей скоропреходящей жизни. Иван Драч — достойный сын своего народа с его богатой и драматической историей, огромной культурой, что благодатнейшим образом отражается как в его творчестве, так и в его мировоззрении. И это прекрасно, если учесть к тому же, что поэтическое выражение его Я всегда исполнено с предельной человеческой искренностью, без позы и бравады.

Мне хотелось бы сказать еще о безупречном гражданском облике Ивана Драча, о его незамутненном чувстве причастности ко всем радостям и болям времени, когда это чувство выражается не только в его строках, но и не менее того — в его поступках. Приходится лишь завидовать живости его связей с проблемами огромной страны и ее республик — у него всегда достает внимания и сил, чтобы тратить их на многочисленные ближние и дальние поездки и работу — работу ради людей.

Так уж в нашей жизни заведено, что мы не часто встречаемся, а при тех редких встречах, что нам дарит случай, не имеем обыкновения говорить друг другу, может, о самом главном, что живет в сердце, — о нашем дружеском расположении, любви и преклонении перед мужеством и талантом. Чаще всего это лучшее уносим с собой, чтобы тихо пестовать в душе до новой, как правило нескорой, встречи. Пользуясь настоящим, действительно очень подходящим поводом, хочу нарушить эту не самую лучшую мужскую традицию и передать замечательному

певцу братской Украины, честному художнику страны, мыслителю и брату выражение моей искренней любви и уважения.

Живи долго, Иване, и пиши много.

Мы тебя любим!

[1986]

[ВЫСТУПЛЕНИЕ НА IX З'ЕЗДЗЕ СП БССР]

Мы жывём у час трывог ад страшэннай пагрозы вайны на знішчэнне, час — рысу, якая падзяляе існаванне чалавецтва на да- і пасляатамную эпоху і тоіць у сабе пытанне: ці наступіць наогул гэтая пасля-эпоха? Менавіта такі клопат-трывога нязбыўна жыве ў душах людзей, свядомасці цэлых народаў і накладвае незвычайны па ступені адказнасці абавязак на нас, працаўнікоў культуры.

Але культура можа нармальна развівацца толькі ва ўмовах міру, бо яна — прадукт цярымасці, суіснавання і адначасна фермент высокай чалавечай духоўнасці, якая толькі і можа цяпер супрацьстаяць усяленскаму ядзернаму шаленству. Яна — тое, што тонкай, але надта жывой і неабходнай ніткай злучае ў жыцці мінулае з будучым. Здаўна вядома, што сувязь часоў — не абстрактнае паняцце, гэта катэгарычная прадумова міру і паступальнага развіцця грамадства, і гора таму грамадству, дзе гэтая сувязь ірвецца. Утвараецца пустка, якую, як вядома, не трывае прырода; духоўная ж пустка не толькі спыняе развіццё нацыі, — яна адкідвае яго да нуля. І тады зноў патрэбны стагоддзі высілкаў, подзвігаў апосталаў духу, каб вярнуць нацыю і грамадства ў іх гістарычны рад. Прыкладаў такога роду безліч у гісторыі, мы мелі магчымасць назіраць іх на працягу нашага жыцця — у Азіі, Еўропе, у Лацінскай Амерыцы.

Так, сёння мы з'яўляемся сведкамі развітой эканомікі нашай рэспублікі, сельскай гаспадаркі, з'яўляемся ўдзельнікамі пэўнага развіцця нацыянальнай культуры. Мы маем права ганарыцца дасягнутым, але дух часу, задачы пераўтварэння, якія стаяць перад краінай, нарэшце, рашэнні XXVII з'езда КПСС абавязваюць нас найбольш гаварыць пра нашыя недахопы, якіх у нас таксама нямала.

Я хацеў бы перш за ўсё звярнуць увагу шаноўных калег на тую несумненную ісціну, што нашыя поспехі і няўдачы найперш звязаны з вечнаю праблемай літаратуры, якая хвалявала майстроў слова ўсіх часоў і народаў: для каго пісаць? Хто нас чытае? І калі ў чыста рытарычным плане заўжды ёсць выразны адказ на гэты пытанне, дык часам яго нестае ў свядомасці, у практычных справах пісьменнікаў. Канешне, на тое ёсць шмат прычын: гэта і яўнае зніжэнне ў наш час значнасці друкаванага слова, якое знаходзіцца ў стане жорсткай канкурэнцыі з тэлебачаннем і відэаэлектроннымі сродкамі, гэта і пэўнае звужэнне моўнага нацыянальнага арэалу, і павышаны тэмп жыцця, і славыты паток інфармацыі, ад якога ўжо нікому і нідзе няма паратунку. І тады шмат каму пачынае здавацца, што даволі абстрактнае паняцце «народ» найлепш атоесмяецца з надзвычай канкрэтным паняццем бюракратычных інстанцый — ва ўсёй багацейшай разнастайнасці іх праяўлення. Асабліва яшчэ, калі тыя інстанцыі могуць даволі адчувальна ўшчуваць прыгожае, але і далікатнае пісьменства. І з'яўляюцца творы, яўна разлічаныя на лёгкую «прахадзімасць», на тое, каб хутка дагадзіць тым, ад каго залежыць іхняя ацэнка да друку, у друку і пасля выхаду з друку. Але ў жыцці, на шчасце ці на бяду, шмат што адбываецца не так, як плануецца: чаргуюцца кампаніі, мяняецца начальства і ягоныя густы. А самае, можа, галоўнае — мяняецца сам час, і творы такога роду канчаюць сваё жыццё ў літаратуры раней, чым паспее выйсці збор твораў іх паважанага аўтара. І гэта зразумела, бо падобныя творы — не што іншае, як прадукт кан'юнктурага разліку, сезонны тавар шырспажыву, акт ператварэння высокае творчасці ў рамяство. Менавіта ў гэтым мне бачыцца прырода той самай шэрасці, параднасці і алілуйшчыны, якія з нейкага часу сталі пагражаю для літаратуры і аб якіх нямала гаварылася з трыбуны XXVII партыйнага з'езда. Канешне, гэта не адзіная прычына нашых заган, ёсць і некаторыя іншыя, але гэтая — безумоўны вынік разліку, аглядкі на ласку рэдактара, без меры прывярэдлівага Галоўліта, некаторых кансерватыўных (літаратурных і нелітаратурных) начальнікаў.

Аднак што ж вынікае з дадзенай акалічнасці, які ўрок можа засвоіць з яе літаратура? Мне думаецца, найперш той, што свой кожны радок, кожнае слова і вобраз пісьменнік павінен адрасаваць народу, выказаць ягоныя клопаты і ягоны боль і рабіць гэта з гранічнай праўдзівасцю. Могуць запытацца: а як уведаць пра гэтыя клопаты і гэты народны боль — з народамі жа не параіцца? На жаль, не параіцца, гэта праўда, але тут

трэба даверыцца таленту, калі толькі ён ёсць. (Талент, між іншым, тым і адрозніваецца ад няталенту, што выдатна адчувае народны клопат, бо сам ім жыве, а зусім не тым, што ўмее прыгожа апісаць усход сонца ці зіхаценне расы на аксамітнай траве, як нядаўна яшчэ лічылі некаторыя вучоныя кніжнікі.) Яшчэ трэба памятаць, што талент мае права гаварыць народу ўсю праўду пра ягонае існаванне, часам горкую і балючую праўду, якая ёсць у гісторыі кожнага народа. Канешне, няма ніякай гарантыі таго, што аўтара неадкладна засыплюць кветкамі (могуць закідаць і каменнем), але калі ягоная праўда з вялікай літары, дык пройдзе час, і яму той жа народ паставіць прыгожы помнік на самай прыгожай плошчы свайго сталічнага горада. Але гэта пасля, бо пры жыцці «нет пророка в отечестве своем» — ісціна, добра вядомая з часоў першых хрысціян, і кожны з нас, творцаў, павінен памятаць гэта.

Калі гаварыць яшчэ пра нашу беларускую літаратуру, дык мне здаецца, што пры наяўнасці несумненнага талентаў і сапраўды значных твораў ёй усё ж моцна шкодзіць пэўны рацыяналізм, галаўны, калі можна так сказаць, падыход да многіх з'яў жыцця і мастацтва. Асабліва прыкра, што гэты недахоп паступова, але няўхільна запаноўвае таксама і ў нашай паэзіі. Мала непасрэднасці светаўспрымання, арганічнасці пачуцця. Сярод вялікае колькасці паэтычных радкоў і зборнікаў апошніх гадоў дужа мала, аднак, водбліскаў той страсці, якая хвалюе свет, грамадства і якая заўжды так ярка вызначае вершы нашага старэйшага і заўжды маладога Пімена Панчанкі, ці няўрымслівага Генадзя Бураўкіна, ці чараўніка беларускага слова Рыгора Барадуліна, той мудрай шчырасці адчування, якая сціпла і добра жыве ў радках таленавітай Жэні Янішчыц, той нечаканай стыхійнай натуральнасці, што ёсць у вершах маладога Леаніда Галубовіча. Што датычыць прозы, дык, нягледзячы на паяўленне цэлага рада сапраўды добрых кніг на тэмы сучаснасці, вайны, публіцыстычных і драматургічных твораў, галоўная кніга накіштальт мележаўскай эпопеі яшчэ ўсё наперадзе. У нашай літаратуры застаецца белая пляма на месцы незабыўнага Уладзіміра Караткевіча, чалавечы лёс да якога, дарэчы, паставіўся так няўдзячна. Але, мабыць, так ужо заведзена на белым свеце, што да сапраўдных апосталаў добра і справядлівасці лёс заўжды ставіцца няўдзячна: перш іх распінае, каб затым узвысіць...

І тут я хачу кінуць папрок маладым, тым, што ўвайшлі ў літаратуру і ўжо набылі літаратурнае імя, а таксама тым, хто

ў яе ўваходзіць. Здаўна было так у нашай літаратуры, што яе аблічча ў значнай меры абнаўлялі маладыя, якія нярэдка, часам, можа, і залішне катэгарычна, адвяргалі пісьменніцкі кансерватызм старэйшых, смела ўрываліся ў трудную сацыяльнасць жыцця, даволі плённа для сябе, а галоўнае для літаратуры ўступалі ў жыццёвыя канфлікты сучаснасці. На жаль, цяпер гэтая справа выглядае інакш: некаторыя нашы маладыя самі дужа лёгка і ахвотна засвойваюць ахраніцельскі кансерватызм, уласцівы старэйшым пакаленням, і калі распачынаюць канфлікты са старэйшымі, дык зусім не на літаратурнай глебе.

Аднак будзем аптымістамі і не пакінем спадзявацца, што, перамогшы шмат што, пераможам і ўласныя загану. Адмовімся ад разліку, заўжды несумяшчальнага з высокім мастацтвам. Набудзем непасрэднасці і безагляднасці. Запомнім прытым, што сапраўдны талент рэдка разлічвае на міласэрнасць і палёжку, у сваім мастакоўскім лёсе ён мусіць прымаць усё, як належнае. Урэшце час і народ ацэняць па справядлівасці. Жыццё зменлівае, але народ вечны, як вечныя законы чалавечага існавання, над якімі мы не ўладарны. Мы можам хіба імкнуцца спасцігнуць іх логіку і адлюстраваць яе ў мастацкіх вобразах, тым саслужыўшы сваю духоўную службу грамадству, да якога належым, і Радзіме, у якой жывём.

[1986]

[ИНТЕРВЬЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ»]

— *Василь Владимирович, что вас сегодня радует и что особенно тревожит?*

— Радуют наметившиеся перемены в жизни общества, которых люди ждали и ждут, то, что начинаем наконец всерьез братья за бюрократов. Во всех газетах острые статьи на эту тему. А беспокоит все тот же бюрократизм, потому что, на мой взгляд, именно он стал одним из самых труднопреодолимых препятствий для развития нашего общества. Это очень живучее явление. Замечательно, что сейчас мы можем говорить о нем в полный голос и называть вещи своими именами, ибо без гласности нам еще долго не избавиться от этой застарелой болезни.

— *В военные годы, очевидно, бюрократов не было...*

— А куда же они подевались? Народ воевал с врагами, не с ними. Да и как было с ними воевать? Приказы приходилось выполнять не рассуждая. В окопах, конечно, бюрократизмом не пахло. Война — смертельная работа, и на передовой, во фронтовых госпиталях, в тылу у станков были ее мужественные труженики. А те самые бюрократы, которые в предвоенные годы «хорошо устроились», они и в эти суровые дни не очень пеклись о других и тут сумели извлечь выгоду для собственной персоны. Это же факт, что среди тех, кто говорит о себе, что «прошел войну от звонка до звонка», находятся подчас и такие, кому бы надо при этом добавить: «и ни разу не взглянул смерти в лицо». Ветераны великолепно знают, кто чего стоит. А новые поколения, естественно, не представляют, как это было. Кстати, о бюрократах на войне, о том, кто чего стоит, ведут разговор ветераны в моей новой повести «Карьер».

Под этим понятием, «бюрократ», я имею в виду не должность, но определенную психологию, которая может ужиться на любой без исключения должности.

Бумажные души, вскормленные циркулярами и директивами, свои конторско-канцелярские взгляды распространяют и на литературу. Литература, по их мнению, должна действовать по определенным правилам и на определенном пяточке. А остальная жизнь, которая за этими рамками, ее многообразие, многовариантность исключаются, потому что то — неприятно, то — неудобно, то — на руку недругу, то — не на руку другу...

Когда меня ругали за ту или иную военную повесть — мол, слишком сгустил, заострил, исказил, — и я спрашивал: «А разве так не было?» — мне объясняли: «Было. Можно рассказать и похлеще. Знаем таких-сяких, похуже вашего Сахно из “Мертвым не больно”. Но вспоминать-то сейчас об этом зачем?» Обычный, традиционный в подобных случаях вопрос, звучащий как запрет: «Было. Правда. Но зачем об этом писать?!» И мотивы выглядят самыми что ни на есть благородными: не способствует патриотическому воспитанию, расхолаживает молодежь и т. д.

Позиция писателя должна, на мой взгляд, сводиться к одному: говорить правду. Никогда правда не была препятствием ничему хорошему — ни нравственному, ни гражданскому, ни интернациональному становлению человека. И никогда в художественном произведении не может быть правды в избытке; слишком малая доля ее — бывает, а случается, к сожалению, что она и вовсе там отсутствует.

Мы много говорим сейчас о серости, а она, думается, — прямой результат бюрократического подхода к художественному творчеству, и ему мы обязаны выведением распространенного сорта литературы — «серая». У нас достаёт талантов, серьёзно мыслящих писателей, которые знают жизнь, видят истинное положение дел и стремятся служить литературе верой и правдой. Но усилиями перестраховщиков, которых заботило прежде всего их собственное спокойное существование, художественное освоение действительности направлялось по определённому руслу. Стоило только редакторам, издателям (не всем, разумеется, но, к несчастью, многим) наткнуться в рукописи на какие-то острые моменты, как в действие немедленно приводилась бюрократическая дробилка. Все размалывалось, размягчалось, обращалось в пыль. И попробуй не согласиться с таким вмешательством — произведение попросту не выйдет. Зато вещи безликие, «серые», которые никого и ничего не затрагивают, никаких проблем не поднимают, а только создают иллюзию их постановки, они обретали легкую, прямую дорогу — от первых быстрых публикаций до поддерживающих их рецензий, разного рода премий, поощрений.

Стараниями бюрократов воспитан и определённого рода читатель, которому и приятней, и привычней читать об успехах, чем о трудностях. Такая литература его весьма устраивала, потому что помогала соблюсти психологическое равновесие: в жизни чего-то недостает, что-то сделать сложно, а в литературе — пожалуйста: все как надо, как душа просит. Приученный смотреть на мир глазами героев, подобных «кавалеру Золотой Звезды» или «кубанским казакам», он не может согласиться с иным видением тех же вещей. Зачем ему острый взгляд на деревенские проблемы публицистов Васильева, Черниченко, Стреляного, какая от него радость? А боли он не желает. И действительно, ему бы легкий бег партизанской конницы, а тут Адамович с Климовым — «Иди и смотри».

Но в традициях подлинной литературы, подлинного искусства всегда была боль. У меня самое восхищённое отношение к «Печальному детективу» В. Астафьева. Это не роман, это крик изболевшейся души: «Доколе!» Здесь уровень правды, мера насыщенности фактическим жизненным материалом очень высоки. Он молодец, что написал эту вещь, потому что, когда работал над ней, надежды на публикацию, на то, что бюрократы ее не почистят, были мизерные. Ведь такой гражданский, прицельно критический пафос их усердием был почти изжит в нашей прозе.

Сейчас тревожит то обстоятельство, что люди, которые годами проповедовали, внедряли свои застойные взгляды, в том числе о литературе, после прошлогоднего апрельского Пленума ЦК КПСС, после партийного съезда сразу же стали заявлять о необходимости перестройки, делая вид, будто всегда только тем и были озабочены, что жаждали ее. И вот в этой связи я хотел бы сказать: существует, на мой взгляд, опасность, что это крайне необходимое, святое дело — перестройка — усилиями такого рода людей, ведущих в жизни «двойную бухгалтерию», будет утоплено в море слов, совершенно верных по форме, но в той же степени бездейственных по существу. Ибо говорить-то они будут, но палец о палец не ударят, чтоб дело сдвинулось с места. Скорее наоборот. Творчество их вряд ли изменится по своей сути, поскольку их литература — отстаивание консервативных, одряхлевших, даже подчас порочных догм. Но они на этом всегда стояли, будут пытаться остаться и впредь на освоенных позициях за пышной завесой из красивых слов.

Не у каждого писателя его творчество имеет жизненное, биографическое обеспечение. Не всякий может сказать: через это я прошел, сам все видел, испытал на «собственной шкуре». Когда один из читателей спросил у Быкова, как он собирает военный материал для своих повестей, прозаик ответил: «Он постоянно в моей душе, у меня нет нужды его собирать».

Фронтальная дорога Быкова к Победе, мы знаем, была нелегкой. Мать даже получила похоронку после боя под Кировоградом. Там, у деревни Большая Северинка, на братской могиле поставлен обелиск и среди других значилось его имя. Но он, к счастью, был не убит — тяжело ранен. А после госпиталя снова передовая и снова — «выливал кровь из своего сапога».

В военных повестях, будь они армейскими или партизанскими, Быков всякий раз использовал какую-то свою «фронттовую страницу». Как говорится в песне Б. Окуджавы, «...из собственной судьбы я выдергивал по нитке».

В «Знаке беды», отмеченном сейчас главной премией страны — Ленинской, В. Быков впервые предстал как автор и «военной» прозы, и «деревенской». Критика подчеркивала, что в этой повести «военная» и «деревенская» проза — разные ветви, особенно мощные на древе нашей современной литературы, — не только сблизились, но и срослись. Через судьбы деревни здесь повествуется о событиях войны, а войной проверяется то, что происходило в деревне в предыдущие десятилетия. Ориентируясь на строчку в автобиографии — родился

в 1924 году на Витебщине, в крестьянской семье, — можно предположить, что в «Знаке беды» автор «использовал» и эту свою деревенскую память о том, как жили люди в 30-е годы на его родной Ушачщине, которая стала в дни войны сплошным партизанским краем.

— Очевидно, это универсальная истина, что человек происходит из своего детства. Детство мое прошло в бедной белорусской деревеньке и по времени совпало с коллективизацией, с годами бурного перелома в крестьянской жизни. Эти события не только наблюдались, но и пропускались через детскую душу. А детская память, как известно, долгая, на всю жизнь. Многие черты процесса коллективизации у нас можно соотнести с тем, как это происходило по всей стране. Но тем не менее в каждом регионе была своя специфика и конкретика. В наших местах она, очевидно, состояла в том, что в отличие, скажем, от тихого Дона и, может быть, других краев у нас вообще не было кулаков. А раскулачивать требовалось. Выделить «мироедов» по земельному признаку не представлялось возможным — земли у всех было мало. И все же в деревне «раскулачили» троих, таких же бедняков, как все остальные. Собрался актив, прозаседали всю ночь, ломали голову, не зная, кого же выделить. Но потом обнаружили, что у кого-то не одна корова, а полторы — корова и телка, и его занесли в список раскулачиваемых. Другой в эту категорию был зачислен по признаку наемной силы; во время уборки ему помогала дальняя родственница. Третий тоже чем-то выделялся, например, у его кобылы имелся жеребенок. Я тогда ходил во второй класс, и у меня был один друг, семью которого раскулачивали. Они должны были уехать. Мальчик хвастался: «Мы поедем на поезде, далеко!», а я ему завидовал: «Почему моего отца не раскулачивают? Я бы тогда тоже поехал куда-нибудь далеко». Помню и такое. Надо сдавать семена в колхоз, чтобы засеять землю. И хотя создана комиссия, которая прошла по дворам и выгребла зерно буквально дочиста, все-таки собранного не хватало для посева, и возникли подозрения, что сдали не все, кое-что припрятано. И чтобы это припрятанное зерно не превратилось в муку, местные головотяпы разбили все жернова. Помню, как били наши. Вынесли верхний камень и грохнули его, куски бросили в крапиву. Отец сделал обруч, ночью скреплял им эти куски, молот кое-что, а наутро снова жернов разбирали и куски бросали на прежнее место в крапиву. Днем те же головотяпы ходили по селу и высматривали, на месте ли куски жерновов.

Конечно, подобное самоуправство бездумных исполнителей порождало неприязнь друг к другу, вражду. Ведь самочинствовали не какие-то незнакомые, пришлые люди, а свои, деревенцы. Среди людей, поколения которых от века к веку жили в одной деревне, роднились, возникли распри. Вдруг все рассыпалось, раскололось, и люди стали не просто недолюбливать друг друга, а жутко ненавидеть, потому как одни бедняки чинили насилие над другими бедняками. И притом, надо сказать, ненависть владела не только обиженными, но и обижавшими тоже, потому что они понимали: если не выполнят план, им будет худо, будут неприятности. Довоенное расслоение привело к тому, что какую-то часть населения стало легко настроить против другой части. И, конечно, немцы этим воспользовались в своих интересах. Кое-кто шел в полицию, как я понимаю сейчас, просто для того, чтобы свести счеты со своими же. Что такое фашизм, во что все это выльется, многие тогда и представить себе не могли. Это уже потом стало ясно, когда всю развернулся «новый порядок».

Степанида в «Знаке беды», бывшая батрачка, комбедовка, для которой коллективное хозяйство означало новую жизнь, светлый завтрашний день, с глубинным чувством правды, бескомпромиссной совестью протестует против псевдоактивистов-«перегибчиков». Бесстрашная поборница социальной справедливости в довоенной действительности, она становится мужественным мстителем, решительной воительницей, когда фашисты вторгаются на родную землю и наступает момент наивысших испытаний в жизни народа. Такие, как Степанида, не будут жить по уставу нелюдей. В «Знаке беды» выведены прекрасные образы непокоренных, не преступивших порога человечности честных тружеников, исповедующих принципы народной нравственности, этики, морали, показано зарождение народного сопротивления гитлеровским захватчикам, истоки подвига «маленького человека» — той капли, тех капель, из которых образовался грозный океан всенародного священного гнева.

В новой повести «Карьер», первая часть которой опубликована в апрельском номере «Дружбы народов», эта тема получила дальнейшее развитие.

Если в «Знаке беды» связаны воедино начало войны и годы довоенные, то в «Карьере», где сюжетное действие разворачивается тоже в двух временных планах, военное лихолетье проецируется на день сегодняшний с выходом к завтрашнему.

Герой повести Агеев через сорок лет приезжает в полесское местечко, где осенью 1941 года вместе с другими подпольщиками был расстрелян, но, упав в карьер, чудом уцелел. Теперь Агеев перекапывает этот заброшенный карьер в надежде разгадать тайну, мучившую его долгие годы, — погибла ли Мария, которую он тогда полюбил? Если и ее расстреляли фашисты, то, возможно, карьер даст ему об этом знать.

— Мне давно хотелось написать, как участник войны раскапывает братскую могилу, карьер или что-то другое, связанное с событиями его жизни, и одновременно идут «раскопки» в памяти, процесс реконструкции прошлого в его душе, в его сознании. Лучше всего это было сделать на материале подполья, потому что там по сравнению с фронтовой, даже партизанской жизнью многое не зафиксировано, не ясно, исчезло бесследно.

— *Если бы детективный жанр не был столь скомпрометирован пустяками в литературе, то я сказала бы, что вы написали военный детектив.*

— Сюжетная острота здесь нужна была. Человек оказался загнанным в угол. Полк, в котором он храбро воевал, был разбит, от армии он оказался отрезанным, к своим, подпольщикам, партизанам, толком не прибился — это с одной стороны. А с другой, очутился в зависимости от оккупационных властей, предателей. Противостоять им активно, с оружием в руках, как привык в армии, он не мог, поскольку был ранен, немощен. А тут еще появилась Мария. В этом двойственном положении ему трудно было оставаться самим собой. И я полагаю, что такая ситуация должна была привести к краху, к краю карьера. Я не был в подобном переплете, но знаю сходные случаи и много думал на сей счет. По психологической крутизне переживаний положение такого рода подпольщиков было ужасное, ведь они терпели постоянную зависимость от двух сторон. И надо еще иметь в виду, что Агееву не доверяли не только немецкие прислужники. Ему казалось, что и наши, узнав о том, что его навещает начальник полиции, тоже проявляют определенное подозрение. Без детективного обострения мне было бы не обойтись, потому что на другом материале и при другом характере действий я бы не смог сказать того, что мне хотелось.

Восстанавливая эпизод за эпизодом свою военную историю, Агеев не просто всматривается в себя тогдашнего, в собственные поступки, он устраивает добровольный самосуд.

Ситуация, в которую попал Агеев, разрешив Марии отнестись взрывчатку на станцию, вроде бы схожа с той, что была в «Круглянском мосте». Бритвин тоже решил отправиться на задание мальчику. Но Агеев — не Бритвин, пославший подростка на верную гибель и продолжающий спокойно жить. Агеева мучила совесть. Но он и не Волошин из «Его батальона», который еще в горячке жестокого боя думал о жизни как о главной ценности.

— Когда раненый Агеев попадает в оккупированное село, то стремится только к одному — наладить поскорее прочную связь с подпольщиками. Ничего не было важнее — даже собственная жизнь, — чем занять свое место в строю, в беспримерной борьбе с врагом, которая развернулась, захватила миллионы. И как только появились возможности для осуществления этой душевной потребности, он, не раздумывая, ухватился за них, а потом вовлек в свою историю Марию. Имел ли он право распорядиться ее жизнью? Тогда это его не тревожило, он был обеспокоен одним: вдруг подпольщики ему не доверяют? И в своем нетерпении, желании доказать, что он «свой», загубил Марию, а с ней вместе, может, и еще одну жизнь. Он был молод, горяч, не размышлял о цене поступков. Когда идет война, все подсчитывают: боеприпасы, оружие, транспорт, хлеб, — не дай бог без чего-то остаться. Если, скажем, по глупости лишился пулемета — это уже преступление, а что кто-то мог из-за тебя голову сложить — ну что ж, где война, там и смерть...

Отрезвление к Агееву пришло позже, и он вдруг с ужасающей ясностью понял, какова цена сделанного им шага. Ну что стоит какая-то корзина взрывчатки по сравнению с загубленной жизнью Марии, да еще к тому же с возможностью продления этой жизни. Но такие вещи открываются, конечно, по прошествии времени, в конце пути, когда человек уже одной ногой по ту сторону.

— *На одной из читательских конференций, отвечая на вопрос, что служит источником сюжетов ваших произведений, вы сказали: «Желание выразить какую-то идею, которая свербит в сознании». Можно ли сказать, что в «Карьере» такой идеей является мысль о самоценности жизни?*

— Героизм, долг, ответственность, самоотверженность... Обычно критика, разбирая мои предыдущие повести, выделяла в них психологическую разработку именно этих, очень важных на войне и, разумеется, не менее существенных в мирной жизни

ни нравственных понятий. В «Карьере» я пытался взглянуть несколько дальше, обратиться к фундаментальным ценностям человеческого бытия.

Непреодолимая ценность, может быть, самая важная — человеческая жизнь. Об этом стоит помнить всегда. Но сейчас — тем более, поскольку появилась опасность исчезновения человеческого рода. И хотя об этом в моей повести нет отдельных глав, но мотив такой в ней, думаю, существует, пробивается сквозь строки.

— *Еще драматичнее, чем у Агеева сложилась жизнь у другого героя повести — Семена Семенова. В фильме А. Германа «Проверка на дорогах» сержант Лазарев, очутившийся в той же ситуации, что и Семенов, искупая свою вину, героически погибает. А если бы не погиб, как бы жил дальше? Возможно, как и Семенов, очень нелегко...*

— У меня давно было желание рассказать о судьбе человека, которому выпало пройти все круги военного ада. Скажем, воевал на фронте, попал в плен, чтоб вырваться оттуда, записался в бригаду, которая должна была действовать против наших, удалось вырваться наконец к своим, а у них недоверие... все прошел, все испытал. Трагические это люди, такие, как Семенов. Вспоминая войну, я вижу, как мало значил тогда человек и как много значили обстоятельства. Самую что ни на есть правду пишет Адамович: каждый был волен только умереть, это было в его власти. Но если хотел жить — он не принадлежал себе. А человеку свойственно хотеть жить, и это врожденное свойство, естественное для каждого живого существа, фашизм использовал всюду. Чуть человек обнаруживал стремление выжить, как ему тотчас ставились условия, назначалась плата. Адамович в «Карателях» это великолепно показал,

— *Но и вы в «Знаке беды» тоже показали. И в «Карьере» наряду с подпольщиками Волковым, Кисляковым, Молоковичем действуют предатели Дрозденко, Ковешко. И Агеев пытается разгадать, почему люди становятся на путь измены...*

— Предательство — тема вообще интересная для искусства. Во Второй мировой войне проблема коллаборационизма оказалась весьма серьезной. Очень важно раскусить врага, каким был немецкий фашизм, но не менее важно понять, что же происходило с людьми, которые еще вчера были своими односельчанами, соседями, иногда родней. Конечно, от немецкого фашизма ничего хорошего ждать не приходилось. Однако на-

ходились люди, которые сразу же, в первые месяцы прихода гитлеровцев, пошли к ним на службу, стали полицией. Мне хотелось в художественной форме разобраться, почему такое могло произойти, выявить истоки предательского пути, социально-нравственный генезис падения. Есть на эту тему размышление в разных моих повестях, но более всего, конечно, в «Знаке беды» и в «Карьере».

Критика всегда отмечала, что прозу В. Быкова отличает острый интерес к общечеловеческим проблемам, максимализм в решении нравственных вопросов, сильная и уверенная мысль, не знающая страха перед «последними вопросами», способная проникать в моральную и философскую суть чрезвычайно сложной ситуации, чтобы извлечь из нее некий «урок». Все это характерно и для «Карьера», где среди других персонажей особый интерес вызывает образ Барановской, бывшей попадьи, которая помогает подпольщикам, прячет у себя командира Красной Армии.

— Совесть, сострадание, милосердие — нравственные начала, из века в век утверждавшиеся в людском мире. Наряду с темными сторонами, которые и дали основание считать религию «опиумом для народа», ею проповедовались и общечеловеческие ценности, важные для всех времен и народов. Когда в первые годы строительства новой жизни развернулась борьба с религией, то некоторые ретивые головы стали отмечать все подряд. Разумеется, тут были серьезные идейно-социальные мотивы, но что касается веками выношенной народной этики, духовности, нравственности — как можно от всего этого отрешиваться! В те же годы кричали: «Во имя нашего Завтра — сожжем Рафаэля, разрушим музеи, растопчем искусства цветы», но, к счастью, быстро спохватились, что допустить такое невозможно.

Мне представляется, что когда мы сегодня говорим о значении человеческого фактора в нашей жизни как о решающей силе в созидании, в обновлении действительности, то имеем в виду и идейную убежденность, и духовность, которая основана на совестливости, на внутренней порядочности. От умения жить достойно очень многое зависит в наше сложное, тревожное время. В конечном итоге именно наукой жить достойно определяется сохранение жизни на земле. Жить по совести нелегко. Но человек может быть человеком, и род челове-

ский может выжить только при условии, что совесть людская окажется на высоте и только с ее помощью станет возможно победить ядерное безумие.

*Беседу вела Ирина Ришина.
[1986]*

[ИНТЕРВЬЮ ГАЗЕТЕ «ВЕЧЕРНИЙ ЛЕНИНГРАД»]

— *Василь Владимирович! Пожалуй, все ваши коллеги, писатели-фронтовики, так или иначе обращались и к современной теме. А ваша новая повесть — опять о годах военных...*

— Я думаю, что писатель должен заниматься тем, что ему наиболее близко. Большая часть моей жизни связана с армией. Правда, до войны учился в Витебском художественном училище. (Живопись люблю до сих пор. Самое сильное нынешнее впечатление от Ленинграда — выставка из частных коллекций в Центральном выставочном зале.) Потом пришла война, окончил военное училище, служил сначала в пехоте, потом в артиллерии. После войны более десяти лет еще служил в армии. Тогда и написал первые рассказы. Хотя начинал я как писатель-сатирик, писал молодежные рассказы. На одном из конкурсов получил приз — будильник... О военной теме тогда не думал, даже не очень любил читать о войне. Слишком непохоже было многое, что тогда писалось, на мои ощущения от войны, не смыкалось с моим фронтовым опытом. Вообще, когда закончилась война, нам казалось, что в новой, мирной жизни памяти о ней не будет места — как о чем-то трагическом и тяжелом, люди о ней забудут. Но идут годы, и память тревожит все больше и больше, и чем дальше мы отдаляемся от тех лет, тем все более властно в наши думы и наши сны приводит война. Об этом и последняя повесть «Карьер», герой которой приезжает туда, где он когда-то был расстрелян фашистами и чудом остался жив.

— *Творчество каких писателей-фронтовиков вам наиболее близко?*

— Очень ценю талант ленинградца Даниила Гранина, дорожу его дружбой.

— *Вы уже встречались?*

— Нет, еще не звонил. Он сейчас работает, а я по себе знаю, как некстати бывают звонки и гости, когда работаешь. Но перед отъездом позвоню обязательно. Гранин — человек, тонко чувствующий жизнь, видящий ее во всех сложностях настоящего и прошлого. Он воевал в танковых войсках, а я хорошо знаю, что такое быть танкистом, гореть в танке.

— *Какие качества, на ваш взгляд, являются первостепенными для писательского труда?*

— Кроме таланта — абсолютная честность! Перед собой и правдой жизни. Жизнь сложна и часто толкает писателя на разные сиюминутные несообразности. Поэтому — мудрость. И еще писателю должна быть присуща твердость характера, которая не позволяет отступить от истины.

— *Истина... А что это для художника?*

— Как эстетическая категория для меня это жизнь во всем ее многообразии, во всей ее диалектической сложности. Но писатель берет что-то, что считает главным, и вышелушить это главное из жизненного многообразия — непросто. Мы говорим: правда времени. Понять вроде легко, но для литератора эту ясность надо претворить в образ, что требует проникновения в частности, подробности, которые как раз даются особенно трудно. Это всегда редкость. Главная сложность именно в освоении полноты правды жизни. Выдумка, ложь, формальные ухищрения даются легче, чем вроде бы элементарная, как говорили раньше, «сермяжная» правда. Диалектика в том, что художник одновременно — бесстрастный летописец и личность, субъективно жизнь интерпретирующая.

— *А как рождалась повесть «Знак беды», выдвинутая сейчас на соискание Ленинской премии, — замечательное по силе трагической правды произведение? Герои его пришли к людям со страниц повести, затем с театральных подмостков, скоро о них расскажет и кино...*

— Здесь реальных прототипов нет. Но я хорошо помню 30-е годы белорусской деревни и годы войны... Главное было — найти характеры. И полной мужества Степаниды, и мягкого, слабого Петрока. Как же так получилось, что мужчина и женщина вроде бы поменялись местами? Вся новейшая история очень круто расправлялась с мужиками. В этом виноваты война и прочие социальные катаклизмы. Боюсь, что XXI век принесет еще большее количество Петроков. А женщина в силу своей родовой предназначенности сопротивляется возрастающим нагрузкам, сохраняет самобытность.

— *Василь Владимирович! О чем бы вы все-таки написали, если бы обратились к дням сегодняшним?*

— Я когда-то хотел написать повесть, теперь уж, наверное, не соберусь, поэтому расскажу какую. Я хотел написать о том, как легко что-то утверждать и проповедовать и как трудно этой проповеди самому следовать в жизни. Наибольшая сложность для любого пророка — жить по законам своей проповеди. Это был вопрос и для Христа, и для Льва Толстого... Например, такой сюжет: учитель в школе внушает замечательные истины, воспитывает детей добрыми, самоотверженными. Среди этих детей — его сын. И в какой-то решительный момент он поступает, как его учили, — по совести. И погибает. Тут можно предположить разные обстоятельства. Но главное — что чувствует отец. Это вопрос неразрывности слова и дела: чтобы они не противоречили друг другу, требуются тяжелейшие, но необходимые усилия. Это — проблема важнейшая. Но об этом уже, наверное, не напишу. Моя тема — война. Я там лучше понимаю.

— *Все меньше остается людей, для которых Великая Отечественная — факт биографии. Значит, ваши книги — для тех, кто войну не пережил. Что прежде всего вы хотите сказать новому, послевоенному поколению?*

— Кто-то из философов сказал: главный урок истории в том, что люди не извлекают из нее никаких уроков. Каждое новое поколение обжигается на собственном горьком опыте, порой трагическом. С этим все-таки сегодня не хочется соглашаться. Во Второй мировой войне погибло 20 миллионов советских людей, 60 миллионов во всем мире. Очень дорогой урок. Но в следующей войне учиться будет некому — погибнут все. Это жестоко, страшно, но это правда. В знании истории, в знании страшной правды — спасение. Раньше каждая страна надеялась победить, сейчас мы знаем: победа невозможна. Важно понять это и остановиться. Идея мира должна овладеть человечеством. Как этого достичь? Это ведь почти чудо... И дело писателя — бить в свои колокола, проповедовать свою веру. И верить в чудо. Чудо человека.

*Интервью вел С. Шуб.
[1986]*

[ІНТЭРВ'Ю ДЛЯ АГЕНЦТВА ДРУКУ «НАВІНЫ»]

— Мне няма неабходнасці збіраць матэрыял для кніг. Ён пастаянна ў маёй душы. Усё, аб чым я пішу, так або інакш, але было.

— *Чаму вы пішаце пра вайну?*

— Я прадстаўнік забітага пакалення... Жорсткая праўда пра вайну павінна служыць людзям у іх нястомнай барацьбе за мір, супраць ядзернай катастрофы, якая пагражае ліквідаваць само жыццё на Зямлі.

Аб Вялікай Айчыннай вайне напісана шмат праўды. Але яшчэ не створаны твор, які паставіў бы кропку ў адлюстраванні ўсёй праўды пра вайну. Гэта праўда проста бяздонная.

Жах будзённай, невядомай смерці — адно з самых цяжкіх выпрабаванняў для чалавечай душы.

— *У чым вы бачыце значэнне ваеннай прозы для сучаснага чытача?*

— Перш за ўсё каб не дапусціць новай вайны. Нельга забываць страшэннага вопыту мінулай трагедыі. Асабліва важна, на мой погляд, убачыць у ваенным мінулым моманты, істотныя для сённяшняй самасвядомасці народа, сугучныя развіццю падзей у свеце. Гэта асноўная, хоць і не адзіная прычына, якая падахвочвае мяне весці размову з чытачом на матэрыяле вайны.

Апынуўшыся на сваім жыццёвым шляху перад выбарам, чалавек робіць яго самастойна. Аднак абавязак літаратуры так уплываць на свайго чытача, каб пры выпадку ён зрабіў свой выбар правільна, у адпаведнасці з тайнымі законамі маралі.

*Інтэрв'ю вёў М. Назарай.
[1986]*

[ГУТАРКА З ЧЫТАЧАМІ Ў ДЗЯРЖАЎНАЙ БІБЛІЯТЭЦЫ БЕЛАРУСІ]

— Як заўжды, прыемна сустрэцца з чытачамі, бо, мне здаецца, аўдыторыя ў бібліятэцы — самая кваліфікаваная ў галіне літаратуры. У бібліятэках адбываецца, калі можна так сказаць, гаворка прафесіяналаў. Я думаю, вы разумееце, што бібліятэкі ў наш час — гэта вельмі важныя ўстановы, ад якіх залежыць не толькі наша сучаснасць, але і наша будучыня. Акадэмік Ліхачоў не так даўно сказаў, што нават калі знікне ўся культура, школы, навука, але застануцца бібліятэкі, то яшчэ нічога не страшана, таму што іменна ў бібліятэках акумуляруецца ўся мудрасць часоў, уся навука, уся літаратура не толькі нейкіх пакаленняў, а наогул нацыі, здабыткі ўсёй сусветнай культуры. Калі гаварыць пра нашу беларускую літаратуру, дык трэба сказаць, што яна сёння ўзнялася да новай вышыні і што запасу для далейшага руху ў ёй яшчэ многа. І гэта зразумела. Тут гаварылі пра Быкава. Але, мне думаецца, у тым не толькі ягонае заслуга — тут заслуга ўсёй літаратуры, у якой быў запас росту, накоплены ў ранейшыя часы. І яна свой шлях развіцця прайшла ў кароткі тэрмін, у той час як іншыя, сталыя літаратуры ішлі гэтым шляхам стагоддзі, тым самым выпрацоўваючы вопыт, які прыгадзіўся і нам.

— *Што хвалюе цяпер вас, пісьменніка-грамадзяніна, пасля XXVII з'езда партыі?*

— Я думаю, што не толькі мяне, але ўсё грамадства, усё наша мастацтва, у тым ліку літаратуру, хвалююць зноў жа праблемы нашага жыцця і іх праўдзівае адлюстраванне ў мастацтве. Вы, мабыць, ведаеце, што апошнія дзесяцігоддзі жыцця склаліся такім чынам, што ў нашым мастацтве не хапала гэтай праўды. Усё было: нейкія гумар і сатыра, была філасофія, былі нават творы таленавітыя, напісаныя з бляскам, але мала было праўдзівых. Вось чаму, відаць, пасля таго, як выйшаў «Сумны дэтэктыў» В. Астаф'ева, усе раптам зразумелі, чаго не хапае літаратуры. Я вельмі высока цаню гэты раман, хоць у літаратурных, стылявых адносінах ён не бог ведае што, ён надта звычайны, градыцыйны, без усялякіх патуг на «изыск». Але затое там ёсць праўда з пачатку і да канца. там ёсць бязлітасная самакрытычнасць у адносінах да сябе, да часу, да жыцця народа. І гэта ўскалыхнула чытачоў, усё наша грамадства.

У гэтым сэнсе сучасная літаратура мае вялікія магчымасці — у адлюстраванні праўды нашага жыцця, праўды апошніх дзесяцігоддзяў. Я думаю, што творы такога плана будуць з’яўляцца і далей, тым больш што яны дазваляюць зірнуць цвярозымі вачыма на нядаўнюю гісторыю і на сябе. А гэта заўсёды карысна. Даўняя прымаўка гаворыць, што лепшы сродак паразумнець — гэта адчуць уласную дурноту.

— *Як вы ацэньваеце творчасць Івана Шамякіна, чым вы маглі б растлумачыць папулярнасць яго твораў сярод чытачоў?*

— Я думаю, што ў гэтым пытанні ёсць ужо і адказ. Іван Шамякін умее пісаць для шырокага чытача такім чынам, што кожнаму цікава: і старому, і маладому, мужчыну і жанчыне, рабочаму, інтэлігенту. У пэўным сэнсе Шамякін — аўтар універсальны. У яго заўжды ёсць сюжэт, знаёмыя вобразы, ёсць тое з жыцця, што лёгка пазнаецца чытачом. Да таго ж у Шамякіна — сучаснасць, і гэта самая, можа, найбольшая сіла ягонай прозы.

— *Як вы ставіцеся да праблемы прапаганды беларускай літаратуры? У чым цяпер актуальнасць гэтай прапаганды?*

— Я некалькі скептычна адношуся да самога паняцця прапаганды. Мне думаецца, што прапаганда, як рамяство ці мастацтва, у наш час па раду прычын страчвае свае былыя магчымасці, і таму сродкамі прапаганды дамагчыся чаго-небудзь канкрэтнага наўрад ці магчыма. У наш час найлепшы прапагандыст — гэта жыццё ва ўсёй яго разнастайнасці. Толькі рэальнае жыццё ўплывае на фарміраванне асобы, выпрацоўвае пэўныя густы, ідэалы, памкненні. Іншая справа, што гэтыя ідэалы часам празмерна прагматычныя, часам недастатковыя, а то і зусім непрымальныя. Але барацьбу з імі наўрад ці разумна весці як метадам забарон, так і метадам заклінанняў. Проста замест кепскіх ідэалаў трэба даць лепшыя. Канечне, мы даражым здабыткамі нашай нацыянальнай літаратуры, якая, як і кожная літаратура, з’яўляецца асновай, падмуркам кожнай нацыянальнай культуры. На жаль, склалася так, што ў прызнанні гэтага безумоўнага факта — доўгая і складаная праблема, якая цягнецца здаўна ў нашай гісторыі. Але ў адрозненне ад іншых перыядаў у даны момант мы не маем часу, каб яе вырашэнне адкласці на потым. Трэба неадкладна нешта рабіць, калі мы не хочам спыніцца ў сваім развіцці ці наогул застацца без нацыянальнай культуры.

— *Вялікае ўражанне аказаў на чытача вобраз Сцепаніды з апавесці «Знак бяды». Скажыце, калі ласка, як вы стваралі гэты вобраз? Ці ведалі вы такую жанчыну ў жыцці?*

— Я не магу сказаць, што ёсць нейкі прататып Сцепаніды. Усё-такі гэты вобраз пэўным чынам літаратурны, г. зн. збіра-

льны. Хаця такіх жанчын я ведаў у жыцці, таму стварыць яго было не складана. Яны былі і раней, а цяпер іх стала яшчэ больш — іменна такіх рашучых, бескампрамісных жанчын. Хоць я не сказаў бы, што гэта пашыраны тып беларускай жанчыны. Відаць, гэта ўсё-такі выключны характар, той, што некалі называлі новай жанчынай, выкліканай да жыцця новымі гістарычнымі ўмовамі. Так мне здаецца. Тым не менш я хацеў узяць іменна такую жанчыну, быць можа, трошкі нетыповую, але вобраз якой выражае нейкія важныя ідэі і для нашай гісторыі і для нашай сучаснасці.

— *Як вы ацэньваеце стан развіцця беларускай мовы на сучасным этапе? Ці не застануцца ў хуткім часе філолагі адзінымі чытачамі твораў на беларускай мове?*

— Я думаю, калі справа пойдзе так і далей, як яна дагэтуль ішла, то, канечне, застануцца адны філолагі. А можа быць, і філолагаў не застанеца. Адна толькі дыскусія ў «ЛіМе» паказвае, што мова — у небяспецы. Але тым не менш я ўсё ж думаю, што здаровы сэнс, нацыянальны інстынкт нейкім чынам адрэагуюць на небяспеку, і з дапамогай рашучых мер кіраўніцтва, грамадскасці становішча будзе выпраўлена. Бо іначай не можа быць. Другой разумнай альтэрнатывы гэтаму недамыслію я не бачу.

— *Адкуль бяруцца сюжэты для вашых кніг аб вайне, яны выдуманя або грунтуюцца на дакументальным матэрыяле?*

— Той, хто чытаў мае творы, мабыць, ведае, што там нейкага адмысловага дакументальнага матэрыялу або нават спасылак на дакументальны матэрыял няма. Гэта — цалкам літаратурныя творы, хаця, канечне, многія з іх вынікаюць з майго ўласнага ваеннага вопыту і прывязаны да пэўнага часу і пэўнага геаграфічнага месца. Але не ўсе. Калі гаварыць зноў жа пра вайну, кожны з нас ведае, чым вайна з'яўлялася для нашага народа ў нядаўнім мінулым і як многа яшчэ ў нашым жыцці, жыцці старэйшага пакалення і нават у маладзейшым пакаленні ад яе засталася.

Я думаю, што важныя ўрокі вайны яшчэ не выяўлены цалкам, не выпрабаваны мастацтвам. Тэмы вайны яшчэ хопіць надоўга. І не для аднаго пакалення пісьменнікаў.

— *Скажыце, калі ласка, як вы ацэньваеце месца беларускай літаратуры ў сусветным літаратурным працэсе?*

— У сусветным літаратурным працэсе мне цяжка ацаніць, таму што я не надта дасведчаны наконт сусветнага літаратурнага працэсу. Я не вывучаў гэтую тэму, гэту праблему спецыяльна. Але я так думаю, што беларуская літаратура займае

вельмі прыкметнае месца ў сучаснай савецкай літаратуры. А сучасная савецкая літаратура займае зноў жа пэўнае месца ў кантэксце ўсёй сусветнай літаратуры. Але якое месца? Мне думаецца, адказ на гэтае пытанне павінны даць спецыялісты на аснове, відаць, нейкага навуковага вывучэння. Не ведаю, займаецца навука гэтым ці не, хаця павінна б займацца ў наш час. Скажу толькі, што вось я нядаўна быў за мяжой, а іменна ў Францыі ў Парыжы, і адзін факт мяне ўразіў вельмі непрыемна. Там у Сарбоне ёсць інстытут усходніх моў, у якім вывучаюцца ўсе ўсходнія мовы. Найперш усходнееўрапейскіх народаў: польская, чэшская, славацкая, балгарская, румынская, мовы народаў Савецкага Саюза: эстонская, латышская, літоўская, украінская, мовы Каўказа, Сярэдняй Азіі. Сярод гэтых моў не знайшлося месца толькі для беларускай мовы. Чаму так — ніхто адказаць не можа. Я думаю, што гэты факт усётакі сведчыць і пра няўвагу да нашай літаратуры.

— *Беларуская літаратура вельмі дрэнна чытаецца. Мы, бібліятэкары, гэта адчуваем. Але лічым, што не толькі мы ў гэтым вінаваты. У чым, па-вашаму, усё-такі прычына?*

— Канечне, не толькі бібліятэкары ў тым вінаваты, гэта безумоўна. У гэтым шмат хто вінаваты. Прычын тут многа, прычын рознага характару. Тут і аб'ектыўныя прычыны, якія выкліканы недалёнабачнай палітыкай з боку кіраўніцтва, прычыны, якія ўзніклі самі па сабе, спантанна ў выніку пэўных адносін шырокіх народных мас да свае культуры. Прычыны таксама ў пэўнай частцы інтэлігенцыі, якая мяркуе, што значна падыме свой культурны ўзровень, калі адмовіцца ад нацыянальнай спадчыны. Але адмова ад спадчыны, ад каранёў ніколі і нікому не прыносіла карысці. Я ўжо не кажу пра маральны аспект гэтай з'явы. У тым, што беларускія кнігі чытаюць горш, чым кнігі на іншых мовах, вінаваты, безумоўна, і пісьменнікі, наша літаратура, якая ў апошнія дзесяцігоддзі не дала твораў, якія б захапілі сэрцы і душы сілай праўды выкрыцця ці праўдай ідэалу. Мы ўсё ілюстравалі, падхоплівалі пачыны і пляскалі ў ладкі там, дзе трэба было б цвяроза азірнуцца і ацаніць па вартасці шмат якія праблемы.

— *Якім, на вашу думку, павінен быць сучасны раман? Вашы адносіны да дыскусій пра раман у «Літаратурной газете»?*

— Была такая дыскусія, але, я думаю, не надта ўдалая. Таму што ўжо сама праблема тут, я б сказаў, не самая важная. Роман — адзін з галоўных жанраў кожнай літаратуры. Таму ён, безумоўна, павінен існаваць і развівацца. Але, калі гаварыць па шчырасці, справа не ў жанры, і не ў жанры рамана ў пры-

ватнасці. Усё ж у літаратуры, як і ў мастацтве наогул, важней за ўмоўны жанр — канкрэтны твор. І зусім не важна, да якога жанру ён належыць. Скажам, Дастаеўскі пісаў раманы, а Чэхаў раманаў не пісаў. Аднак гэта не значыць, што нехта з іх мае над другім перавагу. Твор можа мець пэўныя адзнакі пэўнага жанру, а можа і не мець ніякіх. Але ён павінен быць харошы. А да якога жанру ён адносіцца, гэта пытанне другараднае.

— *Вашы адносіны да рамана Чынгіза Айтматава «Плаха», у прыватнасці да яго героя Аўдзія?*

— У адрозненне ад думкі многіх крытыкаў, якая была выказана ў друку, я лічу, што «Плаха» — раман добры. Нават выдатны раман. Сапраўды, калі не «мудрствовать лукаво», а падысці да яго проста, з пазіцыі звычайнага чытача, не шукаць там крыміналу, а ўважліва прачытаць тэкст, дык няцяжка ўбачыць, што роўнага гэтаму рамана ў нас проста няма. Раман таленавіты, своеасаблівы і ва ўсіх сэнсах варты ўвагі. Можа, канечне, там не ўсё зроблена выдатна, паколькі ён шматпланавы, шматхарактарны, шматпраблемны; некаторыя рэчы там пакідаюць уражанне нявысветленасці, незавершанасці, можа, некаторай неабгрунтаванасці. Затое колькі там дасканаласці. Вазьміце толькі ваўкоў. Аўдзій таксама персанаж нечаканы для нашай літаратуры, свежы і надта змястоўны сваёй рэдкай духоўнасцю. І таму, за якімі-небудзь невялікімі выключэннямі, я стаўлюся да гэтага рамана з вялікай павагай.

— *Вы нядаўна былі ў Францыі, якія вы адчулі адносіны да нашых пісьменнікаў і літаратуры?*

— Цяпер справа ў гэтых адносінах склалася так, што мы заходнюю літаратуру ведаем лепш, чым Захад ведае нашу. Гэта, аднак, адносіцца не толькі да літаратуры, але і да культуры наогул. У нас, напрыклад, куды больш друкуецца перакладной літаратуры і фільмаў ідзе больш, скажам, французскіх, чым нашых у Францыі. Гэта значыць, мы заходнюю культуру спажываем колькасна больш, чым гэта робяць на Захадзе ў адносінах да нашай культуры. Я не хачу тут гаварыць аб прычынах, чаму так атрымалася — прычыны розныя і іх шмат. Я магу толькі сказаць, што тамашняя, скажам, шырокая ўніверсітэцкая аўдыторыя, з якой я сустракаўся, нашай сучаснай літаратуры не ведае. Студэнцкая моладзь знае нашу класіку, рускую эмігранцкую літаратуру, якая там выдаецца. Сучаснай жа савецкай, у тым ліку і беларускай, там проста не выдаюць. За апошнія, можа быць, 15 гадоў у Францыі выйшла 2 кніжкі Івана Навуменкі — яго літаратуразнаўчыя працы пра Янку Купалу і Якуба Коласа (па лініі ЮНЕСКА) і дзве мае кніжкі. Вось і ўсё, што там выдадзена.

— *Хто з маладых пісьменнікаў вам больш падабаецца і за што?*

— У нашым беларускім Саюзе пісьменнікаў ужо каля чатырох соцень членаў. З іх нямала і маладых, прынятых у Саюз за апошнія дзесяць гадоў, і ў іх ліку ёсць выдатныя пісьменнікі. Я не магу пералічыць усіх выдатных, але назаву тры прозвішчы, якія я вельмі люблю. Найперш гэта — Уладзімір Арлоў з яго апавяданнямі на гістарычныя тэмы. Другі аўтар таксама майстра гістарычнага жанру, я маю на ўвазе Кастуся Тарасава, які ўжо напісаў выдатныя кнігі. А з маладых паэтаў я хачу назваць таленавітага Леаніда Галубовіча.

— *Як вы адносіцеся да жанру, які выбрала журналістка С. Алексіевіч?*

— Я заўжды ўспамінаю гэта імя, калі адказваю на пытанне, ці можна маладым людзям, якія нарадзіліся пасля вайны, пісаць пра вайну. Канечне, пісаць можна пра ўсё і ўсім. Але ўся справа ў тым, што пісаць трэба хораша. І тут я сумняваюся, каб людзі, якія нарадзіліся пасля вайны і не ведалі яе па ўласным вопыце, а ўражанні аб ёй узялі з літаратуры, кіно, тэатра, каб гэтыя людзі змаглі стварыць штосьці значнае на тэму вайны. Але вось ёсць выйсце, вельмі харошы спосаб і харошы жанр літаратурна-дакументальнага даследавання, з якім выступіла С. Алексіевіч. Тое, што зрабіла яна, цяжка пераацаніць, яна зрабіла вялікую справу ў беларускай і савецкай літаратуры наогул. Гэта ёй нялёгка далася, я ведаю, як гэта пісалася, збіралася. Друкавалася. Затое цяпер яна пажынае плён заслужанага поспеху.

— *Якую праблему лічыце найважнейшай? Што як пісьменнік і грамадзянін робіць для яе вырашэння?*

— Ведаецца, наш час вельмі складаны. Таму вылучыць нейкую адну праблему між іншых праблем не толькі цяжка, але, я думаю, і немагчыма нават ва ўмовах суцэльнай камп'ютарызацыі; нават і самы дасканалы камп'ютар не адкажа на такое пытанне. У нас па розных прычынах стваралася столькі праблем, што зараз іх, мабыць, і выявіць усе немагчыма. І ўсе яны ў складанейшай узаемасувязі між сабой, так звязаны адна з другой, што варта пацягнуць за адну, як цягнецца бясконцы вузел, і толькі намаганнямі ўсяго грамадства, мабыць, можна нешта зрабіць у сэнсе іх вырашэння.

— *Як вы разглядаеце праблему гераічнага і драматычнага ў наш час у абстаноўцы галоснасці, што разгарнулася ў нашай краіне?*

— Праблема гераічнага ў наш час, як бы яна ні разумелася, не можа перакрыць сабой іншай праблемы, а іменная — навукова-тэхнічнай адказнасці службовых асоб, пагарджэнне якой нярэдка з’яўляецца прычынай драматычных, а то і трагічных з’яў. Не можа перакрыць ужо хоць бы таму, што першая праблема нярэдка вынікае з другой, а другая з’яўляецца першапрычынай і таму патрабуе ўсебаковага вывучэння яе прыроды, раскрыцця перад грамадствам усіх фактаў таго ці іншага прыкрага здарэння, абнародавання канкрэтных прозвішчаў. У тым, вядома, найпершы абавязак галоснасці, якая ў наш час усё яшчэ не пазбавілася тэндэнцыі да яе дыферэнцыраванага ўжытку. Так, мы на другі ж дзень даведаемся, колькі чалавек экіпажа загінула ў выніку чарговай катастрофы самалёта «Спітфайер» (у ФРГ), але задавальняемся фармуліроўкай накшталт: «маюць месца чалавечыя ахвяры», калі справа датычыць катастрофы на шахце. Або ад ніжэйшых звёнаў улады мы патрабуем поўнай праўды аб іх учынках і дзеяннях, у той час як вышэйшыя даюць гэтую праўду ў дозах, імі самімі вызначаных. Наша тэлебачанне дэманструе такі падыход кожны раз, калі з адказамі на пытанні тэлегледачоў выступаюць міністры, кіраўнікі ведамстваў і ўстаноў. Іншы раз нават цікава назіраць, колькі вытанчанага красамоўства траціць выступаючы, каб толькі не адказваць на элементарнае пытанне гледача. Мне думаецца, што такі падыход да прынцыпу галоснасці ёсць не што іншае, як замаскіраваная барацьба з ёй, і партыя справядліва заклікае рашуча пераадолець гэты застарэлы недахоп нашага грамадства.

— *Як вы лічыце, ці мае права беларус, які размаўляе на рускай мове, называць нацыяналістам беларуса, які гаворыць на роднай мове?*

— Я думаю, што ўсе мы разумеем розніцу паміж нацыяналістам і патрыётам. Для мяне, напрыклад, гэтыя паняцці адрозніваюцца між сабой воль чым. Патрыёт любіць свой народ, сваю Радзіму, культуру і з павагай адносіцца да культуры суседзяў. А нацыяналіст не так любіць сваё, як ненавідзіць чужое — чужы народ, чужую мову, чужую культуру. Воль у гэтым самая вялікая і прынцыповая розніца паміж імі. Таму, я думаю, у дадзеным выпадку мае месца нейкае непаразуменне, калі не «злой умысел», кажучы па-руску.

— *Вашы адносіны да сучаснай моладзі? У чым вы бачыце асаблівасць яе жыцця?*

— Даўно вядома, што старэйшыя заўсёды крытыкавалі моладзь. Так было ў даўнія часы, яшчэ ў антычнасці, так і цяпер.

Але справа ў тым, што моладзь заўсёды не бывае падобнай на старэйшых, што і выклікае прэтэнзіі апошніх. Але ж іменна гэта непадабенства і з'яўляецца перадумовай руху чалавецтва на шляху прагрэсу. Калі б было інакш, дык грамадскае жыццё спасціг бы беспрасветны застой. Таму я думаю, што ўвогуле старэйшым пакаленням трэба прыняць маладых такімі, якія яны ёсць. Канечне, я не хачу тым сказаць, што наша моладзь — роўненькая, слаўненькая, не мае сваіх праблем і сваіх заганаў. Але скажыце, хіба старэйшыя пакаленні не маюць сваіх недахопаў? Ды ў самарэгулюючым грамадстве ўсё ў рэшце рэшт выраўніваецца. Усё прыходзіць да нейкага ладу і гармоніі.

— *У чым вы бачыце асновы сучаснай сям'і?*

— Усё ў тым жа, што і тысячу гадоў таму. Мне думаецца, што асновы сям'і склаліся даўным-даўно. І яны не надта змяняюцца на працягу стагоддзяў. Нельга думаць, што асновы сучаснай сям'і ў корані адрозніваюцца ад асноў сям'і XIX стагоддзя. Больш таго, нават сацыяльны прагрэс і НТР найменш уплывалі на гэтыя сферы. Асновы сям'і, відаць, заключаюцца ў імкненні ўсіх яе членаў у адным кірунку, а іменна — да ўмацавання, развіцця ўзаемаадносін, спасціжэння спрадвечнай асалоды кахання. Але калі гэтыя імкненні будуць рознакіраванымі, то сям'і не можа быць. Для таго, каб склалася харошая сям'я, трэба многа супадаючых даных. А каб яна распалася, дастаткова мець нейкую адну даную, якая не супадае.

— *Вашы адносінны да сучаснай літаратурнай крытыкі. Ці ўсё яна робіць, каб палепшыць стан сучаснай літаратуры?*

— Я думаю, што крытыка робіць многа. Праўда, у апошнія дзесяцігоддзі крытыка стала вельмі спагадлівай, кампліментарнай. У газетных рэцэнзіях, часопісах звычайна друкаваліся адны панегірыкі — нават і на слабыя творы. Гэта кепска. Але, я думаю, наўрад ці будзе лепш, калі ўсё стане наадварот. У апошні час паявіліся вельмі крытычныя артыкулы, і што ж мы ўбачылі? Шэрую літаратуру яны па-ранейшаму мінаюць, а вось раман Ч. Айтматава адразу трапіў пад крытычны агонь. Але што, гэта самы горшы раман? Гэта якраз самы лепшы раман. У сучаснай крытыцы дзейнічае надта шмат рознахарактарных сіл, якія здзяйсняюць сябе не лепшым чынам. А літаратарам хацелася б разумнай сярэдзіны, аб'ектыўнай памяркоўнасці.

— *Як вы ставіцеся да сучаснага чытача? На якое пакаленне вы арыентуецеся, калі пішаце творы пра вайну?*

— Вельмі часта задаюць такія пытанні. Але я адношуся да тых пісьменнікаў, якія не робяць у гэтым сэнсе ніякага разліку.

Я не пішу для нейкага пэўнага чытача з пэўнай арыентацы-
яй. Я пішу наогул, для ўсіх, хто хоча мяне чытаць. Імі могуць
быць і ветэраны, і пенсіянеры, моладзь, студэнты, школьнікі,
рабочыя, калгаснікі. Усім, каму цікава, няхай чытаюць. Я ары-
ентуюся на свой густ, свае магчымасці і, канешне, на праўду,
якой яе разумею і бачу.

— *Вашы творчыя планы?*

— Не надта прыемна гаварыць пра свае няздзейсненыя пла-
ны. У адрозненне ад эканомікі, дзе ўсё плануецца на пяць гадоў
наперад і на перыяд аж да 2000 года, творчасць пісьменніка
пакуль што сугуба індывідуальная і бяспланаваная. І, як ні дзіў-
на, гэта дае пісьменнікам пэўныя магчымасці і нават перавагі.

Гутарку запісала Людміла Козіна.

[Снежань 1986 г.]

[ВЯЧАСЛАЎ КАНДРАЦЬЕЎ]

Ярка і нечакана разгарэўся літаратурны талент Вячаслава
Кандрацьева, які за кароткі час пакарыў сэрцы чытачоў вы-
датнымі кнігамі аб мінулай вайне, і сярод іх, вядома, самы
знакаміты ягоны «Сашка». У ім — ліхаманка баеў, горыч страт
і радасць перамогі, — маленькі краёчак салдацкай праўды аб
вялікай вайне. Пасля ў В. Кандрацьева было яшчэ некалькі
аповесцяў, ад якіх нязменна веяла гарачай атмасферай вай-
ны, а праўда характараў іх зрабіла аўтара шырока вядомым у
нашай літаратуры.

Але В. Кандрацьеў, апроч аповесцяў, вядомы яшчэ і як кі-
насцэнарыст, драматург, аўтар не менш цудоўных аповядан-
няў, адно з якіх друкуецца ніжэй¹. Гэта не вайна, гэты першы,
нялёгкі пасляваенны час, у які былыя салдаты часам метадам
спроб і памылак шукаюць свой шлях у мірнае жыццё. У цэ-
нтры аўтарскай увагі — праўдзівы вобраз былога разведчыка
Гошкі, што прыехаў у разбураны Мінск 47-га года, каб знайсці
тут прытулак, працу і сваё чалавечае шчасце. Аповяданне дру-
куецца ў дабротным перакладзе, які належыць пяру Леаніда
Казыры і выдатна перадае лёгка і дакладны стыль аўтара.

[1986]

¹ Аповяданне «Гошка, былы разведчык».

[ВЫСТУПЛЕННЕ НА СХОДЗЕ, ПРЫСВЕЧАНЫМ 150-М УГОДКАМ З ДНЯ СМЕРЦІ АЛЯКСАНДРА ПУШКІНА]

Пушкін — адна з вярышнь сусветнай культуры, нязгасны светач духоўнасці — пражыў недаўгое, складанае жыццё, надзвычай багатае ўрокамі для людзей і для чалавецтва ў цэлым.

Ён належаў да тых волатаў духу, якіх у свой час або шчыра любілі, або гэтак жа шчыра ненавідзелі. У адносінах да яго размежаванне было гранічнае: або — або.

Дзеля справядлівасці трэба зазначыць, што гэтаксама адносіўся да свету, у якім жыў, і сам Пушкін. Адных ён усім сэрцам любіў (сяброў па ліццю, некаторых разумных дам і немітуслівых літаратараў, проста шчырых, адкрытых людзей), другіх ненавідзеў (пустых царадворцаў, безгаловых чыноўнікаў, цэнзараў, традыцыйна ўсёмагутную ў Расіі тайную паліцыю).

Вядома таксама, што Пушкін недалюбліваў сентыментальныя раманы і велерэчывыя гістарычныя сачыненні. «Ни наших университетов, ни наших театров Пушкин не любил», — сведчыць адзін з яго блізкіх сяброў Павел Воінавіч Нашчокін. Дзіўна, але чалавек высокай культуры, майстра слова, ён не так ужо шанаваў прозу. Ёсць яго асабістае сведчанне, якое ў перадачы ягонаў сяброўкі Аляксандры Андрэеўны Фукс гучыць так: «Как жалки те поэты, которые начинают писать прозой; признаюсь, ежели бы я не был вынужден обстоятельствами, я бы для прозы не обмакнул пера в чернила». Калі гэта сапраўды так, дык чалавецтва ўдзячна тым яго «обстоятельствам», якія так ці інакш былі ім перажыты; мы нават удзячны тым невясёлым абставінам, якія затрымалі паэта на некалькі тыдняў у далёкім Болдзіне і тым садзейнічалі нараджэнню бесмяротных радкоў ягонаў прозы — маленькіх аповесцяў і маленькіх трагедый. Цяпер ужо няважна, як да гэтага ставіўся сам аўтар, які, дарэчы, схваўся тады за прыдуманым іменем Івана Пятровіча Белкіна і нават сачыніў яго псеўдабіяграфію,

няважна, што некаторыя з сяброў сустрэлі паяўленне ягонай прозы ў друку без асаблівай радасці, нават малаважна і тое, што разумны і праніклівы Бялінскі назваў іх не вартымі ні таленту, ні імені Пушкіна. Час паказаў, што Пушкін стварыў шэдэўры, значэнне якіх ніколі не зменшыцца.

Пушкін з'явіўся вялікім рэфарматарам літаратуры, усіх яе жанраў. Ён пераўтварыў тагачасную літаратурную мову, паэзію і, канешне ж, не мог абысці сваім наватарствам прозу.

Вядома, што проза — гэта перш за ўсё мова ў яе жывой натуральнасці, не перасаджаная з французскай ці якой-небудзь іншай, не штучны сурагат, а народная і жывая, якой тады не шмат было ў пецябургскіх салонах, — затое ёю поўнілася народная стыхія, расійская глыбінка. Пушкін быў першы з расійскіх літаратараў, хто не пабаяўся шырока пусціць яе, заняў баню і пагарджаную, у расійскую славеснасць, у сваю паэзію, а затым і ў прозу — ад «Арапа Пятра Вялікага» да несумненнага пушкінскага шэдэўра, знакамітай «Капітанскай дачкі». Ён жа затым і сфармуляваў яе славу тае неўміручае крэда: «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат».

Урокі Пушкіна-празаіка так ці інакш адбіліся на творчасці геніяў сусветнай літаратуры, але найперш рускай. Лермантаў, Гоголь, Талстой, Чэхаў, Бунін тварылі пад несумненным уплывам Пушкіна. Ягонага ўплыву ў гэтым сэнсе не абмінуў ніводзін з сур'ёзных беларускіх пісьменнікаў, асабліва ў ранейшыя дзесяцігоддзі. (Гэта цяпер мы распісаліся, і не столькі думак у нашай прозе, колькі слоў. І тамоў.)

Але Пушкін вялікі не толькі паэтычнымі ці празаічнымі ўрокамі. Усё ягонае жыццё — змястоўнейшы ўрок этыкі, годнасці і маралі. Нават ягоныя чалавечыя слабасці — урок для многіх пакаленняў пісьменнікаў, дзеячаў культуры.

Ён быў волатам духу і заставаўся звычайным чалавекам свайго складанага часу. Ён не любіў царскі двор, але не меў сілы адмовіцца ад пакутніцкага жыцця пры ім. Вядома, што за якіх два гады да сваёй гібелі ён падаў прашэнне аб адстаўцы і нават атрымаў дазвол ад цара, ды забраў тое прашэнне назад. І мы цяпер думаем, як бы, мусіць, інакш склаўся ягоны лёс, калі б ён выйшаў у адстаўку, паехаў з сям'ёй у сваё Міхайлаўскае... Але не, умяшаліся сябры, і з іх самы лепшы — Жукоўскі. Як гэта нярэдка бывае — з самых лепшых пачуццяў і найлепшых жаданняў. Але тое ўмяшанне павяло паэта прамой дарожкай да гібелі.

Вядома, што жыццё і гісторыя багаты на крутыя павароты і нечаканасці, далёка не ўсё ў іх можна прадугледзець нават у наш камп'ютарызаваны век. Часам не ўсё разумеў і Пушкін. Як сведчаць сучаснікі, ледзь не да апошніх гадоў жыцця ён як бы саромеўся звання літаратара, «сачыніцеля», як тады гаварылі. Ён хацеў быць патомным расійскім дваранінам, належаць да знаці. Ён невысока ставіў Акадэмію славеснасці, да членаў якой належаў, і дбаў пра членства ў Акадэміі навук, куды яго ўпарта не пушчаў сам міністр асветы граф Увараў. Шмат год не хацеў верыць Пушкін у сваю вялікую нацыянальную місію, якая зрабіла бессмяротным яго імя. Але ж хіба адзін Пушкін? І хіба тое здаралася толькі ў часы Пушкіна? Поезд справядлівасці, як даўно вядома, нярэдка спазняецца, і «нету пророка в отечестве своем». У поўным сэнсе вялікім прарокам Пушкін стаў пасля смерці, затое ён будзе такім заўжды. Даўно сцерліся з людской памяці імёны цароў і царадворцаў, розных «сильных мира» пачатку XIX стагоддзя, усіх тых, перад кім пачціва цягнуўся Пушкін. А Пушкін жыве. І ён будзе жыць, пакуль будзе існаваць чалавецтва, бо ягоная вялікая, жывая душа ў наш не толькі жорсткі, але і жудасны век з'ядноўвае людзей пачуццямі добра, злучае разарваную сувязь часоў і дае надзею.

Надзею выжыць, не ператварыцца ў атамных дзікуноў, не толькі выхаваць сучасны высокарацыянальны розум, але і не занядбаць душу, здольную на дабыню, чалавечнасць, а часам — і слабасць. Калі-нікалі так бывае ў гісторыі, што апроч сілы патрэбна і слабасць, бо слабасці патрэбна справядлівасць. Сіле ж нічога не трэба.

І гэта выдатна разумеў Пушкін.

Няхай жа наvek ён застанеца на зямлі прарокам добра і справядлівасці.

[Студзень 1987 г.]

[ГУТАРКА З ФАЙЕЗАМ РАШЫДАМ]

— Перамога ў Вялікай Айчыннай вайне савецкага народа, па сутнасці, вырашыла лёс усёй еўрапейскай, а можа быць, і сусветнай цывілізацыі. Перамога над фашызмам аплачана мільёнамі жыццяў савецкіх людзей. У вайне загінуў кожны чацвёрты жыхар маёй роднай Беларусі. Я быў удзельнікам вайны. І мой маральны выбар прадиктаваны і маральным выбарам

тых, хто загінуў у барацьбе супраць фашысцкіх захопнікаў, памяццю аб незлічоных ахварах і пакутніках вайны.

Што датычыцца тэмы гераізму — яна адна са складанейшых у літаратуры. Быў час, калі гераізм вызначаўся выключна колькасцю знішчаных на полі бою ворагаў. Такі спрошчаны падыход, можна сказаць, панаваў у літаратуры, і не толькі ў літаратуры, у першы пасляваенны час. Той факт, што подзвіг у вайне здзяйсняў увесь народ — і салдаты, і партызаны, і падпольшчыкі, і проста мірныя жыхары: старыя, жанчыны, дзеці — патрабаваў асэнсавання, патрабаваў новага ўзроўню праўды. У пошуках гэтай праўды і нараджаўся новы герой у ваеннай літаратуры. Настаўнік Мароз у маёй апавесці «Абеліск» не здзяйсняе ратных подзвігаў, ён проста да канца застаецца верным свайму абавязку, застаецца чалавекам у нечалавечых абставінах. І таму ён, і такія, як ён, заслужылі, каб імёны іх занялі сваё месца на абеліску памяці.

— *Тэма вайны прысвечана агромністая колькасць кніг. Ці можна сказаць, што яна ў цэлым ужо вычарпала сябе?*

— Апошнія факты ў літаратурным жыцці начыста абверглі гэтае меркаванне. Як прыклад, можна прывесці творы Святланы Алексіевіч. Письменніца апытала амаль паўтысячы чалавек. Гэта былі жанчыны — удзельніцы Айчыннай вайны. У выніку нарадзілася кніга «У вайны не жаночы твар», якая адразу стала з'явай у літаратуры. Потым з'явілася кніга, напісаная паводле дзіцячых успамінаў. Я перакананы, што тэма вайны невычарпальная.

— *У Савецкім Саюзе зараз адбываюцца падзеі гістарычнай важнасці. Ідзе перабудова. А што, па-вашаму, перабудова для пісьменніка?*

— Я думаю, што такім пісьменнікам, як Ч. Айтматаў, В. Астаф'еў, В. Распуцін і іншыя, якія многа зрабілі сваёй творчасцю для перабудовы, рыхтавалі да яе нашу свядомасць, а тым самым і набліжалі сённяшні дзень, няма патрэбы пад нешта «перабудоўвацца», мяняцца ў сваёй сутнасці. А вось збаўляцца ад ілюзій неапраўданага аптымізму, набытага ў гады грамадскага застою, трэба яшчэ многім у літаратуры.

Ф. Рашыд напросіў субяседніка даць параду маладым пісьменнікам, прадстаўнікам палесцінскага народа — народа, які апынуўся ў трагічным становішчы выгнанніка.

— Нас глыбока хвалюе лёс палесцінцаў, — сказаў В. Быкаў. — Мы ведаем, што 4,5 мільёна жыхароў Палесціны зна-

ходзяцца цяпер у розных краінах на становішчы бежанцаў, ведаем пра пакуты жыхароў палесцінскіх лагераў у Ліване, пра мужную барацьбу вашага народа за сваю нацыянальную самастойнасць. Цяжка даваць якія-небудзь парады вашым пісьменнікам. Адно можна сказаць: абавязак пісьменніка — заўсёды быць са сваім народам, нават у самых цяжкіх дні. Літаратура не заўсёды можа паказаць выйсце. Але мастацтва дапамагае глыбей асэнсаваць жыццёвыя з’явы, дапамагае ў пошуках гэтага выйсця, у пошуках ісціны. Нават у самых тупіковых сітуацыях літаратура павінна несці слова праўды. Іншага шляху для літаратуры проста няма. Лепш праўда, чым ілюзіі. Сумленна служыць свайму народу — гэта значыць гаварыць яму праўду. Я думаю, гэта верна ў адносінах да кожнага народа. Беларускі народ зведаў таксама шмат пакут і зняваг, і ён таксама адчуваў і адчувае неабходнасць ведаць праўду аб сабе, аб сваёй гісторыі. Сёння кожны народ можа аказацца ў драматычнай сітуацыі, ядзерная катастрофа пагражае ўсім. І пазіцыя мастака павінна быць у першую чаргу сумленнай пазіцыяй. Мастак павінен заставацца верным самому сабе, верным праўдзе.

*Запісаў Віталь Тарас.
[1987]*

[ИНТЕРВЬЮ ЖУРНАЛУ «ОГОНЕК»]

— Как-то в печати я с опаской предсказывал скорое наступление такого охлаждения. Дело в том, что мы давно и прочно привыкли существовать в ритме различных общественно-политических кампаний, которые с удивительно отрегулированным постоянством на протяжении десятилетий сменяют одна другую. Только недавно мы с шумом и упоением отпраздновали сорокалетие нашей Победы в Великой Отечественной войне, когда, по-видимому, и произошло неизбежное перерасходование энергии почитания и восторгов. Наступил естественный спад — спад внимания, интереса к проблемам прошлой войны и литературы о ней.

На многие, даже очень ценные вещи у нас нет твердого, устоявшегося взгляда, мы в значительной мере подвержены моде, кампаниям, постоянно жаждем новизны, эпатажа и, если их нет, — очень скоро отворачиваемся к другим проблемам и сомнительным ценностям...

— В редакцию пришло письмо от женщины, которая не читает тех книг о войне, где герои умирают. Что вы думаете о таком читателе?

— Если не иметь в виду, быть может, какие-то особо личные обстоятельства в судьбе этой женщины, думаю, что она принадлежит к читателям определенного рода, которые сформулировали свое отношение к искусству как к комфортному мероприятию. Неважно, что должно приносить удовлетворение: роман ли, кинофильм или концерт. Если же этого состояния нельзя получить, если произведение вызывает чувства другого плана, то такое произведение считается плохим или каким-то не тем.

Что касается читателей, то бог с ними, таких читателей немало и у нас, и за рубежом. Плохо, что в последнее время такие мысли высказывают специалисты, критики, которые после того, как наша литература заговорила о негативных явлениях недавнего прошлого, почувствовали тоску и печаль по «розовым» героям, по комфортным отношениям. Но чего стоит такая литература, особенно в наше время? Литература, которая способна не разбудить, а усыпить.

— Григорий Бакланов в недавнем интервью «Огоньку» сказал, что, как показывает опыт, «самые значительные книги о войне написаны ее участниками. Так было всегда». Это означает, что невоевавшие, то есть все те, кому сегодня до пятидесяти, не могут браться за военную тему. Вы согласны с такой точкой зрения?

— Трудно не согласиться с Баклановым, хотя это мнение вряд ли понравится многим молодым писателям. Но в таких случаях в качестве оптимального выхода я указываю на пример молодой белорусской писательницы Светланы Алексиевич, родившейся после войны. Она не стала о войне сочинять небывлиц, а с магнитофоном в руках пошла к воевавшим женщинам и записала сотни их исповедей-рассказов, из которых и составила книгу. Эта ее книга прозвучала свежо и искренне даже в белорусской литературе, в которой о войне, как известно, написано хорошо и немало. Потом появилась и новая книга Алексиевич — воспоминания подростков, переживших войну. Это ли не пример для невоевавших, но обнаруживших свою приверженность теме войны в плодотворности данного метода? Следование же по другому пути — пути чистого воображения, сколь бы плодотворным он ни был, не может застраховать от вторичности, приблизительности, эмоциональной упрощенности, особенно заметных в сравнении со столь

мощно звучащими произведениями о войне, написанными ее непосредственными участниками.

— *Василь Владимирович, по мнению некоторых критиков и писателей, именно вам удастся наиболее естественно выразить в слове жестокую сущность войны. Читая это, я всегда задумывался: а разве другие писатели не сказали правды о той суровой и великой поре?*

— Сам я так не считаю. Наоборот, думаю, что именно другие авторы, особенно в русской литературе (Симонов, Смирнов, Бакланов, Бондарев, Воробьев, Крутилин, Астафьев, Гусаров и др.), написали больше, а главное, лучше меня, начавшего позже и во многом так или иначе уже учитывавшего их опыт. Может быть, некоторая моя заслуга состоит в том, что я смелее пошел на упрощение и заострение отдельных характеров и положений там, где другие авторы стремились к большой художественности, романной основательности. Но еще неизвестно, кто в конце концов окажется в выигрыше, а кто в проигрыше, это определит лишь неумолимое время.

— *Один из критиков в свое время обвинил вас в «ремаркизме». Вы не обиделись, не оскорбились? Ведь, к сожалению, некоторые наши маститые писатели, и об этом говорилось на пленуме СП СССР, стали воспринимать даже незначительные критические замечания в свой адрес как личное оскорбление.*

— Разумеется, я обижался на многие несправедливые обвинения в свой адрес, но только не на этот укор. В то время я уже хорошо знал, что навешивание ярлыков и обвинения во всяческих «измах» — отработанный прием определенного толка критиков, но что касается Ремарка и особенно его известного романа, то я слишком уважал этого автора, чтобы обидеться на причисление к его последователям. Ремарк — большой писатель-гуманист, пришедший к нашему читателю в благодатное для нас время и добротворно потревоживший своими образами наши вдруг посветлевшие головы.

— *Есть правда о войне, выраженная в таких ваших произведениях, как «Журавлиный крик», «Третья ракета», «Альпийская баллада», «Атака с ходу», «Круглянский мост», «Обелиск», «Дожить до рассвета» и других. Есть правда нашей истории, правда о сегодняшнем быстротекущем дне.*

— *Скажите, можно ли ожидать от вас книги, я бы сказал так, не о войне?*

— В последнее время у меня все чаще появляется такое желание, для которого, я думаю, в окружающем мире достаточно оснований. Но что касается недавнего прошлого и его пораз-

ительных проблем, то, будучи реалистом, не перестаешь сожалеть об отсутствии у тебя дарования бессмертного Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина, своеобразный талант которого с таким блеском изображал всю степень алогичности многих общественных явлений, успешно просуществовавших до наших дней.

Чингиз Айтматов писал о том, что «судьба сберегла нам Василия Быкова, чтобы он жил и писал от имени тех, кто юнцами познал войну и возмужал духом с оружием в руках, для которых день жизни был равен веку жизни». На обелиске одной из братских могил под Кировоградом в списке погибших значится фамилия Быкова. Случай уникальный для фронтовика, оставшегося в живых. Я попросил своего собеседника рассказать, как это произошло.

— Зимой сорок четвертого года в ночном бою под Кировоградом был разгромлен стрелковый батальон, в котором я служил. Место это на короткое время захватили немцы. Наши части были отброшены, батальон почти целиком подмяли немецкие танки, командир погиб, многие солдаты тоже. Потом фашисты отошли, но начавшиеся в степи снегопады замели места боев и тела погибших. Хоронили убитых жители окрестных деревень только в марте, когда растаял снег. Наш фронт к тому времени был уже далеко, на Южном Буге. Поэтому всех погибших опознать не могли. У кого были документы, те и были опознаны. А те, у кого документов не оказалось, остались безвестными. В деревне Большая Северинка захоронили в братской могиле около 150 человек, и далеко не все имена были установлены. Я же в том бою был ранен и после нескольких дней приключений попал в госпиталь Пятой танковой армии, то есть в госпиталь другой армии. На поле боя осталась моя полевая сумка, а в ней мои документы. Таким образом, по штабным документам я числился убитым, поскольку в свою часть не вернулся.

— *Я слышал, что вы ведете довольно аскетический образ жизни, что вы жесткий, сухой человек. Скажите, таким вас сделала война, переживания?*

— В вашем вопросе до известной степени отразились наветы моих недоброжелателей. Вовсе я не аскет и не сухой человек, но вот я думаю, как глубоко был прав Джон Стейнбек, сказавший однажды: «Ужасное это дело — утрата безвестности». Наверное, всякому живому человеку, не только писателю, трудно быва-

ет мириться с тем, что его жизненное, отпущенное ему судьбой время беззастенчиво растраниживается, растаскивается, расхищается для вздорных, ненужных, пустопорожних дел и мероприятий. Могильщик писательского времени — телефон тиранит сверх всякой меры. Я стараюсь избегать хотя бы части его вздорных требований, но нередко сдаюсь, загнанный в угол многоопытными организаторами никому не нужных мероприятий, и, сидя где-нибудь на очередном заседании и уныло слушая пустопорожнюю болтовню упоенных собой краснобаев, горько упрекаю себя за бесхарактерность.

Выкроить полдня тихого одиночества для тщательной работы становится все труднее в век безудержного бюрократического ускорения — кажется, самой безусловной реальности, ставшей уже бытом и бытием для многих.

— *Вас тянет туда, где вы бывали в годы войны, где сражались, где прошла часть вашей молодости?*

— Кое-где я побывал. В Венгрии, например. Места, конечно же, изменились, многое трудно узнать. Конечно, тянет туда, где воевал, где прошла молодость. Но я считаю, не надо стремиться на встречу с прошлым, потому что неизбежны разочарования. Потому что настоящее никак не соответствует образу, созданному в твоей памяти. И вы знаете, я понимаю, почему Марк Шагал, когда он приезжал в Советский Союз, не посетил Витебск. Он, наверное, поступил правильно. Этот умный старый человек понимал, что он не отыщет того, чего нет. Ведь послевоенный Витебск — это совершенно изменившийся город. Хотя в нем есть дом и улочка, где жил Шагал, но это вовсе не значит, что именно такими они существовали в его памяти. Поэтому, чтобы не разрушать в себе дорогое, не надо заново искать его.

Кстати, уж коль я заговорил об этом великом художнике, замечу, что белорусская интеллигенция благодарна Андрею Вознесенскому, напечатавшему свой очерк о Шагале в «Огоньке» и в этом порыве опередившему любого из нас. Конечно, поначалу мы должны были написать о Шагале у нас, в Белоруссии. Но у нас, к сожалению, до сих пор существует разброд по отношению к имени, к творческому наследию ныне всемирно известного художника. Снова повторяется прежняя, почти библейская истина: нет пророка в своем отечестве. Уходит из жизни художник, и мы постепенно, с оглядкой на что-то или кого-то начинаем его признавать. Осенью я разговаривал с руководством Витебской области о создании музея

Шагала, вроде бы возражений особых не было, но и дел конкретных тоже не видеть.

— *Василь Владимирович, не связано ли ваше пристрастие к Шагалу с тем, что на творческую стезю вы вступит поначалу как художник? Ваши биографы сообщают, что вы учились в художественном училище. Сохранились ли работы той давней поры?*

— Все дети имеют влечение к изображению мира в любой доступной форме. У меня же это началось со знакомства с одним человеком, приехавшим после Гражданской войны откуда-то из Сибири в то местечко, где я тогда жил. Вместо обычного скарба он привез с собой предметы для искусства, несколько картин. Его пейзажи были первыми в моей жизни «живыми» творениями художника. Помню, что с особым удовольствием перелистывал я старые журналы с репродукциями картин известных мастеров. С детства меня влекло к рисованию. Но условий для развития дальнейшего интереса к этому не было.

А работы мои давние не сохранились. Во время войны я еще кое-что делал по рисовальной части. Но однажды сгорел «студебекер» с нашим солдатским имуществом и сгорел мой мешок, где был альбом с рисунками. С тех пор рисованием я не занимался.

— *А что же все-таки заставило вас взять в руки перо? Вспомните об этом.*

— Первый рассказ я написал на Курильских островах, где продолжал службу в первые послевоенные годы. Я, да и не только я, а многие из фронтовиков ничего о войне не читали и читать не хотели. Война была еще слишком жива в нашем сознании. Мы старались как можно скорее от нее отрешиться, прервать эту связь с прошлым. По прошествии некоторого времени я стал читать книги о войне, написанные писателями довольно известными, но я останавливал себя на том, что эти рассказы о войне меня не удовлетворяют. Мне казалось, то, что я читал, никак не соответствовало моему личному опыту, как-то все было не так и не то. Вот почему я попробовал из чисто полемических побуждений написать свой первый рассказ. Потом написал второй, третий. Конечно же, они были слабыми, плохими. Пытался я их напечатать, но из этого ничего не вышло. И на много лет я забросил попытки стать писателем. В 1955 году, демобилизовавшись, устроился на работу в газету, снова начал писать и даже опубликовал первую книгу рассказов. Правда, это были юмористические рассказы. Позже

написал несколько вещей на молодежную тему. И только в конце пятидесятых прочно засел за военную тему.

Произведения Василя Быкова широко известны. Но далеко не все знают, что о самом писателе написаны три монографии. В них, конечно же, есть и сведения биографические. Кое-что читатель, интересующийся творчеством Быкова, черпает из его статей и интервью с ним, которые, кстати, он дает нечасто. Поэтому я стал спрашивать Василя Владимировича о его детстве, о его семье, о родителях. Спросил, есть ли у него дети и доволен ли он ими. Спросил о восприятии творчества, широкой известности у него на родине.

И, кстати, поинтересовался, понимают ли его земляки, люди, с которыми он встречается, живет, из судеб которых черпает материал для книг, понимают ли они значение литературы, писательского слова? Есть ли у них ощущение его необходимости?

— Родители мои — крестьяне. С ними я жил до войны. Отец умер двадцать пять лет назад, мать — три года назад.

У меня два сына, один военный, другой врач. Доволен ли ими, трудно сказать. Потому что у родителей к детям отношение все-таки пристрастное. И поэтому трудно избежать крайностей, недооценить или переоценить их. Но я полагаю, что их жизнь — это их дело. Коль они выбрали для себя этот путь, им же отвечать за этот путь. Я не вмешивался. Любой советчик всегда рискует. Рискует тем, что его совет может привести не туда, куда надо бы, и тогда это будет на его совести.

Известность ко мне пришла, может быть, в последние годы. Да я вообще не думаю, что такие вещи, как известность, слава, простые люди не воспринимают. Я помню, как-то приезжал в родные края и там с одним дядькой мы ездили рыбу ловить на озеро. Я тогда в газете работал. Он сказал: я знаю, ты пишешь, ну, а работаешь ты где? Я говорю: в редакции работаю. В редакции? Так ты пишешь там. А работаешь где же? Вот какой состоялся разговор. Человек, который всю жизнь работал физически, не может понять, как это за то, что ты водишь перышком по бумаге, платят. Это так, дескать, твоя блажь личная, а работа — это другое. Хлеб ты должен зарабатывать своими мускулами.

Боюсь, что значение литературы в жизни народа все больше падает. Я вспоминаю годы своей юности, детства, когда книга была редкостью в деревне. И если она была, ее читали. Ее чи-

тали все: знакомые, родственники, товарищи, соседи. Причем, читались все книги и в школьных, и в иных библиотеках.

Теперь же другая обстановка. В книжных магазинах сел и деревень много книг. Мы недавно пережили книжный бум. Сейчас он вроде бы спал. Но даже во время бума, я думаю, покупали много, но читали не так много. И сейчас село обходится телевидением, из которого черпает всю информацию об окружающем мире. Читают мало. Мало читают в школах. Школьники стараются не читать, а поскольку у нас вся классика экранизирована, обходятся без чтения книг. Это, конечно, плохо. Но выхода я здесь не вижу. Во всяком случае, в ближайшее время.

— *Василь Владимирович, не посещает ли вас мысль, что может наступить такое время, когда люди вообще перестанут читать? В том числе и ваши книги. Такое может случиться?*

— Вполне. Почему же нет. И об этом надо думать всем, кто причастен к книгоиздательской политике. С одной стороны, издатели не могут наводнять книжный рынок продукцией, которая не имеет спроса, не находит сбыта. Это было бы противостественно экономически и, наверно, морально тоже. Но, с другой стороны, издатели не должны потакать современному массовому вкусу. Если идти по этому направлению, как на Западе, тогда литература превратится в китч, когда только псевдолитература будет иметь наибольшее распространение. Потому что, как ни странно, за многие десятилетия нашего культурного строительства культурный уровень массового читателя не очень-то поднялся. К сожалению, мы продолжаем распространять интерес к произведениям, которые никак этих усилий недостойны.

— *Сейчас публикуются произведения, которые по разным обстоятельствам долго не выходили к читателю. Но раздаются голоса, в том числе и среди писателей: зачем такие вещи печатать, зачем заниматься литературным некрофильством? Ваша точка зрения на этот счет?*

— То, что публикуются вещи прежних десятилетий, абсолютно правильно. Более того, было бы просто преступно игнорировать и дальше то хорошее, что было в нашей литературе. Неужели людям не понятно, что хотя бы во имя справедливости это надо сделать! Потому что на многие десятилетия многие писатели были вышиблены из круга российской словесности по разным причинам. Когда-то был вышиблен Есенин. Когда-то не издавали совершенно эпохальные вещи Бунина. Если бы продолжалась эта линия, какие бы невосполнимые

потери понесла наша словесность! У нас почему-то довольно живуч старый обычай: очень уважают мертвых. Пока писатель живой, его могут не издавать, третировать, но после смерти вдруг обнаруживается, какой, оказывается, жил замечательный художник. Это относится к тому же Шукшину.

— *Неоригинальный, но злободневно важный вопрос: что вы думаете о перестройке?*

— Я думаю, что какие-то конкретные изменения ждут нас впереди. Новые веяния, тенденции доходят до глубинки с большим опозданием. Вот я на днях был в одном районе, разговаривал с первым секретарем райкома партии. Он в недоумении. На почве в ночное время заморозки. Кукуруза, посеянная в такую почву, непременно погибнет. Ее нужно будет пересевать. Но из области установка: закончить сев к такому-то числу. И это не только установка, а требование отчета о количестве засеянного. Да еще за каждый день. Что делать? Я ему говорю: так вы же имеете право сослаться на известные постановления по этому вопросу, давшие вам свободу действий.

Право-то правом, а к такому-то числу сев должен быть закончен. Значит, по-прежнему, как и десять, и двадцать, и сорок, и пятьдесят лет назад, продолжается одно и то же. Сильный, волевой нажим, определенные железные сроки, и ни дня позже, не считаясь ни со здравым смыслом, ни с погодными условиями.

— *Вы часто выезжаете из Минска?*

— Не так уж часто, но выезжаю. Ведь у нас еще остры проблемы, связанные с аварией на Чернобыльской АЭС. И моральные, и бытовые... Люди живут, надеются на лучшее. И с ними надо общаться.

— *В последнее время появились мнения вот о чем: не перебираем ли, дескать, мы через край, не слишком ли обнажаем наши раны, затянувшиеся и свежие? Что вы можете сказать по этому поводу?*

— Я почти явственно вижу лица людей, выражающих подобное мнение, хорошо знаю их по годам «застойного» времени, для которого они немало потрудились, чтобы сделать его необратимо застойным. Неподвижность, окаменелость в теории и на практике — это их родная стихия, так неожиданно порушенная ныне ветром гласности. Если разобраться и трезво оценить наши трудности в деле перестройки, то, наверное, обнаружится, что самое сложное в ней именно преодоление махровой природы бюрократизма, упрямо цепляющегося за отработанные до высокого совершенства приемчики прошлого,

главным из которых является пресловутое «не пущать и погонять». В течение последнего времени мне пришлось многое наблюдать на перепутьях судьбы одного из самых энергичных поборников перестройки, человека с международным авторитетом, писателя-публициста, активного борца за мир и взаимопонимание между народами, всем известного Алеся Адамовича. Его активность, однако, во всех отношениях недешево ему стоила, отобрала массу физических и душевных сил, и вот все кончилось мелкой, но чувствительной для него мезью: недопущением на очередной форум в США, куда он был приглашен с группой советских ученых. Чиновники из Академии наук БССР отказали ему в оформлении выездных документов под тем предлогом, что он слишком часто ездит и много выступает. Они уже регламентируют участие в перестройке, по-видимому, составляя графики неучастия в ней. Они сами молчат годами и того же добиваются от других, жадно дожидаясь момента, когда раздастся трубный голос отбоя, прекратится «разгул демократии», как они говорят, и все войдет в привычные берега мертвечины и сонного, однако такого комфортного для них благополучия. И еще. Если благородные идеи перестройки нашли в чем-либо свое наибольшее проявление, так это действительно в бурно развернувшейся гласности. Наша журналистика (внутренняя, конечно, международная отстает от нее на десятилетия), наша журналистика неожиданно и прямо-таки самоотверженно вырвалась в авангард гласности и вскрыла столько заботливо взлелеянных бюрократий социальных язв, развернула такую борьбу за правду и справедливость, что если даже она ничего больше не сделает, то оставит о себе память надолго. Однако, оценивая общий ход гласности, нельзя не заметить, что в последнее время появились признаки некоторой ее пробуксовки; накопление количества не всегда приводит к качественным изменениям, забрезжила опасность девальвации слов, правильных и нужных по существу, но не подкрепленных конкретными делами, что угрожает закончиться тривиальной говорильней. Последнее было бы весьма сожалеательно, если не катастрофично для всего сложного и безмерно трудного дела перестройки.

— Я слышал такую легенду о Фолкнере. Когда он умер, в доме обнаружили комнату, почти сплошь заваленную письмами и рукописями читателей. Он не любил переписки. А вы, Василь Владимирович, отвечаете на письма или они вас не волнуют?

— Стараюсь отвечать, но не всегда могу это сделать. Особенно это относится не столько к письмам, сколько к бес-

конечной веренице бандеролей с рукописями, авторы которых напрасно полагают, что стоит известному писателю позвонить или написать «куда следует» и их рукопись тут же будет запущена в производство. Но есть письма, на которые не ответить невозможно, хотя, по существу, отвечать надо бы не мне, а кому-либо другому, кто имеет власти больше, чем ее есть у писателя. Но дело в том, что писатель в нашей стране по давней, не нами заведенной традиции в какой-то мере все-таки продолжает оставаться народным трибуном, своеобразным адвокатом народа, к которому обращаются люди, когда больше обратиться не к кому и все другие возможности обращения исчерпаны. Пишут не только с жалобами, не только по личным вопросам — государственные проблемы волнуют нынче не в меньшей степени. В этой связи мне хочется процитировать недавно полученное письмо от заместителя начальника производственного управления ВАЗа Л. Голяса, который так пишет о недавно опубликованном проекте закона о государственном предприятии: «Было время, когда административные методы действительно были необходимы. Это тот период, когда страна находилась в экстремальных внешних условиях. И речь тогда шла практически о выживании новой формации, а не о гармоничном развитии социалистического общества. Но те времена канули в Лету. Социализм сегодня — это необратимая социалистическая реальность. Мир давно изменился, а методы управления не претерпели адекватных новым условиям изменений. Проект закона в опубликованной редакции для утверждения не годится из-за того, что основан не на реальной действительности, как этого требует марксизм, а на концепциях утопического социализма. Достаточно ознакомиться с трудами Сен-Симона, чтобы увидеть эту связь». И далее на убедительном примере извлечения предприятием дополнительной прибыли тов. Голяс показывает всю абсурдность этого явления на базе искусственной кооперации. Доводы автора кажутся мне убедительными даже не для специалиста, они не убеждают лишь тех, кто, кроме своих цеховых (бюрократических) интересов, ничем больше не озабочен.

Мне думается в этой связи, что экономический застой и бюрократическое засилье невозможно преодолеть бюрократическими же, то есть чисто регламентационными, методами. В последнее время обнаружила себя наша старая болезнь — усилившаяся приверженность ко всякого рода законам и законоустановлениям, которые во многих случаях есть детище бюрократии и служат лишь ее бюрократическим интересам. Из

письма тов. Голяса видно, что мы в который раз сталкиваемся с необычайно живучим явлением, когда еще не введенный в действие закон в некоторых своих положениях уже вступает в противоречие с действительностью по той причине, что отражает в себе не завтрашний, а вчерашний день нашего развития.

Я сказал Быкову, что однажды выдающегося американского писателя Уильяма Сарояна спросили: может ли исчерпаться материал для творчества? Сароян ответил: нет, не может, ибо материал — это я сам; пока я жив, мне будет достаточно материала для книг. Василь Владимирович прокомментировал этот разговор следующим образом:

— Сароян, как известно, большой художник нашего времени, и в таком своем качестве он сказал сущую правду. Как всякий реалист, он черпает свой материал из окружающего его мира, но не меньший мир заключен в нем самом, для выражения которого ему не надобно ничего большего, кроме самого себя и своего дарования.

— Вы человек, не раз смотревший в глаза смерти. Скажите, о чем сегодня должен писать художник, чтобы помочь спасти мир от разрушения, от гибели? Или важнее не о чем писать, а как?

— На этот вопрос недавно хорошо ответил все тот же А. Адамович, выдвинувший в качестве гипотетического императива нашего времени надобность в появлении так называемой сверхлитературы. Правда, его тут же оспорили, и, конечно, зря, потому что неверно поняли сам тот термин, истолковав его как призыв к чему-то ирреальному, небывалому в искусстве. А. Адамович имел в виду вовсе не новый стиль или жанр, но новое качество. Он подразумевал под этим символом вполне реалистическую литературу, но литературу очень высокого гуманистического звучания — такую, которая в наше время, чреватое гибелью всего человеческого рода, сквозь потоки полуправды, лжи и прямого одурачивания миллионов пробилась бы к сознанию человечества, вынудив его остановиться у последней черты. Не знаю, как Адамович, но я склонен считать, что из произведений последних лет романы Чингиза Айтматова и Владимира Дудинцева приближаются к литературе такого рода, и в этом, несомненно, обнадеживающий знак для литературы будущего.

— Из одного интервью с вами я узнал, что вам близок по духу французский писатель-экзистенциалист Камю, известный и у нас в стране. Мне такое признание показалось интересным. Не могли бы вы подробнее пояснить, на чем основана эта близость?

— Камю причисляют к экзистенциалистам, когда сам Камю всячески это отрицал. Но в данном случае не так важно, что думает о себе автор. Все-таки он принадлежит к этому течению, что общепринято. Самое главное — произведения писателя. Наше время сложно во всех отношениях. Сложность времени, его драматизм и трагизм Камю чувствовал, может быть, лучше других. И он создал, наверное, одно из лучших, самых лучших произведений нашего века — роман «Чума». Роман этот, конечно, при внимательном чтении отвечает на многие вопросы, которые стояли до нас и которые, наверное, останутся и после нас. Я теперь очень понимаю Твардовского, который когда-то говорил и писал, что «Чума» Камю является евангелием двадцатого века. Это совершенно справедливо. Человек может только или оставаться человеком, или перестать существовать. Так вот, со всей категоричностью, я думаю, очень убедительно Камю в своей «Чуме» показывает, что значит быть человеком в этих условиях.

— *Ваши творческие принципы, кредо?*

— Следование правде жизни — жесткой, нелицеприятной, грязной или чистой, прекрасной или уродливой — такой, какой она существует в жизни во всех ее взаимосвязях и проявлениях. У искусства есть лишь один способ добиться позитивного изменения в обществе — это показать общество таким, каким оно является на самом деле. Многолетний опыт развития нашей литературы красноречиво свидетельствует, что самым старательным образом сконструированный так называемый положительный герой не способен научить ничему ровным счетом, разве что доставит несколько комфортных минут читательскому сознанию, и все благие намерения автора повиснут в воздухе. Лишь показывая человеку его истинное лицо, можно надеяться на какие-то более-менее результативные импульсы с его стороны.

— *У вас, как я знаю, была нелегкая жизненная и писательская судьба. И все-таки скажите, вы ощущаете правоту своего дела, правоту вашего таланта?*

— Я, может быть, счастлив лишь тем, что первые пробы пера, как и вхождение в большую литературу, счастливо совпали с наступлением благоприятной атмосферы, вызванной решениями известных партийных съездов, в значительной степени оптимизировавших литературную судьбу многих.

О правоте? Вы знаете, естественно, в том деле, которым я занимаюсь, хотел бы оказаться правым. Если не перед лицом

истории, то хотя бы в глазах моего изрядно прореженного войной поколения.

— У писателей фронтового поколения, таких как Астафьев, Бакланов, Бондарев, издано по четырехтомному собранию сочинений. Ваш четырехтомник тоже вышел в издательстве «Молодая гвардия». Я поначалу задумался, почему у писателей фронтового поколения одинаковая продуктивность. А потом понял — это лимиты Госкомиздата. И уж совсем запутался: вот вы, скажем, как считаете — четыре тома сочинений к шестидесяти годам — это достаточно, чтобы в полном объеме предстать перед читателем?

— Я работаю не много. Не каждый день. Между повестями у меня всегда какие-то промежутки. Иногда они затягиваются на год-два. Иногда меньше. Можно интенсивнее работать. Но, с другой стороны, зачем? По крайней мере, «ни дня без строчки» — не мой девиз. Я полагаю, что надо писать тогда, когда повесть или роман в значительной мере созреет в душе и требует своего выхода. Если заранее этого не ощутил, то нечего торопиться. Обычно в таких случаях потом все приходится переделывать.

— Как вы считаете, может ли человек сжечь себя в искусстве?

— В наше время вряд ли. Современный человек сверх меры трезв и рационалистичен для того, чтобы позволить своему таланту сжечь себя без остатка, игнорируя свое привередливое, капризное эго.

— Самое сильное потрясение вашей жизни: встреча, событие, чья-то книга, чей-то поступок?

— Самое большое потрясение, я думаю, ждет меня, как, впрочем, и все человечество, впереди: это успех или неуспех нашей перестройки. При любом исходе тут не избежать потрясения положительного или отрицательного свойства, потому что слишком много на нее поставлено.

— Однажды я по-журналистски позавидовал Татьяне Земсковой, задавшей Валентину Распутину прямо в лоб такой категоричный вопрос: вы большой писатель? Так вот, многие считают, что Быков — по-настоящему большой писатель нашего времени. В частности, так мне говорил Вениамин Александрович Каверин. Простите, Василь Владимирович, но... вы — большой писатель?

— Если мерить провинциальными масштабами, то тут я, наверное, лишь чуточку больше некоторых, но если иметь в виду Льва Николаевича или Федора Михайловича, то увы...

— *Ощущаете ли вы, что годы бегут, что вам седьмой десяток, что многих друзей вы уже потеряли, что жизнь прожить — действительно не поле перейти!*

— Некоторым образом я был счастлив тем, что встречался, общался, может быть, даже дружил с очень хорошими людьми, которые и память о себе оставили хорошую. Теперь казнюсь, что мало с ними общался. Многих мог бы назвать: Твардовского, Сергея Сергеевича Смирнова, который был прекрасным человеком, немало сделавшим после войны для ветеранов. С большой нежностью и горестью вспоминаю Кайсына Кулиева, поэта, замечательного человека. Жаль, что мы как-то редко виделись, я человек сдержанный, а Кайсын Кулиев был весь распахнут навстречу, и все его добрые чувства проявлялись сразу. Сейчас чувствую, что надо бы больше дорожить людьми, хорошими людьми, их добрыми чувствами. Все-таки жизнь коротка, и надо не сожалеть потом, что мало успел сказать добрых слов людям.

В последние годы я все чаще стал ощущать, что мне далеко уже не двадцать, — большей частью, разумеется, в физическом смысле. Кроме того, пришло явственное осознание безмерной наивности молодых лет по отношению ко многим явлениям жизни. Наверное, в этом и заключается некоторый признак поумнения. И постарения тоже...

— *Эти слова Василь Владимирович говорил мне, когда мы шли из Дома литераторов в маленький скверик возле старинного здания, описанного в «Войне и мире» как дом Ростовых. Присели на лавочку возле памятника Льву Толстому.*

— Весна в этом году запаздывает и у нас, в Белоруссии, и здесь, в Москве, — сказал Быков. — Травы зеленой еще не видно.

*Интервью взял Феликс Медведев.
Май 1987 г.*

МУЖНАСЦЬ

Аднойчы, яшчэ даўно, у выпадковай размове адзін вядомы маскоўскі літаратар, прачытаўшы ў часопісе публіцыстычны артыкул Алеся Адамовіча, запытаўся ў мяне пра аўтара і, пачуўшы ў адказ, што гэта малады беларускі празаік і літаратуравед, здзівіўся: адкуль у таго такое глыбокае разуменне чалавека, такое рашучае непрыняцце фальшу і крывадушна, такое дасканалае веданне часу, літаратуры і яе няпростых заканамернасцяў.

Адкуль? Хто ж яго ведае, але што тое здаўна і ў поўнай меры ўласціва Адамовічу, дык гэта пэўна. Я, напрыклад, не ведаю другога такога літаратара ў Беларусі, хто б так глыбінна і дакладна разумее свет і прыроду чалавечых заганаў, асабліва ў наш час, калі столькі ўжо выплыла на паверхню і яшчэ больш тоіцца, чакае на сподзе, то даючы надзею, то павяртаючы ў роспач. Чалавецтва ўвачавідкі падышло да свае жахлівай мяжы, калі выратаваць яго ад пагібелі можа толькі катаржна-плённая праца душы, у пакутах народжаная духоўнасць. Шматпакутны лёс нашай зямлі сёння, як ніколі раней, залежыць ад высілкаў кожнага, ад нашай крышталёвай сумленнасці і самаахвярнае безагляднасці. І нам прыемна ўсведамляць, што ў гэтай справе ёсць выдатныя прыклады, адным з якіх з'яўляецца шматгадовая літаратурная і грамадская дзейнасць нашага земляка, выдатнага пісьменніка і мысліцеля Алеся Міхайлавіча Адамовіча.

Так, ён перш за ўсё мысліцель, філосаф сучаснай ядзернай эпохі, які яшчэ задоўга да пачатку перабудовы, у гады так званага застою, не толькі заклікаў іншых, але і сам актыўна і паслядоўна дбаў пра новую свядомасць, якая б паклала асновы мірнага суіснавання народа. Праўда, тады многія ягоныя пастулаты крыкліва адваргаліся дагматыкамі, іх выкаранялі з ягоных артыкулаў і выступленняў, іх аўтара вусна і пісьмова абвінавачвалі ў... У чым толькі яго не абвінавачвалі! Але, як пісаў нядаўна выдатны літаратурны крытык Ігар Дзядкоў, «шчасце і няшчасце мастака, што некаторыя важныя рэчы ён гаворыць раней за іншых, І не таму, што разумнейшы за некага. Дастаткова, калі мае перавагу ў маральнай паслядоўнасці і сіле спачування». Гэта так. Адамовіч, вядома, пераўзыходзіў многіх як сілай аналітычнага мыслення, так і безумоўнай маральнай непакіснасцю перад няпраўдай. Не зважаючы ні на што, ён праз гады застаецца сабой, і цяпер тыя яго высновы пяці- і дзесяцігадовай даўнасці сталі заканамернымі імператы-

вамi нашай міжнароднай палітыкі і шырока падтрымліваюцца дэмакратычнымі коламі свету.

Талант Адамовіча надзвычай шматгранны. Можна нават сказаць, што гэты чалавек — творца ўніверсальных магчымасцей, які бліскуча засведчыў сябе ў розных жанрах літаратуры. І ўсё ж ён пісьменнік, празаік шырокага жанравага дыяпазону — ад лірычнай аповесці да эпічнага рамана. Яго аналітычна-філасофская проза, найбольш ярка прадстаўленая «Хатынскай аповесцю» і «Карнікамі», безумоўна, з'яўляецца вяршыняю беларускай і савецкай ваеннай прозы. На многіх старонках гэтых твораў знайшло дзівоснае па гармоніі паяднанне Адамовіча-мастака і Адамовіча-правідца, часам роўнага па сіле таленту Дастаеўскаму. Чытаючы іх, не перастаеш здзіўляцца, якім чынам спасцігнута ўсё гэта, з якіх завулкаў чалавечай душы здабыта? Мусіць, тое ж можна сказаць і пра яго «Апошнюю пастараль» — гэты здзіўляючы літаратурны вопыт сучаснага апакаліпсіса, які можа здасца пачварнай фантастыкай, постядзернай антыўтопіяй. Але Адамовічу можна паверыць. Як ніхто з сучасных мастакоў слова, ён адчувае надта абвострана маштабы ядзернай пагрозы чалавецтву і, як ніхто з сучаснікаў, гатовы без аніякага разліку, накшталт рыцара сумнага вобразу, з адным аголена-балючым сумленнем кінуцца супраць пагрозы. Часам тыя, што заўжды стаяць убаку і, канешне ж, адчуваюць сябе разумнейшымі, грэбліва ўсміхаюцца: «Хіба так можна нешта зрабіць? Там жа сцяна!» Але Адамовіч не прывык вагацца ці разлічваць свае шанцы і, здараецца, насуперак логіцы робіць! Ці не сведчанне таго — ягоны безразважны ўдзел у ліквідацыі пагрозы чарнобыльскай катастрофы — учынак, што, як вядома, каштаваў Адамовічу немалых страт, затое дапамог людзям засцерагчыся ад вялікай нечаканай бяды. І цяпер многія і не падазраюць, каму абавязаны жыццём і здароўем. Але, можа, гэта і добра. Адамовіч ужо пэўна не з ліку славалюбівых.

Не славалюбівы — гэта безумоўна. Ужо будучы прызнаным пісьменнікам, вучоным-літаратураведам, прафесарам універсітэта, ён кінуў усе свае літаратурныя клопаты і разам з Брылём і Калеснікам падаўся ў народ запісваць — не сваё — народнае веданне вайны, ратаваць ад забыцця трагічныя лёсы «хатынскіх вёсак». Некалькі гадоў беспрытульнага блукання па глухіх кутках Беларусі, сотні сустрэч і кіламетры магнітафонных стужак далі нацыянальнай літаратуры ўнікальны твор, своеасаблівую антыфашысцкую біблію. Менавіта гэтая кніга шчасліва ўсчала новы жанр ваеннай дакументалістыкі, бліскуча прадоўжаны за-

тым «Блакаднай кнігай» (усё таго ж А. Адамовіча і Д. Граніна), усёй творчасцю С. Алексіевіч і іншых.

Але калі не зваблівы покліч славы, дык што ж тады рухае ім, што кіруе ягонаю апантанасцю? Мабыць, гэта, аднак, абвостраная прага справядлівасці, глыбокачалавечая цяга да праўды, да якой спрадвеку так трудна бывае дапяцца. Мусіць, гэта было таксама ў аснове адамовічавага звароту да толькі што адкрытай па тым часе творчасці выдатнага класіка беларускай літаратуры Максіма Гарэцкага, проза якога намаганнямі Алеся Адамовіча была ўведзена ў літаратурны абарот рэспублікі і краіны. Зрэшты, калі аб тым гаварыць, дык аўтарытэт Адамовіча як крытыка-літаратураведа здаўна надзвычай высокі ў савецкай літаратуры. А ў Беларусі тым больш. З канца 50-х гадоў і да нашага часу, мабыць, ніхто з крытыкаў так плённа і рашуча не ўплываў на нацыянальны літаратурны працэс, як гэта рабіў Адамовіч. Ён жа сваім рупным прыкладам і беззаганнай прынцыповасцю садзейнічаў выхаванню цэлай плеяды выдатных крытычных талентаў, якія цяпер шырока вядомы і па-за межамі рэспублікі. Гэты ягоны ўплыў на літаратуру краіны толькі мацнее з гадамі, бо забяспечаны крэдытам высокай навуковасці і маральнай чысціні ягонай асобы.

Верны высакародным ідэалам гуманістычнага мастацтва, Алесь Адамовіч здаўна, можа яшчэ з канца 50-х гадоў, вядзе бязлітасную барацьбу супраць шэрасці, бяздарнасці і канфармізму, якія сталі ваяўнічаю пошасцю ў нашай літаратуры. Вядома, тое не прыносіць яму суцэльных поспехаў, часам яму помсцяць жорстка і балюча; мусіць, літаратурная барацьба — справа не меней жорсткая, чым барацьба класавая, хай сабе і ў межах аднаго грамадства. Літаратура, аднак, даўно ўжо прывыкла, што адамовічавы прысуд пэўнаму твору — неабвержны і канчатковы, бо заўжды заснаваны на скрупулёзнай доказнасці і бездакорным літаратурным гусце. Абвергнуць крытычныя адамовічавы вердыкты яшчэ не ўдавалася нікому. Вядома таксама ягоная непрыязь да неўтаймаванай бюракратызацыі літаратуры, да эфемерных літпасад, прэмій і званняў. І гэта зразумела. Самому Адамовічу не трэба ніякіх званняў, апроч літаратурнага імя, здабытага талентам і сумленнем. І гэта выдатна.

Буйнамаштабнаму таленту Адамовіча, аднак, заўжды цесна ў рамках аднойчы абранай ім галіны, нават аднаго мастацтва. І ягонае свядомае імкненне да ўніверсальнасці і шырыні не магло не прывесці да самага сінтэтычнага мастацтва сучаснасці — кіно. Кінематаграфічны лёс Адамовіча, на шчасце, быў да яго літасцівы, мабыць, таму, што даў яму адэкватнага па таленту

рэжысёра ў асобе Элема Клімава. За шмат гадоў напружанай працы, пошукаў і знаходак, апантанай барацьбы з тагачаснай кінабюракратыяй быў створаны сапраўдны шэдэўр — «Ідзі і глядзі», які трыумфальна абышоў экраны ўсіх кантынентаў. Гэты фільм стаў падзеяй сусветнага кінематографа, адзін з самых лепшых майстроў якога, амерыканец Стэнлі Крамер, нават прапанаваў Адамовічу сваё супрацоўніцтва ў стварэнні сумеснага савецка-амерыканскага фільма. Беларускае кіно, такім чынам, выходзіць на сусветную арэну, і ў тым немалая заслуга нашага славутага земляка.

Алесь Адамовіч нямала зрабіў для росквіту нацыянальнай літаратуры, усёй сучаснай гуманістычнай культуры. Можна сказаць, што ягоная проза і публіцыстыка, густа насычаныя думкамі і ідэямі, сёння актыўна спасцігаюцца чалавецтвам. Але, думаецца, увесь Адамовіч яшчэ як след не засвоены грамадствам. Мабыць, у поўнай меры ім суджана быць спасцігнутым пасля — ВЯЛІКАЕ БАЧЫЦЦА на адлегласці. У дадзеным выпадку — на адлегласці часу, які, калі ён наступіць, расхіне ўсю веліч гэтага чалавека, мысліцеля і мастака, якога дала свету наша беларуская зямля.

[1987]

ПРЫЗНАННЕ Ў ЛЮБОВІ

З усёй магчымаю шчырасцю хачу прызнацца, што даўно і сардэчна люблю Пімена Панчанку — паэта, чалавека і грамадзяніна.

Зрэшты, мусіць, не любіць Пімена Панчанку немагчыма.

Больш за паўстагоддзя набатныя гукі ягонай паэзіі трываюць чалавечыя душы, сярод дробязнага вэрхалу, лакейскай угодлівасці і аказёненага пустаслоўя будзяць у людзях пачуццё чалавечай годнасці, прагу душэўнай чысціні, веру ў ідэал. Апроч таго ёсць яшчэ Панчанка-асоба; хоць, вядома, цяжка размежаваць песняра і чалавека, але тут абодва яны бездакорныя — пазбаўленыя фальшу, поўныя рэвалюцыйнай нескаронасці ў барацьбе за праўду і справядлівасць. Сапраўды, у Панчанку на дзіва арганічна знітаваліся чыста асабістыя якасці і ягоны паэтычны дар — без намёку на раздвоенасць, без ценю канфармізму, дробязнага разліку, якія, здараецца, сваёй іржой наскрозь праядаюць творчую асобу. Мабыць, праз усё

сваё жыццё ён пранёс непрыняцце бюракратызму, гэтай пачвары нашага часу, якой ён аднойчы і назаўжды аб'явіў вайну і ўпарта вядзе яе дзесяцігоддзі. Натуральна, што гэты ягоны вораг плоціць яму тым жа. Зрэшты, чалавек такога складу і паэт такога таленту не можа чакаць індывідуальнасці да сябе, яго або любяць, або ненавідзяць. Гэтак жа і Панчанку. Але мяне цешыць, што яго любіць народ і вартыя людзі. А хто ненавідзіць, можна сабе здагадацца.

Пімен Панчанка адзін з тых нешматлікіх ужо народных апосталаў, якія ў наш тэхналагічны век увасабляюць жывую і мудрую сувязь даўніны з сучаснасцю, сапраўды народны, нацыянальны пачатак са складанай урбаністычнай сутнасцю, асэнсоўваючы ў сваёй паэзіі праблемы гэтага гістарычнага для нацыі сацыяльнага пераўтварэння. Панчанка ведае, як было, і адтуль, з даўніны, чэрпае тое лепшае, што давала нацыі сілу выжыць у віхурах ліхалеццяў, сродкамі сваёй палымянай паэзіі нішчыць загану часу, карослівую пошасць масавай культуры і касмапалітычнай усёаднасці. Ягоная шматгадовая барацьба за жыццё роднай мовы можа служыць узорам для нашчадкаў, прыкладам самаадданасці і прынцыповасці не толькі на словах, а і на труднай, клопатнай, часам не зусім бяспечнай справе. У гэтым сэнсе Пімен Панчанка — сапраўдны народны інтэлігент, які ў высях узнёслай паэзіі не парывае з самай праяўнай будзённасцю народнага жыцця, узвышаючы яго да высокага паэтычнага гучання. Ягоная паэзія — пераважна набатная трыбуна народнай справядлівасці, але і замілаваная радасць быцця, ціхай прыгажосці, неспіханы гімн роднай прыродзе, якая заўжды неверагодна шмат значыла ў нацыянальнай паэзіі. Сапраўднае мастацтва, паэзію і літаратуру Панчанка адчувае як вялікі цуд існавання, канкрэтнае ўвасабленне высокай духоўнасці. Гэтае адчуванне вызначала ягоную пазіцыю ў бытнасць яго рэдактарам часопіса «Малодосць», вызначае і цяпер у стаўленні да сучасных твораў. Ён не здольны сфальшывіць нават з самых прыязных меркаванняў, ягоны прысуд творам калегаў заўсёды прамы, часам жорсткі, але заўжды вычарпальны і справядлівы. Цікавыя матывы ягонага стаўлення да людзей, калег і знаёмых, у якіх (матывах) так шмат ад уласнае бескампраміснай сутнасці і чысціні, як гэта ўжо рэдка сустракаецца ў сучасным даволі-такі амбівалентным чалавеку. Пэўна, што чалавек з максімалізмам такога парадку сам можа быць толькі гранічна максімалісцкім у дачыненні да сябе самога.

Пімен Панчанка прайшоў немалы шлях у жыцці, вялікі шлях у нацыянальнай літаратуры. Натуральна, на тым шлях-

ху не толькі гучалі фанфары перамог, але былі і паражэнні, жыццёвыя нягоды. Не заўжды верна служыла здароўе. Вайна і ўсё з ёй звязанае, мітрэнгі ідэалагічнай барацьбы, калялітаратурная калатнеча, якая заўсёды скіравана супраць самых таленавітых, не мацуюць нікога. Але Панчанка выстаў і прышоў да свайго юбілею, бы той нескароны дуб — з абламаным голлем, пасечаны маланкамі, але з горда ўзнятай верхавінай. А галоўнае — поўны той дзівоснае сілы абнаўлення, якая асабліва патрэбна грамадству цяпер, у час усенароднай перабудовы. Знамянальна, што менавіта ён першы ў беларускай паэзіі паўстаў супраць застойнага тлену мінулых гадоў, гарача падтрымаў ідэі перабудовы, у каторы раз сваім пранікнёным голасам заклімаў бюракратызм, у паядынак з якім зноў кінуўся па-рыцарску, сам-насам, не думаючы пра тое, чым гэта можа абярнуцца для яго асабіста.

У тым сапраўдны характар барацьбіта і гарачая душа патрыёта.

У тым нязгасны ўрок новым пакаленням паэтаў, сведчанне таго, што яшчэ не сатлела на Белай Русі адчуванне годнасці і высакародства. Калі ёсць такія людзі, дык існуе і надзея на будучыню. Менавіта да гэтае будучыні і вядзе прыклад вялікага паэта роднай зямлі — Пімена Панчанкі.

Упаўнены, што гэтымі скупымі радкамі выказваю пачуцці многіх. Пачуцці любові і ўдзячнасці тых, каму яшчэ дарагія прынцыпы праўды і справядлівасці.

Хай лёс шмат гадоў шчасліва спрыяе гэтаму найлепшаму з паэтаў і найсумленнейшаму з людзей нашай зямлі.

[1987]

[КОЛЛЕКТИВНОЕ ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»]

В июле этого года в Минске вышел в свет первый номер нового журнала «Политический собеседник». Здесь помещена статья кандидата философских наук В. Бегуна «Украденный фонарь гласности», во втором — статья «С позиций абстрактного гуманизма», написанная тем же В. Бегуном совместно с доктором философских наук В. Бовшем. Ниже мы вернемся к

«украденному фонарю», начать же свой разговор хотим с замечаний, касающихся статьи, созданной «тандемом». Этому выступлению В. Бегуна и В. Бовша предпослано письмо группы читателей — военнослужащих Советской Армии, которые предъявляют серьезные *политические* обвинения известному белорусскому писателю Алесю Адамовичу, заявляя, что он ни много ни мало «поставил под сомнение правомерность ответного удара в случае империалистической агрессии против нашего государства, сползает на позиции, которые противоречат положениям программы КПСС относительно оборонной политики». Авторы статьи «С позиций абстрактного гуманизма» с этими обвинениями полностью согласны: они развивают тезисы письма, переводят их в систему «доказательств», начиная с такого допущения: «Вот начинается эта война, приходит агрессор, и он, как некогда фашистские палачи, пытается и ставит к стенке ваших родителей... понятно поведение каждого в этом случае — нужно защитить отца и мать... Как же иначе?.. Оказывается, есть писатель, который убеждает нас, что теперь так нельзя. Необходимо, говорит он, пощадить палача, ибо вездесю чревато страшными последствиями»...

Вопрос: в какой книге Алеся Адамовича, в какой статье, в каком выступлении писателя В. Бегун и В. Бовш обнаружили подобную чушь? Где и когда писатель сказал, что необходимо пощадить палача, дабы избежать страшной мести? Нет у него такого высказывания! Напротив, все творчество Алеся Адамовича, начиная с первого его романа «Война под крышами» и кончая сценарием фильма «Иди и смотри», проникнуто непримиримостью к врагу, страстным обличением фашизма. И знаем это не только мы, но и многомиллионный всесоюзный читатель, знают это сотни тысяч читателей за рубежом. Выходит, что не знают этого лишь В. Бегун и В. Бовш. Вынуждены напомнить им об этом, а также напомнить о том, что Алесь Адамович в годы Великой Отечественной войны в пятнадцать мальчишеских лет стал подпольщиком, потом партизаном, что боевую медаль «За храбрость» он получил раньше, чем паспорт, и мы считаем кощунством представлять его в образе непротивленца злу, в образе трусливого созерцателя казни собственных родителей!..

В. Бегун и В. Бовш не случайно обходят военную биографию писателя, его военную прозу, фильм «Иди и смотри», снискавший мировое признание. Здесь им, как говорится, крыть нечем. Проповедь «непротивления злу насилием», «буржуазный пацифизм» они усматривают в публицистических высту-

плениях Алеся Адамовича против угрозы ядерного уничтожения человечества, пытаются уверить, что взгляды писателя, который сурово и мужественно говорит *всю правду* о том, чем может обернуться ядерная война, способны, дескать, вселить ужас в души людей, вызвать «лишь безнадежность и страх». И здесь очень важен один момент: В. Бегун и В. Бовш даже не упоминают в своей статье чернобыльскую трагедию, молчат о том, *что* она показала всему миру, в какую бездну заставила заглянуть глазами жителей Чернобыля и Припяти, глазами крестьян украинских и наших белорусских сел, оказавшихся в зоне катастрофы. Эта «забывчивость» тоже не случайна: авторам статьи *невыгодно* помнить о Чернобыле, равно как и о «ядерной зиме», а также о всемирном форуме ученых в Москве, участником которого был и Алесь Адамович, — о форуме, где в полный голос звучала мысль: если разразится ядерная война, победителей в ней не будет. И потому надо сделать все, чтобы предотвратить ядерный конфликт.

Такую позицию, руководствуясь никак не учитывающей грозные реалии сегодняшнего дня логикой В. Бегуна и В. Бовша, тоже можно объявить «буржуазно-пацифистской». Секрет провалов памяти у В. Бегуна и В. Бовша состоит в том, что в трагическом зареве Чернобыля, при зловещем видении «ядерной зимы», явленной миру не досужими домыслами, а в строгих выводах ученых, камня на камне не остается от бодряческой позиции наших «конкретных гуманистов». Позиции, в которой нет и намека на понимание *исключительной, небывалой* в истории ситуации — возможности *тотального уничтожения* человечества. Именно эта новая реальность требует — что, к счастью, не является одиноким мнением Алеся Адамовича — нового мышления в вопросе о войне и мире.

Самое же печальное, что статья Бегуна-Бовша мало похожа на полемику, на спор — слишком явно выступает в ней страсть к приснопамятному наклеиванию ярлыков.

Той же страстью проникнута и статья В. Бегуна «Украденный фонарь гласности» в первом номере «Политического собеседника», в которой автор уничижительно, издевательски отзывается о творчестве художника Марка Шагала. Разумеется, Бегун имеет право на свое мнение о творчестве и о Шагале. Быть может, он обожает цветную фотографию, и ему претит «странный» Шагал, а претит потому, что из статьи ясно: ее автор не знает, что такое метафора в живописи, не понимает и не принимает поэтической условности, сопряжения сказки

с реальным миром. Но если он всего этого не понимает, то как же он берется судить об одном из самых сложных живописцев нашего столетия? Непонятно также, почему Бегун видит в Марке Шагале сиониста? Не потому ли, что отождествляет два совершенно разных понятия — национальное и политическое? Коль художник родился в еврейской еме, то, стало быть, он сионист? Статья Бегуна внушает именно такой вывод, ибо других доказательств шагаловского «сионизма» автор не приводит, разве что тот факт, что художник расписывал среди прочего и синагогу. Впрочем, подобное отождествление — любимая тема многочисленных писаний В. Бегуна, основанных на порочной концепции «всемирного заговора сионских мудрецов» и масонов. Думается, что подобного рода писания и служат «теоретической» основой для экстремистов пресловутой «Памяти».

Весьма странно выглядит и критика В. Бегуном (в той же статье) постановки пьесы М. Шатрова «Диктатура совести» в одной из минских школ. Бегун пишет: «Девятиклассники инсценировали “суд над Лениным”. Со стороны “обвинения”, например, выступали У. Черчилль (девочка с сияющей улыбкой) и Петр Верховенский из “Бесов” Достоевского (парень со свечой в руке). Произносили речи “защитники”. Читением ролей командовал Володарский».

Пояснив, что Б. Володарский — самодеятельный режиссер, постановщик пьесы М. Шатрова в школьном драмколлективе, обратимся к автору статьи: «Позвольте, уважаемый, — разве “суд над Лениным” постановщик придумал? Ведь на этом строится пьеса М. Шатрова, фрагменты из спектакля по этой пьесе показывались на экране ЦТ, в театре, где она шла, на сцене тоже появлялись и Черчилль, и Верховенский, и другие бесы прошлого и настоящего, которые вели исторически обреченный спор с Лениным, правда которого — и в этом весь смысл “Диктатуры совести”! — побеждала и побеждает всех бесов».

Мы не видели школьной постановки, о которой идет речь. Возможно, Б. Володарский плохо поставил пьесу. Возможно, плохо играли свои роли ученики. Но разве допустимо представлять дело таким образом, будто «суд над Лениным» — злостная придумка постановщика, что это девятиклассники, а не *персонажи* пьесы, которых они изображали, устроили судилище над Ильичем?! Мысль Бегуна ясна: «злонамеренные происки». Но тогда «злонамеренные происки» — сама пьеса М. Шатрова...

Бегун пишет в своей статье, что те, кто распространяет «миф о Шагале», считая его замечательным художником, те, кто поставил «суд над Лениным», — воры, укравшие фонарь гласности в целях лишить общественность света истины. Он полагает, очевидно, что истиной в последней инстанции владеют лишь он и его единомышленники. Мы же считаем, что это далеко не так.

Остается сожалеть, что первые номера нового журнала, в которых, кстати, есть немало интересного, ярко отражающего жизнь республики, борьбу за перестройку, отдали дань мышлению вчерашнего дня. Увы, авторов двух вышеназванных опусов никак не назовешь «авторитетными собеседниками и советчиками каждого читателя в выборе художественно-эстетических, нравственных ценностей жизни».

*Светлана Алексиевич, Василь Быков, Александр Дракохруст,
Наум Кислик, Виктор Козько, Алесь Рязанов, Валентин Тарас,
Константин Тарасов.
[1987]*

[МОНОЛОГ, ЗАПИСАННЫЙ ГЕННАДИЕМ ЖАВОРОНКОВЫМ]

В литературу я пришел в конце пятидесятых годов, когда после XX съезда партии установилась особая атмосфера, дающая возможность нового постижения правды жизни. Пришел вслед за Григорием Баклановым, Юрием Бондаревым — офицерами переднего края войны.

Критики сразу же не приняли нас. Мне еще памятна дискуссия о литературе «окопной правды», которую посчитали за что-то второсортное, если не третьесортное. Говорили, что взгляд солдата из окопа узок и только взгляд с командного пункта позволяет увидеть войну во всей ее сложности и многообразии. Моя самая автобиографичная вещь «Мертвым не больно» была отвергнута литературной и нелитературной критикой. В ней не нашли ничего положительного, зато рассмотрели субъективное желание автора очернить и поссорить солдата с офицером. Но и в те годы были иные оценки. Твардовский одним из первых поддержал наше стремление к «окопной правде».

Без скрупулезного знания нашей давней и недавней истории мы не сможем овладеть нашим сегодня. Важно искусство, которое работает на день грядущий. Но не менее важна литература, имеющая дело с прошлым. В нашем прошлом много проблем, требующих осмысления и переосмысления. Они гирями тянут назад. Рецидивы ошибок прошлого будут давать о себе знать до тех пор, пока мы не разберемся в них критически и не отринем их навсегда.

Когда я вижу молодежь, эпатирующую нас своим поведением, я понимаю, что причин у этого явления много. Но одна из них — в отношении к нашему недавнему прошлому. Теперь уже совершенно ясно, что ложь никогда не приносит положительных результатов в воспитании. Она может дать только временный выигрыш, но всякий раз такой выигрыш оборачивается огромными потерями.

Я не могу согласиться с теми, кто видит в поступках этой части молодежи сплошное хулиганство, бессмыслицу, вздор, хотя не могу принять целиком их способы борьбы с недостатками — способы, неприемлемые в цивилизованном мире. Их побуждения бывают во многих случаях верны, но методы не менее отталкивающи, чем то, против чего они протестуют.

Прощение и наказание всегда одна из самых важных проблем, проблема и для перестройки...

Мы редко называем имена виновников застоя. Чаще отделеваемся намеками, безадресными ссылками. Журнал «Новый мир» лишь недавно назвал конкретных авторов травли Осипа Мандельштама, «Московские новости» — имя следователя по делу Н. Вавилова.

Дело не в том, чтобы привлечь кого-то к судебной ответственности, а в том, чтобы в будущем подобное nepовадно было другим. Иначе всегда будет существовать соблазн преступления против нравственности.

Все, кто на словах и на деле сопротивляется перестройке, предельно конкретны.

И мы опять не назовем их имена? Опять они останутся в дряхлых подшивках, вызывая у любопытствующих лишь недоумение и улыбки?

Писать о войне будут и в двадцать первом веке. Придет новое поколение, которое захочет взглянуть на эти годы по-своему. Я не скажу, что этот взгляд будет пристальнее, точнее,

правдивее. Скорее всего, так не будет. Но этот взгляд будет соответствовать общему мировоззрению поколения.

Так было всегда. Я не футуролог и не могу угадать всех грядущих тенденций, но уверен, что литературный пантеон Второй мировой войне будет воздвигаться вечно.

Если иметь в виду грандиозность потрясений, человеческих страданий, крови, то даже усилий таланта Льва Толстого не было бы достаточно для создания эпопеи. И все же она создана. Создана усилиями всей нашей литературы, писателей живущих и уже ушедших от нас.

[1987]

НЕ ОТЛУЧАЙТЕ САМИ СЕБЯ

Как можно понять из подписей, наши уважаемые авторы — люди ученые и склонны соблюдать высокую культуру дискуссий. Есть политоценка, есть политобвинение, пишут они, и путать одно с другим недопустимо. Добавлю от себя, что есть и еще некоторые жанры такого рода, весьма популярные в свое время. Не столь уж редкие признаки их легко можно обнаружить в трудах наших уважаемых ученых, что, несомненно, расширяет круг их научных интересов. Но сейчас речь не о том — речь о более важном.

Наверное, многим еще памятен последний визит в нашу страну премьер-министра Великобритании госпожи Маргарет Тэтчер и ее выступление по телевидению, когда «железная» леди с завидной выдержкой (кстати, не хватившей нашему тележурналисту) излагала британскую политику сдерживания, основанную на обладании ядерным ракетным оружием. В последующих выступлениях наших телекомментаторов эта, безусловно, несостоятельная в наш век политика была подвергнута обоснованной и уничижительной критике. Казалось, у самого ленивого телезрителя не осталось малейших сомнений во всей бессмысленности абсурдной идеи ядерного сдерживания. Даже ученику четвертого класса понятно, что всякое ядерное нападение включает в себе самом и акт беспощадного возмездия. Ядерный выстрел в противника (а тем более залп) есть не что иное, как выстрел в себя со всей нелепостью самоубийства, потому что в ядерной войне победителя быть не может. Именно эти элементарные и непреложные истины с

некоторых пор стали официальной доктриной нашей внешней политики, и именно их с завидной неутомимостью пропагандирует наш писатель и общественный деятель Алесь Адамович.

Казалось бы, кто из мало-мальски образованных и сколько-нибудь здравомыслящих людей нашего времени станет оспаривать их, утверждая противоположное? Оказывается, нашлись такие ученые-философы в Минске, как и органы печати, с готовностью предоставившие им свои страницы, как это делает приобретший скандальную известность журнал «Политический собеседник», издающийся тоже в Минске. «Правда о возмездии состоит в том, — пишут наши ученые-оппоненты, — что его неотвратимость есть фактор, способный в решающей степени воспрепятствовать потенциальному агрессору осуществить свои замыслы». Чем не аргумент в пользу государственной политики ядерного сдерживания Соединенного королевства! Можете рукоплескать, уважаемая премьер-министр: в Минске у вас появились единомышленники по имперской философии — философии, вполне пригодной для генералов-атомщиков, но весьма сомнительной для философов-марксистов. Да еще в годы перестройки и так широко признанной необходимости выработки нового общественного сознания.

Увы, здесь ни одного намека на новое сознание, все здесь — от замшелого «застойного» и «дозастойного» периодов, когда так привычны и естественны были сентенции вроде вот этой: «Да, жизнь достойна защиты в силу своей уникальности во Вселенной. Но опять-таки чья жизнь?» — с поразительной наивностью вопрошают уважаемые авторы. Жизнь рода человеческого, отвечу, неужели эта самоочевидность все еще требует разъяснения ученым-философам из белорусской Академии наук.

Вполне допускаю, что уважаемым оппонентам очень хочется принять участие в процессе перестройки, в активном искоренении накопившихся за десятилетия ошибок и недочетов, которых и в Белоруссии тоже немало. Оказался под угрозой исчезновения национальный язык, ряд деятелей науки и культуры, репрессированных в тридцатые годы, все еще ждет своей реабилитации, против которой, как это ни странно, с трудно объяснимым упорством выступают некоторые ученые коллеги Бегуна и Бовша. Иные из них (как, например, В. Щербин), не утруждая себя поисками современной аргументации, по пунктам переписывают из архивов ежовско-бериевские обвинения против репрессированных, словно за полвека решительно

ничего не изменилось в стране. Общественность республики много лет безуспешно добивалась снятия вздорных обвинений против писателя и общественного деятеля Белоруссии Тишки Гартного (подумать только: участвовал в похоронах шурина по христианскому обряду (с попом), одевался по-европейски (с галстуком)). Но нет, оказывается, это поприще милосердия и справедливости не слишком привлекает оппонентов в период перестройки, им подавай жареное — новых скрытых врагов. Но неужто для того из десяти миллионов жителей республики отыскался один А. Адамович, не маловато ли? Наверное, маловато, и они ищут.

Известно, что один из подписавших выше помещенную статью в свое время весьма преуспел в разоблачении мирового сионизма как автор многих широко известных трудов с очень оригинальным мышлением, правда, слегка подпорченным некоторыми заимствованиями у другого, еще более известного теоретика тридцатых годов. Другой же, его соавтор, человек изумляющей бдительности, сумел распознать, как одновременно с перестройкой «в идеологический оборот вводятся определенные мировоззренческие концепции — философские, эстетические, этические и даже политические, содержание которых далеко не всегда согласуется с ленинизмом, а часто является его прямым отрицанием в пользу проповеди то ли сионизма, то ли пацифистских воззрений, то ли привнесения в наше общество других разновидностей чуждой нам идеологии». Свои сногсшибательные наблюдения он тут же, на пленуме Минского горкома КПБ, подкрепляет не менее обескураживающими примерами: «Поэт А. Вознесенский выступил инициатором крикливой кампании в связи с днем рождения художника-модерниста М. Шагала», а автор рецензии на роман А. Рыбакова «Дети Арбата» О. Кучкина «использует в положительном смысле буржуазное понятие сталинизма и одобряет трактовку А. Рыбаковым нашей политической системы при Сталине, подпадающую под злобную антисоветскую теорию тоталитарного общества». Из всего вышеприведенного становится ясно, что Адамович в республике не одинок, есть и еще «идеологические диверсанты» — в Москве и в других городах и весях нашей необъятной страны. Как и за ее пределами.

С запредельными территориями дело упростилось элементарно, как только на горизонте замаячила старческая фигура прославленного Марка Шагала, чей столетний юбилей по решению ЮНЕСКО отмечал весь цивилизованный мир. К юбилею художника в республике не было напечатано ни

одной статьи, зато после, вдогонку, был выпущен оглушительный залп все тех же и некоторых других авторов, в котором трудно сказать, чего больше — дремучего невежества в вопросах культуры или сыскного усердия людей, поставивших себе целью дискредитировать этого художника, который своим творчеством снискал себе мировую славу, но имел несчастье родиться в Белоруссии.

В этом смысле удивляет прежде всего то обстоятельство, что некоторые из современных белорусских художников предъявляют Шагалу требования, уместные разве что в стенах своего творческого союза. Позволительно ли забывать, однако, что М. Шагал — художник все-таки иного художественного мира, человек сложной личной и художнической судьбы, наделенный особым даром и особенной творческой манерой, которую тем не менее понял и принял мир. Но которую, к сожалению, не приняли на его родине. Все многочисленные попытки общественности добиться организации музея М. Шагала в Витебске или в его родном Лиозно до сих пор разбиваются о нерушимую стену смехотворных обвинений вроде тех, что Шагал — не наш, что он сионист, потому что, видите ли, расписал синагогу в Иерусалиме. О том же, что его руками расписана знаменитая Гранд-опера в Париже, а его витражами украшен Реймский собор во Франции и здание ООН в Нью-Йорке, что он великий художник современности, все творчество которого основано на образах нашего Витебска, а его поэзия исполнена редкой по силе тоски и боли за судьбу его родины во время немецко-фашистской оккупации, — эти факты начисто игнорируются поборниками упоенно-разоблачительной «правды о Шагале».

Впрочем, что там музей! Борьба с Шагалом в Белоруссии со страниц «Политического собеседника» перенеслась в область практических дел, и вот на художественной выставке в Витебске недавно была распиlena скульптурная композиция с целью отделить образ ненавистного художника от его сподвижников по Витебской художественной школе, которой он отдал годы труда и жизни. Вот это перестройка — с помощью топора и ножовки, «ученое» обоснование которым столь убедительно дано в выступлениях и трудах уважаемых оппонентов.

Что же касается школьной постановки пьесы М. Шатрова, то каюсь: мы ее не видели. Мы полагали, что достаточно того, что ее посмотрел вполне зрелый и идейно выдержанный педагогический коллектив школы. Но позвольте здесь выразить удивление тому факту, что они ее видели! Удивление от того, как далеко от Академии наук распространилось их рвение

досматривать и контролировать — вплоть до школьной художественной самодеятельности, где, оказывается, то же — поиски тайных врагов. Кругом враги: сионисты, масоны, писатели. А тут еще и школьники. Не слишком ли много! В свете некоторых последних событий становится, однако, понятно, почему их философия не в состоянии защитить себя «без милиции». Наверное, этим же объясняется и их излюбленная манера обращаться к правосудию. Но в таком тонком деле, как мораль и философия, правоохранительные органы — тоже ненадежная опора.

И, наверное, потому им неуютно и они жалуются на «отлучение». Удивительно! Но и примечательно. Все-таки времена разительно изменились и, кажется, не слишком способствуют реализации разоблачительно-обличительных тенденций уважаемых философов. Главное — трудно кого-либо «взять». Одни успели умереть и по этой причине стали недостижимы, другие зло огрызаются на страницах центральной печати. Когда это было возможно?

Но вот возможно!

И, думается, надолго.

Так что придется привыкать, уважаемые авторы философских наук.

[1987]

[ОТВЕТ НА ВОПРОС ГАЗЕТЫ «МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ»]

Уходящий год вселил желанную надежду в отчаявшееся сердце человечества.

Четыре процента ракет — это, конечно, не бог весть сколько и имеет смысл лишь в том случае, если явит собой только начало. Если за этим последует 50-процентное сокращение стратегических наступательных вооружений, чудовищно разросшихся на Земле танковых, воздушных, морских и прочих вооружений. На это и уповает человечество на пороге нового, 1988 года.

Перестройка же внутри страны с невероятным усилием набирает необходимый темп и, несмотря на множество всевозможных законов, постановлений и призывов, еще только-

только овладевает сознанием масс. Подавляющее большинство жаждет ее, потому что только в радикальном переустройстве всей жизни видит выход из всем надоевшего экономического и прочего застоя. Но немало и таких, что, страстно желая этого выхода, еще не в состоянии нащупать его в джунглях экономической и управленческой неразберихи — печального наследия прошлых лет. А некоторым всякая перестройка — нож острый в душу, прямая угроза их безмятежному существованию в мягких креслах, привычных стилей и догм. На словах выступая за, на деле они все делают против, пребывая в денной и ночной готовности повернуть назад, туда, где любезная их душе атмосфера «осажденной крепости», сонм врагов внешних и внутренних, создавая лишь видимость борьбы с которыми, они привыкли неплохо обделывать свои личные делишки, удачно маскировать свой политический и культурный обскурантизм. Это они — за позицию силы в отношениях с Западом, против посмертной реабилитации «врагов народа» 30-х и 40-х годов. В душе презирая творческую интеллигенцию, они классический принцип «кнута и пряника» в отношении к ней не прочь сократить ровно наполовину — для эффективности и экономии средств. Свои замшелые политические идеалы они упорно выводят из политики «железного руководства» в недавнем прошлом, испуганно видя в процессе демократизации развращение народа «вопиющей вседозволенностью».

Будем надеяться, однако, что радикальное сокращение ядерного оружия, широкая гласность и настоящая демократизация всего общества вынудят качественно перестроиться самое «заторможенное мышление», повернув его от мертвящего вчера к животворящему завтра.

В том, чтобы максимально способствовать этому процессу, столь необходимому человечеству, я вижу свои ближайшие планы на будущий год.

[1987]

ВОПРОСЫ, ЖДУЩИЕ ОТВЕТА

Считая себя некоторым образом причастным к малопочтенной у нас категории «доморощенных реабилитаторов», о которых снисходительно упоминается в недавней статье Валентина Пепеляева («Советская Белоруссия» № 296 за прошлый год), я попытаюсь ниже объяснить существующую разницу в наших взглядах на основную проблему. Ради экономии газетного места лишь бегло коснусь других, как мне кажется, явно несостоятельных положений статьи, вроде толкования древних «Дзядов» как религиозного и, стало быть, неприемлемого для советских людей обряда. Или призыва «освободиться от всех пут», внести в него (обряд. — В. Б.) некоторые современные элементы, тем более, что уже разработан и «ритуал, который учитывает всю силу и глубину народных традиций», а издательство «Беларусь» выпустило в свет несколько сценарных сборников. Согласно мысли автора, все оказывается хорошо и просто, беда лишь в том, что современная молодежь не очень-то прельщается новейшими «сценарными сборниками» и питает склонность отмечать полюбившиеся ей «Дзяды» по-старому, хотя бы и «с налетом архаичности и религиозности». Но вряд ли возможно оспаривать данное пристрастие молодежи на том основании, что тех же «Дзядов» «пытаются использовать в своих целях наши идеологические противники» за рубежом, а с ними, разумеется, и весь порочный западный мир. Нельзя не признать все-таки, что, несмотря на трогательную заботу о молодежи ревнителей «новых традиций», древние «Дзяды», наверное, еще долго будут отмечаться по-старому.

«Дзяды Дзядамі», но сейчас многих людей нашей республики, разбуженной революционными идеями перестройки, занимает нечто гораздо более важное. Именно об этом свидетельствует активность народа в его извечном стремлении к правде и социальной справедливости, не задавленная даже в годы мертвящего застоя, его желание разобраться во многих вопросах нашего недавнего прошлого, заполнить истинным знанием «белые пятна» истории, в изобилии оставленные нам

отечественной историографией. Самая активная часть общества, его молодежь, не перестает задавать вопросы вроде того: как могло случиться столь вопиющее нарушение социалистической законности, в результате которого погибли тысячи невиновных людей? Тысячи, а может, миллионы? Как явствует из большой статьи В. Пепеляева, помещенной в «Советской Белоруссии», ее автор, превосходно осведомленный в такого рода статистике, очевидно, почерпнутой из не для каждого доступных «спецхранов», скрупулезно подсчитывает потери гитлеровской Германии в прошлой войне, приводит весьма любопытную сводку наших потерь. Но при всем этом он странно умалчивает о количестве репрессированных в годы культа личности Сталина, словно бы эти цифры не заслуживают серьезного внимания советских людей. Но люди, в том числе и молодежь, ищут четких ответов на кардинальные вопросы того времени, важнейшим из которых, несомненно, является вопрос о палачах и жертвах. Сегодня уже становится бесспорным, что общество не в состоянии завоевать полное доверие молодежи, а следовательно, и осуществить сколь угодно эффективную перестройку духовной жизни народа без исчерпывающего освещения его исторического прошлого. Все усилия в данном случае будут обречены на бесплодное топтание на месте, бесконечную борьбу не только мнений (что само по себе естественно и правомерно в атмосфере демократии и относительного плюрализма), но и бескомпромиссное противоборство двух позиций, одна из которых заведомо не права. Не права уже потому, что отстаивает интересы вчерашнего дня и тех политических сил, которые определяли репрессивный характер его внутренней политики.

События 1 ноября 1987 года в Минске, а также некоторые публикации в республиканской прессе последнего времени как нельзя лучше свидетельствуют о такой ситуации, когда одна часть общества, обуреваемая «проклятыми» вопросами о прошлом, с неизменным упорством продолжает задавать их, а другая, не желая или не имея возможности правдиво на них ответить, уводит разговор в сторону. Испытанный прием в таком деле — непременно ссылка на наших идеологических противников с их готовностью использовать против нас любой наш недостаток и уж наверняка — любое наше признание в собственных ошибках. Все попытки что-то объяснить из драматических событий тридцатых годов авторы двух публикаций в «Советской Белоруссии» А. Майсеня и В. Пепеляев, по существу, сводят к доказательству того, что многие руководители,

культурные и научные деятели республики были репрессированы вполне обоснованно, что веских причин для пересмотра их дел не имеется. Удивление вызывает то обстоятельство, что все это происходит в наше время, когда в общественной жизни страны на свое законное место возвращаются имена и произведения многих людей, репрессированных в годы пресловутого культа. Когда стала возможной широкая публикация наследия из запрещенной ранее, изъятой, т. н. эмигрантской, русской литературы, деятельность ряда партийных и государственных руководителей, уничтоженных в свое время, находит новое, объективное освещение. И мы узнаем, что Бухарин, Рыков, Рудзутак, Раскольников и другие вовсе не «враги народа», какими мы привыкли считать их в течение десятилетий, а верные сыны народа, для счастья которого они отдали свои кипучие жизни, хотя в сложной борьбе первых лет строительства социализма и допустили политические и другие ошибки. Но эти ошибки были ими признаны и прощены партией, во главе которой тогда стоял Ленин, эти люди отмежевались от своего прошлого и всей своей последующей деятельностью полностью себя реабилитировали. Теперь их имена — в ряду лучших сынов Родины. И это стало возможным благодаря новому ветру в общественной и политической жизни страны.

К сожалению, этот ветер справедливости и обновления общественного сознания слабо проникает на белорусскую землю, натываясь на старые догматические барьеры, в свое время осужденные партией, но на практике устраняемые с огромным трудом. Не так редки здесь настойчивые и довольно успешные попытки оставить все, как было, в полной неприкосновенности, не допустить никакой переоценки давнишнего и далеко не всегда справедливого по отношению к ряду лиц из числа творческой и научной интеллигенции прошлого. Правда, объективности ради нельзя утверждать, что здесь ровным счетом ничего не сдвинулось, — есть некоторые скромные результаты, едва ли оправдывающие гигантские затраченные для того усилия. Так, например, около семидесяти лет потребовалось для признания и реабилитации доброго имени одного из самых выдающихся поэтов начала века, соратника Купалы и Коласа — Алеся Гаруна, еще до массовых репрессий умершего своей смертью, но на которого тем не менее было наведено столько облыжных наветов и обвинений, что почти все послевоенное время он практически находился за рамками национальной культуры. Продолжается многолетняя борьба за партийную и общественную реабилитацию белорусского писателя, перво-

го председателя СНК БССР Змитрока Жилуновича (Тишки Гартного), мотивы обвинений против которого нынче нельзя назвать иначе как смехотворными. Не вдаваясь в подробности биографий всех перечисленных в статье В. Пепеляева лиц, напомним только, что, например, тот же Я. Лесик, «требовавший», как пишет автор, «национально-территориальной автономии Белоруссии в составе Российского государства» и тем, по мнению автора статьи, совершивший непростительное преступление, на самом деле следовал популярному в то время ленинскому положению о территориальном самоопределении наций вплоть до полного отделения. Выйдя из Белорусской социал-демократической партии, Лесик сразу же после Гражданской войны порвал с прежней деятельностью и с 1921 года работал преподавателем в вузах республики, публиковал повести и рассказы, издал «Граматыку беларускай мовы», по которой в школах и на ликбезах овладевали грамотой миллионы белорусов. В 1928 году он избирается академиком АН БССР и плодотворно работает в литературе и языкознании вплоть до ареста и расстрела в 1938 году. Легко, но вряд ли справедливо сейчас, с высоты нынешнего исторического знания обвинять бывшего президента Академии наук БССР В. Игнатовского, участника революции 1905 года, в неправильной оценке этой революции, упрекать этого члена партии большевиков с 1920 года в том, что он «в своих трудах не показывал всей сложности социалистического развития на разных этапах, не давал надлежащей марксистской характеристики эпохи», как это делает БелСЭ или академик И. Игнатенко в своей статье. Допустимо ли пренебрегать в таких случаях известным марксистским требованием о необходимости конкретно-исторического подхода в оценке сложных вопросов борьбы за власть, которая на Белоруссии сразу после Октября, в годы Гражданской войны и иностранной оккупации, несомненно, оказалась более чем сложной — во всяком случае куда сложнее, чем это кажется сегодня. Многие наши национальные деятели, несомненно, стремясь к справедливому народовластию, в то время еще не владели в достаточной степени теорией марксизма-ленинизма, некоторые из них были выходцами из других, буржуазных и демократических партий и шли к своим целям не всегда верным путем, познавая истину методом проб и ошибок. Важно, однако, что эти ошибки рано или поздно были ими признаны. По крайней мере теми из них, кто порвал со своим прошлым и вернулся в Советскую Белоруссию, чтобы сознательно и активно включиться в строительство Советской власти. Многие

из них стали впоследствии известными учеными, писателями, были избраны членами молодой Академии наук республики. И последующее их обвинение задним числом в грехах многолетней давности есть не что иное, как грубое попрание права и социалистической законности по отношению к этим людям, равно как и к тысячам других, погибших в заключении, ссылках, расстрелянных без всяких к тому оснований. Общеизвестно, например, что лишь по чистой случайности подобной участи избежали наши прославленные классики Янка Купала и Якуб Колас, вынужденные в 1931 году выступить с публичным саморазоблачением своей насквозь вымышленной контрреволюционной, националистической, шпионской деятельности. Янка Купала даже пытался покончить с собой, не вынеся унижения и позора, и если бы это ему удалось, вполне возможно, мы бы читали сегодня в той же статье В. Пепеляева или кого-либо другого страшный перечень его абсурдных преступлений, взятых из старых архивных дел, о которых, несомненно, позаботились бы его далеко не сентиментальные «следователи».

Так не в том ли состоит долг ныне живущих, наших научных кадров, интеллигенции, правоохранительных органов, чтобы объективно и беспристрастно разобраться поименно во всех жертвах прошлого с позиций нового, более высокого коммунистического сознания, с высоты наконец ставшего возможным милосердия, о котором мы с таким жаром принимаемся говорить сегодня. Вместо того мы видим в ряде публикаций республиканской прессы («Советская Белоруссия», «Звезда», «Политический собеседник») запоздалые и очень знакомые по прежним временам попытки реанимировать во многом забытые обвинения, заимствованные ныне из пожелтевших архивных дел, обвинительных заключений и приговоров пресловутых «троек», «особых совещаний», «военных трибуналов», клеветнических доносов стукачей, — обвинений, которые и теперь заставляют содрогаться неискuschenных читателей. Следует ли удивляться, что в приснопамятные времена эти фантастические «сочинения» безошибочно приводили к расстрелу.

Как мне кажется, именно здесь мы подходим к самой болевой точке проблемы, которая таит в себе ключ к разгадке многих современных загадок.

Иногда даже в наше время трудно удержаться от недоумения: откуда такая нетерпимость к прошлому и его людям, идеям, влияние которых на нашу жизнь практически утратило свое сколько-нибудь заметное значение и стало в иных

случаях лишь досадным фактом нашей истории (в смысле заблуждений и ошибок)? Откуда такой поразительный максимализм людей, не испытавших и десятой доли того, что довелось в силу различных, чаще всего исторических, причин испытать другим? Почему мы теперь, с высоты безусловно победившего правого дела не можем проявить элементарную терпимость или снисходительность к нашим предшественникам, общественным деятелям прошлого, пусть и в самом деле допустившим некоторые ошибки в своей общественной деятельности и лишенным за это жизни — тем самым разве не испутившим эти свои ошибки? Однако все дело в том, как мне думается, что, признав несомненную противозаконность репрессий 30-х годов, мы не можем уйти от настаивающего нас вопроса: кто виноват? На тех самых «Дзядях» 1 ноября 1987 года именно этот вопрос эмоциональнее других звучал в ломких молодых голосах выступающих, и, как видно, именно он более всего обеспокоил авторов публикаций в «Советской Белоруссии». Так, касаясь репрессий 30-х годов, Валентин Пепеляев пишет: «Непросты причины культа личности Сталина. Скоропалительность и однозначность оценок здесь неприемлемы. Не упростить бы, не скатиться в категоричность». Согласимся сразу и охотно: упрощать не следует, возникновению культа личности способствовал целый комплекс причин и следствий. Но вот категоричности оценок в таком вопросе, по-видимому, не избежать, как бы этого кое-кому ни хотелось. Рано или поздно общество вынуждено будет вполне однозначно выразить свое отношение к каждому факту культа, к каждой его жертве и со всей категоричностью осудить методы такого рода «жертвоприношений». Напрасно автора другой статьи в той же «Советской Белоруссии» А. Майсеню настаивает «...требование публично назвать поименно не только тех, кто пострадал в годы репрессий, но и всех тех, кто в 30-е годы совершал “преступления”». И далее в статье А. Майсени следует пассаж, достойный того, чтобы привести его целиком. «Возьметесь ли вы доказать, — пишет автор, — что все те, кто принимал участие в репрессиях в ту трагическую пору, были сознательными преступниками, то есть шли на это, в полной мере осознавая, что чинят произвол и беззаконие в отношении невинных людей? Нам сегодня с позиции времени достаточно видно, что многие из тех, кто осуждал, обвинял, совершенно искренне верил, что их действия — не что иное, как торжество правосудия от имени всего трудового народа, что это продолжение революционного насилия (это спуска

двадцать лет после революции, в условиях победившего социализма? — В. Б.), совершенно необходимого и неизбежного во имя победы социализма, во имя претворения в жизнь извечной мечты о равенстве и справедливости? Да, они не понимали и не могли понять, что 30-е годы отличались коренным образом от послереволюционной ситуации, когда беспощадная борьба за политическую власть, за диктатуру пролетариата, борьба не на жизнь, а на смерть, требовала применения революционного насилия к классовому врагу. Да, они заблуждались, уверовав в сталинский тезис об обострении классовой борьбы по мере построения социалистического общества, послуживший оправданием гибели сотен тысяч невинных людей. Да, они жестоко ошибались, когда считали Сталина достойным преемником Ленина, а сталинизм — продолжением ленинской политики. Но ведь многие из них были искренни в своем заблуждении...» и т. д. Надеюсь, однако, странная логика данной цитаты знакома читателю, поэтому позволю себе воздержаться от комментария этого поразительного по своей откровенности текста, в котором желание во что бы то ни стало «оправдать подзащитных» опережает элементарную логику мысли. Странно видеть в современной газете этот поток умильного добросердечия к тем, кто губил или способствовал гибели тысяч, и при этом повсеместно наткнуться в статье на трудно объяснимую непримиримость к посмевающим выразить свои, пусть даже ошибочные, взгляды. Все дело, однако, как мне кажется, в плохо спрятанной обеспокоенности за честь «подпачканного мундира», намерении утопить в мутной воде велеречивых рассуждений неблагоприятные дела прошлого и избежать возможных последствий. Что ж, в общем это удастся. При огромной массовости жертв прошлого достоянием гласности стало неадекватно ничтожное количество имен, с ними связанных. Лишь в последний год мы узнали фамилии клеветников, сгубивших гордость отечественной науки — академика Н. Вавилова: всей стране стал известен истязавший его на четырехстах (!) допросах полковник госбезопасности Хват. Газета «Московские новости» в номере за 3 января 1988 года сообщила потрясающие подробности о недавней реабилитации Верховным судом СССР группы московских девушек, осужденных в 1939 году за «контрреволюционную деятельность», которая, конечно же, была инспирирована определенными лицами, тут же и названными в газете: сержант органов госбезопасности Макеев, некто Кабулов, лейтенант Якушин. Примечательное сообщение! Пленум Верховного суда СССР не только реабилитирует

жертвы, но и называет палачей. Но это в Москве. А что же у нас, в Белоруссии? Где имена людей, сгубивших в своем «искреннем заблуждении» партийных и государственных руководителей республики Червякова, Голодеда, Шаранговича? Писателей Тишку Гартного, Платона Головача, Максима Горьцкого, Михася Зарецкого, Владислава Голубка и многих, многих других? Какие конкретные условия и причины породили массовое уничтожение национальных кадров, кому это было на руку и кто столько лет радел о том, чтобы все концы были надежно спрятаны в воду? Можно пересмотреть все писательские справочники, 12 томов БелСЭ и не обнаружить ни намек на драматические события 30-х годов, а массовую смертность общественных деятелей в 1937–38 годах скорее отнести на счет непонятной массовой эпидемии. Множество вопросов в этом смысле вызывают упомянутые авторитетные издания, только ответа на них не будет. И, как показывает энергичное выступление республиканской печати с оправданием происходившего, никто на них отвечать не собирается.

Мне думается, однако, что такое положение совершенно аномально для нашего времени и на все эти вопросы ответить придется. Так долго и тщательно оберегаемые от стороннего взора «спецхраны» и другие архивы в конце концов придется открыть, как это уже делается в Москве и других городах. И будут написаны новые статьи, в которых назовут имена, приведут настоящие факты и иные цитаты, способные пролить свет на все темные пятна прошлого. И все это будет сделано не по чьей-то злой или доброй воле, а в силу объективных законов истории, развивающейся в направлении разума и справедливости. И потому напрасны любые, самые научно-изошренные попытки затормозить этот ход в наше время, тем более повернуть его вспять.

История обратного хода не имеет.

[1988]

[БЕСЕДА ДЛЯ СБОРНИКА «ВЕСТЬ»]

— Уважаемый Василь Владимирович, прошел ровно год с той поры, как мы впервые встретились для обсуждения рабочих документов задуманного нами кооперативного издательства «Весть»: уже были готовы проект устава и информационное

письмо от имени инициативной группы... Тогда было много надежд, сомнений, неясностей. Сейчас те переживания представляются наивными: действительность оказалась и более сложной, и менее приветливой, чем мы могли предположить. Новизна начинания многим показалась вопиющей. Некоторые предостерегали, что у нас нет и не может быть шансов на успех. Но вот прошел год. Обозначилось многое. Мы видим и знаем, сколько у нас противников, кто они. Мы уверились: отношение к нашей идее и подобным инициативам вообще — это в какой-то мере показатель отношения к перестройке, обновлению, демократизации. Мы поняли: одни с надеждой, а другие в страхе и оцепенении следят за происходящей борьбой и стремятся понять: а смогут ли писатели доказать чиновничеству свое, в общем-то, очевидное, право на издательскую самостоятельность?.. И вот сейчас мы с вами готовим материал для нашего первого издания — сборника «Весть». И если читатель вскоре сможет взять в руки этот сборник, — значит, один, первый, пусть не очень уверенный, шаг к раскрепощению сделан...

Мы живем в удивительное, необычайно яркое время. Что в 1987 году больше всего вас обрадовало, а что огорчило?

— Наверняка не окажусь оригинальным, да и не стремлюсь к этому, говоря: самым радостным событием 1987 года было подписание первого Договора о сокращении части ядерных вооружений. Это чрезвычайно важное свершение. Оно, может быть, не всеми достаточно остро воспринимается оттого, что с нами в последнее время происходит очень многое... Мы как бы поневоле становимся максималистами даже в восприятии новостей — нам требуется все сразу и поскорее. Если так подходить к встрече Рейгана и Горбачева в Вашингтоне, тогда, конечно, надо будет признать: они не решили значительной части глобальных и региональных проблем, не рассеяли всех сомнений, но они начали прокладывать новую дорогу, во всяком случае, указали направление, дали человечеству, пусть пока не очень крепкую, надежду на то, что гарантии будущего существования людей на Земле могут быть обеспечены. Вот где истоки нашей надежды.

Что же касается нашей литературной жизни, тут надо отметить и подчеркнуть факт публикаций в прессе «совершенно невозможных» статей (по старым, но еще таким недавним меркам); этим был богат 1987 год. Что было самым значительным? Постараюсь быть объективным и высказать не только свое мнение: по моим наблюдениям, самым популярным литературным произведением года является «Дети Арбата»

Анатолия Рыбакова. Я впервые читал этот роман в рукописи лет шесть тому назад, по просьбе автора (он об этом рассказывал в журнале «Огонек»)... Только признаюсь честно, я тогда в своем отклике Анатолию Рыбакову писал, что, по моему мнению, этот роман никогда не будет напечатан. Безусловно, я исходил из литературной и политической обстановки того времени. Получилось, что я заблуждался, и публикация явилась свидетельством крушения этого моего заблуждения — к моей огромнейшей радости. Это роман замечательный. Почему он так популярен в народе? Тут много причин. Но я уже не однажды слышал возражения вот такого рода: да, роман, мол, хороший, там много правды, но как быть с художественностью?.. А я хотел бы сказать: в наше время для нашей литературы, далеко не перенасыщенной правдой, эта самая правда из категории моральной становится категорией эстетической. И поэтому роман Рыбакова, исполненный правды — и такой кристальной правды, уже являет собой образец высокой художественности. Так мне думается.

Что меня опечалило в прошлом году? Многие моменты внутренней и международной жизни вызывали чувство неудовлетворения. Огромное множество. Не стоит, наверное, сейчас все вспоминать. Если же говорить о литературе, самое огорчительное для меня — это возражения некоторых наших именитых литераторов против опубликования произведений так называемой запрещенной, или «изъятой», литературы. Я просто не понимаю, как люди, называющие себя художниками-гуманистами, могут противиться публикации поэм Твардовского и Ахматовой или же романов Дудинцева, Рыбакова, повести Приставкина, произведений Платонова, противиться возвращению Набокова, — мне это непонятно. И горько видеть в деятелях культуры такую непримиримость!..

— *Еще — о наших разочарованиях, огорчениях, потерях. Достигнуто — особенно в области очищения, возрождения культуры — много. Но и теней хватает. И попыток урезонить поверивших в обновление — масса. Сколько уже ходит анекдотов и шуток о перестройке того, что не построено, о подневольной инициативе, о гласности «под сурдинку». Есть еще выражение «гласность вопиющего в пустыне»... Эти невеселые шутки свидетельствуют, на мой взгляд, вот о чем: о тревоге общества, народа, о некотором неверии в полный успех демократических преобразований; а сама эта тревога говорит о неуверенности в себе сторонников и последователей нового курса, в своих возможностях, способностях, силах. Мы еще не освоились, быть*

свободными — не умеем, управлять собой и страной — затрудняемся. Журналисты и публицисты сейчас ушли довольно далеко вперед. Но... их ведь и позвали, и подтолкнули, и поддержали. И то — не всех. Я хочу еще раз сказать о свободе слова и печати: это важнейшие моменты не только для литераторов — для общества в целом. Гласность уже нельзя воспринимать как подаяние. Больно слушать слова, что следует максимально использовать момент: очередную внеочередную оттепель... Средства массовой информации, печатные машины должны быть приближены к людям, к тем, кто пишет, читает, мыслит... Чиновничья монополия на книгоиздание должна быть ликвидирована. Я уверен, что сама возможность выбора между государственным и кооперативным, гигантским и небольшим издательствами — уже благо. Что нам отвечали «монополисты», те, кто не желал и не желает ничем поступиться? «У нас всего не хватает: бумаги, типографского оборудования и т. п. — поэтому кооперативов не будет!» Разве не странная логика? В нынешних бедах сторонники эксперимента не повинны, а решать судьбу начинания будут — и решают! — те, кто не имеют на это морального права. Вряд ли это демократия. Независимости по-прежнему опасаются. А без свободной, независимой литературы (не зависимой от чьего бы то ни было диктата, от некомпетентных «присматривающих», от низменных страстишек) общество полноценно жить не может. Каково ваше мнение, Василь Владимирович?

— Скажу в шутку, следуя обыкновенной мужицкой логике: два почти всегда лучше, чем один. Мы отвыкли от возможности выбора. Что ж, будем учиться. Вот я и считаю: даже два, пусть сходных предмета — начинания, предприятия — это уже помощь людям, это разнообразит жизнь. По меньшей мере. А по существу скажу: все дело в том, что государственные книжные издательства доказали свою неспособность удовлетворять спрос широкого читателя на литературу. Сейчас мы что слышим? «Это раньше, до перестройки, мы плохо работали, а сейчас мы всех удивим демократичностью, гибкостью, изобретательностью!» Почему мы обязаны этому верить? Пока обеспечиваются минимальные, необходимые потребности, но вот сама структура «духовного питания» остается крайне бедной, а система утоления книжной жажды — несовершенной. И ничего тут странного нет. Малые, оперативные предприятия изначально ближе к потребителю, и именно в условиях спроса, близкого к нормальному, они должны помочь писателям и

читателям быстрее и с наименьшими потерями находить друг друга. Книжный бум избаловал издателей, приучил смотреть на свое дело как на не слишком хитрый способ загребания денег. И вот на беспокойных косятся: ишь ты, бизнесмены нашлись, на легкий заработок польстились! Но условия сейчас иные. Книжный бум пошел на спад. И это благо. Теперь каждый мог бы зная свое место и делать свое дело — хорошо, с блеском! Пусть государственные издательства обеспечивают нас великолепными, идеально полиграфически исполненными изданиями, балуют большими тиражами; а кооперативные, смешанные, небольшие — расширяют ассортимент, ищут своего читателя, удовлетворяют самые разнообразные и неожиданные вкусы. Это что же — утопия? Напротив, я думаю, утопия в другом — в убежденности, будто без конкуренции, по собственному благородному порыву, под воздействием исключительно хозрасчета госиздательства окажутся вдруг в состоянии обеспечить спрос широких читательских масс на самую разнообразную литературу. До чего же все странно: госиздателям помощь предлагают, а те и обижаются, и брезгливо отворачиваются! Еще раз повторю: появление кооперативных издательств — несомненное благо. Не так уж у нас много так называемых неиспользованных резервов, чтобы мы прошли мимо этой возможности. Непростительно разбрасываться талантами, не реализовывать потенциал. Пусть нас только не называют оторванными от жизни мечтателями. Я предвидел и предвижу многие проблемы. Еще потребуется преодоление упорнейшего сопротивления... И тут ведь вот что справедливо: во-первых, будут сопротивляться сами силы догматизма, сторонники стереотипов; их позицию можно бы выразить так: привывкнув за долгие годы к выхолощенной литературе, основательно переработанной весьма компетентными инстанциями на всех уровнях, обкатанной в цензуре, наш многомиллионный потребитель «макулатурной» классики может с опаской отнестись к тому, что ему в явочном, так сказать, самодеятельном порядке предложат «эти кооператоры». Полагаю, что опасения и возражения такого рода надуманны и беспочвенны. Именно в условиях демократизации следует побороть страх, отучить себя пугаться чего-то якобы не полагающегося или неудобоваримого, неприемлемого для «массового» читателя. Но это, может статься, не самое главное. Пугает полная неготовность нашей полиграфической базы, которая находится в катастрофическом состоянии. Дополнительных нагрузок она может не выдержать. Как говорят враги кооперации: «Если на шею

нашей полиграфии сядут еще всякие инициативщики со стороны!..» Но не следует говорить и готовиться к дополнительным нагрузкам. Следует поделиться — и все. Оставить 90% бумажных фондов и полиграфической базы в госсекторе, а 10% передать кооперативам. Все это — в порядке эксперимента, сроком года на три. Это и будет проявлением свободной, а не подневольной инициативы — в самом широком смысле, хозяйским подходом к сложной задаче. Именно такая политика — иначе как политикой доверия ее не назовешь — поможет устранить многие недостатки и препоны и сделать реальным постоянное самообновление. Тогда кризисы будут легче преодолеваться, тогда мы действительно будем связаны общим делом, тогда нам не придется, потупив глаза, оправдываться перед детьми и внуками: «Выход этих и этих книг был потому-то затруднен или невозможен...»

— *Мы вплотную подошли к вопросу о доверии: общества к личности, одних групп населения к другим, власти к народу. Это и вопрос об ответственности. Это и вопрос о самоопределении человека, о том, что люди без понуканий могут и должны гармонично существовать в конкретных исторических условиях. Это вопрос о созидании истории. Как вам видится: каковы на сегодняшний день возможности и перспективы обыкновенного, среднего или, как мы говорим, простого человека в плане влияния на историческую ситуацию?*

— Я думаю, влияние каждого отдельного человека — если честно признать — мало чем отличается от абсолютного нуля. Простой человек не может прямо повлиять на международную обстановку, на общественную жизнь в смысле их изменения. Даже заметная, авторитетная личность — даже она не в силах быстро что-либо переменить. Поскольку существуют определенные условия, причинность, взаимозависимость систем, условий, кланов и так дальше. Но, несомненно, на действительность может влиять общественное мнение. А на общественное мнение могут оказывать воздействие отдельные лица. Есть люди, обладающие большим влиянием на общество, — и у нас, и на Западе... Важно не гнаться за сиюминутным результатом. Я вот о чем: неповторим и незаменим вклад в это общественное мнение каждого конкретного человека. Важна именно сумма индивидуальных мнений. Она уже является большой силой, которая способна многое поменять в нашей духовной и материальной жизни.

— *Мы заговорили о взаимоотношениях власти и общества. Хотелось бы коснуться вопроса о структуре управления, о дей-*

ственности власти Советов, о самом осуществлении принципа народовластия. Традиции наши таковы, что глава партии в СССР обладает большей реальной властью, чем в иных странах президент и премьер-министр вместе взятые. Сегодня у нас динамичный, компетентный и, хочется верить, справедливый к себе и другим лидер. Это, однако, не снимает тревоги за будущее страны и населяющих ее народов. Как вам кажется, насколько хорошо или не очень обстоят у нас дела с осуществлением подлинного народовластия? Какие существуют возможности развития и есть ли они?

— Несомненно, есть. Несомненно. Именно осуществление народовластия у нас страдало и страдает многими пороками. Не так давно, а именно принимая в Кремле руководителей средств массовой информации и творческих союзов, М. С. Горбачев сказал, что в этом смысле партия также страдает недостатками, что будет изменена, очевидно, в скором времени, сама система выборов... Это дело неотложное. Хочу добавить, что именно в плане демократизации у нас имеется множество неиспользованных возможностей, незаявленных обязанностей, непройденных тропинок. Мы в этом смысле находимся на зачаточной, первоначальной стадии, и нам еще предстоит многое открывать из того, что должно быть открыто, а во многом мы будем идти непроторенным путем и на ходу изобретать, совершенствовать способы управления. Я не политик, я не знаю, как конкретно все это будет происходить. Ясно только, что прежние методы себя изжили. Многое должно быть коренным образом усовершенствовано — опять же в рамках и по ходу нашей демократизации, гласности, перестройки общественного сознания.

— *Постоянно касаясь болевых точек нашей жизни, мы все больше убеждаемся: страна сейчас на переломе. И в прошлом нас особенно интересуют годы, месяцы, дни великих событий. Великая Отечественная война не оставляет, не забывает и не забудет нас никогда... Ехал к вам и вспомнил стихи Давида Самойлова, написанные почти 30 лет назад. Они не были нигде напечатаны, я сам давно не перечитывал машинописный текст и потому за абсолютную точность цитирования не ручаюсь:*

*Если вычеркнуть войну,
Что останется? Негусто:
Небогатое искусство
Бередить свою вину.*

*Что еще? Самообман,
Позже ставший формой страха.
Мудрость, что своя рубаха
Ближе к телу. И туман...*

*Нет, не вычеркнуть войну,
Ведь она для поколения
Нечто вроде искупленья
За себя и за страну.*

*Правота ее начал,
Быт жестокий и спартанский
Как бы доблестью гражданской
Нас невольню увенчал.*

*Если спросят нас юнцы:
Как мы жили, кем мы были? —
Мы помалкиваем или
Кажем шрамы и рубцы.*

*Будто может нас спасти
От стыда и от досады
Правота одной десятой,
Низость прочих девяти.*

*Ведь из наших сорока
Было лишь четыре года,
Где нежданная свобода
Нам, как смерть, была сладка...*

Вы согласны с таким подходом к военной теме? С такой трактовкой состояния солдата? И для вас война такое же богатство, такое же острое и чистое воспоминание, основа судьбы и творчества? По душе вам такая тональность или нет?

— У Самойлова совершенно верно все сказано — о поколении, о свободе, о боли — все абсолютно точно. Да, именно война явилась для нашего поколения не только смертельным испытанием, но и величайшим озарением, а это уже что-то близкое к счастью. Так счастливы и вольны, как в день 9 мая 1945-го, мы нигде и никогда больше не были. А для многих война вообще стала школой приобщения к духовности, как ни странно это может звучать. Именно значительность трагедии, ее величайший смысл — очистили и закалили многих из нас. Прекрасные стихи. И если вернуть в памяти то время, надо

признать: никогда ни до, ни после мы не были так едины, так близки друг другу... Тут зазорного нет, что мы часто обращаемся к войне, точно к живому существу. И потомки наши будут обращаться к ней — это нормально. Там, в тех годах, и тайна великая, и ключ ко многим нынешним и вечным секретам. Там очень много и начал, и концов... Ну, я-то, само собой, как был там, так и пребываю — куда ж мне деться? Мне там видится очень многое. Война — универсальна. Она не только для нашего поколения так важна, не только для литературы, но и для кино, театра, музыки, живописи — для всего, что живо, что смертно. В ней, в Великой войне — та истинность и неподдельность, которых нам очень часто не хватало.

— *Читать ваши книги — нелегкое дело. Вы писатель жесткий. Как говорят, военный. Тут хотелось бы внести ясность. По отношению к писателю термин «военный» может означать как «пишущий о войне», так и «пишущий о военных». О рабочих — производственников, о колхозниках — деревенщик и т. п. Нет, вы — военный писатель «первого рода». В ваши книги, как и в настоящую войну, втянуты учителя, врачи, крестьяне, рабочие, чиновники. Втянут не просто народ — народы, человечество. Война — так я чувствую по вашей прозе — это состояние человечества, критическое его состояние. Приходилось слышать мнение, будто для человечества, как и для личности, необходимы и полезны разного рода болевые шоки, стрессы, как теперь принято говорить. Можете вы прокомментировать такое высказывание?*

— Прокомментировать... Тут нужно сразу говорить о цене подобных снадобий... Я не знаю... Наверное, уже не раз доказано, что война способствует развитию каких-то отраслей хозяйства. Победоносная война придает нации чувство исторической полноценности, что ли... Все это так. Но я буду говорить о себе. Какие бы мне война ни преподала бесценные уроки, какие бы ни учинила благотворные стрессы — ничто не может и не должно ее оправдать. Но есть один аспект, я его уже касался: из пережитого мы обязаны извлечь все необходимые уроки. И это — положительный опыт. Эта война очень много значила и значит для человеческой морали. Этот урок не пройдет даром, не должен пройти ни в коем случае. Но войной преподано и множество других уроков. Учитывать их следует в культуре, в экономике, в политике. Это уже дело ученых, специалистов, социологов. Конкретно же на ваш вопрос, я полагаю, следует ответить так: односторонность недопустима ни в чем. И в отношении к войне, естественно, тоже.

В памяти о Великой битве нетрудно отыскать много возвышенного, героического, романтического, что позволяет вроде бы гордиться войной как таковой. Но таким взглядом ограничиться нельзя. Писателям часто задают вопросы, и среди вопросов ко мне повторяется такой: «Не стала ли для вас война новой религией? Уж больно много времени вы все проводите в прошлом и сосредоточены, как при молитве...» Что тут мне кажется важным подчеркнуть в ответе? Война — объективная реальность, но воюющими сторонами она воспринимается по-разному. Как бы ни были страшны наши потери, для множества воевавших война была и осталась очищением. Мы воспитаны и закалены войной, победной войной. А Германия? Что делать стране с таким историческим грузом? Попытаться оправдать происшедшее? Это вряд ли возможно. Тогда остается одно — забыть. И немцам активно помогали забыть войну и принесенные ею испытания. Может статься, тут проявление естественного для всякого живого существа инстинкта самосохранения... А мы? Мы пишем и будем писать о войне. И если нужно перед кем-то оправдаться, я так скажу: наши книги о войне — это не военная, это антивоенная литература. Вот в чем ее главная ценность и правота.

— Мы говорим о войне в жизни человека и страны... Сейчас появилась надежда на то, что наши войска в течение этого года будут выведены из Афганистана. Уже и сейчас среди всех проблем, порожденных афганской войной, выделяется проблема адаптации возвращающихся домой солдат и офицеров. Им очень трудно. Слишком страшный опыт несут они с собой. И общество в ответе за них, как и за всех своих граждан. Мне кажется, что многие наши журналисты, публицисты, сценаристы, прозаики и поэты вольно или невольно (в последнее я не очень-то верю) прививают «афганцам» комплекс собственной исключительности. Что вы можете сказать об этом? Способна ли литература как-то повлиять на разрешение или смягчение этого вопроса?

— Трудно дать ответ с достаточной степенью уверенности. Мы и сейчас не располагаем полной, точной, объективной информацией о положении в Афганистане. Думаю, далеко не все участники событий могут похвастаться тем, что знают истину. Все это крайне сложно. Я верю, что обстановка вокруг Афганистана будет проясняться. Сейчас все волнения, переживания — об этом. Пусть перестанут гибнуть люди. И вот когда окончится война, когда все живые вернутся к труду, тогда перед всеми нами встанут не менее грозные проблемы,

обнаружатся такие узлы вопросов, которые и разубить, не то что развязать, будет затруднительно! Воздействие этой войны на всех нас пока что непредсказуемо. Но я уверен: опускаться до упрощений, как это привыкли делать многие наши публицисты, — негоже. Здесь все трудно и всем больно. И придется расплачиваться за нашу и не только нашу недалковидность, глупость, прямолинейность.

— *Нам всем, как бы мы ни стремились к свободе, необходимо от кого-то зависеть. Иначе — одиночество, пусть и гордое. Как у вас обстоит дело с обратной связью? Много ли набирается писем, звонков, других откликов на ваши книги и выступления?*

— Отклики есть. Я не скажу, что их много, но они разные, самые разные. Пишут самые непохожие люди. Кто-то случайно столкнулся с моей книгой, да и другие книги ему редко попадают на глаза. Такие отзывы обычно немногого стоят. Это, скажем так, одна граница диапазона. А другая — люди, близкие мне по духу или по опыту. Совсем не обязательно литераторы. Это другой уровень, и тут я, конечно, прислушиваюсь со всем вниманием. Мы с этими людьми часто думаем по-разному, но мы все равно соратники. Попадают очень острые, взволнованные отклики, особенно на статьи. Иногда пишут люди, явно оставшиеся на позициях тридцатых и сороковых годов. Мы говорим, что история их ничему не научила. Они то же самое говорят о нас. Нынешние исторические перемены этих людей, в лучшем случае, не касаются. В целом же проблемы, которые вы затрагиваете в своих вопросах, находят четкое отражение в подборках читательских писем, публикуемых сегодня в толстых и тонких журналах; вот журнал «Огонек», там этот разворот — читательских писем — просто замечательный, он представляет как бы разрез общества по временной вертикали — от наших дней до тридцатых годов. Хорошо, когда имеется такая трибуна. Это дает какую-то пищу, материал для возможного социологического исследования. Это беглый обзор настроений. Это отнюдь не бесполезно, я полагаю. Если же вернуться к моему опыту, я вот чем готов поделиться: весьма неврдно читать бранные письма, хотя иногда это и тягостное занятие. Но, повторяю, это полезно и необходимо: и высказаться важно, и выслушать.

— *Как вам представляется, та часть общества, которую мы обобщенно именуем «чиновничество», в состоянии выслушивать других, вникать в ситуацию, осознавать что-то в реальной жизни? Бюрократия в последнее время потеряла привычную*

самоуверенность и приступила к отходу и сдаче позиций, или это все наши иллюзии?

— Я думаю, что бюрократия никогда не сдаст своих позиций. Она постарается удержать их, чего бы это ни стоило. Ведь добровольная сдача позиций означала бы исчезновение бюрократии, признание ею своей нежизнеспособности. Кто же решится на подобное самоубийство? Бюрократия, поскольку она есть, будет до конца стоять на своем. Сидеть на своем, так точнее. Другое дело, что она приспособливается. Например: гласность, а вернее говоря, безгласность, которую до недавнего времени умело регулировала бюрократия (прессой чиновники управляли безраздельно, мы это отлично помним и знаем), — так вот, эту область пришлось оставить, сдать. Это факт. Но ведь гласность — единственное, чем бюрократия поступилась. Я не вижу пока ничего другого, что бы чиновники вернули обществу, народу. Даже если говорить о «прогрессивном» крыле этого воинства — технократии: после опубликования многих законодательных актов, ограничивших сферу влияния именно технократии, — тем не менее мы видим, что все рычаги реальной власти по-прежнему в ее руках. Бюрократия их и не выпустит. Телевидение каждый день нам рассказывает о том, как директора заводов, которые искренне поддерживают перестройку, на практике никаких новых, реально обеспеченных прав не имеют. Поскольку госзаказ занимает в программе их деятельности 100%. Причем выполнение этого, соответствующего госзаказу, стопроцентного плана обеспечивается материальными ресурсами, скажем, лишь на 70%. Можем себе представить, какова степень зависимости этих руководителей от власти чиновничества!

— Вам наверняка приходится вступаться за обиженных, осуществлять справедливость, что называется, «явочным порядком». Человек, писатель, общественный деятель Василь Быков — это значительная сила, как вам самому кажется?

— Никакой я силы не вижу. Никакой абсолютно. Ведь единственное, что я могу, — это написать какие-то там слова... И лишь теперь благодаря несомненным завоеваниям нашей перестройки большую часть этих слов стало возможно печатать. Вот и все. Если говорить о моей общественной деятельности, депутатской, например, то она по-прежнему, как была когда-то почти безрезультатной, такова и теперь. Может быть, сейчас ее следовало бы назвать уже «малорезультативной». Я и в эти дни каждый раз сталкиваюсь с огромными трудностями, особенно если дело касается материальной сферы. И сегодня,

ясное дело, нашим хозяйствам, заводам, лабораториям требуются не какие-то безграничные свободы — им просто необходимы реальные, осязаемые механизмы, стройматериалы, ресурсы, идеи. Допустим, во многих хозяйствах есть свои деньги, у некоторых даже немалые. Но как и во всем нашем большом хозяйстве, эти деньги почти ничем не обеспечены. И вот тут, увы, я могу не больше того, что может руководитель колхоза... Мы оба вправе сколько угодно долго стоять с протянутой рукой. Директор совхоза, к примеру, не в состоянии достроить гараж для сельхозтехники или мастерскую для ремонта этой техники. Не может достроить, потому что не хватает каких-нибудь четырех бетонных балок для опор. И он обращается ко мне. Я тоже сам балки не произвожу. Я иду и ломаю шапку перед инстанциями, во власти которых выделить эти жалкие бетонные изделия совхозу или не выделить. Как правило — ничего не выделяют, ибо в их распоряжении всего-навсего две балки, а народному хозяйству необходимо две тысячи. Вот об эту нехватку материальных ресурсов разбиваются самые благие намерения — руководителей, депутатов, энтузиастов. Я тут — никакое не исключение.

— Вопрос в продолжение предыдущего. Уже около двух лет существует Бюро секретариата Союза писателей СССР. Вы входите в его состав. Скажите, чем занимается этот орган? Он необходим? Нам кажется, или вправду он бездействует? Как, в принципе, вы относитесь к Союзу писателей — в чем его смысл?

— До недавнего времени все творческие союзы были организованы и построены — я их структуры имею в виду — на чистой воды бюрократической основе. Те же инстанции многоярусные, то же бумаготворчество, те же планы и — то же отношение к человеку. При этом: абсолютное раболепие перед высокими партийными и государственными инстанциями. Не только мой опыт свидетельствует: искусство, культура менее всего нуждаются в руководстве. Более того, во многих случаях это руководство им совершенно противопоказано. Для творческой организации самым лучшим руководителем будет тот, кто меньше всего руководит. Видите, как хитро я оправдал бездействие Бюро секретариата?.. Теперь конкретно — структура Союза писателей СССР страдает чрезмерной усложненностью, перегруженностью — совершенно неприемлемой степенью бюрократизации. Все это надо изменить. Не знаю, как будут совершаться перемены. Но уверен: здесь нужны очень решительные, какие-то радикальные меры. Ведь ясно же: во

многих случаях все эти громоздкие бюрократические системы и структуры используются не для блага литераторов и уж ни в коем случае не для помощи литературе, а для осуществления вполне определенного давления. Не доказывает ли факт публикации прежде запрещенных книг того, что все значительные сочинения были созданы не благодаря, а вопреки этому давлению? Но мы до сих пор не сумели перестроить систему нашего самоуправления таким образом, чтобы она облегчала жизнь литературе, а не служила фактором подавления и сдерживания. А Бюро — что Бюро? Стыдно признаться, я до сих пор не усвоил, как оно функционирует и для чего существует. Моя вина. Мог бы делать больше, но пока не умею.

— Скажите, жизнь часто ставит вас на место, заставляя вспомнить, что вы — белорус? Что вы испытываете в такие мгновения?

— Констатирую: существует белорусский национальный характер, существует нация, культура, литература. Конечно же, белорусский народ развивается, по крайней мере, в последние десятилетия, в тесной дружбе и в союзе с другими народами нашей большой страны, особенно соседними. Так что с интернационализмом у нас все в порядке. Есть другие сложности. Сейчас стала особенно острой проблема национального языка. В связи с бурной урбанизацией нашего общества сфера непосредственного применения языка сужается. Сельское население убывает, а вместе с ним, как главным носителем национального языка, уменьшается сфера его распространения. Это вызывает естественное беспокойство, особенно среди творческой интеллигенции. Состоялись выступления, появились публикации на этот счет — все это совершенно понятно. Предпринимаются некоторые меры со стороны властей для стабилизации этого процесса, чтобы в какой-то степени замедлить, если не совсем прекратить, это неуклонное сползание в никуда. Но пока что эти меры, по-моему, носят характер паллиативов и вряд ли в ближайшее время дадут положительный результат. Все будет зависеть от самого народа, от тех, кто еще пользуется белорусским языком. Эта проблема сопряжена с проявлениям некоторой нервозности... Но обеспокоенность значительной части нашего общества, особенно интеллигенции, тут вполне объяснима.

— Василь Владимирович, а сколько всего белорусов в Белоруссии?

— Видимо, к белорусам следует отнести тех, кто родным языком считает белорусский. Таких в Белоруссии около 7 мил-

лионов. Есть соответствующая статистика. Но одно дело паспортные данные, собственное ощущение, а другое — истинное владение родным языком, кровная принадлежность земле, истории, культуре. А у нас как: с каждым годом сворачивалось обучение на родном языке в школах. В городах, например, почти не осталось белорусских школ. В Минске нет ни одной белорусской школы уже давно. Сеть белорусских школ на селе редет постепенно и постоянно. С каждым годом. Сейчас ставится вопрос: нельзя ли в начальных классах сельских школ вести обучение на белорусском языке?.. Или ввести как можно раньше преподавание белорусского языка в школах с русским языком обучения? Это, конечно, важная мера, и она должна принести какие-то плоды в ближайшее время. Но одной этой меры недостаточно.

— *Нынешние беды белорусского языка — в какой степени они стихийны, а в какой предопределены нашими общими ошибками и преступлениями? Снизу подпитывается или сверху насаждается такой порядок? Может быть, сами белорусы, дети и родители, в чем-то повинны?*

— В том-то и дело, что виноваты все. Родители-белорусы по-своему жалеют своих чад. Перегруженность детей в школах общеизвестна. Вот отцы и стараются оберечь, избавить детей от всего, по их соображению, необязательного. При этом они ориентируются и на свой опыт, и на опыт соседа. В разряд необязательных «естественным» образом попадают родной язык и литература. Ребенок, казалось бы, может без этого обойтись. Действительно: выпускных экзаменов по этим предметам нет, приемных экзаменов по ним не существует, обучение в высшей школе на белорусском языке не ведется. Почему бы не отказаться от этого языка? Бытие определило сознание. Если другие дисциплины будут поставлены в такое же положение, их постигнет схожая участь. Но они-то как раз — в условиях постоянной надобности. Чего о нынешнем состоянии моего родного языка не скажешь.

— *Мы почти все время так или иначе касаемся вопросов жизни и смерти... Мы говорим о жизнеспособности народов, культур, традиций. А если — просто о человеке, о провинившемся человеке? Ваше отношение к смертной казни?*

— Боюсь, мне будет непросто сформулировать свое мнение. Конечно, если принять во внимание опыт цивилизованных стран, придется признать: он свидетельствует против смертной казни. Я готов с этим согласиться. И вот еще в чем дело. Практика наших правоохранительных органов с их бесконеч-

ными ошибками, нарушениями, с использованием правосудия в корыстных, личных целях (тут уже стоит говорить скорее о неправосудии), когда известно много случаев присуждения к смертной казни людей невиновных, и, более того, эти приговоры приводились в исполнение, — такая практика доказывает, что высшая мера, используемая небезошибочно, должна быть отменена. Ведь нет никакой гарантии, что она не будет направлена против любого из нас, во вред праву и обществу. И наше правосознание, и практика наших правоохранительных органов находятся еще на таком уровне, когда им просто страшно доверить столь чудовищное орудие, как смертная казнь. Я не хочу этим сказать, что мы должны дорасти до смертной казни. С другой стороны, я не уверен, что ее отмена — в сегодняшних условиях — приведет к значительному снижению преступности, особенно связанной с применением насилия. Впоследствии, в обозримом будущем, это должно принести несомненные добрые плоды, но сегодня этот шаг может вызвать некоторый, пусть кратковременный, всплеск правонарушений и даже серьезных преступлений. Это не исключено.

— Мне кажется, союзные республики в ходе обновления и демократизации могут и должны получить гораздо больше самостоятельности, чем имеют до сих пор. Думается, сама республика должна регулировать правила въезда и выезда со своей территории, иметь свои государственные награды, а главное — свои подходы ко многим важным проблемам — в частности, к проблеме смертной казни... Наш следующий вопрос касается конституционного права советских граждан на выбор места жительства по своему усмотрению. Обычно эта конституционная гарантия трактуется лишь как свобода выезда за границу. Но это только часть проблемы. Каково ваше отношение к нынешнему паспортному режиму?

— Крайне отрицательное. Это тоже одно из средств закабаления и давления на общество со стороны чиновничества. Различные ухищрения, связанные с паспортным режимом, достигли такой степени, что полностью потеряли здравый смысл. Ситуация с правами человека у нас вообще продолжает оставаться запутанной и напряженной. Многие свободы весьма иллюзорны, а на деле главенствуют: свобода для бюрократии опутывать народ разнообразными параграфами, а народу предоставлена свобода жаловаться на притеснения со стороны чиновников самим же чиновникам. Разве мы не сталкиваемся повседневно с такими проблемами, например, как трудоустройство и прописка? Когда на работу принимают только с пропи-

ской в данной местности, а прописывают лишь тех, кто имеет здесь работу? Я не знаю ничего более кощунственного. Или вот положение о пограничной полосе и приграничной зоне. Огромные пространства объявляются закрытыми для свободного въезда якобы потому, что примыкают к границе. Боюсь, что, так толкуя понятие о границе, мы всю страну превращаем в осажденную крепость. Вроде бы естественно, что в такой крепости уже нормальные законы не действуют, зато в ходу нормы осадного положения. Это все, на мой взгляд, служит не интересам охраны границы и государственной безопасности в целом, а ущемлению и без того урезаемых на каждом шагу прав граждан. Я, например, каждый год в конце лета иду в органы милиции и там несколько часов стою в очереди за тем, чтобы заполнить анкеты, оформить всевозможные пропуска, поставить штампы и печати — и поехать в Дом творчества, принадлежащий Союзу писателей Литвы и расположенный на Куршской косе. В этот Дом ни с одной, ни с другой стороны не проедешь без оформления еще здесь, в Минске, самых разнообразных документов, которые почти не отличаются от тех, что необходимы для выезда за рубеж, в том числе в капиталистические страны. Зачем и кому это надо? Почему одного паспорта, который содержит массу сведений и должен, казалось бы, удостоверить мою личность, недостаточно? Как можно говорить о равенстве, если жители столиц, Москвы, скажем, по праву рождения обладают большей свободой выбора места жительства (у них есть право жить в Москве, а другим его еще надо добыть!) и, к примеру, продуктов питания! И советские граждане, желающие по обмену переехать в Москву, должны добиваться некоего особого разрешения! А Положение о паспортной системе? Само оно полностью нигде не опубликовано, насколько я помню, мы вправе знать лишь выдержки из него, а за нарушение этих тайных правил с нас спрашивают по всей строгости... А дело в том, что наша несвобода — хлеб чиновничества. Чем мы менее свободны — тем они богаче и сильнее. И наоборот.

— *Василь Владимирович, каково ваше отношение к всеобщей воинской обязанности? Все ли в порядке в наших Вооруженных Силах? Мне кажется, такой вопрос не должен оставить вас равнодушным.*

— Этот вопрос, мне думается, никого не должен оставить равнодушным. Да, конечно, защищать Родину от врага — священный долг мужчины. Вроде бы из этого постулата естественно вытекает необходимость и неизбежность всеобщей

воинской обязанности и именно в этом ее виде, в каком она существует у нас на сегодняшний день. А тут есть в чем усомниться. Стоит вспомнить, что, скажем, в Соединенных Штатах армия целиком добровольческая — в нее людей нанимают, как на работу. Это с одной стороны. С другой — часто слышатся сетования, что молодые люди не в состоянии иначе овладеть сложнейшей современной техникой, кроме как в условиях казармы... Это сомнительное утверждение. Следует еще иметь в виду, что армия в ее теперешнем состоянии — это система, травмирующая не только изнеженную психику, часто ломающая, а не закаливающая личности и судьбы. Нам очень многое нужно совершенствовать. И армию в том числе. Военные, как правило, обижаются: они-де хотят воспитывать бодрые, здоровые, нравственно уравновешенные поколения, а всякие там хлипкие грамотеи им мешают. Иногда слышишь обвинения, будто литераторы наносят армии своими писаниями ущерб, соизмеряемый с успешными действиями зарубежных разведцентров. Тут невольно смотришь на календарь и с облегчением вздыхаешь... Как переустроить армию, отношения внутри нее и отношение к ней? Мне кажется, поначалу следует отказаться от призыва студентов. Верю, что это будет возможно в рамках общего сокращения Вооруженных Сил. Может быть, сроки прохождения службы будут уменьшаться? Может быть, само прохождение службы не обязательно должно так обставляться, как теперь? Может быть, и армия вполне подходит для культивирования в людях самоуважения и уважения к ближнему? Все это сложные вопросы. Но есть надежда, что именно гласность, демократизация, обновление помогут их правильно разрешить. А вдруг и нам надо опробовать форму референдумов, плебисцитов? Лишь бы очередное решение не было келейным. Мы — граждане СССР, жизнь страны — это наша жизнь, и вряд ли разумно держать нас за непосвященных.

— *Наши мечты становятся все более смелыми. Василь Владимирович, до каких перемен и свершений вы хотели бы дожить?*

— Смею полагать, мои ответы дают достаточно полную картину того, что я хотел бы застать, каким хотел бы видеть государство и время. Обобщенно говоря — мечтаю, чтобы люди раскрепостились, избавились от скованности, страха, предрассудков. Мы сделали несколько шагов в этом направлении. Путь вперед долгий. Верю, что он будет пройден. А что мы увидим на этом пути и какими станем — покажет время. От нас многое все же зависит. Особенно сейчас, когда есть на-

дежда, что пахарь сможет не по подсказке сеять, учитель — не по шпаргалке учить, врач — исцелять, не боясь наказания за невыполненный план, и т. п. И, что меня чрезвычайно обнадеживает, наступают времена, когда деятели культуры могут работать с чувством защищенности от несправедного навета, грубого вмешательства, некомпетентного приговора. Мы, по счастью, такая страна, где люди жадно читают книги, слушают стихи, воспринимают слово. И мы действительно многое можем для людей сделать. И делаем без всякого принуждения. Нам еще предстоит по-настоящему взяться за руки. Сейчас мы только ищем руку брата, товарища, соседа, ближнего своего. Верится, что уже никакая черная, коричневая или серая чума не одолеет нас.

Беседу вел Георгий Ефремов.

14 января 1988 г.

НЕ ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ

— Самое знаменательное для последнего времени — это, пожалуй, повсеместное осознание необходимости нашей перестройки. Особенно же — выработка нового сознания, демократизм, гласность. Мы смело взглянули в глаза прошлому, настоящему и будущему.

— *Но ведь находятся люди, которые и устно, и печатно пытаются утверждать: не надо «ковыряться» в прошлом! Не все, мол, было так, как это сейчас пытаются изображать «некоторые литераторы». Зачем, дескать, вся эта ревизия... Что вы можете скачать по поводу таких ревнителей прошлого?*

— Во все времена находились люди, которых вполне устраивала их жизнь, власть, их правовое и общественное положение, и потому они ничего не хотели бы менять в своей жизни. Они и нынче готовы изо всех сил сохранить милые им порядки, нравственно оправдывать их и даже научно обосновывать их «объективную необходимость». Им хотелось бы, например, чтобы оставался незыблемым авторитет их кумира Сталина, разрушение кумира может внести нестабильность в их положение. Правда для них сопряжена с риском больших потерь. Они мало озабочены судьбой нового поколения, того, при жизни которого и совершается драматическое крушение

многолетней лжи. А ведь именно в руках этого поколения — судьба социализма.

Да, о фигуре Сталина спорят, люди сопоставляют миф о нем и действительность. Верно, что мы строили социализм и победили в войне, когда генсеком был Сталин, другого в то время не было, сравнивать его не с кем. Но ведь это только одна сторона проблемы. По множеству фактов мы можем судить о его руководстве уже по прошествии времени, с точки зрения пусть близкой, но истории. И нам становятся очевидны и его предосудительные методы, и колоссальные издержки, ставшие возможными по причине его тотального недоверия ко всем, стремление все проблемы страны решать самому даже в тех областях, где у него не было опыта. Помните пример с дисковыми магазинами к автоматам ППШ, о котором рассказал бывший нарком Б. Л. Ванников? Вопреки мнению всех специалистов Сталину понравились магазины от финского автомата «Суоми», и он приказал организовать их производство взамен рожковых. Решение дорого обошлось миллионам солдат нашей пехоты в течение всей войны. С ним связаны и роковые решения в науке, культуре. Как можно не разобраться со всем этим детально? Уход под любым предлогом от этой проблемы — не что иное, как «мудрость страуса». Конечно, разрешение можно было отсрочить, отложить, как это было сделано в 60-е годы, на плечи последующих поколений. Но вряд ли последующие поколения поблагодарят нас за это. Болезнь, загнанная внутрь, чревата непредсказуемыми последствиями...

— *Ныне уже названы кое-кто из тех, кто до сего времени ходил в «безымянных» помощниках культа личности. Ну, хорошо, назвали их. А что дальше?*

— Если мы всерьез намерены следовать политике гласности и демократизации, в чем лично я не сомневаюсь, то мы не должны останавливаться на полпути, иначе революция теряет разбег. Н. Хрущев сделал огромное дело, разоблачив преступления Сталина и его приспешников. Но он остановился именно на полпути. Это одна из самых крупных его ошибок.

Теперь времена переменялись. Немало тех, кто тоскует по Сталину, а на словах поносят его. Впрочем, делают они это вполне искренне — это их счет ему за в общем-то обеспеченную, но беспокойную с моральной точки зрения старость. А иные преуспевают в реанимации явлений, давно отправленных в небытие. Так, сын Лысенко утверждает, например, что академик Вавилов оклеветал себя сам, а лысенковщина

как наука давно доказала свое преимущество над вавилонской генетикой.

В полку реаниматоров, как ни странно, все прибывает. Газета «Советская Белоруссия» три месяца назад выступила с «глубокомысленным» обоснованием того, что былых доносчиков и фальсификаторов нельзя привлекать к ответу на том основании, что они были преданы Сталину и искренне заблуждались, уничтожая невинных. Месяц спустя другой автор в той же газете пошел дальше, всерьез обосновывая «вину» известного белорусского ученого, академика С. Некрашевича, репрессированного в 1937 году и полностью реабилитированного еще в 1955 году. Стоит задуматься: газета выступает с повторными обвинениями человека, давно реабилитированного решением Верховного Суда СССР за отсутствием состава преступления. Что это? Политическое недомыслие или попытка запустить старую машину по второму кругу? Мне думается, за всем этим — наша неразумная терпимость к последствиям того же культа и его атмосферы репрессий. Терпимость, понятая некоторыми как слабость, которой грех не воспользоваться. Если мы не обезопасим от них общество, то и не будет гарантии от их вероломного удара.

— *Поскольку в нашем разговоре произвольно произошел «перекос» в сторону исторического прошлого, позвольте задеть еще одну горькую тему. В Витебске снесена Благовещенская церковь X–XII столетий, в которой, по преданию, венчался Александр Невский, в Минске — Преображенская церковь, домик Петра Первого, здание, в котором был первый белорусский театр...*

— Раз пренебрегали людьми, то пренебрегали и творениями их рук. Дело в том, что бюрократия и культура несовместимы. Бюрократии нужна власть, культура ей ни к чему. Если ее еще и терпят, то разве что в сочетании с «соцкультбытом», где культуры может и вовсе не быть. Вы не замечали, что к подлинной культуре сегодня многие не только не стремятся, но и нередко бравировуют ее отсутствием? Отсюда широко распространившееся, вроде бы безобидное сквернословие, бытующее не только в массах, но и на всех бюрократических уровнях. И при всем том — почти ритуальное пристрастие к аккуратным воротничкам, тщательно обставленным кабинетам, японской аппаратуре, научным званиям...

Материальной культуре Белоруссии всегда доставалось сполна: каждая европейская война превращала ее в развалины. И все-таки кое-что осталось, какие-то жалкие крохи прошлых веков. Но и до них постепенно добрались товарищи

бюрократы. Они били наверняка и под корень — в Минске, Витебске, Полоцке, Гродно. Действовали под видом борьбы с «проклятым прошлым», с «опиумом для народа», а рушилась вековая история нации.

И что же? Кто-нибудь получил за это варварство выговор? Я такого факта не знаю. По всей республике гремели взрывы. Где не было взрывчатки или недоставало мехсредств, применяли совсем уж примитивный, но не менее результативный метод: ловкий верхолаз взбирался на верхушку храма и... раскрывал часть крыши. Все остальное «доделывали» снег, дождь, ветер. Скажете, давно было? А сегодня разве нет подобного? Зачем нужна была станция метро возле самых стен архитектурного памятника XVII столетия — Кафедрального собора? Нельзя было перенести ее на несколько сот метров дальше? По стенам собора уже поползли трещины, хоть поезда на этом участке не пошли. А когда пойдут?.. Но вот только, как всегда, виноватые не будут найдены. Боюсь, что их и искать никто не будет.

— *Василь Владимирович, писатель, если он пишет даже о глубокой истории, не может не думать о будущей. По сути, все, что он делает, — для будущего... Хорошо, появятся на свет еще несколько не публиковавшихся ранее произведений — нужных, важных. Но если говорить о так называемой современной теме, то какие литературные герои должны занять свое место в новых книгах?*

— Не так-то просто ответить... За семьдесят лет советская литература наслышалась немало разного, часто взаимоисключающего, а подчас и откровенно спекулятивного! Сколько было изобретено самых общих концепций! Жажда героя для массового подражания порой охватывала Союз писателей так остро, что тут же собирался экстренный форум и литературе в пожарном порядке ставились соответствующие задачи. Каждое время и каждый из руководителей настойчиво претендовали на самое лестное освещение в искусстве. Каждая самая застойная пятилетка домогалась быть увенчанной литературными монументами. Профессионально-цеховые объединения претендовали на всестороннее увековечение во всех жанрах. Литература старалась, но какими бы ни были ее старания, она не могла избежать упреков в отставании от бурно кипящей жизни.

В итоге литература оказалась на грани потери литературных критериев. Серые и розовые поделки не с чем было соотнести. Произведения, которые могли бы послужить эталонами, не допускались до литературы и пребывали либо в опечатанных редакционных шкафах, либо в ящиках письменных столов их авторов. Об этом с трогательной непримиримостью заботи-

лись целые отряды редакторов, издателей, критиков, а среди них — и многие из тех, кто теперь с таким восторгом открыл для них «зеленую улицу». Эти уже перестроились...

— Хотелось бы знать ваше личное отношение к перестройке. Что в ней, на ваш взгляд, идет не так? Что нужно прежде всего перестраивать?

— Перестраивать нужно все, это общеизвестно. Мы дожили до такого состояния, когда все сферы жизни требуют самой радикальной перестройки. Но, по-моему, самое главное, самое первоочередное — это перестройка, а в чем-то и коренная ломка нашего сознания. Но это и самое трудное. Конечно, хотелось бы, чтобы все свершилось по возможности быстрее. Но процесс, который мы начали, чрезвычайно длительный, его не ускорить, не уплотнить до нескольких лет. Современное самосознание общества формировалось десятилетиями всей мощью общественных факторов. Возможно ли переделать его за год-два? В других общественно-политических условиях и в другое время я, наверное, бы сказал, что для радикального изменения потребуется смена нескольких поколений. Сейчас же я скажу другое: мы не можем позволить себе растянуть срок перестройки на долгие годы. Предоставленный нам исторический шанс должен быть использован с максимальным ускорением. Что делать, как быть? Действовать «через не могу». Важно не останавливаться. Малейшая остановка чревата обратным движением. А это обернулось бы катастрофой всех наших надежд и планов.

— А как видится вам перестройка в литературе?

— Лично я вижу ее в новом, настоящем углублении литературы в жизнь, во все ее пласты, на всю историческую глубину. Десятилетиями литература довольствовалась весьма эффектными, с изящными стилистическими пассажами, выигрышными выходами на уровне бюрократической банальности. Сколько симпатичных, философствующих передовых персонажей — производителей и руководителей всех рангов — рассыпано по страницам наших производственных и иных романов, какие хоралы звучат по поводу производственных побед, какие захватывающие бури в хрустальных стаканах мы исследовали! И как справедливо и ко всеобщему удовлетворению все решалось в финале!

А в это время в реальной жизни царствовали экономический застой, узаконенное очковничество, экологические катастрофы. Как стали возможны корруммирование целых регионов, моральное разложение в правоохранительных органах?

Что, литература проглядела? Писатели сплошь надели темные повязки? Писатели все видели, но для литературы только их видения недостаточно.

К счастью, современная журналистика первой вышла в бой за очищение. Воспользуемся же и мы, писатели, новыми возможностями.

— *Не считаете ли вы, Василь Владимирович, что в последнее время некоторые писатели слишком много внимания уделяют межличностным отношениям? Все эти дачи, квартиры, тиражи...*

— Нет, я так не считаю. В жизни, как известно, не бывает вакуума. Отношения в обществе не терпят неясностей во взаимоотношениях людей. Некоторый шум среди служителей муз, возникший в последнее время, — не что иное, как реакция после многолетнего молчания, в тиши которого вызрело столько проблем и определились лица. Лица-то определились, а вот истинного отношения к ним выразить не смели — ранги этих лиц и опекавшее их начальство того не позволяли. Роскошествовали дутые авторитеты, росли фальшивые фигуры. И среди них всякие: тихие, самодовольные, а то и агрессивные, воинствующие.

Давно замечено, что писателей любят уже «ушедших». Судьбы Есенина, Булгакова, Пастернака, Цветаевой, Гумилева, Ахматовой, многих мастеров национальных культур, разве не свидетельствуют об этом? Но приходит время, и в сознании миллионов ничего не остается от творений недавних любимцев властей предрержащих, популярных авторов «на подхвате». Что ж, видно, в этом — проявление извечной мудрости и высшей справедливости жизни и литературы.

— *Василь Владимирович, я сознательно не спрашиваю о вашей новой работе...*

— Я и сам всегда боюсь говорить о том, чего еще нет...

*Беседу вел Николай Матуковский.
[1988]*

[БЕСЕДА С ИВАНОМ АФАНАСЬЕВЫМ]

— *Василь Владимирович, вопрос о нравственных приобретениях и нравственных издержках войны. И вы в своем докладе «Наша сила и воля» на минской (1983 года) конференции с оза-*

боченностью говорили о том, что нужно поддерживать, нужно не терять фронтовые узы, фронтовое братство как момент высшего нравственного единения людей. Ну, а с другой стороны: не слишком ли сильны нравственные утраты? Что в итоге перевешивает на весах истории? С одной стороны, фронтовое братство, а с другой — человек поставлен в такие условия, когда он не только может, не только видит, но и должен совершать тяжёлые поступки: должен убивать, то есть заниматься тем, что вообще противоестественно и что теми же нравственными нормами в нормальном человеческом обществе и при нормальном течении жизни запрещено. Естественно, происходит надлом. И не получается ли, что этот надлом, который, может быть, не сразу проявился после Победы, после всеобщего подъема, затем начинает даже преобладать, довлеть над приобретениями нравственными на войне? Вот вы в романе «Карьер» говорили, кстати, о нежелательной мутации сознания от постоянного ощущения опасности, нависшей над людьми, о том, что угроза ядерной войны объективно вызывает такое состояние. Но это пока еще только угроза. А как же быть, если человек в действительности видит на войне уничтожение самого главного в человеке, подрыв человеческих основ?

— Видите ли, если рассуждать абстрактно, то это несомненно. Но все дело в том, что мы действовали, народ действовал в конкретно-исторических обстоятельствах. А эти обстоятельства были таковы, что извечное, нравственное было отодвинуто, может быть, на задний план. И люди не только с марксистской, но и с христианской идеологией все-таки уяснили себе, что необходимо победить — стало быть, убить немецкий фашизм, что другой возможности для разрешения этого глобального конфликта в то время не было. Поэтому пришлось переступить через многие запреты, не только общечеловеческие, но в данном случае и христианские. И только таким образом можно было защитить жизнь, и культуру, и цивилизацию современную на этой планете, потому что прошлая война все-таки отличалась от многих предыдущих войн. Если, например, Первая мировая война ставила на карту какие-то государственные интересы, границы политические, экономику, экономические связи, то, как известно, прошлая война в этом смысле была гораздо более грозной. В случае осуществления этой новой угрозы человечеству неизвестно, как бы пошла дальше вся наша история земная. Поэтому мы, воевавшие, не очень задавали себе в то время такого рода вопрос: нравственно или нет, скажем, убить фашиста. Убить-то необходимо, потому

что, если не убить его, он убьет тебя. И не только тебя убьет, а еще более того: его победа распространится на народы, на историю и на будущее, на судьбы территорий...

— А как вы тогда относитесь к утверждению П. М. Топера по поводу «Третьей ракеты»? О сцене, где герой произносит свой антивоенный монолог про обожженного немецкого танкиста, он говорит, что в этом есть что-то... даже не совсем правильное...

— Нарочитое...

— Да.

— Может быть, именно для того времени это было нетипично, это было нарочито. Но где-то, в каком-то сознании каких-то людей что-то прорывалось. Это безусловно. Но оно не имело решающего значения и не влияло на поступки воюющих.

— Но ведь появление такого монолога — это уже выход на проблемы будущего. Это уже сознательная авторская задача, наверное?

— Ну, не то что задача. Вы ведь знаете, что в художественном произведении не все рационально, не всё строго сконструировано и действует в направлении какой-то идеи... Эта алогичность и в сознании, и в поступках — как в жизни, так и в литературе, — вполне естественна.

— Вы, наверное, тоже читали в «Литературной газете» выдержки из дневников В. И. Вернадского. Он пишет, что в мировом столкновении мы — тоталитарное государство, вопреки тем принципам, которые вели нашу революцию и которые явились причиной нападения на нас фашистской Германии. Мне хотелось у вас спросить, Василь Владимирович: есть ли какая-то связь между этой мыслью и проблематикой «Мертвым не больно»? И если да, то насколько проблематика «Мертвым не больно» и, в частности, образ особиста Сахно как представителя определенной силы нашего тогдашнего общества, присутствие которой даже в тех нечеловеческих условиях приводило к ненужному ожесточению, обязана этой мысли, этому положению? Или высказывание Вернадского — это просто смятение человека?

— Это не смятение. Дело в том, что люди типа Вернадского — это мыслители. А еще более важно, что это люди все-таки прошлого столетия, прошлого века. Это люди, воспитанные на русской философской мысли. Они видели больше, чем в свое время видели мы, молодое поколение, участники войны. Они могли проникать глубже в природу человеческого общества, человеческую природу. Они видели это сходство, дух системы, несомненно, тоталитарной. Мы же, воевавшие, считали

тоталитарной ту систему. Свою, конечно, мы не относили к тоталитарной системе. Хотя она была, несомненно, и тоталитарной, и автократической. Но, чтобы понять это, надо было дожить до многих последующих событий.

— Но Сахно... Не есть ли его образ осколок этой системы?

— Конечно... Не только Сахно — их было очень много. Их было очень много. Но там случай несомненный. Сахно — один из тех людей.

— *Василь Владимирович, если позволите, вопрос такой. Сейчас как философски, так и психологически стоит вопрос о стереотипе образа врага. И в ваших произведениях на военную тему появляется немец: немец в «Одной ночи» и пленный немец в «Мертвым не больно». Отношение наших людей к нему различное. Но и по-человечески к нему относятся. По вашему мнению, не выходят ли эти произведения на нынешние проблемы? И если да, то в какой степени эта тема или эта проблема может участвовать в разрушении стереотипа врага как целого феномена сейчас?*

— Я думаю, что может. Потому что, конечно, и фашизм, и немецкая армия, оккупировавшая наши земли, создали определенный образ врага, можно сказать — классический образ. Все, что присуще врагу как типу, было осуществлено во время войны. Но, наверное, в какой-то мере, а может быть, и в полной мере, это присуще, наверное, всем войнам, всем завоевателям. Может быть, всем армиям даже. Но, тем не менее, все-таки мы знаем и примеры обратного свойства. Хочу сказать, что до начала войны немецкий фашизм господствовал в Германии каких-нибудь 8 лет. Допустим, в течение войны срок этот достиг 10 лет, немножко больше. И за это время, конечно, фашизация, расчеловечивание сознания многого добились с людьми, но все-таки, наверное, задачу тотального расчеловечивания не выполнили. И среди немцев еще осталось много в нашем понимании даже порядочных людей. Традиция немецкого пруссачества включала в себя, конечно, зверские черты, но в то же время и черты какой-то солдатской порядочности. В качестве примера могу привести хотя бы тот известный факт, что Паулюс — этот, так сказать, классический представитель немецкого пруссачества, — будучи командующим 6-й армией, отменил в своей армии приказ Гитлера об уничтожении в прифронтовой полосе коммунистов и евреев. Он сказал, что это не в традициях германской армии и потому такой приказ армейским подчиненным дать не может. Это, в общем, довольно непонятный поступок с точки зрения любой

военщины. Ну, а потом еще надо иметь в виду христианскую традицию, хотя фашизм ее, надо сказать, подвел основательно в Германии. Но все-таки за ней стоят столетия воспитания. А она, как известно, повлияла на воспитание нравственности. Поэтому наряду с примерами жестокости, массового уничтожения, геноцида, которые укладывались в политику верхов и шли от высших эшелонов германской власти, от фашистской верхушки, по сути дела — от Гитлера, где-то в низах находились люди, может быть, по преимуществу поколения старшего, которые в какой-то степени были свободны от многих постулатов фашизма или игнорировали их. В своих поездках в Германию я встречался с разными людьми. Ясное дело, что я сужу о них не по их поступкам, а по их словам, но, тем не менее, приходится верить. И лишний раз убеждаешься, что влиять кардинальным образом на политику фашизма и фашистской армии, оккупационной армии они не могли, но все-таки каким-то образом они эту политику смягчали. То есть она не достигала должного эффекта ввиду того, что в наших людях они не чувствовали врагов, которых надо истреблять. Кроме того, я знаю свидетельства, которые совершенно не вписываются в контекст образа врага, и, может быть, еще использую в своем творчестве. Это нечто совсем другое. Были случаи, когда немцы освобождали, выпускали, спасали. Я думаю, что и в документальных вещах («Я из огненной деревни...» и других) это обнаруживается.

— *Здесь, наверно, и проблема внеуставного, что ли, «внеармейского» поступка...*

— Конечно, конечно.

— *Как вы считаете, насколько она актуальна? И какой она должна быть в нашей литературе? Внеуставное отношение к жизни, внеуставное отношение к человеку в тех условиях, когда все подчинено именно уставным взаимоотношениям, потому что сама ситуация агрессии, войны требует такого порядка вещей? Можно ли говорить о развитии этой темы?*

— Наверное. Наша литература просто этим не занималась. Естественно, ее возможности были ограничены в этом смысле. Но все-таки в проявлении проблемы есть разные стороны. Наш устав ведь тоже не какая-то прелесть. Там всякого достаточно. Тем более что армейские уставы не изменялись на протяжении десятилетий, и там все было. Многие отменены как совершенно нелепое, как противоправное, но ведь когда-то оно было и действовало. И, конечно, нравственному человеку действовать сообразно безнравственным требованиям было очень непро-

сто. Это всегда был конфликт. Скажем, очень маленький такой момент, который, я не знаю даже, есть ли сейчас в уставах или нет. Но когда-то, в моей службе, был. Например, начальник караула всегда должен проверить документы командира части, его удостоверение личности. На практике это всегда вызывало конфликты. Ну как начальнику караула, сержанту или лейтенанту, требовать документы у командира полка, допустим, у подполковника, когда тот вчера сам инструктировал его перед заступлением в караул?! Порядочность в данном случае побеждала эту требовательность, норму уставную. И каждый раз в таких случаях начальник караула был наказан. Имелся и целый ряд других нелепых требований, военных регламентаций, которые вступали в противоречие с нравственностью человеческой, с совестью. И это непременно оборачивалось каким-то конфликтом. Сейчас, правда, совсем другое имеется в виду под «неуставными отношениями» в армии: проблема «стариков» и т. д. Это, по-моему, обыкновенное хамство, которое еще из бурсы ведется, может быть. Да и вообще в жизни этого достаточно, но если перевести, переложить на наукообразный язык... Если один человек, так сказать, другому набил морду, при чем здесь какие-то «высокие», неуставные или другие отношения? Это просто есть мордобой. Так это и надо расценивать. Так вот, для того, чтобы не шокировать, не эпатировать публику, военные теперь и придумали «неуставные отношения». Чтобы не говорить «мордобой».

— *Спасибо, Василь Владимирович. Вот еще вопрос, если позволяет время...*

— *Пожалуйста.*

— *На ваш взгляд, какие стереотипы героического еще существуют, требуют разрушения, преодоления их?*

— Я думаю, что в мирной жизни должны быть созданы такие условия, когда бы человек не оказывался перед необходимостью героических поступков. Потому что все-таки это противоестественно человечеству. Другое дело — в ситуации пограничной, экстремальной, как на войне, например. И то ведь государство (или общество), если иметь в виду войну нашу прошлую, должно было обеспечить своим воинам такие условия, при которых они должны были победить с наименьшими потерями, с наименьшей кровью. Но когда государство в силу различных причин не может этого добиться, тогда требуется массовый героизм. Так и было в советское прошлое. Но это война все-таки. Там противодействие противника может оказаться (как в данном случае) сильнее. В мирной жизни какая

надобность бросаться под автомобиль или под поезд? И кто имеет моральное право требовать это от человека? Конечно, человек может решать каждый раз сам, но каждый раз только за ним остается право решать это. В ряде случаев, как показывает наш многолетний жизненный опыт, обнаруживается, что там, где проявляется героизм, — там где-то очень близко за ним бежит преступление. Поэтому искоренение преступлений и есть, по сути дела, борьба с героическим. Когда не будет преступлений, не надо будет человеку совершать что-то в противостоянии или, тем более, жертвовать жизнью. И это естественно, это абсолютное право граждан, я думаю — в любом обществе, в любом государстве. Но мы не достигли еще такого состояния. Поэтому, когда один напьется и заснет и загорится коровник, от другого требуется пожертвовать своей жизнью для того, чтобы спасти несколько десятков телят, которые, в свою очередь, пойдут на выполнение плана. Это прекрасно, так сказать... Но! Этот человек оставляет двоих детей сиротами, жену — вдовой, он родителей-стариков лишает себя. Вот чем оборачивается такого рода героизм.

— *А на военном материале, в военных условиях разрушение этого стереотипа? Вот в ваших произведениях: это поступок комбрига Преображенского из «Мертвым не больно» или поступок Мороза из «Обелиска»?*

— Ну, это несколько другое. Это все несколько другое. Как известно, лейтенант Шмидт пошел руководить восстанием, с решением о начале которого он не был согласен. А потом он пошел и под расстрел. Но с таким уровнем нравственности иначе он поступить не мог. В данном случае ясно, что выбор и решение целиком принадлежат ему. Бывают такие случаи, конечно. Ничего не скажешь. Пожертвование своей жизнью во имя жизни ближнего, товарища — «сам погибай, но товарища выручай», — это все понятно. Понятно и, наверно, естественно. Но, по крайней мере, в мирной жизни все обстоит несколько иначе. Вот когда, скажем, человек бросается на железнодорожные пути под колеса проходящего поезда, чтобы спасти ребенка, — это одно. А если он гибнет на поле, когда загорелся хлеб, — это уже несколько другое. Это не оправдывает героизм. И в этом ничего героического я не вижу, а вижу только безрассудство, сродни пьяному безрассудству.

— *Я коснусь, Василь Владимирович, повести «Сотников». Ваше отношение к нынешним спорам о ней? Не изменилось ли ваше отношение к Рыбаку? Или вообще оценка той ситуации? Потому что в «Карьере» главный герой дает подписку*

о сотрудничестве с немцами и, как человек положительный, преследует цель стать в строй борцов. Или Семен Семенов из этого же романа: чтобы попасть в партизаны, он вынужден добыть оружие, и идет в полицаи. Фактически он опять-таки становится на край пропасти, ведь и его тоже могли заставить участвовать в какой-то акции, поставить перед тем же выбором, что и Рыбака.

— Да. Конечно. Но, видите ли, я меньше всего преследую какие-либо дидактические цели. Я просто оперирую жизненным материалом. Ясное дело, что жизнь всегда сложнее каких-то установок. Всегда сложнее. И вот эту сложность я хотел показать в данном случае. И, может быть, в поступках Мороза, может быть, того же Рыбака... У меня часто спрашивают: «Ну, что он — предатель, не предатель?...» Я не знаю. Я не знаю. Потому что это только один из его поступков. А последующие — еще где-то за рамками повести. Поэтому он мог вполне и поучаствовать дальше в карательных акциях, и убивать, и стать убийцей. Мог, допустим, увидев, к чему его готовят, — вернуться, перебежать к своим. Свои могли его застрелить: великолепно... Могли его послать куда-то. Например, в штрафники, чтобы он искупил там эти подозрения. В общем, могло быть по-разному. Но такая задача уже не стояла. Тут я уж не знаю... В том, что касается войны, всегда, почти всегда обстоятельства сильнее человека. Я имею в виду прошлую войну нашу. И человек в единоборстве с этими обстоятельствами очень редко одерживает победу. Или же победа его может быть только вот такого характера, как у Сотникова.

— *«Мертвое» доказательство.*

— Только такая победа. Потому что обхитрить, обойти, победить обстоятельства, в общем, практически было невозможно. Кому-то, может, каким-то ловким образом удавалось выкрутиться, как, например, Семену Семенову. Но и здесь: как сказать... В конце концов этих людей, если они и одерживали победу в каких-то мелких стычках, жизнь все-таки расплющивала. Того же Семенова.

— *Заканчивая разговор о «Карьере», хотел бы спросить: можно ли вообще говорить о некоей нравственной альтернативе в «Карьере»? Я возвращаюсь к образу попадьи Барановской, вспоминая при этом слова академика Лихачева о том, что христианство — это не идеология, а мировоззрение, поскольку идеология может быть буржуазной / социалистической, а христианство — это просто мировоззрение, подкрепленное какими-то этическими нормами поведения в жизни и в быту.*

— Конечно.

— *Значит, можно говорить о нравственной альтернативе как выходе из известного противоречия «Ratio — Логос»? То есть не «рациональное», а человеческое?*

— Да, конечно. Я думаю, да.

— *Василь Владимирович, по-моему, в 1986 году вы говорили, что сомневаетесь в необходимости некоей «сверхлитературы». А затем, позже, признали «сверхлитературу» (т. е. литературу, которая непосредственно решает антиядерную задачу) в качестве гипотетического императива нашего времени. Вы определили ее как литературу очень высокого гуманистического накала, звучания. В чем вам видятся ее перспективы и пути выхода нашей литературы о прошлой войне на позиции «сверхлитературы», т. е. литературы, которая напрямую борется с новой угрозой?*

— Да, мы с Адамовичем об этом говорили давно. Все дело в том, что он выдвинул эту концепцию, но не дал исчерпывающей характеристики. Наверное, у него ее, в общем-то, и не было. Но если говорить в общих чертах: конечно, это литература, которая противостоит будущей войне. Но ведь будущей войне противостоит многое и в литературе прошлого. Поэтому мое расхождение с ним тогда было в том, что не надо чего-то «сверх» — надо продолжать, только с большим накалом, более талантливо, то гуманистическое направление, что издавна существовало в нашей литературе. Ведь гуманистические традиции всегда будут работать на человека. Особенно, если иметь в виду наше общество. Это для Запада гуманизм уже стал чем-то приторным. «Наелись», так сказать. А для нас еще, слава богу, ничего. Мы еще к этому не подошли как следует. Осталась, конечно, литература прошлого, классическая литература. И это очень важно и дорого в нашей жизни. Но Адамович, судя по его повести «Последняя пастораль», видимо, предполагал что-то еще сверх того. Это хорошая повесть, я ее люблю. Она впечатляет, впечатляет очень сильно. Но, если говорить о себе, я просто не обладаю качествами для создания такого рода образов. Поэтому я думаю, что опыт прошлой войны, разработанный на всю глубину нашей литературой, и заложит какие-то основы «сверхлитературы» в понимании Адамовича.

— *А вы не могли бы сейчас сказать, какие проблемы нашей литературой о войне еще не затронуты, обойдены?*

— Я думаю, что очень многие. Прежде всего мне видятся проблемы нравственности. Ведь на войне проявилась вся сущность жизни: и идеология, и мировоззрение, и быт, и взаимо-

отношения человеческие, межнациональные — самые разные. Все там проявилось. Причем, в отличие от обычной жизни, мирной жизни, где это все проявляется несколько смазанно, растянуто, неярко, неявно, как болезнь хронического больного, на войне это в концентрированном виде проявилось: резко, отчетливо. Проявлялось каждый день. В боевой обстановке сразу определялось, кто есть кто. Кто каков есть. И литература из всего этого наиболее «отработала» лирическую часть. Вот героическую часть наша литература «отработала» до конца. Наверное, в области самопожертвования уже вряд ли что осталось новое. Но были люди, которые совершали самопожертвование, и были те, которые их к этому подводили. А вот эти люди обычно остаются в тени. Даже более того. Буквально на днях напечатан в «Советской России» большой материал о батальоне одной дивизии, которая защищала Сталинград. Этот батальон (количеством около ста человек) оборонял вокзал. Там сначала бил он немцев, а потом немцы его там окружили и почти весь уничтожили. Но... все-таки уничтожили не весь. Какие-то остатки, полтора-два десятка человек, выжили, пробились назад к своим. Но дело в том, что, во-первых, определенно не была в окружении оказана помощь, хотя, допустим, такие ситуации случались. Тут, может быть, никто не виноват. Батальон там был обречен. Но далее. После того, как он был уничтожен, это быстренько было доложено наверх, и он был вычеркнут в качестве погибших героев. И поэтому люди, которые там все-таки остались, уже не были приняты в расчет. Они просто были нежелательны. Они не существовали. Они уже переселились героическим образом, так сказать, на небеси. И вот их игнорируют до сих пор. До сих пор... Их не наградили ничем. Они потом воевали в других частях. Некоторые до сих пор живы, некоторые погибли потом, некоторые умерли после войны. Но до сих пор этот их подвиг вроде бы вне закона. Хотя, казалось бы, почему же? А все потому, что в случае героической гибели спроса нет ни с кого, то есть они до конца исполнили свой долг. Но, оставшись живыми, они могли что-то свидетельствовать. И не только «за», но и «против». Поэтому они были нежелательны, все их отторгли. И это продолжается вот уже более четырех десятков лет после войны. Вот отношение к подвигу. То есть у нас очень любят погибших или умерших. Это ведется давно: в литературе, в жизни и на войне. Вот я сейчас ехал в троллейбусе и видел, как во Дворце профсоюзов стоит очередь на выставку вашего речичского художника Исачева. Никогда таких очередей на выстав-

ках наших художников не было. Почему? Конечно, совсем не потому, что он гениальнее всех прочих. А потому, что он уже не живой. Он умер. Сходная судьба постигла когда-то поэта Надсона. Потом — актера и барда Высоцкого. Смерть как бы возносит на большие высоты и делает человека — художника, деятеля какого-нибудь — уже недоступным. Мертвые герои предпочтительнее живых.

Еще один из моментов прошлой войны. Такая история получилась с панфиловцами. Они совершили подвиг, подбили танки. За этот подвиг им присвоили Героев. Считалось, что они все погибли. Но нет, три человека оказались живыми, в плену. И после того, как они вернулись из плена, у них отобрали награды. Их лишили наград. Казалось бы, почему? Ведь они же что сделали, то сделали. И за то, что они сделали, их немцы должны были наказать. Они же немецкие танки пожгли, немцев подбили. Однако немцы их, по разным причинам, не наказали. Так почему должны мы? Только потому, что в последующей своей жизни они что-то совершили не так? И наказывать их, игнорируя их подвиг? А ведь это сплошь и рядом.

— *Болезненный вопрос отношения к пленным?*

— Разные бывают обстоятельства. Были случаи, когда в плен сдавались, были случаи, когда в плен брали, и были случаи, когда в плен сдавали. Армия, массы войск, оказавшись полностью дезорганизованными: без командования, без боеприпасов, без продовольствия, без всякого управления — что это такое, как не сданные? По сути дела, сданные врагу. Были те, которых взяли в другой обстановке: ранеными и так далее. Ну, и третий случай, когда в плен намеренно сдавались. Перебежчики. Поэтому явление это очень сложное. Но дело в том, что теперь военные, как обычно, занимают уставную позицию по отношению к пленным. То есть всякий пленный — это значит преступник. Но я думаю, что спустя столько лет после прошлой войны общество должно изменить к пленным свое отношение: никак не герои, это ясное дело, но и перестать к ним относиться как к преступникам. Теперь уже трудно, естественно, отличить того, кто сам сдался, от того, кто был сдан. Да и не нужно, наверное, этого делать. Потому что мы же знаем, что в плену тоже был не мед, и многие, очень многие прошли через плен и не выжили, там погибли так же, как на фронте. Поэтому, наверное, мы просто должны проявить к пленным какое-то милосердие. Хотя бы. И смягчить свое к ним неприятие. Я так думаю. Потому что просто относиться к ним так, как относились мы к ним во время войны, будет

неправильно. Это будет негуманно, это будет античеловечно. Это просто участники войны, конечно. Прежде всего. И все. Награждать их за это не стоит, видеть в них героев — тоже нет. Но это участники войны, которые претерпели все, что уготовано человеку претерпеть на войне. И был фронт, и была война, и был плен. Который тоже — не дай бог. А военные до сих пор не могут это понять, потому что они всегда прагматически судят. И им кажется, что, стоит оправдать пленных прошлой войны, как в Афганистане перебегут и сдадутся душманам наши воины. Тут уже связь, как говорится, конкретная. Положительного героя дай — все прочтут и будут такими, как положительный герой. А вот отрицательного героя увидят — и армия ухудшится. Так они и сортируют литературу: ту, которая издается в «Воениздате», и ту, которая не издается. Скажем, ни Быкова, ни Симонова, ни Бондарева, ни Бакланова там не издают — так сказать, «литература non grata». Издают других. И комплектуют свои библиотеки так же. Но это за пределами литературных и других рассуждений.

— *Василь Владимирович, от чего бы вы хотели меня предостеречь в работе по вашему творчеству?*

— А зачем же предостерегать? Я выслушал основные положения и думаю, что они правильные. Они правильны, умны, честны. Это очень важно. А предостеречь вас я хотел бы вот от чего. Когда-то, много лет тому назад, я разговаривал об одной диссертации Василя Бурана...

— *Да, у него вышла книга о вашем творчестве. Первый очерк...*

— Вот. И он ее защищал, кажется, три раза. И его «резали» и уничтожали, переписывали ее оценки. То есть его заставляли, конечно. И мы с ним вот так разговаривали. И я ему наговаривал, что там ухудшить, так сказать, что извратить. Потому что, вы сами понимаете, мне было жалко его работы, это продолжалось несколько лет. И сам он человек хороший был. Честный человек. Так вот, я бы хотел, чтобы вы не уступили, потому что хватает у нас еще до сих пор людей, которые начнут вам возражать и «калечить». И если вы что-то сделаете вопреки своей совести и своим убеждениям, то потом, спустя какое-то время, вам будет стыдно. Но дело уже будет сделано, напечатано, и исправить его будет нельзя. Поэтому деритесь за каждую вашу честную мысль.

— *Спасибо, Василь Владимирович.*

— Ваш руководитель Адамович — светлая голова, и на него можно смело опираться. Не в смысле того, что он поможет.

Иногда «повредит», ясное дело. То есть «повредит» перед оппонентами, которые могут быть разными. Что бы Адамович ни выдвигал, многие у нас, в Минске, сразу же против, потому что они знают, что это такое. Но по большому счету, конечно, на него всегда можно надеяться, опираться. Даже если это теперь не идет и встречает возражения, то в XXI веке это пойдет. То, что идет, исходит от Адамовича.

— *Большое спасибо, Василь Владимирович, за эту встречу и беседу!*

13 мая 1988 г.

[ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ПЛЕНУМЕ СП БССР (май 1988 г.)]

Вялікі, сапраўды грамадскі зрух грамадства бачыцца ў тым, што мы ўсур'ез загаварылі пра тых відавочнасці, якія яшчэ гадоў дзесяць назад былі падсуднай крамолай. Усё, аказваецца, адносна ў гэтым свеце. Мабыць, гэта і добра. Але гэта і страшна. Так, гэта страшна, калі грамадства вымушана існаваць ва ўмовах бязмежнага рэлігійызму, без пэўнай маралі, з правам, якое нярэдка скіравана не на абарону інтарэсаў грамадства, а супраць яго, і ўжо безумоўна — супраць грамадзяніна, чалавека. Дэгуманізацыя грамадскай свядомасці ў нядаўнім мінулым зрабілася справай звычайнай, стала нашым бытам, і гэта, быць можа, ужо самае кепскае з усяго нашага мінулага. У імя нейкіх, часта фіктыўных або спекулятыўных ідэй жыццё адварнулася ад яго свядомага носьбіта — чалавека, і гэтая сітуацыя была выдатна скарыстана іншымі сіламі — аўтакратычнымі, таталітарнымі, бюракратычнымі. Людзі прымоўклі, задушаныя і знявераныя, часам шчыра ўдзячныя ўладзе за тое, што тая меней стала саджаць, чым, скажам, у 1937-м. Ужо за адну гэтую палёжку мы гатовы былі палюбіць Брэжнева (і, скажу, палюбіць правільна), і ўжо безумоўна закахацца ў Хрушчова, які вярнуў мільёны бязвінных зняволеных з Калымы. Сапраўды, як жа няшмат трэба чалавеку для шчасця, нярэдка думаецца цяпер. Кожны, хто нарадзіўся чалавекам, ужо ад факта свайго нараджэння мае права на высокі чалавечы лёс. Тое даводзяць цэлыя бібліятэкі літаратурных прац, дзясяткі, калі не сотні дэкларацый, канстытуцый народаў свету. Трэба, каб чалавеку

было добра, тады і ад чалавека можна чакаць дабрыні. Інакш — справа безнадзейная. Авантурная справа.

Дык гэта — чалавек. А калі гаворка ідзе пра народ?

«Народ безмолвствует» — гэта вядома даўно. Народ — гэта чысты ліст паперы, на якім можна напісаць любы іерогліф, як нядаўна яшчэ фанабэрыста заяўляў Мао Цзэдун. Так, у многім гэтыя выказванні маюць рацыю — кожны народ у сваёй гісторыі нямала і «безмолвествовал» і нямала на яго спіне пісалася ўсялякіх іерогліфаў. Але здаралася, што і народ паказваў свой круты нораў, і ў яго былі свае абаронцы, пераважна з інтэлігенцыі, якія не маўчалі і нярэдка сваім жыццём перакрэслівалі самыя прэтэнцыёзныя іерогліфы.

Са два месяцы назад у культурным жыцці нашай рэспублікі адбылося вялікае ЧП, надзвычайная падзея: адзін з самых лепшых нашых паэтаў, нястомны барацьбіт за перабудову, народны паэт рэспублікі Пімен Панчанка прынародна развітаўся з роднаю мовай. Што гэта, калі не вялікае няшчасце для нацыі, далёкія вынікі якога цяпер проста немагчыма прадбачыць? Так, з мовай у нас катастрофа, але гэтая катастрофа здарылася не за апошнія некалькі год, гэта даўняя хранічная хвароба і нават сімптом яшчэ большай хваробы, на якую хварэе наша грамадства. Назва гэтай хваробы — антыдэмакратызм, паслядоўны, шматгадовы, калі не сказаць — спрадвечны, выхаваны стагоддзямі духоўнага нявольніцтва. Наўрад ці дарэчы тут будзе разважаць пра гістарычныя, палітычныя і іншыя прычыны таго, тым болей, што тым, хто гэтым цікавіцца, усё даўно і добра вядома. Але вось нядаўна лёс даў нам рэдкі выпадак, проста такі небывалы шанец, які завецца перабудовай. Здавалася б, усе мы — грамадзяне, кіраўнікі, пісьменнікі, — павінны абедзюма рукамі ўхапіцца за гэтую магчымасць, каб выкарыстаць яе з максімальнай карысцю, бо другой наўрад ці дачакаемся. І сапраўды, грамадства ўскалыхнулася. Паглядзіце, як узрасла духоўная актыўнасць народа, як змарнеў наш спрадвечны нацыянальны страх, звыклая асцярога, каб чаго не выйшла, якія пісьмы пішуць людзі ў газеты, як ажывілася моладзь і як разумна, глыбока і самааддана сталі працаваць лепшыя прадстаўнікі нашай інтэлігенцыі. Але пры ўсім тым, трэба прызнацца, што бурны рост дэмакратызацыі і галаснасці наша беларуская літаратура сустрэла непадрахтанай ні ў творчым, ні ў маральным сэнсе. Нават болей таго: некаторыя з нас гатовы ганарыцца тым, чаго б трэба было саромецца. Нядаўна на сустрэчы ў ЦК КПБ наш паважаны віцэ-прэзідэнт Акадэміі навук БССР і старшыня Вярхоўнага Савета рэспублікі заявіў,

што не ў прыклад рускай літаратуры мы не стваралі «падпольных» твораў, твораў «у стол», мы пісалі і адкрыта друкавалі ўсё ў нашым рэспубліканскім друку. Слухаючы тое, я падумаў, што, мабыць, гэта разлічана на воплескі, можа, нават бурныя, пераходзячыя ў авацыю апладысменты, ды воплескаў чамусь не пачулася. Здаецца, усё ж прысутныя там захавалі долю здаровага сэнсу, каб па-належамаму ацаніць тое, што ёсць наша бяда, а не гонар, каб абыватальскую мараль не ўзвесці ў ранг нацыянальнай доблесці.

Так, мы аказаліся не гатовымі да духоўнай і творчай перабудовы, і калі б не проза Б. Мікуліча, А. Мрыя ці паэзія П. Панчанкі, А. Бачылы і С. Грахоўскага або знакамітая сатыра Ведзьмака Лысагорскага, дык на зачын перабудовы нам не было б з чым і выступіць перад чытачом. Мы спакойна працягвалі застойныя традыцыі шасцідзясятых і сямідзясятых гадоў, калі гэтак звыкла стваралі «вярняк» ды алілуйшчыну або так сабе, абыватальскае чціва. І гэта ў час, калі ў рэспубліцы аганізавала родная мова, глуміліся над нацыянальнай культурай, апусташалі зямлю і яе нетры, меліратарскі сверб гатовы быў ператварыць яе ў еўрапейскую Сахару. І ў дадатак да ўсяго — радыенукліды Чарнобыля. Калі літаратурай па сутнасці кіравалі, вызначаючы, у які бок ёй развівацца, не праўленне Саюза пісьменнікаў, не Танк і не Гілевіч — літаратурай па сутнасці запраўлялі розныя літаратурныя спецыялісты ў цывільным. Менавіта пад імі, дагаджаючы іхнім патрабаванням і густам, хадзілі сотні пісьменнікаў, сотні выдавецкіх рэдактараў і рэцэнзентаў, літаратуразнаўцаў, крытыкаў. Гэта з іх дапамогай і пры іх непасрэдным удзеле выпрацоўваўся густ чытача нацыянальнай літаратуры, які ў выніку прывёў да таго, што чытач адварнуўся ад сваёй літаратуры, ад сваёй роднай мовы. А мы ўсё слухалі заклікі да стварэння вобраза станюўчага героя, з якога чытач браў бы прыклад, як рабіць жыццё. Разам з пагібеллю мовы і літаратуры рушылася нацыянальная культура, нацыянальная самасвядомасць, народ з нацыі ператвараўся ў абстрактную «общность», ганарыліся тым, не падазраваючы, які грозны працэс у той час спеў у нетрах народнага жыцця. На наша шчасце, ён выбухнуў не ў нас, а далёка на поўдні.

Замшэлы сталінізм, таталітарная нецярпімасць стаяць на шляху здзяйснення нацыянальнай справядлівасці, ад чаго ў аднолькавай ступені церпяць вялікія і малыя нацыі. Прытым, як паказвае вопыт, і тыя і другія не могуць быць задаволены сваім становішчам. Толькі ва ўмовах дэмакратычнага існавання магчыма павага да інтарэсаў і правоў усіх нацый. Нават самая

малая з іх, якая налічвае дзясяткаў або сотню сваіх аднапляменнікаў, павінна мець усе тыя правы і магчымасці, што і вялікая шматмільённая нацыя. Таму інтарэсы нацыянальных меншасцей, што пражываюць у нашай рэспубліцы, павінны гэтак жа шанавацца, як і інтарэсы карэннай нацыянальнасці. Знявага або пагарда ў вялікім ці малым абражае не толькі таго, на каго яна скіравана, але і не менш тых, ад каго вынікае. Каб быць паважаным самому, трэба з павагай адносіцца да бліжняга, нават самага малога або слабога — такі спрадвечны закон прыроды, які, на вялікі жаль, пакуль не стаў грамадскім законам. Нядаўна я атрымаў пісьмо з Гродна аб адсутнасці там польскіх школ, і я згодны з яго аўтарам — трэба і польскія школы, і рускія, і, мабыць, яўрэйскія таксама. Калі будзе створана такая атмасфера нацыянальнай цяпці, тады знікне і вострая праблема беларускіх школ. Так, да вайны, нават у 1930-я гады, у Беларусі былі і польскія, і яўрэйскія школы, але іх ліквідавалі быццам бы на карысць беларускіх школ, што прывяло і да ліквідацыі апошніх. Горкі плён тае нецяпці мы цяпер пажынаем. А што яшчэ пажнуць нашы ўнукі?

Насуперак думцы многіх, я зусім не з'яўляюся бяздумным апалагетам мастацкай манеры Марка Шагала і хачу тут сказаць, што ў той атмасферы, якая ўзнікла вакол гэтага славутага мастака, справа зусім не ў Шагалі. Справа ў адносінах да нашай нацыянальнай культуры. І яшчэ — у ступені нашай талерантнасці да іншародства. Малаважна, хто гэта будучь — татары, палякі, рускія, іншыя вялікія ці малыя народы. Але для нас, беларусаў, можа, болей за іншых характэрны і важны адносіны да яўрэйскага насельніцтва, існаванне побач з якім стала ўжо нашым гістарычным лёсам. Таму сёння, у перыяд перабудовы, нельга перабольшваць значэнне таго, як мы аднясёмся да гістарычнай спадчыны, шмат чаго з мінуўшчыны нашай культуры, якая, як вядома, стваралася далёка не ў стэрыльных умовах нацыянальнай герметызацыі. Так яно, дарэчы, і павінна быць. Толькі ва ўмовах узаемадзеяння і ўзаемаўзбагачэння ўнікае нешта каштоўнае. І наадварот: усякая рэгламентацыя, нацыянальная ці іншая нецяпці, ідэйная абмежаванасць у культуры заўжды даюць непажаданыя, калі не цалкам негатыўныя, вынікі.

Самае жажлівае, мабыць, са шматлікіх людскіх заблужджэнняў — лічыць, што ворагі — усе, хто не такі, як мы, хто нечым адрозніваецца ад нас. Чым — заўжды знойдзецца: класавай ці расавай прыналежнасцю, рознасцю веравызнанняў ці светапогляду, ці нават мастацкай манерай. Хіба мала мы перажылі

ўрокаў на гэты конт, ці мала яшчэ шкоды прынесла нашай культуры (а таксама навуцы, тэхніцы, эканоміцы) наша шматгадовая адасобленасць ад заходняй навукі, культуры, тэхналогіі — толькі на той падставе, што яны буржуазныя і, значыцца, непрымальныя для нас. Цяпер спатрэбяцца намаганні не аднаго пакалення, ломка свядомасці і шмат якіх уяўленняў, каб пераадолець гэта.

Таму — толькі шырокі плюралізм і дэмакратызацыя, безумоўная, на ўсю глыбіню грамадскага жыцця, на самым шырокім фронце. Дэмакратыя не існуе на чвэрць або напалову, з прагматычным выбарам прыдатнага для кожнага гістарычнага моманту. Яна можа існаваць і функцыяніраваць у грамадстве толькі тады, калі ахоплівае ўсё грамадскае жыццё. Ва ўсіх іншых выпадках яна памірае ад малакроўя, калі толькі не бывае задушана ў калысцы. Душыцеляў дэмакратыі заўжды хапае.

Там, дзе іншыя спяць, сумленныя людзі назіраюць, думаюць, падымаюць трывогу. Бяда ў тым, што іх не заўсёды слухаюць, часам за іхнюю пільнасць іх жа караюць, як некалі ссылалі, саджалі за краты. Напрыклад, у нас, у Беларусі, ахвотней слухаюць тых, хто падтаквае, пляскае ў ладкі, сваім мілагучным талентам падмацоўвае і аздабляе ўсё тое, што ідзе ад начальства. Менавіта ў такой атмасферы канфармізму нарадзіліся і шчасліва квітнеюць пакаленні майстроў прыгожага пісьменства, якія дзясяткі гадоў няблага ўладкоўваліся самі, не забываючы таксама на сваіх дзяцей, затым унукаў і праўнукаў. Такім не трэба ні перабудова, ні галоснасць, ні дэмакратызацыя, ім прыдасца любы культ ці любы застоі, абы была ласка начальства, ад якой залежыць уласны іх дабрабыт. І хай не ліцамераць тыя паборнікі «высокай мастацкасці», якія быццам бы недабіраюць яе ў «Дзецях Арбата» ці «Белых адзёжах» і іншых творах.

У краіне адбываюцца грандыёзныя па сваёй рэвалюцыйнасці падзеі, асабліва ўражваюць свет вынікі ў галіне нашай галоснасці. Цэнтральны друк поўніцца матэрыяламі аб устаўленні сацыялістычнай справядлівасці, якая немагчыма без рэабілітацыі ахвяр сталінізму. Народу і партыі вернуты дзясяткі імён вядомых дзеячаў культуры, навукі, дзяржаўных і вайсковых дзеячаў. Гэта ўражвае. І заахвочвае масы, якія менавіта на гэтым прыкладзе бачаць, што перабудова — не чарговая кампанія гаварыльні, якіх ужо былі сотні, а сапраўды важная і дзейсная справа. Гэта вельмі значны працэс дэмакратызацыі, фактар прагрэсу і адзінае выйсце з таго застою, у якім апынулася эканоміка і наша грамадскае жыццё. Але гэта ў Саюзе. А што

ж у нас, у Беларусі? Што робіцца ў нас у гэтай найважнейшай справе перабудовы, дэмакратызацыі і выпрацоўкі новай грамадскай свядомасці? Ці, можа, у нас няма каго рэабілітаваць? Ці ў нас у свой час мала было расстраляна, закатавана ў турмах, выслана на Салаўкі, у Комі і Казахстан — за 1001 км ад Беларусі (між іншым, з Масквы высылалі толькі за 101 км). Вядома, нешта зрушылася і ў нас: урэшце ўвялі ў літаратуру спрадвечнага бедака, выдатнага паэта Алеся Гаруна, у рэспубліканскім друку паявілася публікацыя пра былога старшыню СНК БССР Кавалёва (дарэчы, рэабілітаванага яшчэ з ласкі Берыі ў 1946 годзе), добрыя ўвогуле матэрыялы пра акадэміка Жабрака і Шаранговіча. Што яшчэ? І не прыпамятаць зараз. Затое на памяці ва ўсіх — серыя буйнаблочных артыкулаў у «Советской Белоруссии», «Политическом собеседнике», «Вячэрнім Мінску» — артыкулы, якіх інакш як адкрыта антыперабудовачнымі не назавеш, столькі ў іх памкненняў ахоўна-рэстаўрацыйнага характару, жадання апраўдаць рэпрэсіі 1930-х гадоў і тых, хто іх ажыццяўляў, абмазаць гразёй лепшых сучасных пісьменнікаў, актывістаў перабудовы. І што ўжо зусім неверагодна для нашага часу — паўторна ўзводзяцца старыя яжоўска-берыеўскія паклёпы на рад беларускіх дзеячаў культуры, знішчаных у 1930-я гады і цалкам рэабілітаваных пасля XXII партыйнага з'езда. Прытым сам факт рэабілітацыі дагэтуль трымаецца ў сакрэце — на ўсякі выпадак, ці што? Ці на пэўны выпадак, гэтак выразна падказаны адыёзным артыкулам ленінградскай хімічкі, які, дарэчы, з такім энтузіязмам быў сустрэты бюракратыяй Мінска. Можна быць удзячнымі самаахварнай прынцыповасці рэдакцыйнага калектыву газеты «Знамя юности», які не дапусціў перадрукавання гэтага маніфесту антыперабудоўшчыкаў на сваіх старонках. Але я часам думаю: а можа, і дарма не дапусціў? Хай бы перадрукавалі! Прынамсі, тады б выплылі на паверхню некаторыя кабінетныя таямніцы і мы даведаліся б пра сапраўдных рэжысёраў антыперабудовы. А так яны і цяпер у каторы раз засталіся ў ценю і прадаўжаюць дзейнічаць бяследным метадам тэлефонных званкоў і намёкаў, каб пусціць справу перабудовы на злом яе галавы.

Не інакш, як падрываю дэмакратычных асноў, ударам па прынцыпах перабудовы можна расцаніць публіцыстычны залп «Вячэрняга Мінска» супраць «Талакі» за мітынг, арганізаваны апошняй у абарону Верхняга горада ў Мінску. Я зусім не даведчаны ў мэтах і арганізацыі гэтага нефармальнага аб'яднання і не знаёмы ні з кім з яго членаў. Затое я ведаю, што пагра-

жае Верхняму гораду, заповеднаму кутку нашай сталіцы, і трохі ўяўляю, як там гаспадараць славуце ГалоўАПУ, так званыя рэстаўратары і метрабудаўцы (хто яшчэ не пераканаўся ў іх метадах, хай зірне на плошчу Перамогі). І я не разумею, як у такім выпадку не падзяліць трывогі маладзёжнай «Талакі», якой, зрэшты, жыць у нашай сталіцы, калі ўжо не будзе нікога ні з ГалоўАПУ, ні з цяперашніх кіраўнікоў горада, калі за іхняе гаспадаранне слана ў пасуднай лаўцы спагнаць не будзе з каго. І вось «Талака» арганізавала мітынг у абарону таго, што яшчэ ў нас засталася — ад войнаў, пажараў, бамбёжак, ад гаспадарання самай страшнай навалы стагоддзя — бяздумнай і бяздушнай бюракратыі. І бюракратыя не замарудзіла азвацца: рукамі не надта пераборлівых журналістаў, віртуозаў славутага метаду «чэго изволите» быў арганізаваны тыповы паліцэйскі сыск на кіраўнікоў «Талакі», капанне ў іх біяграфіях, экспертыза здымкаў — хто, калі і з кім сфатаграфаваны. Але хіба для мяне, чытача, важна, калі і хто з членаў гэтага аб'яднання ўступіў у камсамол, а калі з яго выбыў? Мне важна, што нясе ён на плошчу на сваім плакаце, пра што гавораць на мітынгу. І я бачу, што ягонае барацьба за нашу гістарычную спадчыну справядлівая і своєчасовая, бо сабор XVII стагоддзя ўсё ж такі бурыцца. Што менавіта пад ім правялі лінію метро, каб не стварыць пагрозы «надта каштоўнаму» адміністрацыйнаму будынку побач, як растлумачыў той жа «Вячэрні Мінск». Сабор жа можна і парушыць — ці мала іх пабурылі на нашай зямлі.

Так, шмат што ў нашым жыцці выклікае непакой, і, можа, найбольшы непакой для нас, пісьменнікаў, — усё ж стан нашай мовы. Важна, што пра яе катастрафічны стан гаварылі з гэтай трыбуны і 10, і 15, і нават 20 гадоў назад, непакоіліся, папярэдзвалі. Мы памятаем палымяныя прамовы заўсёды ўраўнаважанага У. Дамашэвіча і ведаем, чаго гэта яму каштавала. Дагэтуль грамадства рэспублікі ганебна-моўчкі перажывае драматычную гісторыю з кнігай Алега Бембеля. Грунтоўная сацыялагічная праца гэтага вучонага, якую горада ўхваліў прадмовай незабыўны і сумленны Ул. Караткевіч, стала прычынай звальнення аўтара з пасады, выключэння з партыі. Гісторыя, скажу вам, цалкам вартая незабыўных берыеўска-сталінскіх часоў, сутнасць якіх сучасная моладзь не можа спасцігнуць нармальным розумам. А здарылася яна ў наш час дэмакратызацыі і перабудовы...

Так, антыперабудовачныя сілы ў рэспубліцы не спяць, у культуры і ідэалогіі яны дзейнічаюць актыўна, мэтанакірава-

на і даволі вынікова. Грамадскасць пакуль што не мае эфектыўных метадаў барацьбы з імі, іх сіла мацнейшая, і перамога пакуль на іхнім баку. Аб гэтым сведчаць шматлікія факты, таксама як і шматлікія чалавечыя лёсы. Хоць бы лёс нашага Алеся Адамовіча, гэтай светлай галавы не толькі ў беларускай, але, можа, і ў сусветнай літаратуры. У той час, як ён дзейнічаў агульнапрынятымі сродкамі літаратуры і публіцыстыкі, на яго падзейнічалі іншымі метадамі, што і прывяло да яго выезду з рэспублікі. Цяпер ён — дырэктар Усесаюзнага інстытута кінамастацтва, у той час як у нас яго не стрывалі на пасадзе аднаго са шматлікіх загадчыкаў аддзелаў Інстытута літаратуры. Тое ж самае можна сказаць і пра другога беларускага вучонага Вячаслава Сцёпіна, які год назад у Маскве стаў не толькі кіраўніком інстытута, але і быў абраны членам-карэспандэнтам АН СССР. Ёсць і яшчэ прыклады. Калі славутую ўчечку мазгоў з рэспублікі можна яшчэ зразумець, дык учечка сумлення — гэта ўжо новая з’ява: не надта шмат у нас гэтага чыстага светлага сумлення. Можа, менавіта яго болей за ўсё нам і не хапае. Затое ў нас па-ранейшаму раскашуюць і задаюць тон у навуцы і грамадскім жыцці людзі зусім іншага складу, фігуры тыпу Бегуна, Боўша, Федзькіна, Залескага, Ігнаценкі. Хто калі змерыць шкоду, якую яны нанеслі нашай нацыянальнай навуцы, яе сутнасці і яе маральнай рэпутацыі? Міласцю гэтых і некаторых іншых людзей ад навукі рэспубліка ў канцы XX стагоддзя, на сямідзясятым годзе свайго суверэннага існавання не мае сваёй навуковай гісторыі, бо ледзьве не ўсё тое, што выходзіла пад грыфам Інстытута гісторыі АН БССР, ёсць, па сутнасці, прафанацыя гістарычнай навукі. Вульгарны сацыялагізм, падладжанне пад існуючыя ў розныя часы афіцыйныя канцэпцыі аб’яцэнняваюць нават лепшыя гістарычныя працы. І калі мы ўсё ж нешта ведаем пра наша даўняе ці не надта даўняе мінулае, дык гэта дзякуючы нястомнаму энтузіязму нашых некаторых аўтараў — нябожчыка Уладзіміра Караткевіча, праніклівага Кастуся Тарасава, Алега Лойкі, У. Якутава, удумлівага Эрнеста Ялугіна, выдатны нарыс каторага пра Цішку Гартнага сказаў нам болей, а галоўнае, праўдзівей (асабліва пра гісторыю стварэння БССР), чым усе палітызаваныя фальсіфікаты Інстытута гісторыі. Мы павінны быць удзячны таксама тым нешматлікім прафесійным гісторыкам, якія ў нялёгкай атмасферы засілля дагматызму і прафанацыі неяк захавалі аб’ектыўнасць і гонар сваёй навукі. Я маю на ўвазе братаў Грыцкевічаў, Гадзенчыка, Круталевіча, Пазьняка, Ткачова з Гродна. Цяпер, у трудныя часы перабудовы

і ломкі струхнелага старога, выпрацоўкі аб'ектыўнага погляду на гісторыю краіны, на іх уся надзея.

У заключэнне яшчэ хачу сказаць вось што.

Відаць па ўсім, мы перажываем самы значны, «судьбоносный» перыяд нашай гісторыі, перыяд, у які вырашаецца ўсё, што датычыць нашага лёсу, нашай культуры, будучыні сацыялізму наогул. Тое, як усё гэта вырашаецца, залежыць у першую чаргу ад нашай гатоўнасці да шырокай дэмакратызацыі жыцця, дэмакратычнай перабудовы нашай свядомасці. Я кажу: хоць бы гатоўнасці, якую мы, пісьменнікі, яшчэ не засведчылі цалкам. За складаныя гады нашага існавання мы сталі занадта мудрымі, надта шмат разважаем-вагаемся. Тое нам шкодзіць, шкодзіць нацыі і грамадству. Грамадства азіраецца на нас, і нам разлічваць няма на што, выбар у нас не вялікі. Іншага шанцу гісторыя нам не прадаставіць. Спадзявацца няма на каго, ужо вядома, што бюракратыя свой пазітыў вычарпала поўнацю, хоць, вядома, сваіх пазіцый яна не здасць да канца. Але ні мову, ні дабрабыт, ні гістарыяграфію не дасць нам ніхто, усё тое нам трэба здабыць самім. Разам са сваім народам, ва ўмовах сапраўднай, а не папяровай дэмакратызацыі, за якую яшчэ трэба доўга і ўпарта змагацца.

[1988]

КУРАПАТЫ — ДАРОГА СМЕРЦІ

Як сведчаць некаторыя нашы даследчыкі (напрыклад, гісторык У. Якутаў), толькі ў Беларусі за час яжоўска-берыеўскіх рэпрэсій 1930-х гадоў знішчана каля двух мільёнаў чалавек. Значная частка іх была выслана на ўсход і поўнач краіны (Салавецкія астравы, Варкута, Калыма), а астатнія ліквідаваны на месцы — непадалёк ад іх месца жыхарства. Апошняе было танней, не загрузала і без таго заўжды перагружаны чыгуначны транспарт. Але дзе канкрэтна ліквідаваны гэтыя многія сотні тысяч, у якой зямлі тлеюць іх белыя костачкі?

Не трэба думаць, дарагі чытач, што гэта нейкая асаблівая, проклятая людзьмі і богам зямля, — па сутнасці, гэта тыя ж самыя мясціны, па якіх штодня ходзім мы, дзе адпачываем на лагоднай прыродзе ў выхадныя і святочныя дні, дзе весела гуляюць, нічога не ведаючы аб мінулым, нашы бесклапотныя дзеці. Так, яны не шмат што ведаюць з тых жажлівых часоў,

ды і мы, дарослыя, інфармацыю такога роду пачалі атрымліваць толькі ў апошні час. Шмат гадоў у краіне дзейнічалі сілы (яны дзейнічаюць і цяпер, хіба што іншымі метадамі), вельмі зацікаўленыя схаваць даўнія справы пад завесу «сакрэтнасці», утаіць ад народа свае крываваыя сляды. Толькі, як даўно вядома, злачынствы кепска ўжываюцца з самай найсакрэтнай сакрэтнасцю, рана ці позна яны вылазяць на свет божы, каб лішні раз мы змаглі заклэйміць зло і засведчыць неабходнасць пільнасці.

У нас ёсць нямала велічных помнікаў ахвярам нямецкага фашызму, сведчанне гераізму беларускага народа ў барацьбе з гэтым заклітым ворагам чалавецтва. Але нішто яшчэ ў нас не напамінае пакаленням аб ахвярах сталіншчыны. Тое няправільна і недаравальна! Мы павінны памятаць пра іх — не герояў, а бязвінных ахвяраў тырана — спрацаваных рабочых, галодных калгаснікаў, першых народных інтэлігентаў, мужчын і жанчын, якія з куляю ў патыліцы клаліся ў самімі ж выкапаняныя ямы, вымаўляючы не праклёны, не пратэст, а адзінае, марнае і трагічнае слова: «Завошта?»

Яны ўжо ніколі не пачуюць адказ на тое сваё пытанне, затое адказ на яго павінны зразумець мы.

Менавіта гэтай мэце і служыць змешчаная ніжэй публікацыя двух аўтараў — Шмыгалёва і Пазыняка, здзейсніўшых свой людскі абавязак перад народамі і перад гісторыяй.

[1988]

ЕДИНСТВЕННЫЙ ШАНС

Переосмысление прошлого, каким бы оно ни было, — всегда благо в жизни общества, неперемное условие его поступательного движения вперед. «Верное средство поумнеть — почувствовать себя глупым» — гласит народная мудрость. Но дело-то в том, что дурак никогда не посчитает себя глупым, а потому и не поумнеет, особенно если это ему и не требуется. Нередко дураку живется лучше, чем умному, последнего чаще настигает знаменитое «горе от ума». За много лет мы уверились в том, что работать плохо — выгоднее, чем хорошо, что инициатива наказуема, что если хочешь жить спокойно, то приспособляйся и не высывайся.

Времена, однако, меняются, и великий, поистине грандиозный сдвиг общества видится уже в том, что мы всерьез за-

говорили об очевидном, что еще лет десять назад было под-судной крамолой. Все, оказывается, относительно в этом мире. Может быть, это и хорошо. Но это и страшно. Да, страшно, если общество было вынуждено существовать в условиях без-граничного релятивизма, с правом, которое нередко было на-правлено не на защиту интересов общества, а против него, и уж, безусловно, против гражданина, человека. Дегуманизация общественной жизни в недалеком прошлом стала делом при-вычным, повседневным, и это, конечно, самое горькое из все-го нашего прошлого. Во имя неких, часто фиктивных либо спекулятивных идей жизнь, по существу, отвернулась от сво-его сознательного носителя — человека, что было изощренно использовано определенными силами — авторитарными, тоталитарными, бюрократическими. Люди примолкли, подав-ленные и изверившиеся, временами благодарные уже за то, что стали меньше сажать, чем, скажем, в тридцать седьмом. Уже за одно это мы готовы были полюбить Брежнева и боготворить Хрущева, который вернул миллионы невинно заключенных из-за Полярного круга.

Как же порой немного надо для счастья, думаем мы сегод-ня. Но человек всегда стремился быть человеком. Каждый, кто родился человеком, уже фактом своего рождения приобрета-ет право на высокую человеческую судьбу. Это доказывают огромные библиотеки философских и литературных трудов, десятки, если не сотни, деклараций, конституций народов мира. Человеку должно быть хорошо, тогда и от человека можно ждать доброты. Иначе дело безнадежное. Авантюрное дело.

Так это человек. А если целый народ?

«Народ безмолвствует» — это известно давно. Народ — чи-стый лист бумаги, на котором можно написать любой иерог-лиф, недавно еще самоуверенно вещал Мао Цзедун.

Увы, подобные высказывания небезосновательны: каждый народ в своей истории немало и безмолвствовал, и немало на его спине писалось разнообразных иероглифов. Правда, случал-ось, что и народ проявлял крутой нрав, и у него находились защитники, преимущественно из числа «чужаков» или интел-лигентов из народа, которые не безмолвствовали и самой своей жизнью перечеркивали всяческие претенциозные иероглифы.

Следует благодарить судьбу, которая одарила нас небыва-лым шансом, именуемым перестройкой. Общество всколых-нулось. Посмотрите, как поднялась духовная активность на-рода, как поникла привычная опаска «как бы чего не вышло». Какие письма идут в газеты, как оживилась молодежь и как

умно, с полной отдачей стали работать лучшие представители нашей интеллигенции.

Однако надо признать, что демократизацию и гласность наша белорусская литература встретила не подготовленной ни в творческом, ни в нравственном отношениях. Более того, некоторые из нас склонны гордиться тем, чего по крупному счету следовало бы стыдиться. Так, чего стоит высказывание одного белорусского писателя и ученого, заявившего перед аудиторией, что, мол, не в пример русской литературе мы не создавали «подпольных» произведений, произведений «в стол». Что ни писали — все печатали. Услышав такое, я подумал: видно, оратор рассчитывает на аплодисменты. Но аплодисментов все же не последовало. Видно, аудитория все-таки поняла, что есть наша беда, чтобы обывательскую мораль не возвести в ранг национальной доблести.

Да, малоподготовленными оказались мы, белорусские писатели, к духовной и творческой перестройке. Если бы не проза восставших из небытия Б. Микулича, А. Мрия, поэзия П. Панченко, некоторые стихи А. Бачило, С. Граховского, так на почин перестройки нам не с чем было бы выступить перед читателем. Впрочем, оно и понятно. Долгие годы у нас ставили в пример тех, кто хлопал в ладоши, своим благозвучным талантом «литературно оформлял» рожденные в бюрократических недрах прожекты и постановления. Именно в такой атмосфере конформизма родилось и процветало поколение мастеров изящной словесности, которые неплохо устроились сами, не забывая и о детках, зятях и невестках, внуках и правнуках. Этим не нужна ни гласность, ни перестройка, ни демократия. Им сгодится любой культ или застой, лишь бы заслужить начальственную благодарность, от которой всецело зависит собственное благополучие. И пусть не лицемерят от лукавого те поборники «высокой художественности», которые будто бы не «досчитываются» ее в «Детях Арбата», «Белых одеждах» и других, потрясших общество произведениях. Не дефицитом «высокой художественности» обеспокоены они, а крушением кровавого престижа Сталина. Теперь они воспылали последней, старческой любовью к «мертвому льву», потому что боятся разоблачения кое-каких малопочтенных поступков, совершенных некогда во имя «льва живого».

Да, в республике с трудом расстаются с традициями застойных лет, когда привычно творился «верняк», обывательское чтиво и хором пели «аллилуйную» власть предрержащим. Когда литературой, по существу, руководили, определяя, как

ей развиваться, не правление Союза писателей, не М. Танк, не Н. Гилевич — литературой, по существу, заправляли различные литературные специалисты в штатском. Именно под ними многие годы, угождая их вкусам и требованиям, ходили писатели и редакторы, литературоведы и критики. В самое застойное время нас всемерно отвращали от «негатива», упорно натаскивая на создание образа положительного героя, героя для подражания, у которого надлежало учиться, как делать жизнь. А в то же время агонизировал родной язык, рушились национальная культура, национальное самосознание, без которых народ превращался в некую абстрактную «общность». Юг республики страдал от последствий Чернобыля, а на деревенских и городских кладбищах звучали нестройные залпы над цинковыми гробами молодых граждан республики, привезенных издалека. Но для многих из нас, литераторов, все это было несущественно или нетипично, мы старались не думать о том, не то чтобы писать.

Замшелый сталинизм, тоталитарная нетерпимость всегда стоят на пути воплощения национальной справедливости. От этого в одинаковой мере страдают как большие, так и малые нации. Только в условиях демократического существования возможно подлинное уважение к интересам и правам всех наций. Даже самая малая из них, насчитывающая десять или сотню соплеменников, должна иметь равные права и возможности с великой, многомиллионной нацией. Интересы национальных меньшинств так же суверенны, как и интересы коренной национальности. Неуважение или пренебрежение в большом или малом оскорбляет не только того, кто стал ее объектом, но не в меньшей мере и того, от кого они исходят. Чтобы тебя уважали, сперва уважь ближнего, малого и слабого — таков исконный закон природы, который, к сожалению, еще не стал непререкаемым общественным законом.

И здесь я хотел бы заметить, что в той атмосфере, которая образовалась в республике вокруг знаменитого художника Марка Шагала, — дело вовсе не в художнической манере этого мастера, дело в ином: в нашем отношении к собственной национальной культуре. И еще — в степени толерантности к инородцам. Поэтому сегодня, в период перестройки, нельзя пренебречь теми принципами, с которыми мы относимся ко всему культурному достоянию, которое, как известно, создавалось далеко не в стерильных условиях национальной герметизации. И это естественно. Только в условиях взаимообогащения культур и течений возникает нечто ценное. И наоборот: нацио-

нальная, цеховая и всякая иная нетерпимость, ограниченность неизбежно дают нежелательные, если не целиком негативные, результаты. И если сегодня мы допускаем бесовский шабаш вокруг Шагала, то где гарантия того, что завтра подобное не произойдет по отношению к любому другому художнику, тем более «нечистокровному», белорусу? Если руководство БелСЭ изгоняет с работы научного редактора за апологетику творчества Шагала, то вполне может статься, что другого редактора уволят за апологетику творчества Михаила Савицкого. «Был бы человек, а статья найдется» — постулат живучий, и всегда будут те, кто не прочь им воспользоваться.

Самое пагубное из многочисленных человеческих заблуждений — считать, что враги — все, кто не такие, как мы, кто чем-то от нас отличается. Чем — всегда найдется: классовой или расовой принадлежностью, различием вероисповеданий или мировоззрения, даже художественной манерой. Мало ли нам было преподано подобных уроков, мало ли ущерба нанесла нашей культуре (а также науке, технике, экономике) многолетняя изолированность от зарубежной науки, культуры, технологии только на том основании, что они буржуазные и, стало быть, для нас неприемлемы. Теперь потребуются усилия не одного поколения, ломка сознания, чтобы преодолеть это.

Поэтому только широкий социалистический плюрализм и демократизация — безусловны, на всю глубину общественной жизни, по всему фронту. Демократия не может осуществляться на четверть либо наполовину с прагматическим ограничением под определенный исторический момент. Она может животворно служить обществу, лишь когда охватывает его целиком. Иначе демократия погибает от малокровия, если ее не задушат в колыбели. Душителей демократии хватало во все времена.

В стране совершаются грандиозные по своей революционной сущности перемены. Центральная печать полна материалов, утверждающих социалистическую справедливость, которая сегодня невозможна без реабилитации жертв сталинщины. Народу возвращены десятки имен известных деятелей культуры, науки, государственных и военных деятелей. Это приветствуют массы, воочию убеждаясь, что перестройка — не очередная словоговорительная кампания, а всерьез и надолго.

А у нас, в Белоруссии? Что делается у нас в этом важнейшем деле перестройки, выработки нового общественного сознания? Или у нас некого реабилитировать? Или у нас мало было расстреляно, замучено в тюрьмах, вывезено на Соловки, выслано за 1001-й километр от Белоруссии? Конечно, есть

сдвиги и у нас: вернули литературе замечательного поэта Алесея Гаруна, в республиканской печати появились публикации о бывшем Председателе СНК БССР А. Ковалеве, академике А. Жебраке, В. Шаранговиче. Что еще? Не сразу и припомнишь. Зато на памяти у всех серии крупноблочных статей в «Советской Белоруссии», «Политическом собеседнике», «Вечернем Минске» — статей, которые иначе как открыто антиперестроечными не назовешь. Столько в них охранительно-реставрационных пассажей, стремления оправдать репрессии и тех, кто их осуществлял, желания обмазать грязью лучших современных писателей, активистов перестройки. И явление совсем уж невероятное для нашего времени — вновь возводятся ежовско-бериевские обвинения против ряда белорусских деятелей культуры и науки, уничтоженных в 1930-е годы и полностью реабилитированных после XXII съезда. При этом сам факт их реабилитации до сих пор держится в секрете. На всякий случай? Или на определенный случай, так недвусмысленно подсказанный известной статьей «Советской России», которая, кстати, не без энтузиазма была встречена партбюрократией Минска.

Можно быть признательными редакционному коллективу газеты «Знамя юности», который не допустил перепечатки этого манифеста антиперестройщиков на своих страницах. Но вот я думаю: а может, и зря не допустил? Пусть бы перепечатали, тогда, возможно, выплыли бы на поверхность некоторые кабинетные тайны, и мы бы узнали подлинных режиссеров антиперестройки. А так в который раз они оказались в тени и продолжают действовать методом звонков и намеков, как известно, не оставляющих следов в архивах.

Иначе, как подрывом трудного процесса демократизации, ударом по перестройке, нельзя оценить и публицистический залп «Вечернего Минска» против митинга в защиту Верхнего города и его организаторов из неформального объединения. К сожалению, я не информирован о целях и структуре этого молодежного объединения и не знаком ни с кем из его членов. Но я знаю, что угрожает Верхнему городу, заповедному уголку нашей столицы, и достаточно осведомлен о методах хозяйничанья печально известного ГлавАПУ и метростроевцев. И я не могу не разделить законной обеспокоенности молодежи: ведь им жить в Минске, когда уже не будет на свете никого из ГлавАПУ, ни сегодняшних руководителей города, когда за их хозяйничанье слона в посудной лавке и спросить будет не с кого. В таких условиях нетрудно понять, что борьба моло-

дежи за наше историческое наследие — дело справедливое и своевременное, ибо собор XVII столетия и другие исторические здания Минска все-таки под угрозой разрушения по той причине, что под ними на малой глубине проложили линию метро. (Чтобы не создать угрозы «очень ценному» административному зданию неподалеку, как разъяснил читателям тот же «Вечерний Минск». А собор можно и порушить — мало ли их уничтожено на нашей земле.)

Да, антиперестроечные силы не дремлют, в культуре и идеологии они действуют активно и небезуспешно. Об этом свидетельствуют многочисленные факты, равно как и многочисленные людские судьбы. Пример тому — судьба нашего Алеся Адамовича, этой светлой головы в нашей отечественной литературе. В то время как он действовал открыто, средствами литературы и публицистики, на него воздействовали иными методами. И вот, прожив здесь всю жизнь, он покинул республику, уехал в Москву, где возглавил Всесоюзный научно-исследовательский институт киноискусства. Или еще пример. Недавно уехал из Белоруссии третируемый здесь годами замечательный ученый Вячеслав Степин, который в столице не только стал руководителем института, но и был избран членом-корреспондентом АН СССР. Примеры такого рода можно продолжить. Уезжают люди, достойные во всех отношениях, авторитетные ученые, люди с высоким уровнем совести. И если «утечка мозгов» — дело в общем понятное, то утечка совести — это уже что-то новое для Белоруссии. Зато по-прежнему здесь процветают и задают тон в науке и общественной жизни люди иного склада и иных жизненных принципов, о которых достаточно писала всесоюзная пресса, в том числе и «Советская культура». Кто измерит вред, который они нанесли нашей национальной науке, ее нравственной репутации? Милостью этих и еще некоторых «деятелей от науки» в конце XX столетия, на семидесятом году суверенного существования, республика не имеет своей историографии, ибо почти все, что издавалось под грифом Института истории АН БССР, является по существу профанацией исторической науки. Вульгарный социологизм, пренебрежение фактами, подлаживание под модные в разные времена официальные концепции обесценивают даже лучшие исторические труды. И если мы все-таки что-то знаем о нашем давнем и недавнем прошлом, то в этом заслуга писателей-энтузиастов: покойного В. Короткевича, К. Тарасова, Э. Ялугина, В. Якутова, некоторых профессиональных историков, в душевной атмосфере догматиз-

ма самоотверженно отстаивавших объективность и честь своей науки: братьев Грицкевичей, Г. Галенченко, В. Круталевича, З. Позыняка, М. Ткачева. Теперь на них наша надежда.

Мы переживаем самый важный, судьбоносный период нашей истории, время, которое определит дальнейший путь страны, будущее народов. То, в каком направлении пойдет развитие общества, во многом, если не полностью, будет зависеть от нашей готовности к широкой демократизации жизни, радикальной перестройке устаревшего сознания. Я хочу уточнить: хотя бы готовности, которую мы, писатели, все еще не засвидетельствовали в достаточной степени. За годы приспособленческого существования даже лучшие из нас стали чересчур по-житейски умудренными, научились глубокомысленно рассуждать и выжидательно бездействовать. И это, несомненно, пошло во вред обществу. Но ведь народ смотрит на нас, и отступать нам некуда. Другого шанса история нам не предоставит. Ни развития родного языка, ни обеспеченной жизни, ни достойной нашего прошлого историографии нам не подарит никто. Все надо добывать самим. Вместе со своим народом, в условиях подлинной, не бумажной демократии, за которую еще предстоит долго и упорно бороться.

[1988]

УЧОРА І СЁННЯ

Пры даволі інтэнсіўным развіцці агульнай культуры ў рэспубліцы, суцэльнай пісьменнасці насельніцтва, прыкметных поспехах нацыянальнай літаратуры і мастацтва сфера распаўсюджання беларускай мовы няўхільна змяняецца. Такая з'ява не можа не выклікаць пэўнага клопату людзей, занятых праблемамі культуры, ды і проста адукаваных людзей, і мы нярэдка чуем пытанні: у чым справа? Што адбываецца ў рэспубліцы, у адной з суверэнных рэспублік СССР, даўняга і раўнапраўнага члена ААН? Якія аб'ектыўныя прычыны вымушаюць сем мільёнаў беларусаў, што спрадведу насяляюць уласную зямлю, выракацца сваёй роднай мовы, задавальняцца ў жыцці «асноўнай мовай міжнацыянальных зносін»? Мабыць, няцяжка зразумець, што прычыны тыя існуюць даўно і аб'ектыўна, хоць яны і не простыя для спасціжэння, часта забытаныя і амаль не даследаваныя ні спецыялістамі-моваведамі, ні сацы-

ёлагамі, ні гісторыкамі. Шмат гадоў на іх ляжала маўклівае табу, як і на ўсёй моўнай праблеме, рабіўся выгляд, што такой не існуе зусім. Я не маю намеру канчаткова высветліць тут усю гэтую шматскладаную праблему і закрану толькі яе некаторыя моманты.

Вытокі праблемы, як мне здаецца, ляжаць у нашым нядаўнім мінулым.

Цяпер ужо толькі спецыялісты-вучоныя ды людзі пенсійнага ўзросту «са стажам» могуць расказаць пра ўсе складанасці станаўлення савецкай улады ў рэспубліцы, пра дваццатыя гады з іх складанай унутранай барацьбой рознакіраваных палітычных сіл, пра «культурны і гаспадарчы энтузіязм працоўных мас», іх надзеі і расчараванні. Менавіта ў выніку перамогі Кастрычніцкай рэвалюцыі з'явілася магчымасць утварэння самастойнай сацыялістычнай рэспублікі, упершыню ў гісторыі беларускі народ займеў рэальнае права на суверэннае існаванне. У дваццатыя гады ў Беларусі пачалося небывалае раней бурнае развіццё культуры, масавы выпуск літаратуры на беларускай мове, пачалі працаваць беларускія тэатры. Можна быць, трохі па-валюнтарысцку, занадта паспешліва, без забеспячэння належнай пісьменнасцю былі прыняты ўрадавыя меры па г. зв. беларусізацыі ў галіне мовы: асноўная колькасць газет і часопісаў пачала выходзіць па-беларуску, справаводства было цалкам пераведзена на беларускую мову, выкладанне ў школах, тэхнікумах і ВНУ таксама, былі створаны Інстытут беларускай культуры, а затым і першая Акадэмія навук, утварыліся творчыя саюзы, літаратурныя аб'яднанні. Культурны рух у рэспубліцы на нацыянальнай аснове набыў сапраўды масавы характар: адно толькі літаратурнае аб'яднанне «Маладняк» налічвала ў сваіх шэрагах каля паўтысячы членаў. Былі таксама створаны шмат якія падручнікі для школ, нарматыўная граматыка беларускай мовы, па якіх цёмныя сялянскія масы далучаліся да элементарнай пісьменнасці.

Аднак увесь гэты сапраўды грандыёзны культурніцкі рух нацыі быў спынены ў кароткі час і надоўга з далёкімі і шматзначнымі вынікамі, якія не пераадолены і сёння.

Распаўсюджанне рэпрэсій, звязаных з культуам асобы Сталіна, звычайна прынята адносіць да трыццатых гадоў, некаторыя схільны абмяжоўваць іх толькі 1937–1938 гадамі. Не ведаю, як у іншых месцах нашай неабсяжнай краіны, але што датычыць Беларусі, дык масавыя рэпрэсіі ў адносінах да розных слаёў насельніцтва тут разгарнуліся ўжо ў дваццатыя гады і не спыняліся да пачатку Вялікай Айчыннай вайны. Ужо

ў канцы дваццатых гадоў была разгромлена Акадэмія навук БССР (першы прэзідэнт якой У. Ігнатоўскі скончыў жыццё самагубствам), на рубяжы трыццатых гадоў пачаўся пагром сярод пісьменнікаў Беларусі, у творчых аб'яднаннях. Ужо ў тых гадах была прычынена непапраўная шкода нацыянальнай культуры, цалкам спынена палітыка беларусізацыі, якая не паспела даць колькі-небудзь выразныя вынікі. Беларускае слова ў гарадах рэспублікі зноў, як і пры царызме, рабілася ўвасабленнем «ніжэйшасці», правінцыяльнасці, неадукаванасці. Традыцыйная пагарда да нацыянальнай мовы ўзмацнялася пачуццём страху і небяспекі быць абвінавачаным у «нацдэмаўшчыне». Сотні тысяч дзеячаў нацыянальнай культуры — пісьменнікаў, вучоных, журналістаў, а таксама служачых, рабочых і сялян апынуліся ў турмах НКУС, на Калыме, Салаўках, у Варкуце, каб ніколі адтуль не вярнуцца. Янка Купала і Якуб Колас выступілі ў друку з дзіўным па сваёй недарэчнасці самавыкрыццём нібыта шматгадовай контррэвалюцыйнай, антысавецкай дзейнасці. Аднак нават гэтая крайняя мера не засперагла Купалу ад арышту, у час якога той зрабіў спробу самагубства. Застрэліўся кіраўнік рэспублікі А. Чарвякоў, загінуў М. Галадзед — усё ад страху перад нічым не абгрунтаваным, але згубным абвінавачаннем у «нацдэмаўшчыне», да якой аўтаматычна далучаліся абвінавачанні ў шпіянажы і шкодніцтве. Рэпрэсіі, пабудаваныя на «нацдэмаўшчыне» і іншых фальсіфікаваных злачынствах (шпіянаж на карысць панскай Польшчы, шкодніцтва, намер адарваць Беларусь ад СССР), ахапілі ўсю нацыю — ад верхніх эшалонаў улады да самых дэмакратычных нізоў. Мноства людзей тады было пазбаўлена жыцця і волі, але былі прафесійныя групы, якія пацярпелі болей за іншых, і сярод іх — настаўнікі беларускай мовы і літаратуры. Для карных органаў гэтыя былі нібы «готовыя нацыяналісты», віна якіх ляжала на паверхні, яе не трэба было нават інспіраваць. Мабыць, з той пары і надоўга ў нацыянальнай самасвядомасці беларусаў паняцце «нацыяналізм» трывала злучылася з пачуццём найвялікшай небяспекі, якая можа пагражаць чалавеку. На ўласным драматычным вопыце людзі пераканаліся, што абвінаваціць у гэтым жажлівым злачынстве могуць кожнага, хто нарадзіўся ў тутэйшых мясцінах і мае няшчасце размаўляць па-беларуску. Беларускае мова, якая нядаўна яшчэ буйна квітнела ў гарадах, пачала вянуць навідавоку, жалезным памялом яе вымяталі з устаноў, ВНУ, Акадэміі навук, арганізацый і органаў улады. Права карыстацца ёю засталася за некалькімі газетамі, двума тэатрамі ды Саюзам пісьменнікаў, які перад вайной скараціў-

ся да двух дзясяткаў членаў. Астатнія былі знішчаны або знаходзіліся ў лагерах на поўначы і ўсходзе краіны.

Відавочна, у гэтай жахлівай атмасферы расчаравання і рэпрэсій не лепшым чынам паводзілі сябе і творчыя саюзы, у прыватнасці Саюз пісьменнікаў БССР. Паралізаванае страхам яго кіраўніцтва не толькі не спрабавала як-небудзь абараніць сваіх членаў, але і разгарнула актыўнае выкрыццё «ворагаў народа» ва ўласных шэрагах. Ганебны канфармізм стаў адзіным спосабам утрымацца на волі і захаваць уласнае жыццё, хоць гэта ўдалося далёка не ўсім. З часам маральная непатрабавальнасць гэтых людзей набыла характар звыклага прыстасавальніцтва дзеля ўласнай карысці. Задавальненне якой стала адзіна рэальнай магчымасцю для не аднаго пакалення кіраўнікоў. Паслядоўна праводзячы згодніцкую палітыку ў адносінах з кіруючай бюракратыяй, ладзячы ўсе адносіны з ёй па прынцыпах безумоўнага паслушэнства, наша літначальства актыўна садзейнічала накапленню нацыянальных праблем, амаль поўнай ліквідацыі народных традыцый у галіне культуры, звужэнню сферы моўнага карыстання. І пэўны артыкул Канстытуцыі БССР наконт прызнання дзяржаўнасці беларускай мовы быў зменены такім чынам, што беларуская мова была з яго выключана. І гэты сумны выпадак адбыўся на сесіі Вярхоўнага Савета Беларусі пры маўклівым удзеле дэпутатаў-пісьменнікаў, пад старшынствам народнага пісьменніка рэспублікі.

Табу на шмат якія неадкладныя пытанні праіснавала амаль да перыяду перабудовы. У рэспубліцы не толькі не імкнуліся да іх вырашэння, але нават пазбягалі іх успамінаць. Рэдкія выступленні некаторых пісьменнікаў па праблемах мовы (напрыклад, У. Дамашэвіча) успрымаліся як прыкрыя парушэнні агульнапрынятага «прыстойнага» тону. Дзясяткі пісьменніцкіх мерапрыемстваў — ад трывіяльных паседжанняў сакратарыята да шматпрамоўных з'ездаў — былі заняты адным: як найбольш эфектна і гучнагалосна ўславіць сапраўдныя і ўяўныя поспехі бягучай пяцігодкі (сямігодкі). Самым папулярным прадметам літаратуры рабіліся не людзі і характары, а мерапрыемствы, пра якія дбала шматлікая бюракратычная раць, у тым ліку і пісьменніцкая. Настроенае выключна на бюракратычную хвалю, што ішла зверху, наша пісьменніцкае кіраўніцтва доўгія гады грэбавала не толькі інтарэсам літаратуры, але і памяццю сваіх жа калег, што загінулі ў ранейшыя гады. Творы і імёны іх былі грунтоўна забыты і выключаны з літаратурнага ўжытку рэспублікі. Пасля амаль сямідзесяцігадовага забыцця толь-

кі нядаўна выдадзена кніга паэта дзівоснага таленту Алеся Гаруна. Адзін з заснавальнікаў Беларускай Савецкай рэспублікі, бальшавік-ленінец Цішка Гартны, знішчаны ў трыццаць сёмым годзе, усё яшчэ не дачакаўся сваёй поўнай рэабілітацыі. Не можа не выклікаць здзіўлення, што з гэтай неадкладнай справай у рэспубліцы па-ранейшаму не спяшаюцца, зноў марудзячы і адкрыта перастрахоўваючыся. Цяжка зразумець, чым кіраваліся аўтары газеты «Советская Белоруссия», якія ў канцы мінулага года выступілі з серыяй артыкулаў, што па сутнасці мелі на мэце апраўдаць рэпрэсіі трыццаціх гадоў адносна «нацдэмаўшчыны» і абяліць іх непасрэдных выканаўцаў. Справа дайшла да кур'ёзу: аўтар аднаго з такіх артыкулаў В. Пепяляеў красамоўна пераконваў чытача ў немагчымасці апраўдання беларускіх «нацыяналістаў», у ліку якіх называў імя расстралянага акадэміка Сцяпана Некрашэвіча, пастановай Вярхоўнага суда СССР яшчэ ў пяцідзясятых гадах цалкам рэабілітаванага з прычыны адсутнасці за ім складу злачынства. Чытачы здзіўлены: што гэта? Звычайны аўтарскі недагляд або тайнае жаданне запусціць стары млын на новы абарот? З прычыны строгай «сакрэтнасці» рэабілітацыйных спраў пяцідзясятых гадоў мы не маем ніякай інфармацыі адносна астатніх імён, што прыводзяцца ў артыкуле. Зусім магчыма, што і яны даўно рэабілітаваны, і менавіта той факт старанна замоўчваецца. Усё гэта наводзіць на думку: ці не хаваецца і тут намер некаторых рэанімаваць даўні страх, які за апошні час крыху страціў сваё радыкальнае ўздзеянне?

Мабыць, з улікам сказанага няцяжка зразумець, што такія адносіны да мінулага ствараюць у рэспубліцы пэўную напружанасць і нярэдка прыводзяць да непажаданых вынікаў.

Ваяўнічыя праявы нацыянальнага нігілізму, таксама як і рэцыдывы вульгарнага «мясцовага патрыятызму» час ад часу з'яўляюцца ў выступленнях органаў друку, творчых саюзаў, хоць і носяць пакуль што прыватны ці лакальны характар. Часцей за ўсё яны характэрны ў адносінах да пэўных асоб, якія чым-небудзь не дагадзілі гіпертрафіраванаму нацыянальнаму ці інтэрнацыянальнаму пачуццям, як гэта здарылася нядаўна вакол памяці К. Сіманавы і выклікала не надта прыстойную палеміку ў творчых колах. Гэтая нестабільнасць час ад часу падаграваецца вуснымі ці пісьмовымі выпадкамі супроць аўтарытэтных дзеячаў нацыянальнай культуры з боку ўсемагутных экстрэмісцкіх элементаў — ад непрыкрытых антысемітаў тыпу скандальна вядомага У. Бегуна да актывістаў не меней вядомай «Памяці», якія даўно ўжо вядуць сваю падрыўную

работу ў сталіцы рэспублікі. Менавіта іхнімі рукамі ў мінулым годзе было выліта столькі памыяў на сусветна вядомага мастака, нашага земляка Марка Шагала, стала магчымай газетна-часопісная вайна з А. Адамовічам, падвергнуты зняважлівым нападам літаратуразнаўца В. Каваленка, пісьменніца С. Алексіевіч.

Беспадстаўныя наскокі на дзеячаў культуры мінулага нярэдканосяць адбітак дрымуча-помслівага пачуцця: калі, маўляў, няма музея ў «нашага» Каліноўскага, дык хай не будзе яго ў «іхняга» Шагала. Што і казаць, цяжка знайсці колькі-небудзь разумнае тлумачэнне таму, што рэспубліка за семдзесят гадоў свайго існавання не заслужыла права на музей-помнік аднаму з самых лепшых яе сыноў, але ці тое падстава, каб не прыняць яе другога славутага сына? Ці ёсць патрэба даказваць, наколькі ўсё гэта не толькі не дэмакратычна для нашага часу, але і непрыкрыта рэакцыйна. Наяўнасць такіх канфліктаў у грамадстве не можа не прычыніць пэўнай шкоды нацыянальнай культуры, таксама як і фарміраванню інтэрнацыянальнай свядомасці беларусаў, што, як вядома, немалы час адбывалася ў антаганістычнай атмасферы класавай, нацыянальнай, рэлігійнай рознасці. Замест таго, каб актыўна дзейнічаць у духу гэтак актуальнай цяпер дэмакратызацыі, мы нярэдка песцім у сабе старыя, даўно скампраметаваныя, сапраўды «д'ябальскія» страсці. Вобраз пачвары-ворага і абавязкова звязанае з ім пачуццё страху глыбока заселі ў нашай свядомасці; шмат гадоў мы шукалі ворагаў там, дзе толькі было можна, а яшчэ болей ахвотна там, дзе знайсці іх было немагчыма. У нас і цяпер нястомна працуе група вучоных і публіцыстаў, якія сваёй не надта разборлівай, з'едліва-фельетоннай барацьбой з сапраўдным, а часцей уяўным нацыяналізмам шмат чаго дамагліся ў справе выхавання нацыянальнага нігілізму, што мае прамым вынікам той стан, у якім апынулася і беларуская мова. Але час змяніўся. І, мабыць, сапраўды самы небяспечны вораг цяпер той, які, будучы народжаны нашым мінулым, засеў у нас саміх. І тут нельга не пагадзіцца з дасціпнай сентэнцыяй Ігара Дзядкова, які трапна заўважыў, што «там, дзе займаюцца пошукамі масонаў ды іншародцаў, культура стаіць у куце, адварнуўшыся да сцяны». Ці не занадта доўга ў мінулым стаяла тварам да сцяны наша пакутніца-культура, каб і цяпер усё на той жа спаракхнелай падставе не даваць ёй павярнуцца да народа і яго жывога жыцця? Ці не пара прызнаць відавочную негрунтоўнасць вядомага лозунга, антытэзай да якога час бярэ іншы, болей выпрабаваны і чалавечны: той з намі, хто не супроць нас.

Даўно заўважана, што ў сферы міжнацыянальных адносін першаступеннае значэнне мае этыка, тая няўлоўная далікатнасць выказванняў і паводзін, наяўнасць якой нічога не варта, а адсутнасць нязменна аплачваецца вельмі дорага. Кожнае сумленнае нацыянальнае пачуццё варта павагі; асабліва гэта важна ў адносінах да малых народаў, якія доўгі час у мінулым неслі на сабе адбітак непавагі і дыскрымінацыі. У гэтым сэнсе нельга не прызнаць, што далёка не ўсе людзі іншай нацыянальнасці, жывучы сярод карэнных жыхароў рэспублікі, паводзяць сябе незалежным чынам: нярэдка бравіруюць пагардай да нацыянальнай мовы, нарадзіўшыся на тутэйшай зямлі, не дадуць сабе працы за гады жыцця хоць у малой ступені зразумець яе традыцыі і звычаі. У нас даўно ўжо сталі звыклаю з'явай негатыўныя адносіны не толькі да рэлігійна-хрысціянскіх святаў, але і да бяскрыўдных дахрысціянскіх абрадаў, якія толькі дзякуючы народнай прыхільнасці дажылі да нашых дзён. Некалькі гадоў назад у Мінску было сілай разгнана этнаграфічнае маладзёжнае мерапрыемства «Гуканне вясны» (арганізаванае, між іншым, пры ўдзеле Саюза мастакоў БССР), што выклікала законнае абурэнне грамадскасці, але не атрымала ніякага тлумачэння ад улад. Шмат гадоў спарадычна робяцца маўклівыя перашкоды правядзенню народнага святкавання Купалля, як гэта адбылося летась у Заслаўі. А вось традыцыйны дзень памяці продкаў Дзяды шматслоўна ганьбуецца ў друку як рэлігійнае мерапрыемства, хоць даўно такім не з'яўляецца.

Напэўна, прачытаўшы тое, знойдуцца людзі, якія скажуць: але ж усё гэта — вашы ўнутраныя справы. Гэтыя рагаткі на шляхах развіцця нацыянальнай культуры — справа рук вашай жа нацыянальнай бюракратыі, без якога-небудзь умяшання з іншага боку. І ўвогуле яны будуць мець рацыю. Але ўся справа ў тым, што ў аснове гэтых невясёлых з'яў ляжыць усё тое ж шматгадовае імкненне да перастрахоўкі, даўні страх, боязь, як бы чаго не выйшла — пачуццё, увабранае бюракратамі ад нараджэння, набытае ў працэсе выхавання, навучання або проста існавання ў пэўных грамадскіх умовах. Страх перад рэальным, а часцей штучна створаным нацыяналістычным пудзілам глыбока пранік у іхнюю свядомасць, стаў амаль генным.

Не так даўно на семінары бібліятэчных работнікаў мілая спецыялістка з універсітэцкай адукацыяй пытаецца: «Ці можна лічыць нацыяналістам чалавека, які заўжды размаўляе па-беларуску?» І на сямідзясятым годзе савецкай улады даводзіцца тлумачыць розніцу паміж патрыятызмам і нацы-

яналізмам, якія ў нечай затарможанай свядомасці аднойчы зліліся ў непарыўнае крамольнае цэлае. І прыходзяць пісьмы з сельскіх школ усё ад тых жа настаўнікаў беларускай мовы і літаратуры са скаргамі на дыскрымінацыю ў выкладанні іхняга прадмета, аплаце настаўніцкай працы, ушчамлення ў пытаннях жылля і інш. Вядома, ушчамленне можа здарыцца ў адносінах да кожнага выкладчыка, але на баку настаўніка рускай мовы — несумненны клопат дзяржавы, які ўвасобіўся хоць бы ў нядаўняй пастанове аб павышэнні зарплаты. А якія сведчанні падобнага клопату ёсць у беларускага выкладчыка? Рэгулярная на працягу дзесяцігоддзяў пагарда да яго працы, скарачэнне вучэбных гадзін у сувязі са скарачэннем колькасці вучняў, змяншэнне яго зарплаты...

Вяртаючыся, аднак, да мовы, нялішне заўважыць, што адна з яе шматлікіх праблем заключаецца таксама ў несумненным дысбалансе яе чыста структурных страт і набыткаў. Будучы народжанай на сельскіх прасторах, цудоўна прыстасаваная да прыроды, сялянскага побыту, яна ўсё ж апынулася ў нейкай меры чужаніцай сярод каменных гмахаў горада, у бензінавым чадзе урбанізаванага грамадства. Тут яна страчвае як непатрэбную значную частку сваёй лексікі, гармонію моўнага ладу. А што набывае? Набыткі яе не толькі сумніцельныя, але і, безумоўна, антыэстэтычныя. Шырокая моўная палітызацыя, што ідзе ад сродкаў масавай інфармацыі, выцясняе з яе ўсё не патрэбнае часу, спараджае не ўласцівыя для гэтай мовы словы і словазвароты. Па сутнасці, фарміруецца новая мова. Дзе ўсё меней застаецца ад традыцыйнай, уласна беларускай мовы. Але ўся бяда ў тым, што гэтая «новая» мова ў вялікай меры з'яўляецца не чым іншым, як тыповай бюракратычнай прадукцыяй, награвашчаннем разнастайных наватвораў і канцылярызмаў. Яны і на мове, што іх нарадзіла, сталі не меншай бядой, а ўжо будучы скалькаванымі на іншы моўны лад, ствараюць ненатуральнае, амаль пачварнае з'явішча. Шматлікія варыяцыі на тэмы «рашэння пытанняў», «выканання пастаўленых задач», «вядзення работы», «сацспаборніцтва, якое шырыцца і шырыцца» і г. д., пазбаўленыя канкрэтнага сэнсу траскотныя словазлучэнні з даўняга часу зрабіліся звыклаю з'яваю нашай усесаюзнай прэсы, радыё і тэлебачання, дзелавых папер і заканадаўчых актаў і выклікаюць інстынктыўнае непрыняцце ў кожнага пісьменнага чалавека, не пазбаўленага элементарнага густу да мовы. Можна сабе ўявіць, як яны рэжуць не разбэшчаны ў гэтых адносінах слых эстонца, літоўца ці беларуса таксама. Я далёкі ад моўнага снабізму, сам у пэў-

най ступені не вольны ад шмат якіх моўных хібаў, але ніяк не магу пагадзіцца з многімі моўнымі парадоксамі тыпу знакамітых «жыгулёў», якія, не маючы адзіночнага ліку, прывялі да вымушанага ўтварэння слова-калекі «жыгуль». А вось яшчэ не меней парадаксальны, хоць і звыклы ўжо наватвор: трактар «Беларусь», дзе імя агульнае і імя ўласнае адносяцца да розных родаў. Узнікае пытанне: чыя гэта мова?

Я думаю, не руская і не якая іншая з усіх 78 сучасных моў народаў СССР, вядома ж, гэта — тыповае нараджэнне нашай бюракратыі. Сумна, але факт: вялікая і магутная мова, што так чаравала чалавецтва ў мінулым, таксама бяднее ўвачавідкі, яшчэ неяк захоўваючыся ў пэўнай частцы рускай мастацкай літаратуры. Сфера яе ўжытку таксама звужаецца пад уздзеяннем усё таго ж магутнага, нахрапістага бюракратычнага сурагату.

Моўная праблема — частка ўсеагульных праблем, што паўстаюць перад грамадствам у перыяд перабудовы. Яна — надзённы клопат усіх моў (старых і маладзейшых), моў ускраін і не ў меншай меры мовы «міжнацыянальных зносін». Некаторыя бачаць выйсце ў двухмоўі. Але, мне здаецца, тое рашэнне не раўназначна для розных рэгіёнаў краіны: калі для Кіргізіі яно — у нейкай ступені дабро, дык для Эстоніі, мабыць, дабро сумніцельнае, бо, як сцвярджаюць эстонцы, прадугледжвае авалоданне рускай мовай не без шкоды для нармальнага функцыянавання мовы нацыянальнай. І мы за такое рашэнне, калі нацыянальнай мове вяртаюцца яе спрадвечныя правы ў рэспубліцы. Аднак вяртанне гэтых правоў толькі ў заканадаўчым парадку — безумоўна частковая мера, яўна палятыў. Вядома, што заканадаўчае рэгламентаванне ўвогуле справа добрая, хоць яно і мала што вырашае на практыцы, дасягаючы належнага эфекту тады, калі забяспечана рэальнымі стымуламі, што толькі рэгулююцца законам. У нас прымаецца нямаля вартых законаў, якія імкнуцца літаральна ўсё ахапіць і рэгламентаваць. Але, калі нават колькасць іх памножыць у дзесяць разоў, яны не здолеюць рэгламентаваць усю разнастайнасць жыццёвых праблем. Несумненна, гэтыя праблемы будуць расці прапарцыянальна спробам іх рэгулявання. Самарэгулюючыя сістэмы эканомікі, культуры — вось ідэал грамадства, але, мабыць, да гэтага нам далёка.

У тым, што сказана вышэй, зразумела, не адзіная прычына становішча, у якім апынулася беларуская мова, але адна з многіх. Будучыня нацыянальнай культуры ў значнай меры заснавана на роднай мове і залежыць ад яе. Толькі людзям недалёкім або недасведчаным можа здацца, быццам мастацкая

культура, выяўленчае мастацтва, мастацкая самадзейнасць, нават танцы не звязаны з мовай і не залежаць ад яе стану, могуць развівацца самастойна. На самай справе, з мовы пачынаецца ўсё астатняе — праз літаратуру, сродкі масавай інфармацыі культура набывае свой змест і ўжо безумоўна — непаўторнае нацыянальнае аблічча, форму, без якой яна не існуе. Даводзіцца толькі шкадаваць, што ёсць неабходнасць гаварыць пра такія элементарныя ісціны. Але наш даволі драматычны вопыт, мабыць, мала чаму нас навучыў. Сапраўды, гісторыя нічому не вучыць. Затое яна спаганяе, як сцвярджаў В. Ключэўскі, часам надта сурова. У тым мы цяпер пераконваемся.

У заключэнне хочацца задаць сакраментальнае пытанне: што ёсць мова? Вядома, у навуковых вызначэннях гэтае з'явы недахопу няма, але ўсё ж? Калі чыста прагматычна, дык усё зразумела: мова — сродак зносін паміж народамі, класамі, індывідуумамі. У арганізаваным грамадстве чым вышэй ступень валодання ёю, тым, мабыць, лепш. Высокаарганізаваная вытворчасць, палітызаваныя грамадскія фарміраванні, армія патрабуюць дакладных і даступных каманд у мэтах іх дакладнага і своечасовага выканання. Але ці толькі дзеля гэтага служыць чалавецтву мова? І ці толькі для зносін? А для таго, каб думаць і адчуваць? Найбольш поўна і шчыра?.. Калі даўным-даўно ўвечары вярталася з поля жняня, яна спявала зусім не дзеля зносін з іншымі — для сябе і свае душы. Але якой павінна быць мова, што выказвала б душу? Мова як прадукт душы і душа — у пэўным сэнсе — як прадукт роднай мовы?

Мабыць, варта задумацца...

[1988]

МОВА — ДУША НАРОДА

— *Васіль Уладзіміравіч, ёсць пісьмы надта сярдзітыя. Чым, на вашу думку, растлумачыць такую бурную рэакцыю на так званыя «старыя падыходы і погляды»?*

— На маю думку, у наш час адносіны да культуры другой нацыі з'яўляюцца адным з асноўных паказчыкаў духоўнай спеласці грамадства. Нельга будаваць гуманнае грамадства, тым больш грамадства многанацыянальнае, без паважлівых адносін да моў усіх, нават самых малалікіх нацый. Нягледзячы на вядомыя поспехі футуралогіі, будучае ўсё-такі схавана за

заслонай невядомага, і можа нават быць, што самая нязначная культура разаўецца і здолее абагаціць вялікую чалавечую культуру. Не ўсім нацыям шанцавала ў гісторыі. Некаторыя зніклі, амаль не пакінуўшы следу, і кожны раз для чалавецтва гэта было незаменнай стратай. Выдатны вучоны і грамадзянін нашага часу акадэмік Д. С. Ліхачоў з поўнай падставай выступае за захоўванне рэшткаў культур, што зніклі, заклікае ўсімі сіламі берагчы культуры, якія адыходзяць. Дык ці не ў тым задача тых, што сёння жывуць, каб ХХІ век стаў векам гуманістычным?

Праблема нацыянальных моў у тым выглядзе, як яна прадстае сёння, зусім не лінгвістычная праблема, як гэта іншым здаецца, а гуманістычная і ці не самая надзённая для нашай дэмакратызацыі. Калі б не было таго, што мы перажылі ў сталінскія і «застойныя» часы і наша культура развівалася ў нармальна-дэмакратычных умовах, не паўстала б і гэтая, у многіх адносінах нечаканая праблема. Нацыі змаглі б бязбольна, натуральным шляхам вырашыць яе ў працэсе дэмакратычнага самаразвіцця. На жаль, натуральнага развіцця не было, і мы ўпёрліся ў яе, нібыта ў бетонную сцяну.

Вострыя, поўныя шчырага болю і глыбокага хвалявання пісьмы чытачоў «Известий» — яшчэ адно таму пацвярджанне.

Мова — гэта самае каштоўнае багацце нацыі.

Хоць здаўна ў жыцці існуюць, я б сказаў, два палярныя погляды на мову. Адно бачаць у ёй толькі сродак зносін, другія — душу народа, выяўленне яго характару, самабытнасці. Можна нават сказаць, што гэта своеасаблівы генафонд нацыянальнай культуры. Так, напрыклад, вядома, што беларусы на працягу стагоддзяў былі пазбаўлены дзяржаўнасці, існавалі ва ўмовах жорсткага сацыяльнага прыгнёту. Мы былі пазбаўлены многага. Але з намі заўжды заставалася родная мова, існаваў фальклор, і гэта давала надзею на адраджэнне нацыянальнай самасвядомасці, культуры і дзяржаўнасці. Пазбавіўшыся мовы, мы б зніклі з твару зямлі, як зніклі некалі летапісныя яцвягі, што насялялі паўночна-заходнюю Беларусь.

Ёсць нацыянальная мова — значыць, ёсць і нацыянальнасць.

Праблема нацыянальнай мовы працягвае існаваць у атмасферы непадрахтанасці нашай свядомасці да яе радыкальнага вырашэння, хоць гэта апошняе — такое простае і натуральнае ва ўмовах дэмакратызацыі. І гэта вырашэнне мне бачыцца зусім не за кошт мовы міжнацыянальных зносін або якой-небудзь іншай. Міжнацыянальныя супярэчнасці толькі

тады больш-менш паспяхова вырашаюцца, калі гэта не ўшчамляе інтарэсаў другіх нацый.

У выпадку ж з моваю ўзнікае недаўменне: каго можа ўшчаміць веданне мовы? Або зносіны на аснове гэтага ведання? У жыцці павінны мірна суіснаваць многія мовы народаў СССР, безумоўна, калі ёсць агульная для ўсіх мова міжнацыянальных зносін, і такой агульнапрызнанай мовай з'яўляецца руская. Якой быць галоўнай? Я думаю, што гэтае пытанне ў дадзеным выпадку не правамернае: родная — гэта родная (як маці, бацька, Радзіма), а набытая — для справы, для жыцця, для зносін з людзьмі іншых нацыянальнасцей.

Аднак трэба прызнаць, што такая схема прывабная толькі ў ідэале. На практыцы атрымліваецца інакш. Наша школа ў нацыянальных рэспубліках даўно і ўпэўнена вылучыла рускую мову ў якасці альтэрнатыўнай да роднай, і мільёны навучэнцаў грэбуюць мовай продкаў. Але губляючы тую аснову, якой з'яўляецца родная мова, яны асуджаюць сябе на моўную бязграмацнасць.

— *Праблема двухмоўя лягчэй вырашальная, скажам, у Латвіі або Арменіі, а як быць удгуру або дунганіну ў Кіргізіі? Абавязкова вывучаць і рускую, і кіргізскую, і родную мовы?*

— Моўная праблема ў розных рэгіёнах краіны неаднолькавая. Калі для эстонцаў галоўная яе цяжкасць — далучэнне да рускай моўнай стыхіі, то для беларусаў — вяртанне да карэннай мовы, амаль што цалкам выведзенай з ужытку. Цяпер немагчыма абысціся без ведання рускай мовы ні ў адной з рэспублік, ні ў адной сферы чалавечай дзейнасці. Але і зняважліва адносіцца да нацыянальнай мовы ў нацыянальнай рэспубліцы — такі ж самы жыццёвы алагізм.

Этнічнае шматмоўе, пра якое піша дацэнт У. Шэліке, — зусім не апраўданне для моўнай уніфікацыі.

У Кіргізіі жыве каля 80 народнасцей, кожная са сваёй мовай, а на Украіне 80 працэнтаў насельніцтва складаюць украінцы, але нараканняў не менш, пра што справядліва піша М. Лешчанка з Днепрапятроўскай вобласці. У дваццатых і часткова ў трыццатых гадах у Беларусі акрамя беларускіх існавалі таксама руска-польска-яўрэйскамоўныя школы, якія часам ліквідавалі нібыта для ўмацавання беларускіх школ. Але такая нецярпімасць да іншамоўных школ прывяла ў выніку да ліквідацыі і беларускіх школ таксама. Колькасныя суадносіны этнасаў мала што праясняюць у нашай праблеме, вырашыць якую магчыма толькі на сапраўды ленінскіх прынцыпах, якія ў час былі беспардонна скажоныя сталінскім кіраўніцтвам.

Зневажальнае і недапусцімае ў наш час пачуццё нацыянальнай ушчэмлэнасці, якое ўзнікае, калі людзі карэннай нацыянальнасці саромеюцца на людзях гаварыць на мове продкаў. У канчатковым выніку менавіта гэта ў першую чаргу і прыводзіць да нацыянальнага нігілізму, да адмаўлення ад нацыянальных каранёў. А з другога боку, нараджае экстрэмісцкія выпадкі нецярпліўцаў, падагрэтыя абражаным нацыянальным самалюбствам.

— *Васіль Уладзіміравіч, а як вы ўсё-такі бачыце вырашэнне гэтых праблем?*

— Праблемы такога роду прынята вырашаць унутры дэмакратычнага грамадства, не выносячы іх на міжнацыянальную арэну. Вельмі шкада, што ў нас так не атрымліваецца. Але ж мы вучымся дэмакратыі, хаця, гледзячы па ўсім, толькі пачынаем разумець яе азы.

І ў гэтым становішчы, відаць, не абысціся без усесаюзнага форуму, без сапраўднай галоснасці, без разумення і падтрымкі ўсіх нацый, у першую чаргу рускага народа. Руская інтэлігенцыя — вось тая грамадская сіла, якая павінна першай зразумець усю складанасць гэтай праблемы, зразумець, што імкненне народаў да моўнага самавызначэння — не прыдумка дасужага розуму, не замена веданню рускай мовы, а неабходнасць.

Часта пад покрывам інтэрнацыяналісцкай фразеалогіі выступае самая замшэлая коснасць, кансерватызм, ідэйная нецярпімасць мінулых застоўных гадоў. Інтэрнацыяналізм такога роду не што іншае, як злёгка закамуфліраваны шавінізм. Аднак у наш час гэта з'ява навучылася адмыслова маскіравацца і рэдка выступае ў чыстым выглядзе. Найбольш выразна гэта праяўляецца ў адносінах да іншародцаў, што не тоячыся і з зайздроснай паслядоўнасцю дэманструе нам агульнавядомая «Памяць».

Вялікая і магутная руская мова — аснова вялікай і магутнай культуры, састаўной часткі сучаснай зямной цывілізацыі. Значэнне яе для лёсу савецкіх народаў бяспрэчнае. Большасць аўтараў пісьмаў, якія я чытаў, лічаць, што руская мова з'яўляецца агульнай мовай усіх братніх народаў СССР. Але, на маю думку, у пастаноўцы моўнага пытання не павінна быць і ценю ад або — або, але толькі — і — і: па жаданні, па нараджэнні, па імкненні душы або па жыццёвай неабходнасці. Менавіта такая пазіцыя павінна стаць імператывунай для любога нярускага, а калі стане і для рускага таксама, то тым больш яму хвалы і пашаны.

— Ёсць і такое далікатнае пытанне: ці павінны тыя, хто селіцца ў той ці іншай рэспубліцы, вывучаць мову карэннага яе насельніцтва? С. Хачатураў з Тульскай вобласці лічыць, што гэтае пытанне перш за ўсё маральнае. Павага да мовы народа, сярод якога жывеш, — крыніца адзінства, добра і міру. Але вось А. Аксеенка з Днепрапятроўска піша: «Нам патрэбна, каб нашы дзеці былі адукаванымі, у першую чаргу па рускай мове. І я лічу, дзеці павінны вывучаць тую мову, якая ім спатрэбіцца ў далейшым жыцці, а вырашаюць за дзяцей гэта іх бацькі».

— Навязваць што-небудзь грамадзянам у сучаснай дзяржаве — няправільная ды і нікчэмная справа: тое ж адносіцца і да мовы. Прымушаць людзей вывучаць тое, чаго яны ведаць не жадаюць, нічога добрага даць не можа, нават калі і будзе здавацца, што працэс вывучэння існуе. У наш час найбольш плённай і дэмакратычнай з'яўляецца ўнутраная зацікаўленасць, у тым ліку і ў авалоданні мовамі. Задача ж грамадства, на маю думку, у тым, каб разумна заахваціць гэта імкненне да разнамоўя, стварыць сацыяльна-палітычную зацікаўленасць у добрай справе, якая адпавядае інтарэсам нацыі, а значыць, і дзяржавы. Асабліва ў такой многанацыянальнай дзяржаве, якой з'яўляецца наш Саюз.

У гэтых адносінах у Беларусі сутыкнуліся з шэрагам цяжкасцей і зрабілі шмат сур'ёзных вывадаў. Вось яны: вучыць дзяцей роднай мове як мага раней — у сям'і, у дзіцячым садзіку, з першага класа ў школе; прадугледзець выпускныя экзамены па мове ў школе і ўступныя ў ВНУ. Гэта як самыя першачарговыя крокі. Я б яшчэ прапанаваў, каб партыйныя і савецкія кіраўнікі ў зносінах з беларускамоўным насельніцтвам рэспублікі (якога паводле перапісу налічваецца каля 80 працэнтаў) перайшлі на яго родную мову.

Можна зразумець нараканні той часткі насельніцтва рэспублікі, якая не належыць да карэннай нацыянальнасці, нежаданне многіх вывучаць мову, без якой можна лёгка абысціся, скажам, жывучы ў Мінску, таксама як і жывучы ў Саратаве. Сапраўды, ведання адной рускай мовы дастаткова. З практычнага пункту гледжання — гэта верна, але цывілізаванаму дэмакратычнаму грамадству не чужыя таксама і паняцці этыкі, асаблівай чуйнасці не толькі да свайго, але і да чужога.

У дваццатых гады, калі свежыя былі заветы У. І. Леніна ў галіне нацыянальных адносін, такой праблемы ў нас не ўзнікала. Пасля адкрыцця шэрага ВНУ з-за недахопу выкладчыкаў многія прафесары былі запрошаны з Масквы і Ленінграда. За кароткі тэрмін яны асвоілі беларускую мову і паспяхова чыталі

на ёй лекцыі беларускім студэнтам. Цяпер жа такое, бадай, немагчыма ўжо хаця б па той прычыне, што беларускія студэнты ў большасці сваёй прыходзяць у ВНУ без сапраўднага ведання роднай мовы, ад якой яны адвучаны яшчэ ў школе.

Я глыбока перакананы: не існуе прычын, якія б колькі-небудзь пераканаўча апраўдалі мэтазгоднасць ухілення ад ведання таго, што неабходна народу і яго культуры. Відаць, памылкі старэйшых пакаленняў можа напавіць толькі моладзь. Я думаю, што мае рацыю А. Крамар з Харкава, які ў сваім вялікім і выдатна аргументаваным пісьме ў рэдакцыю піша, што калі маладое пакаленне інтэлігентаў усвядоміць страту роднай мовы, то яшчэ не ўсё згублена. Вядома ж, у сітуацыі, якая склалася, мове карэннай нацыі цяжка супернічаць з мовай міжнацыянальных зносін. На рускай ажыццяўляецца нараджэнне амаль усіх сацыяльных ідэй, усіх значных дзяржаўных і партыйных актаў, і кожны чалавек, які добра валодае абедзвюма мовамі, міжволі будзе імкнуцца да мовы арыгінала.

— *Але пры грунтоўным вывучэнні рускай мовы ў рэспубліках, а гэта, безумоўна, неабходна, відаць, і перакладаць прыйдзецца менш. Мовы будучы нармальна суіснаваць ва ўжытку кожнага чалавека. І вельмі важна пазбегнуць перакосаў, шараханьня ад адной палярнай пазіцыі да другой. Але вось Л. Львоў з Баранавіч катэгарычны ў сваёй пазіцыі: «Ніяк не магу зразумець крыкліваю мітусню вакол пытання пра мову, штучна створанага ў нас на Беларусі. Ад абавязковага навучання на той або іншай мове папахвае нацыяналізмам».*

— Я б адмеў часцей за ўсё недарэчныя абвінавачанні ў нацыяналізме людзей, якія выступаюць супраць моўнай дыскрымінацыі. У большасці сваёй гэта сумленна моладзь, а таксама інтэлігенты, якія глыбока адчуваюць, заклапочаныя тым, што, можа быць, яшчэ не для ўсіх стала відавочным. Іх яўная, а ў многіх выпадках і ўяўная нецярплівасць у гэтым пытанні — гэта, безумоўна, рэакцыя (няхай не заўсёды адэкватная і апраўданая) на тыя праяўленні справядлівасці, якая на працягу дзесяцігоддзяў фарміравала моўную праблему. У Мінску я ведаю выпадкі, калі ў абарону нацыянальнай мовы, якая знікае, падняліся маладзёжныя, так званыя нефармальныя аб'яднанні («Тутэйшыя», «Талака», «Паходня» і некаторыя іншыя), якія адразу ж атрымалі адпор з боку часткі кіраўніцтва, нямала вінаватага ў тым становішчы, якое стварылася. Але забараніцелі, відаць, лічаць, што ініцыятыва, якая сыходзіць не зверху, супрацьзаконная.

На жаль, чалавецтва яшчэ не навучылася жыць адзінай мірнай сям'ёй у глабальным маштабе, затое набыло немалы вопыт нацыянальнага існавання. Здаровы розум яскрава бачыць каштоўнасць гэтага вопыту, які трэба берагчы і развіваць, таму што вельмі ж ужо многа сіл у наш час (як, між іншым, і ў іншыя часы) дзейнічаюць у бок раз'яднання і варожасці з самымі жахлівымі вынікамі для людзей.

*Інтэрв'ю вёў Міхась Шыманскі.
[1988]*

[КОЛЛЕКТИВНОЕ ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА» О СОЗДАНИИ МУЗЕЯ МАРКА ШАГАЛА В ВИТЕБСКЕ]

Весь мир знает Марка Шагала. И весь мир знает, что он — из Витебска. Древний город на Западной Двине и великий художник 20-го столетия неразделимы. И хотя большая часть его жизни прошла вдали от родных мест, Витебск всегда оставался в сердце и памяти.

«Мать рассказывала о том, что в тот час, когда я появился на свет, в маленьком домике у самого шоссе, за тюрьмой на краю Витебска, вспыхнул огромный пожар... — вспоминал художник в книге “Моя жизнь”. — Кровать с матерью и ребенком перенесли в надежное место на другом краю Витебска... Однако домик на краю шоссе на Песковатиках остался цел... Когда бабушка умер... отец купил другой дом... Здесь на Покровской улице я родился во второй раз...»

С Витебском связано все творчество Шагала. Здесь прошли его детство и юность. Здесь мать привела его в мастерскую Ю. М. Пэна, который стал первым учителем юноши. Здесь он однажды появился с мандатом наркома просвещения А. В. Луначарского, который назначил его комиссаром по делам искусств Витебска и губернии. Здесь Шагала создал народную художественную школу, возглавил ее и преподавал в ней. Вместе со своими учениками и коллегами он оформлял город в дни первых революционных праздников. И отсюда по всему миру он понес на своих картинах славу родного города.

В письме-эссе «Моему родному Витебску» в 1944 году художник писал: «Я горжусь тобой, твоей стойкостью и героизмом, которые ты явил страшнейшему врагу на свете. Горжусь твоими людьми, их дружбой, их нестигаемостью, великим смыслом жизни, которую ты строил. Ты — единственный для меня в мире».

И совсем недавно на юбилейной выставке в Москве мы снова могли убедиться: невозможно понять Шагала, изъяв из его судьбы Витебск.

Но и Витебск без Шагала утрачивает ярчайшую страницу своей истории. И по меньшей мере странно, что сегодня это еще нужно кому-то доказывать.

В канун 100-летия художника представители общественности (и каждый из нас в том числе) высказывали предложения об увековечении памяти Шагала в его родном городе. Предлагалось назвать его именем одну из витебских улиц. Предлагалось отметить его работу в народной художественной школе, установив мемориальную доску на чудом сохранившемся после опустошительной войны здании. Предлагалось, наконец, открыть музей в доме, где жил художник. Этот дом, этот адрес он не раз упоминал в письмах и воспоминаниях: 2-я Покровская, 29. Ныне — Дзержинского, 11. Это подтверждают старожилы города и архивные документы.

Сегодня судьба этого дома не может не вызывать озабоченности. Что будет с ним? Из года в год в Витебске разрушались бесценные памятники истории и культуры, а ведь этот дом даже как памятник архитектуры не взят под охрану...

Отрадно, что в последнее время отношение к историческому и культурному наследию в Витебске меняется к лучшему. Кажется, близок к положительному разрешению вопрос об открытии музея витебской художественной школы в здании, где когда-то размещались мастерские Казимира Малевича и УНОВИСа.

Мы считаем, что настала пора создать и музей Марка Шагала в доме на улице Дзержинского, 11. Многие известные деятели культуры заявляют о своей готовности дать концерты, сбор от которых пошел бы на создание музея, литераторы предлагают перечислить свои гонорары. Полагаем, что с помощью советского Фонда культуры содействовать этому будут все, кому дорого творчество Шагала и память о нем. Мы знаем, что готова внести свой вклад и вдова художника Валентина Григорьевна.

Этим пiсьмом мы хотeлi бi пoстaвiць тoчкy в рaзгoвoрaх i нaчaць кoнкрeтнyю рaбoтy пo сoздaнiю мyзeя Мaркa Шaгaлa, вeлiкoгo хyдoжнiкa сoврeмeннoстi, в eгo рoднoм Вiтeбскe.

*Василь Быков, Рыгор Бородулин,
Андрей Вознесенский, Давид Симанович.
Октябрь 1988 г.*

[ВЫСТУПЛЕННЕ НА ўСТАНОўЧЫМ СХОДЗЕ БЕЛАРУСКАГА ГІСТОРЫКА- АСВЕТНІЦКАГА ТАВАРЫСТВА ПАМЯЦІ АХВЯРАў СТАЛІНІЗМУ «МАРТЫРАЛОГ БЕЛАРУСІ»]

Мабыць, найбольшае зло ў нашым жыццi — спрадвечная наша бяспамятнасць.

На працягу стагоддзяў наш народ моўчкі цяпеў прыгнёт, лiў сваю кроў, ахвяраваў мiльёнамі жыццяў i — маўчаў.

Маўчаў, бо ягонья гiсторыкi пазбавiлi яго праўдзiвай гi-старыяграфii, яго фiлoсaфy ўнушалi яму фальшывую iдэю аб мудрай правiльнасцi ягонага бязмежнага цярпення. Ягонья рыцары прыгожага пiсьменства спаборнiчалi мiж сабой аб тым, хто найлепш апяе тое, што варта было выбуху гневу i абурэння.

Ягонья палiтыкi i дзяржаўныя дзеячы былi пазбаўлены ўласнай палiтыкi, магчымасцi дзейнiчаць на карысць народа, а шмат хто з iх сам стаў ахвяраю тэрору, уласнае слепаты i заблуджэння.

Але мы бoлeй не хочам жыць, каб не памятаць як аб нашым гoнaры, так i аб нашых ахвярах, нашых пакутнiках. Урэшце прыйшоў час сказаць людзям праўду i зрабiць з яе пэўныя высновы.

Найперш праўду трэба сказаць пра мiльёны бeзымeнных людзей Беларусi — рaбoчых, кaлгaснiкaў, iнтэлiгeнтaў з нaрoдa — бeлaрyсaў, рyскiх, пaлякaў, яўрeяў, людзей iншых нaцы-янaльнaсцeй, пaнiшчaных у гaды стaлiншчынy бeз вiны, бeз пpaвa, бeз слeдy ў нaрoднaй пaмяцi. Сiмвaлaм тых пaнiшчaных у гaды стaлiншчынy сeння стaлi слaвyтyя Кyрaпaтy, aлe Кyрaпaтy — тoлькi aднa кpoпля ў мoрy лyдскoй кpывi.

Мы павінны таксама назваць імёны катаў нашых ахвяр. Хто былі гэтыя нелюдзі? Зусім марныя спробы сёння вызначыць іх абліччы па светапоглядных, класавых ці нацыянальных адзнаках. Гэтыя людзі пазбаўлены ўсякіх людскіх адзнак, бо набылі і насілі на сабе, можа, самую пачварную адзнаку ў гісторыі, імя якой — сталіншчына. Менавіта гэтым тлумачыцца, бадай, усё з дня ўчарашняга, а таксама шмат што — і з дня сённяшняга.

Як даўно вядома, кат і ахвяра інфернальным чынам звязаны між сабой, і чалавецтва павінна ведаць і памятаць абодвух. Гэта патрэбна ў імя справядлівасці, у імя дэмакратыі, у імя нашай будучыні. У тым наш святы абавязак перад гісторыяй, маральны абавязак перад наступнымі пакаленнямі — каб ім не давялося дакараць нас за тое, што мы мелі магчымасць і ўпусцілі яе. Мабыць, ніхто з нашых папярэднікаў не меў такой магчымасці, якую лёс ці гісторыя далі нам, і было б найвялікшай гістарычнай несправядлівасцю не выкарыстаць яе.

Але здзейсніць гэты абавязак, мабыць, будзе нялёгка. Сілы рэакцыі і сталіншчыны не склалі сваёй выпрабаванай зброі і гатовы ўзяць рэванш за іхняе паражэнне ў галоснасці. (Каб пераканацца ў тым, даволі хоць зрэдку браць у рукі газету «Вячэрні Мінск», орган Мінскага гаркама партыі і гарсавета народных дэпутатаў, і паглядзець, хто і супраць чаго там выступае.) Сілы зла цяпер перажываюць невялікую паўзу ў сваёй антынароднай дзейнасці, перабудова і галоснасць блытае іх адпрацаваныя за гады карты. Але яны ўжо пачалі прыстасоўвацца і да атмасферы перабудовы, а ў некаторых выпадках і браць яе пад сваё кіраўніцтва. Кіраваць з такім разлікам, каб хутка і без страт вярнуць так любы іхнім лакейскім душам таталітарызм з падаўленнем, рэпрэсіямі, п'яным і пакорным існаваннем зняволенага народа.

Таму ўсе, каму дорагі прынцыпы дэмакратыі і сацыялізму, лёс нацыі, павінны быць пільныя. Не даць сябе ашукаць ні крывадушнай бюракратыі, ні амаральнай навуковасці, ні тым сапраўдным правакатарам ад перабудовы, якія маюць заданне пусціць яе на злом галавы, адварнуўшы ад высакароднай мэты дэмакратычнага адраджэння нацыі, растварыць ідэалы дэмакратызацыі ў нацыянальных, рэгіянальных, ведамасных і амбіцыйных сварках і супярэчнасцях.

Мы павінны скласці велічны мартыралог нашых страт і нашых пакутнікаў. Гэта ляжа вуглавым каменем у падмурку нашай нацыянальнай свядомасці, стане важным элементам гістарычнай памяці і гарантам.

Гарантам будучині народа, які праз генацыд, кроў і знявагу з упартасцю асуджанага рвецца да сонца дабра і справядлівасці.

[19 кастрычніка 1988 г.]

[МАРК ШАГАЛ]

Человек берет с собой в жизнь то, что ему приготовлено детством и родиной. Не имеет значения, какова она, эта его родина — знаменитый город или забытая богом деревенька. Для чуткого сердца они одинаково драгоценны.

Казалось бы, ну что мог значить провинциальный Витебск для такого прославленного художника, как Марк Шагал. А ведь именно Витебск стал неиссякаемым источником его великой любви к людям, содержанием почти всего его творчества. К сожалению, те, кто определяет культурную политику Белоруссии, по-прежнему держат глухую оборону перед творчеством великого земляка. В год столетия художника имела место настоящая кампания по шельмованию его живописи и жизни. По-прежнему игнорируется инициатива общественности республики по созданию в Витебске музея Шагала. И все-таки он совершает прорыв на милую его сердцу родину: на этот раз своим поэтическим словом. Сборник стихов поэта-художника подготовило к изданию минское издательство «Мастацкая літаратура» в прекрасных переводах другого выдающегося мастера Витебщины Рыгора Бородулина. В сборнике 25 стихотворений Шагала, свидетельствующих о глубине человеческих чувствований автора, мудрости его взгляда на жизнь и любви к тому же родному для него Витебску. В этом смысле совершенно уникально открывающее сборник послание Шагала городу, написанное им в труднейшие годы войны и звучащее ныне как гуманистическое завещание землякам.

Соотечественники Шагала и все почитатели его таланта ждут и надеются. Может быть, руководители культуры в республике отнесутся милостивее к Шагалу-поэту, чем они отнеслись к Шагалу-художнику.

[1988]

[ИНТЕРВЬЮ ГАЗЕТЕ «МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ»]

— *Василь Владимирович, до сих пор страна мало что знала о самостоятельных движениях в Белоруссии. Из последних публикаций в «Вечернем Минске» стало известно, что местная общественность выступает против «антинародного Народного фронта». Его инициаторов называют экстремистами, белорусскую молодежь из общества «Талака» — националистами. Многие сравнивают тон статьи о «Талаке» с образцами довоенной разгромной публицистики. Но ведь в статье есть и факты?*

— Фактов, если вы заметили, мало, да и те, на мой взгляд, сомнительные. В основном — аргументы. Стремление «толоковцев» возродить национальную символику — герб и флаг — называется националистическим только на том основании, что где-то за границей с этими символами собираются белорусские эмигранты. Такие же ярлыки клеятся на любую попытку возрождения десятилетиями вырождавшейся белорусской культуры. Эти тенденции — не новость для республики. Но когда на четвертом году перестройки газеты начинают открытую борьбу с национальным самосознанием... Грустно... Даже если в программах «Талаки» не обошлось без перегибов, опыт наших соседей-прибалтов говорит, что самые сложные вопросы можно решать спокойно и взвешенно, без клеймения и приговора. Кстати, тон статьи — не единственная примета прошлых времен. Один из подписавших ее, доктор исторических наук А. Филимонов известен тем, что защитил кандидатскую диссертацию на тему «Лаврентий Павлович Берия — верный друг великого Сталина»...

— *Но с этими авторами солидарны многие. Большинство из них видит главную опасность в народном фронте, которого, кстати, пока еще нет...*

— Знаете, как организовывалась дискуссия с неформальным клубом «Современник» по поводу самой идеи Народного фронта? Парткомы предприятий мобилизовали в Дом политпросвета около 900 человек... дать отпор «врагам перестройки». Врагами назывались известнейший белорусский писатель Адамович и редактор «Огонька» Коротич, якобы специально приезжающие из Москвы сеять смуту. Мне рассказывали, как объясняли людям, кто такой Адамович: наемник Тель-Авива, получающий оттуда доллары, чтобы содержать две квартиры, в Москве и Минске, и подкупать партийные власти... «Враги»

не приехали (да и не должны были), но отпор, как вы сами видите по газетам, им дали.

Я не знаю, каким будет наш Народный фронт, да и будет ли вообще. Но думаю, что такая реакция наших «идеологов» на прогрессивную идею многих еще колеблющихся укрепит в мысли о необходимости борьбы с психологией застоя. На собрании «Мартиролога» был представитель ЦК Компартии Белоруссии Р. Бузук. Когда выбирали правление «Мартиролога», он всеми силами пытался сорвать голосование. И не нашел ничего лучшего, как выталкивать с трибуны председательствовавшего, требуя себе слова. Когда после голосования Бузуку предоставили трибуну, ему оказалось нечего сказать. Сидевшие в тот вечер в зале, я думаю, многое поняли.

— *Что, на ваш взгляд, больше всего мешает перестройке в республике?*

— Не хотелось бы думать, что методы работы и политические взгляды этого человека — позиция нашего республиканского ЦК. Но приходится признать, что даже среди высшего руководства есть еще немало тех, кто видит опасность для перестройки, например, в возрождении национальной культуры. А ведь у нашего народа, уже полузабывшего свою национальную гордость, есть еще одна проблема, еще одна боль — сталинские репрессии. Мне странно и страшно видеть, что сегодня находятся люди, которые хотят скрыть от народа его прошлое, столько лет пролежавшее в куропатских могилах. Кому все это нужно? Кому нужно было многотысячный митинг памяти жертв в Куропатах, на котором, кстати, выступали и партийные работники, объявлять потом запрещенным и штрафовать организаторов? Помню, на XIX партконференции кто-то из делегатов сказал: «Вот мы боремся за перестройку, а за что борются эти крикуны на митингах?» Многие до сих пор считают себя авторами и главными действующими лицами перестройки, отказывая всем другим в праве на участие в ней. До тех пор, пока мы не поймем, что все имеют право на собственное мнение, что все идеи на митингах, как и сами митинги, рождены перестройкой, а не чем-нибудь другим, конфликты неизбежны. Для нашего народа память о жертвах — та идея, которая сможет объединить нас в борьбе за перестройку, за то, чтобы террор сталинщины никогда не повторился. И то, что такое объединение у нас заранее объявляется незаконным, — это, по сути, защита сталинизма, хотя и прикрытая перестроечными лозунгами.

— *Вы говорите о всенародном объединении. Но против Народного фронта (по крайней мере в газетах) выступают рабочие, рядовые представители народа.*

— У нас, к сожалению, еще не все научились думать самостоятельно. Не все понимают простую вещь: чтобы что-то критиковать, надо как минимум знать, о чем идет речь. Людей слишком долго приучали жить по общей схеме, думать в такт лозунгам, по приказу говорить и молчать по приказу. Поэтому сегодня многим, чтобы протестовать, не нужно разбираться в ситуации — достаточно мнения штатного функционера, например из «идеологической комиссии» микрорайона (есть и такие). Одного слова такого «специалиста» достаточно, чтобы зачеркнуть в душах людей все, что оставили там книги Адамовича, и объявить его самого «врагом перестройки»...

Ситуация очень тревожная. Мы должны сделать все, чтобы Белоруссия не стала Вандеей перестройки.

Когда этот материал уже был подготовлен к печати, Василь Быков позвонил в редакцию и рассказал о событиях, происшедших в Минске в воскресенье, 30 октября:

— Был традиционный день поминовения предков, у нас его называют «Дзяды». Городские власти, разрешившие митинг, неожиданно приняли решение о его запрещении. Но многотысячный митинг все же собрался в поле недалеко от Куропат, чтобы почтить память сынов белорусского народа, погибших во времена сталинских репрессий и Великой Отечественной войны. Люди, опустившись на колени, слушали речь археолога, председателя общества «Мартиролог» Зенона Поздняка. Отряды милиции и внутренних войск разогнали митинг.

То, что произошло, требует объяснения. Необходимо провести расследование, виновные должны быть наказаны.

*Беседу вел Леонид Милославский.
[1988]*

ДУБИНКИ ПРОТИВ ГЛАСНОСТИ?

В недавно еще мирной, вполне деловой общественной атмосфере Белоруссии произошли разительные перемены, забушевали эмоции, словесные циклоны завихрились на обще-

ственных мероприятиях и в печати. Что касается печати, то ее удивительно единодушный хор и явился зачинателем шумной кампании разоблачения «коварных замыслов» врагов и подрывателей государственных устоев.

Кто же эти враги и где их предлагалось искать?

Искать, разумеется, надлежало в собственных рядах, потому что все они дьявольски маскируются под «своих» — эти отъявленные националисты, сионисты и масоны. И еще особо ненавистные «клеветники», покусившиеся на незапятнанную честь полуторамиллионного города-героя, заподозрившие в нем антиперестроечную Вандею. В этом смысле досталось многим, по преимуществу людям творческих профессий — писателям, кинодеятелям, художникам. Особому поношению подвергся писатель Алесь Адамович, посмеявшийся в одной из «огоньковских» публикаций употребить намек на сходство происходящего в Минске с некоторыми моментами французской буржуазной революции и назвать имена. По всей видимости, именно эта публикация А. Адамовича больше всего задела непомерно чувствительные амбиции некоторых людей из числа белорусского республиканского руководства.

Теперь многие из них увиливают от прямого ответа, делают вид «неинформированных», «отсутствующих» в то трагическое воскресенье в городе, ссылаются на «необдуманную» инициативу местных властей. Однако так ли неожиданно случилось то, что случилось в погожий день 30 октября 1988 года?

На протяжении последних недель в печати велась размашистая кампания против молодежного объединения «Талака», дискуссионного клуба «Современник», других объединений «неформалов». В условиях все усиливающегося психологического прессинга четыре творческих союза республики (писателей, журналистов, кинематографистов, художников), а также отделение фонда культуры и редакция газеты «Літаратура і мастацтва» на представительной конференции в октябре приняли решение об учреждении историко-просветительского общества «Мартиролог Белоруссии». Это общество в качестве главной задачи взяло на себя выявление жертв сталинизма и их палачей, оказание помощи живущим жертвам репрессий 1930–50-х годов, строительство мемориала в урочище Куропаты, ходатайство о проведении суда над Сталиным. Вся работа общества предполагалось вести в тесном сотрудничестве с партийными и советскими органами. В качестве первого шага общества было решено провести митинг-реквием в Куропатах под Минском, приурочив его к древнеславянскому дню поминовения предков «Дзяды». О планируемом митин-

ге была заблаговременно подана заявка в соответствующие органы и получено их разрешение. Правда, власти настояли, чтобы место митинга перенесли к Восточному кладбищу на окраине Минска.

Свое отношение к новообразованному обществу власти республики выразили уже на учредительной конференции, когда ответственный работник ЦК самыми низкопробными средствами пытался сорвать голосование. В последующие дни местная печать развернула бешеную кампанию против общества, было проведено несколько общегородских собраний, где неинформированные (а точнее, дезинформированные) лица из числа бюрократического аппарата города и городских предприятий подвергли низкопробной пропагандистской дискредитации руководителей общества и его актив. Цели общества были искажены в печати и на собраниях и поданы как антиперестроечные, националистические. Робкая попытка-предложение на конференции «Мартиролога» о создании Народного фронта в республике была расценена властями как стремление к созданию внутренней оппозиции, ставящей своей целью отторжение Белоруссии от СССР, изгнание русских жителей и т. д. (Кстати, этот прием с успехом применялся карательными органами в 1930-е годы, во время борьбы с т. н. «нацдемовщиной», за которую сотни тысяч людей заплатились жизнями. Испытанный прием!) Не было сделано ни одной попытки выслушать другую сторону, предоставить возможность выступить в печати ни одному руководителю «Мартиролога». Эта односторонняя, целиком инспирированная кампания, как и следовало ожидать, приобрела резко выраженный характер травли национальной интеллигенции («Я с 15 лет трудился, в шахте работал, а он ел мой хлеб и книги почитывал», саркастические обыгрывания в печати слов «письменник», «ученый оппонент» и др.). Досталось молодежным неформальным объединениям «Талака», «Современник», «Тутэйшыя», «Паходня» и др., которые еще недавно выступали с общественно оправданными инициативами по экологической защите Припяти и Западной Двины, против разрушения Верхнего города в Минске и др. Лучшие и самые активные деятели их подверглись злобной проработке в печати. Насколько далеко зашло дело дезинформации и дискредитации только что созданного общества, можно судить хотя бы по тому факту, что дочери репрессированных в 1930-е годы государственных деятелей Белоруссии А. Червякова и Н. Голодеда, единогласно избранные почетными членами «Мартиролога», спустя несколько дней выступили в

печати против данного общества с вздорными, целиком вымышленными обвинениями.

Апофеозом данной кампании явились драматические события в воскресенье 30 октября.

За несколько дней до того газета «Вечерний Минск» в скупой информации известила читателей, что проведение митинга-реквиема отменяется ввиду празднования 70-летия комсомола (это на кладбище у городской черты), а также по той причине, что газета «Вечерний Минск» еще не закончила общественного обсуждения срока празднования «Дзядов» (с дохристианских времен отмечавшихся в Белоруссии 1 ноября).

...Пополудни в воскресенье 30 октября в сторону Восточного кладбища потянулись массы людей. К этому времени было обнаружено, что все автобусные, троллейбусные маршруты, а также станции метро в направлении кладбища заблокированы, и люди семьями, с детьми на руках и в колясках шли пешком. Запрет правого дела мало кого остановил. Это и понятно. Белоруссия, которая в годы Великой Отечественной войны потеряла каждого четвертого жителя, немало потеряла и в годы сталинских репрессий, когда, по оценке некоторых исследователей, было уничтожено около двух миллионов человек. Во многих семьях до сих пор не заживают кровоточащие раны 1930–40-х годов, и культ памяти безвинно убитых с давних времен чрезвычайно популярен в народе. Это шествие, однако, вблизи кладбища было заблокировано мощной стеной милиции и войск внутренней службы, тут же располагались колонны водометных машин, спецмашин для перевозки арестованных, едва ли не весь городской парк пожарных. Поблизости в спорткомплексе расположился в боевой готовности т. н. белполк — несколько тысяч соответствующим образом экипированных солдат. За плотными милицейскими рядами виднелись знакомые лица из числа работников райкомов и горкома партии, другое городское начальство. Полковник милиции через мегафон грозным голосом приказывал разойтись.

Люди, однако, прибывали. Задние, не понимая, что происходит впереди, теснили передних. Недоумение сменилось испугом и даже страхом, когда на молчаливую толпу бросились люди в форме, с дубинками марки М-65 и выборочно, с определенным прицелом, стали хватать известных в республике людей, художников и писателей, преподавателей вузов, студентов. Перед тем, как заломить руки, в лицо брызгался слезоточивый газ (марки «Черемуха-10») из портативных аэрозольных баллончиков. 10-тысячная толпа дрогнула, забеспокоилась,

раздались возмущенные крики: «Сталинисты!», «Вандея!». Однако люди не расходились. Спецмашины с зарешеченными окнами тем временем наполнялись полуослепленными, задыхающимися людьми, по мере наполнения их увозили. Были увезены без всякого на то основания художники М. Купава, А. Марочкин, И. Марочкин, журналист В. Мартыненко, ученый А. Тарасенко, журналист П. Марков, преподаватель университета А. Белый и многие другие. Слеплены газом главный режиссер Театра имени Я. Купалы В. Раевский, писатель В. Яковенко и десятки других. С корреспондентами республиканских и центральных газет обращались, как и со всеми прочими, — угрозами и силой отбирали фотоаппаратуру, засвечивали пленки. По нечастым милицейским выкрикам и репликам вроде «Самостоятельности захотели!» или «Белорусы паршивые!» — можно было понять, что политическая подготовка милицейских рядов, а точнее, их дезинформация была, что называется, на высоте. Однако никто из толпы не вступил в противодействие, не оказал сопротивления, не применил силу, не бросил ни одного камня в милицию.

Некоторое время люди не могли понять, что происходит, а поняв, повернули в боковую улицу и нестройной толпой потянулись в сторону печально известного урочища Куропаты, расположенного неподалеку, за городской чертой. Это шествие заняло определенное время, и когда первые ряды идущих оказались на подходе к урочищу, выяснилось, что и там войска, пожарные машины и милиция. Путь и туда был перекрыт. Растянувшаяся пяти тысячная толпа свернула с кольцевой дороги в чистое поле и остановилась на косогоре. Вперед вышли руководители «Мартиролога» — археолог З. Позняк, писатель В. Орлов. Чтобы лучше видеть выступающих, люди опустились на мерзлую землю, стали на колени. К собравшимся обратился В. Орлов, рассказал о значении исторической памяти народа, о жертвах сталинщины и Великой Отечественной войны. Зенон Позняк, полгода назад открывший многотысячные захоронения в Куропатах, начал говорить речь и зачитал декларацию общества. С пламенными стихами о жертвах культа выступила молодая поэтесса. Не успел, однако, очередной оратор закончить речь, как на плотную толпу в поле двинулись не менее плотные тысячные ряды войск и милиции. Скоро участники митинга были заключены в сплошное кольцо, однако все продолжали сидеть. Но вот прозвучала команда, войска перестроились в острые клинья и с радиальных направлений врезались в плотную толпу сидящих. Послышались крики, плач.

Сидящих людей — женщин и девушек стали хватать за руки, за одежду, срывать с мест. Прозвучала «милостивая» команда подполковника милиции: «Детей не трогать!» Детей в самом деле не трогали. Зато всем остальным досталось без ограничений. Когда толпа была рассечена, митинг прекращен, людей стали теснить к кольцевой дороге. Люди взялись за руки и так двигались с поля. Некоторым, правда, удалось вырваться из кольца, и тогда за ними вдогонку пускались команды милиционеров и солдат. Убегавшего или убегавшую настигали, ослепляли газом и били дубинкой. Охота продолжалась долго, распространилась в лесное урочище Куропаты, за кольцевую дорогу, в соседний микрорайон. Нечто похожее, между тем, происходило и в городе. После того, как основная масса людей отправилась из района кладбища в Куропаты, часть оцепления из войск и милиции тоже устремилась на городские улицы, где продолжалась погоня за отставшими. Милиционеры настигали прохожих и окликали их. Если ответ звучал на белорусском языке, прохожий (или прохожая) получал удар дубинкой сзади. Разгон продолжался.

До наступления темноты продолжалась охота за участниками митинга. Сотки людей получили удары дубинок, были ослеплены слезоточивым газом. Вечером организаторы позорного побоища подводили итоги.

Город забурился. Назавтра в творческих союзах, театрах, редакциях газет состоялись собрания, на которых давалась соответствующая оценка происшедшему. Редакция молодежной газеты «Чырвоная змена» подготовила полосу о событиях вчерашнего дня, которая была снята уже в типографии (опубликована впоследствии). Городские партийные и советские власти бросились тушить разгорающийся идеологический пожар своеобразным способом: усилили нажим на непокорных, и вот уже смягчаются резолюции партийных собраний, отменяются прежние формулировки. По телевидению выступили начальник УВД и зампредисполкома города Минска. Они оправдывали свое право на запрещение митинга ссылками на два указа, недавно утвержденных Верховным Советом страны. Однако выступления этих второстепенных руководителей мало кому показались убедительными, как и их смехотворные доводы. Примечательно, однако, другое.

Принятые в понятных целях упомянутые выше указы, к сожалению, гласно не регламентируют порядок и право местных властей в отношении мотивов и процедуры запретов общественных мероприятий. Созданный вакуум в законо-

положении, как показали драматические события в Минске, открывает неограниченные возможности в их применении и безнаказанном злоупотреблении, как правило, в антидемократических целях с далеко идущими последствиями. Иначе как объяснить тот факт, что грубая воинская сила на основе Закона запрещает осуществление традиционного и святого дела народа — почтить память павших в борьбе за социализм в годы сталинских репрессий, Великой Отечественной войны, погибших в недавнее время, таких, как П. Машеров, Ф. Сурганов, многих деятелей литературы и науки.

После всего происшедшего обстановка в городе напряжена. Общественность требует расследовать инцидент и призвать к ответу виновников небывалого даже в худшие годы, целиком спровоцированного конфликта, нанесшего несомненный и ощутимый удар по делу перестройки.

В последние дни в Белоруссии стало все более ощутимым стремление общественности к созданию Народного фронта, против идеи которого с таким ожесточением выступает белорусская бюрократия. В этой связи некоторым может показаться странным (если не вздорным) ее чувство страха перед такой представительной организацией за перестройку, каким предполагается Народный фронт. Если исходить из бесспорности положения, что и у народа и у его руководителей существует единая цель — справедливое устройство жизни на основах народовластия и демократии, то спрашивается: чего бояться? Однако, по-видимому, некоторые имеют все основания для опасений за собственную судьбу — особенно из числа тех, кто явился организатором и вдохновителем событий 30 октября. Вполне может быть, что по воле народа, выразителем которой явится Народный фронт Белоруссии, им придется расстаться с насиженными местами. В свете этого факта, как мне думается, и заключены многие ответы на насущные вопросы нашего тревожного времени.

[1988]

[ІНТЭРВ'Ю ГАЗЕЦЕ «ЛІТАРАТУРА І МАСТАЦТВА»]

— Вялікая група нашых дыпламатаў, журналістаў, дзеячаў навукі і культуры прыехала ў ЗША за некалькі дзён да пачатку афіцыйнага візіту М. С. Гарбачова. У складзе дэлегацыі былі тры пісьменнікі — Уладзімір Карпаў, Ігар Дзядкоў і я. Напярэдадні такой важнай падзеі, натуральна, узнікла вялікая цікаўнасць да Савецкага Саюза, яго знешняй і ўнутранай палітыкі, да асобы Генеральнага сакратара ЦК КПСС, старшыні Прэзідыума Вярхоўнага Савета СССР. І мы нейкім чынам задавальнялі гэты інтарэс амерыканскай грамадскасці. Давалі інтэрв'ю, прымалі ўдзел у шматлікіх прэс-канферэнцыях, сустрэкаліся з уплывовымі прадстаўнікамі дзелавых колаў ЗША.

— *На якія пытанні даводзілася найчасцей вам адказваць?*

— Найбольшая колькасць пытанняў была наконт нашай перабудовы. Адчувалася, што яна сёння цікавіць усе нацыі міжнароднага супольніцтва. І не проста цікавіць. Усіх хвалюе ход перабудовы, яе лёс, на прэс-канферэнцыях, падчас сустрэч мы выказваліся аптымістычна, хоць, трэба сказаць, што заходнія журналісты даволі інфармаваныя, разбіраюцца таксама ва ўсіх нашых праблемах і цяжкасцях.

— *Як нам вядома, у ЗША выходзілі некаторыя вашы творы, у прыватнасці, «Мёртвым не баліць», «Воўчая зграя», але ж наведалі гэтую краіну вы ўпершыню.*

— Так, і, наколькі можна рабіць высновы пасля васьмі дзён знаходжання ў незнаёмай краіне, напаткаў там для сябе абсалютна іншую цывілізацыю. Нават візуальна. Уразіла перш за ўсё архітэктура, асаблівы яе стыль. Ні на што не падобны і вельмі, лічу, арганічны. Добрае ўражанне пакінулі амерыканцы. Харшыя погляды... Іх незвычайная раскаванасць, кантактнасць, добразычлівасць. Дарэчы, усе гэтыя якасці найлепшым чынам праявіліся ў тым, як Нью-Ёрк сустрэкаў М. С. Гарбачова. На ўсім шляху картэжу аўтамабіляў сабралася вялікая колькасць народу, які вітаў савецкага кіраўніка. Хоць, казалі журналісты, нью-ёркаў зусім не проста прымусяць каго-небудзь вітаць.

Пасля было выступленне М. С. Гарбачова ў ААН. Зноў жа, надзвычайная цікаўнасць. Людзі стаялі ў праходах, ажыўлена рэагавалі, гучалі апладысменты. Зрэшты, пра гэта вы, напэўна, маглі меркаваць па тэлетрансляцыі з залы ААН. Некаторыя палажэнні даклада Міхаіла Сяргеевіча былі ўспрыняты як сенсацыйныя. Найбольшы водгук знайшлі канкрэтныя прапано-

вы нашай краіны па далейшай дэмілітарызацыі міжнародных адносін. У прыватнасці, абавязацельствы па буйнамаштабным скарачэнні арміі і ўзбраенняў; новыя падыходы да вырашэння балючых праблем так званага «трэцяга свету»; а таксама канцэпцыя прыярытэту агульначалавечых каштоўнасцей. Ужо сам факт таго, што гэта прагучала на такім высокім узроўні, з трыбуны ААН, сведчыць пра вялізны прагрэс у нашым грамадскім жыцці, у нашай філасофіі.

— *Апошнім часам комплекс складаных праблем, паяднаных назвай «правы чалавека», перастаў быць для нас чымсьці адцягненым. А што, на вашу думку, Васіль Уладзіміравіч, тут самае галоўнае?*

— Цярпімасць. Наша грамадская свядомасць, у значнай ступені выхаваная на нецярпімасці, шмат у чым ускладняе развіццё дэмакратычных працэсаў. Адсутнасць талерантнасці вызначыла і ўсё тое кепскае, што было ў нашым мінулым. І калі мы гаворым, што вучымся дэмакратыі, дык перш за ўсё пачынаць трэба з усталявання цярдзінасці. З усведамлення таго, што іншае і, магчыма, не зусім зразумелае (у поглядах, пазіцыях, учынках) — не абавязкова кепскае альбо варожае. Вельмі важным лічу таксама разбурэнне «вобраз ворага». У сферы міжнародных адносін мы ўжо нямала дасягнулі ў гэтым напрамку, што тычыцца нашага ўнутранага жыцця, дык тут спатрэбіцца яшчэ шмат часу і, як ні парадаксальна, барацьбы, каб канчаткова зжыць «вобраз ворага».

— *Вы казалі пра свае сустрэчы з дзелавымі коламі Амерыкі. Цікава, пра што цяпер размаўляюць беларускі пісьменнік і амерыканскі бізнесмен?*

— Такіх сустрэч было некалькі. Напрыклад, на прыёме, наладжаным у гонар савецкай дэлегацыі кіраўніком Інфармацыйнага агенцтва ЗША Ч. Уікам, з боку гаспадароў прысутнічала 30 буйнейшых амерыканскіх бізнесменаў, эліта. Перад гэтым мяне запрасіў Інстытут міжнароднай адукацыі, дзе таксама былі гутаркі з прадстаўнікамі дзелавых колаў. Магчыма, вас гэта і здзівіць, але гаворка ішла, галоўным чынам, пра магчымасці пашырэння эканамічных узаемаадносін паміж нашымі дзяржавамі. Наколькі я зразумеў, тут ёсць пакуль што вялікія цяжкасці, што найперш вынікаюць з нашай эканамічнай адсталасці, неканвертуемасці рубля. Хоць амерыканскія бізнесмены ў прынцыпе выказваліся за развіццё эканамічнага супрацоўніцтва.

— *Карыстаючыся нагодай, Васіль Уладзіміравіч, задам некалькі традыцыйных, нават пераднавагодніх пытанняў. 1989 год пачнецца для вас публікацыяй у часопісе «Польмя»*

новай аповесці «Аблава», раздзел з якой быў змешчаны нядаўна ў нашым штотыднёвіку. А што далей?

— Пачаў перакладаць аповесць на рускую мову. Гэтая праца забірае ў мяне звычайна вельмі шмат часу і сіл. Да таго ж, цалкам засяродзіцца на ёй не выпадае — узнікаюць больш надзённыя клопаты, звязаныя з публіцыстычнымі выступленнямі, грамадскай дзейнасцю.

— *Што б пажадалі вы ў новым годзе нашаму штотыднёвіку?*

— Сёлета «ЛіМ», на маю думку, паслядоўна прытрымліваўся лініі на дэмакратызацыю нашага жыцця. Разуваю, што было гэта не проста, і тым большай удзячнасці заслугоўвае зробленае рэдакцыйным калектывам і лімаўскімі аўтарамі. Хацелася б пажадаць вам не саступаць з перабудовачных пазіцый і ў наступным годзе.

*Гутарку вёў А. Ганчароў.
[1988]*

[ІНТЭРВ'Ю ГАЗЕЦЕ «ЧЫРВОНАЯ ЗМЕНА»]

— *Ці з'явілася для вас нечаканасцю ваша перамога ў хіт-парадзе папулярнасці «Чырвонай змены» і калі не, што ў такім выпадку можна сказаць пра становішча беларускай літаратуры?*

— Так, перамога ў хіт-парадзе папулярнасці «Чырвонай змены» з'явілася для мяне нечаканасцю, і засцерагло ад збянтэжанасці хіба папярэджанне газеты наконт таго, што «ва ўсіх гэтых конкурсах на званне «самага, самага, самага» ёсць значная частка ўмоўнасці і жарту». Гэтае меркаванне, вядома, вяртае адчуванне рэальнасці. Жартоўнай рэальнасці, якая, аднак, разам з усмешкай выклікае і добрае пачуццё. Хай будзе так.

Стан сучаснай беларускай літаратуры, можа, больш за ўсё іншае характарызуецца магутным прытокам маладых сіл — таленавітых, адукаваных аўтараў ва ўсіх жанрах літаратуры. У гэтым добры знак, зарука літаратурнай будучыні Беларусі.

— *Дарэчы, «Кар'ер» — таксама пераможца. Гэта лепшы ваш твор?*

— Я ніколі не думаю над тым, які мой твор лепшы, а які горшы. Тое — справа крытыкі, друку, чытачоў, а для мяне яны ўсе — бы дзеці.

Прынамсі, ні за адзін з іх я не чырванеў, а гэта ў наш час, мусіць, штосьці ды значыць.

— *Сярод нашых чытачоў вы папулярны не толькі як пісьменнік, але і як грамадскі дзеяч (2-е месца). У сувязі з гэтым ці задаволены вы сабой у 1988 годзе як пісьменнік і як грамадскі дзеяч?*

— Аніякага задавальнення. Справа ў тым, што дэмакратычны рух за перабудову ў Беларусі, які даволі бурна пачаўся нейкі час таму, зараз пачаў прабуксоўваць пад апантаным напорам антыперабудовачных, бюракратычных сіл. Я не хачу перабольшваць, але мне здаецца, што калі ён у самым хуткім часе не набудзе масавага характару, дык уся справа перабудовы ў рэспубліцы апынецца пад сур'ёзнай пагрозай і ўрэшце ўсё вернецца «на кругі свая». Таму якое ж задавальненне?..

— *Якія вашы агульныя ўражанні ад 1988 года?*

— Вельмі дваістыя.

Той год прынёс значныя поспехі ў справе дэмакратызацыі і перабудовы, але не абышоўся і без немалых выдаткаў. Я думаю, што і тое, і другое — ва ўсіх на памяці і няма патрэбы іх доўга тлумачыць. Хіба што напамінь пра два моманты: выдатную прамову М. С. Гарбачова на сесіі ААН у Нью-Ёрку, на якой мне пашчасціла прысутнічаць, і жаклівую бяду ў Арменіі. І ўсё ў адзін год, нават у адзін месяц...

— *Пра які вы боль вас ніколі не пыталі журналісты, а вам вельмі хацелася аб ім расказаць? Якога пытання вы чакаеце?*

— Пытання, на якое я не магу адказаць сабе: чаму некаторыя інстанцыі так не хочуць прызнаць праўды драматычных падзей 30 кастрычніка ў Мінску і насуперак сведчанням тысяч відавочцаў гэтак упарта сцвярджаюць хлусню? Чаму самыя брудныя інсінуацыі адносна мяне і А. Адамовіча распаўсюджваюцца афіцыйнымі асобамі ў, так сказаць, цэнтралізаваным парадку?

— *Вашы пажаданні «Чырвонцы»?*

— Хачу бачыць «Чырвонку» ў новым, 1989 годзе такой жа, якой яна была ў мінулым годзе, — прынцыповай, баявітай і... сумленнай.

*Інтэрв'ю ўзяў І. Рыбалтойскі.
[1988]*

ВЫПРАБАВАННЕ ДЭМАКРАТЫЯЙ

— У сваім артыкуле «Апошні шанц», апублікаваным у «Советской культуре», вы гаворыце: «Дэмакратыя не можа ажыццяўляцца на чвэрць або напалову з прагматычным абмежаваннем пад нейкі канкрэтны гістарычны момант. Яна можа жыццядай-на служыць грамадству толькі тады, калі ахоплівае яго цалкам. Інакш яна гіне ад малакроўя...» У сувязі з гэтым адразу ўзнікае пытанне: хто скаардынуе гэты працэс, хто паслядоўна давядзе гэту справу да канца?

У нашай краіне, можна сказаць, не было дэмакратычнага рэжыму, таму адсутнічае і вопыт яго будовы, які ёсць у некаторых заходніх (дэмакратычных) дзяржаў.

— У гэтым уся цяжкасць нашай перабудовы — мы сапраўды амаль не маем вопыту дэмакратычнага развіцця, якім у значнай меры валодаюць шмат якія заходнія краіны буржуазнай, так званай парламенцкай дэмакратыі. Безумоўна, гэтая іх дэмакратыя не пазбаўлена значных і вялікіх хібаў, але справа ў тым, што чалавецтва за ўсю гісторыю свайго існавання, мабыць, не выпрацавала нічога лепшага, хоць спроб у тым сэнсе было нямала. Былі створаны шмат якія тэарэтычныя канцэпцыі, сацыяльныя і палітычныя ўтопіі, але на практыцы... На практыцы звычайна ўсё завяршалася тым, чым завяршаецца ў нас: дыктатурай, аўтакратыяй, ашуканствам. Таму, калі мы хочам дамагчыся чагосьці рэальнага, зрабіць гэта магчыма толькі цаной спроб і памылак. Важна, аднак, каб гэтая цана была як мага меншая. Мабыць, было б неразумна ігнараваць у гэтых адносінах вопыт сусветнага дэмакратычнага развіцця, у тым ліку і народаўладдзе буржуазнага свету. Тым больш, што ў тым свеце не адно толькі «падаўленне дэмакратычных свабод» і «пагалоўная галечка народных мас», а ёсць і яшчэ нешта, вартае ўвагі і пераймання.

— У апошні час вы часта выступаеце з артыкуламі на праблемах далейшага развіцця беларускае мовы. Вельмі хочацца верыць, што агульнымі намаганнямі (асабліва намаганнямі падзвіжнікаў) праблемы гэтыя пачнуць нарэшыце вырашацца...

— Праблемы такія прынята вырашаць унутры дэмакратычнага грамадства, не выносячы іх на міжнацыянальную арэну. Шкада, што ў нас так не атрымліваецца. Але ж мы вучымся дэмакратыі, хоць, мяркуючы па ўсім, толькі спасцігаем яе азы. І ў гэтай абстаноўцы, відаць, не абысціся без усесаюзнага форуму, без сапраўднай галоснасці, без разумення і падтрымкі ўсіх нацый, у першую чаргу рускага народа.

— *Наколькі мне вядома, вы адзін з першых (разам з Д. Граніным, Д. Самойлавым, В. Каверыным) узнялі пытанне аб кааператыўным выдавецтве. Раскажыце, калі ласка, пра кааператыў «Весть». Якія, на вашу думку, далейшыя перспектывы развіцця кааператыўных выдавецтваў у нашай краіне?*

— Ініцыятыва кааператыўшчыкаў вельмі хутка ахапіла энтузіязмам шмат якія групы творчай інтэлігенцыі. Многія захачелі справу выдання ўзяць у свае рукі. Але, як паказаў вопыт, ва ўмовах хранічнага матэрыяльнага дэфіцыту, жорсткай цэнтралізацыі размеркавання матэрыяльных сродкаў, гэтае пачынанне аказалася асуджаным на няўдачу ўжо ў самым пачатку. Калі паперы востра не хапае для магутных дзяржаўных выдавецтваў, дык дзе яе могуць узяць самадзейныя выдавецкія арцелі? Купіць нават пры наяўнасці грошай у нас нічога немагчыма, бо ніхто не прадае на рублі, а для куплі за мяжой трэба валюта. Рубель жа ўсё болей становіцца пустой паперкай, якую ніхто і нічым не забяспечвае. З гэтай прычыны кааператыўныя выдавецтвы ў наш час пазбаўлены ўсякай перспектывы.

— *У выдавецтве «Прогресс» выйшла кніга «Иного не дано», аўтарамі якой з'яўляюцца Т. Заслаўская, А. Сахараў, А. Адамовіч, С. Залыгін, Ю. Чарнічэнка і іншыя. Адзін з іх, Д. Гранін, гаворыць аб тым, што даўней грамадства мела свае няпісаныя кодэксы гонару, і кожны член грамадства абавязаны быў іх прытрымлівацца (напрыклад, «не падавалі рукі», «отказывали от дома»). Саслоўная грамадская думка выпрацоўвала маральныя крытэрыі, а цяпер усё пераблыталася і яшчэ зусім нядаўна неяк сорамна было быць чэсным.*

Справа ў тым, што вінаватыя не нясуць у нас ніякай адказнасці. Але як быць з міласэрнасцю? (Я атрымала шмат лістоў ад пацярпелых беларускіх тэксценнікаў, якія патрабуюць справядлівай помсты...)

— Грамадская думка — магутная сіла ў кожным высокаразвітым грамадстве, але толькі пры адной умове — калі гэта думка сапраўды генерыруецца грамадствам. Таталітарныя і дыктатарскія рэжымы таксама вялікую ўвагу надаюць грамад-

скай думцы, але там яе фарміруюць наверху, маніпуліруюць ёю ў інтарэсах улады, і там гэтая думка, фальшывая па свайму зместу, служыць адкрыта антыгуманным мэтам. Як гэта даволі яскрава праявілася ў нас, у змрочныя часы нашай навейшай гісторыі. Не сумленныя людзі «отказывали от дома» несумленным, а наадварот: сумленных не пускалі на парог, выключалі, ссылалі, пазбаўлялі грамадзянства. А яшчэ раней і расстрэльвалі як шпіёнаў, дыверсантаў, ворагаў народа. І ўсё ж — пры актыўнай падтрымцы сфармуляванай уладамі грамадскай думкі, якая выкатвалася прэсай, літаратурай, мастацтвам, грамадзянамі на сходах і мітынгх. Што ж датычыць помсты за злачынствы, учыненыя ў даўнія часы, дык я хацеў бы сказаць, што слова гэтае — не з лексікону прававой дзяржавы, ды і практычна такога роду пакаранне на юрыдычнай аснове ў нас немагчыма. Справа ў тым, што карныя органы нядаўніх часоў няблага падстрахаваліся ад будучыні, увёўшы ў закон паняцце тэрміну даўнасці. Але калі не адпомсціць, дык хоць бы назваць усіх *хто быў хто* ў дачыненні да рэпрэсій мінулага — не толькі наша права, але і наш абавязак перад гісторыяй і перад будучыняй. На жаль, і гэтае цалкам маральнага характару паграбаванне сустракае ўпартае супраціўленне ва ўсіх сферах нашага грамадскага жыцця, што несумненна сведчыць аб тым, у якой вялікай ступені мы яшчэ залежым ад нядаўніх грахоў і іх жывых носьбітаў.

— *У сваіх выступленнях вы ўвесь час праводзіце аналогіі і звяртаецеся ў думках да 1920-х гадоў. Зусім нядаўна на адным з пасяджэнняў вядомы крытык вельмі сур'ёзна гаварыў, што гэта небяспечна, што за перыядам росквіту абавязкова наступіць перыяд рэпрэсій... Што вы думаеце на гэты конт?*

— Мы часта звяртаемся да нашага гістарычнага вопыту, і я сказаў бы, што гэты вопыт дае падставы не толькі для вясёлых надзей. Вельмі часта ў нашым мінулым за перыядамі ўздыму наставаў перыяд заняпаду і наадварот. Гэта ў эканамічным развіцці, ды і ў палітыцы — тое ж самае. Гарантам ад усялякіх нечаканасцей у наш час, мне здаецца, можа быць толькі грунтоўная дэмакратызацыя ўсіх сфер жыцця на ўсю глыбіню і надоўга.

— *Цяпер вельмі шмат гавораць аб рэарганізацыі творчых саюзаў. Якім бы вам хацелася бачыць новы СП?*

— Ужо даўно відавочна, што ўсе творчыя саюзы створаны Сталіным з адной элементарнай мэты — зручнасці кіравання творчымі працэсамі ў краіне. І трэба сказаць, што ў гэтай справе — кіравання, падаўлення, рэпрэсій — была дасягнута

дасканаласць неверагодная. Але менавіта тыя гады і далі зразумець, што дыктатарская воля правадыра ці нават класа несумяшчальная з дзейнасцю творцы, што ісцінная творчасць можа ажыццяўляцца толькі ва ўмовах абсалютнай свабоды. Канешне, СП можа (і нават павінен) існаваць, калі ён будзе служыць інтарэсам ягоных членаў (як, дарэчы, і кожны вольны прафесіянальны саюз), а не з'яўляцца сродкам кіравання пісьменнікамі з боку ўсемагутнага бюракратычнага апарату.

— Пасля XIX партканферэнцыі мне даводзілася часта чуць у нелітаратурных колах недаўменныя пытанні: «Чаго гэта пісьменнікі счэпіліся ў клубок і ніяк не могуць знайсці агульнай мовы?» Прычыны такой зацятай палемікі мне бачацца ў недалёкім мінулым, а ў Беларусі гэта стала асабліва зайважным пасля публікацый матэрыялаў пра Бэндэ. Ідзе ненатуральны працэс літаратурнага саперніцтва, а злосная лаянка... Калі гэта скончыцца? І чаму так адбылося менавіта ў пісьменнікаў?

— Цяперашняя канфрантацыя ў СП СССР лішні раз сведчыць, што нельга аб'яднаць тое, што не аб'ядноўваецца, што складаецца не з сумы шаблонных адзінак, а з індывідуальнасцей, якімі з'яўляюцца людзі наогул, — зноў жа ў дэмакратычным грамадстве. Пісьменнікі «мірна» суіснавалі ва ўмовах падаўлення і застойнага безгалосся, а як толькі з'явілася магчымасць адкрыта заявіць сваё крэда, пачалася барацьба ідэй, поглядаў. Аказалася, што пісьменнікі — людзі розныя, перш за ўсё, у сваіх светапоглядах, а таксама ў адносінах да ідэй і спосабаў перабудовы. У наш час гэтая барацьба ідзе публічна, у друку, адкрыта, і дае шматмільённаму чытачу наглядна пераканацца, хто кожны з іх ёсць персанальна — з гэтых інжынераў чалавечых душ.

— Цяпер з'явілася шмат твораў пра вайну, якія істотным чынам мяняюць нашы ўяўленні аб тым, што адбывалася: гэты і раман В. Гросмана «Жизнь и судьба», і ўспаміны К. Сіманавы «Глазами человека моего поколения», гэты і дакументальныя фільмы пра Ракасоўскага, Конева, Васілеўскага. А падзеі блакаднага Ленінграда ў перапісцы Б. Пастарнака і В. Фрэндэнберга? І новыя творы Д. Гусарава, А. Ржэўскай.

Можна, гэтыя пытанні здасца вам дзіўным, але што дала асабіста вам ваенная літаратура апошняга часу? Ці вы ўжо ўсё ведалі?

— Кожны твор пра вайну, калі толькі гэты не фальшывы твор, нешта дадае да яе агульнай карціны, як і да карціны жыцця наогул. Мне думаецца, што самым значным творам гэтай тэмы стаў раман В. Гросмана «Жизнь и судьба». Гэта сапраўды вялікі раман ва ўсіх адносінах.

— У сувязі з папярэднім пытаннем. Наколькі мне вядома, «Круглянскі мост» і «Мёртвым не баліць» уключаюцца ў «Выбранае» ў «Художественной літаратуры». Радуе вас гэта ці засмучае? Як успрымаюць гэта тыя людзі, якія ў свой час «зарубілі» гэтыя аповесці?

— Мяне мала цікавяць адносіны да маіх твораў людзей, думкі ці густ якіх я не падзяляю. Некаторыя з тых, хто ставіўся да названых і некаторых іншых маіх твораў адмоўна, у апошні час змянілі свае адносіны. Але мне з таго мала радасці.

— Які з твораў, што з'явіліся ў апошні час, асабліва вас запрацуў?

— Апроч шырокавядомых і па справядлівасці высока ацэненых крытыкай і грамадскасцю твораў апошніх гадоў, я назваў бы раман Б. Ямпольскага «Московская улица». Гэта, на мой погляд, — глыбінны і эпохальны твор пра наша нядаўняе мінулае.

— У сваім выступленні на пленуме СП БССР і ў артыкулах вы падтрымліваеце маладзёжныя нефармальныя аб'яднанні. У прыватнасці, мітынг, прысвечаны абароне Верхняга горада...

— Заслугоўваюць усямернай падтрымкі добрыя справы і думкі маладых і старых, фармальных і нефармальных аб'яднанняў ці груп, незалежна ад іхняга складу, «чысціні» біяграфій іхніх лідараў. «Талака» даўно б'е трывогу за лёс гістарычнага Верхняга горада, які паслядоўна і мэтанакіравана бурчыць «Метрабуд», і тут я ўсяляк падтрымліваю яе — вусна і праз друк. Яна ж арганізавала ўлетку шматтысячны мітынг ва ўрочышчы «Курапаты», прысвечаны ўшанаванню памяці ахвяр сталіншчыны, за што была аштрафавана гарадскімі ўладамі. І я ўжо выказваўся, што такі акт з боку апошніх — не што іншае, як ганебны канвульсіі нашага нядаўняга антыдэмакратызму. Замест таго, каб ухваліць і падтрымаць справядлівую ініцыятыву нефармалаў, можа нават узначаліць яе, улады пасылаюць на мітынг атрады ўзброеных міліцыянераў і пажарныя машыны. Ганьба такому ў наш час.

— Які грамадскі рэзананс атрымала публікацыя матэрыялу «Курапаты — дарога смерці»?

— Вялікі. Публікацыя перадрукавана ў шмат якіх органах прэсы, у сваю чаргу парадзіла новыя публікацыі ў Саюзе і за рубяжом. Створана і працуе ўрадавая камісія па расследаванні, шмат робіць следчая група пракуратуры БССР. Няма чаго ўжо выяўлена, зроблены раскопкі, апытаны каля дзвюх соцень сведак. Трэба, аднак, сказаць, што і гэтая справа не міне пэўнага супраціўлення некаторых зацікаўленых ведам-

стваў, якім хочацца, каб як зменшыць у вачах народа тыя злачынствы, што прывялі да знішчэння мільёнаў. У гэтым сэнсе вялікая надзея на грамадскасць, органы масавай інфармацыі, «нефармалаў», якія, трэба думаць, не дадуць сябе ашукаць і давядуць да народа ўсю праўду пра наша нядобрае мінулае.

— *Ваша самае моцнае ўражанне ад XIX партканферэнцыі?*

— Самае моцнае ўражанне на мяне як на гледача тэлебачання зрабіла выступленне Р. Бакланавы, яго самаахвярнае адстойванне элементарных дэмакратычных ісцін ва ўмовах бурнага незадавальнення аўдыторыі. Мне думаецца, што з яго боку гэта быў подзвіг. Блізкі да подзвігаў герояў Вялікай Айчыннай вайны, вартым удзельнікам якой ён з'яўляецца.

— *На канферэнцыі яўна выявілася незадаволенасць друкам. У некаторых выступленнях адкрыта, у прыватнасці, у выступленні першага сакратара ЦК КПМ С. Гросу, прагучала думка, што ад прэсы, ад друку ўсе беды ў грамадстве. Пра канфлікт у Малдавіі пісьменнікаў і супрацоўнікаў ЦК нам добра вядома. Пра гэту сітуацыю гаворыў у сваім выступленні на канферэнцыі галоўны рэдактар «Правды» т. Афанасьев і іншыя. Аднак, чаму ўсё ж такі склалася такая «грамадская апатыя» ў асобе прэсы?*

— Увогуле, гэта зразумела. Прэса першай выказала сваё незадавальненне становішчам спраў у краіне, выкрыла многія злачынствы ўлад, распачала наступ супроць магільшчыка сацыялізму — нашай бюракратыі. За што ж гэта апошняя будзе любіць прэсу? Што ж датычыць Малдавіі, то там на працягу дзесяцігоддзяў арудавала высокаарганізаваная мафія, якая пранізала ўсю структуру кіраўніцтва рэспублікі — ад старшыні калгаса да намесніка старшыні Савета міністраў і якую толькі нядаўна ўзялася выкрываць прэса. Натуральна, што тым яна выклікала вялікі гнеў да сябе. Таксама, як і некаторыя літаратары, як, напрыклад, выдатны празаік і драматург І. Друцэ, супроць якога на працягу дзесяцігоддзяў вялася барацьба ў рэспубліцы. І ўсё толькі таму, што Друцэ не пераставаў звацца ва ўсе званы прэсы пра злачынствы ў рэспубліцы, пра экалагічную небяспеку, што ёй пагражае.

— *Вы як і раней спальваеце свае чарнавікі і не гаворыце, над чым цяпер працуеце?*

— Чарнавікі... Трэба мець пэўнае нахабства ці лічыць сябе Пушкіным або Шэкспірам, каб берагчы, захоўваць кожную старонку з напісанага, якая можа некалі некаму спатрэбіцца. Я мяркую, што ў людзей ёсць безліч іншых, болей важных спраў, пра якія трэба клапаціцца, чым нашы наіўныя крамзолі. Тое ж, мабыць, адносіцца і да таго, што пішацца, ці да аўтарскіх

літаратурных намераў. Як вядома, намеры — рэч эфемерная, ці варта кожны раз пахваляцца імі. Нават і курыца кудахтае ўжо гады, як знясе яйка, а не да таго. Дык няўжо яна разумнейшая за нас, літаратараў...

*Гутарку вяла Галіна Грыбоўская.
[1989]*

[ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ СТУДЕНТОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ МГУ ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА И ЧИТАТЕЛЕЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»]

— *Когда вы осознали сталинизм как страшное явление нашей истории? Как проходил переход в творчестве от личного лейтенантского опыта к судьбе народа, к судьбе деревни в предвоенные и военные годы?*

— Может быть, это будет нескромно, но я хочу сказать, что сталинизм как явление постигался мной одновременно и параллельно с постижением жизни вообще. Я не отношусь к тем людям моего поколения (или чуть старше, моложе меня), которые узнали о преступлениях Сталина из решений XX и XXII партийных съездов или позже. В Белоруссии сталинизм постигался людьми рано, еще в пионерском возрасте. Потому что те вещи, которые в 1930-х годах проходили перед нашим детским взором, были совершенно однозначны. Можно было еще поверить, допустим, что маршал Тухачевский — немецкий шпион или что шпионы другие высокие начальники. Но согласиться с обоснованностью массовых репрессий, которые совершались по отношению к простым людям, крестьянам, учителям, рабочим, мы уж никак не могли. Мы никак не могли поверить, что какой-нибудь малограмотный колхозник, трудяга, ничего, кроме земли и работы, на этой земле не знавший, является изодранным агентом трех иностранных разведок. В это никто не верил. И нам не было нужды проникать в тайную деятельность далеких «врагов народа», «вредителей» — мы у себя под носом видели этих «врагов» на примере своих соседей. И, конечно же, как и многие, не могли не задаваться

вопросом: кто виноват? Безусловно, были и какие-то иллюзии, вроде той, что Сталин всего не знает, что многое происходит по инициативе местных властей. Но ведь такое происходило не только в одном районе — по всей стране, об этом писали газеты. И неизбежно вставала фигура, являвшаяся творцом всех наших побед, нашего счастья, а стало быть, и наших несчастий. Безусловно, и в то время находились люди с зашоренным взглядом, которые не могли, а кто-то из-за привилегированного положения не хотел расценивать должным образом происходившее в стране. У меня же очень рано сложилось определенное отношение к Сталину и сталинизму, которое слегка просветлело в годы войны под впечатлением наших побед над фашизмом. Но в послевоенное время оно окончательно оформилось как отношение к беспросветной диктатуре.

Тут может возникнуть вопрос: почему мы молчали? Да, случилось, что некоторые теряли выдержку и не могли смолчать, но все они заканчивали одинаково: как враги народа, шпионы и диверсанты, укрывшиеся агенты гестапо, власовцы. И это боевые офицеры, прошедшие войну, кавалеры многих орденов! Вся страна существовала в атмосфере подозрительности, была пронизана системой слежки, доносительства. Можно было питать некоторую уверенность, что доверительный разговор останется без последствий, если он происходил между двумя близкими людьми. Если же в разговоре участвовал третий, то никакой гарантии не существовало, третий мог оказаться сексотом, и неприятности следовали незамедлительно.

Долгое время в своем занятии литературой я обходился собственным фронтовым опытом, так сказать, своеобразным следствием, проявлявшимся во фронтовой действительности, и мне понадобились годы, чтобы осознать необходимость причинности. Что касается темы войны, то причинность многих ее аспектов лежала в предвоенных годах, это виделось явно, но необходима была определенная решительность начать ворошить почти запретные для искусства 1930-е годы. Разумеется, решимость пришла не сразу, да и все наше общество в предыдущие десятилетия вряд ли было способно подобающим образом воспринять правду о 1930-х.

— Не кажется ли вам, что сегодняшняя баталия вокруг Сталина и его приспешников, подобно прошлому повальному восхвалению «достижений» социализма, отвлекает нас от более насущных проблем дня, направляя социальную активность не в ту сторону?

— В таком случае я хочу спросить: кто это «мы», которых все время что-то отвлекает, что-то не туда направляет? Откуда такое безволие и такая легкая управляемость? Это если иметь в виду подопытных лабораторных мышей, то, конечно, ими следует манипулировать, для того они и существуют. Или если это темные, невежественные толпы, которые управляются волей вождя, то, разумеется, их воля и отвлекается, и направляется в соответствии с волей вождя. Но ведь мы же просвещенное общество и развиваемся в направлении демократического обновления, где каждый человек должен сознательно определить свой выбор, как и свое отношение к тому или иному явлению. Кто его может отвлечь в сторону? Вот и противники рок-музыки бесконечно твердят о ее пагубной силе, которая якобы ведет молодежь в пропасть, черт знает куда. Но я полагаю: молодежь — не скопище незрячих существ, которых можно куда-то не туда завести. Молодежь теперь пошла волевая и идет туда, куда хочет идти. Попробуйте ее загнать, куда она не хочет. Не пробовали? Пора уже понять, что в демократическом обществе кое-что может зависеть и от воли граждан, не только от намерений власть имущих.

— *Как вы относитесь к созданию у вас в республике общественных объединений и групп «Талака», «Мартиролог Белоруссии», «Тутэйшыя»?*

— Известно, что партия, явившаяся инициатором перестройки, активизировала инициативу широких народных масс. В самом деле, после длительной спячки, инертности, политического нигилизма массы проснулись и желают включиться в живое творческое дело. Молодежь первой отреагировала на перестройку созданием так называемых «неформальных» объединений. У нас их несколько. «Талака», куда входит в основном учащаяся молодежь, может быть, самое массовое и самое активное. Что значит слово «талака»? Это известная с древних времен форма сельской взаимопомощи, работа сообща. Объединение носит характер просветительского, культурно-исторического общества и, надо сказать, многое сделало для республики. Естественно, своей активностью «Талака» очень скоро вошла в конфликт с бюрократией. Этот конфликт обострился после того, как «Талака» провела несколько митингов в защиту исторического центра Минска, оказавшегося под угрозой разрушения. Ее начали печатно обличать во всех явных и мнимых грехах. За «Талаку» заступилась интеллигенция, но дискуссия вскоре обрела односторонний характер обличения почти всех неформальных объединений республики.

«Неформалы» при этом были лишены какой-либо возможности высказаться в печати, объявить о своих целях или сделать попытку оправдаться. На заявку «Тутэйшых» о проведении митинга памяти предков городские власти ответили запретом. Это, разумеется, накалило обстановку в городе и создало атмосферу конфронтации между молодежью, «неформалами» и городскими властями. Возник конфликт, для которого не было сколько-нибудь убедительных причин, кроме разве что желаний властей «поиграть мускулами» в виде милицейских формирований в касках и пуленепробиваемых жилетах.

Бюрократия пытается инцидент 30 октября представить как национальный, причислив его к разряду межнациональных отношений. Но это не так. То, что произошло 30 октября в Минске, менее всего затрагивает межнациональные отношения и является чистой воды покушением на развернувшиеся в республике демократизацию и перестройку. Рано или поздно это придется признать республиканскому руководству.

— *Что же, Минск против перестройки?*

— Минск не против перестройки. Более того, могу с уверенностью заявить, что ее идеалы он воспринял не только умом, но и сердцем. Но все дело в том, что у нас еще очень сильна инерция застойных лет, когда всякое движение в обществе осуществлялось лишь с позволения и по инициативе верхов. Теперь же эти верхи во многих случаях не продвинулись далее разговоров о перестройке, решительно сопротивляясь всяческим инициативам снизу.

Не успело, скажем, общество «Мартиролог Белоруссии» декларировать свои цели, как Министерство юстиции БССР объявило о незаконности общества. Оказывается, его учредители (три творческих союза и редакция газеты «Літаратура і мастацтва») не соблюли требования двух постановлений — ЦИК и СНК СССР от 1932 и 1935 гг., то есть антисталинское общество создано в нарушение сталинских законоустановлений и потому подлежит ликвидации.

Отчего подобное происходит?

Тому много причин. Но главная из них, на мой взгляд, состоит в том, что мы еще не доросли до осознания необходимости демократизации общества, до понимания политической активизации народа как неперемennого условия раскрепощенного экономического развития. Длительная борьба национальной интеллигенции против забвения белорусского языка закончилась многословным паллиативным постановлением — типичным образцом бюрократического бумаготворчества про-

шлых лет. Экологическая обстановка в республике вопиет о принятии срочных мер, но вместо них — снова многословные туманные постановления. В моду у руководящих бюрократов вошли долгосрочные прожекты — на период до 2000 года и далее, выполнение которых, разумеется, за пределами возможности их творцов и в которых, при всем к ним уважении, трудно усмотреть какие-либо шансы на выполнение. Эффективных же мер нет и пока не предвидится. Вместо них тратятся немалые усилия на борьбу с ее критиками — «неформалами», оргкомитетом Народного фронта, писателями.

Мы очень долго и упорно боролись «за» и боролись «против». И теперь, оказавшись перед пошатнувшимся «образом врага», растерялись. Надобность видеть перед собой коварного врага уже стала почти врожденной потребностью. Особенно это относится к нашей бюрократии, которая в таких случаях за неимением врагов действительных готова по первой подсказке наброситься на врагов воображаемых. В прежние времена они активно создавались соответствующими органами, теперь порождаются воспаленным охранительным сознанием некоторой части чиновничества.

— *Как вы восприняли «Записки» К. Симонова «Глазами человека моего поколения»?*

— Я знаю, что к этому произведению относятся по-разному. Дело в том, что многое из написанного в предыдущие годы может быть неадекватно сегодняшней нравственной и общественной атмосфере. Известно, что политика и атмосфера меняются. Но если написанное является честным свидетельством человека о событиях, в которых он участвовал или к которым был причастен, то значение написанного не убывает со временем. Очевидно, надо исходить из того, в каких условиях создавались «Записки». Ведь многие произведения того «застойного» или сталинского времени, которые мы сейчас перечитываем, кажутся нам пресными, недостаточными по глубине постижения правды, хотя в свое время они были весьма радикальными. Поэтому подходить к ним надо, пожалуй, конкретно-исторически. Я не нахожу в «Записках» Симонова какой-либо ущербной тенденции. Как и каждый из нас, Симонов был человеком своего времени, он находился на определенной ступени власти или писательской иерархии и свидетельствовал о своем опыте честно и талантливо. Честность же в искусстве, по-моему, всегда достойна одобрения. Есть там, безусловно, и моменты конформистские, хотя этот конформизм — тоже знак времени, своеобразное свидетельство истории. Но честный рас-

сказ о прошлых заблуждениях не может являться поступком безнравственным.

— *Мы прочитали в «ЛГ» о вечере памяти В. Некрасова в Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева, где вы выступали. Наконец-то, и очень, очень жаль, что Виктор Платонович не дождал до официального признания его таланта, его заслуг перед отечественной литературой.*

— Это знак перемен в стране — возвращение Некрасова, который еще недавно был совершенно неупоминаем нигде и никак. Мне не удалось опубликовать даже нескольких строк по поводу его кончины. Теперь стало возможным о нем говорить. Печально, конечно, что все это происходит уже после того, как человек навсегда ушел из своей земной жизни. Тут, видимо, мы во власти традиции: не он один, очень многие стали терпимы для общества, даже признаны им после того, как переселились в мир иной. Так было, например, с Буниным, Набоковым, Ахматовой. Зачастую общественное мнение не приемлет художника при жизни, и только когда он уходит из нее, начинается пересмотр наших взглядов и устанавливается иное к нему отношение.

В том, что В. Некрасов оказался на Западе, не столько его вина, сколько беда, потому как здесь ему были созданы такие условия, что человек, элементарно уважающий себя, просто не мог существовать. На вечере об этом говорили хорошо знавшие его киевляне и москвичи. Когда писателя по наущению властей подкарауливают на улице, избивают, когда в его квартире производят обыск, длящийся непрерывно почти двое суток, когда конфискуется его архив, написанное, задуманное, то ему физически существовать в этом обществе становится невозможно и он уезжает — хоть куда-нибудь... Пример Некрасова — не единственный, к сожалению. В журнале «Театр» напечатана весьма примечательная стенограмма двух заседаний — драматическая история Любимова и Театра на Таганке. Я думаю, что человеку, прочитавшему эту стенограмму или материалы суда над Бродским (в «Огоньке»), сразу станет ясно, в каких условиях работали режиссер и его театр, в каких условиях жил поэт. Можно ли в таком случае, как у нас это делалось, с легким сердцем обвинять в чем-либо художника? Мне думается, что если он не соглашается стать покорным ничтожеством, то должен реагировать доступным для себя образом. При этом следует иметь в виду, что широкая общественность мало что знает. Истинный механизм происшедшего, конечно, тщательно скрывался, травля совершалась втайне, и прес-

са злорадно выдавала только печальное следствие, тщательно скрывая его причины.

Как было бы хорошо, если бы не было того, что, к сожалению, было, если бы наша литература развивалась так, как ей полагается развиваться в условиях цивилизованного, истинно демократического общества на основе единственно возможной для нее ценности — личности и таланта. Увы! Талант, как это у нас повелось, не гарантия признания, чаще причина и повод для поношения, побивания камнями. Гарантией признания совсем еще недавно были иные, ничего общего с литературой не имеющие качества. Может показаться, что говорить обо всем этом теперь и не следует, но не забудем, что уже в дни перестройки от члена Союза писателей исходило пожелание партийному руководству выступить с документом, подобным постановлению о журналах «Звезда» и «Ленинград».

Для меня как читателя проза Виктора Некрасова прежде всего честный, незамутненный человеческий взгляд на войну, на проклятую и Великую нашу войну с немецким фашизмом. Не знаю, каким способом удалось ему в обстановке, так мало подходящей для человечности, воспитать в себе и сохранить на десятилетия этот взгляд и эту человечность. Как он его реализовывал и отстаивал в литературе, мы знаем, мы этому были свидетелями и видели, что далось ему это ценой невероятного упорства и противостояния столь же невероятному по силе давлению среды — бытовой, литературной, партийной, государственной. Далее: для меня чрезвычайно важно, что Виктор Некрасов (может быть, первым в нашей литературе) явил миру правоту и высокую сущность индивидуальности на войне, значение личности — если не в противовес, то хотя бы наряду с правотой и сущностью класса, коллектива, общества... Хотя бы наличие индивидуальности в среде, менее всего для нее уместной, среде, какой являются война и армия с их абсолютном подчинения одного всем, жестким нивелированием всякой разности.

Виктор Некрасов увидел на войне интеллигента и, в отличие от расхожего в нашей литературе взгляда на него как на хлюпика, жизненную никчемность, человека не от мира сего, утвердил его правоту и его значение как носителя духовных ценностей в условиях, так мало способствовавших какой-либо духовности. Впрочем, это правомерно и понятно: сам будучи в высшей степени явлением духовности, он и выразил то, что должен был выразить в литературе. Наверное, это было не просто: в стране, где уничтожено крестьянство, подавлена ини-

циатива рабочих масс, интеллигенция оказалась единственно возможным фактором духовного прогресса, и потому именно она испытывает на себе все то, что судьбой уготовано испытать историческому авангарду общества.

Конечно, во многом В. Некрасов опередил свое время и, как нередко случается в искусстве (и не только в искусстве), в итоге за это сурово поплатился. Ибо нет пророка в отечестве своем — слова, принадлежащие земной вечности и более всего подходящие для того, чтобы значиться на его надгробии. И может ли нас утешить мысль, что не только на его надгробии. То, что случилось с Виктором Некрасовым, недавно еще было нашим национальным бытом, судьбой, главной сущностью политики государства по отношению к чести и достоинству вообще. Недавно еще казалось: иначе и не может быть, потому что иначе и не было никогда. И обелиски, кресты, струхлевшие пеньки на могилах лучших сынов Отечества рассыпались по всему необъятному пространству страны и за ее пределами — от заселенной безвестными могилами Колымы до не менее заселенного Сен-Женевьев-де-Буа. Что ж, мы привыкли: это наша судьба и наша история, доселе, к сожалению, еще не воплотившаяся в нашу объективную историографию.

— *Как вы, военный писатель, оцениваете роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба»?*

— Значение этого романа, на мой взгляд, выходит далеко за рамки понимания военной темы. В известном смысле «Жизнь и судьба» — открытие для нашей литературы. Именно из этого романа мы узнали поразительные вещи, касающиеся удивительной схожести двух, казалось бы, совершенно противоположных систем власти в крупнейших державах Европы. Выясняется, что имперское движение в Германии номинально являлось также и социалистическим, ставящим целью построение гармонического народного государства, разве что на расовой основе: гитлеровская партия официально носила название «немецкая национал-социалистская рабочая партия»; фактической основой власти и тут, и там был открыто выраженный автократизм, обоим государствам, хотя, может, и в разной степени, были свойственны такие явления, как культурный нигилизм, власть всемогущей тайной полиции, разветвленная, не знавшая прецедента в истории земной цивилизации система концлагерей, полное попрание элементарных прав человека.

Автор «Жизни и судьбы», может быть, первым в нашей литературе осознал это сходство и с умом и блеском воплотил

его в книге, уже одним этим подняв роман до уровня вершинного достижения современной литературы.

Конечно, арест «Жизни и судьбы» даже в условиях тех лет — событие чрезвычайное, но горестных историй из тогдашней творческой, издательской жизни можно припомнить множество. Мне, например, долгие годы не удавалось опубликовать ни одной вещи, которая бы не была испохаблена редактурой. Степень этой испохабленности зависела от многих причин, в том числе и от уступчивости автора тоже. Потому что в конце концов автор мог не издавать своей вещи, прекратить печатание. Но часто получалось так, что автор к моменту публикации был предельно истерзан, лишен сил и надежд, воля его была подавлена, все было немило — лишь бы закончилось поскорее...

Теперь времена изменились, от художественной литературы отстранена цензура, и это, может быть, самое значительное наше достижение, так же, как и гласность. Но как показывают события последнего времени, все это не обходится без значительных издержек: ведь гласность с еще большим успехом используется и бюрократией, которая оказывает жесточайшее сопротивление перестройке. Есть реальная опасность того, что еще несколько поворотов в определенном направлении — и гласность может потонуть, раствориться в псевдогласности, доступной только бюрократии. Я не знаю, что и как будет дальше, хотя уверен, что уроки перестройки, даже если она не будет осуществлена в том виде, в каком задумана, — уроки эти чрезвычайно важны для будущего. Наверное, в следующее столетие перейдет именно гласность как самая значительная веха нашего времени. «Все минется, а правда останется», — написал в лихое для меня время А. Т. Твардовский. Он был прав.

— В «Новом мире» ваши вещи также подвергались редакторской экзекуции?

— Понятно, что и там при редактировании старались убрать многие острые моменты, чтобы не раздражать цензуру, не вызывать дополнительно придирок, чтобы не цеплять начальственный взгляд в инстанциях. Но все-таки три повести в «Новом мире» Твардовского — «Мертвым не больно», «Атака с ходу» и «Круглянский мост» — были напечатаны с наименьшими издержками. «Круглянский мост» — совсем без купюр. «Атака с ходу» потеряла авторское название: на белорусском языке повесть известна как «Проклятая высота», но «проклятая» — уже какой-то намек, негатив, и в редакции решили дать ей нейтральное название, которое, по-моему, просто плохое.

— *Есть ли в Белоруссии общество, аналогичное «Памяти»?*

— Наверное, есть «Память» и в Белоруссии, кое-какие признаки подтверждают это. В Минске живет один из ее неофициальных идеологов, известный не только в Белоруссии кандидат философских наук Бегун. Одно время он вроде бы замолчал под обличительным напором всесоюзной печати, но вот в ноябрьском номере «Нашего современника» снова подал свой голос. Так что он активничает и, видимо, при поддержке некоторых печатных органов еще будет активничать, потому что «Память» — это же не «Талака», это та организация, которая находит трибуну. В этой связи возникают, конечно, разные вопросы, которые мне сегодня кажутся не просто странными — дикими. Особенно после рязанского секретариата, а также последнего пленума правления Союза писателей РСФСР и ряда скандальных выступлений там.

Слишком хорошо известно, сколько несчастий принесли человечеству крайности национальных чувств — шовинизм и национализм, чтобы мириться с их проявлением в конце XX века. Рецидивы их, в общем, понятны, как понятна и природа давней вражды в Закавказье, да и в разных других местах. Беда, однако, в том, что человечество до сих пор не научилось подчинять древние инстинкты демократическим принципам сосуществования, разрешать старые конфликты на основе современного права. Вот еще проблема для общественной мысли, для литературы и всего современного искусства.

— *Что вы думаете о том факте, что в наше время в Гори, на родине Иосифа Джугашвили, люди днями и ночами дежурят у памятника «отцу народов»? Неужели они так и будут радостно пребывать в плену своих заблуждений по отношению к Сталину?*

— Вы думаете, они чувствуют свои заблуждения? Они могут их не почувствовать никогда. Это уж как кому выгодно. Пусть толпа дежурит, если ей этого хочется. Толпа не народ. Вопрос в другом: почему такое разрешается, а иное строжайше запрещается? Ведь закон един, и закон есть закон. Но в Москве во Дворце молодежи под видом вечера памяти А. Косарева устраивается, по существу, многолюдный митинг «Памяти», на котором, как рассказывают, присутствовал, кстати, бывший харьковский прокурор, получивший известность своими судебными исками в защиту Сталина. А в Минске семеро активистов «Талаки», собравшихся на частной квартире, извлекаются в отделение милиции, где им устраивается унижительный допрос. Поклонников Сталина в Гори открыто фотографируют

корреспонденты многих изданий, а в Минске 30 октября милиция разбивала фото- и кинокамеры, задерживала и ослепляла слезоточивым аэрозолем корреспондентов республиканских и центральных газет и телевидения, препятствуя выполнению ими своего профессионального долга. Как это совмещается с законом и идеями демократизации?

Я упомянул о бывшем харьковском прокуроре. Судебный процесс по его иску во многом поучителен, и очень важно, что по нему снят фильм и что этот фильм показан по Центральному телевидению, что его могли увидеть многие. Для тех, кто в курсе современных событий, он вряд ли добавил что-либо новое, но для других, пожалуй, стало видно явление — тип «классического» сталиниста, несмотря на историю, вопреки опыту народа и даже наперекор собственной судьбе. К сожалению, этот тип распространен более, чем нам кажется, и не только среди людей старшего поколения. Идеи сталинщины живут и среди тех, кто помоложе, особенно в среде бюрократических кадров, сторонников «твердой руки», тоска по которой ощущается все явственнее. Со всей определенностью можно сказать: Сталина нет, но психология сталинщины жива — может быть, из-за наших зачастую неумелых и непоследовательных попыток демократизации.

— *Нынче очевидно противостояние двух групп журналов. В чем, на ваш взгляд, существенная разница их позиций?*

— Конфронтация, которая наметилась в литературе, была бы неизбежной и трудноустранимой, даже если бы она понималась лишь как несовпадение взглядов, столкновение мнений, в какой-то части, допустим, как несовместимость нравственной позиции. Но если, как это имеет место в данном случае, конфронтация носит характер политический, идейный (а я именно так ее понимаю) и размежевание идет по линии сталинизма, но тут уж вообще ничего невозможно сделать, как только бороться. Конечно, при этом постороннему взгляду не все видно и не все достаточно ясно. Мы лишь что-то ощущаем между строк, в каком-то отдалении, как какую-то тайную пружину, причину действия: то же, что в словах, — это уже следствие. На самом же деле отношение к Сталину и сталинизму главным образом и определяет расхождение этих групп. Сейчас, наверное, оно становится все более явным, и когда мы встречаем в некоторых статьях экивоки их авторов, вроде того, что Сталин, мол, был такой и этаким, отчасти «да», но в то же время и «нет», тут уже начинается то, что пропастью разделяет людей: они

оказываются по разные стороны баррикады. Здесь разъединение принципиальное, и примирить стороны очень сложно.

— *Ответьте, пожалуйста, на вопросы, касающиеся вашей профессиональной работы. Что, по-вашему, до сих пор не сказала литература о войне и что вы лично можете еще сказать о ней?*

— Я думаю, что литература может еще многое сказать о войне. Я уже писал, что по крайней мере на протяжении десятилетий главным, что успешно разрабатывалось литературой, вообще нашим искусством, был героический аспект. Природа и проявления героизма на войне, по-моему, отработаны уже до предела. А другие моменты, в том числе нравственные, психологические и еще кое-какие, имеют свой запас неотработанности. Мне кажется, что наибольшие возможности в этом смысле таятся именно в народной войне. Не во фронтовой, не в войне нашей армии, а в чрезвычайно сложных и запутанных ситуациях на оккупированных территориях.

— *Сейчас много пишут и говорят о творческих союзах. Ваше мнение: Союз писателей в его сегодняшнем виде нужен?*

— В своем нынешнем виде Союз писателей оправдал себя лишь в качестве начальствующего, административного или карающего органа. В самом деле, вспомните, сколько одиознейших кампаний было проведено против отдельных писателей — не руками НКВД, КГБ, даже не руками партийных, бюрократических органов, а самими писателями. Наверное, это «великолепно», когда сами — себя! И высокое руководство может при этом отойти в сторону: не оно учинило расправу — сами коллеги постарались. Разве Пастернака, допустим, и многих других осудила не сама литературная общественность? Это был стиль отношения верхов к литературе, а осуществлялся он в рамках и средствами Союза писателей. Так сказать, по методу самообслуживания. Поэтому если мы действительно стремимся покончить с тем, что пережили, и стать обществом демократическим, то Союз писателей в том виде, в каком он пребывает ныне, писателям ни к чему. И я полагаю, что в будущем на смену ему, по-видимому, придут добровольные объединения писателей на основе общности художнических взглядов, этнической общности, просто по чисто человеческим влечениям. Как это было отчасти в 1920-е годы у нас или как это имеет место сейчас в западной литературе. И таким объединениям вполне разумно будет иметь свои печатные органы, не обязательно многотиражные. Пусть их тиражи будут

15–20 тысяч; общество всегда заметит нечто принципиально важное, а издательства размножат в необходимом количестве.

— *Вы были в США, когда М. С. Горбачев выступал на сессии ООН. Ваши впечатления об этой поездке?*

— Не хочу прибегать к банальностям, сообщая, что Нью-Йорк поражает грандиозностью и контрастами, это действительно так, хотя это уже известно и школьникам. Меня, как и других, кто на сессии ООН слушал выступление М. С. Горбачева, поразили многие положения этой действительно эпохальной речи (одностороннее сокращение вооруженных сил, призыв к сокращению финансового долга развивающихся стран и др.). Но, может быть, более всего президент нашей страны тронул сердца людей, гуманитарной интеллигенции мира признанием несомненного приоритета общечеловеческих ценностей, без которых существование рода человеческого не только бессмысленно, но и невозможно.

Такое из уст руководителя нашего государства в этих стенах звучало впервые и не могло не поразить объединенное содружество наций. Это действительно достижение, путь к которому был нелегок и стоил огромных жертв.

[1989]

ГУМАНИЗМ НЕВОЗМОЖНО УЧРЕДИТЬ

— Мне приятно видеть в этой аудитории столько представителей нашей молодежной прессы. Сегодня молодежная пресса действительно находится в авангарде движения за перестройку. Впрочем, так оно и должно быть. Молодежи жить в будущем, поэтому она больше других озабочена судьбой и состоянием общества. В качестве примера можно привести принципиальную позицию нашей белорусской молодежной газеты «Знамя юности», которая вопреки указаниям не напечатала пресловутую статью Нины Андреевой. Это был экзамен, который коллектив редакции выдержал с честью. Совесть как моральное качество прежде всего необходима современному журналисту.

У меня нет какой-то программы выступления перед вами. Может, мы построим нашу беседу на вопросах и ответах? Пожалуйста...

— *Чем вызван нынешний конфликт, разразившийся в Союзе писателей? Ваше к нему отношение?*

— Борьба в идеологии всегда неизбежна, а в той ситуации, в какой оказалась наша страна, может быть, даже и необходима, потому что это — далеко не кухонная склока. Кому-то со стороны может показаться, что писатели не поделили, скажем, гонораров и затеяли некрасивую возню между собой. Наблюдать это, конечно, неприятно, так же, как скандал в соседней квартире. Но, если мы разберемся в причинах этой борьбы, то увидим, что она носит характер принципиальный. Причины эти, как я понимаю, прежде всего в различном отношении групп писателей к проблеме сталинизма. Что получается? И Сталина нет, его учение давно погребено в собраниях сочинений, но дух его живет. Он пронизывает всю жизнь нашего общества снизу доверху. Живуч он и в какой-то части писательской организации. Другая же ее часть настроена категорически-осуждающе по отношению к проявлениям сталинизма, и понятно, что мира между этими направлениями быть не может. Следует очень скрупулезно разобраться, чем был сталинизм в прошлом и чем он является теперь. Так что, я думаю, может быть, даже нет смысла заглушать эту борьбу. Всем нужно высказаться, «открыть лицо» уже потому, что большинство представителей сталинской группировки открыто не декларирует своих убеждений. Это редко кто делает. Вот Шеховцов мог выступить и заявить, что он законченный сталинист. Те же, кто похитрее, о своем сталинизме пока умалчивают, втихоря протаскивая сталинскую идеологию, где только возможно. Так что борьба будет продолжаться, поскольку она носит непримиримый характер.

— *В Минске очень редко услышишь белорусскую речь. Что делается для возрождения белорусского языка?*

— У нас принята и опубликована программа на этот счет. По-моему, она недостаточна и носит скорее декларативный характер. Для достижения радикальных сдвигов необходимо, чтобы сами органы власти в качестве первого шага перешли на белорусский язык и признали его государственным, обязательным для сношений на всех уровнях. Ну, и еще многое другое.

— *Что вы можете сказать об экологической ситуации в республике?*

— Сначала я хочу напомнить эпизод, который имел место с одним из наших высоких и недавних руководителей. На вопрос корреспондента «Нью-Йорк таймс» «Как у вас решается экологическая проблема?» он, подумав, ответил: «У нас нет

такой проблемы». Сейчас отношение к экологии, конечно же, изменилось, но время упущено, и многое по-прежнему замалчивается. Скажем, не освещаются некоторые тревожные моменты, связанные с чернобыльской катастрофой. Большинство материалов в прессе носит ложно-успокоительный характер. Представители власти утверждают, что налажен скрупулезный контроль за продуктами, что нет повода бить тревогу. На самом деле в некоторых районах Могилевской, Гомельской областей положение весьма угрожающее. Я это знаю из бесед со специалистами, которые утверждают, что идет интенсивный процесс накопления в организмах людей радионуклидов. Это значит, что в будущем нас ждет увеличение числа болезней, и в первую очередь онкологических. И вот мы рискуем очутиться в ситуации, когда поздно принимать меры. Сейчас же их не принимаем, потому что «рано», ничего, мол, страшного пока не происходит. Я уже не говорю о других острых проблемах экологии — загрязнении пищи продуктами химии, одиозной деятельности мелиораторов. Но, повторяю, самый больной вопрос — последствия чернобыльской катастрофы.

— *Насколько гуманно наше общество, и какими вы видите пути его дальнейшей гуманизации?*

— До подлинной гуманности нам еще предстоит долго жить и бороться. В нашем прошлом, увы, гуманности было очень немного. Гуманизм, воспитанный религией, культурой предшествующих поколений, был почти полностью уничтожен за годы сталинщины. Сегодня мы вдруг обнаружили, что без гуманизма обойтись не можем. Однако, проблема состоит в том, что гуманизм невозможно учредить с помощью законов, административные меры здесь не помогут. Гуманизм можно только воспитывать, «накапливать» последовательной работой многих поколений. Он как гумус — поверхностный плодородный слой, который легко разрушить, а вот создать можно только в течение длительного времени и в соответствующих условиях.

— *Ситуация такова, что многие идеалы, служившие вам раньше исправно, сейчас разрушены. Вопрос для молодежи один из коренных: во что же верить?*

— Я отношу этот вопрос к разряду «спортивных»: что самое высокое, самое большое, самое быстрое... В прошлом ответ можно было сформулировать таким образом: верьте в Бога. Но мир усложнился на протяжении последнего столетия. Духовная жизнь приобрела новые черты, мышление новый характер. Я не претендую на однозначный ответ и полагаю, что человек с душой всегда чувствует, во что ему ве-

ритель. Можно было бы и так ответить: верьте в добро. Однако и веры в добро, по-видимому, сейчас недостаточно, хотя, конечно же, человечество за свою жестокую историю истосковалось по добру. Точно так же мало веры и в определенные теории. Марксизм был очень хорош для своего времени, но я сказал бы, что сейчас основных его положений недостаточно. По-видимому, свою веру общество должно само выработать, она должна стать органичной и необходимой. Декретом здесь ничего не добьешься. Сколько раз в истории человечество жестоко обманывалось, когда следовало за тем, кто ему обещал самую правильную, самую справедливую веру. Но прошло немного времени, и люди обнаруживали, что вера эта или ложна с самого начала, или несостоятельна в данный момент. Поэтому справедливее всего ничего решительно не брать на веру, все предлагаемые веры принимать спокойно, так сказать, с испытательным сроком.

— *Ваше отношение к войне в Афганистане?*

— Думаю, что афганская ситуация ясна для любого непредубежденного взгляда. Легко было ввести войска в Афганистан — для того потребовались считанные часы, а чтобы вывести... Как видите, пошел десятый год... Народная пословица говорит: «Не зная броду, не суйся в воду». Наши руководители в свое время сунулись в эту воду, не позаботившись измерить глубину брода, и получили то, что получили. Эта война породила множество самых различных проблем: военных, экономических, нравственных. Есть и такие, которые только еще обещают выйти на поверхность, их мы почувствуем через определенное время. По крайней мере нравственное здоровье молодого поколения долго будет ощущать на себе влияние Афганистана. До сих пор мы знали только, что наши ребята проявляют там героизм, что многие из них погибли. Другие поплатились здоровьем. А что же дальше? Что за этим следует? Обществу еще предстоит по-настоящему осмыслить всю горечь этой войны.

— *Ваше отношение к пострадавшим от сталинских репрессий в 1930-е годы? Признаете ли вы и здесь разделение на виновных и невиновных? Напомню высказывание Гавриила Попова: «Поджигателей леса не стоит оправдывать тем, что они сгорели сами».*

— Имеется в виду, что многие пострадавшие сами способствовали утверждению той атмосферы, которая воцарилась тогда в стране? Без сомнения, атмосфера жестокой борьбы продолжалась со времен революции, а может быть, и с еще более ранних. В условиях 1920–30-х годов она получила вот

такие законченно уродливые формы. Сталин, я думаю, многое утрировал, обострил, но в общем он продолжал свою политику, которую проводил хотя бы в годы Гражданской войны. Так что тут нечему удивляться, все очень естественно вытекало одно из другого. Понятно, что в таких условиях многие из тех, кто пострадал в конце 1930-х годов, говоря объективно, сами имели отношение к уничтожению своих соратников. Разве не так? Посмотрите хотя бы на уничтожение военных кадров. Одни маршалы судили других маршалов, хотя это их не уберегло тоже. И не мудрено. Пролитая кровь способна лишь вызвать новую кровь, ничего другого. Правда, я полагаю, что это — довольно сложная проблема, и она не дает основания для прекращения реабилитации. Все-таки к тому времени необходимо подходить конкретно-исторически и каким-то образом разделять вину и беду.

— Кто, на ваш взгляд, несет ответственность за события 30 октября прошлого года в Минске?

— Конкретных виновных я не знаю. Найти их всегда трудно, особенно когда дело касается бюрократии, которая научилась все свои грехи закольцовывать в инстанциях, растворять в коллективных решениях. Очень часто персонифицировать вину, выделить какое-то конкретное лицо бывает невозможно. Но здесь самое важное в другом, в том, что никто виновным себя не считает, да никто его и не ищет. Это печать и общественность полагают, что в имевшем место насилии кто-то должен оказаться виновным, бюрократия же еще не доросла до осознания данного факта и уверена, что ею все сделано правильно. Она даже считает, что нужно было действовать еще решительнее, соображения же морального порядка ей попросту незнакомы.

— Как вы относитесь к требованию проведения общественного суда над сталинщиной?

— Очень положительно. Провести такой процесс было бы крайне необходимо, но это вряд ли будет сделано, поскольку сопротивление окончательно разоблачению сталинщины очень значительно. На разных уровнях нашего общества. К этому сопротивлению все активнее подключаются и сплоченные ряды бюрократии, которая очень точно вычислила, что эти разоблачения ничего хорошего ей не сулят. И надо отдать ей должное — в этом она не ошибается.

— Чего же, на ваш взгляд, боится нынешнее поколение чиновников? Видимо, вопрос об ответственности за сталинизм следует связывать с ответственностью за его нынешние проявления?

— Сталинизм втянул в сферу своей преступной деятельности не только работников карательных органов, НКВД, КГБ, но и значительную массу рядовых граждан. Я имею в виду систему секретного сотрудничества, тайного доносительства. Так что теперь, когда эти люди встречаются с требованиями открыть архивы, опубликовать списки, назвать имена, их, естественно, бросает в дрожь. Естественно, они будут оказывать всяческое сопротивление, требуя: архивы закрыть, имен не публиковать, митинги разгонять. Это в прошлом у них были гарантии, что все тайны останутся сохраненными на века. Теперь эти гарантии зашатались. Вот почему можно говорить обо все усиливающемся сопротивлении разоблачению сталинизма.

— *Вы справедливо заметили, что Сталина нету, но под разными видами живучи его концепции. Что вы имеете в виду?*

— Один из видов сталинизма, который и сейчас в ходу, в том числе и среди некоторой части писателей, это концепция «твердой руки». Как некоторые считают, все современные беды у нас оттого, что нет «твердой руки», нет «железного хозяина». Данная тема поднималась и на недавней встрече с интеллигенцией в ЦК КПСС. Михаил Сергеевич говорил, что по этой части опыт у нас громадный и вернуться к нему очень просто, но он предупредил, что мы не пойдем по этому пути. Такой путь осужден, он антидемократичен и неприемлем.

Есть и другие аспекты, весьма живучие. Например, антисемитская политика Сталина, его антисемитская практика. О ней сейчас мало говорят и пишут, но у меня такое впечатление, что эта концепция с годами не ослабевает. Тревогу вызывает и живучесть пренебрежительного отношения к интеллигенции. Некоторым по-сталински хотелось бы указать ей «подобающее» место в углу, в котором она много лет находилась, — указать под тем предлогом, что это, мол, она, интеллигенция, мутит наше сплоченное, хорошо организованное общество. Призвать, мол, ее к порядку!..

— *Вы упомянули встречу представителей интеллигенции с Горбачевым в ЦК КПСС. Ваши впечатления о ней?*

— На этой встрече еще раз проявилось, что для лидера нашей партии и государства не последней заботой стали писательские проблемы. Беседа продолжалась целый рабочий день с утра до вечера, и все ее участники лишней раз убедились в огромной роли интеллигенции в преобразовании общества. Если иметь в виду предыдущий опыт — налицо новое к ней отношение. Хрущев, как вы помните, тоже встречался с представителями творческих союзов, посещал выставки, однако

это всегда имело довольно плачевные последствия, следовали гонения на неугодных. Здесь же было очевидным желание Генерального секретаря разобраться в ситуации, что само по себе важно для духовной жизни страны. Думаю, что мы все получили там важную информацию к размышлению.

— *Ваше отношение к Ельцину? Считаете ли вы возможным его политический взлет?*

— Наша недавняя история свидетельствует, что фигуры, однажды сошедшие с руководящей сцены, обратно не возвращаются. Наверное, эту закономерность можно распространить и на Ельцина, хотя я бы желал ему удачи и взлета, потому что, судя по всему, он обладает чуткой и честной душой, а в наше время это значит немало.

— *Как вы относитесь к тому, что иные республиканские газеты, критикуя самостоятельные объединения, не дают им возможности высказаться, ответить?*

— Конечно, это несправедливо. Это, кстати, идет вразрез с резолюцией XIX партконференции о гласности. Мало того, что они лишены возможности ответить на критику, многое в их деятельности сознательно извращается, ставится им в вину то, к чему они не имеют отношения... Правовое государство просто не может допускать такого. Но вот допускает...

— *Правовое государство у нас только создается, мы встали на путь принятия новых, остро необходимых законов. Но они нередко вызывают у общественности и претензии. За что бы вы покритиковали наше руководство, с чем не согласны?*

— Прежде всего за то, что многие законы создаются и принимаются наспех, без должного демократического обсуждения. Некоторые из них в лучшем случае бесполезны, в худшем — еще больше осложняют нашу жизнь. Это прослеживается, начиная с закона о предприятии. Взять хотя бы закон о кооперации и недавний указ, перечеркивающий многое из того, что определено законом. Лично у меня много претензий и к закону о выборах. Мне кажется, разобраться в нем далеко не просто, на пути кандидата в депутаты создано немало искусственных преград. Все-таки закон должен формулироваться вразумительно и исключать всякое разночтение в его истолковании.

А ведь положения законов разрабатывались с участием высших органов власти...

— *Брежневское время нанесло нашему поколению моральный ущерб не меньший, чем в свое время Сталин и сталинщина. В этой связи вопрос: почему писатели, и вы в том числе, мало занимаются брежневским периодом?*

— Что значит много или мало? По-моему, это личное впечатление. У меня оно, скажем, другое. Хотя я согласен, что брежневщиной надо заниматься не меньше, чем сталинщиной, а возможно, и больше, поскольку она к нам ближе во времени. Здесь было бы нелепым всякое дозирование того, сколько, как и чем заниматься. Жизнь всегда имеет собственную логику и устанавливает свою меру. Проблемы, которые возникают спонтанно, изнутри общества, — это и есть самые истинные проблемы. Ими общество и должно заниматься, они должны также находить отражение на страницах прессы. Если пресса действительно представляет интересы всего общества, а не только органов, которые значатся на ее титулах. В этой связи разрешите пожелать вам не сдавать присущей молодежной прессе принципиальности. Если вы снизите эту принципиальность, общество снизит ее в еще большей мере. Так уже не раз бывало. Поэтому — держитесь!

*Подготовил Олег Груздилович.
[1989]*

ПУТЬ — ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ

Вполне сознавая всю относительность предвыборных деклараций, осмелюсь, однако, предложить беглый перечень не столько намерений, сколько политических и писательских пожеланий, за которые, на мой взгляд, все-таки стоило бы бороться. Даже в том случае, если бы удалось реализовать из них хотя бы малую долю.

Итак, в области культуры:

дальнейшая демократизация и гуманизация культурной политики государства, устранение из нее многочисленных контролирующих и регламентирующих инстанций; повышение индивидуальной роли и общественной ответственности художника за им содеянное; создание условий для широкого развития национальных культур, национального языка — особенно в регионах, где в результате культурной политики предыдущих десятилетий они подверглись наибольшей деформации; большая терпимость к различным формам и направлениям художественного творчества.

В области общественной жизни:

новые меры по демократизации общественной жизни путем обеспечения равных условий для волеизъявления всех социальных слоев общества, различных наций и национальных меньшинств; разумное уравнивание политических возможностей для членов КПСС и беспартийных, особенно в области экономики и культуры; установление прямых и пропорциональных выборов во все органы власти; проведение общенародных референдумов по важнейшим проблемам политической жизни страны; раскрытие процессов законотворчества с целью вовлечения в них широких народных масс; реабилитация всех жертв сталинизма, в том числе раскулаченных и сосланных крестьян; действительное уравнивание интеллигенции с основными классами общества; стабильная религиозная терпимость при условии действительного невмешательства государства в дела церкви.

В области экономики:

дальнейшее углубление демократизации экономической жизни путем предоставления большей самостоятельности промышленным и сельскохозяйственным предприятиям, широкого внедрения хозрасчета, арендного подряда, самофинансирования и самокупаемости, кооперативного движения; сокращение разорительных расходов на вооруженные силы, космическую программу, неоправданную экономическую и финансовую помощь странам «третьего мира».

По линии Союза писателей СССР:

первоочередными задачами считать возможную деполитизацию писательского творчества в целом; максимальное упрощение бюрократической структуры центрального и республиканского аппаратов СП; увеличение роли писателей в общественной жизни страны путем максимального вовлечения их в государственные и общественные органы; развитие государственного и кооперативного издательского дела и книготорговли; эффективную материальную поддержку молодых и нуждающихся писателей; изменение порядка и процедуры присуждения литературных премий, — чтобы их присуждали лауреаты предыдущих лет.

К бегло перечисленным выше предполагаемым мерам и мероприятиям, несомненно, приложатся многочисленные наказы избирателей — членов писательского союза, выполнение которых явится первой обязанностью писательских избранников.

[1989]

[БЕСЕДА ДЛЯ ЖУРНАЛА «НАШЕ НАСЛЕДИЕ»]

— Василий Владимирович! Вы стали одним из инициаторов создания историко-просветительского общества «Мартиролог Белоруссии», имеющего своей целью увековечение памяти жертв сталинизма. Многие называют вас совестью нации, другие обвиняют чуть ли не в политическом экстремизме. Приходилось даже слышать, что, дескать, Быкову уже не пишется, как прежде, и именно это побуждает его обратиться к иному роду деятельности — защищать Шагала, молодых «неформалов»... Действительно ли художественное творчество уже не занимает прежнего места в вашей жизни?

— Почему же не занимает? Вот вышел журнал «Полымя» с моей новой повестью «Облава» — о годах коллективизации в Белоруссии, о тех неисчислимых бедах, которые принесла крестьянству эта насильственная кампания. В центре повествования — трагическая судьба «раскулаченной» семьи, высланной из родных мест; похоронив родных, крестьянин Федор Ровба тайком возвращается домой и здесь сам находит смерть, преследуемый бывшими односельчанами... Но сейчас одного художественного творчества для писателя недостаточно. По крайней мере, для того писателя, который не погряз в себялюбии, в эгоцентризме. Есть в нашей жизни события и явления, на которые невозможно не откликнуться. У нас в Белоруссии таких проблем самого разного свойства великое множество — начиная от экологических, культурных, духовных. Тем более что они годами не решались, да и теперь иной раз делаются попытки их не решать, оставить все так, как есть, как было со времен Сталина. Поэтому естественно, что мне трудно удержать себя в некоей «башне из слоновой кости». Так или иначе втягиваешься в жизнь, в ее конфликты, — даже невольно, непреднамеренно. От насущных потребностей жизни писатель просто не может, да и не вправе прятаться. Вот почему появились основания для разного рода домыслов и обвинений в моей адрес. Но я не перестал писать, как кому-то, возможно, и хотелось бы...

— Вы уже не раз высказывали отношение к событиям 30 октября прошлого года в Минске. И все-таки вернемся к ним еще раз, посмотрев на эти события с позиций культуры — может быть, точнее сказать, политической культуры...

— Такое могло произойти только в условиях абсолютного пренебрежения к демократическим правам человека. Если бы политическая обстановка у нас в республике была иная, если бы власти придерживались тех законов, которые существуют в одинаковой степени и для них, и для народа, — наверное, ничего подобного не случилось бы. Но бюрократия всякое постановление понимает как закон, который ограничивает свободу народа и расширяет возможности бюрократии. Так было, и к этому, конечно, привыкли. Теперь эти давние порядки бюрократия пытается оправдать: дескать, у нас нет демократических традиций, и мы только учимся демократии... То есть совершается беззастенчивое попрание закона, и делается попытка объяснить это тем, что мы, видите ли, еще проходим первый класс в школе демократии. Но я думаю, что там, где пренебрегают демократией и всеми ее принципами, этот «первый класс» может растянуться на целое столетие, если не больше. И уж будьте уверены, что бюрократия добровольно не сдаст свои позиции, она предпочитает ходить в вечных учениках.

Вот так случилось у нас в Белоруссии. При разборе этого инцидента возникло разночтение: народ говорит о насилии над ним, а власти говорят о неподчинении со стороны тех, кто пришел на несанкционированный митинг и тем самым выразил пренебрежение к закону. Игнорируя право трудящихся на митинг, не меньшее пренебрежение к закону продемонстрировали городские власти. Так что если уж вести речь о противозаконных действиях, то в данной ситуации они были обоюдными.

А из-за чего, собственно, разгорелся сыр-бор? Молодежь решила возродить старинный народный обычай, связанный с традиционным славянским праздником Дзяды — Днем поминовения предков. Сегодня, когда у нас столько говорится об освоении культурного наследия, об уважительном отношении к ценностям национальной, общечеловеческой культуры, — какую крамолу можно было усмотреть в желании минчан собраться воскресным днем у входа на кладбище?..

— *Давайте все же уточним понятие «национальная культура». Как она соотносится с культурой общечеловеческой?*

— Для меня, как, наверное, и для каждого, именно родная почва, традиции, культура народа, среди которого ты родился, служат истоками культурности, духовности. Но современный человек не может ограничиться собственно национальной культурой. Современная культура — это вообще чрезвычайно сложное, многоструктурное понятие, которое вбирает в себя культуру всей цивилизации. И чем больше элементов самых

разных национальных культур освоил, вобрал в себя человек, тем он образованнее, духовно богаче, культурнее в самом широком смысле этого слова. Национальная культура в конце концов может стать элементом культуры общечеловеческой. Это высшее достижение национальной культуры, ее вершинное явление. Любой истинный культурный процесс стремится к своим вершинам, но не всякий их достигает. И очень многие добротные процессы такого рода заканчиваются именно в национальных сферах, питая их.

Конечно, все это совершенно по-разному происходит в разных видах искусства. В музыке, наверно, иначе, чем в литературе. Полагаю, что хотя фольклор лежит в основе любой национальной музыки, современный музыкант, наверно, может обойтись и без фольклора. Но что касается литературы, то без национального элемента даже самый одаренный писатель обойтись не может. Потому что в основе его ремесла лежит язык, а язык — это принадлежность сугубо национальная.

— *Но почему же в таком случае Набокова, который всю или почти всю свою писательскую жизнь прожил за рубежом и даже писал одинаково свободно по-русски и по-английски, мы считаем русским писателем?*

— С таким же успехом его могут считать и английским писателем. А почему бы и нет? Там он жил, там писал по-английски. Вполне возможно... И все-таки, думается, правильнее называть его русско-английским или, может быть, англо-русским писателем. Точно так же, как у нас были польско-белорусские или белорусско-польские. Например, Адам Мицкевич — великий поэт Польши, но и наш великий поэт. Мы его чтим, он здесь родился, у нас есть его дом-музей. И это прекрасно, здесь, по моему, не может быть повода для каких-либо конфликтов.

Вот пример Шагала. Одни считают его французским, другие — русским художником; на том же основании Марка Шагала может причислить к себе и белорусская культура. Хотя бы потому, что он здесь родился, он здесь начинал как художник, формировался как личность. И тот факт, что он принадлежит по рождению к еврейской нации, здесь ровным счетом ничего не объясняет. Наверное, если бы художник не покинул родину, не было бы и проблем, которые сделали отношение к нему предметом столь острых дискуссий. Но то, что Шагала долгое время жил за границей, во Франции, явилось причиной его отторжения от белорусской культуры.

Это, на мой взгляд, совершенный абсурд. Однако же именно этот факт стал непреодолимым барьером для того, чтобы при-

нять Шагала в лоно нашей национальной и советской культуры. Думаю, что в данном случае работает инерция прошлых лет, чисто сталинская нетерпимость, но рано или поздно она будет преодолена. Безусловно, если мы еще продвинемся по пути демократического развития, белорусская культура примет Марка Шагала и его творчество, так сказать, в свои объятия. Когда это будет, я не знаю. Но будет и музей его в Витебске, а может быть, в Минске, и когда-нибудь в нашем художественном вузе будут изучать творчество Шагала. Это совершенно очевидно, потому что художника такого масштаба, независимо от его политических убеждений, от его художнической манеры, от его происхождения и его политической деятельности, — такого художника нельзя игнорировать.

— *При том даже, что лично вам, возможно, его произведения не кажутся близкими? (Я задаю этот вопрос человеку, который когда-то учился в Витебском художественном училище — том самом, где в 1920-е годы увлеченно экспериментировал в «новом искусстве» молодой Марк Шагал.)*

— Мое личное отношение не имеет ровно никакого значения. Для меня может быть неприемлема манера того или иного художника, но я не стану на этом основании — как, между прочим, часто делается в среде художнической или писательской, — в зависимости от личных симпатий или антипатий выносить приговор его творчеству. Полагаю, это просто недостойно специалиста-профессионала, художника, интеллигента.

— *В чем лично вы ощущаете национальное начало, его влияние на творчество?*

— Я долгое время не жил в Белоруссии: воевал на Украине, жил там после войны, затем на Дальнем Востоке... Но это ничего не меняет. Действие почти всех моих книг происходит на белорусской земле, и хотелось бы думать, что мне удалось высветить в своих героях, в их судьбах характерное именно для белорусов. Прежде всего дело в том, что я пишу по-белорусски, это язык моего творчества. Здесь я родился, здесь прошло мое детство, мои родители были белорусы, я впитал и унаследовал главное, что необходимо для формирования моего национального самосознания.

— *А не кажется ли вам, что по аналогии с новым политическим мышлением может возникнуть — или уже возникло — новое культурное мышление, которое должно привести к сближению, а в перспективе и к слиянию национальных культур?*

— Не хотелось бы употреблять слово, которое вызывает у нас неприятные ассоциации, — космополитизм. Обозначаемое

им понятие, по-моему, плохо согласуется с культурой. Как мы уже говорили, культура в своей значительной части в первую очередь национальна. Хотя, несомненно, какие-то заимствования, даже можно сказать, взаимопроникновения в ней есть, и порою кажется, что всеобщность культуры делает ее однородной, — но я все же считаю, что это не так.

Всегда рискованно предсказывать будущее, но думается, что в условиях демократического развития национальные культуры должны прогрессировать. Многие причины сдерживали естественный ход культурного развития. Потенции же народа очень значительны. Что будет дальше? Трудно сказать. Возможно, неравномерность развития предопределяет и неравномерность успехов на этом пути. Не исключено, что культуры, которые в полной мере не реализовали свои возможности в недавнем прошлом, — как, например, белорусская, — будут наверстывать упущенное более интенсивно, чем другие, более развитые культуры. Одно несомненно: все это возможно только в условиях свободного, демократического общества.

— Наше время — время перемен и в государственных, и в социальных структурах, и в сознании каждого из нас. Все ли осталось неизблемым в ваших представлениях о ценностях жизни и культуры? Например, должно ли сохраниться привычное для нас еще со школы понятие классовости культуры? И что же такое общечеловеческие ценности?

— Для меня больших переоценок не произошло, не было такой необходимости. Что же касается классовости культуры, этот тезис в наше время потерял, по крайней мере, свою актуальность. Все-таки если культура имеет явные национальные черты, что бесспорно, то деление по классовому принципу она утратила. Я их не вижу, даже если очень внимательно приглядеться. Может быть, белорусская культура не столь показательна в этом смысле, как русская; проанализируйте, какие классовые признаки сохранила для нас, скажем, дворянская культура прошлого столетия? Пушкин, Толстой, Чехов — и советские литераторы, конечно, лучшие из них, принадлежащие к русскоязычной литературе, — какие между ними разница и где там классовые черты? В плохой литературе, наверно, они есть. Я думаю, чем хуже литература, тем больше в ней классовых черт. И наоборот — чем лучше литература, тем меньше в ней признаков классовой принадлежности. Именно поэтому так популярен Пушкин и все его принимают независимо от классовой принадлежности. Для современного рабочего он так же ценен, как в прошлом веке — для образованного дво-

рянина, поскольку он выражает их интересы — культурные, общечеловеческие, а не классовые.

— Да, разделение, о котором идет речь, появилось не в прошлом веке, а в нашем...

— Известно же отношение к так называемой буржуазной культуре на заре Советской власти, когда делались попытки «сбросить Пушкина с корабля современности» и создать новую, пролетарскую культуру. Ну что же, ныне мы видим: пролетарской культуры как таковой сегодня не существует. А вот культуру, созданную «враждебными классами», мы восприняли как свою собственную. И правильно сделали.

— Несколько лет назад известный специалист в области атеизма профессор Кривелев обвинил вас в «заигрывании с боженькой». Его статья в «Комсомольской правде», помнится, наделала много шума, автор упрекал в «богоискательстве» наряду с вами, Чингиза Айтматова и Виктора Астафьева. Понятно, что не всегда следует отождествлять автора с его литературным героем, который может быть кем угодно, в том числе и верующим. И все же считаете ли вы случайным все более частое обращение в нашей литературе к религиозным образам? Даже самое слово Бог стало у нас писаться, как когда-то было принято, с большой буквы...

— Тут, по сути дела, совершенно очевидна неправомочность той политики, которая у нас долгие годы культивировалась по отношению к церкви, к религии вообще. Ведь если говорить о культуре в нашем христианском мире, то она все-таки создана в значительной степени на религиозной основе. Примеров сколько угодно: искусство средних веков, эпохи Возрождения... Теология всегда соседствовала с философией, да и сам атеизм — дитя религии. И поэтому внезапное исключение ее из сферы советской культуры, отрицание вместе с религией и христианской культуры не могло не отразиться на общем состоянии нашей духовности, всей нашей культуры. Это ощутили на себе и изобразительное искусство, и литература, и все другие виды искусства.

Вот почему, когда в связи 1000-летием крещения Руси наше руководство нашло возможным допустить в духовную жизнь какую-то часть, какие-то элементы религиозной культуры, это благотворно сказалось на общем нравственном климате. И в литературе уже появилось несколько значительных произведений, несущих на себе отпечаток этих перемен, — я имею в виду прежде всего «Плаху» Айтматова.

Христианство наложило свой отпечаток и на культуру, и на быт, и на психологию многих народов нашего Отечества. И насильственное отторжение людей от христианской духовности, конечно, катастрофически сказалось на состоянии общества. Вы видите, как много мы говорим в последнее время о грубости, бездушии, об отсутствии сочувствия, о необходимости возрождения милосердия в нашей жизни... Сегодня общество, по крайней мере, поняло, что без разумного отношения к религии оно далее существовать не может. И я полагаю, что в этом направлении должны быть сделаны новые шаги. Какие именно, не знаю. Но, очевидно, необходимо в большей степени повернуться лицом к духовности, которую исповедует религия.

Как и большинство из нас, я не воспитывался в христианском духе, но, должен признаться, давно питаю интерес к Библии. Просто нелепо было бы отрицать ее значение, прежде всего культурное. И мне остается только сожалеть, что знакомство с этим миром произошло, так сказать, на склоне лет, а не в молодые годы. Что же делать, утешимся тем, что наши молодые соотечественники в лучшем положении, они имеют возможность хотя бы почитать Библию, в то время как совсем недавно это была запрещенная, чуть ли не антисоветская литература, со всеми вытекающими последствиями.

— *Василий Владимирович, кажется, вам предлагали возглавить Белорусский фонд культуры...*

— Да, был когда-то такой разговор, но я отказался, потому что вообще сторонюсь всякой чиновничьей деятельности...

— *...Но все-таки принимаете участие в деятельности Фонда культуры здесь, у себя дома, в Белоруссии, в Минске. Какие проблемы, имеющие отношение к деятельности Фонда вы считаете самыми важными, самыми неотложными?*

— Самое неотложное, что, на мой взгляд, надо сделать — это уберечь от разрушения, спасти Верхний город, историческое сердце древнего Минска, которое методично разрушает «Метрострой». Сейчас положение немного изменилось в лучшую сторону, хотя здесь заслуга не столько, к сожалению, Фонда культуры, сколько неформального молодежного движения... Решением Министерства культуры СССР приостановлено строительство метро под Верхним городом, и это правильно: надо сначала укрепить фундаменты расположенных поблизости зданий, а потом прокладывать подземную трассу — возможно, и в каком-то другом месте. Иначе мы можем оказаться без тех крох исторического наследия, которые нам оставила

судьба. Ведь и в самом деле крохи оставила... Вот, скажем, наш древний Полоцк. Ну какой он древний? Он давно лишился своего древнего облика. А город без исторической души — пустой, казенный город, как бы хорошо они ни был перестроен, реконструирован. Поэтому тот небольшой островок нашего Верхнего города, который судьба сберегла наперекор опустошительному военному лихолетью, — его надо было уже давно, в первую очередь отреставрировать, любовно благоустроить и сделать культурно-историческим центром города, уютным уголком для минчан и гостей белорусской столицы. Ну что же, как говорится, лучше поздно, чем никогда. К сожалению, иной раз в подобных случаях эти понятия становятся эквивалентными друг другу...

Может быть, наибольшее зло в нашей жизни — извечная наша беспамятность. На протяжении столетий наш народ молча терпел гнет, лил свою кровь, жертвовал миллионами жизней. И — молчал. Молчал, ибо его историки лишили его правдивой историографии, его философы внушали ему фальшивую идею о мудрой правильности его безграничного терпения. Его рыцари изящной словесности состязались между собой в искусстве воспеть то, что было достойно взрыва гнева и возмущения. Его политические и государственные деятели были лишены собственной политики, возможности действовать на благо народа, а многие из них сами стали жертвами террора, собственной слепоты и заблуждений.

Но мы больше не хотим жить, не помня как о нашей чести, так и о наших жертвах, наших мучениках. Пришло наконец время сказать людям правду и сделать из нее определенные выводы.

Прежде всего следует сказать правду о миллионах безымянных людей Белоруссии — рабочих, колхозников, интеллигентов из народа — белорусов, русских, евреев, людей других национальностей, уничтоженных в годы сталинщины, — без вины, без права, без следа в народной памяти. Их символом сегодня стали печально известные Куропаты, но это лишь капля в море людской крови.

...Как давно известно, палач и жертва inferнальным образом связаны между собой, и человечество должно знать и помнить обоих. Это необходимо во имя справедливости, во имя демократии, во имя нашего будущего. В этом наша святая обязанность перед историей, моральная обязанность перед будущими поколениями, чтобы им не пришлось укорять нас, что мы имели возможность и упустили ее. Пожалуй, никто из на-

ших предшественников не имел такой возможности, представленной нам самой судьбой и историей. И было бы величайшей исторической ошибкой не использовать этот шанс. Но сделать это, возможно, будет нелегко. Силы реакции и сталинщины не сложили свое испытанное оружие и готовы взять реванш за поражение в гласности. Силы зла переживают небольшую паузу в своей антинародной деятельности, перестройка и гласность путают их карты. Но они уже начали приспособливаться и к атмосфере перестройки, а в некоторых случаях и брать ее под свое руководство, в надежде быстро и без потерь вернуть столь желанный их лакейским душам тоталитаризм с подавлением, репрессиями, пьяным и покорным существованием парабощенного народа.

Поэтому все, кому дороги принципы демократии и социализма, судьба нации, должны быть бдительными. Не дать себя обмануть ни криводушной бюрократии, ни аморальной лженауке, ни тем провокаторам от перестройки, которые намерены пустить ее под откос, отвернуться от благородной цели демократического возрождения нации, растворить идеалы демократизации в национальных, региональных, ведомственных и амбициозных спорах и противоречиях.

Мы должны создать величественный мартиролог наших потерь и наших мучеников. Он ляжет краеугольным камнем в фундамент нашего национального самосознания, станет важным элементом исторической памяти и гарантом будущности народа, который сквозь геноцид, кровь и унижения с упорством осужденного рвется к солнцу добра и справедливости...

*Беседу вел Аркадий Бржозовский.
[1989]*

[ИНТЕРВЬЮ ГАЗЕТЕ «МОЛОДЕЖЬ ЭСТОНИИ»]

— Как вы полагаете, Василь Владимирович, это нормальное, естественное развитие процесса, именуемого перестройкой, когда самый высокий градус напряжения связан с международными отношениями?

— Вы имеете в виду национальные республики?

— Да, конечно.

— Это, очевидно, неизбежно. Хотя по большому счету быть не должно. Ибо все-таки в национальной республике главное должно определяться волей коренного населения. И это совершенно естественно. Это элементарно. Ведь никому не придет в голову, скажем, во Франции, хотя там тоже много выходцев из других стран, требовать от французов перестроить свои традиции в угоду национальным меньшинствам. А вот у нас это возможно. Конечно, это нечто иное, как рецидивы антидемократических времен, пережитки сталинизма. Хотя лично я полагаю, что национальные меньшинства в республиках имеют право на свое национальное развитие, развитие своей культуры сообразно собственной воле. Это тоже совершенно естественно. И если коренное население не обеспечивает им этой возможности, это очень плохо, это также антидемократично.

— *Но насколько я успела понять, в Белоруссии сегодня со всей очевидностью просматривается не столько межнациональное, сколько политическое противостояние?*

— Да, скорее политическое. Потому что мы просто еще не вышли из состояния, навязанного сталинскими тенденциями. Внедренные в двадцатые, тридцатые, сороковые годы, они глубоко проникли во все части населения, и белорусского, и небелорусского. Вот поэтому пока противостояние проходит именно на этом рубеже — сталинизма и антисталинизма. Но уже кое-что просматривается и в смысле национального размежевания. И хотя национальное самосознание белорусов, резко ослабленное в прежние годы, еще только-только пробуждается, оно уже, тем не менее, встречает противодействие небелорусского, в основном, русского населения, которое усматривает в этом угрозу своих интересов.

— *И она действительно существует, эта угроза?*

— Откровенно признаться, никакого ущемления не только нет, но еще долгое время и быть не может. Если вообще не исключено. Ведь в настоящее время вся культура в Белоруссии, в общем-то, прорусская. И если сейчас мы, деятели белорусской культуры, забили тревогу, то потому, что исчезает последний оплот национального различия — язык. Появилась угроза исчезновения белорусского языка. Хотя сейчас и идут разговоры и требования насчет придания ему статуса государственного, состояние, когда белорусский язык стал бы доминирующим, весьма проблематично. И если здраво поразмыслить об этом, то русскому населению нечего тревожиться. По крайней мере, в ближайшие годы русский язык и все, что касается русской культуры, будет обеспечено совершенно.

— *Василь Владимирович, это хорошо или плохо?*

— Я сейчас говорю об этом русско-белорусском конфликте, и для Белоруссии это, конечно, плохо. Это плохо потому, что хотя мы говорим о двуязычии, на деле двуязычие выражается в подавлении белорусского элемента в языке. И для развития белорусской культуры это трагично. Ведь сегодня белорусская культура не может конкурировать на равных с русской культурой в Белоруссии. Как следствие прежней политики — государственной, партийной — русская культура во главе с русским языком укоренилась основательно.

— *Конечно, это чудовищно, когда видишь по телевидению, как репортер обращается к крестьянину с вопросом на литературном белорусском языке, а тот ему отвечает на искаженном русском. Но все-таки мне кажется, что сейчас гораздо чаще, чем раньше, можно услышать на улицах белорусскую речь.*

— Знаете, это только случайно. На самом деле — нет. Потому что дело не только в проявлении или выявлении этого белорусского элемента. Дело еще в том, что белорусы отвыкли от своего языка, а молодежь и вовсе его не знает. Особенно городская молодежь, поскольку в школах она его не изучала, а в бытовом общении он был исключен. И если вы можете услышать белорусскую речь, то только среди какой-то части творческой интеллигенции.

— *А вы, Василь Владимирович, пишете на обоих языках?*

— Я пишу на белорусском.

— *Но могли бы писать и на русском?*

— Это, конечно, особый разговор, но коль вы спросили... Я потом перевожу на русский произведения, написанные по-белорусски. Потому что просто не существует школы, я бы сказал, удовлетворительного литературного перевода с белорусского языка на русский. В связи с близостью этих языков тут получается что-то, так сказать, неисследованное. Очень добросовестно выполненный перевод с белорусского совершенно неудовлетворителен на русском. Поэтому приходится переписывать заново, переосмысливая на другом языке. Но это может сделать только автор, это не может сделать переводчик.

— *А вот очень интересно, на каком языке вы думаете?*

— Думаю? Когда пишу, то думаю, конечно, по-белорусски. А вот в политике, в общественной жизни — разумеется, как говоришь, так и думаешь.

— *Василь Владимирович, раньше вы тоже так много занимались общественной деятельностью, или это перестройка вас вовлекла?*

— Да вы знаете, я не общественник, я не люблю эту деятельность.

— *Вот и мне так напоминается. Жили вы не в столице, а в Гродно, и довольно замкнуто...*

— Конечно! И это понятно: писатель — это кустарь-одиночка. Это единоличник и индивидуалист. Иначе и быть не может. А сейчас просто... знаете, по-другому и нельзя. Вот мы говорим: развернулась перестройка. Но перестройка вызвала к жизни дремавшие доселе народные силы, народную энергию. Это понятно и это уже общепризнано. У молодежи она проявилась в самой популярной ныне форме — неформальных объединений. Эти неформальные движения, например, в Прибалтике привели к каким-то значительным сдвигам в общественно-политической жизни. У нас они пока что не привели. Потому что с самого начала встретили колоссальное противодействие партийной бюрократии, которая, по сути, поставила их деятельность в условия полной невозможности. Я не знаю, как будет впредь и что будет дальше, ибо, несмотря ни на что, это движение все-таки существует и развивается. Вот 1 мая у нас было разрешено неформалам пройти по главной площади своей колонной. Но после того, как колонна собралась, им участие в демонстрации запретили. Неформалы и те, кто их поддерживает, повернули, конечно, в Куропаты. В Куропатах провели хороший митинг с участием многих тысяч людей, многочасовой, с выступлениями, с чтением стихов. Потом около 5 часов вернулись в город, прошли к Оперному театру, там возложили венок к памятнику нашему поэту Максиму Богдановичу. Милиция не противодействовала, хотя сопровождала. Да, довольно крупное милицейское подразделение на автобусах. Те шли пешком, растянувшись по проспекту на многие километры, а эти ехали на автобусах. Ничего не произошло, никаких эксцессов.

— *Откровенно говоря, мне совершенно непонятно, кто выигрывает от этого противостояния, в котором искусственность столь очевидна. И действительно, почему бы не разрешить им пройти по площади своей колонной, с бело-красно-белыми национальными флагами? Кому от этого был бы вред?*

— Видите ли, все дело в том, что наше руководство консервативно, и этот консерватизм опять же унаследовало от тех прошлых времен. Поэтому оно и не идет ни на какие уступки, ни на какие признания массовых движений. В печати проведена не одна кампания шельмования неформалов. И ни одна строчка из программ и деклараций неформальных объедине-

ний не напечатана. Наоборот, печатают только комментарии и критику, где позиция неформальных объединений и Народного фронта всячески извращается. А что касается знамен, о которых вы упомянули, то год назад наша партийная пресса напечатала материалы, которые доказывают, что эти знамена дискредитированы националистами в годы войны, что под ними расстреливали неповинных людей и так далее.

— *Интересно, эти критики не боялись некоторых сопоставлений?*

— Очевидно, нет, если их логика не шла дальше названных утверждений. А далее Верховный Совет принял указы, по которым национальная символика фактически была запрещена в уголовном порядке. Это возмутительно, поскольку белорусским национальным символам более пяти веков. И еще в Грюнвальдской битве наши полки воевали под ними против немецких рыцарей. А сейчас их не признают. Смешно, конечно, не признавать то, что освящено временем, кровью, пролитой за правое дело, и все это, по меньшей мере, несерьезно. Тем не менее мы сейчас говорим, что ратуем за правовое государство. И вот пока молодежь на митингах ведет по этому поводу дискуссии, правительство принимает указы и, так сказать, укрепляет Уголовный кодекс в этом направлении. При этом никто ведь не добивается подмены государственного флага национальным — речь идет о том, чтобы наряду с государственным допустить употребление исторического. Ведь существует же у нас масса спортивных флагов, да и в государстве наряду с красным флагом с серпом и молотом и со звездой есть же еще, скажем, флаг авиации, есть флаг военно-морского флота, который по сути представляет собой Андреевский флаг. Все это можно установить законно и не противореча Конституции. Но у нас метод запрета стал самой популярной формой взаимоотношений властей и неформалов. И применяется широко.

— *Василь Владимирович, как вы лично ощущаете себя в этой ситуации? Вы писатель с мировым именем, чей высокий нравственный авторитет признан всеми, кроме, кажется, властей в вашем родном отечестве?*

— Я пытался и писать, и обращаться в государственные органы, но... На сессии Верховного Совета республики меня очень критиковали.

— *За что? За то, что в мире благодаря вашему творчеству узнали, что есть такая Белоруссия и что в Советском Союзе, слава богу, есть писатели?*

— Боже мой! Когда-то, в прежние времена, была в ходу такая поговорка: был бы человек, а статья найдется. Была бы антипатия к какому-то человеку, а причины для критики найдутся всегда. Конечно, прежде всего, за мою общественную позицию по отношению к противникам перестройки. Это уже звучит затерто, но по сути своей — верно. Например, Алесь Адамович уже давно, указывая на конкретные имена нескольких руководителей, написал, что Минск — это белорусская Вандея. После этого у нас произошли события 30 октября, о которых вы знаете, подтвердившие это определение Адамовича. Я написал об этих событиях в «Огоньке» — это вызвало здесь бурю негодования среди руководства. Ну и в белорусской партийной прессе была напечатана масса статей против меня и Адамовича. Вот это неприятие, этот антагонизм выплеснулся и на сессии Верховного Совета республики. Продолжается все и до сих пор, разумеется. И проблему эту надо понимать шире: к примеру, в течение осени и зимы в печати была проведена, по сути дела, антиинтеллигентская кампания, когда на страницах прессы, по радио, телевидению выступали рабочие, представители технической интеллигенции, которые поносили интеллигентов, притом самых видных, в том числе и Адамовича, например. А что касается Союза писателей, то, наверное, никогда он не был в таком загнанном и униженном состоянии, как теперь. Есть много примеров, свидетельствующих о том, как попираются не только гражданские права писателей, но и права, и интересы всей нашей творческой организации. Достаточно вспомнить, как осенью собрались четыре творческих союза — писателей, художников, журналистов и кинематографистов, которые решили сообща создать общество, получившее название «Мартиролог Белоруссии». Это антисталинское общество, ставящее своей задачей искоренение последствий репрессивных методов и мер сталинского руководства. Состоялось очень представительное собрание, был принят устав, создан штаб этой организации. Но руководство республики не признало законность образования этого общества. По сути дела, было нанесено оскорбление, выражено недоверие всей творческой общественности. Ну, и что? До сих пор «Мартиролог Белоруссии» существует непризнанным.

— *То есть опять: он есть, но его нет?*

— Он есть, но власти его не признают. А коль не признают, то у него нет помещения, у него нет счета в банке; и его деятельность соответственно нашим дополнениям к Уголовному кодексу преследуется по закону.

— *Таким образом, конфликт уже просто запрограммирован. А если учесть возможность провокаций...*

— Но ведь то, что произошло в Минске 30 октября прошлого года, не что иное, как чистейшая провокация. То есть была предпринята попытка столкновения неорганизованной толпы, будем так говорить, массы минчан с органами правопорядка. Для этой цели были выведены милицейские силы, техника, спецсредства и прочее. А ведь люди, которые шли на кладбище, не имели никаких политических целей, и повода их останавливать не было. Было намерение провести день памяти, который, кстати, проводился уже в прошлом году. То есть имелся прецедент, и все было спокойно. На сей раз был вынесен запрет на его проведение, брошены войска и милиция. И именно милиция предприняла первые шаги для того, чтобы произошло столкновение: аресты, чисто полицейский нажим, применение химических средств. И до стычки оставалось совсем немного, всего несколько минут, несколько моментов. И если провокация не удалась, то только благодаря авторитету Зенона Позьянка, который остановил эту неорганизованную массу, предотвратил ее противодействие возмутительным действиям милиции и повел людей в Куропаты. По сути дела, увел от столкновения. Именно благодаря вмешательству Позьянка, благодаря его непредвиденным действиям весь сценарий рассыпался. Потому что был расчет на то, что, по сути, уже столкновение произошло — были арестованы, были схвачены, ослеплены люди, некоторые избиты. Далее власти ожидали призыва оказать сопротивление.

— *Ну, да — «Бей!»*

— А вместо этого призыва «Бей!» последовал призыв «Спокойно, не поддавайтесь на провокации!» И всю толпу он увел за городскую черту, где состоялся митинг, который опять же был подавлен и разогнан, но конфронтации как таковой и побоища с кровопусканием не произошло. Хотя к нему были готовы и на него рассчитывали. Чтобы под этим предлогом задавить всё неформальное, по сути, демократическое движение.

— *И взгляд ваш в будущее, Василь Владимирович, печален, да?*

— Перестройка вызвала к жизни множество тенденций, и сейчас присходят процессы, взаимоотрицающие один другой. Очевидно, этого и следовало ожидать. Потому что все происходящее — следствие каких-то глубинных процессов и причин, которые берут истоки в прежних временах. И хотя они были, в общем-то, сходными в разных республиках, во время

перестройки начали приобретать характер иногда противоположный.

— *Так оно и есть, если посмотреть в сравнении на то, что сегодня происходит хотя бы в той же Прибалтике и Белоруссии.*

— И если исходить из положения, что жизнь никогда не стоит на месте, она обязательно должна двигаться (я имею в виду общественную жизнь) и обязательно в каком-то направлении, то, я думаю, что это все-таки направление вперед, а не назад. Я думаю, что мы все-таки пойдем по пути прогресса, обновления нашей общественной жизни, и выработка нового сознания не останется лишь лозунгом. У нас все это происходит очень замедленно и, конечно, прежде всего, в силу сопротивления партийно-бюрократического аппарата, административно-приказной системы, которая в Белоруссии не претерпела никаких изменений за последнее время. Но все-таки прогресс есть. В движении неформалов, несмотря на сопротивление, ограничения всевозможные, участвует все больше и больше людей и, главным образом, молодежь. Я полагаю, мы тоже добьемся каких-то сдвигов. Намечаются они, прежде всего, а области национальной культуры. Ведь уже на правительственном уровне принята программа по языку. Это обнадеживает, хотя она недостаточна, я считаю, она паллиативна по своему содержанию, но, тем не менее, еще год-полтора тому назад и она была совершенно невозможна. Думаю, будут и другие сдвиги. Ведь, должен вам заметить, что для нас очень много значит пример Прибалтийских республик, в том числе и Эстонии. Информация, конечно, выборочна и случайна, но все-таки какие-то вести доходят, ваши идеи находят понимание, поддержку. Я думаю, найдут и распространение. И, знаете, не только в Белоруссии, но и в стране. Другое дело, что какие-то вещи еще преждевременны. Для нас, например, какие-то моменты, может быть, неприемлемы. По разным причинам. И вот критики ваших движений вытаскивают эти вот неприемлемые или преждевременные моменты и, показывая их, пытаются отпугнуть массы от того, что происходит в республиках Прибалтики. Но люди у нас сейчас грамотные. Разберутся, я думаю.

Беседу вела Элла Аграновская.

[1989]

[АДКАЗЫ НА ПЫТАННІ ГАЗЕТЫ «ЛІТАРАТУРА І МАСТАЦТВА»]

Лічу сваім абавязкам садзейнічаць вырашэнню галоўных пытанняў грамадска-палітычнага жыцця. Маю на ўвазе перш за ўсё далейшае развіццё галоснасці, вызваленне органаў масавай інфармацыі з-пад кантролю і ўціску бюракратыі ўсіх рангаў. Буду разам з іншымі дэпутатамі дамагацца, каб Закон аб друку як мага хутчэй быў вынесены на ўсенароднае абмеркаванне.

У пытаннях культурнай палітыкі, якія, безумоўна, будуць разглядацца на З'ездзе, першачарговай увагі патрабуе, на мой погляд, развіццё нацыянальных культур і нацыянальных моў.

Паколькі я выбраны дэпутатам ад творчага саюза, у мяне ёсць намер узняць праблему абароны грамадзянскіх і прафесійных правоў членаў Саюза пісьменнікаў. Не сакрэт, што зараз гэтыя правы часта з'яўляюцца фармальнымі, а нярэдка і парушаюцца. Пры гэтым, як ні парадаксальна, парушаюцца яны і тымі арганізацыямі і ведамствамі, якія нясуць адказнасць за падтрыманне законнасці і правапарадку.

Трэба, я лічу, перагледзець як незаконныя ўсе рашэнні аб пазбаўленні пісьменнікаў, якія цяпер знаходзяцца ў эміграцыі, грамадзянства СССР. Усе яны павінны мець магчымасць вярнуцца на радзіму.

Вельмі важна, на маю думку, наогул перагледзець большасць законаў і нарматыўных актаў, прынятых Вярхоўным Саветам СССР ранейшых скліканняў.

Лічу неабходным стварыць у новым Вярхоўным Савеце спецыяльную камісію па расследаванні ўсіх абставін прыняцця рашэння аб уводзе кантынгенту нашых войскаў у Рэспубліку Афганістан. Я ўпэўнены: павінны быць абнародаваны ўсе страты і выдаткі, панесеныя намі ў гэтай вайне: людскія, матэрыяльныя, фінансавыя.

Пакуль цяжка меркаваць, як будзе складацца сітуацыя на З'ездзе народных дэпутатаў. Мне ясна адно — пры абмеркаванні і прыняцці ўсіх заканадаўчых ініцыятыў вельмі важна супрацоўнічаць паміж сабой дэпутатам-дзеячам культуры, а таксама дэпутатам ад нашай рэспублікі з прадстаўнікамі братніх рэспублік. Ад кансалідацыі ўсіх прагрэсіўных сіл залежыць, наколькі моцны будзе наш новы парламент.

[1989]

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮ: МЕТОДЫ СИЛЫ И ЗАПРЕТА ОТЖИЛИ СВОЕ!

Одним из несомненных и, быть может, самых значительных достижений нашей перестройки является небывалое прежде оживление социально-политической активности народа. Бесправные доселе массы, молчаливые «винтики» авторитарной системы, осознают себя деятельными участниками грандиозного преобразования страны, понимая, что ее судьба в их собственных руках. Наверное, особенно близко к сердцу приняли это молодые люди, собравшиеся в десятки и сотни неформальных, самодеятельных, по существу, объединений, первоочередной задачей которых, как правило, стало содействие общественной и экономической перестройке страны. Многие из них проявили завидный энтузиазм, хотя и далеко не все у них получилось на выверенном, добропорядочном уровне, без чрезмерностей и пережестов. И это понятно, если иметь в виду, что как члены, так и руководство всех названных и неназванных объединений — люди все-таки недостаточно искусные в политике, а то и вовсе не обладающие опытом общественной деятельности. Несомненной положительности их целей не всегда сопутствует положительность средств и методов деятельности, иногда наличествует нечеткость идейных установок, политическая размытость вполне благих намерений. Но об истинной сущности всякого нового общественного движения разумнее судить по его практическим делам, а не измерять его степень правдивости деклараций, которые на деле имеют обыкновение оборачиваться своей противоположностью.

В этом смысле многое в деятельности такого, например, белорусского объединения, как «Талака», заслуживает весьма положительной оценки. Именно «Талака» год назад привлекла внимание общественности к заброшенному урочищу Куропаты с его никому не известными ужасающими захоронениями, организовала там многотысячный митинг жителей Минска, провела благоустройство лесной территории. Она же неоднократно поднимала тревогу относительно плачевной судьбы Верхнего города в Минске, немало потрудилась по его реконструкции и восстановлению. Другое общественное объединение «Мартиролог Белоруссии» ценой драматических усилий добилось официального признания права белорусов на празднование дня памяти предков, провело несколько

предвыборных митингов в поддержку кандидатов в народные депутаты СССР, в число которых избран ряд известных и уважаемых в республике лиц из числа рабочих, ученых, творческой интеллигенции. По инициативе и с участием этого объединения было реабилитировано немало жертв сталинско-бериевского прошлого. Руководство оргкомитета Народного фронта Белоруссии выработало развернутую программу культурного, экономического и социального развития республики, программу, которая, по отзывам специалистов, могла бы стать серьезным альтернативным планом развития Белоруссии на предстоящие годы. Могла бы, но до сих пор не стала, потому что не опубликована и, по существу, не известна широкой общественности.

Уже стало обыкновением, что о программных установках «неформалов» мы узнаем не из печати, не от непосредственных разработчиков, а из уст их далеко не беспристрастных критиков. Общественно-политическая позиция «неформалов» изначально квалифицируется ими как вражески-подрывная со всеми вытекающими отсюда последствиями. Актив и члены этих организаций подвергаются административному давлению, угрозам увольнения, судебного преследования, исключения из комсомола и партии. Почти вся практическая работа с «неформалами» в республике передовверена органам милиции и прокуратуры, уровень правосознания которых в стране общеизвестен и вряд ли нуждается в комментариях. Среди самых популярных методов последнего времени по отношению к «неформалам» у них является запрет, сила которого во многих случаях утратила свою былую действенность, а нередко и просто бессмысленна. Обличительные, малоаргументированные, а то и малограмотные публикации в республиканской прессе, принадлежащие перу известных по прошлой деятельности догматических авторов, активистов и ветеранов печальной памяти НКВД-МГБ, лишь способствуют созданию дополнительного, «страдальческого» ореола вокруг «неформалов». Их вынужденно затянувшееся молчание относительно собственных целей обретает романтическую притягательность для ищущей, социально активной части студенческой и рабочей молодежи, увеличивает популярность в народе. Это особенно наглядно проявилось на мероприятиях, посвященных третьей годовщине печальных событий в Чернобыле, когда несанкционированный «молчаливый» митинг возле Дома правительства, организованный «неформалами», собрал более пяти тысяч участников, в то время, как на официальный явилось едва полтысячи.

В своем запретительском раже городские власти нынче отказали минским «неформалам» в праве участвовать в общегородской первомайской демонстрации, и многотысячная колонна минчан и гостей столицы вынуждена была повернуть из центра города все к тем же Куропатам, где и провела митинг-маевку — с речами, выступлениями, чтением стихов и исполнением песен. Это несанкционированное мероприятие оказалось безупречным по организованности и продолжалось с утра до 5 часов пополудни под бдительным присмотром скучающего милицейского подразделения. (В этом смысле обращает на себя внимание в общем справедливое сетование МВД республики на нехватку сил и средств для борьбы со все возрастающей волной уголовных преступлений — убийствами, грабежами, насилием. Действительно, милиция вряд ли способна эффективно противостоять, уголовщине в том числе, и потому, что много месяцев занята бессмысленной борьбой с «неформалами» и для основной милицейской работы у нее просто недостает сил.)

Жизнь со всей убедительностью показывает, что распристенные в отношениях с «неформалами», безотказные в прошлом, методы силы и запрета отжили свое и неэффективны. Применение кулаков и спецсредств там, где требуется диалог, политический диспут и терпеливый процесс убеждения нередко приводит к обратным результатам, как это случилось, например, в Барановичах. Единственный кандидат в народные депутаты СССР первый заместитель предсовмина Белоруссии Ю. Хусаинов был провален на выборах в значительной мере по той причине, что на предвыборном митинге работники милиции пошли на избивание его оппонента художника М. Свистуновича. Именно необоснованные и недемократические меры против «неформалов» Минска со стороны первого секретаря горкома КПБ В. Галко явились главной причиной его неизбрания в народные депутаты СССР. Руководящая бюрократия до сих пор не хочет понять, что в отношениях с демократическими тенденциями правомерны лишь демократические методы, и там, где они отсутствуют, не могут помочь ни запрет, ни милицейские силы с самой совершенной экипировкой и спецсредствами, которые способны лишь усугубить драматизм положения. Трагический опыт Минска и Тбилиси достаточно красноречиво засвидетельствовал это.

Общеизвестно, что метод фальсификации идейных позиций противника, намеренное оглупление его с целью более скорой и доступной победы — не только показатель низкой

культуры дискуссии, но и по большей части свидетельство неправоты «нападающего» оппонента. К сожалению, в борьбе с белорусскими «неформалами» именно этот порочный метод оказался самым ходовым и популярным. Ряд широко приписываемых им лозунгов и установок беззастенчиво утрирован, другие просто не принадлежат им и взяты оппонировавшими органами из сталинско-бериевских арсеналов запугивания и шельмования. В такой атмосфере появились одиозные обвинения «неформалов» в противопоставлении ими белорусов — небелорусам, в якобы имевших место призывах расширения Белоруссии «до границ Великого Княжества Литовского XIV века». В то же время трудно всерьез спорить с критиками тех положений «неформалов», которые действительно исходят от последних. Многие из этих положений трактуются их противниками как националистические, хотя на деле являются сугубо национальными и появились ныне в рамках развернувшегося процесса реабилитации национального языка и национальной культуры. Белорусская национальная символика (флаг, герб «Погоня») являются исторической национальной символикой, пять веков назад освященной совместно пролитой кровью под Грюнвальдом, длительной народной борьбой против иноземных захватчиков; историческое достоинство ее неподвластно никаким попыткам дискредитации или запрета. Равно, пожалуй, как и униатская церковь, которая возникла на Белоруссии задолго до немецко-фашистской оккупации и роль которой в христианизации Белоруссии давно и хорошо известна. Сакраментальную же ссылку на спецслужбы противника и радиостанцию «Свобода», якобы систематически освещающую деятельность «неформалов», вряд ли можно принять всерьез. Данная радиостанция с неменьшим усердием освещает и ход перестройки в стране, однако этот факт никак не может послужить основанием для ее свертывания.

С давних времен среди определенной части нашей партбюрократии бытует весьма эффектный способ защиты — конкретную критику в собственный адрес истолковывать как посягательство на роль и авторитет всей партии, придавать этой критике весьма вольный и расширительный смысл. Стоило А. Адамовичу назвать несколько фамилий минских руководителей в качестве противников перестройки, как тут же в республиканской печати поднялся лихой свист против автора, посмеявшего не более не менее, как «оскорбить полуторамиллионный город-герой». Опять как в давние, недоброй памяти годы входят в моду анонимные псевдоразоблачитель-

ные публикации с весьма хлесткими, зачастую слабо доказанными обвинениями. Обществу понадобилось немало времени, чтобы понять и заклеить как не соответствующую нормам нашей морали практику безымянных доносов, пресловутых «анонимок», но в иных областях жизни они до сих пор в ходу. Анонимные газетные статьи, справки, ориентировки, немало определяя в нашей общественно-политической жизни, будучи неизвестно кем сочиненные и никем не подписанные, представляют собой весьма удобную форму для тех, кто намеревается скрыть от будущего не всегда благовидные следы своей деятельности.

В ряде случаев сомнительные методы отношений с «неформалами» успешно переносятся и в сферу давно сложившихся, но не менее порочных отношений с вполне формальными, законными организациями. Так, недавнюю инициативу четырех творческих союзов республики (художников, журналистов, писателей и кинематографистов) и некоторых других по созданию антисталинского общества «Мартиролог Белоруссии», руководство республики поспешило квалифицировать как незаконную и отказалось признать статус данной организации. Тем самым, по сути, было выражено пренебрежение к политической воле огромной части национальной интеллигенции республики, так и не сумевшей в законном порядке отстоять свое законное демократическое право. Оставленный без последствий антидемократический акт властей, как и следовало ожидать, нашел свое дальнейшее развитие, когда органами милиции был произведен взлом в помещении Союза писателей БССР. Маленький провинциальный «уотергейт», совершенный по-воровски, ночью, без ведома руководства Союза вызвал бурю протестов общественности и также остался без последствий. Огромная армия творческих работников республики оказалась лишенной всякой возможности для реализации своих элементарных гражданских прав. Многократные обращения в правоохранительные органы со стороны как «формалов», так и «неформалов» заканчиваются однотипными ответами вроде того, что прокуратура (района, города, республики) в действиях милиции (МВД, исполкома) противоправных мотивов не усматривает. Впрочем, что прокуратура, если даже коллегия адвокатов Минска на обращения пострадавших с жалобами на власти и милицию отвечает выпадами против самих же пострадавших. Недавно Белорусское телевидение продемонстрировало документальный фильм, в котором с достаточной наглядностью нашла свое отражение по меньшей мере странная позиция

адвокатов, заявивших в финале, что они найдут способ, чтобы данный фильм никогда не вышел на экраны. Мне думается, что все это — исчерпывающее свидетельство весьма своеобразного понимания смысла гражданских прав и свобод в республике.

Да, многое изменилось в общественно-политической атмосфере нашего общества, что, к сожалению, далеко не все могут или хотят осознать. Беспрецедентная общественно-политическая активность в период избирательной кампании, достигнутая не в последнюю очередь и усилиями «неформалов», начинает заметно спадать. И в этом также сказалась целиком негативная позиция в отношении к ним партбюрократии, что, понятное дело, трудно согласовать с принципами демократизации и перестройки. Только совместными усилиями всех слоев общества, всех его плюралистических направлений, поддерживающих перестройку, возможно успешное завершение последней. Не в конфронтации, а в консолидации и сотрудничестве наша конструктивная сила, если мы на деле, а не на словах намерены осуществлять задуманное.

[1989]

[ПРАМОВА НА І З'ЕЗДЗЕ БНФ]

Вялікі клопат і нязгасная трывога сабралі нас тут, у слаўным святым горадзе, на суседскай зямлі. Клопат за нашу сучаснасць і найбольш — за нашу будучыню.

Пад пагрозай вымірання наша культура, наша старажытная мова. Дамагчыся іх аднаўлення старымі бюракратычнымі мерамі, мерамі пастаноў і камісій, — мусіць, марная справа, для таго патрэбны высілкі ўсёй грамады. Але каб намагчыся на тья высілкі, перш трэба ўсвядоміць, што нам пагражае, і хоць як-небудзь арганізавацца. Патомкі нам не даруюць, калі на жыцці нашых пакаленняў перапыніцца гістарычны шлях нацыі і на яе касцях народзіцца бяспмятнае племя манкуртаў. Ужо відаць пэўна, што эканоміка рэспублікі напярэдадні краху, і калі не будуць прыняты радыкальныя меры, у хуткім часе нас чакае галеча, картачная сістэма, усеагульная беднасць, пакутны лёс заняпалай краіны. Дзіўна, што тья, ад каго мы гэтак залежым, зачараваныя магіяй планавання і планавыканання, не хочуць усвядоміць, якая бяда насоўваецца на рэспубліку.

Наш рух не дамагаецца ні багацця, ні ўлады. Але мы не хочам усенароднай галечы і прагнем справядлівасці. Здаецца, што беларускі народ за сваю надта драматычную гісторыю заслужыў лепшай долі, чым тая, якой яго адарыла шматгадовае панаванне бюракратычнай сістэмы. Урэшце толькі сляпы не бачыць, што гэтая сістэма аджыла сваё і не можа даць народу нічога. Цяпер яна занепакоена адным: праблемаю сваёй улады. Як, зрэшты, і заўсёды.

Шматпакутны народ Беларусі не баіцца цяжкасцей, не цураецца працы. Ён толькі хоча, каб гэтая праца не была марнай і ішла на карысць хоць каму-небудзь, калі не яму самому. Нядаўнія дзесяцігоддзі, аднак, засведчылі, што гэта элементарнае спадзяванне — самае праблематычнае. Напружаная праца мільёнаў, шматгадовае абмежаванне імі сваіх элементарных патрэб замест належнага плёну неслі гора ды расчараванні. Варта прыпамятаць, што нам даў Афганістан, Афрыка, Блізкі Усход, Цэнтральная Амерыка. Колькі яны нам каштавалі і чым адплацілі. Усё тое — несумненны вынік непамерных амбіцый, бескантрольнасці ды імперскай прагнасці нядаўняга палітычнага кіраўніцтва дзяржавы. Нацыянальныя і эканамічныя катаклізмы сацыялістычных краін — таксама вынік іхняй нецярпімасці, паліцэйскай па сутнасці знешняй палітыкі. Увесь свет сацыялізму ўстрыжаны крызісам, у які яго ўвялі, і шукае выйсця. Сотні разоў ашуканыя, мы сваё выйсце павінны знайсці самі.

Наш рух за перабудову з'яўляецца нацыянальным па форме і дэмакратычным па зместу. У ім знойдзецца месца ўсім нацыям, з якіх складаецца народ Беларусі. Мы не выдзяляем з яго нашых даўніх братоў па зямлі і лёсу — рускіх людзей, якія даўно і бязвінна пакутуюць разам з намі. Таксама як і трагічную яўрэйскую нацыю, з якой на працягу ўсёй нашай гісторыі мы дзялілі небагатыя набыткі нашай зямлі. Палякі і літоўцы — нашы гістарычныя браты, і мы маем безліч сведчанняў сумеснага, сапраўды братняга існавання — у межах адной экалогіі, адной культуры і нават адной дзяржавы. Калі тое было магчыма на зары нашай гісторыі, дык чаму гэта немагчыма зараз? Народ павінен стварыць дзяржаву на сапраўды дэмакратычных пачатках — рэспубліку для ўсіх, хто ў ёй жыве і паважае яе гісторыю, мову, яе культуру.

У тым мы не адзінокія. У нас ёсць выдатны прыклад нашых братоў — прыбалтыйскіх народаў. У гэты судзьбаносны час яны аказаліся мудрэй і дальнабачней за нас, іх палітычная воля творыць цуд, і мы жадаем ім поспеху. Болей таго — мы ідзём

следам, спадзеючыся на жыватворную сілу іхняга прыкладу, іхнюю дапамогу. Тое, што мы ў гэтым будынку, у святой для нашых народаў Вільні — найлепшы з магчымых доказаў нашай дружбы і еднасці.

Але гэта — толькі пачатак. Поспех усёй нашай справы будзе залежаць ад ступені палітычнай і нацыянальнай свядомасці народа Беларусі. Таму за справу, за працу!

Мы ступілі на цяжкую дарогу дэмакратычнага пераўтварэння жыцця, і на гэтай дарозе нас, мусіць, чакае рознае. Але мы маем упэўненасць: зорка нашага лёсу свеціць нам спераду.

Ззаду галеча, змрок, сталінскі таталітарызм.

Таму з вялікім клопатам і не меншай надзеяй адгорнем новую старонку нашай шматпакутнай гісторыі.

[1989]

[КОЛЛЕКТИВНОЕ ПИСЬМО НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР]

Изучив опубликованные в республиканской печати 18–20 августа проекты законов БССР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Белорусской ССР», «О выборах народных депутатов Белорусской ССР», «О выборах народных депутатов местных Советов народных депутатов Белорусской ССР», мы считаем эти законопроекты не соответствующими духу времени, процессам демократизации в нашей стране.

Основные недостатки указанных законопроектов, на наш взгляд, автоматически перенесены из закона о выборах народных депутатов СССР. И если наличие слабых мест в союзном законе, не имевшем прямых аналогов, вполне объяснимо, то заимствование этих недостатков, подвергшихся поистине сокрушительной критике, вызывает у нас недоумение.

Считаем необходимым обратить внимание на то, что не удовлетворяет нас в вышеперечисленных законопроектах.

Первое. *В Верховном Совете предусматривается прямое представительство общественных организаций.* Считаем это недопустимым, так как депутаты этих организаций избираются не наравне с другими депутатами по избирательным округам, а на съездах, конференциях, пленумах руководящих органов

общественных организаций. Таким образом нарушается основной принцип демократических выборов: один человек — один голос. Члены руководящих органов общественных организаций, кроме одного голоса при выборах народного депутата по месту жительства, будут иметь еще один или даже несколько голосов при выборах депутатов от общественных организаций. Избиратели в этом случае имеют явно неравные права. Кроме того, неравны и депутаты: один подотчетен десяткам тысяч избирателей округа, другой — нескольким сотням избирателей, участников пленума.

Естественно, такие выборы нельзя назвать ни прямыми, ни равными.

Право и долг общественных организаций — выдвижение и агитация за кандидатов. Выбирать же депутатов должны избиратели по месту жительства. И авторитет общественной организации действительно повысится, если ее депутат будет избран в избирательном округе.

Второе. *При выборах народных депутатов от избирательных округов проектами предусматривается проведение окружных предвыборных собраний.*

Здесь опять же несколько сотен участников собрания решают за десятки тысяч избирателей, достоин или нет человек быть кандидатом в народные депутаты. В подобной ситуации возможны грубые ошибки, иногда же такие собрания могут превратиться в сито для отсева неугодных кандидатов.

Основная цель окружных предвыборных собраний — ограничение количества кандидатов. Но, как показала практика, вполне возможно проводить выборы в два тура, когда во второй тур проходят только два кандидата, набравшие большинство голосов. Другой способ ограничить количество кандидатов, при котором тоже соблюдаются все демократические принципы, — регистрация кандидата в народные депутаты только в том случае, если он наберет в округе достаточное количество голосов поддержки, скажем, 5 процентов от количества избирателей (путем сбора подписей или выступлений на собраниях).

Решение о регистрации кандидатов должна принимать не ограниченная группа лиц, участников окружных собраний, а сами избиратели.

Третье. В проекте закона о выборах народных депутатов БССР *предусматривается регистрация любого числа кандидатов. Мы считаем, что необходимо регистрировать не менее двух кандидатов.* В случае же, если один из кандидатов после регистрации снимет свою кандидатуру, оставшийся кандидат,

чтобы быть избранным, должен набрать не 50, а 75 процентов голосов избирателей, то есть, не простое, а квалифицированное большинство. Эти меры помогут уменьшить количество случаев, когда выборы проходят фактически без выбора.

Четвертое. *Выборы Председателя Верховного Совета БССР отнесены к исключительному ведению Верховного Совета БССР. Мы считаем, что и Председателя Верховного Совета БССР, и председателей местных Советов (а также их заместителей) необходимо избирать прямым голосованием всех избирателей.* Такие выборы станут торжеством полного народовластия. Получая мандат доверия от всех избирателей, председатель Совета будет ощущать большую ответственность, но одновременно и большую поддержку народа.

Пятое. В ст. III проекта закона «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Белорусской ССР» указывается, что «народные депутаты Белорусской ССР могут освобождаться от выполнения служебных обязанностей на весь период своих полномочий в Верховном Совете БССР». Нам представляется, что *народные депутаты БССР, как депутаты постоянно действующего Верховного Совета БССР, не только могут, но и должны освобождаться от выполнения производственных или служебных обязанностей.* Опыт Верховного Совета СССР свидетельствует о том, что *депутаты должны работать не «как правило», а постоянно.*

В указанных законопроектах есть и другие недостатки. Надеемся, после народного обсуждения они будут устранены.

Мы обращаемся к гражданам БССР:

— Дорогие товарищи! Сегодня мы все смогли убедиться, что от выборов зависит наша судьба. То, какими будут вновь избранные Верховный Совет БССР и местные Советы, определит нашу с вами дальнейшую жизнь. Поэтому мы призываем каждого из вас принять участие в обсуждении проектов Законов. Посылайте свои предложения в газеты, на радио, телевидение, в органы Советской власти. Неправда, что от этого ничего не изменится. От этого изменимся в первую очередь мы сами, мы ощутим свою гражданскую гордость. С этим нельзя будет не считаться. Верный способ сделать хуже — сидеть сложа руки.

Мы обращаемся к депутатам Верховного Совета БССР:

От того, насколько демократичны будут принятые вами законы о выборах и Основной Закон БССР, будет зависеть судьба перестройки в республике. На вас ложится огромная ответственность.

Призываем вас проголосовать за демократию!

Мы обращаемся к членам Комиссии законодательных предположений Верховного Совета БССР с просьбой внимательно рассмотреть все замечания по указанным законопроектам, в том числе и наши, и учесть их при выработке окончательных вариантов законопроектов.

Мы обращаемся к группе обобщения материалов народного обсуждения, поступающих в Президиум Верховного Совета БССР, с требованием опубликовать не позднее чем за три дня до принятия законопроектов результаты их обсуждения, указав при этом, какие предложения поступали от избирателей чаще всего.

*И. Абламейко, В. Быков, А. Добровольский,
Д. Лескин, В. Стельмашонок, А. Степаненко, И. Туболец,
С. Шушкевич, народные депутаты СССР.
[1989]*

СИНДРОМ НЕПРИЯТИЯ

Эстония, как и вся Прибалтика, переживает трудное время, и ее трудности, на мой взгляд, в значительной степени берут свое начало в нашем не столь отдаленном прошлом, продолжающем существовать и в перестроечное время. Это лишь кажется так, что болезненные национальные проблемы выплеснулись с известными актами о языке — язык здесь только повод, предлог, но далеко не причина. Тем более не самая главная из причин.

Причина, как мне видится, заключена в несколько иной, не менее, а может, и более важной проблеме.

Казалось бы, что предосудительного можно увидеть в том, что озабоченные угрозой размывания национальной культуры, процессом сужения сферы употребления национального языка законодательные органы республики предприняли определенные меры, отвечающие интересам большинства? Как к этому должны отнестись проживающие в республике национальные меньшинства? Нетрудно было бы предугадать развитие сходной ситуации в любом из демократических государств, где давно и без сколько-нибудь заметных конфликтов сосуществуют разнообразное меньшинство и коренное население. У нас же происходит нечто неслыханное: национальные меньшинства в республиках, проявляя известную индифферентность к основ-

ной национальной культуре, в определенные моменты делают довольно ощутимые попытки деструктивным образом влиять на ее состояние. И если их позиция, касающаяся собственного языка и культуры, в общем понятна и правомерна, то мотивы их нетерпимости по отношению к коренной культуре республики труднодостижимы. Становится совершенно непонятным их неприятие малейшей попытки коренной национальности укрепить свое языковое состояние доступными средствами и тем оберечь целостность национальной культуры. Чем же вызвано такое неприятие хотя и чуждых, но столь элементарных и естественных национальных мер и мероприятий?

Разве тем, что эти вполне законные меры основной нации задевают интересы и амбиции меньшинства? Покушаются на его многолетнее существование в хотя и не враждебной, но, по-видимому, так и не ставшей близкой этнической среде? Порождают дополнительные заботы в виде потребности изучения незнакомого языка? Нарушают привычную за десятилетия такую благодатную языковую инертность? Если так, то как же тогда можно назвать все это на общедоступном, лишенном хитроумного философствования языке?

В конце концов можно ведь и не изучать, жить как живет-ся, не замечая и не слыша людей, с землей которых связаны собственная судьба, будущее детей. Кажется, последние законодательные акты в той же Эстонии вполне допускают такую возможность. Но в таком случае не будет ли безнравственной претензия на право управлять этими людьми, руководить их производственной деятельностью, навязывать им собственные вкусы и верования? Не разумнее ли постараться если не принять, то хотя бы понять их национальные заботы, вытекающие из их национальных особенностей? Даже колонизаторы прошлого (из тех, что поумнее) для успешного управления подданными изучали их язык, основы их национальной культуры. Но ведь с тех пор многое изменилось, и времена имперской идеологии меняются на всей земле. Другие настают времена! Законы народовластия учреждаются на всех континентах, во всех демократических, суверенных государствах, какими номинально являются и наши прибалтийские республики.

Но все дело в том — являются ли? Могут ли их законодательные органы полноправно реализовать политическую волю тех, кого они представляют?

Установление ценза оседлости своей пугающей новизной, похоже, шокировало многих. Стоит, однако, поразмыслить, настолько ли этот ценз неприемлем, как может показаться

тем, кто, участь демократии, еще находится в ее подготовительном классе. Ведь на более низком, так сказать, элементарном уровне это «парадоксальное» требование таковым совсем не является. Мы же не удивляемся, когда, скажем, для выборов колхозного председателя непременно условием признаем факт его проживания на территории данного колхоза. И считаем правильным участие в выборах его лишь членов колхоза, а вовсе не жителей всех окрестных хозяйств. Одно из самых порочных порождений административно-приказной системы — чудовищная, нигде в мире, как у нас, так не распространенная легкость, с которой перемещаются различные группы населения, систематическая передвижка руководящих кадров. В биографии любого сколько-нибудь «поручившего» партийного или советского работника — десятки должностей, мест работы, часто ничего общего не имеющих с предыдущими. Разумеется, все это не лучшим образом сказывается на деле, которое он с такой же легкостью оставляет, как и приступает к новому. То же можно сказать и о рядовых работниках, чьи трудовые книжки пестрят десятками записей, как и паспорта — штампами прописок-выписок. Стоит лишь бегло ознакомиться с нынешним составом Верховного Совета любой из республик, чтобы убедиться, сколько в нем представителей верхов, центральных ведомств, московского генералитета, по обыкновению являющихся в республику два раза в год, чтобы отметить, проголосовать за заранее подготовленные решения и уехать. Это депутатство им полагается по их номенклатурной должности, и за свою руководящую жизнь они успевают сменить десятки краев и областей, не имея ни желания, ни возможности вникнуть, вжиться в их истинные заботы. Да и зачем вживаться, когда на следующий срок они будут заседать уже за тысячи километров отсюда. Но ведь чтобы по-настоящему болеть за дело, надо его знать, надо в нем вариться. «Надо жить оседло», — мудро и точно заметил как-то истинный русский интеллигент академик Д. С. Лихачев.

Вот почему ценз оседлости при всей его кажущейся необычности, безусловно, служит интересам народа, является важным средством осуществления народовластия, демократизации общественной жизни. И принятие его — несомненно, разумное демократическое установление, достойное распространения в избирательной системе страны. Наверное, это особенно касается выборов в местные органы власти. Так почему же этот ценз вызывает неприятие известной части граждан республи-

ки, которые видят в нем дискриминацию собственных прав и возможностей?

А может, дело здесь вовсе не в тех воображаемых правах, которых они лишаются, а скорее в тех, которые приобретают другие? Недаром же говорит пословица, что не тогда мужик радуется, когда покупает лошадь, — больше радуется, когда лошадь у соседа сдохнет.

Может так стать, что в этом все дело.

Сталинско-брежневское прошлое выработало в нас устойчивый синдром неприятия всего не только и не столько действительно вздорного и враждебного, но также и основанного на здравом смысле, непривычного и нового. Мы боимся, как бы людей с этим новым и необычным не постигла удача, давно не постигавшая нас, чтобы они не зажили лучше нашего. Особенно если эти люди не совсем такие, как мы, хоть чем-то отличаются от нас — языком, бытом или укладом. Или даже более совершенным и демократическим законом о выборах.

[1989]

НАЗАД ЦІ НАПЕРАД?

Цяжкая, пакутная справа — наша рэвалюцыйная перабудова. З пэўнаю верагоднасцю можна сказаць, што нават яе ініцыятары наўрад ці прадбачылі ўсе шматлікія цяжкасці на яе цяжкім шляху. Небывалыя ўскладненні ў эканоміцы, фінансах, грамадскіх адносінах, правапарадку. З пагрозлівай катэгарычнасцю заявіў пра сябе нацыянальны фактар, што несумненна з'явілася вынікам яго шматгадовага непрызнання і занябанасці. Але, можа, самыя цяжкія, ключавыя праблемы ўсё ж знаходзяцца ў стэрэатыпах нашай псіхалогіі, сфарміраванай ва ўдушлівай атмасферы падаўлення, бяздумнага лакейскага падпарадкавання. Сапраўды, зладзіць з гэтымі складанасцямі куды як не проста, можа, для таго спатрэбіцца гады і дзесяцігоддзі. Часам выказваюцца меркаванні, што нейкі зрух пачнецца хіба пасля змены некалькіх пакаленняў, калі цалкам адыдуць з жыцця цяперашнія носбіты коснасці і кансерватызму і прыйдуць новыя людзі з інакшым мысленнем, іншымі ўстаноўкамі на маральныя каштоўнасці. Ну але што ж тады тыя, што жывуць зараз? Няўжо дадзены ім шанс акажацца дарэчным, не рэалізаваным імі, беззваротна ўпушчаным на

загадкавых шляхах гісторыі? Магчыма, і з гэтым можна было б прымірыцца, калі б перабудова нагадвала арбу, якую можна спыніць ля прыдарожнай чынары, адпачыць, падмацаваць сілы і пачаць усё спачатку. На жаль ці на шчасце, перабудовачны працэс болей падобны на перакочванне цяжкага каменя. З неверагодным напружаннем чалавек коціць яго на гару і не можа спыніцца, бо камень зараз жа абрынецца ўніз разам з тым, хто яго коціць, каб абодвум знікнуць у імглістым сутонні гісторыі.

Вядомы заклік перабудовы, які быў асабліва папулярны на яе пачатку і заклікаў пачынаць перабудову з сябе, спярша наводзіў на некаторыя сумненні. Чаму з сябе? Хіба няма спраў болей важных? Хіба дзяржава не знаходзіцца ў стане крызісу? Якое значэнне ў такіх умовах мае асобны чалавек, калі ён нават з'яўляецца кіраўніком пэўнага маштабу. Гісторыю робяць масы! Але чым болей мы ўгражаем у нашых непрадбачаных складанасцях, тым больш відавочнай робіцца бяспрэчнасць гэтага закліку. Мабыць, усё ў свеце ўзнікае з малога і развіваецца ў напрамку да большага — ісціна, добра вядомая ў старажытнасці і, здаецца, трохі падзабытая намі. У дадзеным жа выпадку гутарка ідзе аб унутранай, асабістай гатоўнасці да радыкальных змен у жыцці, якаснага пераўтварэння грамадства. У доўгім шэрагу перабудовачных прыярытэтаў, можа быць, самае галоўнае — усведамленне неабходнасці перабудовы. Быццам элементарнае патрабаванне, але і не самае лёгкае. На ўзроўні масавай свядомасці шмат хто пагаджаецца з тым, што трэба нешта мяняць, але — нешта, кагосьці, ды не самога сябе. А калі і сябе, дык часткова, далёка не ў галоўным і, вядома ж, не ахвяруючы прынцыпамі. Але ўжо наш першы, немалым коштам набыты вопыт перабудовы паказвае, што без ахвяравання некаторымі прынцыпамі, рашучай адмовы ад сумніцельных каштоўнасцей і набыцця каштоўнасцей ісцінных мы не шмат чаго дасягнем. Вядома, у жыцці заўжды важнае значэнне мае вернасць абранай мэце, але, як гэта нярэдка здаралася ў гісторыі, ісціннай мэты можна і не дасягнуць нават пры жыцці некалькіх пакаленняў, хада гісторыі зусім не адэкватна меры чалавечага жыцця. Можна нічога не дасягнуць, але напэўна варта ад чагосьці адмовіцца. Наша мінулае пры ўсёй яго выразнай негатыўнасці, безумоўна, можа саслужыць службу своеасаблівага арыенціра, які настойліва паказвае, як не трэба, чаго трэба асцерагацца. І ўжо напэўна і перш за ўсё — дыктатуры «сильной личности», «твердой руки», супраць якіх, як бы ні складваліся нашыя адносіны з нясталай, толькі што народжанай дэмакратыяй, пратэстуе ўвесь шматпакутны гістарычны вопыт.

Мы шмат і справядліва гаворым аб заганнасці нашай бюракратыі — віноўніцы шмат якіх з нашых бед. Шмат якіх, але далёка не ўсіх. У шматлікіх бедах вінавата неадэкватная часу, састарэлая ідэалогія, адміністрацыйна-загадны стыль кіраўніцтва, наша далёкая ад дасканаласці заканадаўчая сістэма, несумненнай заложніцай якой апынулася і наша кіраўнічая бюракратыя. Цяпер у няўстойлівым, перабудовачным соцыуме гэта апошняя шукае гарантый адноснай пэўнасці і перш за ўсё — уласнай сацыяльнай ахаванасці. У нас разгарнулася ліхаманкавая заканатворчасць, у якой заўважаецца ўзаемны недавер заканадаўцаў і выканаўцаў, яўная тэндэнцыя апошніх перастрахаваць на ўсе выпадкі жыцця ўласную выканаўчую дзейнасць. І ў такіх умовах маральная абгрунтаванасць закона, яго сацыяльны эфект страчвае першаснае значэнне — быў бы закон з яго адназначнай пэўнасцю. Заканатворцы імкнуцца рэгламентаваць як мага болей, калі не ўсе моманты прававых, вытворчых і іншых адносін. Але па меры гэтага імкнення высвятляецца, што чым болей рэгламентуецца, тым больш застаецца нерэгламентаванага. У выніку, як гэта павялося не першы год, ні адзін закон не выконваецца з моманту надання яму правадзейнай сілы, — выканаўцы чакаюць падзаконных актаў і тлумачэнняў. А далей ідзе выкананне гэтых актаў і шматлікіх інструкцый да іх і да закону, якія ўрэшце і непазбежна падмяняюць закон, нярэдка зводзячы ягоны сэнс да супрацьлеглага.

Адно з самых недаравальных злачынстваў сталіншчыны — ліквідацыя традыцыйнай хрысціянскай маралі, спрадвечнай сістэмы элементарных жыццёвых правілаў, звычайна не надта паважанага, але незаменнага ў жыцці здоровага сэнсу. Некалі імі ў поўным аб'ёме валодаў народ, цяпер жа не валодае ніхто. Страціўшы духоўную аснову, грамадства згубіла і нармальны здаровы сэнс, нічога не набыўшы замест: марксізм аказаўся няздольным запоўніць глыбокі духоўны вакуум, які ўтварыўся ў грамадстве. Грамадства ж без маралі наўрад ці здольна дасягнуць шмат у галіне дэмакратычнага права, стварыць дасканалое заканадаўства. Законы, у сваю чаргу заснаваныя на часовай, рэлятывісцкай мэтазгоднасці, з моманту іх прыняцця непазбежна ўступаюць у супярэчнасць са здаровым сэнсам, а нярэдка і з элементарнай логікай. Гэта — мёртванароджаныя законы, у нас іх было нямала ў мінулым і прыбавілася за апошні час. Але мёртванароджаныя законы пазбаўлены карысці ў дэмакратычным грамадстве, — у таталітарным жа яны непазбежна робяцца падставай для дэспатыі і беззаконня.

Напэўна, нельга прызнаць законным закон, які на самым пачатку задуманы для карысці ўлады, скіраваны супраць ін-

тарэсаў народа. У нас далёкая ад дасканаласці Канстытуцыя, няма закону аб рэфэрэндумах, на працягу некалькіх год ніяк не можа нарадзіцца надта неабходны закон аб друку. Міліцыя і праваахоўныя органы не перастаюць скардзіцца на прававое бясцілле ў барацьбе з апантанай злачыннасцю. І ў той жа час у крымінальны кодэкс рэспублікі ў якасці тэрміновай меры ўводзяцца артыкулы аб забароне гістарычнай нацыянальнай сімволікі, распаўсюджанні ксеракапіраванай, друкаванай прадукцыі і шмат што іншае. Становіцца адразу зразумелым, чые інтарэсы абараняюць падобныя законы. Мы выкараняем сталінізм, а праваахоўныя органы працягваюць старанна выконваць яго «законы» 1932–1935 гадоў, не прызнаючы статус антысталінскіх таварыстваў — усесаюзнага «Меморіала», рэспубліканскага «Мартыралога Беларусі». У мерах па рэабілітацыі нацыянальнай мовы Беларусі знайшоў сваё адлюстраванне ўраўніцельны падыход як да беларускай, так і да рускай моваў. Само сабой зразумела, ва ўсе часы для нас быў важны стан рускай мовы ў рэспубліцы. Але ўсе цяперашнія цяжкасці з ёй не параўнальны з рэальнай пагрозай, перад якой апынулася беларуская мова, што і выклікала абгрунтаваную трывогу грамадскасці. Цяпер выпрацоўваюцца пэўныя доўгатэрміновыя праграмы, адчыняюцца беларускамоўныя класы ў школах, ствараюцца фармальныя і нефармальныя таварыствы па мове. Але ўсё гэта — не больш чым руцінны, па сутнасці, бюракратычны падыход да важнейшай праблемы, звычайныя элементы чарговай «доўгатэрміновай» праграмы, якая, толькі пачаўшыся, выцяняецца наступнай, яшчэ болей «доўгатэрміновай» кампаніяй. Кампартыю ж рэспублікі і яе кіраўнічыя органы моўная праблема пакуль асабліва не кранае, яе адказныя кіраўнікі па-ранейшаму не валодаюць і не карыстаюцца нацыянальнай мовай, звыкла абыходзячыся без яе. Мабыць, уся бяда ў тым, што на цяперашнім этапе беларуская мова апынулася малапатрэбнай у грамадскім і вытворчым жыцці, якое спрэс ажыццяўляецца на іншай — рускай мове. З жалем і засмучэннем трэба прызнаць, што грамадства, занятае стварэннем матэрыяльнай базы сацыялізму, з нейкага часу перастала дбаць аб культуры і за семдзсят гадоў народнай улады не стварыла ўмоў для патрэбнасці ў нацыянальнай мове, без чаго ўсе меры па яе рэанімацыі надта сумніцельныя. Гібельнае становішча з мовай можна ўратаваць хіба прыняццем комплексу тэрміновых, «аварыйных» мер, і адной з галоўных павінен стаць пераход на яе ўжытак партыйных і савецкіх органаў, Вярхоўнага Савета БССР. Інакш ніякая агітацыя за яе не пераканае беларуса (не

кажучы ўжо аб прадстаўніках іншых нацыянальнасцей) валодаць беларускай мовай, ад якой ён толькі ўчора адвык, калі ёю не хоча валодаць начальства, кіраўнічы авангард рэспублікі. А што гэта так, не трэба нікому тлумачыць: людзі глядзяць тэлевізар і чуюць, як на пытанне па-беларуску кіраўнікі ўсіх рангаў адказваюць на рускай мове. (Выключэннем хіба што быў міністр фінансаў БССР Б. І. Шаціла.) Дык чаго тады варты ўсе гучныя словы, шумныя і пампезныя гульні ў камісіі і таварыствы, што выпрацоўваюць (доўга і грунтоўна выпрацоўваюць), вядома ж, «доўгатэрміновыя» праграмы, якія не маюць шанцу на выкананне.

І тут не можа не ўзнікнуць спрадвечная праблема правоў, якімі валодае ўлада і валодае народ. Няцяжка заўважыць пэўныя разыходжанні, калі вельмі складаная механіка ажыццяўлення ўлады дзяржаўным апаратам сістэматычна і няспынна ўдасканальваецца, а права народа ў лепшым выпадку галаслоўна дэкларуецца, застаючыся нерэалізаваным.

Са сталінскіх часоў у нас узнікла і ўчэпіста замацавалася практыка адноснасці самога паняцця *народ*. Калі рэдакцыя цэнтральнай газеты, дзяржустава або орган улады атрымліваюць пэўную колькасць пісьмаў у падтрымку чарговай пастановы, дык гэта кваліфікуецца як несумненны выразнік волі народа і публікуецца ў друку. Калі ж на гарадской плошчы збіраецца 10–20–50 тысяч на не санкцыянаваны ўладамі мітынг, дык гэта ўсяго толькі «натоўп» і ўсе яго заклікі — не больш чым «патрабаванні экстрэмістаў». Літоўцы збіраюць больш трох мільёнаў подпісаў пад дакументам, які спецыяльнай місіяй адпраўляюць у Маскву, дзе той не знаходзіць ні разумення, ні падтрымкі. Вядомая Балтыйская акцыя трох народаў, у якой прынялі ўдзел некалькі мільёнаў людзей, таксама — «прошукі антысацыялістычных элементаў»? Пры апытанні грамадскай думкі ў Беларусі 99 працэнтаў з 66 тысяч апытаных выказаліся за правядзенне альтэрнатыўных выбараў, што, аднак, не перашкодзіла Вярхоўнаму Савету рэспублікі прыняць артыкул, які дапускае і безальтэрнатыўнае галасаванне. Дык што ж тады голас народа і як яго ўчуць? А галоўнае — як трэба на яго рэагаваць?

У той час, як пад уздзеяннем бурных перабудовачных працэсаў у краіне масавая свядомасць народа значна змянілася, палітычная свядомасць наменклатуры, здаецца, у многіх адносінах застаецца ранейшай — інертнай і кансерватыўнай. Адсюль — непрыняцце ёю палітычнай самадзейнасці шырокіх народных мас, упартае ідэалагічнае і адміністрацыйнае

супрацьдзеянне яе імкненням. Нядаўна арганізаваныя народныя франты амаль усюды (апроч хіба Прыбалтыкі) былі ўспрыняты як незаконныя, антысацыялістычныя ўтварэнні і яшчэ да абнародавання іхніх праграм былі расцэнены як крамольныя і падвергнуты пераследаванням. Шмат што несумненна дадатнае і, галоўнае, альтэрнатыўнае, народжанае знізу, што неслі іхнія праграмныя палажэнні, засталася за рамкамі працэсаў перабудовы і не садзейнічала яе актывізацыі. Далёкая ад якой-небудзь карэктнасці барацьба супраць арганізатараў і кіраўніцтва франтоў выклікала залішняю нервознасць, нічым не апраўданую канфрантацыю ўлад супраць значнай і самай актыўнай часткі грамадства. Грэбуючы сапраўднымі мэтамі перабудовы, бакі распачалі зацяжную палеміку, якая, аднак, не здолела нават праясніць іхнія пазіцыі. У некаторых рэспубліках (напрыклад, на Украіне) бесперспектыўнасць падобнай сітуацыі была зразумета своечасова і зроблены першыя крокі да ўзаемаразумення і супрацоўніцтва. У іншых жа (напрыклад, у Беларусі) улады прадаўжаюць упарціцца ў сваім непрыняцці дэмакратычнага права грамадства на альтэрнатыўнасць праектаў прававых і дзяржаўных актаў, чым ствараецца пэўная напружанасць, якая несумненна тармозіць усе перабудовачныя працэсы. Як ні дзіўна, галоўная стаўка ўлад у гэтай справе робіцца не на палітычную работу ў масах, а на адміністратыўную ўсёдазволенасць і міліцэйскую сілу. Мінулая сесія Вярхоўнага Савета рэспублікі, якая прымала закон аб выбарах, выклікала дзіўную ўстрыжанасць апарату, калі будынак Дома ўрада быў ачэплены ўзмоцненымі нарадамі міліцыі і войск спецпрызначэння, ствараючы тым самым уражанне крайняй напружанасці палітычнай абстаноўкі ў горадзе. Наўрад ці, аднак, гэтая панічная занепакоенасць была чымсьці апраўдана: тыя некалькі сотняў мінчан, што сабраліся перад Домам урада, зусім не збіраліся кідацца на народных абраннікаў — яны чакалі магчымасці сустрэцца і пагутарыць з імі. Аднак замест дэпутатаў ім наканавана было сустрэцца з маўклівымі хлопцамі ў форме.

Нядаўна яшчэ за народамі замацоўваўся элементарны абавязак — выконваць гістарычныя планы партыі як свайго кіруючага авангарда. Пабудаваная на вядомых прынцыпах дэмакратычнага цэнтралізму, КПСС, на справе сама знаходзячыся ў падпарадкаванні свайго ядра — ЦК і Палітбюро (хоць бы і праз з'езды і пленумы), у масе сваёй таксама з'яўлялася выканаўчым інструментам. Выстройвалася даволі выразная структурная мадэль, зручная для кіравання зверху, але пазбаўленая неабходнай для кожнай дасканалай мадэлі магчымасці зварот-

най сувязі. Калі б усё гэта складвалася інакш, цяпер, мабыць, не давялося б столькі ламаць і перарабляць, амаль усляпую, без навукі і практычнага вопыту прабіваючыся да пачатку дэмакратыі. Цяпер часы ў многім змяніліся, але галоўная мадэль улады застаецца ранейшай. Нават перадаўшы ўладу Саветам, партыя не страчвае магчымасці кіраваць імі праз сваіх членаў, а галоўнае — праз шматвопытны ўласны апарат, які, як гэта вядома з гісторыі, у кожным супрацьстаянні заўжды здабываў перамогу. Здаецца, сапраўды няма ў свеце сілы, якая б магла перамагчы апарат. Мяняюцца часы, прыходзяць новыя пакаленні, масамі авалодваюць новыя ідэі. Але па сутнасці сваёй апарат не змяняецца — ён служыць рэальнай уладзе.

Даўнішні шматгадовы партыйны вопыт выпрацоўваў вельмі зручную практыку, калі кожная, самая бяскрыўдная крытыка партыйных парадкаў расцэнывалася апаратам як замах на аўтарытэт партыі ў цэлым і крымінальна пераследавалася. Усумніцца ў яе палітыцы не дазвалялася нікому — ні яе члену, ні тым больш беспартыйнаму. Член партыі, вядома, быў звязаны партыйнай дысцыплінай, беспартыйнага ж білі «па руках», каб не лез у «чужы агарод». Але ці такім ужо чужым быў той агарод для вялікай большасці насельніцтва краіны, якое, не будучы ў партыі фармальна, тым не менш мусіла існаваць паводле яе законаў, ва ўсім падпарадкоўваючыся яе палітыцы. У аднапартыйнай дзяржаве лёс і тых і другіх ва ўсім залежаў ад партыі — пры адносным удзеле ў ёй яе членаў і абсалютным «партыйным бяспраўі» мільёнаў беспартыйных. Практыка мінулых гадоў аказалася вельмі зручнай формай барацьбы і ў перыяд перабудовы: апарат і наменклатура кожную канкрэтную крытыку ў свой адрас тлумачаць пашырана і зараз жа прымаюць баявую позу абаронцаў — не сябе, партыі. Ці трэба казаць, наколькі гэта ўскладняе дыялог, пазбаўляючы яго і мэты і сэнсу.

Падобным прыёмам для ўласнай абароны карыстаецца і ведамасная бюракратыя, чые карпаратыўныя інтарэсы непрыкметна для грамадства сталі набываць перавагу над дзяржаўнымі і таксама даволі паспяхова былі выведзены з зоны грамадскай крытыкі. І хоць ведамствы — не партыя, але і для іх стала ўласцівым выкарыстоўваць яе аўтарытэт у якасці бранявога шчыта. І на самай справе, ці мог паявіцца ў краіне праект або маглі адбыцца мерапрыемствы, у распрацоўцы і зацвярджэнні якіх не прыняў бы ўдзел той або іншы партыйны орган? Значыцца, само сабой адпала пытанне аб віноўніку ў выпадку няўдачы — вінаваты толькі падазраваўся, застаючыся без

пакарання. У выпадку ж поспеху ўсё было зразумела, і ніхто ні ў чым не сумняваўся — асабліва ў аўтарстве гэтага поспеху.

Нават у самыя змрочныя часы нашай гісторыі, у атмасферы ідэйна-маральнага ўдушэння ўсялякага іншадумства лепшыя прадстаўнікі нашай літаратуры і мастацтва ўсё ж рабілі пэўныя спробы сказаць праўду, выявіць прыкметы крызісу, які ў рэшце рэшт ахапіў грамадства. Чаго гэта ім каштавала, цяпер добра вядома. «Служыцелі уз» пільна сачылі за адступленнямі ад канонаў «служыцеляў муз» і бязлітасна распраўляліся з адступнікамі. Цяпер мы скардзімся: мінула чатыры гады перабудовы, а кіно, літаратура, тэатр так і не далі нічога значнага ва ўмовах амаль поўнай свабоды творчасці. Я думаю, з тым трэба і яшчэ пачакаць — мастацтва і літаратура таксама перабудоўваюцца. Можа, не столькі ў адносінах арганізацыйных структур і формаў, колькі ўнутрана, псіхалагічна. Мабыць, і тут патрэбна змена пакаленняў, каб пазбавіцца ад спрадвечнага заняволення, авалодаць неабходнаю доляй таго капіталу духоўнасці, які апладняў мастацкую класіку і ад якога мы семдзесят год былі адчужаны.

У жыцці кожнага развітага грамадства, побач з духоўнай культурай, бясконца важны таксама практычны, чыста жыццёвы вопыт, які спакваля накопліваецца ў часе. Спрадвечным ягоным накапіцелем у нас было сялянства, наша аграмадная сялянская Атлантыда (па вызначэнню Адамовіча), якая на працягу кароткага часу была спушчана пад ваду з усёй яе спрадвечнай мудрасцю. Літаратуры і мастацтву што-нішто з затопленага ўсё ж удалося ўратаваць, але колькі страчана беззваротна! Гаспадарчы ўклад, земляробчая навука, нормы маралі. Колькі пайшло ў нябыт, пралілося са слязьмі і крывёю! З пачатку перабудовы, дзякуючы самаадданым намаганням сродкаў масавай інфармацыі, мы шмат чаго даведаліся аб нашым нядаўнім мінулым, але ці даведаліся пра ўсё? Далёка па свеце разышлася сумная слава нашых Курапат, але хіба Курапаты ў нас адны? Толькі пасля першых публікацый аб раскопках у гэтым ляску пад Мінскам паявіліся дзясяткі паведамленняў аб падобных магілах амаль з усіх абласных цэнтраў рэспублікі, шмат з якіх раёнаў і гарадоў. Хто там ляжыць, каго расстрэльвалі на працягу шмат гадоў, а галоўнае — хто каты? Адказу на гэтыя пытанні дагэтуль няма. Кажуць, не захаваліся архівы, а тыя, што захаваліся, закрыты на вечны замок. Але вось Д. Юрасаў нядаўна паведаміў у друку, што ўжо ў 1987 годзе знішчаны архіў Вярхоўнага суда СССР, усе яго сумныя і крывавыя справы. Навошта гэта? Ствараецца ўражанне, што недзе

ёсць сілы, якія зусім не зацікаўлены ў раскрыцці даўніх сакрэтаў. Ці можна прызнаць таксама, што літаратура і мастацтва ў пэўнай меры выпрацавалі ў грамадстве арганічную патрэбу ў праўдзе, якой бы непрыгляднай тая ні была. Яшчэ не загаіліся крывавыя раны мінулага, а ўжо чуваць настойлівыя галасы: хопіць, надакучыла! Даволі аплёўваць гісторыю! Некаторыя вельмі напалохаліся самі і хочуць гэтак жа напалохаць іншых. Раздаецца лямант у газетах і часопісах: усё прапала, яўрэйская змова, нашэсце масонаў і кааператараў, радыкалы рвуцца да ўлады! Ратуйце сацыялізм, марксізм і заадно нас, харошых! Як ратаваць? Можа, спосабам устанаўлення надзвычайнага становішча з усімі яго шырокімі вынікамі? Але перш варта было б успомніць што-нішто з гісторыі, у якой надзвычайныя меры нярэдка рабіліся жорнамі, што выдатна малолі не толькі тых, для каго прызначаліся, але і сваіх стваральнікаў. Мабыць, такая ўжо ўласцівасць гэтых крывавых жорнаў. Самы навейшы вопыт палітычнага жыцця Арменіі, Грузіі, Малдавіі сведчыць менавіта аб тым. Сіла супраць народа, у тым ліку і самая «законная», «канстытуцыйная», звязаная з ёю насілле — справа дужа рызыкавая для абодвух бакоў, якія плацяць за яе аднолькава незалежна ад таго, чыя перамога. Адно, бывае, плацяць крывёю, другія — кар’ерай. Такія законы дэмакратыі, нават самай недасканалай і хілай.

На працягу стагоддзяў народы клапатліва гадуюць магутны молах улады, які нярэдка ператвараецца ў монстра, што зжырае іх і самога сябе. Але на тое ён і монстр, каб зноў узрадзіцца на крыві мільёнаў у сваім ранейшым абліччы, распаўсюджваючы вакол смярдзючае пачуццё страху. Страх нядаўна яшчэ зверху данізу пранізваў наша грамадства. Будучы самым разнастайным па сваёй прыродзе, ён, хоць і ў аслабленым стане, дагэтуль жыве ў пачуццях значнае часткі грамадства. У якасці ахоўнага для сябе сродку бюракратыя выпрацавала мноства жыццёвых і прафесійных хітрасцей, галоўнай з якіх несумненна з’яўляецца амаль інстынктыўнае імкненне да перастрахоўкі, ухіленне ў сваёй дзейнасці ўсякай рызыкі. Шматгадовы гаротны вопыт адбіў ахвоту да ініцыятывы, прымусіў да ўсеагульнай уніфікацыі палітычных, гаспадарчых і іншых поглядаў. Але хіба можна ажыццявіць грандыёзныя планы перабудовы на аснове коснасці і аднастайнасці? Палітычная і гаспадарчая ініцыятыва прыбалтыйскіх рэспублік — рэдкі прыклад пераадолення звыклага страху, рашучы прарыў у нязведаную сферу рызыкі, без якой цяпер, здаецца, наогул няма выйсця. Але, мабыць, іншага шляху з мінулага ў будучыню нам не дадзена, і мы таксама

рана ці позна рушым следам за прыбалтамі. Як гэта бывае, тут жа забыўшыся, чаго ім каштавала іх рызыквая ініцыятыва.

У тым, што цяпер адбываецца ў краіне, вялізная, калі не сказаць рашаючая, роля належыць інтэлігенцыі. Усім добра вядома гістарычная роля рускай інтэлігенцыі ў сацыяльным прагрэсе і сацыялістычнай рэвалюцыі, зараз яе значэнне ў тым не зменшылася. Не дзіва таму, што інтэлігенцыя ў цэнтры і ў рэспубліках стала той грамадскай сілай, якую з лютасцю атакавалі антыперабудовачныя сілы, як звычайна, нацкоўваючы на яе рабочы клас. Да гонару рабочага класа Беларусі трэба зазначыць, што з гэтага, раней даволі эфектыўнага прыёму мала што атрымалася: рабочы клас ужо займеў уласны розум і навучыўся кіравацца не толькі класавым, але і чалавечым пачуццём. Але што ж інтэлігенцыя? Нясмелыя адзіночныя пратэсты ў маладзёжных газетах, на тэлебачанні, часам бурныя выступленні на сходах і прыняцце рэзалюцый, якія далей сейфу не ішлі. А так паглыбленне ў свае прафесійныя інтарэсы, апатыя і ўвогуле ад палітычных рухаў у рэспубліцы. Сапраўды, як гаварыў Ніл Гілевіч, па тэрытарыяльных і нацыянальна-тэрытарыяльных акругах Беларусі ў народныя дэпутаты СССР не абраны ні адзін пісьменнік, ніводны мастак ці артыст. Несправядлівасць гэтага факта ўражвае, але і наводзіць на развагі: чаму так атрымалася? Ці не таму, што некаторыя творчыя саюзы рэспублікі апынуліся на мяжы страты даверу? За доўгія часы сталінскага тэрору, у застойны брэжнеўскі час шмат хто з іх членаў дэвальваваўся як сацыяльная асоба, усе свае здольнасці скіроўваючы на сацыяльны канфармізм, прыслужніцтва перад уладай. Мабыць, выбаршчыкі мелі падставы ўсумніцца ў палітычнай дзеяздольнасці не толькі некаторых нацыянальных майстроў, але і цэлых саюзаў. На самай справе, чаго цяпер варта творчы саюз, які даўно страціў здольнасць адстойваць уласныя, так сказаць, карпаратыўныя інтарэсы, абьяквы да свавольства начальства ў адносінах да яго членаў, мясцовых уотэргейтаў і вобыскаў ва ўласным Доме літаратара. Адпаведныя і адносіны да яго і ўлады. Дык ці варта здзіўляцца, што замест імянітых кіраўнікоў такіх саюзаў выбаршчыкі аддалі перавагу безыменным «тэхнарам», якія, можа, і не маюць асаблівых вартасцей, але і не дэманструюць палітычнае віхляне паміж разлікам і ісцінай.

Прыклад заўжды важны ў вялікім і малым, прыклад — гэта канцэнтраваная частка вопыту. Нават калі гэты вопыт і з адмоўным вынікам. Вельмі шкада, што ў наш час амаль на нішто зведзены старадаўні звычай зважаць на прыклад,

пазіцыю народных аўтарытэтаў, думкі патрыярхаў сумлення, якія значылі калісьці не менш (калі не больш), чым высокія афіцыйныя аўтарытэты. Ерэтычныя пропаведзі Льва Талстога былі калісьці важней за артадаксальныя прамовы старшыні Дзяржаўнай думы Маклакова. Прынята думаць, што значныя аўтарытэты засталіся ў мінулым, вывеліся ў наш час. Але гэта не так. У народных нетрах не пераводзяцца светлыя галовы і сумленныя сэрцы, трэба толькі ўмець іх бачыць. Галоснасць апошніх гадоў, прэса і тэлебачанне, дыскусіі на з'ездзе народных дэпутатаў і ў Вярхоўным Савеце выявілі побач з традыцыйным кансерватызмам і глыбокую, прагрэсіўную думку сумленных і разумных людзей, чые аргументы, на жаль, не заўсёды знаходзяць прызнанне большасці. Цяжка сказаць, у чым тут справа: у элементарнай чыноўніцкай абмежаванасці ці звычаі мінулых гадоў, калі кожны аўтарытэт толькі тады што-небудзь значыў, калі яго вылучалі ўлады. Абавязковаю ўмовай такога вылучэння і падтрымкі з'яўлялася безумоўнае згодніцтва з уладамі. Менавіта гэтае згодніцтва ўрэшце і пляжыла рэпутацыю не аднаго разумнага і нават сумленнага мастака таго часу. Далёка не ў кожнага з іх, надзеленага сумленнем і розумам, хапала сілы характару, каб ва ўсіх выпрабаваннях лёсу застацца верным сабе, ісціне і болей нікому. Наменклатурныя ж велічыні ўсіх рангаў, як бы высока ні ўзносіліся, заканчвалі поўным забыццём адразу ж пасля сыходу з палітычнай сцэны.

Па ўсёй верагоднасці, у нашай перабудове трэба адрозніваць дзве галоўныя сферы: духоўную і матэрыяльную, якія аднолькава састарэлі за папярэднія дзесяцігоддзі і маюць патрэбу ў карэнных зменах. Абедзве яны паддаюцца тым зменам з велізарнай цяжкасцю, аб якіх-небудзь прыкметных выніках, мабыць, гаварыць яшчэ рана. Але ёсць надзея. На мой погляд, яна заключаецца ў двух аспектах. Па-першае, гэта несумненны, амаль рэвалюцыйны (у рамках нашага светапогляду) паварот ад фальшывых, надуманых догмаў да выпрабаваных у стагоддзях агульначалавечых каштоўнасцей. І, па-другое, маруднае, цяжкае, але непазбежнае ўкараненне ў нашай хворай эканоміцы элементарнага, занядбанага раней здоровага сэнсу, які адзін толькі можа прывесці да поспеху — даць значную прыбаўку грамадскага прадукту.

Напэўна, гэта надзея збудзецца не хутка і, можа, не ў той меры, у якой хацелася б. Але што вялікае і жаданае збываецца ў жыцці хутка і цалкам?

[1989]

[ИНТЕРВЬЮ ГАЗЕТЕ «ВО СЛАВУ РОДИНЫ»]

— *Василий Владимирович, не буду оригинальничать. Первый вопрос такой: откуда, как и почему появился писатель Быков?*

— Родился в крестьянской семье на Витебщине. Детство было бедным, голодным, и я не люблю вспоминать о нем, как не любил Твардовский, скажем, вспоминать о своей юности. Конечно, и в детстве были свои радости. В моих краях — прекрасная природа: озеро, лес, рыбалка. В отрочестве приходилось много работать физически, но и много читал. В нашей школе была приличная библиотека: Писемский, Достоевский, Станюкович, Жюль Верн, Вальтер Скотт, Майн Рид, Пушкин, Толстой. Жизнь была бедной, но школьная библиотека относительно богатой. Сейчас — чаще все наоборот... Я неплохо рисовал, поэтому всегда занимался стенгазетой. Дальше — больше, увлекся красками. По примеру нашего школьного пионервожатого поступил в Витебское художественное училище. Вскоре пришлось оттуда уйти, так как учащимся техникумов в 1940 году отменили стипендию, а других средств к существованию у меня не было. Потом началась война...

— *Как попали на фронт, помните ли свой первый бой?*

— На фронт попал обычным путем — через военкомат. Меня отправили в Саратовское пехотное училище. Прошел ускоренный курс обучения, и в звании младшего лейтенанта был назначен командиром взвода в стрелковый полк.

— *Василий Владимирович, я понимаю, что не все воспоминания доставляют приятность, но очень хотелось бы, чтобы вы рассказали военным читателям еще и о том бое, после которого родные получили на вас похоронку...*

— Мне не раз приходилось рассказывать о том случае. Ну что ж... В январе сорок четвертого года мы наступали под Кировоградом. Наш стрелковый батальон вел тяжелые бои под Большой Севериновкой... Была ночь, светлая от только что выпавшего снега. Немцы атаковали внезапно танками на кукурузном поле. Рассеяли батальон и начали его уничтожать. Их огонь был до невероятности плотным. Естественно, мы отстреливались. Я был ранен в ногу.

Меня привезли в село, стоявшее в небольшой лощине. Положили в хату, где уже лежало до полутора десятков раненых. Под утро я задремал. Вдруг кто-то будит: «Быков, Быков»... Надо мной стоит командир батальона. «Ранен? —

спрашивает. — Ходить можешь?» — «Нет». — «А я на тебя рассчитывал... Батальон разбили... Надо организовать оборону...»

Утром немецкие танки снова атаковали село, смяли нашу оборону. Я выполз из хаты на дорогу, где меня подобрала последняя уходящая повозка. Один танк остановился напротив той хаты, где я ночевал, и в упор ее расстрелял. Видно, всю эту картину наблюдал наш командир батальона. Он же не мог знать, что я выбрался оттуда. После госпиталя я попал в другую часть, а из прежней домой пришла похоронка. События тех лет нашли отражение в повести «Мертвым не больно», которая наиболее биографична из всего мной написанного.

Да, мы много потеряли на той войне, но наши жертвы не были напрасными. Каждая капля пролитой крови приближала победу. В нашем ожесточенном единоборстве перевешивала лишь чаша, до краев наполненная кровью. Миллионы человеческих жизней — тому свидетельство. Вечен огонь из подвига. Может быть, именно поэтому на нашей стороне оказалась победа, значение которой непреходяще для человечества. И вот я пишу о войне... Это мой долг.

— *А чем обусловлено то, что писать вы начали значительно позже первой и даже второй волны военных писателей?*

— На войне и даже многие годы спустя не то, что писать, но и читать о ней не хотелось. Но когда о Великой Отечественной появились книги Бондарева, Бакланова, Астафьева, Носова, Гончарова, Воробьева, это меня не могло оставить равнодушным, я взялся за перо. Я вовсе не хочу сказать, что другие пишут о войне хуже. Просто мне ближе те, кого назвал. Их творчество явилось для меня первотолчком.

Писать о войне я начал еще и потому, что она «прошла» через меня в самый что ни на есть расцвет молодости, когда мировосприятие, мироощущение чрезвычайно обострено. Помимо умственной памяти, война глубоко осела в памяти эмоциональной, я бы даже сказал, подсознательной. Я, например, помню свое душевное состояние в разные периоды, в какие-то определенные моменты — угнетенность, чувство безнадежности или, наоборот, приподнятости, радости. Я уверен: такая память о войне осталась у многих фронтовиков. Так вот, я взялся за перо, когда почувствовал, что осознал пережитое не только сердцем, но и разумом. И если уж быть до конца честным, то еще из-за полемических побуждений. Некоторые произведения той порой выводили меня из себя своей «красивостью», разухабистостью описаний войны. Я же и тогда,

и теперь непоколебимо убежден, что достовернее всего войну может обличить лишь правда о ней, пусть самая жестокая.

— *Большинство ваших повестей о том, что вы могли видеть, пережить сами. В этой связи вопрос о прототипах...*

— Почти на каждой читательской встрече, во многих письмах меня спрашивают об этом. Что сказать? Конечно, в моих книгах нет буквального воспроизведения пережитых мною ситуаций. Но все, о чем я пишу, так или иначе было. В небольшом городке в австрийских Альпах я встретил девушку-итальянку, искавшую «своего Ивана». Она и стала прототипом Джулии из «Альпийской баллады». В румынском городке за Прутом мне попался бывший однополчанин, который считался погибшим и «посмертно» был удостоен высокой боевой награды за храбрость. Однако оказалось, что он попал в плен и, надеясь перехитрить врага, записался к власовцам. Думал, перебежит к нам — не получилось. Так возникла идея «Сотникова». К образу учителя из «Обелиска» прямое отношение имеет и польский педагог Януш Корчак, который по собственной воле принял смерть вместе с питомцами — варшавскими детьми, и известная трагедия школьников в югославском городе Крагуеваце.

Фамилия одного из моих комбатов была Кузнецов. В какой-то мере с него «списан» облик комбата Волошина в «Его батальоне». До войны Кузнецов был учителем, нраву спокойно-го, рассудительного. Умел он держать себя с подчиненными и командирами. Кузнецов, кстати, не погиб, а был ранен под Балатоном. Я, к сожалению, потерял его из виду.

Сам я войну прошел в стрелковых подразделениях. А там постоянно была в основном молодежь. Глянешь на цепочку бегущих в атаку — почти одни мальчишки. Вот почему большинство моих героев молоды. Верю и хочу надеяться, что мои произведения будут поняты молодыми людьми. Для меня особенно важно, чтобы читатель видел в описываемых мною событиях моменты, созвучные нашей нынешней жизни, в той или иной степени существенные для нашего сегодня.

— *Самое время спросить о том, как вы относитесь к переменам, которые происходят сейчас в нашем обществе?*

— Не боясь впасть в преувеличение, скажу, что в стране свершаются грандиозные по своей революционной сущности перемены. Великий сдвиг общества видится уже в том, что мы всерьез заговорили об очевидном, что еще десять лет назад выглядело подсудной крамолой. Дегуманизация общественной жизни в недалеком прошлом стала делом привычным,

повседневным, и это, конечно, самое горькое из всего нашего прошлого. Люди молчали, подавленные и изверившиеся, временами благодарные уже за то, что их стали меньше сажать и притеснять, чем, скажем, в тридцатые годы. Теперь все круто изменилось, и нельзя этому не радоваться. Народу и партии возвращены десятки имен известных деятелей культуры, науки, государственных и военных деятелей. Это приветствуют массы, воочию убеждаясь, что перестройка — не очередная словоговорительная кампания, а всерьез и надолго. Правда, ее результатами мы не очень-то довольны, но не будем забывать, что в стране, в обществе идут не просто реформенные изменения — революционное переустройство жизни.

Мы переживаем самый важный, судьбоносный период нашей истории, время, которое определит дальнейший путь страны, будущее социализма. То, в каком направлении пойдет развитие общества, во многом, если не полностью, будет зависеть от нашей готовности к широкой демократизации жизни, радикальной перестройке устаревшего сознания. Я хочу уточнить: хотя бы готовности, которую мы, писатели, например, все еще не засвидетельствовали в достаточной степени. За годы приспособленческого существования даже лучшие из нас стали чересчур по-житейски умудренными, научились глубоко-мысленно рассуждать и выжидательно бездействовать. И это несомненно пошло во вред обществу. Но ведь народ смотрит на нас, отступать нам некуда. Другого шанса история нам не предоставит. Ни развития родного языка, ни обеспеченной жизни, ни достойной нашего прошлого историографии нам не подарит никто. Все надо добывать самим. Вместе со своим народом, в условиях подлинной, не бумажной бюрократии, за которую еще предстоит долго и упорно бороться.

— *Василий Владимирович, откровенно говоря, вы не очень большой любитель разных встреч, поездок, других мероприятий по той же линии Союза писателей, по другим линиям. Может быть, поэтому о вас чаще говорят как о затворнике, аскете...*

— Да нет, вовсе я не аскет и не сухой человек. Но могильщик писательского времени — телефон — тиранит уж сверх всякой меры. Я стараюсь избегать хотя бы части его вздорных требований, да нередко сдаюсь, загнанный в угол многоопытными организаторами никому не нужных мероприятий, и, сидя где-нибудь на очередном заседании и уныло слушая пустопорожнюю болтовню упоенных собой краснобаев, горько упрекаю себя за бесхарактерность. Выкроить полдня тихого одиночества для работы становится все труднее. Особенно

теперь, когда я стал народным депутатом СССР и принимаю участие в бурно развернувшейся законодательной работе Верховного Совета СССР и его Комитета по обороне и государственной безопасности.

— *Знаю, что у вас постоянно большая почта. Как вы с ней поступаете?*

— Да, пишут много. Стараюсь отвечать своим адресатам, но, к сожалению, не всегда это получается. Очень много приходит бандеролей с рукописями, авторы которых полагают, что стоит известному писателю позвонить куда следует — и их произведениям будет обеспечена зеленая улица. Конечно, это заблуждение. Хотя я знаю, что авторам, особенно молодым, надо помогать, и я от этого не отказываюсь. Но, строго говоря, истинный талант, как правило, сам себе пробивает дорогу.

Много жалоб, отвечать на которые должен не я, писатель, не имеющий реальной власти, а соответствующие начальники, руководители. Но тут такое дело, что писатель в нашей стране по давней, не нами заведенной традиции в какой-то мере все-таки должен оставаться народным трибуном, своеобразным адвокатом народа, к которому обращаются люди, когда больше обратиться не к кому и все другие возможности поиска справедливости исчерпаны. Пишут не только о личном — государственные проблемы сейчас волнуют людей не в меньшей степени. Для меня это факт отрадный, за ним многое видится.

— *Военным читателям, от имени которых я сейчас с вами беседую, небезынтересно будет узнать, как вы относитесь к экранизации ваших книг, к их воплощению в театре?*

— Скажу сразу: вниманием театра и кино я не обойден. Режиссеры часто ставят мои вещи. Реже удачно. Но тут я ничего поделать не могу. Мне кажется, удачнее других выглядит экранизация «Сотникова», сделанная безвременно ушедшей Ларисой Шепитько (имею в виду «Восхождение»).

Здесь, как говорится, налицо поразительное психологическое углубление в тему. Повторяю, не строго в мою повесть, а в тему, потому что кое-что, как реалист, я в этом фильме не приемлю. Например, эпизод, когда Рыбак начинает проявлять экзальтированную любовь к своей жертве — Сотникову. Это уже нечто, если хотите, языческое. Но здесь не недостаток фильма, а просто иной взгляд на ситуацию. У настоящего художника всегда должно быть такое право.

— *Несколько сугубо профессиональных вопросов, связанных с вашим творчеством. Как пишете, имею в виду сам процесс*

создания книг, кто вас переводит, как придумываете названия своим произведениям и т. д.?

— Пишу долго, порой с натугой и год от года все труднее. Хочется, чтобы груз высокой нравственности — то, собственно, из-за чего и создается произведение — становился все весомее. Прежде, чем сесть за работу, долго обдумываю сюжет, характеры и обязательно — финал. Перевожу себя сам. При этом испытываю муки не меньше, чем с оригиналом. Если на русском языке дать просто эквивалент — получится бледно, плоско, поверхностно. И я делаю, по существу, двойную работу: сначала пишу по-белорусски, потом — по-русски. А названия — даже не знаю, есть ли тут какая закономерность. Случается, повесть у меня начинается с заголовка, а бывает — уже все написано, но стоящего названия нет. И снова мучаешься...

— Как считаете, в каком соотношении в ваших произведениях прошлое с настоящим?

— Трудно сказать. Но уже в «Альпийской балладе» у меня возникает четкая и недвусмысленная связь военного времени с послевоенными событиями. К тому же все, о чем я пишу, — стойкость, мужество, героизм советского человека, его духовная высота не только в победах, но и в поражениях, — это разве не актуально для нынешнего поколения? Разве сейчас мало ситуаций, когда человеку необходимы и ясное понимание своего долга, и сила воли, и готовность поступиться личным ради общественного, и презрение к опасности, и готовность к самопожертвованию?

Ваш вопрос я понимаю еще и как намек на то, возьмусь ли, скажем, писать на тему современной армии. Не думаю. Я порядочно отстал от быстротекущей армейской жизни. Пусть об этом напишут молодые писатели. Я же не все еще сказал о той войне, которую пережил.

— Каких ориентиров в жизни, в творчестве придерживаетесь, в чем заключается ваше кредо?

— Быть честным перед людьми, перед своей совестью, следовать правде жизни — жесткой, нелицеприятной, грязной или уродливой — такой, какой она существует в жизни во всех ее взаимосвязях и проявлениях. У искусства есть лишь один способ добиваться позитивного изменения в обществе — показывать общество таким, какое оно есть на самом деле.

*Интервью взял М. Захарчук.
[1986, 1989]*

[ИНТЕРВЬЮ ГАЗЕТЕ «МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ»]

Новая повесть Василя Быкова «Облава», которая публикуется в январском номере журнала «Новый мир», тоже о прошлом. Впервые писатель избирает своей темой мирное, довоенное время. Но число жертв в те годы вряд ли намного уступало фронтовым потерям. Короткое действие «Облавы» развивается в период коллективизации. Герой повести — белорусский крестьянин Хведор Ровба, один из тех честных, работающих мужиков, на которых держалась деревня. Чем кончилась повальная облава на них, слишком хорошо известно.

— Прошлое, порочное прошлое, отмирает лишь тогда, когда народ может над ним посмеяться. А наше настолько кровото-чит, что мы еще не в состоянии объективно, без эмоций вспоминать о нем. Литературе только предстоит во всем разобраться.

— Рассуждая о последствиях насильственной коллективизации, мы говорим и пишем о неимоверных страданиях народа. Но ведь раскулачивал соседей в большинстве своем тот же народ. Самым беспощадным врагом Хведора Ровбы оказывается собственный сын.

— Следует иметь в виду, что старому принципу «разделяй и властвуй» сталинизм придал абсолютно тотальный характер. Был разделен и народ. И поскольку все строилось на основе классовой борьбы — бедняки против зажиточных, одну часть народа было легко натравить на другую. Казалось, что достигается социальная справедливость, а на деле — уравнивание в бедности. Причем в Белоруссии зажиточным считался всякий, у кого было две коровы. А главное — в 1920-е годы образовалась тонкая, но весьма агрессивная прослойка из числа молодежи. Именно комсомол, партийные ячейки проводили бесчеловечную политику раскулачивания, по сути, раскрестья-нивания, разумеется, во имя высоких идеалов.

— Но до какой же степени они извращались, если Ровба приходит к мысли: «Лютое все же существо человек»?

— Человек — существо биологическое, но от зверя его отличают сознание, нравственность, душа — все то, что в нем веками воспитывала религия. После революции вместо религиозной морали стала насаждаться классовая. Самым ценным ее качеством считалась непримиримость, отсутствие толерант-

ности почиталось гражданской доблестью. Любое проявление человечности, наоборот, расценивалось как слабость.

— *Это в мирное время. А что же считалось идеалом на войне?*

— На войне экономили все — оружие, боеприпасы. Но никогда людей. И присловье такое было: вы что, солдат жалуете? Их еще народят. А вот пушки оставили — плохо. Это была ценность. В наставлениях для средних командиров не было и намека на то, чтобы беречь солдат. Ведь и Жуков по своей безжалостности был полководцем сталинской школы.

— *Но если вернуться к истокам, то сама революция, взрыв, стихийная ярость, Наверное, отвечали каким-то народным устремлениям. Почему социальная справедливость требует столько крови?*

— К сожалению, наш исторический опыт показывает, что с помощью взрыва, бунта достичь справедливых целей невозможно. Взрыв несет главный заряд — отрицание. Но чтобы отрицать, надо иметь и позитивную программу. А ее либо нет, либо она оказывается несостоятельной, умозрительной, плодом фантазии людей честных, но не до конца реалистичных. Возможно, общество еще не готово принять их идеи, а иногда и в самих идеях заложен изъян, мешающий их осуществлению.

— *Недавно я прочитала поразившие меня слова Дантона о том, что в революции побеждают не самые преданные, но самые беззащитные. За 200 лет ничего не изменилось. И ваш герой обречен на гибель в силу того, что он человек порядочный, чистый душой, деликатный. Таких уж и нет, по-видимому.*

— Сейчас они редкость. Но я помню таких. В старой патриархальной деревне, уверен, гораздо больше было носителей человечности и здравого смысла. Земля для крестьян была формой существования, самовыражения, это был целый мир. На земле человек был независим. И, конечно, первой заботой сталинизма было обуздать крестьян. И мир этот исчез. Сейчас для всех арендаторов, кооператоров, механизаторов земля существует как средство наживы. Я не очень верю в нынешние меры, полумеры, призывы. Они, на мой взгляд, бесплодны. И не потому, что не дают возможности в полной мере владеть землей, а потому что поезд ушел — у крестьянина атрофировалась потребность в этой земле. Я не вижу выхода из тупика, в который мы уперлись, обобществив сельское хозяйство. Разве что Прибалтика, которая на 20 лет моложе нас, способна подать надежду.

— Как писатель вы родились на волнах прошлой оттепели, после XX съезда. То было удивительно счастливое время для появления талантов. Где они сейчас? Неужели иссякли?

— В ту отдушину нам казалось, что жизненные реалии сами ложатся на язык литературы. Мы немного, может быть, несли философской глубины, но, выражаясь упрощенно, брали правдой. Теперь этого мало. Правду поднимать сегодня легко, но от искусства требуется более высокая степень художественного осмысления. Для этого необходим не только талант, но и время. Как бы ни гордились мы обретенной свободой творчества, дается она непросто, психологически мы еще не сбросили оков самоцензуры, не достигли той полной свободы, которой обладают художники демократических стран на Западе. Возможно, поколение, рожденное сегодня, будет целиком свободным. Хотя не знаю...

— После XX съезда тоже казалось, что вопрос лишь во времени. Вот уйдет поколение, у которого руки в крови, и все наладится. Ушло.

— Да, когда-то мы обвиняли во всем дураков. Думали, беда в том, что искусством управляют серые, некомпетентные люди. На смену им пришли умные, образованные, насквозь прожженные циники, бороться с которыми стало гораздо сложнее. Не потому, что они читали Гегеля или Шопенгауэра, а потому что они в совершенстве овладели арсеналом политической демагогии, использовать которую честный художник просто стыдился.

— Но ведь и в «Облаве» у вас та же коллизия. Честный человек не может пользоваться бессовестными средствами, которыми не гнушается его противник.

— У них разное оружие. И все это продолжается. Эрудированные циники вовсе не стремятся ни к какой перестройке. Прошлые годы были для них золотым веком. А в новой атмосфере демагогия теряет позиции.

Хотел бы подчеркнуть при этом, что консервативная часть общества не в состоянии успеть за нравственным самосознанием прогрессивной его части, демонстрируя свою моральную и политическую несостоятельность. После того, как официально была признана незаконность нашего вмешательства в события в Чехословакии в 1968 году, что-то не слышно самокритичных голосов тех, кто был непосредственно связан с карательными акциями против суверенного государства, а сейчас занимает руководящие посты в стране. Все это, мягко говоря, не спо-

собствует доверию к нашей перестройке со стороны международной общественности.

— *Вы пишете на белорусском языке. Для кого? Грешно сыпать соль на раны, но в Минске не слышно белорусской речи. Может быть, в деревне говорят на родном языке?*

— Положение катастрофическое. Белорусский язык существует только в литературе. В деревне его тоже нет, как нет и самой деревни. Есть искусственные оазисы в виде зажиточных колхозов или совхозов, которые построили коттеджи и заселили их местной элитой. Там говорят по-русски, употребляя сто слов и десяток синтаксических оборотов.

Сейчас разрабатываются программы по изучению белорусского языка в школах, где десятилетиями он был на положении третьестепенного. Но главная беда на пути реанимации языка мне видится в его ненужности обществу. Оно не потребовало собственного языка. Без него функционируют все административные, производственные, научные структуры Белоруссии. Ни одна нация не могла бы примириться с этим. Нужно предпринять нечто радикальное, создать иную атмосферу, а мы пока сделать этого не в состоянии.

— *Может быть, причина многих бед Белоруссии — в уступчивости и деликатности национального характера, который так полно отражен в образе героя «Облавы»?*

— Это точно. Но есть и обратная сторона медали. Конформизм белорусов общеизвестен. Он присущ и руководству республики, и творческой интеллигенции. Сейчас мы часто наблюдаем совершенно противоестественное явление — сращение интеллигенции с правящей бюрократией. Достаточно честному художнику поработать с номенклатурой, и он становится ее частью, меняет мировоззрение.

— *Вы полагаете, художник по природе своей противопоставит власти?*

— Конечно. Он делает выбор. К несчастью, у нас всегда в пользу бюрократии. Поэтому народ оказывается без языка и без культуры — у него нет защитников.

— *Разве между народом и властью противоречие неминуемо?*

— Может быть, и нет, но опыт Белоруссии доказывает обратное. Народ живет сам по себе, а у руководства свои цели. И цели эти определяются не здесь. Функции местных властей сводятся лишь к исполнению задач, поставленных на партийных съездах в Москве, в Политбюро, в ЦК. Но вот что любопытно. Когда тот или иной руководитель уходит на пенсию,

вдруг обнаруживается, что он человек умный, честный, порядочный. Где же были эти его качества, когда он делал карьеру?

— *Вы хотите сказать, что власть, государственная машина нивелируют любую личность?*

— Так оно и происходит. Тем более что к власти приходят путем тщательного отбора, чуть ли не с детского сада. И хотя Верховный Совет республики принял более прогрессивный закон о выборах, правящая бюрократия сумеет и в нем отыскать лазейки.

— *Но какой же вы видите выход из положения?*

— Пока я его не вижу. Из кризиса, в который мы зашли, нет выхода ни влево, ни вправо, ни посередине. Мы никак не можем его нащупать. И это тем более тревожно, ибо многим дает основания утверждать, что напрасно мы затеяли все перемены. До перестройки так много было гадкого, подлого, с чем не могла мириться натура, но люди, тяготеющие к стагнации, неспособные к диалектике, видели в прошлом какую-то последовательность и цельность. В современных условиях должна родиться совершенно новая система, может быть, нам еще неизвестная. В противном случае нас ждет не только политический застой и реакция, но просто обнищание, просто упадок.

Интервью взяла Ольга Мартыненко.

[1989]

КРОЎ І ПРАКЛЁН

Цяпер нярэдка можна пачуць і нават прачытаць у друку: «Усё пра Сталіна ды рэпрэсі, надакучыла, колькі можна!» Сапраўды, пішуць пра тое шмат, можа, нават трохі густава-та і часта для якіх пары гадоў. Але ж таму ёсць тлумачэнне: дзясяткі гадоў не пісалі, не гаварылі, баяліся нават успомніць, каму было што ўспамінаць. Тэрор буяў па краіне, атруціўшы душы страхам: сябра баяўся сябра, муж не давяраў жонцы, сын даносіў на бацьку. І ўсё гэта было ў перыяд «разгорнутага будаўніцтва сацыялізму».

Але ці можна такімі метадамі і ў такой атмасферы пабудаваць што-небудзь прыстойнае, не кажучы ўжо пра справядлівае сацыялістычнае грамадства?

Так, каб перамагчы загану, трэба яе ведаць, каб здабыць урокі з гісторыі, трэба ведаць тую гісторыю. Але ці была ў

нас гістарыяграфія? Гісторыя — навука, гэта — праўда, а не афіцыйная хлусня, падпісаная нават тытулаванымі імёнамі. Добра, што хоць і са спазненнем амаль на семдзесят гадоў мы зразумелі гэта і хочам даўмецца праўды. Светлая душа заўжды прагне праўды, якой бы тая ні была, а маладыя людзі, як водзіцца, ад нараджэння маюць светлую, яшчэ не замуцнёную душу, таму ім праўда даражэй за ўсё.

У гэтай невялічкай кніжцы — самая балючая, але і самая святая праўда, здабытая яе аўтарам па кроплі, па слову, па зжоўклым лістку архіўнага дакумента. Гэтая праўда крычыць і рыдае пякучымі слязьмі: па горы абрабаваных, знявечаных сялян, іхніх згаладнелых дзяцей, па крушэнні спрадвечных спадзяванняў першых кіраўнікоў рэспублікі аб лепшай долі для свайго народа, па зняважанай чалавечай годнасці ў барацьбе за фальшывую ідэю, а па сутнасці за ўратаванне ўласнага жыцця, па барацьбе, якая ахапіла верхнія эшалоны ўлады на канцы трыццатых гадоў, ды не ўратавала нікога. І абвінаваўцы, і абвінавачаныя, і каты, і ахвяры — усе скончылі аднолькава. Хіба што некаторыя перад тварам смерці забыліся на сваё чалавечае паходжанне і паводзілі сябе... не надта каб добра. Але хто сёння возьме на сябе маральнае права кінуць у іх каменем, сам не апынуўшыся ў іхнім становішчы?

Аўтар склаў кніжку са сваіх ранейшых газетных, журналісцкіх артыкулаў і нарысаў. Але гэта не звычайная журналістыка. Гэта — летапіс народнай трагедыі. І гэта — аўтарскі подзвіг у многіх адносінах.

Толькі чалавек светлай душы здолеў падняць усё гэта з забыцця і аддаць на суд людзям.

Будзем жа ўдзячныя яму.

[1989]

В МИРЕ ПРЕКРАСНОГО

Судьба свела нас более двух десятилетий тому назад, в счастливую пору надежд, когда впереди виделись безграничные возможности и, казалось, ничто не стояло на пути их осуществления. Евгений Глебов работал над музыкой одного из лучших своих балетов «Альпийская баллада», который до сих пор не сходит с афиш нашего оперного театра, а я, как автор

повести, радостно приобщился к светоносному таланту композитора, обаянию его незаурядной личности.

Душа истинного художника, щедро оделяя людей счастьем постижения прекрасного, и сама не лишена воздействия силового поля своего искусства, которое воспитывает ее, облагораживает, делает лучше и совершеннее. Чем выше талант, тем честнее художник, а гений и злодейство не совместимы — эту истину мы по справедливому усваиваем однажды и на всю жизнь. Что же касается Евгения Александровича Глебова, то не будет преувеличением сказать, что его личность давно и счастливо существует в тесном единстве с прекрасным, которым для него, несомненно, является музыка.

Пожалуй, теперь уже трудно установить, что было вначале — случай или спонтанный порыв, но потребность в музыке проявилась в мальчишке так рано, что он и сам этого не помнит. Ему теперь кажется, что все его сознательное существование в мире изначально связано с неодолимой стихией музыкальных звуков, ритмов, мелодий. Именно эта органическая потребность души привела Евгения Глебова в большой мир музыки, которой он самозабвенно и талантливо служит на протяжении всей своей жизни.

Впрочем, непросто и нелегко складывалось это его самоотверженное служение, особенно в начале самостоятельного поприща. Так уж повелось в этом мире, что всякий талант, особенно если он ярок и незауряден, прежде чем прийти к людям и заслужить их признание, встречает ожесточенное (если не сказать остервенелое) сопротивление тех, от кого зависит его судьба. А зависит она от множества лиц и множества перипетий жизни, что нередко приводит к краху художника в буквальном или переносном смысле. Одни ломаются под грузом злых козней и неблагоприятных обстоятельств, другие разменивают свой даже несомненный талант на медную монету сиюминутной корысти — так кажется выигрышнее, особенно если за эту минуту тут же покупаются расхожие блага существования. Нужен характер, неуступчивый и упорный, чтобы защитить первые ростки дарования, устоять под напором жизни, всемогущей в наш век бюрократии, явить искусству свои способности в их чистом и честном виде. Случилось так, что в Глебове счастливо сошлись в высокой мере чистый талант и убежденный характер, которые сообща и принесли победу. И вот отечественная и мировая музыкальная культура обрела композитора отменного дарования, высокой степени профессионализма.

Уже много лет его блистательные произведения чаруют самый изысканный слух в давно ставшей ему родной Белоруссии, на всесоюзных подмостках, в залах Европы и Азии. Печать многих стран мира, где звучали произведения Глебова, в самых высоких словах оценила талант белорусского композитора, его музыкальный вкус.

Под этой обложкой собрана лишь небольшая часть созданных Глебовым сочинений, и среди них в первую очередь хочется отметить пьесы, построенные на белорусских народных интонациях, в которых проявилось особое пристрастие Глебова-композитора. При всем том, разумеется, интересы его широки и разносторонни, музыкальная палитра чрезвычайно многообразна и многонациональна, как это и подобает творчеству настоящего художника конца XX века.

Сказанное — лишь малая часть того, что надлежало бы сказать о Глебове, композиторе и человеке. Но сколько бы мы ни говорили о нем, вряд ли возможно словами выразить тайну творчества художника, глубинную сущность его высокого искусства. Следует добавить разве, что Глебов, являясь профессором консерватории, безмерно озабочен подготовкой музыкальной смены — культурного будущего республики. Он убежден, что в развитии советской музыки не может быть мелочей и все в ней определяют таланты. «Все жанры — это неотъемлемые слагаемые нашей музыкальной культуры, должны развиваться параллельно, а не в ущерб и не в противовес друг другу. Только взаимодействие, а не противопоставление, не амбиции, а сотрудничество и взаимопонимание — и композиторов, и исполнителей, и наших общих руководителей — вот единственное необходимый путь», — писал композитор в газете «Літаратура і мастацтва».

В этих словах красноречиво засвидетельствовано художническое и гражданское кредо народного артиста СССР, композитора, профессора Евгения Александровича Глебова.

[1989]

ЗВАРОТ ДА ВЫБАРШЧЫКАЎ

Дарагія выбаршчыкі, шануюныя грамадзяне Беларусі! Менш чым праз месяц вы пойдзеце на выбарчыя ўчасткі, каб выбраць тых, каму вы давяраеце прадстаўляць вас у высокіх органах дзяржаўнай улады. Хоць тое будзеце рабіць не першы раз, гэтыя выбары не такія, як усе ранейшыя, гэта сапраўдныя выбары, і ад іх вынікаў будзе нешта залежаць у вашым жыцці. Можна залежаць больш, калі вы выбераце тых, хто памятае інтарэсы народа і гатовы абараніць іх на любым узроўні. І будзе залежаць мала, калі большасць вашых галасоў будзе аддадзена тым, для каго няма іншых інтарэсаў, апроч інтарэсаў начальства, апарату, кіраўніцтва, ад якіх у іхнім жыцці ўсё — ад павышанай нядаўна зарплаты да чорнае «Волгі» і ўсялякіх яўных і тайных ільгот. Звычайна гэтыя людзі — шматвосьнікі дэмагогі, хуткія на абяцанкі, якімі яны звыкла карыстаюцца на працягу ўсёй сваёй кар’еры. «Будзе» — іх любімае слова, самае ж нелюбімае — «ёсць», бо якраз таго, што найбольш патрэбна, у нас і няма. У тым ліку і ў значнай меры і па віне гэтых шматгадовых кіраўнікоў усіх рангаў.

Асаблівы ваш клопат і ўвага павінны быць звернуты на безальтэрнатыўных кандыдатаў або кандыдатаў з адным (падстаўным!) сапернікам, выбары якіх ператвараюцца ў фальш, у пародыю на выбары, і ёсць не што іншае, як абраза тысяч выбаршчыкаў. Паглядзіце і памяркуйце, хто ідзе на гэта і што ён вам гаворыць. Як ягоныя словы аб дэмакратызацыі і перабудове ўжываюцца са звычаямі сталінскіх часоў. Бо калі б гэтыя людзі мелі элементарны гонар, дык, апынуўшыся адзінымі ў бюлетэні, яны б знялі свае кандыдатуры. Каб не ганьбіць прынцыпы дэмакратыі, «гонар партыі Леніна», якую яны прадстаўляюць, уласную вартасць. Дык не. Для іх галоўнае — улада, не зважаючы ні на што.

Ідучы на выбары, трэба мець на ўвазе, што пэўную частку выбару ўжо зрабілі за вас выбарчыя камісіі. Менавіта гэтыя камісіі, створаныя апаратам і цалкам падпарадкаваныя яму і ягонай міласці, пры рэгістрацыі старанна адмяталі ўсіх, хто

не адпавядаў іхнім меркам. Была зроблена няўдалая, аднак спроба адмесці каля сотні кандыдатаў, вылучаных грамадскімі арганізацыямі, таварыствам беларускай мовы, экалагічным таварыствам. У поўным аб'ёме спроба не ўдалася, аднак невялікая колькасць вартых людзей пераважна з інтэлігенцыі была адхілена пры рэгістрацыі. Затое прайшлі ўсе партсакратары, раённыя, абласныя і рэспубліканскія апаратчыкі. Цяпер вам галасаваць за іх. Глядзіце і вырашайце самі. Толькі мы хацелі б папярэдзіць: ні ў якім выпадку не байкуйце выбары. Байкот выбараў, няўдзел у іх — вельмі на руку гэтым апошнім. Яны пра тое толькі і мараць. Ім даволі будзе іхніх паслугачоў з ліку прыбліжаных і падначаленых, рабочай і сялянскай эліты. Абы было мала супроць, і іхняя дарога да ўлады забяспечана.

На апошнім этапе выбараў выключнае значэнне будзе мець грамадскі кантроль за іхнімі вынікамі. Мы ўжо гаварылі, што сабой уяўляюць калі не ўсе, дык шмат якія выбарчыя камісіі, і каму яны будуць служыць. Таму кожная працэдура падліку галасоў павінна быць пад кантролем грамадскасці, сродкаў друку і масавай інфармацыі, аб чым павінны паклапаціцца загадзя.

Таму — усе на выбары!

[1990]

[ИНТЕРВЬЮ ГАЗЕТЕ «СОВЕТСКАЯ МОЛОДЕЖЬ»]

— *Василь Владимирович, однажды вы сказали, что нынешнее белорусское руководство — одно из самых непопулярных в республике за все годы ее государственности.*

— Так оно и есть. Об этом же говорят представители самых различных слоев населения. Но наше руководство считает, что его реноме среди народа очень высоко. И отчасти подтверждение тому оно нашло в итогах выборов.

— *Но партаппарат сделал «шаг в сторону»: некоторые его представители, не рискнув баллотироваться в столице, поехали в сельскую местность.*

— Это отработанный прием, поскольку наш закон о выборах, принятый Верховным Советом прошлого созыва, далек от закона демократического и правового государства: в нем оставлено несколько существенных лазеек для того, чтобы

проводить выборы так, как это выгодно их организаторам. В частности, это проведение выборов в «глуши», где демократические настроения находятся почти в зародыше и где проконтролировать результаты выборов со стороны демократической общественности и средств массовой информации затруднительно, а порой и невозможно. Там избирательные комиссии совершенно вольны в своих действиях. И этим пользуются те кандидаты, которые не имеют шансов быть избранными в столице и крупных городах.

— *Председатель Сойма БНФ Зенон Позыняк отмечал, что в случае, если белорусское руководство не прислушается к мнению общественности, последуют акции гражданского неповиновения.*

— Все будет зависеть от позиций и действий общественности, белорусского народа. Но, как показывает опыт, демократическая активность широких народных масс сегодня недостаточна.

— *Вы, будучи членом «Комитета-58», стали одним из организаторов Белорусского народного фронта. Как вы расцениваете сегодня деятельность БНФ?*

— Как и всякую деятельность, где много сложностей, трудностей и недостатков. Но я считаю, что цели Народного фронта служат интересам народа.

— *Вы же — один из организаторов «Мартыралога Беларуси». Что на сегодняшний день сделано этой организацией?*

— Она способствует реабилитации незаконно репрессированных. В прошлом году, например, по инициативе «Мартыралога» было реабилитировано около пятидесяти деятелей литературы и искусства Белоруссии. «Мартыралог Беларуси» кроме того еще оказывает помощь репрессированным гражданам, ведет пропагандистскую работу. Но дело в том, что его деятельность ограничена, так как организация до сих пор не признана властями и поэтому не имеет юридического лица, счета в банке и т. д.

— *БНФ, существующий с октября 1988 года, тоже до сих пор не признан де-юре. Пожалуй, что гласность — едва ли не единственное достижение нашей перестройки.*

— Да, пожалуй, так оно и есть.

— *Однако если балтийской прессе отчасти удалось вырваться из-под партийного диктата, то с белорусской прессой дела обстоят намного хуже.*

— У нас в республике перестроечные процессы проходили совершенно в иных условиях, чем в Прибалтике. Это объяс-

няется, во-первых, уровнем политического сознания не только демократической общественности, но и самой партии. Ведь у нас, я сошлюсь на оценку того же Зенона Позняка, коммунистическая партия Белоруссии — самая консервативная и самая реакционная в Советском Союзе. Она не только не способствует, но всячески препятствует развитию перестройки в Белоруссии.

— *Сегодня, видимо, говорить о том, какой строй нам нужен, не только напрасная трата времени, но и необдуманное (или, возможно, продуманное) сосредоточение внимания на второразрядном вопросе. Главное ведь — движение вперед.*

— Конечно! В том-то и дело, что тотальная идеологизация нашей жизни и привела к сегодняшнему кризису. Чтобы жить достойно, надо строить жизнь прежде всего на экономической основе и совсем не обязательно называть марксизм основой нашей жизни, тем более слепо следовать принципам столетней давности.

— *Один известный поэт сказал, что, возможно, все наши беды происходят от того, что в России очень доверяют слову (я бы добавил — печатному), а большевики не привыкли отвечать за свои слова.*

— Да, конечно. Слов у нас было очень много. И притом прекрасных слов! Но с первых дней советской власти слова совершенно разошлись с делами.

— *И был нарушен один из христианских канонов: на алтарь счастья большинства принесено счастье и жизнь немногих.*

— Христианская мораль хороша вообще. Но в жизни часто приходится чем-то жертвовать. Обычно в качестве жертвы оказывается меньшинство. Конечно, демократические общества стремятся учесть интересы всех. Правда, там о таком обществе приходится лишь мечтать. Тем более что наша история хранит примеры, когда в жертву приносится большинство. Обиднее всего, что это делается во имя иллюзорных и даже откровенно сумасбродных идей, как это имело место в годы сталинщины.

— *«Весь мир не стоит слезинки ребенка»?*

— Это все-таки совершенно разные вещи. Я думаю, что Достоевский утрировал: во-первых, счастье человека нельзя построить не только за счет «слезинки», но и за счет жизней тысяч младенцев. Другое дело — нравственная сторона вопроса. Ведь мораль — скорее понятие из области нужного, но далеко не всегда из области возможного.

— *И не случайно поэтому наше общество поворачивается сегодня лицом к религии...*

— Религия — это колоссальное явление нашей цивилизации. За две тысячи лет в ней было разное — и кровь, и преступления, но были выработаны моральные основы, которые до сих пор остаются незабываемыми. В условиях банкротства иных идей христианские идеи остаются жизненными. Возвращение же к принципам христианства следует всячески поддерживать.

— *Василь Владимирович, простите, вы — верующий?*

— В церковном смысле, пожалуй, нет. Но я допускаю существование Бога в душах верующих. Может быть, он поселится и в мою душу.

— *Как вы расцениваете события в Литве?*

— Думаю, то, что происходит в Литве, является воплощением политических чаяний многих народов, образующих СССР. Но не все народы созрели до политики, проводимой литовцами. Очевидно, подобное следует делать в наиболее благоприятствующий исторический момент. Не все сейчас благоприятствует литовскому народу. Мы видим, как закручиваются обстоятельства вокруг этой, казалось бы, бесспорной идеи.

— *В последнее время все чаще звучит мнение, что Михаил Горбачев «сидит на двух стульях».*

— Надо отдать ему должное: как политический лидер он обладает очень гибким умом. Отчасти это плохо: некоторая часть нашего общества хотела бы большей приверженности демократическим принципам и большего радикализма. Но в то же время не надо забывать и о политике возможного: может быть, он сам бы хотел гораздо большего, но ему приходится учитывать сотни различных факторов и, вероятно, он выбирает из всех вариантов не самый достойный, но самый возможный.

— *Его порой обвиняют в отсутствии смелости...*

— Есть и такое. Но вы понимаете, при таком составе депутатского корпуса то, что он делает, может быть, является самым радикальным. Тем более, что Горбачеву приходится считаться и с мнением депутатов, и с мнением партии. А когда в последнее время все чаще звучат неприкрытые нападки на Политбюро и лично Горбачева, он не может этого не учитывать и реагирует соответствующим образом.

— *Василь Владимирович, вы говорили, что не особенно любите заниматься общественной деятельностью.*

— Конечно, не люблю... Но приходится заниматься, хотя я человек созерцательного ума, каким обычно и должен быть писатель. Но все дело в том, что наш Союз писателей за многие годы воспитан таким образом, что сейчас, когда требуется максимальное участие интеллигенции в перестроечных

процессах, Союз писателей в своей массе самоустраняется от перестройки. Поэтому-то тот груз, который необходимо нести всей писательской общественности, у нас в Белоруссии падает на плечи нескольких писателей.

— *А вам не хочется тоже самоустраниться и заняться лишь творчеством?*

— Очень бы хотелось!

— *Что этому мешает?*

— Жизнь...

— *Василь Владимирович, в заключение: какие надежды вы возлагаете на Балтию?*

— Я бы хотел пожелать прибалтам скорейшего самоопределения. И очень страстное мое желание, чтобы это самоопределение прошло как можно безболезненнее, с наименьшими эмоциональными издержками.

Интервью вел Сергей Шапран.

[22 марта 1990 г.]

В ЖЕЛЕЗНОЙ РАКОВИНЕ

Он не принадлежит к числу литературных звезд первой величины, его вклад в современную белорусскую литературу, наверное, нельзя назвать выдающимся. Тем не менее почти все написанное им непременно вызывает живой читательский интерес, так как построено на добротной жизненной основе, где немало от личного опыта, опыта трудной, полной сокрушающих перипетий жизни.

В послевоенном Союзе писателей БССР он довольно продолжительное время пребывал в роли молодого, начинающего автора, но уже тогда обращал на себя внимание если не книгами, которых у него было немного, то уникальностью боевого прошлого, значительностью личного вклада в еще свежесиявшую тогда Победу. Среди немалого числа писателей — недавних фронтовиков, партизан, армейских журналистов и политработников — он, похоже, оказался единственным, кому уготовано было пройти едва ли не все мыслимые и немыслимые круги военного ада: подпольную и партизанскую борьбу на оккупированной территории, немецкий концлагерь, фронтовые будни. Два тяжелых ранения — пулевое в плечо под Варшавой и осколочное в грудь в Берлине за несколько

дней до Победы — не могли не отразиться на его здоровье. (Второе, кстати, едва не закончилось трагически. Осколок немецкой мины, разбив за плечом автоматный приклад, застрял в легком вместе с вовлеченным туда клоком ваты из телогрейки. Почти год раненый балансировал между жизнью и смертью в гнойном отделении подмосковного госпиталя и, наверное, тогда дал себе клятву: если выживет, не возьмет в рот ни капли спиртного. Так повелели врачи. И эту клятву он, в общем, сдержал, что, возможно, и позволило ему дожить до его нынешних лет.)

Опыт военного лихолетья самым естественным образом вошел в его прозу, стал сюжетной основой таких широко известных карпюковских повестей, как «Данута», «Пущанская одиссея», многих рассказов. Прошлому Гродненщине посвящен роман «Вершалинский рай» с его занимательной, почти приключенческой фабулой, основанной, однако, на достоверных, аргументированных фактах религиозной жизни тридцатых годов. Активно занимаясь литературным творчеством, Алексей Карпюк по долгу гражданина и коммуниста принимал деятельное участие в общественно-политической жизни области, писательской организации республики. Не было ни одного сколько-нибудь представительного писательского форума в Белоруссии, где бы не выступил Карпюк. И надо сказать, что в те затхлые, застойные времена он не стеснялся сказать правду, как ее понимал, и его слушали, ему внимали.

При всей внешней сдержанности и даже некоторой суровости характера он наделен впечатлительной душой, легкоранимым сердцем, способным глубоко переживать все собственные и чужие несообразности жизни. Заступиться за обиженного, за справедливость и поправленное право кого-то — обычное для него дело. Наверное, теперь — это естественная нравственная норма каждого порядочного человека, но еще недавно в том старались усмотреть крамолу, «нарушение и ослушание» со всеми вытекающими из того последствиями. В то время как многие хитроумно помалкивали, согласно поддакивая начальству, Карпюк шел в обком и по шесть часов кряду в жарком, безоглядном споре старался переубедить руководство в ошибочности его политики — в экономике, сельском хозяйстве и культуре. В самую пору застоя, когда за некоторые публикации на автора этих строк обрушилась зубодробительная критика партийной и военной печати, когда любое партийное мероприятие в Гродно, чему бы оно ни посвящалось, сводилось в итоге к излюбленной теме проработки Быкова за его «клевету»

на героизм Советской Армии в годы Великой Отечественной войны, — в такой обстановке я не тешил себя надеждой на чье-либо заступничество. Но Карпюк заступился. С трибуны одного из партийных активов он выразил дерзкое недоумение: почему генерал Епишев вмешивается в литературу? («Если он генерал, то пусть командует войсками, а с повестями Быкова должны разбираться критики».) Разумеется, я был благодарен Карпюку за его заступничество, хотя и не отдавал себе отчета, чем оно может обернуться для нас обоих.

Обладая многолетним опытом проживания в условиях провинции, хочу упомянуть о некоторых ее особенностях для жизни провинциальных писателей. Обычная немногочисленность членов областных писательских организаций, жизнь у всех на виду, постоянная поднадзорность со стороны начальствующих и «курирующих» органов, неумемное стремление последних поучать и воспитывать, категорическое неприятие малейшего намека на критику местных порядков вынуждают творческих людей либо к конформизму, либо к постоянной конфронтации с властями. Это уж в зависимости от характера, а также от масштаба таланта. Так уж повелось, что в провинции нередко благоденствуют литераторы скромных дарований, в то время как обладатели несомненного таланта либо выезжают из нее, либо капитулируют, либо спиваются. Немногие, подобно Карпюку, обрекают себя на бессрочное «испытание провинцией». Нормальное развитие таланта в провинциальных условиях весьма проблематично.

Справедливости ради надо сказать, что, может быть, не все в выступлениях Алексея Карпюка было совершенно бесспорным, взвешенным и выверенным. Но по обыкновению все шло у него от чистого сердца, без своекорыстия, от стремления к справедливости. И произошло то, что в те годы не являлось редкостью: органы идеологического надзора наконец остановили на нем свой карающий выбор. Однако применить репрессии против строптивца только на основании его одиозных высказываний было, по-видимому, сочтено недостаточным, следовало «наработать компромат», чтобы ударить наверняка. Показать всем этим «писакам» силу права и власти в республике.

И вот Гродненское управление госбезопасности выделяет опытного, бериевской закалки чекиста по фамилии Фомин с задачей вплотную заняться личностью беспокойного писателя. Надо признать, что Фомин поработал на славу: за короткий срок сварганил уголовное дело, состоящее из многих обвинительных пунктов, каждый из которых, по признанию

тогдашнего прокурора Гродно, тянул минимум на пятнадцать лет заключения в ИТЛ усиленного режима. Как же: бежал из немецкого концлагеря. Но специально допрошенные свидетели, просидевшие там до момента освобождения их Советской Армией, показывают, что бежать из этого лагеря было невозможно — они же не убежали. На основании их показаний делается заключение, что Карпюк был отпущен. Но с какой целью? А вот с какой: для разложения партизанского движения на Гродненщине. Подтверждением этой версии явился «факт дезертирства» Карпюка из партизанской бригады. Вот только куда «дезертирство» и при каких обстоятельствах — следствие о том умалчивало.

Если это могло быть названо дезертирством, то выглядело оно следующим образом. После побега из концентрационного лагеря Штуттгоф и долгого скитания на территории Польши Карпюк поздним осенним вечером добрался наконец до родного хутора под Белостоком. В общем удачный, этот побег не принес радости. Прежде чем увидеть мать, Карпюк наткнулся на немецких солдат, квартировавших в усадьбе. Как всегда в такой ситуации, выручили ноги, беглец бросился под покров спасительного леса (благо, тот был рядом), где полгода назад располагались партизанские группы, с которыми он сотрудничал. (Именно после одной совместной диверсии на железной дороге он, брат и отец были арестованы гестапо и брошены в Штуттгоф.) Но, к несчастью, в лесу кое-что изменилось за девять месяцев его пребывания в концлагере, знакомых отрядников там не оказалось, на их местах расположилась пришлая партизанская бригада, возле которой он и был задержан. На первом же допросе он вызвал изумление особистов своим рассказом о побеге, и те, недолго думая, засадили его под арест в землянку, откуда каждую ночь водили на допросы с неизменным требованием признаться, какое получил задание. Так продолжалось неделю или больше, однажды Карпюк понял, что все скоро и навсегда окончится. И он снова бежал.

Наверное, сделать это было полегче, чем выбраться из Штуттгофа, и под утро той счастливой ночи он оказался в расположении другой партизанской бригады, которой лихо командовал молодой комбриг, бывший ленинградский инженер Войцеховский. По-видимому, у того были несколько иные представления о бдительности, чем у соседей, и, внимательно выслушав беглеца, комбриг без лишних слов отрядил его в разведку под присмотр надежных ребят, которым надлежало испытать новичка в деле. Забегая вперед, замечу, что

это испытание длилось недолго. Войцеховский понял, с кем имеет дело, и уже через полгода назначил Карпюка командиром вновь созданного отряда имени Калиновского. Именно этим отрядом Карпюк и прокомандовал до момента освобождения Белоруссии летом сорок четвертого года. Как командовал — о том свидетельствуют ордена Красного Знамени и Отечественной войны на груди командира. Несколько позже к ним прибавился золотой крест «Виртути милитари» Польской Народной Республики.

Здесь может возникнуть законный вопрос: насколько достоверны все изложенные здесь факты, которым, разумеется, не был свидетелем автор? На это отвечаю, что автор осведомлен о подробностях карпюковских перипетий не только из его личных рассказов, но также из разговоров и воспоминаний самого Войцеховского, иногда наезжавшего в Гродно, где мы втроем встречались не только за чашкой чая. Впрочем, Карпюк всегда обходился чаем, которого выпивал по дюжине стаканов за один присест. На нашу долю перепадало остальное.

И вот однажды на партийном собрании редакции областной газеты, где Карпюк состоял на учете, появляется молчаливый товарищ из горкома и ставит вопрос об исключении Карпюка из рядов КПСС как двурушника и разоблаченного врага, в годы войны сотрудничавшего с оккупантами.

Коммунисты редакции были шокированы. Многие работали с Карпюком на протяжении двух десятков лет, другие вместе воевали в годы войны, все знали его как героя партизанской борьбы, а тут — сотрудничество с оккупантами! Восемнадцать коммунистов из двадцати двух не поддержали требование горкома, дело об исключении срывалось. Тогда несколько дней спустя Карпюк был вызван на бюро горкома, где его исключают единогласно. Тут же дело Карпюка было передано в городскую прокуратуру для получения санкции на привлечение к уголовной ответственности. Покойный прокурор города Волох потом рассказывал, что, получив из управления КГБ это дело, почувствовал некоторое затруднение и позвонил (как же — телефонное право!) первому секретарю обкома КПБ Микуловичу. Первый также несколько замялся с ответом: все-таки известный писатель, герой войны, популярный в городе человек. И первый спросил, все ли обвинения надежно доказаны? Вот тут от прокурора потребовалось, кроме приверженности к закону, и еще что-то из области человеческой совести. На вопрос секретаря он ответил отрицательно,

на что последовало указание вернуть дело на доследование, чтобы снять все неясности.

Для самого же обвиняемого вся эта история с самого ее начала была ясна как божий день, белые нитки торчали со всех страниц ее распухшего дела, и он бросился опровергать устно и письменно. Казалось, многое опровергнуть не составляло труда. Многие, кроме ведомости из Штуттгофа на получение немецких марок с его, Карпюка, собственноручной подписью, происхождения которой он не мог объяснить. На ее ксерокопированном экземпляре отсутствовал титул, значились только фамилия и сумма в марках с росписью получателя. Делалось допущение, что это оплата администрацией лагеря тайных услуг своих секретных сотрудников. Ведомость, разумеется, была серьезной уликой против обвиняемого, на ней строилось многое в его злополучном деле. Среди этого многого, например, сотрудничество с гестапо начальника штаба отряда имени Калиновского, проживающего ныне в Польше, внедрение Карпюком в диверсионную группу, десантированную на территорию Чехословакии, агента абвера, доносительство на соседа Грушевского, который был незаконно репрессирован и сослан в Казахстан. Было от чего сойти с ума.

Несчастья обрушились на Карпюка, словно каменный обвал в горах. Первым делом его отстранили от работы секретаря областного отделения СП БССР (с окладом 80 рублей в месяц), различные редакции разом отказали во всех публикациях, из издательских планов были выброшены все карпюковские книги. А тут еще пришлось положить в онкологию жену-учительницу, на руках безработного остались двое детей-студентов и дочь-школьница. Жить стало не на что, кормить семью было нечем. Время от времени писал заявления в Литфонд об оказании материальной помощи, но помощь оказывалась маленькой суммой раз в году. Другой помощи ждать было неоткуда. Руководство Союза писателей БССР заняло выжидательную позицию, явно поставив ее в зависимость от результатов апелляции Карпюка в партийные органы. Друзья... Ближайший из них, доцент мединститута Б. Клейн, был также исключен из партии и лишился работы, автор этих строк, будучи беспартийным, подвергся жесткому прессингу партийных и охранительных органов, включая мордобой руками уголовных элементов и вызовы на профилактику в республиканское управление КГБ.

Надо отдать ему должное: Карпюк не думал сдаваться, он боролся. Вскоре после исключения он пишет около тридцати писем товарищам по войне, партизанам своего отряда и... не

получает ни одного ответа. Между тем их ответы пополняют его «дело», и можно догадаться о смысле этих ответов, сочиненных под диктовку следственных органов. Партизанский отряд имени Калиновского вдруг отказались признавать, словно его не существовало в природе, и его командир оказался в роли самозванца. Карпюк бросается в минский партархив, где со времен войны хранится вся партийная и партизанская документация, и не находит ни одной бумажки по своему отряду. Исчез даже отчет, который Карпюк составлял собственноручно вскоре после освобождения Белоруссии. Зато его «дело» в эти дни пополняется еще одной «ценной бумагой», написанной бывшим комбригом Войцеховским. Оказывается, никакого вклада в борьбу с немецко-фашистскими захватчиками отряд имени Калиновского не внес, и вообще он, комбриг, командиром этого отряда гражданина Карпюка не назначал.

Доведенный до отчаяния предательством бывших друзей и соратников, Карпюк на последние деньги покупает билет на поезд и едет в Ленинград. К его удивлению, Войцеховский принимает его по-прежнему тепло и радушно и на возмущенный вопрос приезжего отвечает обезоруживающе просто: «А что я мог сделать, Алеша? Что они потребовали, то я и написал». Результатом этой поездки стала другая бумажка за подписью комбрига о том, что «тов. Карпюк А. Н. с такого-то и по такое-то время являлся командиром отряда имени Калиновского и проявил себя с наилучшей стороны». С этой спасительной характеристикой Карпюк бросается в Гродненский горком, где его первый секретарь Могильницкий невозмутимо отвечает: «А зачем нам эта бумажка? У нас есть другая бумага Войцеховского, она нас больше устраивает». Их устраивало все, что было против их жертвы, что работало на их дьявольский замысел подавления. Им следовало до конца растоптать, раздавить человека. Только за что? И во имя чего? Во имя беспрекословного повиновения и послушания? Бетонного единomyслия, железного порядка, незыблемой казенной идейности.

Начался многолетний период в жизни писателя, состоящий из непрерывных изнуряющих попыток как-то прорвать заколдованный круг абсурда. Пока его дело путешествовало по бесконечным апелляционным инстанциям, карательные органы терпеливо выжидали, плотноядно потирая руки. Утверждение исключения из партии должно было явиться сигналом для нового процесса — уголовного. Уж тут были все возможности отличиться, заработать ордена и звезды. Как же: известный писатель, герой войны — агент гестапо, разоблаченный

усилиями славных чекистских органов. Некоторые из числа доброхотов советовали Карпюку плюнуть на справедливость, все признать и покаяться, может, тем умиловив жаждающих крови. Карпюк, однако, не торопился каяться, продолжал единоборство, хотя средства его были ограничены до предела, а возможности с каждым днем убывали. Его аргументы, исполненные логики и элементарного смысла, не принимались в расчет. Свидетельские показания в пользу обвиняемого отвергались. Наверное, в такой ситуации требовалось хотя бы элементарное чувство справедливости и сколько-нибудь беспристрастный подход к этой от начала до конца сфальсифицированной уголовной истории.

Но где было в то время найти такому подходу? Задавленный страхом город молчал. Молчали ветераны. Молчали писатели. Ни один из обладавших властью чиновников не пожелал защитить человека. Таких не было в Белоруссии, не оказалось в Москве. Зато такой человек отыскался в Польше, за свободу которой когда-то пролил свою кровь обвиняемый. Товарищ Карпюка по антифашистской борьбе, белостокский писатель Олек Омелянович поехал в музей Штутгофа, созданный на месте бывшего концлагеря, и в его архивах разыскал оригинал злополучной ведомости. На ее титульной странице четко значилось: выдача заключенным денежных переводов, поступивших от их родственников. Оказывается, в рейхе существовал порядок, по которому немцы охотно принимали денежные переводы в адрес заключенных, на содержание которых те будто бы и тратились. Карпюк также несколько раз расписывался в получении марок, присланных матерью, распродавшей хозяйство и посылавшей что было возможно троим заключенным — мужу и двум сыновьям. Но, расписавшись, он тут же и забывал о том — фикция, она и есть фикция. Тем более что сознание заключенного было занято другим — как вырваться из лагеря. И вот вырвался...

Я не имею здесь ни желанья, ни возможности более подробно разбираться во всей этой омерзительнейшей стряпне, сплошь построенной на передергивании, измышлениях, подтасовках. Но кое-что все же нуждается в пояснении. Хотя бы история с сотрудником гестапо, подвизавшимся в роли начальника штаба отряда. Сотрудничество это, по словам самого комбрига Войцеховского, состоялось с ведома и одобрения командования бригады, и можно сказать, что не гестаповский агент был внедрен в ряды партизан, а наоборот: партизанский агент — в ряды гестапо, отчего партизаны имели немалую вы-

году. В первые послевоенные годы это обстоятельство не составляло тайны для местных «компетентных» органов, но со временем, с приходом в них новых людей и уходом из жизни партизанских руководителей, как-то забылось (не без умысла, как мне кажется, забылось), чтобы заново возродиться голым фактом «сотрудничества».

Примерно то же можно сказать и относительно будто бы имевшего место «внедрения» Карпюком агента абвера в нашу диверсионную группу. Летом сорок четвертого года, когда еще шла война, недавний партизанский командир Карпюк был вызван в Минск для составления отчета о боевой деятельности отряда. Однажды, вместе с товарищами проходя мимо лагеря немецких военнопленных на Комаровке, он случайно бросил взгляд на одного из многих сотен его обитателей, и лицо немца показалось Карпюку знакомым. Действительно, это был со-лагерник по Штуттгофу, бывший социал-демократ, который в лагере неплохо относился к русским — угощал некоторых табачком. Теперь в форме солдата вермахта он понуро сидел за колючей проволокой советского лагеря. Карпюк коротко сообщил о пленном своему спутнику, также одному из партизанских командиров Белоруссии, и тот сказал, что надо бы о том доложить начальству. Сделать это было несложно, начальство располагалось рядом. Оно и в самом деле отреагировало охотно и оперативно: немец был отделен от остальных, прошел в Подмоскowie курс спецподготовки и осенью того же года в составе диверсионной группы заброшен в Чехословакию. Далее судьба диверсантов сложилась трагически, почти все они погибли, и было подозрение, что их провалил именно этот немец. Теперь, спустя четверть века, вину за его «внедрение» возложили на Карпюка. Вот уж поистине — доброта наказуема. Пройди тогда Карпюк мимо пленного, не подав виду, что узнает его, не было бы и этого обвинения. Впрочем, нашлись бы другие.

Чтобы не распространяться больше об этой почти фантазмагорической истории, которая лишь бледной тенью отражена в этих строках, а в свое время способна была морально и физически сломать человека, скажу только, что в тот раз почти все закончилось для Карпюка благополучно. На заседании бюро ЦК КПБ благодаря заступничеству покойного П. Машерова Карпюк избежал исключения, отделавшись строгим выговором (за «неискренность перед партией, намерение улучшить автобиографию») — надо же было как-то оправдать многолетние усилия органов, партаппарата и прокуратуры. Спустя

положенное время выговор был снят, облыжные обвинения отменены. Состряпавший малоудачное дело майор Фомин был уволен из органов, начальник областного управления КГБ Кузнецов за шалости на охоте со стрельбой по человеку выпровожен на пенсию. Бывший первый секретарь горкома партии Могильницкий, стоявший у истоков расправы, сперва повышен в должности, а потом за другие преступления исключен из партии.

Карпюк как будто оправился от потрясений, пришел в себя, обрел творческую форму, создал ряд книг, ставших заметным явлением в современной белорусской литературе. За одну из них получил литературную премию имени И. П. Мележа. Может быть, теперь и не стоило бы ворошить это его мало-радостное прошлое, если бы не некоторые события буквально последних месяцев. Именно эти события как нельзя лучше свидетельствуют, насколько прочно угнездилась в сознании некоторой части партбюрократии печальной памяти сталинская нетерпимость. Под бурные дебаты о перестройке и плюрализме мнений, не утихающие в столицах, провинция продолжает жить однажды и давно заведенным образом, новые, свежие веяния доходят до нее неполно и с большим опозданием. Не имея возможности или не желая в чем-либо меняться, бюрократия не утруждает себя изобретением новых методов борьбы с разномыслием и привычно хватается за старые, многократно испытанные.

Началом нового витка преследований Карпюка послужили его публикации в областной газете на темы коллективизации в западных областях Белоруссии. Судя по этим публикациям, личный опыт автора, молодого коммуниста, бывшего заведующего районо Карпюка, вступил в некоторое противоречие с расхожими пропагандистскими клише на данную тему, и в Гродненский обком пошли письма от ревностных охранителей устоев. Оказывается, все пережитое Карпюком в те времена, все, чему он являлся свидетелем, — не более чем «односторонние обобщения и выводы, уводящие читателя от той реальности, которая складывалась...», а примеры из жизни «искажены, страдают недостоверностью» и т. д. Впрочем, критика критикой, даже самая злобная и несправедливая, к ней ли привыкать такому писателю, как Карпюк. Но в этот раз за критикой последовало нечто иное, от чего вновь пахнуло не столь отдаленным и даже далековатым прошлым. По всей видимости, учуяв знакомые доносительские интонации, обком партии срочно создает комиссию по проверке... личности автора публикации.

На свет божий снова извлекаются пожелтевшие папки, и вот прежние обвинения гуляют по страницам областной прессы. Почти без комментариев их охотно подхватывает такое одиозное в Белоруссии издание, как ежемесячник «Политический собеседник», знаменитый верностью сыскным традициям бесславных лет, и давняя, отвергнутая сенсация готова перерастить в очередное «разоблачительство».

Создается вполне обоснованное впечатление, что собранный когда-то «компромат» вне зависимости от его достоверности тщательно приберегается «про запас», чтобы в нужный момент запустить его в дело. Как это явствует из истории с Карпюком, момент этот определяется не КГБ и не правоохранительными органами, а скорее органами идеологического надзора. Горком, обком, ЦК партии включают условный сигнал расправы, который тут же принимается к исполнению карательными органами. Военные злоключения Карпюка были известны давно, еще с военного времени, однако не вызывали особой реакции до тех пор, пока Карпюк сидел тихо. Но вот стоило ему высунуться, как все началось сначала. При этом, кажется, забыт или игнорирован хотя бы тот факт, что почти все бывшие «эзекюторы» Карпюка так или иначе скверно кончили. Или, может быть, именно этот их скверный финал вызвал столь бурную реакцию, сильно смахивающую на запоздалую реакцию отмщения за ведомственные проколы. Но такая ведомственная «памятливость», обостренная чувствительностью определенных ведомств к чести подпачканных мундиров, по существу, чревата многими последствиями даже для нашего перестроечного времени. В самом деле, те, кто в недавнем и отдаленном прошлом дружно сажал, стучал и доносил, теперь не прочь обвинить в том других, лишь бы запачкать как можно сильнее. Общая вина вроде бы уменьшает вину индивидуальную.

Слов нет, наверно, Карпюк поступил не лучшим образом, дав по запросу СМЕРШа отрицательную характеристику на Грушевского, который и был затем репрессирован. Но можно ли не учитывать сегодня конкретную атмосферу тех лет, когда возвращались с войны солдаты, и искалеченный, с подорванным здоровьем фронтовик встретил в деревне соседа, бывшего немецкого старосту, всю войну просидевшего дома? Карпюк написал то, что о нем думал, но не Карпюк же в конце концов проводил следствие, судил и репрессировал, наверно же, этим занимались другие. Или эти другие не несут никакой ответственности за попрание принципов, которые

обязаны были соблюдать хотя бы по долгу службы, если не по велению совести? Ясно, что сегодня ими движет вовсе не жажда справедливости, а скорее желание за счет реабилитации одного обвинить другого, чтобы самим остаться в стороне. И еще — «неискренность перед партией»... Не знаю, как можно рассчитывать на какую-то «искренность» там, где царил страх наказания за ничто, где отсутствовала всякая надежда на правый суд, где столько усилий госаппарата расходовалось именно на подавление искренности, воспитание двуличия и лицемерия. В таких условиях ложь во спасение — может, не самый худший из человеческих пороков, и проклятие падет не на тех, кто к ней прибегает, а на тех, кто к ней понуждает.

Конечно, мы слышим с детства, что сила добра одолевает злые силы и правда в конце концов торжествует. Но, к сожалению, человеческая жизнь не беспредельна, и как быть, если самая большая ее часть, самая активная и трудоспособная часть отравлена злом и несправедливостью? Алексею Никифоровичу Карпюку исполняется семьдесят лет. Прожита труднейшая, полная невзгод и лишений жизнь, в которой столько душевных и физических сил потрачено на преодоление несправедливости, ветряных мельниц облыжных обвинений. И в этом смысле можно ли утешиться банальным сознанием плодотворности преодоления как необходимого условия творчества, высокой духовности? Известно, что в ракушке с застрявшей песчинкой возникает жемчужина. Но все же... Думается, в случае с Карпюком этих песчинок выпало слишком много для одной ракушки и даже для одной самой драматической судьбы...

[1990]

[ВЫСТУПЛЕНИЕ НА X З'ЕЗДЗЕ СП БССР]

Вядома, сёння хацелася б гаварыць найперш пра чыста літаратурныя справы, пра нашы тэмы, стыль, ступені майстэрства. Пра нашых герояў-сучаснікаў. Так, як мы гэта рабілі 5–10 і 20 гадоў таму, калі шчыравалі з трыбун, каб павярнуць літаратуру тварам да здзяйсненняў сучаснасці, да нашых герояў-працаўнікоў, да несумненых заслуг мудрага кіраўніцтва і, вядома

ж, «авангарднае ролі партыі», якая так паспяхова вяла нас «ад перамогі да перамогі». Але во настала абуджэнне, хваравітае працверазенне пасля шматгадовай эйфарыі, і свет убачыў, што нашы героі — не болей як пухіры, надзьмутыя нашай фантазіяй, рай наш — нішто іншае, як галеча на 57-м месцы ў сведе, а нашы «ум, честь и совесть» вялі нас туды, куды і самі не ведалі. Значыць, завялі, як той міфічны Сусанін! Дзе цяпер выйсце з гэтага тупіка і заняпаду, у якіх апынуліся, а найболей — у якіх яшчэ апынёмся. А што апынёмся, тое відавочна ўжо для цэлага свету.

І во дзіва: як ішлі ў той нерат, быццам ніхто не заўважаў, не біў трывогу, не пратэставаў — не толькі не спаліў сябе на плошчы, як той беспрацоўны славацкі камуніст, але нават не пасварыўся з начальствам. Каб нічога таго не бачылі, не заўважалі, дзень і ноч побач грукаталі глушылкі і шчыравалі ўсе органы, парткамы, арганізацыі — ад ЦК да СП, столькі сілы і грошай было патрачана на тое, каб схваць найперш ад саміх сябе найвялікшы дзяржаўны сакрэт — бег да прорвы. Для таго ствараліся песні, пісаліся раманы, краіна жыла ў штучна створанай і старанна падтрыманай эйфарыі росквіту і праведнасці.

Цяпер настала эйфарыя іншага зместу, эмоцыі гневу закіпелі ў нашых грудзях. Зрэшты, яно і правамерна: куды ж было падзецца тым эмоцыям, не зважаючы на ўсё, накопленым за столькі гадоў нематы і змушанага аптымізму. І гэта добра, што яшчэ захавалася гэтая здольнасць душы да неспакою, да хоць бы спазнелага і боязнага пратэсту. У тым пэўная адзнака таго, што нацыя не ўмерла ў сваёй стогадовай быдлячай пакорнасці.

Але перабудовачныя зрухі апошніх гадоў абудзілі не толькі праведныя народныя эмоцыі — прахапіліся ад спалоху і іншыя сілы. З розных куткоў краіны і асабліва верхніх паверхаў кіраўнічых гмахаў пачуліся слёзныя крыкі: нішчацца высокія арыенціры, хістаюцца ўстоі, глядзі рухне ўвесь так старанна збудаваны палац народаў, і настане канец.

Але каму — канец?

Калі чытаеш у «ПС» несканчоны лямант наконт пагібелі асноў, дык цяжка адмовіцца ад думкі, што некаму, відаць, ёсць што губляць са стратай тых шматгадовых устояў. Інакш бы так не лямантавалі. І праўда, ёсць. І сярод гэтых страт найперш, вядома, — яе вялікасць улада над уся і ўсім, чароўная адмычка ад усяго іншага, жаданага і зваблівага ў жыцці. Так, улада! Гэта некалі, у мінулым, людзі імкнуліся да традыцыйных даброт жыцця — зямлі, грошай, маёмасці, таго, што давалася працай некалькіх пакаленняў. Цяпер жа, каб дасягнуць жада-

нага, грэба зусім іншае, і найперш — паслужлівасць. Розум? Дзелавітасць? Сумленне? Не толькі не абавязковыя, але часцей за ўсё і замянаюць. Значыць, толькі паслужлівасць. Без гэтае самай распаўсюджанай пошасці веку не можа абысціся ніхто — ні чыноўнік, ні навуковец, ні мастак. Усё — талент, шчырасць, дабрыню і розум перамагае магутны малох улады, тыя, хто маюць уладу, хто на паўдарозе да яе, хто мае для яе патэнцыяльныя даныя. Перад уладай не можа ўстаяць ніхто. І калі сярод нас усё ж знаходзяцца тыя, хто могуць сёння сказаць, што яны незалежныя ад яе, што яны ўберагліся ад яе смяротна-зваблівых чараў і жывуць вольнымі людзьмі, дык мы павінны зняць шапку перад гэтымі нешматлікімі людзьмі.

Павінны! Але ці здымаем? Ці таму нас вучыць жыццё? Хутчэй за ўсё мы іх узненавідзім. За тое, што яны не такія, як мы. Не такія дробязныя трапетуны, як многія, і могуць сказаць, што думаюць. І нават выйсці на плошчу. Але тым яны быццам прыніжаюць нашу мізэрную годнасць. І прычыняюць клопат. А калі яшчэ да ўсяго дадаецца іх несумненны талент, дык наогул нашае непрыязі няма мяжы. Ужо тут мы не дамо ім узвысіцца хоць бы з прынцыпу, мы іх імкнёмся прынізіць, паставіць у наш звыклы рад. Любячы літаратуру, усё ж сябе мы любім болей за ўсё. Раней для таго прыніжэння былі хлесткія азначэнні — «папутчык», «вораг народа», «ідэалагічны дыверсант». Цяпер не менш хлесткія — «нефармал», «дэмакрат», «народафронтавец». Але ці не час паразумнець некаторым штатным энтузіястам пісьменніцкай канферэнц-залы — часы ўсё ж мяняюцца. Калі яшчэ да нас тое не дайшло, дык дойдзе, бо дайшло да іншых — нашых суседзяў, блізкіх і далейшых, дзе некаторыя з былых «нефармалаў», «заклятых дысідэнтаў» сталі героямі нацыі, прэм'ер-міністрамі, прэзідэнтамі. Але што ж, у нас на Беларусі — усё не так, як у людзей, прынамсі, як у Еўропе. На жаль, мы ўсё яшчэ — не Еўропа, і гэта не звязваючы на нашу гераічную гісторыю, на нашы ахвяры, наша легендарнае доўгацярпенне, якому няма мяжы.

Але ж колькі можна? Чаму нас нічому не вучыць не толькі гісторыя, але і сённяшні самы надзённы і балючы вопыт, учарашнія падзеі, горкія і ганебныя?

Цяпер нярэдка пачуеш, што СП не адпавядае новаму часу, састарэла яго структура, патрабуе абнаўлення кіраўніцтва. Правільна: і састарэла, і не адпавядае. Але СП — найперш гэта мы самі; і кіраўніцтва наша такое, якога мы заслугоўваем. Не больш і не менш. Калі палітычная свядомасць СП, нашы палітычныя ідэалы — на ўзроўні свядомасці гуртка рыбаловаў-

аматараў, дык чаго ж чакаць ад праўлення, прэзідыума, сакратарыята? І чаго чакаць ад народа, калі ягоную інтэлігенцыю, творцаў і майстроў прыгожага столькі гадоў імкнуліся ператварыць у нясмелую замуштраваную групку дзіцячага садка, да якой найбольшае патрабаванне, каб сядзелі ціха. І сядзелі ціха. Дзесяцігоддзямі сядзелі, бяскрыўдна дазваляючы папінаць сябе зграі ідэалагічных наглядчыкаў ад класнай дамы Сінельнікавай да ідэалагічнага Прышыбеева — Паўлава, які нават стаў нашым калегам. Усё ж ён чалавек «сціплы», бо мог бы стаць і класікам, і ўлезці ва ўсе хрэстаматыі, і атрымаць прэміі і званні. Хто б яму перашкодзіў? Тыя, хто цяпер выступае супроць ушанавання таленту Рыгора Барадуліна, аж распіналіся пра незвычайны талент Савелія Яфімавіча. А іншыя маўчалі. Як маўчалі, калі распраўляліся з А. Карпюком, калі ва ўпор не заўважалі У. Караткевіча. Калі ў Траецкім прадмесці, дзе цяпер збіраюцца паставіць помнік ахвярам афганскай авантуры, бравыя хлопцы з адпаведнай выпраўкай лупцавалі дзяўчатак з мастацкага вучылішча за іх «крамольную» спробу правесці гуканне вясны. Калі самадзейныя купальскія вогнішчы на працягу многіх гадоў залівалі з пажарных машын. Верхам знявагі і непрыкрытага тэрору ў адносінах да беларускага народа стала, канечне ж, векапомнае 30 кастрычніка, калі ўчыніўся здзек з народных веры, традыцыі, культуры, калі наваяўлены айчыны фашызм ва ўсёй красе паказваў сваё насарогава аблічча. На вялікі наш сорам, знайшліся і інтэлігенты, якія імкнуліся апраўдаць і адобрыць гэтае злачынства стагоддзя. Ну але што ж, хіба першы раз! Дзеля свае роднае партыі чаго не зробіш? Іншыя рабілі не тое — варта пачытаць сёння апублікаваныя стэнаграмы паказанняў некаторых з іх на славурых працэсах трыццатых гадоў. Можна звар’яецца, а мы перасталі і здзіўляцца.

Людзі могуць быць розныя — беспрынцыпныя і бяспмятныя, гісторыя ж жыве па сваіх законах і рупна робіць свой беспрыстрасны рээстр. Ад яе пільнага вока не засцеражэцца ніхто. І тут нельга адкараскацца ад думкі, што мы, беларусы, нясём на сабе нейкую каінаву пячаць за немаведама якія грахі ў мінулым ці будучым. Я ўжо не кажу пра Чарнобыль, гэты гіганцкі атамны генацыд, які, здаецца, усё ж даканае нацыю. Асабліва пры такой эканоміцы і такой палітыцы. І пры такім начальстве! Незабыўны наш Караткевіч некалі расказваў прытчу, як Бог, стварыўшы зямлю, размяркоўваў яе між народамі. Нехлямяжыя беларусы, вядома ж, спазніліся, усё ўжо было падзелена. Апроч аднаго райскага кутка з мяккім кліматам, ля-

самі-барамі, рыбнымі рэкамі, урадлівымі палямі. І гэты куток Бог аддаў беларусам. Але, каб тыя не заганарыліся, прыставіў да іх надта ж благое начальства. За шмат стагоддзяў, што мінулі з біблейскіх часоў, парадзелі лясы, спаскудзіліся рэкі, клімат змяніўся. Але якасць нашага начальства засталася нязменнай. Столькі гадоў нацыя без лідара! Ва ўмовах дэмакратыі, дык тое, можа, было б і няблага, але ж нам да дэмакратыі — як да таго гарызонту, які ўсё аддаляецца. Пакаленні пражылі без яе і, му-сьць, будуць жыць новыя. Але як во пражыць без начальства?

Азіраючыся цяпер назад пры не надта і вялікім веку, ба-чыш, як няшмат было сярод іх людзей людскіх, у якіх за гады іхняй кар’еры не вытруцілася чалавечае ў душах. Бы слупы, яны стаяць у часе, адзеленыя адзін ад аднаго кіламетрамі. А іншыя... Можа, упершыню за столькі гадоў у нас з’явіўся старшыня ўрада — спецыяліст і рэфарматар, і нацыя пазірае на яго з вялікай, ці не апошняй надзеяй. Хаця ў сучасных умовах усеагульнага развалу і ранейшага дыктату ЦК наўрад ці ён многа зможа...

Зрэшты, мы не максімалісты. Беларусь абышлася б і без выдатнага кіраўніцтва, але з такім, якое б не шкодзіла, не душыла, не цугляла нацыю на кожным кроку. А то па цуглянню наша рэспубліка, безумоўна, самая перадавая ў Саюзе. Нездарма Алесь Адамовіч гэтак трапна ахрысціў яе «Вандзэяй перабудовы». Сапраўды, на што мы дзясяткі гадоў трацілі свой грамадзянскі імпэт, свой творчы запал? На змаганне за тое, што даўно ўжо дасягнута ў самых слабаразвітых краінах, што для якой-небудзь Верхняй Вольты пройдзены і забыты этап. Дзясяткі гадоў мы змагаліся за родную мову — некаторыя касцьмі клаліся ў тым змаганні (як Уладзімір Дамашэвіч, напрыклад), закідвалі пісьмамі-енкамі ЦК КПСС, Гарбачова. За што пасля па адным іх цягалі ў ЦК на допыты, па сутнасці на здзек, бо ўсе пункты скаргаў ЦК КПБ разам з падначаленымі яму міністэрствамі настойліва абвяргаў. Сёння, калі абставіны трохі змяніліся, аддамо належнае нашым братам, мастакам Беларусі, некаторым з навукоўцаў, настаўнікам, імёны якіх цяпер і не ўспамінаюцца. Гэта цяпер, калі стала можна, ТБМ раскашуе на ўсенародным, афіцыйным прызнанні, і дай яму бог раскашаваць і далей. Тое, што яно робіць, вядома, трэба рабіць. Але і не трэба заспакойвацца, па сутнасці, нічога яшчэ не дасягнута. Трэба зразумець, што доўгачаканы акт надання дзяржаўнасці беларускай мове — не больш чым чарговы бю-ракратычны манеўр, нацыянальны падман. Пры цяперашніх далёкіх ад дэмакратыі пазіцыях нашага кіраўніцтва праблема

нацыянальнае мовы застаецца нявырашанай. Для таго, каб беларуская мова стала сапраўды народнаю, дзяржаўнаю моваю, відаць, патрэбна змена ўсяго антынацыяналістычнага, сервілісцкага ладу на суверэнна-дэмакратычны, што нам пакуль і не свеціць. Мабыць, мы яшчэ не даслі да таго. Да таго дасла Балтыя, а не Беларусь, рукамі якой цяпер спрабуюць душыць яе боскую ініцыятыву да волі. Саюзнае ВС прымае законы аб крымінальнай адказнасці за тэрытарыяльныя прэтэнзіі, а Прэзідыум нашага ВС выдае заявы аб такой прэтэнзіі да Літвы. Сорам гэтай ганебнай акцыі падае, вядома, і на нас, творчую інтэлігенцыю. Нам найболей адказваць за ганебныя акты, якія падпісваюцца тымі, хто, бы матылі, з'яўляюцца і знікаюць. Ні за што не адказваючы. Як яны ні ў нас, ні ў Маскве не адказвалі ні за Венгрыю 1956 года, ні за Чэхаславакію 1968-га, ні за Афганістан. Нам жа заставацца на гэтай зямлі і ў яе гісторыі і, значыць, несці гістарычную адказнасць.

Могуць сказаць: а што мы можам?

Сапраўды, што?

Мы самі — задушаныя, нямыя і бяспраўныя. Дзясяткі гадоў мы змагаліся за рэабілітацыю нашых няшчасных праведнікаў ад Гаруна да Гартнага і пяці дзясяткаў іншых дзеячаў культуры, на якіх ужо рыхтаваліся новыя абвінавачанні — так сказаць, пасмяротныя, па другім за ходзе. Год назад Прэзідыум Вярхоўнага Савета БССР праз Вярхоўны суд рэспублікі ўрэшце рэабілітаваў вялікую іх групу. Але без удзелу кіраўніцтва СП. Кіраўніцтва СП у той час вяло зацятую вайну з БНФ, даказваючы яму, сабе і найперш, вядома ж, начальству, згубу праграм БНФ, ягоных памкненняў да волі і незалежнасці. Чым скончылася гэтая барацьба, вядома — беспрэцэдэнтным для гісторыі нашай культуры ганебным «уотэргейтам» у нашым доме, самаўпраўствам міліцыі, знявагай годнасці ўсёй нацыянальнай інтэлігенцыі. І зноў без усялякага выніку — кіраўніцтва СП нават не пасварылася з начальствам. Як жа, а раптам начальства разгневаецца і адмовіць у свае панскае міласці? Факт гэтага ганебнага ўварвання ў «пошуках бомбы», вядома ж, ніхто не расследаваў, і не развезены падазрэнні, што не каторыя з апаратчыкаў СП і навялі міліцыю на гэты начны ўзлом. Я ўстрымліваюся ад каментарыя гэтага факта, хай яго ацэніць наша шануюная грамада.

І што ж, на тым усё сціхла? Бомбу не знайшлі, але дакументы забралі, і ўсё скончылася? Скончылася хіба ў аператыўных зводках карных органаў, але для гісторыі толькі пачынаецца. І ўсё тое, безумоўна, праявіцца ў жыцці наступных пакален-

няў, дзяцей тых дзяўчынак і хлопчыкаў, якіх лупцавалі веласіпеднымі ланцугамі каля Траецкага прадмесця, якіх труцілі газамі каля Маскоўскіх могілак, білі міліцэйскімі палкамі ля Курапат, дзе здаўна ляжаць у брацкіх магілах іхнія дзяды і прадзеды. Такое не забываецца, не знікае ў памяці народа і ягонай гісторыі, якія б высілка для таго ні рабілі камуністычная партыя, КДБ, МУС, нашы псеўдавучоныя ад Абэцэдарскага да Залескага. Безумоўна, апроч гісторыкаў над тым парупяцца творцы: раманісты і мастакі, песняры і рэжысёры, якія цяпер змушаны змагацца, смешна мовіць — за прызнанне ў Беларусі яе нацыянальнай гістарычнай сімволікі. Пра тое нават нельга сказаць у далёкім ці блізкім замежжы — ніхто цябе не зразумее: чаму так? Які ў гэтым сэнс ці хоць бы якая логіка? Я не ўпэўнены, што тое разумеюць нават тыя, што забараняюць гэтую няшчасную сімволіку. Бел-чырвона-белы сцяг ім, бацьце, ненавісны за тое, што яго насілі паліцаі. Дык паліцаі ж насілі і штаны, што ж тады вынікае з вашых вучоных высноў, шаноўныя панове? Няма сумнення, усё гэта будзе смешна і недарэчна нават праз вельмі кароткі час. Але цяпер не смешна. Цяпер балюча і крыўдна, бо тупы жандарскі бот па-ранейшаму папірае і фізічнае існаванне нацыі, і яе стогадовыя духоўныя набыткі. Якія яна па крошчыцы выпрацоўвала ўласнымі высілкамі, высілкамі сваіх найлепшых людзей, збірала і зберагала — праз войны, голад, галечу, іншаземнае панаванне.

Народ — сірата без лідара, гэта элементарна. Але яго будучыня не безнадзейная, калі ён мае ўласную інтэлігенцыю, якая генерыруе ідэі і з'яўляецца жыватворным ферментам палітычных працэсаў у грамадстве. Антынародныя, антынацыянальныя сілы гэта разумеюць выдатна, і таму такое шалёнае супраціўленне ў Беларусі сустракае яе Народны фронт. Усе сродкі кінуты на барацьбу з ім, з поўнаю пагардаю да элементарнай цярпімасці, этыкі і маралі. Але і непрызнаны Беларускі народны фронт жыве, дзейнічае з апірышчам галоўным чынам на нацыянальна-дэмакратычную інтэлігенцыю пры падтрымцы найбольш свядомых слаёў народа. І гэта дае надзею. У гэтым сэнсе нам трэба сёння азірнуцца на саміх сябе, паглядзець, якія мы інтэлігенты і як выконваем свае абавязкі перад народам. Вядома, у мастацтве найперш талент, але, апроч таленту, яшчэ так неабходнае сумленне. І калі талент — ад бога, дык сумленне — хоць і не цалкам, усё ж у значнай меры — ад нашае чалавечае волі. І калі мець на ўвазе наш дужа нават няпросты час і наша мастацтва, дык у іх, мабыць, болей за ўсё і вырашае менавіта сумленне. Сумленне ва ўсім: у стаўленні да народа,

да гісторыі, да сучаснасці і будучыні. Пісьменнікі цяпер усе разумныя і таленавітыя, ведаў у кожнага звыш меры. І дай бог, каб ён надзяліў нас яшчэ і сумленнем.

Ці трэба нам сваё карпаратыўна-цэхавае аб'яднанне, свой прафесійны саюз?

Мабыць, патрэбны.

Толькі не такі, якім мы ўжо сытыя па горла. Не як зброя ўлады супроць літаратуры, не сродак уціску, а такі, каб выражаў волю большасці, нашу волю і нічыю болей. Не міністэрства літаратуры (каму толькі не падпарадкаванае — ад ЦК да райаддзела міліцыі), не дэпартамент папяровых спраў з трыма паверхамі пісцоў-чыноўнікаў, а наш родны дом, наша царква, калі хочаце, у якой бы пісьменнік мог знайсці праўду і абараніць свае інтарэсы. Менавіта абараніць, а не навучыцца літаратуры ці марксізму — ужо гэтаму, калі захочам, мы як-небудзь навучымся самі. Кіраўніцтва тое павінна быць не ў ролі паноў-міністраў, а ў ролі нашых таварышаў, дэмакратаў па перакананнях, не дзялкоў, а сумленных, разумных грамадзян. Таленавітых? Так, было б пажадана, каб таленавітых, але тое зусім не абавязкова. Сумленных — во гэта абавязкова. Такое, каб не кіравала намі і не дазваляла каму б там ні было кіраваць сабой. (Надта ж добра вядома, да чаго прывяло такое шматгадовае кіраўніцтва над ім.) Каб мела свой гонар і паважала гонар іншых. Але найперш сваіх членаў і членаў іншых братніх творчых саюзаў. А калі якая несправядлівасць, уціск ці за нядбанне — літаратуры або грамадства, — каб мела адвагу сказаць пра тое перад усім светам, а то і выйсці на плошчу і павесці за сабой тых, хто яшчэ адважваецца людзьмі звацца.

Што, занадта? Не, не занадта. Іншых і розных у нас ужо было даволі. Цяпер патрэбны менавіта такія. Тым болей, што часы наступаюць далёка не райскія — горкія і цяжкія часы. Барацьба будзе зацятай. За хлеб, за гонар і праўду — для сябе і нашага цярпліўца-народа.

[1990]

[РЕЦЕНЗИЯ НА ЛИБРЕТТО ОПЕРЫ «МАСТЕР И МАРГАРИТА»]

Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» — одно из самых сложных идейно-философских произведений мировой литературы, признанное в мире и широко разошедшееся на различных языках. Понятно, что его адекватное преобразование в другие виды искусства весьма заманчиво, хотя и таит в себе множество проблем и сложностей. По-видимому, успешно реализовать это преобразование может только художник недюжинного таланта, от которого тем не менее потребуются гигантский труд и колоссальные усилия.

Мне кажется, что либретто Ларисы Васильевны и Евгения Александровича Глебовых как раз представляет собой такое адекватное переосмысление знаменитого романа, написанное бережно и уважительно к основным идеям его автора и содержит в себе значительные оперные возможности. Если к этому добавить, что вне всяких сомнений, огромные композиторские способности Евгения Глебова, то в данном случае мы имеем все основания надеяться на появление несомненно выдающегося произведения, достойного великого таланта Михаила Булгакова.

22 мая 1990 г.

ПЕРЕКРЫВАТЬ КИСЛОРОД ОНИ УМЕЛИ

Чтобы по справедливости оценить все значение давней правдинской статьи В. Севрука, надобно представить себе степень идеологического остервенения, охватившего общественную жизнь страны весной 1966 года. Официальная политика круто поворачивала вправо, реабилитировался сталинизм, всякое начальственное слово в адрес литературного произведения воспринималось бюрократией как сигнал для расправы с автором. Тем более сигнал, поданный со страниц «Правды». Критические инвективы В. Севрука относительно «Мертвым не больно» на четверть века вычеркнули из литературы эту повесть, которая не только не издавалась в

стране, но даже искоренялось всякое упоминание о ней. За этим бдительно следил Главлит, курируемый В. Севруком. На днях белорусская газета «Літаратура і мастацтва» напечатала статью В. Хомченко, проливающую новый свет на историю с телеграммой директора издательства М. Дубенецкого, где главным действующим лицом выступает все тот же Севрук. Действительно, роль этого человека в руководстве отечественной литературой непереоценима.

Отправляя с Адамовичем нашу злополучную жалобу в ЦК КПСС, мы, разумеется, не рассчитывали на скорую справедливость, но и не предполагали, что эта жалоба столь коварным образом обернется против нас же и тот, о ком мы писали, потребует от ЦК КП Белоруссии принятия мер к жалобщикам, чтобы неповадно было впредь. К чести А. Т. Кузьмина, он с должным пониманием отнесся ко всей этой истории, не стал нас распинать, что, впрочем, не осталось без последствий для него самого.

Что и говорить, перекрывать кислород они умели, делали это надежно, надолго и... не оставляя следов. Будущие историки не найдут в архивах никаких письменных свидетельств их одиозной деятельности. Одни лишь общие и совершенно безупречные положения. Теперь, когда обстановка в стране изменилась, они, пересев в другие, не менее удобные кресла, не утратили, однако, прежней возможности заткнуть рот любому, посмевавшему вспомнить неприглядное прошлое. Для того им хватает прежних связей, отработанных за долгую карьеру способов, а покаяние для них по-прежнему понятие мистическое и, разумеется, неприемлемое для атеистов.

[1990]

ЗНОЎ ГУЧЫЦЬ БАЯВАЯ ТРУБА

Рэдакцыя часопіса «Політычны сабеседнік» (1990, № 7) парадавала нас новай формай працы з аўтарамі, апублікаваўшы ў рубрыцы чытацкіх пісем артыкул кандыдата філалагічных навук В. Юдзіна «Пафас безгрунтоўнага адмаўлення». Даруем ёй гэту маленькую выдавецкую хітрасць: ёсць «проста чытач» і ёсць «просвешчаны чытачель», а менавіта да яго звяртаецца аўтар артыкула.

Што ж, «проста чытач» можа і не ведаць, а «просвещенный читатель» то пэўна ведае, што свабодны друк — найвялікшае дасягненне нашага часу — не толькі дазваляе выказацца кожнаму, але і вымагае ад кожнага пунктуальнага выканання агульнапрынятых у цывілізаваным грамадстве правіл паводзін! Што сказаў бы навуковец В. Юдзін, калі б апаненты адверглі яго дысертацыю, грунтоуючыся адно на асобных яе фрагментах! Ці прызнаў бы за імі права рабіць такія гучныя, больш падобныя на палітычныя абвінавачванні, вывады, якія робіць сам у дачыненні да ўрыўкаў з дакументальнай кнігі С. Алексіевіч «Цынкавыя хлопчыкі» («Комсомольская правда», 1990, 15 лют.): «Налицо не документальная, а воображаемая проза, замешанная на пафосе беспочвенного отрицания все и вся, лишь имитирующая документализм. В истерическом хоре злонамеренных нападов на Советскую Армию, резко участвовавших за последнее время со стороны наших “прогрессистов”, новому произведению С. Алексиевич уготовано, как ни печально, видное место...»

Артыкул В. Юдзіна, як пракурорская прамова з выразным абвінаваўчым ухілам, літаральна нашпігавана апрабаванымі ў добра памятных часы рытарычнымі прыёмамі і фігурамі.

Усё тое ж сумна вядомае прыпісанне аўтару думак яе герояў-«афганцаў»: «Рукой-то наших “цинковых мальчиков” водит автор. И не просто “водит”, скрупулезно регистрируя “случаи” из жизни, а задает им определенную концепцию».

Усё тая ж перанесеная ў наш час з суслаўскай эпохі папрокі ў нежаданні адрозніваць «правду отдельного факта и большую правду искусства».

Усё тое ж наўмыснае супрацьстаўленне сучасных пісьменнікаў класікам: «Опускаясь в глубины человеческой мерзости, нельзя забывать о небе и солнце, способном высветить в человеке прекрасное». Называючы пры гэтым імя М. Шолахава, літаратуразнаўца В. Юдзін забывае, што яго герой пасля ўсяго перажытага ўзняў вочы ў неба і ўбачыў «чорнае сонца».

Усё тое ж імкненне выкачаць у гразі падазрэнняў, хлусні і паклёпу святое імя А. Д. Сахарава, погляд якога на афганскую вайну як на вайну амаральную і злачынную быў афіцыйна пацверджаны на З'ездзе народных дэпутатаў.

Усё той жа намер зваліць адказнасць за гэту ганебную акцыю на мёртвых дзеячаў «мадрыдскага двара» і абараніць Сістэму, якая трымаецца на дзіўным кангламераце партыйнай бюракратыі з ваенна-прамысловым комплексам.

Усё тое ж нацкоўванне на пісьменнікаў простага люду («отцы нам не лгали») і імкненне выкарыстаць у гэтых мэтах «афганцаў», скіраваўшы зразумелую іх прагу дзейнасці на пошукі новых «ворагаў», разварушваючы ў іх душах нізкія псеўдапатрыятычныя страсці («будто и не солдаты вовсе, а насильно оторванные от груди матери сосунки»).

І ўсё той жа славуцы савецкі «новояз», народжаны ў час вострай ідэалагічнай барацьбы з замежнымі «спецслужбамі»: «отцы-изверги», «досужие судилища», «подлинные патриоты», «славные советские парни», «этакие хлюпики-многострадальцы с их пацифизмом, слащаво-приторной сентиментальностью, брезгливо расторгнувшие всякие духовные связи с Родиной, своим народом».

І зноў са старонак «ПС», як ужо было не раз за гэтыя гады, гучыць баявая труба абаронцаў «імперскіх амбіцый», якія заклікаюць пад свае сцягі «сапраўдных патрыётаў», «верных сыноў Айчыны», «воінаў-інтэрнацыяналістаў». Адно цяжка зразумець, што рабіць пад гэтымі сцягамі «просвещенному читателю»?

Ад імя Беларускага ПЭН-цэнтра —

Васіль Быкаў, Рыгор Барадулін, Міхась Тычына.

[1990]

БУДУЧЫНЯ БЕЛАРУСІ

— *Вярхоўны Савет БССР прыняў Дэкларацыю аб дзяржаўным суверэнітэце рэспублікі. Як вы, Васіль Уладзіміравіч, успрынялі гэты дакумент? Ці не здаецца дзіўным, што абвяшчэнне новага свята ў нашым календары — Дня незалежнасці — узрушыла хіба толькі саміх парламентарыяў ды яшчэ некалькі соцень чалавек, якія прыйшлі ў мінулую пятніцу да Дома ўрада, прычым, многія з іх выказвалі незадаволенасць палавіністасцю Дэкларацыі? Увогуле, суверэнная Беларусь — гэта магчымая рэальнасць ці недасяжная мара?*

— Мабыць, гэта яшчэ добра, калі дакумент такога роду можа каго-небудзь узрушваць. Значыцца, людзі не зусім зняверыліся, не зжылі ў сабе памкненне да ідэалу. Хоць, вядома, прычын для таго, каб зжыць зусім, болей чым дастаткова — як у нашай гісторыі, так і ў нашай сучаснасці.

Я адношуся да гэтай Дэкларацыі спакойна. Прыняцце яе (або непрыняцце), па сутнасці, нічога не можа змяніць у жыцці рэспублікі, так што значэнне дэкларацыі чыста тэарэтычнае. Добра, канечне, што наш парламент намогся на такі крок, напэўна, архірадыкальны ў ягоных вачах. Але, мабыць, не трэба асаблівай палітычнай праніклінасці, каб вызначыць рэальную цану таго кроку.

Дэкларацыя мае нямала сваіх аналагаў-папярэднікаў, выдатных ва ўсіх адносінах, складзеных з самых пафасных фраз, а часам і з найлепшых пажаданняў. У нашай Канстытуцыі са сталінскіх часоў красаваліся бліскучыя артыкулы аб правах грамадзян «на труд, на отдых, на образование», абвяшчалася свабода мітынгаў і дэманстрацый, права выбіраць і быць выбранымі... Але на працягу дзесяцігоддзяў мы гэтую Канстытуцыю ўспаміналі толькі тады, калі ў ёй нешта мянялі, каб, змяніўшы, тут жа забыцца пра яе. Жылі не па канстытуцыі — жылі па параграфіх чарговых пастаноў, дырэктыў, па званках начальства. Менавіта яно, начальства ўсіх рангаў, вызначала палітыку, эканоміку, побыт і нават мараль грамадства.

Мабыць, для таго, каб дакументы такога роду адпавядалі свайму наміналу, патрэбны адпаведны палітычны ўзровень народнай свядомасці, выразна дэмакратычная воля яго кіраўніцтва. А тут якая воля, калі ў зале Вярхоўнага Савета, які прымаў Дэкларацыю, панаваў амаль хаўтурны настрой, бо ўсё гэта рабілася супроць волі большасці, пры крайняй раздражнёнасці некаторых дэпутатаў з партгрупы. Адны дэпутаты самааддана змагаліся за кожнае слова пры відавочнай пасіўнасці іншых, якія, аднак, адчувалі сваю сілу ў іншым — у галасавальнай працэдурі. Яна ўсё і вырашала. Можна было зразумець тых, хто пакінуў залу, калі сесія падышла да перадапошняга артыкула, які, па сутнасці, зрабіў малаэфектыўнымі (калі не зусім бескарыснымі) усе астатнія, нават самыя ўзнёслыя і рамантычныя, але пазбаўленыя сэнсу.

Напрыклад, што практычна азначае заключная частка артыкула 10 аб бяз'ядзернай зоне? Ці можа цяперашняе кіраўніцтва рэспублікі дамагчыся таго, каб не толькі ліквідаваць, а хоць бы зменшыць колькасць ракетных баз — на адну-дзве адзінкі? Хоць бы на тую, паблізу Мінска, якая кожнага дня пагражае сталіцы не меншымі вынікамі, чым Чарнобыль. Як цяпер, так і пасля заключэння саюзнага дагавору, гэтае пытанне будзе цалкам у кампетэнцыі Міністэрства абароны СССР, а не Вярхоўнага Савета БССР. Які ж тады практычны сэнс тае фразы, апроч як чыста прапагандысцкі? Нават калі і было

б інакш, калі б тое вырашаў ВС БССР, дык пры цяперашнім раскладзе палітычных сіл у ім, партгруппа, дэпутаты ад ветэранаў і інвалідаў будуць біцца да смерці, каб захаваць тыя базы, бо без іх яны не ўпэўнены ў сваёй бяспецы, пагрозу якой са сталінскіх часоў бачаць у англа-амерыканскім імперыялізме. Ужо так выхаваны і на тым стаяць. Хіба што можа змяніцца на наступных выбарах, і то ў тым толькі выпадку, калі беларускія выбаршчыкі настолькі «прозруюць», што перастануць давяраць вызначэнне нацыянальнай стратэгіі прадстаўнікам «грамадскіх» арганізацый.

Так што рэальнага напаўнення гэтай звонкагалосай дэкларацыі няма ніякага і цяжка меркаваць, каб з такім выразным, мякка кажучы, кансерватызмам КПБ і Саветаў яго магчыма было дасягнуць у бліжэйшым будучым. (Гэты кансерватызм з красамоўнай выразнасцю характарызуецца хоць бы тым фактам, што на XXVIII з'ездзе КПСС менавіта беларускай дэлегацыяй на пасаду намесніка Генеральнага сакратара была вылучана кандыдатура крайне непапулярнага Я. Лігачова.)

Відаць, ажыццяўляць суверэннасць магчыма толькі ва ўмовах суверэннітэту, вось у чым парадокс часу.

— *Васіль Уладзіміравіч, як народны дэпутат СССР вы маглі б удзельнічаць і ў рабоце сесіі беларускага парламента. Дарэчы, аднойчы ў залу наведайся Алесь Адамовіч — пасядзеў з гадзіну і пайшоў... Што ж, напэўна, многае ў дзейнасці нашага парламента выклікае пачуццё незадаволенасці. Здаецца, дэпутацкая большасць атрымлівала ці не сапраўдную асалоду, калі на выбарах старшын пастаянных камісій «падсякала» Канаплю, Баршчэўскага, Вяцінскага і іншых асоб прагрэсіўнага складу — тых, хто быў гатовы ахвяраваць уласнымі інтарэсамі дзеля справы і быў здатны тую справу рабіць. Апаратчыкі нібыта бралі рэванш: і за выбары, і за мітынгі, і за «ачарніцельства». Майляў, як мы вас, а?.. Наколькі падобныя сітуацыі знаёмыя вам на маскоўскіх з'ездах, у якіх вы ўдзельнічалі?*

— Вядома, і на маскоўскіх з'ездах было шмат падобнага. Справа ў тым, што наша грамадства надта выразна і раптоўна палярызавалася. Семдзсят гадоў уладання адной партыі падзялілі яго на непрымірымыя слаі і праслойкі.

Цяпер у нас назіраецца нешта падобнае таму, што было ў Расіі пасля лютаўскай рэвалюцыі. Нават дэмакратычна абраны Устаноўчы сход рассыпаўся ў непрымірымай варожасці, эмоцыях, назапашаных за доўгія гады самадзяржаўя, ішла бязлітасная барацьба на ўсіх узроўнях. І яна не магла не ісці — надта многа назбіралася крыўды і хлусні, рознанакіраваных палітычных па-

мкненняў. Тое ж і ў нас зараз. Адны слаі грамадства імкнуцца да волі і самастойнасці, другія заклапочаны тым, каб захаваць уладу, вынаходзячы для таго дзясяткі хітраванскіх спосабаў (як, напрыклад, славуты метада перадачы ўлады Саветам шляхам сумяшчэння пасад першых сакратароў і старшынь). І тыя, і іншыя заклікаюць адзін аднаго да кансалідацыі, якая, аднак, на практыцы можа быць ажыццёўлена толькі коштам капітуляцыі адной з процідзеючых палітычных сіл. Як мы бачым, КПБ капітуляваць не збіраецца, наадварот, яна накоплівае сілы для рэваншу за сваё нечаканае паражэнне ў ідэалогіі, эканоміцы і культуры. І гэты рэванш будзе дасягнуты толькі тады, калі будуць падаўлены ўсе іншыя палітычныя сілы.

Партыйны плюралізм, на мой погляд, — спосаб сугуба часовы, накіраваны на славутага кітайскага «пусть расцветет сто цветов». Прырода гэтая партыі ўжо такая, што яна не церпіць ніякага саперніцтва, ніякага іншадумства. Таталітарызм — гэта яе ўлюбёная атмасфера, у якой яна адчувае сябе, як птушка ў палёце. Аднак чалавецтва добра ўжо пазнала на ўласным вопыце, якім драпежна-крывавым бывае гэты сакаліны палёт.

КПСС сапраўды цяпер перажывае нялёгкае перыяд. За гады манапольнага панавання ў атмасферы ўсеагульнага самазахаплення яна накіла безліч памылак. Недаравальны цяжар гэтых памылак гняце яе не толькі ў маральным сэнсе. Яе кіруючы апарат заняў абарончую пазіцыю («уся партыя не вінавата!»), але абараніцца не проста, праўда не на яе баку. Тут не можа дапамагчы і даўно выпрабаваны спосаб, калі былыя віноўнікі-кіраўнікі не адказваюць, бо ўжо не кіруюць (намерлі ці на пенсіі), а новыя не вінаватыя, бо кіруюць нядаўна. Такім чынам, крызіс у наяўнасці, а вінаватых няма. Поўнае алібі.

— *Прадстаўнік дэпутацкай партыйнай групы выхад з залы часткі парламентарыяў падчас галасавання дэкларацыі ацаніў як «спробу сарваць распачаты канструктыўны дыялог у інтарэсах беларускага народа», «непрыманне ідэі новага саюза нага дагавору, які адкрывае перад намі рэальную магчымасць палітычнага і эканамічнага напаўнення суверэнітэту БССР». З іншага боку, апазіцыя ў нашым Вярхоўным Савеце ўзнікла ў выніку немагчымасці для фракцыі БНФ, паводле слоў Зянона Пазьняка, падзяляць адказнасць за палітыку стагнацыі. Што параілі б вы, Васіль Уладзіміравіч, дэмакратычна настроеным дэпутатам — «умываць рукі» ці ўсё ж весці «канструктыўны дыялог»?*

— За шмат гадоў у краіне выхаваліся выдатныя майстры звонкай, дэмагагічнай па сутнасці фразы. Ніводная палітыч-

ная кампанія мінулага не абыходзілася без такіх фраз, за якімі не значылася ніякага сэнсу, а быў адзін пусты звон. Варта ўспомніць «смычку города с деревней», «ум, честь и совесть нашей эпохи», «экономика должна быть экономной» і безліч іншых. Цяпер, у новых умовах таксама на палітычнай арэне жангліруюць усё па той жа методзе, хіба што шарыкі трохі новыя і сярод іх — «конструктивный диалог», «деструктивные силы», «консенсус». Дзе той канструктыўны дыялог, дзе кансэнсус? І хто да іх імкнецца? Калі выхад з залы пасяджэнняў групы дэпутатаў БНФ нельга палічыць канструктыўным, як і наступная «заява групы дэпутатаў-камуністаў» таксама канструктыўнасці не служыць. Нарэшце, што такое «обновленный Союз», азначэнне якому не мог даць ніхто на апошняй сесіі ВС Беларусі? І натуральна, бо ўсё гэта тое, што хоць і гучыць на дыскусіях, але не існуе ў палітычнай прыродзе краіны.

Наш беларускі парламент працуе не ў лепшы час, нічога лёгкага не чакае яго наперадзе, таксама як і ўсю рэспубліку. Мусіць, кожнае грамадства павінна прайсці наканаваны яму лёсам шлях да дэмакратыі, пераскочыць цераз які нікому не дадзена. Калі падыходзіць да нашага парламента дыялектычна, дык ужо цяпер можна сказаць, што лёс перабудовы вырашае ў ім створаная нядаўна партгруппа, не безумоўна кансерватыўная парламенцкая большасць, а яго апазіцыя.

Ад адзінства і згуртаванасці новых сіл у большай меры залежыць будучыня рэспублікі. У тым ліку і яе рэальны суверэнітэт. Прэзідэнт М. С. Гарбачоў на нядаўняй нарадзе з эканамістамі краіны выказаў заклапочанасць тым, наколькі захаваемца адзінства менавіта левага цэнтра як гаранта перабудовы. Бо правыя — не гарант, правыя — яе магільшчыкі, што даўно ўсім вядома.

— *Нядаўна вы прымалі ўдзел у канферэнцыі БНФ «Адраджэнне», якая ўзяла курс на незалежнасць Беларусі, выказала адносіны да КПБ і Вярхоўнага Савета рэспублікі. Ужо сам па сабе Ваш удзел у канферэнцыі — сведчанне палітычных і чалавечых прыхільнасцей Васіля Быкава. Між тым, сёння лідары БНФ досыць самакрытычна ацэньваюць дзейнасць руху. Што, на вашу думку, трэба, каб ён шырыўся, набываў новых прыхільнікаў?*

— Я лічу, што ў сучасных умовах у Беларусі манапольнасць КПБ застаецца рэальнасцю, якую яна (КПБ) не збіраецца ўсур'ез парушаць. Наадварот, як сказаў у сваім інтэрв'ю газеце «Правда» Я. Я. Сакалоў, партыя «избрала свой путь и идет по нему, не сворачивая». Які гэта «путь», мы добра ведаем, і

куды ён прывёў, адчуваем на сабе штодня. Дык што ж можа падправіць гэтую яе хаду «не сворачивая»? Як сказаў той жа Сакалоў у тэлеінтэрв'ю, у нас зараз няма іншай палітычнай сілы, якая б магла замяніць КПБ.

Увогуле гэтае сцверджанне недалёка ад ісціны, бо менавіта КПСС за гады свайго панавання мэтанакіравана і няўхільна вытручвала ў грамадстве ўсё палітычна жывое, колькі-небудзь нацыянальна-свядомае, пакідаючы ззаду і наўкола ідэйную пустэчу, тлен і магілы. Не дзіва, што цяпер і не будзе каму з ёй параўнацца. Але ганарыцца тут няма чым. У той таталітарнай нецярпімасці і яе выніках — не заслуга, а вялікая бяда і самой партыі. Вельмі можа так стацца, што, канчаткова абанкруціўшыся, яна сама выпусціць з рук уладу, якой ужо не ў стане будзе карыстацца, але, на бяду нацыі, тую ўладу не знойдзецца вартага ўзяць. На чарнобыльскім могільніку можа не аказацца ніякай палітычнай сілы. Тыя новыя партыі, якія цяпер «для прыліку» ствараюцца са згоды КПБ, будуць залежныя ад яе ласкі і не прычыняць ёй вялікага клопату. А вось БНФ з першага дня свайго існавання чыніць ёй немалы клопат. І яна адказвае яму адпаведна. Па-першае, валадарачы ў саветах, яна Фронт не прызнае дэ-юрэ. Па розных прычэпках — важных, дробязных, смешных — вопыт такога роду кручкатворства ў яе самы багаты. Але і не прызнаючы, пераследуючы па суду яго кіраўнікоў, учыняючы гвалт і беззаконне над яго актывістамі, партыя не можа цалкам ігнараваць ягоныя «крамольныя» ідэі, бо гэта сапраўды народныя ідэі, што ідуць з глыбіні свядомасці нацыі.

Звычайна, як паказала практыка, тыя ідэі праходзяць тры стадыі. Спярша за іх б'юць гумовымі палкамі на мітынгх і шэсцях, затым нейкі час на іх не звяртаюць увагі. А пасля ў перакладзе на рускую мову іх прымаюць у якасці артыкулаў новых законаў, зрабіўшы выгляд, што яны толькі што вынайздзены парлапаратам. Так было са многімі палажэннямі эканамічнай рэформы, з законам аб дзяржаўнасці беларускай мовы, так сталася і з дэкларацыяй аб суверэнітэце, аб якім яшчэ месяц назад ніхто не мог заікнуцца ў Вярхоўным Савеце БССР. На чарзе афіцыйнае прызнанне гістарычнай беларускай сімволікі. Пра старшыню Сойма БНФ дэпутата З. Пазыняка многія месяцы распаўсюджвалі самыя брыдкія чуткі (аж да недарэчнае сувязі з фашызмам), яму затыкалі рот на ўсіх форумах, не друкавалі ягоных твораў. Але ўсё ж ягоная праўда прабіла свой шлях да народа, і той убачыў, які гэта разумны, адукаваны, а галоўнае — да ахвярнасці самаадданы палітык, сапраўдны

лідар нацыі, якіх у нас заўжды бракавала. І ўжо на апошняй сесіі ВС сярод дэпутатаў пачулася: «Во хто прэзідэнт!»

І сапраўды, чым не прэзідэнт. Але такія людзі, як З. Пазыняк, прэзідэнтамі становяцца там, дзе ў наш час дэкларацыю аб суверэнітэце прымаць не трэба, дзе яна ўжо даўно ажыццёўлена. Ужо цяпер відаць, што беспадстаўныя закіды кіраўніцтва КПБ супроць такога масавага і патрыятычнага руху, як БНФ, толькі падрываюць яе, партыі, і без таго падарваны аўтарытэт у вачах беларускага народа, шкодзяць ёй больш, чым «нападкі» ўсіх адкрытых праціўнікаў.

*Гутарку вёў Сяргей Навумчык.
[1990]*

ДА ПОМОЖЕТ ВАМ БОГ!

Интенсивная политизация нашего общества — факт хотя и общепризнанный, но далеко не однозначный по своему содержанию. Наряду с пробудившейся активностью прогрессивных сил активизировались также силы консервативные, те самые, которые заправляли жизнью страны 70 лет подряд и теперь оказались на грани политического банкротства. С некоторым, правда, опозданием они поняли, что им грозит, и напрягли свои имперские, далёко не одряхлевшие мышцы. Надо заметить, силой они обладают немалой, подкрепленной консервативной сущностью армии, партии, карательных органов, нравственной неразборчивостью, когда для достижения вожделенной цели хороши все средства. А цель эта — ускользящая из их цепких рук власть, без которой они — ничто. Без власти они — химера, лишённая морали, духовности, чувства элементарного смысла. Именно в целях удержания власти они выдвигают перед народом пугающую перспективу реставрации капитализма, гибели милого их душе социализма, грядущего ущемления прав нацменьшинств. Десятками лет они дружно попирали всякие человеческие права, в том числе и права того нацбольшинства, к которому нынче воспылали такой пламенной любовью, — русскоязычного большинства.

Борьба с этой химерой, однако, зашла слишком далеко. По всей видимости, нынче наметилось некоторое равновесие, баланс противодействующих сил, хотя исход борьбы все еще остается труднопредсказуемым. Хочется надеяться на лучшее,

но не исключено и самое худшее. Вполне может оказаться, что, однажды проснувшись поутру, мы узнаем о состоявшемся чрезвычайном пленуме ЦК КПСС, на котором генсеком избран какой-нибудь маршал или генерал-полковник с присвоением ему звания генералиссимуса и президента. В самом деле, у нас нет никаких на этот счет ни правовых, ни политических гарантий. Впрочем, против военных переворотов гарантии вряд ли существуют в странах, где демократия, подобно нашей, только еще поступила в подготовительный класс демократической школы.

Взаимоотношения наших народов-соседей — не частый в истории пример истинной дружбы, когда столь различные этносы миролюбиво сосуществовали на относительно небольшой то общей, то сопредельной территории. Отсюда сходство нашей символики, быта, наших национальных характеров. Ваша Погоня есть и наша Погоня, ваш святой Вильнюс и для нас любимый город, сокровищница литовской и белорусской культуры. Надо сказать, что в доперестроечный, «застойный» период в наших национальных отношениях не было никаких проблем, эти проблемы появились позже и несомненно инспирированы провокационными силами. В ряду их стоит запрещение белорусским партруководством национальных символов, появление сомнительных карт со вновь проведенными границами, недавнее требование Президиума Верховного Совета БССР относительно трех якобы белорусских районов, незаконно отошедших к Литве. В данной ситуации может утешить лишь то соображение, что все эти претензии никакого отношения к действительным интересам народов не имеют и являются плодом горячечного воображения партбюрократии, забывшей, в какое время она живет.

Вместе с литовским народом белорусы радуются, что ваше народное движение одержало беспрецедентную победу. Нигде и никогда, ни одному народу в СССР это не удавалось, все попытки такого рода оканчивались кровавой баней. Литовцам удалось. И хотя до полной победы, по-видимому, еще далеко, но вы сделали выбор и тем одолели немалую часть пути к свободе и независимости. Можно по-разному относиться к акту 11 марта, по-разному оценивать степень его современности и целесообразности, но ни у одного демократически настроенного человека этот акт не может вызвать сомнения в его законности. Литовцы первыми в стране сделали то, о чем мечтает каждая нация. После семи десятилетий бесправного и бесплодного существования в составе бездарно-репрессивной империи только человек бесчестный или нравственно раз-

давленный может желать продолжения этого существования. Москва настаивает на неконституционности акта, на обязательности референдума. Но она упускает из виду (намеренно или по неосведомленности), что все 80 процентов литовцев и половина из 20 процентов проживающего в республике иноязычного населения (в том числе русских и белорусов) непременно проголосуют за отделение. И только русские партбюрократы, представители прирученной рабочей элиты да штатные осведомители госбезопасности, боясь потерять то, чем располагали, или предстоящих разоблачений, выскажутся за сохранение рабского статус-кво. Да, вам теперь трудно, может стать еще труднее, но Литва выстоит. Должна выстоять. Сейчас или никогда — так должен быть поставлен вопрос, вопрос жизни и смерти литовского государства.

Относительно белорусской государственности у меня мало оптимизма. По всей видимости, белорусское национальное самосознание в своем развитии еще не достигло уровня, когда стремление к суверенитету становится главной целью лишенной свободы нации. Как ни печально, об этом свидетельствуют итоги последних выборов в Верховный Совет республики, радикально-национальный элемент в котором составляет одну пятую от общего числа депутатов. В основном это национальная интеллигенция, которая теперь ведет изнурительную и малоуспешную борьбу с реакционным, партийно-ветерански-сталинским большинством. Так же, как и Белорусский народный фронт во главе с его замечательным руководителем, истинным сыном белорусского возрождения Зеноном Позняком. Почти загнанный в подполье, этот фронт организационно оформился благодаря участию и поддержке «Саюдиса», граждан славного Вильнюса, предоставивших белорусам возможность провести в нем свой первый съезд. В Минске он этого сделать не мог.

Белорусам трудно, но мы не теряем надежды, и в этом смысле для нас великий и близкий пример — самоотверженная и героическая соседка Литовская Республика. Да поможет ей Бог!

В заключение я желаю читателям «Политики» всегда иметь прессу, достойную своего народа, которая бы верно служила его интересам.

[1990]

ПОЛНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ!

Наверное, это правильно, потому что справедливо, легко и просто вписывается в тесные рамки нашей многотрудной перестройки, нашей многострадальной демократизации. Конечно, это один из важных правовых кирпичиков, законно лежащих в фундамент возводимого ныне правового государства. Еще вчера казавшееся несбыточным сегодня сбывается. Конечно же, вопреки привычному безверию одних и тупому, непреклонному противодействию других. Из нашей памяти еще не изгладились недавние публикации в «Книжном обозрении» о возвращении гражданства СССР А. И. Солженицыну и раздавшиеся тогда же устные и письменные протесты охранителей бетонных устоев. Впрочем, чему удивляться! Они устроили его выдворение, дирижировали многолетней травлей, угрозами и ложью выбивали подписи под исполненными фальшивого гнева письмами, которые распространяли во всеююзной прессе — от «Правды» до последней заводской многотиражки. Им надо было не только заклеить, стереть в «бумажную пыль» великого гражданина русской земли, но и запачкать подлостью как можно больше имен, в том числе и честных. Чтобы не отмылись. Интересно, как теперь, после Президентского Указа, будут отмываться сами?

И я очень хорошо понимаю Александра Исаевича Солженицына, когда он в ответе И. Силаеву сетует на то, что до сих пор движение его слова на родину «тормозят отчаянно»!

В указах более двух десятков имен, разумеется, это разные люди, но почему все они — деятели нашей культуры, искусства и литературы. Лучшие из интеллигентов — уже хотя бы потому, что наделены не только совестью и талантом, но и недюжинной гражданской храбростью. За что и пострадали.

Конечно, нелегко им, пережившим расправы и остракизм, сразу переступить через недавний позор унижений и скоро вернуться туда, куда безусловно влечет. Но и отталкивает — это тоже можно понять. Может, и никто не вернется — это уже их дело. Но человеку всегда важно иметь хотя бы относительную свободу выбора, которой у нас обычно лишен с самого дня рождения. Безнравственно было бы требовать от него в одночасье забыть все, что с ним недавно еще стряслось. Что с ним пытались сделать — и со многими сделали. Особенно если справедливый государственный акт отнесен не ко всем,

а выборочно, со значением. Но будем надеяться, что справедливость, наконец, осчастливит всех достойных ее, может, действительно не все сразу. Все сразу у нас никогда не получается. А терпение чревато новыми осложнениями. Хотя наш поезд справедливости всегда опаздывает, непростительно опоздал он и на этот раз. И мы — граждане государства, чиновные люди, коллеги по ремеслу — должны бы испросить у них прощения. Хотя бы за то, что в свое время смолчали, не заступились, не вышли на ораторскую трибуну, не только на Красную площадь — смалодушничили. Это не менее нужно нам, чем им, так или иначе дожившим до этого дня. Равно как и почившим в изгнании на чужой, хотя, может, и приветной земле. Что особенно огорчительно для нас и уже непоправимо для них.

Так простите нас, если сможете!

[1990]

ВЕЧНОЕ СЛОВО ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ

Франциск Скорина, выдающийся деятель славянской культуры эпохи Возрождения, происходит из древнего, некогда славного белорусского города Полоцка. Жажда передовых знаний, любовь к родине, неукротимое желание послужить просвещению своего народа рано позвали его в чужие края. Учеба в Вильно, Кракове, Падуе — по тем временам признанных центрах возрожденческого просвещения и культуры — дала нашему беспокойному земляку дипломы философа, доктора медицины, доктора свободных наук.

Однако по-настоящему Скорина увлекся переводом на белорусский язык главной книги человечества — Библии, что уже само по себе способно было прославить его имя в истории. Но истинному патриоту родной земли, гуманисту, органически воспринявшему идеи европейского возрождения, этого было недостаточно. Плоды своего подвижнического труда он стремился сделать достоянием всего народа, приобщить его массы к христианским истинам, основанным на испытанных в веках человеческих ценностях.

Уже в 1517 году он собственноручно налаживает книгопечатание в Праге, затем перебазировывает его поближе к родным

краям — в Вильно. В течение небывало короткого времени Скорина перевел, прокомментировал и напечатал 23 книги Библии под общим названием «Библия Руска, выложена доктором Франциском Скариною из славного города Полоцка богу ко чти и людям посполитым к добру научению».

Кроме перевода, Скорина еще и снабдил библейский текст предисловиями и послесловиями собственного сочинения, в которых выразил свое мировоззрение, основанное на стремлении к правде, справедливости, гармонии в отношении Бога и человека. Ренессансный гуманизм Скорины был органически сориентирован на земную красоту и социальную гармонию. Правовое сознание того времени Скорина стремился соединить с моральными нормами христианства, нравственным кредо его стал новозаветный императив: «То чинити иным всем, что самому любо ест от иных всех, и того не чинити иным, чего сам не хочети от иных имети». Вещие эти слова ныне, как и пятьсот, и тысячу лет назад, звучат бесценнейшим гуманистическим постулатом. Особенную важность и значение обретают они в наше время настоящего поворота от надуманных, фальшивых доктрин к непреходящим общечеловеческим ценностям.

Как и многие пророки своего Отечества, Скорина нечасто пользовался благосклонностью земных владык, долгие годы его мятущаяся душа не переставала искать места — пристанища для главного дела своей жизни — книгопечатания и просвещения. Он исколесил немало европейских стран, посетил много городов, в иных недолго работал, властители других сразу указывали ему на дверь. Не приняла его и Москва, куда он приехал в конце 1520 года с намерением заинтересовать русское правительство в книгопечатании. Но где бы он ни был и чем бы ни занимался, его сердце принадлежало родине, полоцкой земле, и ее народу, потому что, как он писал, «люди, где зародилися и ускормлены суть по бозе, к тому месту великую ласку имеют». Через все его творчество проходит неутоленная любовь к родному языку, развитию и распространению которого он по существу посвятил свою жизнь.

Франциск Скорина — совершеннейший мастер книгопечатания. Он первым в Восточной Европе разработал и применил на практике теорию искусства оформления книги, ввел в книгопечатание такой важнейший элемент книги, как титул, широко разошедшийся потом в мире. Его иллюстрации — древориты — непревзойденный образец оформления книг того времени.

На протяжении своей нелегкой, многозаботной жизни Скорина изведal все: от успеха и признания до бедности, тюрьмы, остракизма. Правда, в отличие от многих его потомков, судьба отнеслась к нему более милостиво и успела реабилитировать его при жизни. Но доживал он свои дни все-таки на чужбине и последнее свое пристанище нашел на благословенной чешской земле.

В эти дни славянский мир отмечает пятисотлетие со дня рождения выдающегося сына белорусской земли, великого писателя и просветителя. И сегодня гуманистические идеи его существенно важны для славян и всего человечества.

[1990]

[ИНТЕРВЬЮ ГАЗЕТЕ «ИЗВЕСТИЯ»]

Это — неправительственная общественная организация¹, главная задача ее — объединение белорусов всего мира в целях прогресса и возрождения нации в самом полном смысле этого слова. Ни одна европейская нация не попадала в такое положение, в котором оказались белорусы. Их отчуждали от своего национального существа, заставляли забыть, кто они и откуда, их уничтожали в кровавых войнах, которые одна за другой прокатывались по нашему краю. На их долю выпали всевозможные испытания, самое страшное из которых — Чернобыльская катастрофа.

Что можно всему этому противопоставить? Только сплоченность белорусов, где бы они ни жили. Между тем, в Советском Союзе за пределами БССР живет около двух миллионов белорусов. И около трех миллионов — за рубежом, главным образом в Канаде, США, Австралии, Англии, ФРГ и других странах. Разные судьбы забросили их туда, многое их рознит, но все-таки многое и роднит. «Батьковщина» и будет заниматься вопросами национального возрождения и сплочения белорусов. Основателями ее выступили 15 учреждений, объединений и организаций. Среди них — АН БССР, Белгосуниверситет имени В. И. Ленина, Белорусский фонд культуры, Союз писателей БССР, производственное объединение «Белавтомаз».

¹ Згуртаванне беларусаў свету «Бацькаўшчына».

«Батьковщина» намерена строить свою работу вместе с государственными властями и всеми общественными и политическими организациями.

Записал Михаил Шиманский.
[1990]

ТАК ЧТО ЖЕ СДЕЛАЛИ С ПОБЕДОЙ?

Не в пример некоторым другим, прежним и последующим войнам, Великая Отечественная война нашего народа против немецко-фашистских захватчиков была войной героической и, безусловно, самой справедливой в нашей истории. Мы победили, это однозначно и непереоценимо, как для судеб наших народов, так и для будущего земной цивилизации. Участники этой войны — действительно герои, и прошедшие ее с первого до последнего дня, и вставшие в ее стрелковые цепи на заключительном этапе боев. Хватило всем под завязку. Победили, и, по-видимому, это главное.

Война окончилась, но не окончилась жизнь, история имеет свое продолжение как для победивших, так и для побежденных. И выжившие не утратили способности размышлять, анализировать, вглядываться в сложные извивы действительности в мире и вокруг себя.

При всем нашем традиционном оптимизме эта действительность все чаще вызывает горечь и разочарование.

Фронтовикам хорошо памятли послевоенные 40-е годы, когда они возвращались в разоренные города и голодные села. Никто в то время не рассчитывал на какой-либо достаток, не претендовал на привилегии — надо было впрягаться в адский труд и налаживать разоренное. И тем не менее уже тогда стало ясно, что народ-победитель заслуживал большего — по крайней мере элементарного к себе уважения за беспримерную в истории Победу. Вместо того Сталин безжалостно вверг его в пучину прежних репрессий. Очень скоро возобновились (впрочем, никогда не прекращавшиеся) посадки демобилизованных фронтовиков по малейшему подозрению в инакомыслии, за пресловутую «антисоветскую агитацию и пропаганду». За трезвое слово о западном (буржуазном!) образе жизни, на который мы успели взглянуть в последние месяцы войны и удивиться, обнаружив, что жили там далеко не так, как нам твердили много лет до войны. Жили достойнее нас, богаче

и свободнее. Конечно, можно было молчать о том, но не думать, не размышлять было невозможно. Те из нас, которые после войны продолжали службу за рубежом и в странах так называемой «народной демократии», не могли не видеть, как прибывшие в наш обоз политиканы ломают налаженный вековой образ жизни этих стран и во что это обходится освобожденным народам. Совсем еще недавно поляки, чехи, болгары, румыны, венгры так боготворили нас, освободителей от фашистской чумы, а теперь их восторг сменился недоумением и откровенной неприязнью. «Свобода», которую принесли освободители, во всех отношениях была страшнее довоенного, буржуазного закабаления. В итоге все кончилось тем, чем и не могло не закончиться — разочарованием в идеях социализма, крушением традиционного славянского братства, поголовным распространением русофобии, означавшей по существу всеобщую советофобию. Уже тогда стало ясно, что в прошлой кровавой войне, отстояв Родину от фашизма, мы упрочили и сталинскую тиранию. Благодаря нашей пролитой крови тирания обрела второе дыхание, ее власть распространилась на пол-Европы, по существу, надолго затормозив естественный ход исторического развития.

А что же внутри нашей страны?

Известно, что Сталин решительно и без колебаний отверг знаменитый «план Маршалла», посредством которого Западная Европа быстро и эффективно отладила свою экономику, ликвидировала последствия войны и неслыханными темпами устремилась по пути технической революции. Как и всегда, наш вождь и учитель был глух к страданию народа — его имперское сознание было занято проблемами расширения и упрочения безраздельной власти. Покончив в канун войны с Троцким, он тем не менее не отрешился от его идей, включая и идею мировой перманентной революции. Для решительного поворота от недавнего плодотворного сотрудничества с союзниками требовалась формальная зацепка, и ее великодушно подкинул Черчилль, выступив с известной речью в Фултоне. Началась, все разрастаясь, многолетняя «холодная война», в любой момент готовая превратиться в горячую. Это в ее ненасытную пасть ежегодно бросалось около трети скудных народных средств, обрекая народ на нищету и прозябание. Разорительные принципы «интернационализма» позволяли лезть с оружием и «безвозмездной помощью» во все уголки земного шара, куда только было возможно. Великое «холодное» противостояние двух систем готово было дотла разорить страну, превратив ее экономику в ядерный потенциал глобаль-

ного уничтожения. К счастью, благодаря Горбачеву катастрофы не произошло, хотя до нее оставалось два шага.

Так что же нам дала невиданная в истории наша Победа? И действительно ли совершенно не правы те, которые утверждают, что ее у нас украли?

Чтобы с определенной ясностью ответить на эти вопросы, достаточно хотя бы на краткое время посетить одну из победенных стран. На выбор: Федеративную Германию, Италию, Японию. Многие вопросы там враз отпадут, оставив в душе великое недоумение: как такое могло случиться?

Но, очевидно, это было возможно, если не считаться с собственным народом и его фронтовиками-победителями. Они это позволили. Уверовав в примитивные фигуры массовой пропаганды, фронтовики удовлетворились набором юбилейных «бляшек», как сами они называли знаки, которыми правительство регулярно украшало мятые лацканы их пиджаков. Равно как и нищенской пенсией, бесплатным проездом в городском транспорте, запоздало осчастливившим их на склоне лет. Некоторые льготы и жалкие рубли, полагавшиеся орденосцам, по окончании войны были отменены, как водится, по ходатайству самих орденосцев. Нынче, возбуждая всеобщую зависть, а нередко и презрение, идет достойная жалости борьба ветеранов за кусок несъедобной колбасы в предпраздничных пайках-заказах. На протяжении десяти лет дети фронтовиков оказались перед необходимостью отдавать свои молодые жизни на чужой земле за чуждые, мало кому понятные принципы. Выжившие там и искалеченные теперь включились в движение за льготы и привилегии, которым охвачены все слои нашего разобщенного общества. О такой ли жизни мечтали фронтовики на их самой трудной войне?

Так уж повелось, что оценка военной, полководческой роли Сталина воплотилась в известном призыве «За Родину, за Сталина!», с которым бойцы якобы поднимались в атаку. Рискаю вызвать неудовольствие ветеранов войны, смею утверждать, что миф этот по преимуществу пропагандистского происхождения. Фронтовичка Юлия Друнина правильно замечает, что в атаках сплошь и рядом звучали иные восклицания. Хотя, как это было заведено, провозглашатели лозунгов и выкриков обычно назначались накануне, на комсомольских и партийных собраниях, откуда эти лозунги и перекочевывали во фронтовую печать. Но выкрикивали ли их на деле, того установить не представлялось возможным, так как невозможно было расслышать. Фронтовикам это хорошо известно, но, оче-

видно, недостаточно известно тем, кто от атак обычно держался на почтительном расстоянии, в лучшем случае наблюдая за ними в стереотрубу. Я не хочу этим сказать, что имя Сталина в войну не почиталось. Безусловно, Сталина почитали, ему верили, с его именем связывали нашу Победу. Но думается: а с кем же еще ее было связывать? Ведь Сталин был у нас единственным «заведующим Советского Союза», как иронически выразился, кажется, Александр Зиновьев, и отвечал за все — хорошее и плохое. Вернее, ни за что не отвечал — спросить с него было некому.

В то время как много лет после войны основная масса ее героев и участников продолжала влачить жалкое существование, трудно, порой болезненно вращаясь в новую тоталитарную действительность, некоторые из участников войны скоро поняли, что новые условия предоставляют новые возможности. Как правило, это были вовсе не рядовые окопники и не герои боев. Это были люди из второго и третьего эшелонов фронта, «герои» особого рода войск — политического, те, кто все четыре года войны без усталости и на все лады воодушевлял других смело отдавать жизнь за Родину. Оказаться в послевоенных героях им, в общем, было нетрудно. Вскоре после войны состоялась негласная, но существенная переоценка военных ролей и военных заслуг, и мы узнали, что к победе нас привели не командиры — офицеры и генералы, а политработники — комиссары, замполиты, а также политотделы, военные советы. Первым и главным среди них, естественно, стал известный герой Малой земли.

Совершенно поразителен тот факт, что проклятые проблемы существования, вставшие перед фронтовиками после войны, в условиях разоренного народного хозяйства, с такой же неотвратимостью стоят и поныне, спустя полвека, уже перед внуками фронтовиков.

За годы гласности и перестройки мы преодолели немало бездумных догм и ложных стереотипов. Наше сознание медленно освобождается от привычных мифов, идеология — от ставшего государственной политикой утопизма. Но среди еще не до конца преодоленных заблуждений есть многое, связанное с нашей историей, в том числе и с прошлой войной. Нам еще предстоит разобраться в ней, осмыслить, что случилось с нашей беспримерной Победой. Одарили ею многострадальный народ или ее наглостью образом у него похитили?

[1990]

[ВЫСТУПЛЕННЕ НА ЎСТАНОЎЧАЙ КАНФЕРЭНЦЫ ЗГУРТАВАННЯ БЕЛАРУСАЎ СВЕТУ «БАЦЬКАЎШЧЫНА»]

Шаноўныя спадары і спадарыні!

З вялізнаю скрухай і клопатам мушу сказаць, што ніводная еўрапейская нацыя не трапляла ў такое катастрафічнае становішча, у якім апынулася наша беларуская нацыя. У нас знікае не толькі гістарычная, культурна-нацыянальная, але і элементарна-біялагічная перспектыва. Чарнобыльская бяда накрыла нашу зямлю саванам пагібелі, з-пад якога невядома як выбрацца. Яшчэ раней шмат год і дзесяцігоддзяў нашыя пакаленні старанна і паслядоўна вытрываліся ідэалагічнай атрутай, нас упарта адчувалі ад нашай нацыянальнай існасці, разбуралі нашу духоўнасць, пры жыцці ператваралі ў бязмоўных, пакорлівых, бяспраўных істот. І шмат у тым дамагліся. Мы апынуліся на краі, на самым беражку прорвы небыцця. І хто нас уратуе?

Уратаваць сябе можам толькі мы самі, болей нас не ўратуе ніхто. Толькі згуртаванымі высілкамі мы яшчэ можам нешта зрабіць. Але каб хоць чаго-колечы дамагчыся, мы павінны выразна бачыць нашыя мэты і разумець перашкоды, што непазбежна паўстануць на нашым шляху. Мы павінны бачыць ворагаў нашага выратавання, разумець, хто яны. Па чыёй міласці мы страцілі нашу гісторыю, нашу духоўнасць, нашу дзяржаўнасць, наша апошнія нацыянальнае прыпірышча — мову. І зразумець, як тое адбылося.

Можа, найбольшая бяда ў тым, што ўсё адбылося даволі цывілізаваным чынам — на падставе перадавой па тым часе марксісцкай ідэалогіі, хоць і даволі старадаўнім, выпрабаваным спосабам раздзялення і валадарання. На гэты раз татальнага раздзялення адзінага арганізма нацыі, яе гістарычнага этнасу на нечуваных да таго, вар'яцкіх крытэрыях класавасці. Тое рабілася разам з фізічнай ліквідацыяй самых актыўных і каштоўных для нацыі класаў, далейшага бясконцага дзялення па ідэалагічных, партыйных, рэгіянальных і іншых — самых розных адзнаках. Нацыю няспынна сепаравалі — каго ў чорныя рабочыя. Каго ў бюракратыю, у наменклатуру. Каго ў стукачы. Няздатныя на нічога ішлі ў Курапаты. Заставаўся яе апошні краёчак, залатнічок яе апошняй адзнакі — мова. Але і

мову прыстасавалі службыць усё той жа мэце — падзелу таго, што яшчэ не дарэшты было падзелена і загублена. Натуральна, што ў такім стане нацыянальнай агоніі беларусы апынуліся на мяжы расчалавечання. Праца сялянскіх пакаленняў у выніку прывяла да галечы і голаду, занятак рабочага класа — да ўсеагульнага дэфіцыту, здабыткі творчай інтэлігенцыі давалі духоўны нуль. Самая жажлівая з войнаў — мінулая вайна дала магчымасць беларусам нейкім чынам уратаваць свой гонар і перамагчы, але ці пакарысталіся мы плёнам тае крывавай перамогі? Тую перамогу ў нас адабралі. На самай справе, хіба шмат у гісторыі знойдзеца прыкладаў, калі пераможцы гэтак ганебна ўпалі на калені, а пераможаныя ўсталі і стаяць ва ўсю сваю гіганцкую веліч? Нечуваны гістарычны парадокс! Немцы стаяць, упэўнена і магутна; над усёй Азіяй узвышаюцца пераможаныя японцы; благодзенствуюць італьянцы, іспанцы. А мы ляжым расплстаныя і не ведаем, як падняцца наогул. Вядома, у тым, што з намі сталася, ёсць вінаватыя, ёсць прычыны, да канца, пэўна, яшчэ не ўсвядомленыя чалавецтвам. Але вялізная віна ў тым падае на нас, нацыянальную беларускую інтэлігенцыю. Мы капітулянты! Узаяўшы ад свайго народа ягоны глыбінны талент, ягоныя зберажоныя ў вяках творчыя здольнасці, мы не здолелі выхаваць у сабе характар, патрэбны ў такіх жорсткіх гістарычных варунках; гнуткі, цвярозы і хітры розум. Пасля самых першых, безумоўна, жахлівых сталінскіх урокаў наша інтэлігенцыя, падобна, спалохалася на ўсё жыццё. Яна дружна саступіла на шлях самавыратоўчага эгаізму, непрыкметнага канфармізму. У той меры такога не здарылася з рускай інтэлігенцыяй, не здарылася з украінскай, я ўжо не кажу пра інтэлігенцыю Закаўказзя ці Балтыі. А з нашаю, на няшчасце, здарылася. Нейтралізаваўшы інтэлігенцыю, з нацыяй можна было рабіць усё, што захочацца. І рабілася. І робіцца па сёння. Хіба што сёння спосабы ўздзеяння на інтэлігенцыю ў чым-колечы змяніліся, характар жа інтэлігенцыі не спяшаецца мяняцца. Тое відаць хоць бы па адносінах яе да БНФ, па паводзінах творчых саюзаў. Дзіўна, але факт: мы не толькі не супраціўляемся гвалту і прыгнёту — мы іх быццам бы прагнем. Як тыя мазахісты, мы выхавалі ў сабе пэўную здольнасць да асалоды ад прынукі, несправядлівасці і ганьбы. Ашуквайце нас, падманвайце — нам тое нават прыемна! Чым ашуквайце? Абы-чым, мы з радасцю паверым. Хоць эфемернымі планами пяцігодак, дзьмутым пухіром харчовай праграмы, папяровай дзяржаўнасцю нацыянальнай мовы ці манілаўскім суверэнітэтам і незалежнасцю. Абы было чым цешыцца. Мы дагэтуль

не можам зразумець, што ў сучасных гістарычных варунках толькі тое што-небудзь значыць, што ўзята, а не тое, што, нібы абгрызеная костка, кінута з панскага стала. Ці мала нас вучыла гісторыя? Праўда, не такія ўжо некаторыя з нас наіўныя, каб не разумець простых рэчаў. Але ўся справа ў тым, што з падману і фальшывае веры можна, аказваецца, мець выгоду. Некаторыя, валодаючы партбілетам КПСС, цешаць сябе магчымасцю службы інтарэсам нацыі, дабратворна ўплываць на партыю. Марнае спадзяванне! Хто на каго ўплывае, мы мелі магчымасць назіраць дзесяцігоддзямі, з болей адзначаючы, як нават сумленныя і разумныя нацыянальныя інтэлігентны на нашых вачах ператвараюцца ў рычагі, пазбаўленыя і розуму, і сумлення. Адбыўся і працягваецца ганебны працэс зрашчэння пэўнай часткі творчай інтэлігенцыі з вярхушкай партапарату, ператварэнне яе ў ідэалагічную безнацыянальную абслугу партыйнага ўсеўладства.

Дзіўна і неверагодна, але з палітычных памкненняў нацыі амаль цалкам выпадае моладзь. Моладзь па-за палітыкай і па-за гісторыяй — дзе і калі, у якой нацыі здаралася такое? У нас жа здарылася. Нацыянальная моладзь адцуралася ад нацыянальнага. Мы звыкла ківаем на рок, на секс і парнаграфію, зноў жа не разумеючы, што тое — не прычына, тое — вынік. Вынік шматгадовай бездухоўнасці, нацыянальнага нігілізму, пагарды да ўсялякай ідэалогіі, у тым ліку і марксісцкай (можа, хіба ў тым адзіная дадатная рыса тае дэідэалагізацыі). Наша моладзь страчвае традыцыйна ўласціваю моладзі палітычную ролю ў гісторыі. Могучь запярэчыць: калі не палітыка, не духоўнасць, дык хоць здабыткі матэрыяльнасці — цаліна, БАМ, нарэшце, вайна ў Афганістане. Але якія адносіны ўсё гэта мае да жыцця нацыі? Які ёй з таго плён? Нават і з вайны ў Афгане. Ахвяры, так. Адпаведныя і нашыя адносіны да іх. Як да ахвяр, безумоўна, вартых жалю і спачування. Як варты таго ўсе ашуканыя і знявераныя. Ахвяры фальшывай ідэі.

Але і ўся нацыя хіба мала стрывала на вяку ад чужых, фальшывых, часам злачынных ідэй! А дзе нашыя ідэй? Калі ўжо не ўласна нацыянальныя, дык хоць бы спрадвечна-чалавечыя, несумненныя, хрысціянскія? З вялікай ляготай мы ставімся да таго, што ідзе ад сучаснага апостала Беларусі Зянона Пазьняка, таксама як і ад самога Ісуса Хрыста. Памкненні таго і другога мы зняважліва тапталі гадамі і цяпер не спяшаемся падбіраць з долу.

Але, відаць, без тых ідэй не абыдземся, мусім да іх вярнуцца. Найперш, каб адрадіць нашу нацыянальную самасвядомасць,

старадаўнюю народную культуру, канчаткова адцурацца ад рэшт бальшавізму, выкінуць з галавы пачварны камуністычны прывід і рашуча павярнуць нацыю да еўрапейскай цывілізацыі. Не для таго, каб забагацець, — каб не ўмерці. Як нацыя, як грамадзяне, проста як чалавечыя істоты на гэтай адзінай, богам нам дадзенай зямлі. Кіруючыся грамадскім розумам, здаровым сялянскім сэнсам, уласным нацыянальным інстынктам.

Толькі ў тым паратунак.

[1990]

ДАВАЙТЕ СПОРИТЬ, А НЕ ОШЕЛОМЛЯТЬ ОППОНЕНТА

Единомыслие — безусловно, идеал, к которому, впрочем, вряд ли стоит стремиться хотя бы по причине его недостижимости. Человечеству слишком хорошо памятен урок недалекого прошлого, когда на одной шестой земного шара было объявлено об утверждении почти совершенного единомыслия. Памятно также, как один из древнейших и культурнейших европейских народов, выполняя предначертания своего вождя, пролил реки собственной и чужой крови в целях достижения именно этого единомыслия, всенародного единства. Потребовалось совсем немного времени, чтобы убедиться в абсолютном идиотизме не только предосудительных средств, но и самих вздорных целей. Что же касается литературы и искусства, то именно наш незабвенный соцреализм оказался такой бесславной попыткой достичь того, чего достичь невозможно.

Пожалуй, все-таки верно, это идеальный порядок и единомыслие только на кладбище. Но на кладбище нет жизни, там тлен и разрушение. Наше же общество возбуждено, вздыблено и взбудоражено, как штормовое море. Поляризация политических сил приобрела неслыханные, по нашим меркам, масштабы. Хорошо это или плохо — другой вопрос, но мы не можем относиться к этому явлению иначе, как к мало зависящей от нас данности. Которую, однако, нельзя не учитывать, хотя бы потому, что приходится существовать в ней, как-то с нею мириться и — что сложнее всего — что-то еще в ней творить.

Так или иначе, наша перестройка затрагивает все слои общества, интересы различных политических сил. Одни из

них обеспокоены проблемой удержания ускользающей из рук власти, другие — борьбой за достижение этой самой власти. Все усложняется тем обстоятельством, что за многие десятилетия тоталитарного режима мы привыкли, что власть неделима. Тут же оказалось, что ее надо делить — между партией и Советами, армией и демократией, между течениями и группировками. Как это сделать по справедливости, в точности никто не знает, у нас нет собственного на этот счет опыта. Весь наш исторический опыт свидетельствует как раз о противном — о предельной концентрации власти: в форме самодержавия, «железной руки», «авангардной роли». А чтоб всем владеть сообща — такого еще не бывало. Не отсюда ли идейная сумятица, политический антогонизм и нервозность в среде творческой интеллигенции, от которой, кроме всего прочего, ждут еще и плодов ее профессионального труда. Но чтобы с успехом творить, необходима хотя бы относительная душевная ясность, некоторая стабильность социума, которые с некоторых пор, к сожалению, начисто отсутствуют. Все в состоянии взрывного, хаотического движения, поиска, нестабильности. Диспуты, встречи, «круглые столы» не много проясняют в наших умонастроениях. Особенно если иметь в виду, что, как это водится, каждая из сторон садится за стол не с целью поиска истины, а чтобы половчее ошеломить своих оппонентов. И тут уж важны, разумеется, не столько аргументы, сколько твердость характеров и непоколебимость взглядов.

Впрочем, может, это и хорошо, что все-таки не иссякают попытки о чем-то договориться, что-то прояснить. И что есть еще идеалы, для достижения которых не жалко никаких душевных усилий. Что до искусства и литературы, то, на мой взгляд, им продолжает верно служить старый, многими поруганный, но необходимейший гуманистический идеал, лучше которого пока не найдено. Иной вопрос о конкретике: что считать гуманистическим, а что вовсе таковым не является, хотя, бывает, и усиленно под него маскируется. Но с утратой гуманизма искусство теряет все. Как свидетельствует наша художественная практика, утратить его легко, приобрести же невероятно трудно. Идеалы такого рода, будучи утраченными, не возвращаются. Чем они замещаются в жизни художника — об этом стоит говорить, тем более, что опыт такого рода у нас тоже, в общем, богатый.

[1990]

АБУДЗІЦЬ У САБЕ СУМЛЕННЕ

Не бяруся меркаваць, ці гэта заканамернасць або гістарычны казус, але факт, што галоўнай эмацыянальнай сілай нашага грамадства, яго своеасаблівай нацыянальнай рэлігіяй стала нянавісць. Выхаваная на працягу дзесяцігоддзяў нашай гісторыі, яна дасягнула свайго максімальнага, класічнага ўвасаблення ў гады рэвалюцыі і Грамадзянскай вайны, хаця і пасля іх не выявіла намеру паменшаць. Ленінізм, як і ідэалогія, і палітыка, з моманту свайго зараджэння ўзяў нянавісць у якасці галоўнага і дзейснага сродку для хуткага дасягнення разбуральных мэтаў. Сталінізм выдатна развіў гэта пачуццё ў народных масах, сублімаваў яго ў якасці ўніверсальнай зброі ажыццяўлення нечуванай па маштабах таталітарнай палітыкі. Нянавісць стала амаль арганічнай часткай вялізнай ідэі таталітарнага занявання чалавека. На ўдасканаленне і развіццё гэтай заалагічнай ідэі былі скіраваны вялізныя матэрыяльныя і духоўныя сілы грамадства. Большавікі вельмі рана і добра зразумелі ўсю перавагу гэтага пачуцця і, захапіўшы ўладу, панішчылі перш за ўсё рэлігію як галоўную маральную перашкоду на шляху нянавісці. І гэта зразумела: большавізм і хрысціянства аказаліся ўзаемавыключнымі ідэямі, адна з іх павінна была саступіць. Робіцца ўсё больш відавочным, што гвалтоўнае вынішчэнне з нашага жыцця хрысціянскай рэлігіі — катастрофа, можа быць, самая вялікая з усіх, якія калі-небудзь спасцігалі нашу краіну.

Ад пачатку перабудовы шмат што ў краіне перамянілася; знікае страх як магутны сродак арганізацыі і падаўлення нацыі. Але нянавісць засталася. Яна раз'ядноўвае народы, нацыянальнасці, класы, пазбаўляе людзей маральных арыенціраў, бянтэжыць розум інтэлігенцыі. І ўсё гэта праз нашу задоўжаную ў гісторыі несвабоду, наша застарэлае нявольніцтва, якім мы цяжка прыдушаны на працягу стагоддзяў і не можам ад яго вызваліцца нават пры канцы дваццатага стагоддзя. Ды і не спяшаемся тое рабіць. Падобна, што наша паднявольнае становішча нам падабаецца, бо іншае нам невядома. Або таму, што ў нас быццам бы «асаблівы шлях», дзе ўсё перакулена дагары нагамі. Пазбаўлення маралі і творчай свабоды, мы страцілі густ да працы і, здаецца, страчваем густ да самога жыцця. Густ да нармальнага чалавечага жыцця нам падмянілі пячорным інстынктам барацьбы — малаважна, за што і з кім. Барацьбы з яўным, а лепш з надуманым ворагам, чужой ідэалогіяй, за светлую будучыню і высокі ўраджай. Але абавязкова, каб зма-

гацца і перамагаць. Нават тады, калі ўжо з самага пачатку зразумела, што нашая перамога не прынясе нам нічога добрага. Наша свядомасць, вызваленая ад старажытных хрысціянскіх догматаў, сем дзесяцігоддзяў засмечана антычалавечымі догмамі, у аснове якіх усё тая ж, ледзьве закамфляваная жывёльная нянавіць. Менавіта наша нянавіць, — класавая, ідэалагічная, дзяржаўная — апроч усяго іншага, даўно і багата поўніць праклятае пачуццё, як і прычыны, што яго нараджаюць? Але ўся справа ў тым, што не недарэчнасць. Наша гісторыя і наша паўсядзённае існаванне няспынна генеруюць самае спрыяльнае асяроддзе для татальнай нянавіці, усё новыя пакаленні і народы захопліваюцца ў яе арбіты. Зразумела, што ў такіх умовах не можа існаваць дабро, яно проста не ў стане прыжыцца.

Гады перабудовы выявілі новыя заканамернасці нашага існавання, калі адна, так сказаць, агульнадзяржаўная нянавіць распалася на мноства іншых нянавісцяў — нацыянальных, партыйных, карпаратыўных, групавых. Ксенафобія, русафобія, антысемітызм... Але таму, што нянавіць зрабілася драбнейшай, лепшай яна не стала. Ненавідзяць усе і ўсіх. Народ ненавідзіць партыю і яе кіраўніцтва, якія завялі краіну ў пастку. Страчваючы ўладу, партыя гатова ўзненавідзець народ, які марудна ўстае з каленяў і праяўляе непаслухмянасць. Інтэлігенцыя ў спрадвечным выбары паміж ісцінай і разлікам падзялілася на два варажнечыя лагеры. Ва ўмовах эканамічнага крызісу краіну ахапіла мітуслівая барацьба за прывілеі, гэтыя жабрацкія крошкі са збыднелага панскага стала. Ветэраны мінулай вайны поўныя варажнечы да маладых, запэцканых ваеннай авантурай «афганцаў», а тыя ў сваю чаргу — да абстарэлых пераможцаў нямецкага фашызму. Усіх разам іх ціха, але глыбока не любіць сучасная моладзь, якую і тыя і іншыя спрабуюць выхоўваць у даўно скампраметаваным духу патрыятызму. У адрозненне ад старых часоў, калі выхаваныя людзі стараліся ўтаіць гэта нехрысціянскае пачуццё, цяперашнія ім адкрыта ганарацца. Як ганарацца сваёй нецярпімасцю да ўсяго, што не наша, што не так, як у нас. Бо ў нас, як вядома, «свой асаблівы гістарычны шлях», свая мараль і свая «своеобразная статъ». Чужы, нават самы дадатны вопыт для нас — не прыклад, нам трэба свой. Але свой ужо быў, былі дзесяцігоддзі нечуваных эксперыментаў з іх горкім, трагічным вынікам. Дзіўна, што, не ўмеючы што-небудзь вынайсці сваё, вартае, мы з упартасцю маньякаў адмаўляем не толькі заходні быт, прагматызм, культуру, але і здаровы сэнс, які ляжыць у аснове ўсіх эканамічных дасягненняў Захаду.

Выхаванья ў шматгадовай няволі, мы ненавідзім тых, хто памкнуўся да волі. Мы ім тут жа перакрываем кісларод, пазбаўляем энергетычнага дыхання і г. д. Бо чаму так пасмелі? Маўляў, мы таксама жывём не лепей, але ж мы не імкнёмся да сепаратызму. Мы — да гурту. Толькі ўсе заадно, усе разам. Але былі ўжо разам аж семдзесят год і што з таго атрымалася, вядома ўсяму свету. Нас заўсёды палохалі непапраўнай заразай плюралізму, згубнасцю здрады «асноўным прынцыпам», у якой тоіцца багна капіталістычнага распаду. Але багна аказалася не там, дзе яе бачылі, а там, дзе на яе заплюшчвалі вочы. Цяпер нас палохаюць анархіяй дэмакратыі, развалам сацыялізму, Грамадзянскай вайной, калі толькі мы адмовім «свяшчэннай» партыі ў яе кіраўнічай ролі. Рухне імперыя? Але хто сказаў, што адміранне імперыі цягне за сабой пагібель для яе падданых? Ці не наадварот адбывалася ў гісторыі? І ці не ў тым наша няшчасце, што наша імперыя аказалася такой жывучай, што не распалася шмат год назад. Калі б той распад здарыўся ў прыдатны для таго час, якой бы бяды маглі пазбыцца многія нашы пакаленні. Але агонія яе задоўжылася і атручвае жыццё навакол. Не толькі нашае, але і народаў Еўропы, Азіі і нават Амерыкі. Адвучанья ад уласнага шчасця, мы пільна сочым, каб свайго шчасця не здабылі іншыя. Так было ўсе ранейшыя гады, так без асаблівых змен засталася і цяпер. Рэальная (не папяровая) незалежнасць Балтыі або Украіны палохае нас болей, чым перспектыва ўласнага голаду; рызыка застацца без цэнтрысцкага камандавання многім атручвае слодыч жыцця. Зайздрасць да таго, хто можа забагацець і жыць лепей за нас, трывожыць нас болей, чым уласнае жабрацтва.

Дык што ж мы — яшчэ не саспелі для разумнага чалавечага жыцця ва ўмовах дэмакратыі? Выходзіць, аднак, не саспелі. Мабыць, сапраўды нельга адразу; калі дазволена, пераскочыць ад тыраніі да волі — надта вялікая прорва, што іх падзяляе. Яе не адолець за адзін скачок. А за два таксама не атрымаецца. У тым увесь трагізм моманту, які перажывае краіна.

Галоснасць і шматпакутная перабудова дала нам магчымасць трошкі расплюшчыць вочы і ўпершыню за шмат год незамутнёным позіркам зірнуць на сябе. Зірнуць і жахнуцца ад нашай пачварнасці. Жахнуўшыся, некаторыя тут жа закрычалі: нашто! Так добра было жыць у створаным партыйнай прапагандай ілюзорным свеце, не бачачы сябе, іншых і адно ганарыцца — уласнай нацыянальнасцю, партыйай, арміяй, КДБ. Сродкі масавай інфармацыі разбурылі нашу санліवासць, дык што ж цяпер: адмяніць галоснасць? Зрабіць гэта вельмі нават

проста: цензура ліквідована, але цензары — усе на месцах, армія ў пастаяннай баявой гатоўнасці, да позняй начы гарыць святло ў палацах КДБ. Ранейшы дзяржаўны стан можна аднавіць за адзін ранак, і шмат якія з цяперашніх праблем знікнуць.

Але што будзем есці?

Дык што ж нам рабіць? Калі мець на ўвазе творчую інтэлігенцыю краіны, дык нашыя магчымасці ў наладжванні эканомікі роўныя нулю, мараль нам таксама не падначалена. Выхаваць будучыя пакаленні, як нам хочацца, мы не ў стане, бо даўно ўжо збанкрутавалі ў якасці выхавальнікаў. Мабыць, варта пачаць з малога: паспрабаваць абудзіць у сабе сумленне як пярвічны элемент маральнасці. Без карыслівасці, без эгаізму, без крывадушша ўпусціць у душу нейкую часцінку дабырыні і цярдзімасці. Хоць бы да свайго бліжняга, да сабрата-пісьменніка. Нават калі ён думае і піша інакш, чым ты, калі ён разумнейшы за цябе ці тым болей дурнейшы. Калі ён іншай крыві і не можа ганарыцца сваёй прыналежнасцю да вялікага народа. А, дапусцім, належыць да малога ці малалікага. Трохі скарыць сваю выхаваную за дзесяцігоддзі ганарлівую пыху, зірнуць адзін аднаму ў вочы і, можа, паспрабаваць засаромецца.

Усё ж сорама — пачуццё болей вартае за нянавісць.

[Верасень 1990 г.]

[ПАМЯТИ АНДРЕЯ САХАРОВА]

В который раз открывается очередная сессия верховного органа власти, и на ней впервые не будет депутата, чье не-пременное присутствие всегда так много значило. Горестно сознавать, что никогда больше не появится он в этих залитых светом стенах, не зазвучит в них его трудный, прерывающийся голос. И участники заседаний, и многомиллионные телезрители успели привыкнуть за последний год к виду его медлительной, сутуловатой фигуры, терпеливо ожидающей своей очереди у свободного микрофона или пробирающегося к столу президиума. Мы напряженно внимали его прерывистым словам, в которых с предельной полнотой жила честная, незамная мысль, выраженная с интеллигентской деликатностью, исполненная неотразимой сахаровской правды. Не сказать, что она всем приходилась по сердцу, эта выстрадавшая им правда, его появление на трибуне вызывало не только восторженные

аплодисменты, но и, случалось, гневную обструкцию определенной части присутствующих. Правда Сахарова, высокая совесть и побуждений были для многих вызовом их затхлой рутинности, которую они старались перетасать с собой из прошлого в будущее.

Горбачев освободил его от унижительной, противоправной ссылки, но, по-видимому, не оградил от злого неприятия, вызванного его кристальной добродетелью, истолкованной как порок. Те, от кого зависела судьба ученого, понимали: чтобы добиться победы над ним, следовало его оболгать. И получилось явление парадоксальное по своей сути: тот, кто, может быть, первым возвысил свой голос против афганской авантюры, кто встал на защиту подлинного интернационализма во имя сохранения человеческих жизней, рисковал быть побитым теми, кого он защищал. На наших глазах совершалась вопиющая несправедливость, возможная лишь в условиях подмены элементарных нравственных норм, во всех отношениях чрезмерная даже для общества с перевернутым сознанием. Так, словно за годы этой войны мы ничему не научились, не навоевались, не напроливались своей и чужой крови — во имя исполнения эфемерного, если не сказать преступного, долга. Долга рабов перед тиранами. Чуткая душа любого человека могла спастись перед логикой чудовищных обвинений, но Сахаров выстоял. Потому что на этот раз, как и всегда, оставался верен своей в муках обретенной истине, выше и значительнее которой у него ничего не было.

Что и говорить, его правду разделяли не все и даже, быть может, не большинство. Оно и понятно. Высокая правда не наделена свойством тотчас доходить до каждой ушей, не всякие уши способны ее расслышать. До некоторых она не дойдет никогда, иных, как свет погасшей звезды, достигнет, когда уже будет поздно. Человеческое сознание всегда опережается божественным провидением пророка, особенно если это провидение обеспечено бесценным капиталом нравственности. Безупречная нравственность Сахарова была адекватна его аналитической проницательности. Именно нравственная безупречность его личности являлась тем мощным двигателем, который обеспечил успех его политическим устремлениям. Достаточно вспомнить хотя бы его участие в судьбе политических заключенных, в зависимости от освобождения которых он ставил возвращение собственных наград и привилегий. Но, как всегда, нет пророка в Отечестве своем, — не услышало Отечество и Сахарова.

В канун последнего съезда, за несколько считанных дней до кончины академика, многие из депутатов могли увидеть его в буфетном зальчике в перерыве собрания народных представителей. Вся депутатская публика торопливо выстраивалась в очереди к буфетам, он же остался у входа и стоял, словно в нерешительности, странной задумчивой отрешенности. Вокруг него тотчас образовалась пустота. Входявшие в узкую дверь, заведя академика, поспешно отходили в сторону, никто не остановился, не протянул ему руки. Невольно подумалось: вот удел человека, которому общество обязано, может быть, больше, чем кому-либо другому. Здесь он чужой. Хотя что ж... Давно известно: смертные не терпят не таких, как сами, — чем-то выделяющихся из их плотно сомкнутых рядов. Уж они-то умеют блюсти плотность этих рядов и не пропустят чужого — ни по уму, ни по взглядам, ни по таланту. Я счастлив, что в том низком и людном зальчике успел переброситься с ним несколькими словами и услышать несколько его — вовсе не пророческих — обычных житейских мыслей. Не скажу, что меня обуревали какие-либо предчувствия, но, прощаясь, попросил его побережь себя, не выкладываться до предела. Одно только его физическое присутствие в жизни стало необходимым для общества. Он лишь стеснительно улыбнулся и сказал, что его удел оставаться таким, каков есть. На другое он не способен.

И вот его уже нет.

Прежде, в годы войны и революции, в подобных случаях молвили: боец упал на полпути, благословив живых на победу. Наверно, эти слова будут уместны и нынче. Нам нет иного пути, кроме того, что освятил своей личностью Сахаров.

Его не будет в зале заседаний Верховного Совета страны, не появится он во Дворце съездов. Но и в его отсутствие люди будут сверять свои помыслы с сахаровской правдой, всякий раз предполагая, как бы поступил он. Выстраданные им истины, как никогда прежде, важны сегодня и, кажется, еще важнее станут в обозримом будущем. Сахаров оставил нам развернутую программу демократического переустройства мира. Столкнувшись ныне с новым развитием старых конфликтов, мы не можем не вспомнить его озабоченности относительно чудовищных проблем Закавказья. Неоднократно он предупреждал, чем может обернуться половинчатость и непродуманность наших экономических мер по оздоровлению агонизирующей экономики. Равно как и лицемерное суесловие о столь вождьеленной конверсии, за ширмой которой определенными силами вынашиваются новые вооруженческие программы. Уже после

его смерти обнаружилась вся предсказанная им иллюзорность передачи власти от партии к Советам, которые в процессе нынешних выборов энергично укомплектовываются все теми же партийными кадрами. Нетрудно понять, как бы он отнесся к щедрому, поистине царскому повышению зарплаты партсоаппарату, осуществленному в полунищей стране, где огромная трудовая армия учительства, медработников, работников сферы культуры не дожидается своей очереди на толику милости от государства. Он предвидел многое из того, что случилось уже после его кончины. Среди прочего очень актуальна не однажды высказанная им мысль, что центробежные стремления национальных окраин наверняка вызовут ответную реакцию со стороны консервативных, шовинистических сил центра. При всей традиционной дремучести нашего политического сознания трудно будет предвидеть исход этого губительного ристалища. Воистину долгожданная демократизация тоталитарного общества не в состоянии избежать жертв, и весь вопрос в том, какими окажутся эти жертвы. По карману ли народу придется плата за его светлое будущее.

[1990]

[ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗБРАННЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ВЛАДИМИРА КОРОТКЕВИЧА]

Владимир Короткевич — писатель удивительного дарования, блестяще проявивший себя во многих литературных жанрах. Его проза столь же богата и совершенна, как и его поэзия, строгий реализм его рассказов на современные темы естественно сочетается с возвышенным романтизмом исторических повествований. Кроме того, он неистощимый выдумщик. Даже люди, близко знавшие его, не всегда могли различить, что в его произведениях от реального, а что является плодом изошренной писательской фантазии. Следует заметить, однако, что эта его раскованность и разносторонность лишь умножили его творческие возможности, которые всегда проявлялись бурно, дерзко и талантливо.

Он был из породы тех яростных жизнелюбов, которые нечасто встречаются в жизни и еще реже осуществляются в ис-

кустве. Можно сказать, что в этом смысле он был человеком редким. Даже в зрелые годы он счастливо сочетал в себе человеческую мудрость с почти детской непосредственностью, простодушием баловня природы. Непосредственность его натуры, ничуть не принижая его достоинств, давала основание друзьям по-хорошему удивляться, а то и восхищаться его неординарностью. Он любил все натуральное, легкое и радостное как в повседневности бытия, так и в непростых проявлениях человеческих отношений. Его привязанность к жизни вообще не знала границ, и в ней он всегда находил место для необычайного. Эту необычайность он умел разглядеть всюду, подметить острым художническим глазом, чтобы обогатить и преобразовать затем в горниле своего воображения. Многим из пережитого и увиденного имел обыкновение делиться с друзьями, и, случалось, ему не верили, хотя все, о чем он рассказывал, было сущей правдой. Но все дело в том, что многое он видел по-своему, как может видеть только своеобразный художник.

Широко известна его безграничная влюбленность в литературу, искусство, национальную старину и историю. Его талант, будучи по природе своей поэтически возвышенным, не гнушался простого, обыденного как в сфере творчества, так и в отношениях с друзьями, коллегами и читателями. Естественность и простота этих отношений могли удивить некоторых, но тот, кто знал его хорошо, не удивлялся: это был всегдашний, привычный и естественный Володя Короткевич.

Высокая доброта его натуры в отношении к ближнему, казалось бы, требовала взаимности, давала основание что-то брать от других — для себя. Но мы знаем, что это было не так. Он не требовал ничего и редко что брал, потому что принадлежал к числу тех действительно редких теперь бессребреников, которые способны лишь отдавать, одарять, не требуя ничего взамен. И до последних дней он раздавал направо и налево, все черпа из щедрот собственной души, сокровищницы своего недюжинного таланта.

Впервые его имя появилось в печати в 1955 году под стихотворением «Машека», помещенным в журнале «Польмя». Затем стихи Владимира Короткевича продолжительное время печатались в разных изданиях, вышли в трех поэтических сборниках, которые были единодушно одобрены критикой и с интересом встречены читателем. Действительно, уже тогда стало ясно, что в лице молодого автора белорусская поэзия обрела яркое и самобытное дарование, исполненное поэтической возвышенности, смелой метафоричности и глубины.

(Наверное, тут кстати будет отметить, что стихами он и кончил. Его посмертный сборник «Был. Есть. Буду» — поэтическое завещание грядущим поколениям, созданное трепетной рукой мастера. Поэзия все время сопровождала его талант, жила в его строках даже тогда, когда он создавал вовсе не поэтические произведения.)

В рассказах, которые В. Короткевич начал писать одновременно со стихами, также наличествовали многие приметы его поэтического дара, некоторые из них читались как стихи в прозе. Можно даже сказать, что ранняя повествовательная проза В. Короткевича дала ее автору новые творческие возможности, несколько не сужая его поэтической сущности. Влюбленность в жизнь и ее разнообразные проявления зазвучала в ней в полный, ничем не приглушенный голос. Для критиков и поклонников таланта В. Короткевича были все основания полагать, что их кумир надолго останется в пределах им избранного, такого привлекательного для многих жанра. Но, как ни парадоксально, именно в это время в таланте В. Короткевича появилась, надолго утвердившись, новая склонность — углубленный интерес к историческому прошлому народа.

По всей видимости, это также можно понять. При довольно развитых фольклорных и поэтических жанрах белорусской литературе долгое время недоставало исторической прозы. Драматическое и трагическое содержание исторических событий, которым так богато прошлое нашего народа, почти не оставили литературных свидетельств и, конечно же, находились вне пределов личного опыта позднейших поколений литераторов. Для художественного воплощения прошлого литература испытывала потребность в таланте особого рода. Обладая богатым запасом конкретных исторических знаний, он должен был иметь яркое поэтическое воображение, чтобы из седого прошлого черпать вдохновение для конкретного творчества. (Справедливости ради следует заметить, что это прошлое все же не оставалось никем не тронутым: за последние десятилетия белорусскими авторами предпринимались определенные попытки проникнуть в историю края, но это проникновение не шло дальше середины либо второй половины XIX столетия. Особый интерес вызывала легендарная фигура Кастуся Калиновского, о котором в разные времена были созданы произведения в разных литературных жанрах.)

Получилось так, что именно Кастусь Калиновский и трагическое восстание 1863 года привлекли внимание Короткевича-прозаика, и в белорусской печати появился первый, а затем

и второй том его исторического романа «Колосья под серпом твоим». Об этом романе в свое время высказывались разные суждения. Оценки, исполненные восхищения, чередовались с серьезными упреками автору, которые также можно понять по-разному. Но уже тогда было несомненно, что при всей спорности некоторых трактовок и положений, такой широты охвата исторической эпохи и такого проникновения в нее еще не было в белорусской прозе. Произведение это, к сожалению, осталось не законченным.

В 1964 году журнал «Маладосць» опубликовал историко-приключенческий детектив «Дикая охота короля Стаха» — одно из самых популярных произведений Владимира Короткевича. Сразу после появления в журнале оно было переведено на другие языки, впоследствии экранизировано, в киноварианте обошло многие экраны мира и удостоено Оскара, высшей награды США. «Дикая охота» — несомненно, удачная попытка проникновения в историю Белоруссии, правдивое постижение ее драматического прошлого. В отличие от других, зачастую густо населенных произведений Владимира Короткевича, тут не много действующих лиц, почти все события происходят в имении Болотные Ялины и вокруг него. Созданная по излюбленным канонам приключенческого жанра, повесть содержит в своей структуре и что-то отличное от него, какую-то свойственную ей тайну, которую трудно понять, можно разве что почувствовать. И дело тут, конечно, не только в особой романтической атмосфере или в напряженности приключенческого сюжета (кстати, мастерски разработанного автором), не в пугающе-загадочных сценах кавалькады «дикой охоты», рыскающей на таинственных «дрыггантах» по лесным окрестностям. Тут впечатляет что-то более высокое, несомненно идущее из недр исторических времен, блестяще запечатленных в произведениях литературного романтизма Майн Рида, Вальтера Скотта, Генриха Сенкевича. Во всяком случае на примере этой повести лишний раз убеждаешься, какой положительный результат дает гармоническое сочетание определенного характера литературного таланта и подлежащей ему творческой задачи. В «Дикой охоте короля Стаха» все сошлось в своей золотой мере.

Между тем талант Короткевича — исторического прозаика продолжал развиваться и обретал новую силу. На протяжении двух десятилетий в печати регулярно появлялись его новые прозаические произведения, навеянные драматическими перипетиями нашей истории. Среди них значительное место

занимает приключенческо-романтическая история Христа, который «приземлился в Городне» и жанр которой не без легкой иронии обозначен автором как «евангелие от Иуды». Книга эта отличается от других произведений данного жанра многими положительными качествами: основательностью исторического мышления, богатством и художественной выразительностью описаний, местами напоминающих живопись Иеронима Босха. В ней с блеском проявились авторские способности точно и просто создавать многочисленные образы различных сословий: ремесленников, торговцев, простолюдинов, а также магнатов и духовенства того далекого времени, от которого не много осталось даже скупых исторических сведений. Однако наибольшая ценность книги, пожалуй, в ее четких гуманистических установках, избличении того, что касается «власть придержащих», которые в своей жажде корыстного не останавливаются ни перед пролитием крови, ни перед фальшью высоких слов. Читателя привлекает длинная череда временами смешных, а чаще устрашающих событий в пределах старой Городни и в ее окрестностях. В этих событиях участвует группа невольных авантюристов во главе с «мужицким Христом» Братчиком, у которого медленно зреет социальное самосознание и с ним — готовность постоять за правду простых людей. Читателя не могут не поразить с брейгелевским размахом созданные картины городского и сельского быта, ужасающие баталии на «костоломных башнях» Городни. Но наибольшее впечатление, пожалуй, остается от финальной главы романа, когда после долгой борьбы и кровопролитий наступает покой и Братчик с друзьями, послав Иуду за водкой, берут сеялки и начинают засеивать осеннее поле.

Исторический и приключенческо-романтический жанр на ряд лет стал излюбленным литературным жанром Владимира Короткевича. Непрестанное изучение прошлого по архивным и литературным источникам, многолетнее вдумчивое осмысление атмосферы, духа, психологии людей давних времен выработало у автора определенное художественное чувство материала, обычно малодоступное другим писателям. Из-под его пера выходят все новые произведения, посвященные истории и неизменно отмеченные лучшими чертами его неповторимого таланта.

В предпоследний год своей жизни он заканчивает «Черный замок Ольшанский» — эту «наполовину безделушку, в которой, однако, также есть скрытый смысл и еще кое-что», — как писал он на одной из своих книжек. Понятно, это вовсе не

«безделушка», просто Короткевичу свойственна такая, как бы упрощенная, манера отношений к собственным произведениям — чеховская манера уничижительных оценок результатов своего труда. В этом произведении автор удачно соединил в целое события и образы разных времен, исследовал их взаимосвязь и влияние на формирование нравственной атмосферы нашего сегодня. Роман читается с увлечением, его обостренный сюжет, как и совершенное языковое мастерство, обеспечили ему блистательный успех среди широкого круга читателей. Так же, как и изданная одновременно повесть «Оружие», которая тематически очень удачно примыкает, однако, к роману «Колосья под серпом твоим» и удачно расширяет проблематику восстания 1863 года.

Наверное, все созданное Короткевичем красноречиво свидетельствует, что в его лице мы имеем дело с редким литературным талантом, который в сочетании с завидным трудолюбием дал нашей литературе произведения именно такого характера, которого ей давно недоставало. Вероятно, литература, как и природа, не терпит пустоты, и нельзя не порадоваться тому факту, что этот литературный вакуум заполнен подходящим образом.

Однако было бы ошибкой считать, что триумф Короткевича приходится лишь на приключенческо-исторический жанр. Многие написанные им дает основание утверждать, что мы имеем дело с разнообразным и многосторонним литературным талантом, которому была по плечу и современная тема в ее своеобразном, несколько романтически-чувственном восприятии. В. Короткевич немало сделал также для драматургии, кино. Еще в 1972 году им создана популярная книга-эссе, краткий очерк истории Белоруссии «Земля под белыми крыльями», где прошлое республики осмыслено и изображено вдумчивым и компетентным автором. Книга эта, по первоначальному замыслу адресованная молодому украинскому читателю, скоро обрела большую популярность и на белорусской земле. Что же касается его рассказов, то многие из них звучат как песнь любви, жизни, родной природе. Почти все они исполнены поэзии, красоты и любви к человеку. Доверчивая авторская интонация, богатство языково-образительных средств, музыкальная точность интонации в разной степени, но неизменно привлекают в песенной «Рождественской рапсодии», загадочной «Стране Цыгании», драматическом «Глазе Тайфуна» либо в бесхитростном, но проникновенном рассказе с печальным концом «Были у меня медведи». В 1967 году опубликована его

«Чазения», навеянная впечатлениями от нескольких месяцев жизни на Дальнем Востоке. Природа этого края, тамошние люди, их труд, глубоко прочувствованные автором, превратились в своеобразный гимн жизни, одухотворенной поэзией и светлой печалью.

Писательское внимание Владимира Короткевича всегда привлекала тема любви, которую он исследовал в разное время на разном материале: историческом, недавнего прошлого, современности. Уже его самый первый роман «Нельзя забыть» посвящен любви — трудным, драматическим отношениям двух людей из среды творческой интеллигенции в условиях большого города, со всей сложностью его жизненных проявлений, разнообразием характеров и взаимоотношений. Многие страницы романа поражают совершенством психологизма, глубиной исследования вечной, всегда актуальной проблемы взаимоотношений мужчины и женщины, сложности жизни которых, как это часто бывает, далеко не способствуют развитию высоких взаимных чувств.

Несколько отдельно в творчестве В. Короткевича стоит его повесть «Листва каштанов». Это одно из самых автобиографических произведений писателя, написанных на материале первых послевоенных лет, проведенных им в Киеве. Незатейливо и точно выписанные образы юношей и девушек большого города с его нелегким послевоенным бытом основываются на определенных прототипах; трагический финал повести взят из жизни, построен на основе конкретного факта. В этой повести Короткевича много трудных и горьких реалий, взаимоотношений и обстоятельств, и разве что в первых проявлениях юношеской любви знакомо звучит излюбленный им возвышенный романтический мотив.

Вероятно, будет кстати указать также на целый ряд его драматургических произведений, поставленных в театрах республики. Так, в Витебске много лет шли его исторические драмы «Кастусь Калиновский» и «Звоны Витебска», белорусское телевидение передавало его «Мельницу на Синих Вирах», а в Государственном академическом театре оперы и балета шла опера по его либретто «Седая легенда». Белорусское кино в разное время обращалось к его историческим повестям, было снято несколько фильмов по его оригинальным и документальным сценариям.

В. Короткевич пользовался устойчивой репутацией одного из самых талантливых мастеров белорусской литературы, но только после его смерти мы со всей очевидностью поняли,

кого потеряли. Равного ему нет и вряд ли уже будет. Заменить его в нашей литературе не может никто, уже хотя бы потому, что никто с таким блеском не совмещает в себе талант поэта с талантом прозаика, драматурга, киносценариста, эссеиста, историка. Он был в равной мере талантлив почти во всех литературных жанрах, что, пожалуй, естественно для литературы прошлого, но редко встречается в современной литературе с ее богатыми и развитыми литературными жанрами.

Его при жизни любили люди, разные по характеру, несхожих мировоззрений, всех он умел объединить, примирить, покорить глубиной своего ума и добротой своего сердца. Он любил людей и ненавидел все мелочное и фальшивое в них. Многим памятно его последнее выступление на одном из пленумов правления СП Белоруссии, пафосным призывом которого было: «Давайте жить в мире и согласии, отбросим самоедство, озлобленность; жизнь и без того коротка, чтобы тратить ее на склоки. Надо больше работать». В то время, кажется, не слишком прислушивались к его словам, между тем они и теперь продолжают звучать вполне злободневно.

Произведения Владимира Короткевича с живым интересом читают люди разных возрастов и вкусов, но мне думается, большинство его книг находит самый благодарный отклик в молодых сердцах. Он и сам до конца своих дней был очень молодым по натуре и знал, чем тронуть юные души. В самом деле, высокой пробы романтизм его рассказов и повестей, неподдельный драматизм обстоятельств и благородство его исторических образов, искренность и глубина его умных эссе — вот тот добротный фундамент, на котором основывается прочная читательская любовь к Владимиру Короткевичу. Авторитет его в нашей советской литературе гарантирован на многие годы, у него учатся новые поколения белорусских литераторов.

У него есть чему поучиться.

[1990]

[ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ «БЕЛОРУССКАЯ КРОВИНКА» ЕВГЕНИЯ ЕВТУШЕНКО]

С искренней радостью представляю белорусскому читателю эту небольшую книгу замечательного русского поэта, нашего современника Евгения Евтушенко. Впрочем, вряд ли нуждается в представлении тот, чье творчество давно стало достоянием современной цивилизации, чье имя известно и уважаемо на всех земных континентах.

Поэзия Евтушенко активно продолжает гуманистические традиции великой русской литературы, обращенной к сердцам и душам людей. Общечеловеческие моральные установки поэта являются плодотворным фундаментом самобытного и разностороннего художественного творчества. Его последовательный, возвышенный и чистый гуманизм ведет постоянное сражение против разрушающих и порочных деяний эпохи. Антисталинизм Евгения Евтушенко давно снискал ему читательское признание, а непоколебимый демократизм выдвинул его в число самых последовательных политических деятелей горбачевской перестройки.

Ко всему сказанному, может, нелишне добавить, что родные истоки Евгения Александровича находятся в Белоруссии, которую он любит, связан с ее культурой, близко к сердцу принимает ее чернобыльскую беду. В книге впервые публикуются уникальные фото, на которых — Ермолай Евтушенко, дед поэта, трагически погибший во времена сталинского геноцида. Здесь же и «тетка Ганна», о встрече с нею рассказывается в поэме «Мама и нейтронная бомба».

Очень хочется надеяться, что сердца белорусских читателей не останутся равнодушными к страстной и честной Музе нашего друга, одного из самых талантливых поэтов демократической России.

[1990]

[ВІТАЛЬНАЕ СЛОВА ЧАСОПІСУ «ПОЛАЦАК»]

У гэты цяжкі для Беларусі час, калі гэтак войстра абярнулася праблема культурнага, гістарычнага дый біялягічнага выжывання яе народа, у такі час важна і дорага кожнае памкненьне на яе карысьць. Таму дорага і памкненьне беларусаў далёкай для нас Заакіянішчыны стварыць свой нацыянальны часопіс са сьвятой для ўсяе Беларушчыны назвай «Полацак», горада, зь якога пачалася наша гісторыя і наш лёс. Ад імя Згуртаваньня беларусаў сьвету «Бацькаўшчына» і ад сябе як ад асобы я зычу шчасьлівага пачатку й трывалага посьпеху гэтаму выданьню.

Хай квітнее «Полацак»! Жыве Беларусь!

[1990]

КАМЕНТАР

У другой кнізе дзясятага тома Поўнага збору твораў Васіля Быкава прадстаўлена публіцыстычная і літаратурна-крытычная спадчына пісьменніка 1981–1990 гг., што была выяўлена падчас падрыхтоўкі гэтага тома.

Тэксты (артыкулы, эсэ, прадмовы, выступленні, інтэрв'ю, гутаркі, а таксама калектыўныя творы) друкуюцца па газетных і часопісных публікацыях [паводле аўтарскай рэдакцыі падаюцца ў тых выпадках, калі падчас публікацыі ў тэкстах прасочваецца выдавочнае ўмяшальніцтва рэдактуры і вядомыя аўтарызаваныя машынапісы гэтых тэкстаў (захоўваюцца ў асабістым архіве пісьменніка ў яго жонкі Ірыны Міхайлаўны Быкавай (далей — Архіў В. Быкава), у асабістым фондзе Васіля Быкава ці іншых фондах Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва)], па прыжыццёвых выданнях В. Быкава — зборніках публіцыстыкі і зборах твораў: Праўдай адзінай: літ. крытыка, публіцыстыка, інтэрв'ю / бібліягр. паказ. А. Карасёвай. Мінск, 1984; Колокола Хатыни / пред. И. Штокмана. М., 1987; На крыжах: выступленні, артыкулы, інтэрв'ю. Мінск, 1992; Крыжовы шлях: артыкулы, эсэ, інтэрв'ю, выступленні. Мінск, 1998; Собр. соч.: в 4 т., т. 4: Повесть. Рассказы. Публицистика. М., 1986; Зб. тв.: у 6 т., т. 6: аповесць, апавяданні, драма, публіцыстыка. Мінск, 1994, а таксама паводле іншых выданняў, якія ў кожным канкрэтным выпадку ўказваюцца.

У квадратных дужках змешчаны назвы, дадзеныя ўкладальнікам тома, а таксама даты пад тэкстамі, вызначаныя паводле вывучэння гісторыі тэксту. Прынятыя скарачэнні: уклад. — укладальнік тома; СП — Саюз пісьменнікаў; ВС — Вярхоўны Савет; кн. — кніга; зб. — зборнік; часоп. — часопіс; газ. — газета; т. — том; арк. — аркуш; «Літ. і мастацтва» — «Літаратура і мастацтва»; «Літ. газета» — «Літаратурная газета»; БДАМЛМ — Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва. Пад «гэтым выданнем» маецца на ўвазе Поўны збор твораў В. Быкава ў 14 т. Удакладненне «друкуецца ў скарачэнні» азначае скарачэнне тэксту не Васіля Быкава, а аўтара інтэрв'ю ці гутаркі.

Тэксты размешчаны ў храналагічнай паслядоўнасці — па даце напісання. У выпадках адсутнасці такіх звестак творы ўмоўна датуюцца часам першай публікацыі.

[Інтэр'ю часопісу «Беларусь»] (стар. 5)

Друкуецца паводле часоп. «Беларусь», 1981, № 1, дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «Спасцігаць свет і сябе ў гэтым свеце». Гутарку вёў Рыгор Барадулін.

Датуецца часам першай публікацыі.

Стар. 5. ...*высокага звання народнага пісьменніка Беларускай ССР...* — Гэтым званнем Быкаў быў уганараваны ў верасні 1980 г.

Стар. 5. ...*Янкi Купалы i Якуба Коласа...* — Купала Янка (сапр. Луцэвіч Іван; 1882–1942), Колас Якуб (сапр. Міцкевіч Канстанцін; 1882–1956) — народныя паэты Беларусі (1926); класікі беларускай літаратуры.

Стар. 5. ...*мая аповесць «Сотнікаў» спазнала шмат турбот у часе працы над ёй, але яшчэ болей у часе выдання.* — Падрабязней гл. у «Доўгай дарозе дадому» Быкава (гэтае выданне, т. 8, с. 262–264) і каментар да артыкула «Як была напісана аповесць “Сотнікаў”» (гэтае выданне, т. 10, кн. 1, с. 498–500); найбольш поўна — у пасляслоўі да аповесці «Ліквідацыя» (першапачатковая назва «Сотнікава»): Быкаў В. Ліквідацыя. Без цензуры / падрыхт. тэксту, пасляслоўе, каментарыі С. Шапрана. Мінск, 2014.

Стар. 6. *Аляксандр Твардоўскі вельмі дакладна сфармуляваў некалі гэтае паняцце, назваўшы яго пачуццём «малой радзімы».* — Твардоўскі Аляксандр (1910–1971) — расійскі паэт; галоўны рэдактар часоп. «Новый мир» (1950–1954, 1958–1970). Відаць, маецца на ўвазе артыкул «О родине большой и малой» (1958), у якім А. Твардоўскі пісаў, у прыватнасці: «...чувство родины в обширном смысле — родной страны, отчизны — дополняется еще чувством родины малой, первоначальной, родины в смысле родных мест, отчих краев, района, города или деревушки. Эта малая родина, со своим особым обликом, со своей — пусть самой скромной и непритязательной — красой предстает человеку в детстве, в пору памятных на всю жизнь впечатлений ребяческой души, и с нею, этой отдельной и личной родиной, он приходит с годами к той большой родине, что обнимает все малые и — в великом целом своем — для всех одна».

Стар. 6. ...*куды б лёс мяне ні закідваў у жыцці (Расія, Украіна, Далёкі Усход, зарубежжа)...* — Размова, мусіць, ідзе пра 1940–1950-я гг. у жыцці пісьменніка, калі ён у 16-гадовым узросце апынуўся на Украіне; затым было адступленне разам з Чырвонай Арміяй у глыб Расіі. Пасля заканчэння Саратаўскага артвучылішча Быкаў патрапіў на фронт. Потым былі Украіна, Малдавія, Румынія, Балгарыя, Венгрыя, Аўстрыя. Пасля перамогі ў 1945-м Быкаў яшчэ два гады службы ў Балгарыі, затым ізноў на Украіне. Пасля дэмабілізацыі і двух гадоў

жыцця ў Гродне, чарговым разам прызваны ў шэрагі Савецкай Арміі, Быкаў на пяць гадоў быў адпраўлены служыць на Далёкі Усход.

Заканчэння не будзе... (стар. 7)

Друкуецца паводле кн. «Праўдай адзінай», дзе апублікавана пад назвай «Іван Мележ»¹. Упершыню — газ. «Літ. і мастацтва», 1981, 6 лют. пад назвай «Заканчэння не будзе...». Друкавалася таксама пад назвай «Заканчэння не будзе» ў кн.: Успаміны пра Івана Мележа / склад. Л. Я. Пятрова-Мележ. Мінск, 1982. Падчас публікацыі ў кн. «Праўдай адзінай» артыкул быў пашыраны за кошт далучэння тэксту выступлення В. Быкава на ўрачыстым вечары, прысвечаным 60-годдзю з дня нараджэння Івана Мележа, які адбыўся ў Беларускай дзяржаўнай тэатры імя Я. Купалы 11 лютага 1981 г.

Датуецца лютым 1981 г.

Стар. 7. ...з ягонаі кнігаі крытыкі і публіцыстыкі, ужо пасля смерці айтара адзначанай Дзяржаўнай прэміяй БССР. — Зб. крытычных нарысаў і артыкулаў «Жыццёвыя клопаты» народнага пісьменніка БССР (1972) Івана Мележа (1921–1976) быў адзначаны Дзяржаўнай прэміяй Беларусі імя Я. Коласа ў 1976 г.

Стар. 7. Месяцы два перад тым выйшла «Польмя» з яго апошнім раманам... — Мележ І. Завеі, снежань: раман з «Палескай хронікі» // Польмя, 1976, № 3–6.

Стар. 9. Стэндаль (сапр. Бейль Мары-Анры; 1783–1842) — французскі пісьменнік.

Стар. 9. ...«Палескай хронікі»... — Цыкл раманаў І. Мележа: «Людзі на балоце», «Подых навалніцы», «Завеі, снежань».

[Інтэрв'ю газеце «Віцебскі рабочы»] (стар. 10)

Друкуецца паводле газ. «Віцебскі рабочы», 1981, 12 сак., дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «Замест заключэння» і з падзагалоўкам «Адказы В. Быкава на пытанні “Віцебскага рабочага”». Інтэрв'ю ўзяў А. Русецкі.

Датуецца часам першай публікацыі.

Стар. 10. ...кнігі Л. Лазарава, А. Адамовіча, В. Бурана, І. Дзядкова... — Лазараў Лазар (сапр. Шындаль; 1924–2010) — расійскі крытык, літаратуразнавец; аўтар кн. «Васіль Быков: очерк творчства» (1979).

¹ Разыходжанне назвы першапублікацыі з назвай у кн. «Праўдай адзінай» тлумачацца тым, што назвы ў другім выпадку часткова дадзены аўтарам бібліяграфічнага паказальніка. У гэтым выданні вернуты першапачатковыя, аўтарскія назвы.

Адамовіч Алесь (Аляксандр; 1927–1994) — беларускі пісьменнік, літаратуразнавец; аўтар фотаальбома «Васіль Быкаў» (1986); блізкі сябар Быкава. Буран Васіль (1924–200?) — беларускі і ўкраінскі крытык, літаратуразнавец; аўтар кн. «Васіль Быкаў: нарыс творчасці» (1976). Дзядкоў Ігар (1934–1995) — расійскі крытык, літаратуразнавец; аўтар кн. «Василь Быков: очерк творчества» (1980), «Василь Быков. Повесть о человеке, который выстоял» (1990).

Стар. 11. ...*партызанскіх карцін М. Савіцкага*. — Савіцкі Міхаіл (1922–2010) — беларускі мастак; народны мастак БССР (1972) і СССР (1983).

Зарука нашае будучыні (стар. 12)

Друкуецца паводле: Зб. тв.: у 6 т., т. 6. Упершыню ў скарачэнні — газ. «Літ. і мастацтва», 1981, 24 крас. Друкавалася таксама ў кн. «Праўдай адзінай».

Можна быць датавана не пазней 15 красавіка 1981 г. — дня выступлення В. Быкава на VIII з’ездзе СП БССР, які адбыўся ў Мінску 14–15 красавіка 1981 г.

У БДАМЛІМ захоўваецца стэнаграма гэтага выступлення В. Быкава, якая практычна ідэнтычная публікацыі, апроч пэўных стылічных разыходжанняў; да таго ж адсутнічае наступны сказ: «Каханне, наведванне родных мясцін, праблема капешкі сена ці сантыменты з поваду спрамленай рэчкі, у якой не стала рыбы»¹.

Стар. 13. ...*Бялінскага*... — Бялінскі Вісарыён (1811–1848) — рускі літаратурны крытык, публіцыст.

Слова за намi (стар. 16)

Друкуецца паводле часоп. «Беларусь», 1981, № 5, дзе ўпершыню апублікавана.

Датуецца часам першай публікацыі.

Сильные духом (стар. 18)

Друкуецца паводле газ. «Известия», 1981, 9 мая, дзе ўпершыню апублікавана.

Датуецца часам першай публікацыі.

У 1983 г. артыкул «Сильные духом», дапрацаваны і пашыраны, атрымаў назву «Нашы сіла і воля» (гл. ніжэй).

¹ БДАМЛМ. Ф. 78, воп. 1, адз. зах. 459, арк. 254–260.

Стар. 18. «*зарытые в шар земной*» — Не зусім дакладная цытата з верша «Зарыли в шар земной...» Сяргея Арлова (1921–1977), расійскага паэта.

Стар. 18. *Они выстояли и разгромили захватчиков в трудном сорок первом году под Москвой, нанесли смертельные удары фашистскому зверю под Сталинградом и на Курской дуге.* — Размова ідзе пра адны з найгалоўнейшых бітваў Другой сусветнай вайны: бітву пад Масквой (верасень–снежань 1941), Сталінградскую (ліпень 1942 – люты 1943) і Курскую (ліпень–жнівень 1943) бітвы.

Стар. 19. *шумановские «Грезы»* — Музычная п'еса для фартэпіяна Роберта Шумана (1810–1856), нямецкага кампазітара.

[Интервью газете «Социалистическая индустрия»] (стар. 20)

Друкуецца паводле газ. «Социалистическая индустрия», 1981, 1 ліп., дзе ўпершыню апублікавана пад назвай: «Делегат VII съезда писателей СССР Василь Быков: ...Нести людям слово правды». Гутарку запісаў К. Смірноў.

Датуецца часам першай публікацыі.

Стар. 21. *...принадлежащие перу Юрия Бондарева, Григория Бакланова, Константина Симонова, Владимира Богомолова, Юрия Гончарова, Евгения Носова, Сергея Крутилина...* — Бондараў Юрый (нар. у 1924), Бакланаў Рыгор (сапр. Фрыдман; 1923–2009), Сіманаў Канстанцін (1915–1979), Багамолаў Уладзімір (1926–2003), Ганчароў Юрый (1923–2013), Носаў Яўген (1925–2002), Круцілін Сяргей (1921–1985) — расійскія пісьменнікі.

Стар. 22. *Виктор Астафьев* — Астаф'еў Віктар (1924–2001) — расійскі пісьменнік.

Стар. 22. *...Сталина...* — Сталін Іосіф (сапр. Джугашвілі; 1879–1953) — савецкі дзяржаўны і партыйны дзеяч, Генеральны сакратар ЦК ВКП(б) (з красавіка 1922), Старшыня Савета народных камісараў (з 1941), затым Савета міністраў СССР (з 1946). Арганізатар масавых рэпрэсій у СССР.

Стар. 23. *...здесь уместно вспомнить творчество С. С. Смирнова или же «Блокадную книгу» Адамовича и Гранина...* — Смірноў Сяргей Сяргеевіч (1915–1976) — расійскі пісьменнік. Гранін Даніл (прозвішча пры нараджэнні — Герман; 1919–2017) — расійскі пісьменнік. Ініцыятарам стварэння «Блакаднай кнігі» — дакументальнай хронікі блакаднага Ленінграда, якая складаецца з 200 аповедаў блакаднікаў, — быў А. Адамовіч.

Стар. 23. *Евгений Евтушенко* — Еўтушэнка Яўген (прозвішча пры нараджэнні — Гангнус; 1932–2017) — расійскі паэт і празаік беларускага паходжання (продкі па лініі маці паходзяць з в. Хамічы на Гомельшчыне).

Стар. 23. *Дмитрий Гусаров* — Гусараў Дзмітрый (1924–1995) — расійскі пісьменнік.

Стар. 23. *Вячеслав Кондратьев* — Кандрацеў Вячаслаў (1920–1993) — расійскі пісьменнік.

На чарговым этапе (стар. 24)

Друкуецца паводле: Зб. тв.: у 6 т., т. 6. Упершыню — газ. «Советская Белоруссия», 1981, 5 ліп. пад назвай «Верность правде»; у газ. «Звезда», 1981, 5 ліп. і «Лит. і мастацтва», 1981, 10 ліп. пад назвай «Безумоўная вернасць праўдзе». Друкавалася таксама без назвы і ў скарачэнні ў «Лит. газете», 1981, 8 ліп.; у зб.: Седьмой съезд писателей СССР. 30 июня — 4 июля 1981. Стенографический отчет. М., 1983, а таксама ў кн. «Праўдай адзінай» пад назвай «На чарговым этапе»; у кн. «Колокола Хатыни» і Зб. тв.: у 4 т., т. 4 пад назвай «Свидетельство эпохи».

Можа быць датавана не пазней 2 ліпеня 1981 г. — дня выступлення В. Быкава на VII з'ездзе СП СССР, які адбыўся ў Маскве 30 чэрв. — 4 ліп. 1981 г.

Стар. 24. *Анатолий Бачароў* — Бачароў Анатолий (1922–1997) — расійскі крытык, літаратуразнавец; доктар філалагічных навук (1973), прафесар (1976).

Стар. 25. ...*Канстанціна Вараб'ёва*... — Вараб'ёў Канстанцін (1919–1975) — расійскі пісьменнік.

Стар. 25. ...*Анатолия Ананьева*... — Ананьеў Анатолий (1925–2001) — расійскі пісьменнік.

Стар. 25. ...*Яўгена Носава*... — Носаў Яўген (1925–2002) — расійскі пісьменнік.

Стар. 25. ...*Сяргея Круціліна, Віктара Курачкіна*... — Круцілін Сяргей (1921–1985), Курачкін Віктар (1923–1976) — расійскія пісьменнікі.

Стар. 26. ...*аслаўшыся на творчую практыку Талстога, Манаў, Фейхтвангера*... — Талстой Леў (1828–1910) — рускі пісьменнік, класік сусветнай літаратуры; Ман Генрых (1871–1950), Ман Томас (1875–1955), Фейхтвангер Ліён (1884–1958) — нямецкія пісьменнікі.

Стар. 28. ...*В. Распуціна*... — Распуцін Валянцін (1937–2015) — расійскі пісьменнік.

Болгария — Белоруссия (стар. 29)

Друкуецца паводле кн. «Колокола Хатыни». Упершыню — «Лит. газета», 1981, 22 ліп. пад назвай «Не померкнет в веках...» у рубрыцы «Мосты дружбы». Друкавалася таксама ў Зб. тв.: у 4 т., т. 4.

Датуецца часам першай публікацыі.

Стар. 29. ...два болгарских литератора Найден и Георгий Вылчевы... — Вылчаў Найдзен (1927–2002) — балгарскі паэт, перакладчык. Вылчаў Георгі (1926–?) — балгарскі крытык, літаратуразнавец, перакладчык.

Стар. 29. *Ніл Гілевич* — Гілевіч Ніл (1931–2016) — беларускі паэт, перакладчык, фалькларыст, літаратуразнавец, грамадскі дзеяч; народны паэт Беларусі (1991); пэўны час блізкі сябар В. Быкава.

Стар. 29. ...переводы с болгарского В. Никифоровича, В. Анискевича, В. Кулешовой. — Нікіфаровіч Ванкарэм (1934–2011) — беларускі крытык, перакладчык, сцэнарыст; у 1993 г. эміграваў у ЗША. Дакладней — Анісковіч Уладзімір (1932–2016) — беларускі літаратуразнавец, перакладчык. Куляшова Валянціна (1936–2018) — беларускі літаратуразнаўца, перакладчыца; дачка паэта А. Куляшова.

Стар. 29–30. *Недавно в Минске вышла отдельной книгой «Белорусская поэма» — произведение, написанное по-болгарски и переведенное на белорусский язык.* — Мабыць, маецца на ўвазе наступная кн.: Паптонеў С. Беларусь — белая балада: вершы, нарысы / [прадм. П. Броўкі]; пер. з балг. Р. Барадуліна і В. Нікіфаровіча. Мінск, 1979.

Стар. 30. *Стефан Паптонев* — Паптонеў Стэфан (1929–2005) — балгарскі паэт.

Стар. 30. *Рыгор Бородулин* — Барадулін Рыгор (1935–2014) — беларускі паэт, эсэіст, перакладчык; народны паэт Беларусі (1992); блізкі сябар В. Быкава.

Галоўнае дасягненне нашай літаратуры (стар. 30)

Друкуецца паводле кн. «Праўдай адзінай». Упершыню — часоп. «Літаратурная Грузія», 1982, № 7 пад назвай «Вечная тема искусства». Друкавалася таксама ў скарачэнні ў «Літ. газете», 1981, 16 снеж.; у Зб. тв.: у 4 т., т. 4 і ў кн. «Колокола Хатыни» пад назвай «Главный жанр литературы».

Можа быць датавана не пазней лістапада 1981 г.

Выступленне на круглым stole на тэму «Савецкі шматнацыянальны раман і ўзаемадзеянне літаратур», які быў арганізаваны рэдакцыяй «Літ. газеты» і СП Грузіі ў Тбілісі 10–11 лістап. 1981 г.

Стар. 30. ...*Чынгіза Айтматава*... — Айтматаў Чынгіз (1928–2008) — кіргізскі пісьменнік; народны пісьменнік Кіргізскай ССР (1974).

Стар. 30. ...*Надара Думбадзэ*... — Думбадзэ Надар (1928–1984) — грузінскі пісьменнік.

Стар. 30. ...*Івана Чыгрынава, Юозаса Балтушыса*. — Чыгрынаў Іван (1934–1996) — беларускі пісьменнік, сцэнарыст; народны пісьменнік Беларусі (1994). Балтушыс Юозас (1909–1991) — літоўскі пісьменнік, сцэнарыст; народны пісьменнік Літоўскай ССР (1969).

Стар. 31. ...звязаныя з імёнамі Івана Васільева, Юрыя Чарнічэнкі, Анатоля Стрэлянага... — Васільеў Іван (1924–1994) — расійскі пісьменнік. Чарнічэнка Юрый (1929–2010) — расійскі пісьменнік, журналіст, грамадскі дзеяч. Стрэляны Анатоль (нар. у 1939) — расійскі пісьменнік, сцэнарыст, публіцыст.

Стар. 31. *НТР* — навукова-тэхнічная рэвалюцыя.

Стар. 32. *Тое ж у Распуціна: на адным выпадку з жыцця — выпадку, зразумела, значным і важным — паказаны чалавечы лёс і нават болей, як пісаў А. Адамовіч, «всенародное наше прощание с крестьянской Атлантидой, постепенно скрывающейся во всем мире», адыходзячай з жыцця ў гісторыю.* — Цытата з артыкула «Вайна і вёска ў сучаснай літаратуры» А. Адамовіча.

Стар. 32. ...*на «Вайне і міру»*... — Раман Л. Талстога.

Стар. 33. ...*Сервантэса*... — Сервантэс Мігель дэ (1547–1616) — іспанскі пісьменнік; класік сусветнай літаратуры.

Стар. 34. ...*Джона Стэйнбека*... — Стэйнбек Джон (1902–1968) — амерыканскі пісьменнік; лаўрэат Нобелеўскай прэміі (1962).

[Прадмова да кнігі «Чайкі над Эльтыгенам» Анатоля Ніканоркіна] (стар. 36)

Друкуецца паводле кн. «Праўдай адзінай», дзе апублікавана пад назвай «Анатоль Ніканоркін». Упершыню — у якасці прадмовы без назвы да кн.: Ніканоркін А. Чайкі над Эльтыгенам: повести, рассказы, очерки. Симферополь, 1981.

Датуецца часам першай публікацыі.

У Архіве В. Быкава захоўваецца аўтарызаваная копія машынапісу эсэ на рускай мове пад назвай «Мужество правды» з аўтарскімі праўкамі, падпісана: «Василь Быков, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии» (2 арк.). Гэткім чынам можна меркаваць, што эсэ напісана не раней за 1986 г. (у гэтым годзе Быкаў атрымаў Ленінскую прэмію), але, зыходзячы са зместу, магчыма прыйсці да высновы, што размова ідзе не пра прадмову да кнігі, а пра ўступнае слова да аповесці «40 дней, 40 ночей» расійскага пісьменніка Анатоля Ніканоркіна (1921–1994). Гэты пазнейшы варыянт значна адрозніваецца ад ранейшай рэдакцыі прадмовы. Ніжэй падаюцца найбольш істотныя разыходжанні:

Стар. 36. *У прозе ж ён рэаліст і аналітык, старанны даследчык гісторыі...* — Абзац, які пачынаецца з гэтага сказа, у пазнейшай рэдакцыі кампазіцыйна знаходзіцца ў другой частцы эсэ і выглядае інакш: «Своеобразны, обогащающе-познавательны его произведения о подвижниках отечественной науки — Н. Пирогове, А. Боброве, В. Дмитриеве, чья деятельность на благо человечества памятна нам и не должна быть забыта грядущими поколениями».

Стар. 36. *У дакументальных аповесцях аб медыках звяртае на сябе ўвагу пахвальная якасць Ніканоркіна-дакументаліста [...], раскрываючы ўсю сутнасць іх самаадданай працы для чалавецтва.* — Адсутнічае ў пазнейшай рэдакцыі.

Стар. 37. *Зразумела, пры ўсім тым, «Сорак дзён, сорак начэй» застаецца перш за ўсё літаратурным творам...* — Далей пасля гэтага сказа ў пазнейшай рэдакцыі ідзе: «Цитаты из “Одиссеи” и заметок Пирогова придают повествованию глубину времени; упоминание о Дагестане и самоходных баржах с Ла-Манша расширяют пространство, создают ощущение взаимосвязи фронта и тыла» (першапачаткова было: «создают ощущение не ямки укрытия и не барака своего эвакуационного пункта, а мировых фронтов и тыла», але закрэслена і папраўлена).

Стар. 37. *Жыццёвая верагоднасць, непрыдуманасць многіх характараў байцоў і камандзіраў...* — Далей пасля гэтага сказа ў пазнейшай рэдакцыі ідзе: «написанных ее непосредственными участниками. Как знак мужества автора в Керченском историко-краеведческом музее хранится его обгоревший комсомольский билет с размытыми морской водой строчками».

Стар. 37. *А. Ніканоркін, апрача таго, з'яўляецца аўтарам шэрагу краязнаўчых твораў аб Крыме і яго гісторыі, якія дадаюць новыя рысы да багатай гісторыі Крымскага паўвострава і ягоных народаў.* — Адсутнічае ў пазнейшай рэдакцыі.

Стар. 37. *І гэта выдатна, таму што такое адчуванне могуць выклікаць толькі Талент і Праца.* — Адсутнічае. Замест гэтага сказа ў пазнейшай рэдакцыі ідзе з новага абзаца: «В заключение хочется выразить уверенность, что повесть “40 дней, 40 ночей” будет прочитана с интересом и умножит число читателей честного и большого дарования ее автора».

* * *

Стар. 36. *прафесар А. А. Баброў* — Баброў Аляксандр (1850–1904) — рускі хірург; прафесар аперытаўнай хірургіі Маскоўскага ўніверсітэта.

Стар. 36. *...земскі доктар П. В. Ізергін, заснавальнік цяпер шырока вядомага костна-туберкулёзнага санаторыя...* — Ізергін Пётр (1870–1936) — рускі ўрач, доктар медыцынскіх навук.

Стар. 36. *...В. Н. Дзмітрыеў, гэты доктар без лякарстваў, арганізатар крымскіх курортаў...* — Дзмітрыеў Уладзімір (1838–1904) — рускі ўрач, кліматалаг.

Стар. 36. *...вядомы хірург М. І. Пірагоў, чья выдатная дзейнасць так ярка праявілася ў часе Крымскай кампаніі.* — Пірагоў Мікалай (1810–1881) — рускі хірург і педагог, стваральнік першага атласа та-

паграфічнай анатоміі, заснавальнік рускай ваенна-палявой хірургіі і рускай школы анестэзіі.

Стар. 37. *...нарысаў аб літаратарых (У. Лугаўскі, А. Грын, Леся Украінка, Ю. Друніна) і мастаках (Фёдар Васільеў, які памёр у Ялце, У. Яноўскі, стваральнік вядомага «Ачакава ў агні», Пётр Сталярэнка).* — Лугаўскі Уладзімір (1901–1957) — расійскі паэт. Грын Аляксандр (сапр. Грынеўскі; 1880–1932) — расійскі пісьменнік. Украінка Леся (сапр. Косач-Квітка Ларыса; 1871–1913) — украінская паэтка; класік украінскай літаратуры. Друніна Юлія (1924–1991) — расійская паэтка. Васільеў Фёдар (1850–1873) — рускі мастак-жывапісец. Яноўскі Уладзімір (1876–1966) — расійскі мастак-акварэліст. Пётр Сталярэнка (1925–2018) — расійскі і ўкраінскі мастак; народны мастак Украінскай ССР (1985).

[Предыслоўе к книге «Почтовый круг» Валерия Хайрюзова] (стар. 37)

Друкуецца паводле кн.: Хайрюзов В. Почтовый круг. М., 1981, дзе ўпершыню апублікавана ў якасці прадмовы без назвы.

Датуецца часам першай публікацыі.

Хайрузаў Валерый (нар. у 1944) — расійскі пісьменнік і лётчык. У Архіве В. Быкава захоўваецца асобнік кнігі «Почтовый круг» з дарчым надпісам: «Дорогому Василь Владимировичу, моему отцу в литературе, от души. В. Хайрюзов. 14.6.82 г., г. Иркутск».

1982

Дорога памяти (стар. 39)

Друкуецца паводле «Лит. газеты», 1982, 1 студз., дзе ўпершыню апублікавана ў рубрыцы «Литература — жизнь моя». Запіс Ірыны Рышынай.

Датуецца часам першай публікацыі.

Надрукавана з такім уступным словам: «Рубрика, которую “ЛГ” открыла в преддверии VII съезда писателей СССР, предполагает размышления известных мастеров слова о времени и о себе, о своей творческой работе в контексте современного литературного процесса, о том, как собственный художественный поиск и личные замыслы сопрягаются с сегодняшними задачами многонациональной советской литературы».

Стар. 40. *И приводят в качестве примера «Василия Теркина».* — Паэма А. Твардоўскага.

Стар. 41. *...В. Семина...* — Сёмін Вігаль (1927–1978) — расійскі пісьменнік.

Стар. 41. *«Мы не от старости умрем, — от старых ран умрем».* Скорбным провидением звучат эти строки С. Гудзенко... — Радкі з верша «Мы не от старости умрем, — от старых ран умрем...» Сямёна Гудзенкі (1922–1953), расійскага паэта, журналіста.

Стар. 41. *«Я из огненной деревни»* — Кніга А. Адамовіча, Я. Брыля, У. Калесніка (1975).

Стар. 42. *«Дневник Анны Франк»* — Дзённік, які вяла яўрэйская дзяўчынка Ганна Франк у 1942–1944 гг., падчас нацысцкай акупацыі Нідэрландаў. Дзённік быў выдадзены ў 1947 г. намаганнямі бацькі Ганны. У 2009 г. быў прызнаны аб'ектам рэстра «Памяць свету» ЮНЕСКА.

Стар. 43. *Когда, скажем, вышла моя последняя повесть «Пойти и не вернуться», я с интересом прочитал в «Литературном обозрении» два мнения о ней — И. Дедкова и И. Золотусского.* — Золотусский И. Быков против Быкова; Дедков И. Быков верен Быкову // Литературное обозрение, 1978, № 12.

Стар. 43. *...Л. Аннинского...* — Анінскі Леў (нар. у 1934) — расійскі крытык, літаратуразнавец.

Стар. 43. *...Ю. Трифоновым...* — Трыфанаў Юрый (1925–1981) — расійскі пісьменнік.

Стар. 45. *В бытность его в «Новом мире» увидели свет три мои вещи.* — Маюцца на ўвазе аповесці «Мёртвым не баліць», «Праклятая вышыня» (у перакладзе на рускую мову вядомая як «Атака с ходу»), «Круглянскі мост».

Стар. 45. *Никогда не забуду (я писал уже об этом), как в период горестных уныний, вызванных резкой критикой, которая обрушилась на меня, пришел из Москвы в канун майских праздников небольшой конверт с журнальным грифом и поздравительной открыткой внутри — редакционное послание автору, несколько напечатанных на машинке строчек с выражением приветия, а ниже характерным угловатым почерком было дописано: «Все минется, а правда останется. А. Твардовский».* — Размова ідзе пра артыкул «Всё минется, а правда останется»¹. Быкаў мае на ўвазе паштоўку наступнага зместу:

«Дорогой Василий Владимирович!

Сердечно поздравляем с праздником I-го Мая. Желаем здоровья, весенней бодрости, успехов в труде, светлых дум и настроений — Все минется, а правда останется —

А. Твардовский»².

¹ Гл. гэтае выданне, т. 10, кн. 1, с. 226–228.

² Машынапіс без даты за подпісам А. Твардоўскага. Выслоўе «Все минется, а правда останется» дапісана Твардоўскім. Арыгінал. Дзяржаўны музей гісторыі беларускай літаратуры (далей — ДМГБЛ). КП 10735/798. На штэмпелі на канверце — 27.04.1966 г. ДМГБЛ. КП 10735/799.

Стар. 45. ...как это делает А. Кондратович. Его книга об Александре Твардовском... — Кондратовіч Аляксей (1920–1984) — расійскі крытык; працаваў у аддзелах крытыкі (1952–1954) і прозы (1958–1966) часоп. «Новый мир», у 1961–1970 г. намеснік галоўнага рэдактара. Маецца на ўвазе кн.: Кондратович А. Ровесник любому поколению: документальная повесть. М., 1984.

[Интервью газете «Красная звезда»] (стар. 46)

Друкуецца ў скарачэнні паводле газ. «Красная звезда», 1982, 27 сак., дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «Верность памяти» ў рубрыцы «Землянка». Інтэрв'ю ўзяў В. Лукашэвіч.

Датуецца часам першай публікацыі.

Стар. 47. *Спас меня тогда счастливый случай. Тяжело раненный, я выполз из хаты, откуда вели мы огонь и которую через несколько минут протюжили прорвавшиеся фашистские танки.* — Падрабязней пра гэтую драматычную гісторыю, што легла ў аснову апавесці «Мёртвым не баліць», гл. «Доўгую дарогу дадому»¹ і аўтабіяграфічныя дыялогі В. Быкава з А. Адамовічам «Маладыя гады»².

Стар. 47. *В пятидесятом году написал первые два рассказа. Послал на родину, но они напечатаны не были.* — Размова ідзе пра апавяданні «Смерць чалавека» і «Абознік», якія былі напісаны ў 1951 г. і апублікаваны пазней: у газ. «Літ. і мастацтва», 1957, 5 кастр. і «Гродзенская праўда», 1957, 26 мая адпаведна.

Стар. 47. *Опубликовал же первый рассказ в журнале «Советский воин» в 1957 году...* — Першыя апавяданні былі напісаны Быкавым яшчэ ў 1949 г. («В тот день» і «В первом бою») і надрукаваныя ў тым жа годзе ў газ. «Гродненская правда» (22 мая і 19 чэрв. адпаведна). У часоп. «Советский воин» (1957, № 4) было апублікавана апавяданне «Страта» (пер. Я. Плехова). Іншым разам, у «Пункцірах жыцця», Быкаў прыгадваў, што самае першае апавяданне называлася «Цвілі акацыі», яно было надрукавана ў «Гродненской правде», мусіць, у 1948 г., аднак гэтая публікацыя не выяўлена³.

Стар. 48. *...сыну Сергею...* — Быкаў Сяргей (нар. у 1952), жыве ў Мінску.

Стар. 48. *...Бориса Шереметьева...* — Шарамецьёў Барыс (нар. у 1945) — расійскі пісьменнік; служыў на Чарнаморскім флоце; капітан 1-га рангу ў адстаўцы.

¹ Гэтае выданне, т. 8, с. 60–68.

² Тамсама, т. 10, кн. 1, с. 33–38.

³ Тамсама, т. 8, с. 529.

Некалькі злабадзённых пытанняў (стар. 49)

Друкуецца паводле кн. «Праўдай адзінай». Упершыню — часоп. «Дружба народаў», 1982, № 5. Друкавалася таксама ў кн. «Колокола Хатыні» і ў Зб. тв.: у 4 т., т. 4 пад назвай «Что дает нам сегодня память о войне?» і з падзагалоўкам «Ответы на вопросы журнала “Дружба народов”».

Датуецца часам першай публікацыі.

Выступленне В. Быкава ўпершыню было надрукавана ў часоп. «Дружба народов» разам з выступленнямі іншых беларускіх пісьменнікаў: А. Адамовіча, А. Жука, В. Казько і І. Шамякіна — пад агульнай назвай «Что дает нам сегодня память о войне?».

У дзень юбілею (стар. 51)

Друкуецца паводле кн. «Праўдай адзінай», дзе апублікавана пад назвай «Якуб Колас». Друкавалася таксама ў Зб. тв.: у 4 т., т. 4 і ў кн. «Колокола Хатыні» пад назвай «В день юбилея».

Датуецца часам першай публікацыі.

Выступленне на ўрачыстым вечары з нагоды 100-й гадавіны з дня нараджэння Я. Коласа, які адбыўся 1 лістап. 1982 г. у Вялікім тэатры Саюза ССР у Маскве. У гэтым выданні артыкул друкуецца пад першапачатковай, аўтарскай назвай.

Няўступлівае сумленне (стар. 52)

Друкуецца паводле кн. «Праўдай адзінай», дзе апублікавана пад назвай «Анатоль Бачароў». Упершыню — газ. «Журналист», 1982, 3 снеж. пад назвай «Неуступчивая совесть» у рубрыцы «Писатель о критике».

Датуецца часам першай публікацыі.

Артыкул напісаны для шматтыражы журналісцкага факультэта Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя М. В. Ламаносава з нагоды 60-годдзя Анатоля Бачарова (1922–1997), расійскага крытыка, літаратуразнаўцы; доктара філалагічных навук (1973), прафесара МДУ (1976). У гэтым выданні артыкул друкуецца пад першапачатковай, аўтарскай назвай.

Некалькі думак перад юбілеем (стар. 53)

Друкуецца паводле кн. «Праўдай адзінай». Упершыню — часоп. «Беларусь», 1982, № 12.

Датуецца часам першай публікацыі.

Артыкул напісаны да 60-годдзя ўтварэння СССР.

Стар. 54. ...*У. Караткевіча*... — Караткевіч Уладзімір (1930–1984) — беларускі пісьменнік, драматург, публіцыст, перакладчык; класік беларускай літаратуры.

Стар. 55. ...*У. Маякоўскага*... — Маякоўскі Уладзімір (1893–1930) — расійскі паэт; класік рускай літаратуры.

Стар. 55. ...*А. Куляшова*... — Куляшоў Аркадзь (1914–1978) — беларускі паэт, перакладчык; народны паэт БССР (1968).

Майстар мастацкай прозы (стар. 56)

Друкуецца паводле зб.: Братэрства, 1982 / [уклад.: А. Гардзіцкі, А. Клышка; рэдкал.: Р. Барадулін (гал. рэд.) і інш.]. Мінск, 1982, дзе ўпершыню апублікавана ў якасці ўступнага слова да апавяданняў «Бліны» і «Вылечыла» Сяргея Залыгіна (1913–2000), расійскага пісьменніка.

Датуецца часам першай публікацыі.

[Прадмова да кнігі Яўгена Каршукова «Пісьмо жонцы»] (стар. 57)

Друкуецца паводле кн.: Каршукоў Я. Пісьмо жонцы: апавяданні і гумарэскі. Мінск, 1982, дзе ўпершыню апублікавана ў якасці прадмовы без назвы.

Датуецца часам першай публікацыі.

Каршукоў Яўген (нар. у 1932) — беларускі пісьменнік, перакладчык.

1983

Андрэй Макаёнак (стар. 59)

Друкуецца паводле кн. «Праўдай адзінай». Упершыню ў скарачэнні — часоп. «Театр», 1983, № 1, дзе апублікавана разам з развітальнымі словамі ўкраінскага пісьменніка М. Заруднага і расійскага рэжысёра В. Плучака пад агульнай назвай «Памяти Андрэя Макаенка».

Датуецца часам першай публікацыі.

Артыкул напісаны з нагоды смерці Андрэя Макаёнка (1920–1982), беларускага драматурга, народнага пісьменніка БССР (1977), і часткова дублюе ранейшы артыкул В. Быкава «Маладая няўрымслівасць таленту», які быў напісаны да 60-годдзя А. Макаёнка (дублюецца, пачынаючы ад сказа: «Пачаўшы з драматургічнага даследавання замежнага жыцця (“На довітку”)...» і сканчваючы: «Валодаючы багатым жыццёвым вопытам...»).

Стар. 60. *Далёка на тэатральных падмостках разышліся ягоныя Калібераў і Мошкін, Лявон Чмых са сваёю Лявоніхай, Цярэшка Калабок, дзед Каравай, персанажы яго апошняй камедыі.* — Калібераў і Мошкін — персанажы п'есы «Выбачайце, калі ласка!»; Лявон Чмых і Лявоніха — з п'есы «Лявоніха на арбіце»; Цярэшка Калабок — з «Трыбунала»; дзед Каравай — з п'есы «Таблетку пад язык».

[Інтэрв'ю газете «Комсомольская правда»] (стар. 61)

Друкуецца ў скарачэнні паводле газ. «Комсомольская правда», 1983, 27 студз., дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «Василь Быков: Вслед за человеком» у рубрыцы «Встреча для вас». Інтэрв'ю вёў Аляксандр Афанасьёў. Друкавалася таксама ў скарачэнні і пад назвай «Вслед за человеком» у часоп. «Культура и жизнь», 1983, № 8. Датуецца часам першай публікацыі.

Стар. 63. *Такова судьба Ивановского...* — Іваноўскі — герой апоэсі «Дажыць да сьвітаньня» Быкава.

Стар. 65. *Достоевский* — Дастаеўскі Фёдар (1821–1881) — рускі пісьменьнік беларускага паходжання (продкі па лініі бацькі валодалі часткай мястэчка Дастоева Пінскага павета); класік рускай літаратуры.

[Інтэрв'ю газете «Голас Радзімы»] (стар. 66)

Друкуецца паводле газ. «Голас Радзімы», 1983, 17 сак., дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «Праўда забітага пакалення». Інтэрв'ю ўзяў В. Хадасоўскі.

Датуецца часам першай публікацыі.

Інтэрв'ю папярэднічае ўступнае слова: «У “рэйтынг” чытацкай папулярнасці ў СССР імя 58-гадовага беларускага прэзаіка Васіля Быкава займае адзін з верхніх радкоў. За яго кнігамі “Жураўліны крык”, “Трэцяя ракета”, “Мёртвым не баліць”, “Альпійская балада”, “Сотнікаў” і іншымі — чарга ў публічных бібліятэках. Яго творы перакладзены на многія мовы народаў Саюза ССР, выдадзены ў дзясятках замежных краін, з поспехам экранізаваны. Прыхільнік “жосткага рэалізму” В. Быкаў узяў на новую вышыню савецкую прозу пра вайну, стаўшы ў адзін рад з такімі сусветна вядомымі майстрамі гэтай тэмы, як А. Барбюс, Э.-М. Рэмарк і іншыя. [...]

Гэтага засяроджанага, нетаропкага на словы і ацэнкі чалавека можна ўявіць кім хочаш. Ён мог стаць мастаком — з дзяцінства цягнула маляваць, школьным настаўнікам або пераняць у бацькоў сялянскую цягу да зямлі. Але з усіх варыянтаў лёс дараваў самы страшны. З нялёгкага, часам паўгалоднага дзяцінства сельскі хлопец трапіў у пекла вайны. Ды так і застаўся ў ім па сёння. Сам-насам са сваёй памяццю, назаўсёды ўражанай болем за людскія пакуты.

Чатыры доўгія гады вайны з гітлераўскім фашызмам, якія выпалі на франтавое юнацтва будучага пісьменніка, можна спрасаваць у чатыры радкі. Паскоранья курсы пяхотнага вучылішча. Узвод аўтаматчыкаў і лёгкіх процітанкавых гармат. І ўвесь час — перадавая, якую лейтэнант Быкаў пакідаў толькі на кароткія гадзіны. Ранены. Выжыў. Але талентам пісьменніка гэтая скупая храналогія трансфармавана сёння ў тамы бліскачай прозы».

Стар. 67. *Ваша новая аповесць «Знак бяды», якая летась друкавалася ў часопісе «Польмя»...* — «Польмя», 1982, № 8.

Стар. 67. *Хемінгуэй Эрнэст* (1899–1961) — амерыканскі пісьменнік; лаўрэат Пулітцэраўскай прэміі (1953), Нобелеўскай прэміі (1954); класік сусветнай літаратуры.

Стар. 69. *...Міхася Лынькова...* — Лынькоў Міхась (1899–1975) — беларускі пісьменнік, крытык, літаратуразнавец; народны пісьменнік БССР (1962).

Стар. 69. *...Янкі Брыля...* — Брыль Янка (Іван; 1917–2006) — беларускі пісьменнік, літаратуразнавец; народны пісьменнік БССР (1981).

Стар. 69. *...Івана Шамякіна, Івана Навуменкі, Івана Пташнікава...* — Шамякін Іван (1921–2004) — беларускі пісьменнік, драматург, грамадскі дзеяч; народны пісьменнік БССР (1972). Навуменка Іван (1925–2007) — беларускі пісьменнік, літаратуразнавец; народны пісьменнік Беларусі (1995). Пташнікаў Іван (1932–2016) — беларускі пісьменнік.

Стар. 69. *...Максіма Танка, Пімена Панчанкі...* — Танк Максім (сапр. Скурко Яўген; 1912–1995) — беларускі паэт, грамадскі дзеяч; народны паэт БССР (1968). Панчанка Пімен (1917–1995) — беларускі паэт; народны паэт БССР (1973).

Нашы сіла і воля (стар. 70)

Друкуецца паводле кн. «Крыжовы шлях». Упершыню — у кн. «Праўдай адзінай» пад назвай «Наша сіла і воля». Друкавалася ў перакладзе на рускую мову пад назвай «Товарищи по памяти» і ў скарачэнні ў часоп. «Литературное обозрение», 1985, № 5; у кн.: *Победа: сборник очерков и воспоминаний о Великой Отечественной войне / сост. П. А. Волков, З. М. Санников, И. М. Степанов. Саратов, 1985; Литература о войне и проблемы мира. Минск, 1986; «Колокола Хатыни»; у 3б. тв.: у 4 т., т. 4; у 3б. тв.: у 6 т., т. 6.*

Датуецца красавіком 1983 г.

Выступленне на навуковай канферэнцыі па праблемах «ваеннай» прозы, якая была арганізавана Інстытутам літаратуры імя Я. Купалы АН БССР разам з СП БССР у красавіку 1983 г. У аснову выступлення пакладзены дапрацаваны і пашыраны артыкул «Сильные духом» («Известия», 1981, 9 мая). Існуе яшчэ адна рэдакцыя гэтага выступлення, якая была надрукавана ў газ. «Літ. і мастацтва», 1983, 6 мая

пад назвай «Памяць ахвяр, памяць перамогі». Яна адрозніваецца не толькі шматлікімі стылістычнымі праўкамі і адсутнасцю некаторых фрагментаў, але і фіналам — так, пасля сказа: «Адным з важнейшых крытэрыяў у ацэнцы твораў на тэму вайны [...]» у гэтай рэдакцыі далей ідзе з новага абзаца:

«Ваенная літаратура сказала шмат пра тую Вялікую вайну, але, зразумела, сказала не ўсё. Прыклады літаратурнай практыкі толькі апошніх гадоў паказваюць сапраўды бязмежныя магчымасці гэтай тэмы, якія выяўляюць сябе ў творах нашых прызнаных і асобных маладых літаратараў. Зусім нядаўна маладая беларуская журналістка Святлана Алексіевіч сабрала ўнікальны, узрушаючае сілы матэрыял: успаміны жанчын — удзельніц мінулай вайны. Такі своеасаблівы паварот грунтоўна адпрацаванай тэмы дазволіў выявіць шмат новага, праўдзівага, часам нечаканага і трагічнага ў перыпетыях мінулай вайны, убачанага вачамі жанчын, прапушчанага праз жаночае сэрца. А вядомы кінадакументаліст Віктар Дашук зняў на гэтым матэрыяле пяць дакументальных фільмаў пад агульнай назвай “У вайны не жаночы твар”, якія ўяўляюць сабой пранізлівыя па праўдзівасці дакументы аб мінулай вайне. Вось самы плённы шлях пошукаў літаратуры і мастацтва нашага часу і адказ на далікатнае пытанне, з якім маладыя іншы раз звяртаюцца да ветэранаў: як трэба пісаць пра вайну тым, хто ў ёй не ўдзельнічаў?

Псіхалагічная заглыбленасць, строгі і суровы рэалізм у паказе драматычных старонак вайны — неад’емныя ўмовы ўсякага твора аб вайне. І ў нас ёсць шмат прыкладаў такога парадку, твораў бліскучых ва ўсіх дачыненнях, якія падкупляюць перш за ўсё аголенай праўдай тых вогненных гадоў. Паказальна пры гэтым, што лепшыя кнігі і фільмы пра вайну — не толькі выдатныя ўзоры творчасці цудоўных мастакоў, але адначасова і сведчанні ўдзельнікаў і відавочцаў. Мне думаецца, што менавіта дзеля гэтай якасці ім наканавана доўгае жыццё ў мастацтве. Значэнне іх у духоўным жыцці народа не часовае, а іх уплыў не залежыць ад таго, што ў іх адыграе першаступенную ролю — выхаваўчая функцыя гуманізму ці сумленнае і яскравае сведчанне аб мінулай вайне. Зразумела, і тое і другое ўзаемна злучана і ў аднолькавай меры важна. Асабліва для нашага часу, калі ракетна-ядзерны прывід пагрозліва павіс над светам. Што ж, чалавечтва вымушана пажынаць горкія плады нястрымнага тэхнічнага прагрэсу, не забяспечанага прагрэсам маральным. Для кожнага чалавека, які хоць трошкі думае, ужо цяпер відавочна, што ядзерная энергія вызвалена раней часу без неабходнага вызвалення чалавечай свядомасці ад дрымучых інстынктаў мінулага: нянавісці, нецярпімасці, падазронасці, безагляднага саперніцтва. Каб нейк адтэрмінаваць небяспеку, якая насоўваецца, людзі б’юцца над пытаннем: як адрэгуляваць ядзернае ўзбраенне, зрабіць яго зручным і парытэтным для процілеглых лагераў? Але, мусіць, дарэмны гэты клопат. Праблема захавання жыцця на Зямлі ўжо перарасла праблему тэхнічную, нават палітычную, яна

даўно ператварылася ў маральную, і толькі на такім узроўні яшчэ магчымае яе выражэнне. Толькі высокая маральнасць яшчэ з'яўляецца нейкім гарантам ад зямной катастрофы, і ў аснове яе — усё тыха ж, здавён-даўна выпрацаваны чалавецтвам прынцыпы цярасці і гуманізму. І хоць, вядома, ядзерная зброя з яе магчымасцямі не можа ўплываць на маральнасць сучаснікаў, але ўплыў гэты выяўляецца дваістым: яна абвастрае сумленне ў людзей, якія яго маюць, і вытраўляе рэшткі сумлення ў людзей, свядомасць якіх зазнала мутацыі.

Пазіцыя нашай літаратуры, як і ўсіх людзей добрай волі, у такіх умовах элементарная і адназначная. Усё, што можна, мы павінны паставіць на службу міру супраць разгулу ядзернага вар'яцтва, спыніць якое можа толькі Сіла і Воля народа.

Сіла і Воля, падобныя да тых, што калісьці сталі на шляху нямецкага фашызму і забяспечылі 38 год міру ў Еўропе».

Стар. 74. ...*пад бомбавымі ўдарамі «месершмітай» і «юнкерсай», вытрывай пад гусеніцамі «пантэр» і «тыграў»...* — «Месершміты», «юнкерсы» — самалёты, якія былі на ўзбраенні Люфтвафе, германскіх ваенна-паветраных сіл. «Пантэры», «тыгры» — нямецкія танкі часоў Другой сусветнай вайны.

Стар. 74. ...*забівай ворагаў са свайго ППШ або «драгункі»...* — ППШ — савецкі пісталет-кулямёт, які быў распрацаваны ў 1940 г. канструктарам Георгіем Шпагіным (адсюль і абрэвіятура — «пісталет-пулемет Шпагіна»). «Драгунка» — вінтоўка з укарочаным ствалам.

[Інтэрв'ю журналу «Отчизна»] (стар. 77)

Друкуецца паводле часоп. «Отчизна», 1983, № 4, дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «Эта жестокая память». Інтэрв'ю вяла Галіна Бакшэева.

Датуецца часам першай публікацыі.

Стар. 78. *Всего лишь дважды ранен...* — Насамрэч Быкаў быў паранены тройчы, але сур'ёзна — двойчы. Першы раз — 2 снежня 1943 г. пад Александрыйй (Украіна); быў паранены ў руку і галаву, але раненне было лёгкае, Быкаў вылечыўся ў медсанбаце без адпраўкі ў тыл¹. Другім разам паранены 7 студзеня 1944 г. пад Кіраваградам (Украіна). «Рана была скразная, прабіла галёнку, як пасля аказалася, адшчапіла частку касці. Нага ад таго не падламілася, але боль быў страшэнны, я потым правалюўся ў шпіталі, значыцца, студзень, люты,

¹ Паводле ліста В. Быкава да родных ад 7 жн. 1944 г. Рукапісны тэкст. Арыгінал. Захоўваецца ў Віцебскім абласным краязнаўчым музеі. КП 21382/1.

сакавік — амаль тры месяцы. Усё не зажывала...»¹ Трэцім разам быў паранены 17 снежня т. г. пад Секешфехерварам (Венгрыя). Лячыўся ў шпіталі для лёгкапараненых са снежня 1944-га па студзень 1945-га². «Рана мая была лёгкая, там мне выцягнулі асколак, застаўся толькі невялічкі абломак, які ў мяне дагэтуль. Нашу ў руцэ як памяць», — распавядаў Быкаў у часе гутаркі з Адамовічам³.

Стар. 79. *Гітлер* — Гітлер Адольф (1889–1945) — заснавальнік нацыянал-сацыялізма і таталітарнай дыктатуры Трэцяга рэйха; фюрэр і рэйхсканцлер Германіі (з 1934).

Стар. 79. *Повести «Третья ракета» и «Альпийская баллада» легли в основу одноименных фильмов. В 1976 году вышла картина режиссера Ларисы Шепитько «Восхождение», в основу которой легла повесть «Сотники».* — «Трэцяя ракета» (1963; рэжысёр Р. Віктараў) — першы досвед кінематаграфічнай працы Быкава, які выступіў у якасці сцэнарыста. «Альпійская балада» была экранізавана ў 1966 г. (сцэнарыі В. Быкава; рэжысёр Б. Сцяпанаў). Шапіцька Ларыса (1938–1979) — расійскі кінарэжысёр, сцэнарыст; загінула ў аўтамабільнай катастрофе. Фільм «Узыходжанне» выйшаў на экраны ў 1977 г. (сцэнарыі Ю. Клепікава, Л. Шапіцькі; рэжысёр Л. Шапіцька). Падрабязней пра гэта гл. каментары да 9 т. гэтага выдання.

Стар. 81. *Борис Саченко* — Сачанка Барыс (1936–1995) — беларускі пісьменнік.

Стар. 81. *Анатоль Вертинский* — Вяцінскі Анатоль (нар. у 1931) — беларускі паэт, драматург, крытык, перакладчык.

Стар. 82. *В начале 1970 года задумал пьесу «Последний шанс»...* — Драма «Апошні шанц» хоць і з’яўляецца арыгінальным творам Быкава, аднак у ёй даволі выразна гучаць матывы аповесцей «Сотнікаў» і «Абеліск». Наогул кажучы, гэтая назва — «Апошні шанц» — фігуруе толькі падчас першай кніжнай публікацыі (Зб. тв.: у 6 т., т. 6), ва ўсіх астатніх выпадках п’еса вядомая пад іншымі назвамі. Так, у адной з ранніх рэдакцый яна называецца «Іншага не застаецца»⁴. Гэтая ж назва пазначана і на машынапісе, што захоўваецца ў гродзенскім Архіве В. Быкава. Праўда, тут назва закрэслена, уверсе напісана: «Калі хочацца жыць». Гэтаксама п’еса была названа і падчас першай, фрагментарнай публікацыі («Літ. і мастацтва», 1974, 21 чэрв.); у перакладзе на рускую мову — «Когда хочется жить (Последний шанс)». Што датычыць даты напісання, то ў першай кніжнай публікацыі пазначаны 1967 г., які, зрэшты, выклікае пытанні. На карысць таго, што п’еса магла быць напісана менавіта ў гэтым годзе, сведчыць не толькі ўзрост дзеючых асоб (напрыклад: «Зуеў — былы чырвонаармеец.

¹ Гл. гэтае выданне, т. 10, кн. 1, с. 35.

² Паводле Асабістай справы пісьменніка Быкава В. У. Захоўваецца ў Саюзе беларускіх пісьменнікаў.

³ Гл. гэтае выданне, т. 10, кн. 1, с. 63.

⁴ БДАМЛМ. Ф. 132, воп. 1, адз. зах. 287, арк. 1–79.

30 год. У эпілозе 55 год. Доктар Майер — шэф СД і паліцыі бяспекі. 40 год. У эпілозе 65 год» і г. д.), але і аўтарская рэмарка: «Дзеянне адбываецца ў 1942 годзе ў адным з акупіраваных гарадкоў Беларусі і праз 25 год у наш час». Аднак і гэтая рэмарка, і ўзроставыя пазнакі зроблены пісьменнікам толькі ў пазнейшай рэдакцыі драмы, якая можа быць датавана не раней за 1984 г. Да таго ж у «Доўгай дарозе дадому» Быкаў сведчыў, што напісаць п'есу яму параіў А. Макаёнак і зрабіў гэта ў той час, як быў дэпутатам ВС БССР, але дэпутатам Макаёнак выбіраўся пачынаючы з 1971 г. Апроч таго, першае абмеркаванне п'есы мастацкім саветам Нацыянальнага акадэмічнага тэатра імя Я. Купалы адбылося ў 1973 г. Разам з тым трэба заўважыць, што Быкаў нічога не паведамляў пра тое, што драма доўгі час праляжала ў яго пісьмовым стане (па сутнасці, з 1967-га па 1973-і), а ўсе іншыя дакументальныя сведчанні — лісты і інтэрв'ю пісьменніка — указваюць усё-ткі на 1973 г. як год напісання п'есы (ці самае ранняе — 1971-ы).

Наука побеждать (стар. 83)

Друкуецца паводле «Лит. газеты», 1983, 4 мая, дзе ўпершыню апублікавана.

Датуецца часам першай публікацыі.

Рэцэнзія на раман «Вам — задание» (Мінск, 1982; у гэтым выданні В. Быкаў пазначаны як рэцэнзент) Мікалая Чаргінца (нар. у 1937), у гэты час — начальніка Упраўлення крымінальнага вышукку МУС БССР.

Тое, што стала жыццём і лёсам (стар. 85)

Друкуецца паводле кн. «Праўдай адзінай». Упершыню — «Лит. газета», 1983, 22 чэрв. пад назвай «Годы прошли, а хоть бы кого-то забыть...». Пад гэтай жа назвай і з падзагалоўкам «У войны не женское лицо» друкавалася ў зб. «Экран, 1982–1983» (М., 1985), а таксама ў кн. «Колокола Хатыни» і ў Зб. тв.: у 4 т., т. 4, дзе апублікавана пад назвай «Ставшее жизнью и судьбой».

Датуецца часам першай публікацыі.

Стар. 86. ...*фільма В. Дашука і С. Алексіевіч, які выйшаў на экраны краіны пад агульнаю назвай «У вайны не жаночае аблічча».* — Дашук Віктар (нар. у 1938) — беларускі рэжысёр-дакументаліст; народны артыст БССР (1988). Алексіевіч Святлана (нар. у 1948) — беларуская пісьменніца; лаўрэат Нобелеўскай прэміі (2015). Сямісерыйны дакументальны тэлевізійны фільм «У вайны не жаночае аблічча» быў зняты В. Дашуком паводле сцэнарыя, напісанага ім у сааўтарстве са С. Алексіевіч. Асновай для фільма сталі 500 магнітафонных

запісаў гутарак Алексіевіч, якія склалі яе першую кнігу «У вайны не жаночае аблічча».

Стар. 86. *Віктар Дашук, прыступаючы да працы над гэтай серыяй, ужо меў салідны вопыт такога роду, набыты ім пры стварэнні сумесна з А. Адамовічам серыялу «Жанчыны з забітае вёскі».* — Дакладная назва серыяла — «Я з вогеннай вёскі» (1975–1978).

[Інтэрв'ю газете «Советская молодежь»] (стар. 89)

Друкуецца паводле газ. «Советская молодежь» (Рыга, Латвія), 1983, 24 чэрв., дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «Если бы люди всей земли...». Інтэрв'ю ўзяў І. Шчадрын.

Датуецца часам першай публікацыі.

Стар. 89. «*першинги*», «*трайденнты*», «*МХ*» — «Першынгі», «трайдэнты» — амерыканскія балістычныя ракеты. «МХ» — індэкс амерыканскай ракетнай зброі і лятальных апаратаў на ракетнай цязе.

Стар. 89. *Это, к счастью, пока «теория», но уже теперь требуется больше века на исправление экологических последствий войны во Вьетнаме; женщины рожают уродов, потому что Вьетнам стал испытательным полигоном современного оружия.* — Вайна ў В'етнаме (1957–1975) распачалася як грамадзянская вайна ў Паўднёвым В'етнаме, у якую з цягам часу быў уцягнуты Паўночны В'етнам (які атрымаў падтрымку Кітая і СССР), а таксама ЗША разам з саюзнікамі (падтрымалі Паўднёвы В'етнам). Дэфаліант — рэчыва, якое выклікае ападанне лісця раслін. Дэфаліанты выкарыстоўваліся амерыканскімі вайскоўцамі падчас вайны ў В'етнаме з мэтай, каб пазбавіць мясцовых партызан натуральнага ляснога ўкрыцця.

Стар. 90. *Такие же тени, как в Хиросиме.* — Хірасіма — горад у Японіі, дзе ўпершыню ў свеце Узброенымі сіламі ЗША быў ажыццёўлены ядзерны ўзрыў (1945).

Стар. 90. *...Рей Бредбери...* — Брэдберы Рэй (1920–2012) — амерыканскі пісьменнік, які традыцыйна лічыцца класікам навуковай фантастыкі.

Стар. 90. *Эрико Вериссимо* — Верысіму Эрыку (1905–1975) — бразільскі пісьменнік.

Стар. 90. *...Александра Чаковского, Ивана Стаднюка...* — Чакоўскі Аляксандр (1913–1994), Стаднюк Іван (1920–1994) — расійскія пісьменнікі.

Стар. 90. *Поэтому Рыбак в числе карателей шел вешать Сотникова, Волошин вместе со своим батальоном брал высоту, которую, казалось, невозможно было взять, а, скажем, тихий и послушный Петрок защищал свое человеческое достоинство.* — Рыбак і Сотнікаў — героі

аповесці «Сотнікаў»; Валошын — герой аповесці «Яго батальён»; Пятрок — герой аповесці «Знак бяды».

Стар. 90. *Паустовский* — Паўстоўскі Канстанцін (1892–1968) — расійскі пісьменнік.

[Адказы на пытанні Аляксея Гардзіцкага і ўдзельнікаў літаратурнага семінара ў Доме творчасці пісьменнікаў у Каралішчавічах] (стар. 92)

Друкуецца ў скарачэнні паводле кн.: Гардзіцкі А. Гутаркі: інтэрв'ю, дыялогі пра літаратуру. Мінск, 1988, дзе апублікавана разам з інтэрв'ю В. Быкава розных гадоў пад агульнай назвай «Гутаркі з Васілём Быкавым».

Можа быць датавана снежнем 1983 г. — зыходзячы са зместу.

Гардзіцкі Аляксей (1934–1999) — беларускі крытык, літаратуразнавец.

Стар. 92. *Каралішчавічы* — Маецца на ўвазе Дом творчасці пісьменнікаў у Каралішчавічах.

Стар. 92. *...нядаўна ў яго выйшаў чатырохтомны Збор твораў...* — Быкаў В. Зб. тв.: у 4 т. Мінск, 1980–1982.

Стар. 92. *Кніга публіцыстыкі мае выйсіці асобным выданнем.* — Быкаў В. Праўдай адзінай: літ. крытыка, публіцыстыка, інтэрв'ю / бібліягр. паказ. А. Карасёвай. Мінск, 1984.

Стар. 96. *...Мацея Бурачка...* — Мацей Бурачок — псеўданім Багушэвіча Францішка (1840–1900), беларускага пісьменніка, публіцыста, перакладчыка, грамадскага дзеяча; аднаго з пачынальнікаў беларускай літаратуры.

Стар. 96. *...Максіма Багдановіча.* — Багдановіч Максім (1891–1917) — беларускі паэт; класік беларускай літаратуры.

Стар. 97. *Яшчэ з часоў Пушкіна — вядомая яго фраза пра Таццяну.* — Пушкін Аляксандр (1799–1837) — рускі паэт, празаік, драматург; класік рускай літаратуры. Маецца на ўвазе галоўная гераіня паэмы «Яўген Анегін» Таццяна Ларына.

Стар. 99. *...вядомае выказванне Бялінскага, які вельмі катэгарычна ставіў гэтае пытанне: сацыяльнасць або смерць.* — У 1841 г. В. Бялінскі пісаў у лісце да рускага крытыка В. Боткіна: «Социальность, социальность — или смерть! Вот девиз мой. Что мне в том, что живет общее, когда страдает личность? Что мне в том, что гений на земле живет в небе, когда толпа валяется в грязи? Что мне в том, что я понимаю идею, что мне открыт мир идеи в искусстве, в религии, в истории, когда я не могу этим делиться со всеми, кто должен быть моими братьями по человечеству... Что мне в том, что для избранных есть блаженство, когда большая часть и не подозревает его возможности? Прочь же от меня блаженство, если оно достоя-

ние мне одному из тысяч! Не хочу я его, если оно у меня не общее с меньшими братьями моими!»

Стар. 99. *...творы Сартра або Камю...* — Сартр Жан Поль (1905–1980) — французскі пісьменнік, філосаф-экзістэнцыяліст. Камю Альбер (1913–1960) — французскі пісьменнік, драматург, філосаф-экзістэнцыяліст; лаўрэат Нобелеўскай прэміі (1957).

Стар. 101. *...феномен з твораў Булгакава, які пры жыцці не выдаўся, а ўбачыў свет пазней. Цяпер мы бачым, наколькі папулярны Булгакаў, яго «Майстар і Маргарыта».* — Булгакаў Міхаіл (1891–1940) — расійскі пісьменнік украінскага паходжання (нарадзіўся ў Кіеве). Першая публікацыя рамана «Майстар і Маргарыта» адбылася ў скарачаным выглядзе ўжо пасля смерці аўтара ў часоп. «Масква» ў 1966–1967 гг. Першае поўнае выданне па-руску было ажыццёлена ў 1967 г. у Парыжы. У СССР раман выйшаў без купюр толькі ў 1973 г.

Стар. 101. *Як зайсёды, пачаў новую апавесць, але нешта яна слаба ідзе, бо папярэдняя апавесць, маю на ўвазе «Знак бяды», неяк яшчэ да ладу не даведзена, асобным выданнем пакуль не выйшла...* — Размова, відаць, ідзе пра раман «Кар’ер». Што тычыцца «Знаку бяды», то ўпершыню ён быў надрукаваны ў 1982 г. у часоп. «Полымя» (№ 8). У перакладзе на рускую мову з’явіўся ў часоп. «Дружба народов» (№ 3, 4) на наступны год і са значнымі купюрамі. Што да кніжнага выдання, то тут таксама паўсталі праблемы з цензурай. У гэтай сувязі Быкаў пісаў у студзені 1984 г. у лісце да расійскага крытыка І. Дзядкова: «“Знак” мой пока перебувае в замороженном состоянии, ждет оттепели. И у нас, в Минске, и в Москве тоже»¹. Супраць друкавання «Знаку бяды» выступіў не толькі даўні ганіцель Быкава — адказны супрацоўнік ЦК КПСС У. Сеўрук, які курыраваў пытанні цензуры, але і старшыня КДБ СССР В. Чэбрыкаў. Аднак, па сведчанні журналіста і палітолага А. Грачова, адказваючы на пасяджэнні Палітбюро ЦК КПСС Чэбрыкава, які пільна ўгледзеў у «Знаку бяды» «падкоп пад калектывізацыю», Генеральны сакратар ЦК КПСС М. Гарбачоў запярэчыў: «Так, перакосы будуць. Усе ўсплыве ў патоку, які ўтвораўся. Будзе і пена, і смецце, але ўсё гэта знак вясны, абнаўлення, спадарожнікі дэмакратызацыі. А яе махавік трэба раскручваць... Не трэба баяцца. Галоўнае, народ рэагуе, падымае галаву. Біць па ёй, зноў камандаваць — значыць здраджваць дэмакратыі»². Сам жа М. Гарбачоў прыгадваў: «Помню, в этом же году на заседании Политбюро 22 сентября зашел, как бы попутно, разговор о Быкове. Члены Политбюро были обеспокоены размахом в наших СМИ критики прошлого, разоблачение сталинизма шло, по их мнению, с “большими перехлестами”. Упомянута была при этом и только что опубликованная по-русски повесть “Знак беды”, автор, мол, “под коллективизацию

¹ Дедков И. Дневник. 1953–1994. М., 2005. С. 709.

² Паводле: Грачев А. Горбачев. М., 2001. С. 162.

подкапывается”. Я возразил: “Ну что ж, гражданская позиция! Это и есть гласность. И по такому пути придется идти”. Недаром же, скажу теперь, “Знак беды” многие считают символом неизбежности перестройки»¹. Менавіта ўмяшальніцтва Гарбачова і выратавала аповесць, якая выйшла асобным выданнем як у Маскве, так і ў Мінску, але — з купюрамі. Быкаў пісаў з гэтай прычыны ў лісце да расійскага пісьменніка В. Астаф’ева: «Повесть эта многострадальная, обрезана и обкарнана при каждом издании, но особенно в “Роман-газете”, где из этой малышки вынули 2 авт[орских] листа — по “полиграфическим” причинам: не становилась на печатные машины. Карнали и здесь, в “Молодой гвардии”, под верховным руководством тов. Севрука, который лично курировал это дело. Поэтому, когда ты споткнешся на стр. 178 между главами 15 и 17, знай — здесь вынута глава с описанием раскулачения и высылки, в которых принимал участие Гончарик, отчего и застрелился. Ну а далее тоже всего хватает — по крупному и мелочам...»²

[Сергей Залыгин] (стар. 102)

Друкуецца паводле кн. «Колокола Хатыни», дзе апублікавана ў якасці працягу артыкула «Зоркость исследователя, страсть художника», які датуецца 1973 г. і ўключаны ў гэтае выданне (т. 10, кн. 1, с. 237–243) пад назвай «Сяргей Залыгін». У такім самым выглядзе (складзены з дзвюх самастойных частак, якія былі напісаны ў розныя часы) і пад гэткай жа назвай («Зоркость исследователя, страсть художника») артыкул друкаваўся ў Зб. тв.: у 4 т., т. 4.

Датуецца 1983 г.

Стар. 103. ...особенно видно непреходящее значение для литературы самобытных залыгинских образов — Чаузова, Мещерякова, Брусенкова, целой плеяды крестьянских характеров из его «Комиссии»... — Чаўзаў, Мешчаракоў, Брусенкоў — героі залыгінскай аповесці «На Іртышы». «Камісія» — раман С. Залыгіна.

Урокі мінулай вайны (стар. 104)

Друкуецца паводле кн. «Праўдай адзінай».

Датуецца часам першай публікацыі.

«Урокі мінулай вайны» — прадмова да італьянскага выдання аповесці «Альпійская балада» (1983; на італьянскай мове).

¹ Горбачев М. Долг и совесть // Шапран С. Васіль Быкаў. Гісторыя жыцця ў дакументах, публікацыях, успамінах, лістах. Частка II. Мінск, Гародня, 2009. С. 305.

² 3 ліста ад 16 снеж. 1985 г. Рукапісны тэкст. Копія. Архіў В. Быкава.

Стар. 105. У аснову гэтай аповесці накладзены праўдзівы факт, які меў месца на апошнім годзе вайны ў Аўстрыі, калі воляю выпадку сьшліся разам палонны беларус і італьянская дзяўчына, што ўцяклі з нямецкага канцлагера. — Хоць Быкаў неаднойчы пісаў, што аповесць «Альпійская балада» грунтуецца на рэальным факце¹, але, па сведчанні публіцыста Віт. Тараса, ужо напрыканцы жыцця нечакана прызнаўся, што прататыпа ў Джуліі не было, гэта цалкам прыдуманы персанаж².

О пережитом (стар. 105)

Друкуецца паводле кн.: Васюкова Г. Тревожные дни: повесть. Мінск, 1983, дзе ўпершыню апублікавана ў якасці прадмовы. Датуецца часам першай публікацыі. Васюкова Галіна (нар. у 1927) — беларуская пісьменніца.

1984

[Інтэрв'ю часопісу «Польмя»] (стар. 107)

Друкуецца паводле часоп. «Польмя», 1984, № 1, дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «Васіль Быкаў. Зразумець сябе...» у рубрыцы «Крытыка і літаратуразнаўства». Гутарку вёў Сяргей Дубавец. Друкавалася таксама ў скарачэнні і ў перакладзе на рускую мову: Понять себя... / [пер. Н. Игруновой] // Дружба народов, 1984, № 6; Для тех, кто видит, думает, понимает / [пер. В. Липневича] // Студенческий меридиан, 1987, № 5.

Датуецца часам першай публікацыі.

Гутарцы папярэднічае ўступнае слова: «Знешне ён зусім не падобны да таго натхнёнага творцы-мастака, якім мы традыцыйна ўяўляем сабе пісьменніка. Яго сур'ёзнае, засяроджанае аблічча — гэта хутчэй аблічча палітыка, грамадскага дзеяча. Які ж маштаб яго дзейнасці: чалавецтва ці канкрэтны, блізкі яму чалавек? Мастацтва ці свая асоба ў мастацтве? З гэтага пытання і пачалася наша гутарка...»

Стар. 109. ...Канта... — Кант Імануіл (1724–1804) — нямецкі філосаф; пачынальнік нямецкай класічнай філасофіі.

Стар. 109. Заля Эміль (1840–1902) — французскі пісьменнік.

Стар. 109–110. Іван Калеснік, працуючы ў «Чырвонцы», некалі сказаў пачаткоўцу Быкаву, аб чым яму не варта пісаць, а Раман Сабаленка, наадварот, раскрыў яму вочы на тое, што ў яго найлепі

¹ Гл. «Доўгую дарогу дадому» ці артыкул «Некалькі слоў пра “Альпійскую баладу”» (гэтае выданне, т. 8, с. 184 і т. 10, кн. 1, с. 345–347 адпаведна).

² Паводле: Тарас Віт. Быкаў у Празе // Наша Ніва, 2004, № 23.

атрымліваецца. — Калеснік Іван (1932–1979) — беларускі паэт, публіцыст, перакладчык; загадчык аддзела газ. «Чырвоная змена» (1954–1961). Сабаленка Раман (1907–1975) — беларускі пісьменнік, публіцыст; намеснік галоўнага рэдактара газ. «Літ. і мастацтва» (1957–1966). Быкаў распавядаў у часе гутаркі з А. Адамовічам: «У “Маладосці” друкаваўся на маладзёжныя тэмы. Таксама — у “ЛіМе”, дзе намеснікам галоўнага рэдактара быў Раман Сабаленка. Адно апавяданне — пра каханне — паслаў у “Чырвоную змену”, яго раскрытыкаваў Іван Калеснік. А тыя, што друкаваліся ў “ЛіМе” (пра вайну), Сабаленка пахваліў. Такім чынам я атрымаў наглядны ўрок, як трэба і як не трэба пісаць. Для пачаткоўца гэта заўсёды важна»¹.

Стар. 110. *Яшчэ не лішне будзе сказаць некалькі слоў пра мае сувязі ў гэтым сэнсе з Аляксандрам Твардоўскім, у бытнасць якога галоўным рэдактарам «Новаго мира» я надрукаваў там тры аповесці і падрыхтаваў да друку чацвёртую*. — Пры А. Твардоўскім былі надрукаваныя «Мёртвым не баліць», «Праклятая вышыня» (у перакладзе на рускую мову вядомая як «Атака с ходу»), «Круглянскі мост»; таксама была падрыхтавана да друку аповесць «Ліквідацыя» (у «Новом мире» атрымала назву «Сотнікаў»), але выйшла, калі Твардоўскі ўжо не быў рэдактарам.

Стар. 111. *Арман Лану (1913–1983) — французскі пісьменнік; лаўрэат Ганкураўскай прэміі (1963).*

Стар. 111. *Адзін з вашых герояў, Васілевіч, разважае так: «Усё ж Вечны агонь у памяць аб тых, хто загінуў, — гэта здорава! Калі толькі вечнасць яго не акажацца кароткай»*. — Першапачаткова гэты фрагмент у аповесці «Мёртвым не баліць» выглядаў іначай, але быў скарачаны падчас рэдагавання, мусіць, з цэнзурных меркаванняў: «Усё ж Вечны агонь у памяць аб тых, хто загінуў, — гэта здорава. Калі толькі вечнасць яго не акажацца занадта кароткай. Як тое навечнае залічэнне герояў у спісы часцей, неўзабаве расфаміраваных»².

Стар. 112. *Макс Борн (1882–1970) — нямецкі і англійскі фізік-тэарэтык, адзін са стваральнікаў квантавай механікі; лаўрэат Нобелеўскай прэміі па фізіцы (1954).*

Стар. 114. *Адам Мальдзіс (нар. у 1932) — беларускі літаратуразнавец, крытык, празаік.*

Стар. 116. *Здаралася, кідаў. Двойчы вяртайся — у працы над «Дажыць да світання» (праз два гады) і над «Знакам бяды» (праз год перапынку)*. — Што тычыцца аповесці «Дажыць да світання», то Быкаў пачаў працаваць над ёй, відаць, яшчэ ў 1968 г., ва ўсялякім выпадку распавядаў падчас гутаркі з расійскім крытыкам Л. Лазаравым: «Але самае цяжкае для мяне — выбраць сярод многіх задум тую,

¹ Гэтае выданне, т. 10, кн. 1, с. 94.

² Быкаў В. Мёртвым не баліць. Без цэнзуры / укладанне, пасляслоўе, каментарыі С. Шапрана. Мінск, 2014. С. 41.

над якой цяпер трэба працаваць. Невыпадкова Пушкін надаваў тае значэнне “форме плана”. Галоўная ідэя твора, план вызначаюцца выбарам той ці іншай тэмы або ідэі. Гэты выбар павінен быць аптымальным у сэнсе задач і магчымасцей, і на яго часта ідзе значна больш часу, чым на напісанне твора. Задум у мяне, паўтараю, заўсёды дастаткова, але пры гэтым неабходна правільна суаднесці гэтыя задумы са сваімі магчымасцямі. (Да паняцця “магчымасці” я адношу не толькі здольнасці і вопыт, але і веданне матэрыялу, валоданне ім.) Іншы раз, прыступіўшы да работы, разумееш, што выбраная задума не па плячу, я з ёй не спраўлюся. Тады прыходзіцца рэч адкладваць. Часам, пасля таго як яна адляжыцца, узнікае новы погляд на тэму, новы да яе падыход, новае сюжэтнае рашэнне. Так адбылося, напрыклад, з аповесцю “Дажыць да світання”, пачатай мною шэсць год назад, адкладзенай і дапісанай у 1972 годзе¹. Намер жа «Знака бяды», па словах Быкава, «сьпеў нібы між іншым — у будзённасці і справах, якія мелі мала адносінаў да літаратуры. У падсвядомасці, аднак, ішла свая праца — пакуль невыразная, неакрэсленая, якая, аднак, абяцала калі-небудзь акрэсьліцца. Часам нечакана»². Працаваць над аповесцю Быкаў пачаў у 1980 г. у Піцундзе, дзе адпачываў разам з жонкай Ірынай Міхайлаўнай, Валянцінай і Уладзімірам Караткевічамі. Дапісваў у Мінску восенню 1981-га і на пачатаку зімы 1982 г.

Стар. 116. *Экранізаваны, здаецца, восем маіх аповесцей, з якіх большасць — сярэднія фільмы. Але ёсць і такія, што ўдаліся і мне падабаюцца («Узыходжанне», «Доўгія вёрсты вайны»).* — Да гэтага часу па творах Быкава было пастаўлена дванаццаць мастацкіх фільмаў. Да значнай часткі з іх ён сам напісаў сцэнарыі ці зрабіў гэта ў сааўтарстве з рэжысёрамі-пастаноўшчыкамі: «Трэцяя ракета» (1963), «Альпійская балада» (1966), «Пастка» (1966), «Воўчая зграя» (1975), «Дажыць да світання» (1975), «Доўгія вёрсты вайны» (1976), «Абеліск» (1976); у іншых выпадках уступіў права на перапрацоўку сваіх твораў для іх далейшай экранізацыі — так былі зняты кароткаметражны мастацкі фільм «Жадаю ўдачы» (1968; па матывах апавядання «Чацвёртая няўдача»), «Узыходжанне» (1977), «Фруза» (1981), «Крошкі вайны» (1985; па матывах аповесцей «Круглянскі мост» і «Трэцяя ракета»), «Знак бяды» (1986). Трэба таксама адзначыць, што пазней Быкаў пакінуў такія водгук пра фільм рэжысёра Л. Шапіцкі: «“Узыходжаньне” — найлепшая за ўвесь дзясятак экранізацыяў маіх аповесцяў»³. Падрабязней пра кінематаграфічны лёс Быкава гл. каментары да 9 т. гэтага выдання.

Стар. 117. *Салтыкоў-Шчадрын, Горкі, Станюковіч, Астройскі, Драйзер, Тээн, Дзікенс — Салтыкоў-Шчадрын Міхаіл (сапр. Салтыкоў;*

¹ Гэтае выданне, т. 10, кн. 1, с. 277.

² Тамсама, т. 8, с. 332.

³ Тамсама, т. 8, с. 290.

1826–1889) — рускі пісьменнік. Горкі Максім (сапр. Пешкаў Аляксей; 1868–1936) — расійскі пісьменнік. Станюковіч Канстанцін (1843–1903) — рускі пісьменнік. Астроўскі Аляксандр (1823–1886) — рускі драматург; класік рускай літаратуры. Драйзер Тэадор (1871–1945) — амерыканскі пісьменнік; класік сусветнай літаратуры. Твэн Марк (сапр. Клеменс Сэмюэл; 1835–1910) — амерыканскі пісьменнік; класік сусветнай літаратуры. Дзікенс Чарльз (1812–1870) — англійскі пісьменнік; класік сусветнай літаратуры.

Стар. 117. *Чэхай* Антон (1860–1904) — рускі пісьменнік, драматург; класік сусветнай літаратуры.

Стар. 117. *...Рэмарка...* — Рэмарк Эрых Марыя (1898–1970) — нямецкі пісьменнік.

[Беседа для журнала «Юность»] (стар. 118)

Друкуецца ў скарачэнні паводле часоп. «Юность», 1984, № 1, дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «Выстояць!». Гутарку веў Аляксандр Афанасьеў.

Датуецца часам першай публікацыі.

Гутарцы папярэднічае ўступнае слова: «Мы встretились и разговариваем в тихой уютной квартире по улице Танковой, в центре Минска, где Василий Владимирович Быков живет в последние годы.

Есть писатель Василь Быков — его мы знаем, ценим, верим ему. Ждем новых книг, догадываясь, стараясь по крайней мере догадаться, что же он напишет в следующий раз... Писатель — это прежде всего его книги. А каков он как человек?.. А ведь был когда-то и иной Быков. Тот, который не знал, что станет прославленным писателем. Тот, о котором мы не знали, а могли и не узнать, если бы... Если бы все пули, направленные в него, по счастью, не прошли мимо. Если бы, скажем, в промерзшей степи на Украине командира взвода Быкова не спас его фронтовой товарищ. Если бы тогда он сам себя не спас своей верой...

Он рассказывал мне об этом очень скупно. Но во время беседы, в которой мы касались самых разных — и сложных философских, и нравственных, и простых житейских тем, — мне то и дело виделась мерзлая степь, разбитое поле боя и вражеский танк, который азартно охотился за раненым, теряющим силы человеком... И я словно бы сам все переживал...»

Стар. 123. *ЭВМ* — электронна-вылічальная машына.

Скорбь народная (стар. 125)

Друкуецца паводле «Лит. газеты», 1984, 29 лют., дзе ўпершыню апублікавана.

Датуецца часам першай публікацыі.

Артыкул напісаны В. Быкавым з нагоды смерці М. Шолахава і надрукаваны разам з развітальнымі словамі іншых дзеячаў літаратуры і мастацтва: Г. Абашыдзэ, Ё. Авіжуса, А. Алімжанавы, Г. Бакланавы, С. Герасімава, А. Ганчара, Я. Еўтушэнкі, В. Распуціна і інш.

Стар. 125. ...*Григория Мелехова...* — Мелехаў Грыгорый — галоўны герой рамана «Ціхі Дон» Міхаіла Шолахава (1905–1984), расійскага пісьменніка; лаўрэата Нобелеўскай прэміі (1965).

От имени поколения (стар. 125)

Друкуецца паводле «Лит. газеты», 1984, 14 сак., дзе ўпершыню апублікавана.

Датуецца часам першай публікацыі.

Стар. 126. ...*от Волги до Эльбы...* — Волга — адна з найвялікшых рэк на Зямлі і самая вялікая па працягласці ў Еўропе; працякае ў тым ліку па еўрапейскай частцы Расіі. Эльба — рака, якая бярэ пачатак у Чэхіі і працякае па тэрыторыі Германіі.

[Интервью газете «Гродненская правда»] (стар. 127)

Друкуецца паводле газ. «Гродненская правда», 1984, 19 чэрв., дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «Рады правды» і з падзагалоўкам «Народному писателю БССР Василию Быкову — 60 лет». Інтэрв'ю вёў Юрка Голуб.

Датуецца часам першай публікацыі.

Фрагменты інтэрв'ю надрукаваны разам з аповедам пра жыццёвы і творчы шлях В. Быкава «Гуманистическая мысль писателя» пад агульнай назвай «Волнуя творчеством сердца и разум». Тут жа прыведзена выказванне Быкава: «И все же надо было напрячься, чтобы выжить и главное — победить. Солдат изо всех сил должен был драться за себя и товарищей, тем самым он сражался за Родину, ибо сам был частью Родины и народа, во имя жизни и свободы которых и велась война».

Інтэрв'ю папярэднічае ўступнае слова: «Не так давно сотрудник одного журнала спросил у Василя Быкова: “Можно себе представить, сколько времени у вас занимает общественная работа: поездки, выступления в печати, юбилейные и будничные речи... При такой разнообразности — рассудительная, даже неторопливая проза. Как вам удается “сохраняться”?” На что писатель честно ответил: “Это действительно очень непросто — сохранить в себе способность к творчеству, если иметь в виду бесконечную круговерть, на которую осуждает жизнь писателя. Но сохранить это нужно...”»

Эти слова вспомнились мне перед тем, как набрать в белорусской столице телефонный номер Василя Владимировича.

А встретились мы, и то накоротке, в Доме литератора на улице Фрунзе в перерыве между съемками: Центральное телевидение снимало передачу о народном писателе Белоруссии».

Стар. 127. *...Михася Василька...* — Васілёк Міхась (сапр. Касцевіч Міхаіл; 1905–1960) — беларускі паэт; працаваў у газ. «Гродзенская праўда» літкансультантам. Калі пасля смерці М. Васілька літкансультантам стаў Быкаў, супрацоўнікі «Гродзенскай праўды» жартавалі, што «літаратурны сцяг Гродзеншчыны перайшоў ад Васілька да Василя»¹.

Стар. 128. *...Алексея Карпюка...* — Карпюк Аляксей (1920–1992) — беларускі пісьменнік; сакратар Гродзенскага абласнога аддзялення СП БССР (1965–1970, 1978–1992); блізкі сябар Быкава ў гродзенскі перыяд жыцця.

Стар. 128. *...поэтическое творчество Анатоля Иверса, Дануты Бичель-Загнетовой, Марьяна Дуксы, Мариш Шевченко, статьи и рецензии литературоведа Алексея Петкевича, драматургию Олега Новожилова...* — Іверс Анатоль (сапр. Міско Іван; 1912–1999) — беларускі паэт. Бічэль Данута (нар. у 1938) — беларуская паэтка. Дукса Мар'ян (нар. у 1943) — беларускі паэт. Шаўчонак Марыя (нар. у 1944) — беларуская паэтка. Пяткевіч Аляксей (нар. у 1931) — беларускі літаратуразнавец. Наважылаў Алег (нар. у 1935) — беларускі паэт, прэзаік, драматург.

Стар. 128. *...продолжаю работать над повестью о войне и мире на привычную для меня тему, может быть, с несколько иным поворотом некоторых ее аспектов.* — Размова, відаць, ідзе пра раман «Кар'ер» (1985).

[Беседа для газеты «Книжное обозрение»] (стар. 128)

Друкуецца паводле газ. «Книжное обозрение», 1984, 15 чэрв., дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «Весомо и мудро» ў рубрыцы «Литературные меридианы». Гутарку вёў Георгій Блюмін.

Датуецца часам першай публікацыі.

Гутарцы, якая была зроблена да 60-годдзя пісьменніка, папярэднічае ўступнае слова: «Первый телефонный звонок Василю Быкову был безуспешным: писатель уезжал в родные свои места, на Витебщину, чтобы встретиться с избирателями. Потом я позвонил уже из Минска, услышал его голос, строгий, как показалось, даже суровый. Условились встретиться в Доме литераторов.

¹ Паводле: Блакіт В. «3 даўняй, гродзенскаю прыязнасцю...» // Наш Быкаў: кніга ўспамінаў / уклад. Г. Бураўкін. Мінск, 2004. С. 84.

Ожидание было недолгим: писатель вошел в вестибюль за три минуты до назначенного срока, стройный, худошавый, по-военному подтянутый, с красивым серьезным лицом, совсем не похожий на свои известные фотографии. «Здравствуйте, я не опоздал?» Мы поднялись на второй этаж и устроились для беседы в одном из служебных кабинетов правления Союза писателей Белоруссии».

Стар. 128. *Печатаюсь я с 1956 года.* — Калі мець на ўвазе пражычныя вопыты Быкава, то першыя публікацыі апавяданняў з'явіліся ў 1949 г., затым быў перапынак з прычыны вайскавай службы; пачынаючы з 1956 г. публікацыі ўзнавіліся.

Стар. 128. *За три дня до начала войны мне исполнилось семнадцать. Я поступил учиться в Витебское художественное училище.* — У Віцебскае мастацкае вучылішча Быкаў паступіў у 1939 г. пасля заканчэння васьмі класаў Кубліцкай сярэдняй школы, але неўзабаве быў вымушаны кінуць вучобу з-за адмены стыпендыі. Пазней паступіў у новаарганізаваныя школы прафесіянальнага навучання ў Віцебску (скончыў у пачатку чэрвеня 1941 г.).

Стар. 129. *...и еще почти 10 лет служил в дальних гарнизонах.* — Калі быць дакладным, то 6 гадоў: вясной 1949 г. Быкаў быў прызваны на вайсковыя зборы запаснікоў, а напрыканцы года, мабілізаваны ў шэрагі Савецкай Арміі, быў адпраўлены на Далёкі Усход. Дэмабілізаваны напрыканцы 1955 г.

Стар. 129. *Потом журналистская работа в Гродно.* — У газ. «Гродзенская праўда» Быкаў працаваў спачатку стыльрэдактарам, затым — літаратурным кансультантам.

Стар. 130. *И в творчестве своем я выделяю «новомировский период» — появление первых моих произведений в журнале «Новый мир».* — У «Новом мире», калі галоўным рэдактарам быў А. Твардоўскі, былі надрукаваныя тры аповесці Быкава: «Мёртвым не баліць», «Праклятая вышыня» (падчас публікацыі ў «Новом мире» атрымала назву «Атака с ходу») і «Круглянскі мост».

Стар. 130. *«Сотников» написан уже после Твардовского...* — Дакладней, «Сотнікаў» быў напісаны і нават знаходзіўся на разглядзе ў «Новом мире», калі А. Твардоўскі яшчэ быў рэдактарам. Сваю назву аповесць атрымала ў «Новом мире» (аўтарская назва — «Ліквідацыя»).

[Гутарка з Аляксеем Гардзіцкім] (стар. 131)

Друкуецца паводле кн. «Гутаркі: інтэрв'ю, дыялогі пра літаратуру» А. Гардзіцкага, дзе разам з інтэрв'ю іншых гадоў апублікавана пад агульнай назвай «Гутаркі з Васілём Быкавым». Упершыню: газ. «Голас Радзімы», 1984, 21 чэрв. пад назвай «Не мае права маўчаць». Друкавалася таксама: Далягляды / [уклад. А. Гардзіцкі; рэдкал.:

А. Вярцінскі (гал. рэд.) і інш.]. Мінск, 1985, дзе апублікавана пад назвай «Слова пісьменніка ў змаганні за мір».

Датуецца часам першай публікацыі.

[Беседа для газеты «Литературная Россия»] (стар. 132)

Друкуецца паводле газ. «Литературная Россия», 1984, 22 чэрв., дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «Василь Быков: Мне открываются все новые стороны войны...» у рубрыцы «Рядом с мастером». Гутарку вёў Павел Ульяшоў.

Датуецца часам першай публікацыі.

Гутарцы папярэднічае тэкст указа прэзідыума ВС СССР аб уганараванні В. Быкава званнем Героя Сацыялістычнай Працы.

Стар. 133. *В. Козько* — Казько Віктар (нар. у 1940) — беларускі пісьменнік.

Стар. 136. *Бюффон* — Бюффон Жорж-Луі Леклерк (1707–1788) — французскі натураліст, біёлаг, матэматык, пісьменнік; выказваў ідэі пра адзінства расліннага і жывёльнага свету.

Стар. 137. «*Народ на войне*» *С. Федорченко* — Фядорчанка Соф'я (1880–1959) — расійская пісьменніца. У час Першай сусветнай вайны была сястрой міласэрнасці. У кнізе «Народ на вайне» сабраныя аповеды і развагі рускіх салдат пра вайну і мір.

Стар. 138. *рэмаркізм* — Тэрмін «рэмаркізм» паходзіць ад імя нямецкага пісьменніка Эрых Марыя Рэмарка (1898–1970), кнігі якога доўгі час былі ў СССР у так званых спісах, бо «рэмаркаўскае таварыства» асуджалась, а сам тэрмін «рэмаркізм» насіў выключна негатыўны сэнс.

[Интервью газете «Неделя»] (стар. 141)

Друкуецца паводле газ. «Неделя», 1984, № 24, дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «Василь Быков: Еще не выполнен долг» у рубрыцы «Юбилей». Інтэрв'ю вёў Мікалай Матукоўскі.

Датуецца часам першай публікацыі.

Інтэрв'ю папярэднічае ўступнае слова: «Как человеку остаться человеком, когда для этого не остается никаких возможностей?.. Этот вопрос во все времена волновал человечество и будет волновать его всегда. Быть или не быть! Василь Быков пишет о войне — его герои проходят через настоящий ад экстремальных ситуаций. И если уж они проходят его, они не могут не полюбить читателю. Вспомните Сотникова, Ивановского из повести “Дожить до рассвета”...»

Читателей всегда интересует, сколько в каждом таком герое... самого автора? Насколько идентичны их личности? Я знаю Василя Быкова двадцать пять лет и потому решаюсь высказать свое мнение:

в каждом из этих героев — Василь Быков, его военная биография. Командир стрелкового взвода, командир взвода автоматчиков, командир батареи “сорокапяток”... Видимо, сама судьба хранила его для литературы, для нас.

Естественно, разговор наш начался с войны».

Стар. 142. *...о котором поется в «Безымянной высоте»?* — Папулярная ў савецкі час песня пра вайну на словы М. Матусоўскага, музыка В. Баснера.

Стар. 142. *...под Балатоном...* — Балатон — возера на захадзе Венгрыі, найвялікшае возера ў Цэнтральнай Еўропе.

Стар. 143. *Анна Григорьевна и Владимир Федорович* — Быкавы Ганна Рыгораўна (1895–1984) і Уладзімір Фёдаравіч (1888–1969).

Светлы дзень (стар. 145)

Друкуецца паводле газ. «Літ. і мастацтва», 1984, 29 чэрв., дзе ўпершыню апублікавана.

Датуецца часам першай публікацыі.

Артыкул напісаны да 40-годдзя вызвалення Беларусі ад нямецкіх захопнікаў.

Стар. 145. *У імя светлага дня вызвалення здзейснілі свой нейміручы подзвіг Мікалай Гастэла, браты Цубы і Марат Казей...* — Гастэла Мікалай (1907–1941) — савецкі ваенны лётчык; Герой Савецкага Саюза (1941, пасмяротна); паводле афіцыйнай версіі, падбіты палуючы самалёт экіпаж пад камандаваннем М. Гастэлы накіраваў на механізаваную калону немцаў. Цубы Іван і Міхаіл — жыхары беларускага Палесся, адзін з якіх адмовіўся паказаць немцам месца знаходжання партызан, другі завёў іх у балота; абодва расстраляныя; у іх гонар родная вёска братоў Навіны была перайменавана ў Цубы. Казей Марат (1929–1944) — юны беларускі партызан-разведчык; за смеласць і адвагу ў баях быў уганараваны ордэнам Айчыннай вайны 1-й ст., медалямі «За адвагу» і «За баявыя заслугі»; вяртаючыся з разведкі, акружаны немцамі, падарваў сябе гранатай; пасмяротна ўганараваны Зоркай Героя Савецкага Саюза (1965).

Стар. 145. *Сорак гадоў назад магутная артпадрыхтоўка, якая паклала пачатак аперацыі «Баграціён», з’явілася грознай уверцірай разгрому фашысцкай групойкі «Цэнтр».* — Аперацыя «Баграціён» — буйнамаштабная наступальная аперацыя падчас Другой сусветнай вайны (23 чэрвеня – 29 жніўня 1944), якая атрымала назву ў гонар рускага палкаводца Пятра Баграціёна, набыўшага вядомасць у часе вайны 1812 г.

Помнить! (стар. 146)

Друкуецца паводле «Лит. газеты», 1984, 11 ліп., дзе ўпершыню апублікавана ў рубрыцы «Монолог о времени и о себе».

Датуецца часам першай публікацыі.

Стар. 148. «Разгром» *Фадеева* — Раман Аляксандра Фадзеева (1901–1956), расійскага пісьменніка.

Стар. 148. «Конармия» *Бабеля*, «Школа» *Гайдара* — Бабель Ісаак (1894–1940) — расійскі пісьменнік, драматург. Гайдар Аркадзь (сапр. Голікаў; 1904–1941) — расійскі дзіцячы пісьменнік, удзельнік Грамадзянскай і Другой сусветнай войнаў.

Стар. 149. *Первые попытки остались без результата. Мои рассказы не были напечатаны.* — Насамрэч першыя апавяданні Быкава былі надрукаваныя ў газ. «Гродненская правда» ў 1949 г. У дадзеным жа выпадку Быкаў меў на ўвазе апавяданні «Смерць чалавек» і «Абознік», якія былі напісаны ў 1951 г. і якія ён даслаў у час. «Полымя» М. Лынькову. Быкаў прыгадваў: «Прозу гэтага аўтара любіў з даўняй пары, і думалася, ягоная ацэнка будзе спрыяльнай. І праўда, даволі хутка (за якіх, можа, тры месяцы) атрымаў адказ — падрабязны разбор на некалькіх старонках. Як цяпер прыпамінаю, апавяданьні былі даволі слабыя, і Міхасю Ціханавічу спатрэбілася нямала такту, каб нешта сказаць па сутнасці і не параніць аўтарскага самалюбства. Аўтар адчуў тое і болей не пісаў. Доўга не пісаў наогул»¹. Гэтыя апавяданні ўсё-такі былі надрукаваныя, але ў 1957 г.

Стар. 149. *Потом, когда в 1955 году, прослужив почти шесть лет на Курилах и Сахалине, я демобилизовался, то решил все-таки продолжить литературную работу, но обратился к другим, невоенным темам — писал рассказы о колхозной жизни, о молодежи, юмористические, издал даже маленькую книжечку сатирических рассказов.* — Маецца на ўвазе кн. «Ход канём» (Мінск, 1960). Падрабязней пра гэта гл. каментары да 7 т. гэтага выдання.

Стар. 150. «Задача писателя неизменна. Сам он меняется, но задача его остается та же, — утверждал Хемингуэй. — Она всегда в том, чтобы писать правдиво и, поняв, в чем правда, выразить ее так, чтобы она вошла в сознание читателя частью его собственного опыта». — З прамовы Э. Хемінгуэя на II кангрэсе амерыканскіх пісьменнікаў (1937).

Стар. 151. *Сент-Экзюпери* — Сэнт-Экзюпэры Антуан дэ (1900–1944) — французскі пісьменнік і ваенны лётчык.

Стар. 152. ...*А. Генатулина...* — Генатулін Анатоль (імя пры нараджэнні — Гініятулін Талха; нар. у 1925) — расійскі пісьменнік; народны пісьменнік Башкартастана.

¹ Гэтае выданне, т. 8, с. 136.

[Интервью газете «Советская торговля»] (стар. 153)

Друкуецца паводле газ. «Советская торговля», 1984, 18 жн., дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «Человек на войне и после войны». Гутарку веў А. Суслаў.

Датуецца часам першай публікацыі.

Стар. 155. *Рейган* — Рэйган Рональд (1911–2004) — амерыканскі дзяржаўны дзеяч, у 1981–1989 гг. — прэзідэнт ЗША.

[Интервью газете «Правда Украины»] (стар. 155)

Друкуецца паводле газ. «Правды Украины», 1984, 20 верас., дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «Я это видел сам» і з падзаглаўкам «На вопросы “Правды Украины” отвечает народный писатель Белоруссии Василь Быков». Аўтар не пазначаны.

Датуецца часам першай публікацыі.

Стар. 156. *События, происшедшие зимой 1944–1945 годов в Венгрии возле озера Балатон, послужили материалом для «Фронтowej страницы»*. — Пад такой назвай — «Фронтвая стараница» — была надрукаваная ў перакладзе на рускую мову аповесць «Здрада».

Стар. 157. *Не так давно закончил повесть «На семи ветрах». Ее герои — жители белорусского села, оккупированного немцами. И здесь пытаюсь дать психологический анализ поведения людей в критической ситуации. В другой повести, «Знак беды»...* — Тут, мусіць, аўтарам інтэрв'ю дапушчана недакладнасць, бо адна з першпачатковых назваў аповесці «Знак бяды» — «На сямі вятрах».

Стар. 157. *«Третья ракета» и «Альпийская баллада» легли в основу одноименных фильмов.* — Фільм «Трэцяя ракета» (сцэнарый В. Быкава, рэжысёр Р. Віктараў) выйшаў на экран у 1963 г. Фільм «Альпійская балада» (сцэнарый В. Быкава, рэжысёр Б. Сцяпанаў) выйшаў у 1966 г.

Рыцар чалавечага духу (стар. 159)

Друкуецца паводле газ. «Літ. і мастацтва», 1984, 27 ліп., дзе ўпершыню апублікавана.

Датуецца часам першай публікацыі.

Артыкул напісаны з нагоды смерці Уладзіміра Караткевіча (1930–1984).

[Выступленне на пленуме СП БССР (лістапад 1984 г.)]

(стар. 160)

Друкуецца паводле газ. «Літ. і мастацтва», 1984, 16 лістап., дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «Выступленне Васіля Быкава».

Можа быць датавана не пазней 5 лістапада 1984 г. — часу правядзення юбілейнага пленума СП БССР.

Выступленне В. Быкава надрукавана разам з дакладам старшыні праўлення СП БССР М. Танка і тэкстамі выступленняў на пленуме беларускіх дзеячаў літаратуры і мастацтва: А. Багатырова, І. Дабралюбава, К. Крапівы, У. Някляева, М. Савіцкага, А. Тоўсціка, І. Шамякіна, М. Яроменкі.

Стар. 161. *Калінойскі* Вінцэнт Канстанцін (1838–1864) — беларускі палітычны дзеяч, публіцыст, паэт; адзін з кіраўнікоў паўстання 1863–1864 гг.

Стар. 161. *Дунін-Марцінкевіч* Вінцэнт (прозвішча пры нараджэнні — Марцінкевіч; 1808–1884) — беларускі празаік, паэт, драматург; заснавальнік нацыянальнай драматургіі і тэатра; класік беларускай літаратуры.

Стар. 161. *Цётка* (сапр. Пашкевіч Алаіза; 1876–1916) — беларуская паэтка, публіцыст, грамадскі дзеяч.

Стар. 161. *Гартны* Цішка (сапр. Жылуновіч Зміцер; 1887–1937) — беларускі пісьменнік, грамадскі і дзяржаўны дзеяч.

Стар. 161. *Гарэцкі* Максім (1893–1938) — беларускі пісьменнік; класік беларускай літаратуры.

[Ответ на анкету «Литературной газеты» «Право на имя»]

(стар. 162)

Друкуецца паводле «Лит. газеты», 1984, 21 лістап., дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «Васіль Быков: На уровне, но не более...» у рубрыцы «Анкета “ЛГ”. Право на имя».

Датуецца часам першай публікацыі.

Адказу В. Быкава на анкету «Лит. газеты» папярэднічае ўступнае слова: «Начиная дискуссию “Право на имя”, редакция “ЛГ” обратилась к ряду ведущих советских писателей с вопросом: “Что вы ждете сегодня от молодых?” Сегодня публикуем первые ответы».

Стар. 163. *...становятся дантесами...* — Дантэс Жорж Шарль (1812–1895) — французскі афіцэр-кавалергард, вядомы найперш тым, што падчас дуэлі смяротна параніў А. Пушкіна.

Высакароднасць погляду на свет і жыццё (стар. 163)

Друкуецца паводле кн. «Праўдай адзінай», дзе апублікавана пад назвай «Ніл Гілевіч». Упершыню — у якасці прадмовы да зб.: Гілевіч Н. Святлынь. Мінск, 1984, дзе было апублікавана пад назвай «Высакароднасць погляду на свет і жыццё».

Датуецца часам першай публікацыі.

Стар. 165. ...*кнігу «Актавы»...* — Гілевіч Н. Актавы: лір. мініяцюры. Мінск, 1976.

Пра Петруся Броўку (стар. 165)

Друкуецца паводле кн.: Успаміны пра Петруся Броўку / склад. і заўв. Р. Шкрабы. Мінск, 1986, дзе ўспаміны, напісаныя адмыслова для гэтага выдання, былі ўпершыню апублікаваны.

Датуецца 1984 г.

Стар. 166. ...*Г. Бураўкіна...* — Бураўкін Генадзь (1936–2014) — беларускі паэт, перакладчык, публіцыст, дзяржаўны і грамадскі дзеяч; блізкі сябар Быкава.

Стар. 166. *Е. Лось* — Лось Еўдакія (1929–1977) — беларуская паэтка.

[Прадмова да рамана «Ядловец стрывае і ў спёку» Юло Тууліка] (стар. 168)

Друкуецца паводле кн. «Праўдай адзінай», дзе апублікавана ўпершыню пад назвай «Юло Туулік».

Датуецца часам першай публікацыі.

Напісана ў якасці прадмовы да рамана «Ядловец стрывае і ў спёку» Юло Тууліка (нар. у 1940), эстонскага пісьменніка.

1985

На Тыняновских чтениях (стар. 169)

Друкуецца паводле кн. «Колокола Хатыни». Упершыню — часоп. «Новый мир», 1985, № 1 пад назвай «Талант ученого — талант художника». Друкавалася таксама ў Зб. тв.: у 4 т., т. 4.

Датуецца часам першай публікацыі.

Стар. 169. ...*Юрия Николаевича Тынянова*. — Тынянаў Юрый (1894–1943) — расійскі пісьменнік, літаратуразнавец, драматург, сцэнарыст беларускага паходжання [нарадзіўся ў г. Рэжыца Віцебскай губерні (цяпер — Рэзэкнэ ў Латвіі)].

Стар. 169. «Тыняновском сборнике» — Тыняновский сборник: первые тыняновские чтения. Рига, 1984.

Стар. 169. *Резекне* — Рэзэкснэ — горад у Латвіі; да 1917 г. — Рэжыца Віцебскай губерні.

Стар. 169. ...*В. А. Каверина*... — Каверын Веніямін (сапр. Зільбер; 1902–1989) — расійскі пісьменнік.

Стар. 170. *З. Н. Поляк, гаворя о документальных источниках романа «Смерть Вазир-Мухтара», прослеживает огромную работу автора с эпистолярным наследием А. С. Грибоедова...* — Маецца на ўвазе публікацыя «Письма А. С. Грибоедова как документальный источник романа Тынянова “Смерть Вазир-Мухтара”», змешчаная ў «Тыняновском сборнике». Раман «Смерць Вазір-Мухтара» прысвечаны апошняму году жыцця Аляксандра Грыбаедава (1795–1829), рускага дыпламата, паэта, драматурга.

Стар. 170. *Ю. М. Лотмана и Ю. Г. Цивьяна* — Лотман Юрый (1922–1993) — расійскі літаратуразнавец, культуролаг. Ціўян Юрый (нар. у 1950) — латвійскі гісторык і тэарэтык кінематографа.

Стар. 170. ...*Ю. Г. Оксманом*. — Оксман Юліян (1895–1970) — расійскі літаратуразнавец, гісторык.

Стар. 170. ...*творчество Тынянова как председателя ОПОЯЗа*. — «ОПОЯЗ» — аб’яднанне, якое было створана групай тэарэтыкаў і гісторыкаў літаратуры — прадстаўнікоў так званай фармальнай школы; расшыфроўваецца як «таварыства вывучэння паэтычнай мовы» ці як «таварыства вывучэння тэорыі паэтычнай мовы».

Стар. 170. *М. О. Чудакова и Е. А. Тоддес* — Чудакова Марыэта (нар. у 1937) — расійскі літаратуразнаўца, гісторык, тэксталаг. Тодэс Яўген (1941–2014) — расійскі гісторык літаратуры і літаратурнай тэорыі XIX і XX стст.

Стар. 170. ...*содержательные статьи и сообщения В. В. Пугачева, М. Л. Гаспарова, Л. Д. Гудкова и Б. В. Дубина, В. И. Новикова*. — Маюцца на ўвазе наступныя артыкулы «Тыняновского сборника»: «К вопросу о Пушкине и декабристах», «Тынянов и проблема семантики метра», «Сознание историчности и поиски теории: исследовательская проблематика Тынянова в перспективе социологии литературы», «О соотношении эстетической и коммуникативной функций художественного произведения».

Стар. 171. ...*В. Б. Шкловского*... — Шклоўскі Віктар (1893–1984) — расійскі пісьменнік, драматург, крытык, тэарэтык літаратуры.

Дожить до победы (стар. 171)

Друкуецца паводле кн. «Крыжовы шлях». Упершыню — «Лит. газета», 1985, 1 студз. Друкавалася таксама ў кн. «Колокола Хатыни» і ў 36 тв.: у 4 т., т. 4, дзе апублікавана пад назвай «Много лет назад...».

Датуецца часам першай публікацыі.

Успаміны В. Быкава былі надрукаваны ў «Лит. газете» разам з успамінамі расійскіх пісьменнікаў М. Аляксеева, Г. Бакланава, Ю. Левітанскага пад агульнай назвай «Четыре ночи и один день. 1941... 1942... 1943... 1944... 1945». Падчас публікацыі ў кн. «Крыжовы шлях» у артыкуле былі зроблены невялікія стылёвыя змены і наступныя скарачэнні:

Стар. 171–172. *Наводчик был ранен спустя несколько минут после моего ранения, он рассказывал о последних выстрелах из орудия, и мы оба тяжело переживали гибель нашего расчета.* — Пасля гэтага сказа ў ранейшых публікацыях далей ішло: «Правда, там, в батальоне, оставалось еще одно орудие взвода, но оно было неисправным, и вести из него огонь было невозможно».

Стар. 172. *Там же был ресторанчик.* — Далей ішло: «...в нем с шутками-прибаутками лихо обслуживал клиентов цыганского вида гарсон».

Стар. 172. *Иногда мы захаживали туда перед обедом выпить стаканчик-другой местного вина.* — Далей ішло: «...и закусить ветчиной с паприкой — венгерским перцем, который там готовился в десятках видов».

Стар. 173. *Но все же на дворе стоял 45-й год...* — Далей ішло: «...перевес сил был явно не в пользу немцев...»

* * *

Стар. 171. *...в маленьком живописном городке Сексарде на правом берегу Дуная...* — Сексард — горад у Венгрыі. Дунай — другая па працягласці рака ў Еўропе, якая працякае па тэрыторыі ці з'яўляецца мяжой дзесяці дзяржаў, у тым ліку Венгрыі.

Стар. 172. *...родом она из Казатина...* — Казатін — горад ва Украіне.

Стар. 173. *...в район Байи...* — Байя — горад у Венгрыі.

Стар. 173. *...в Сегеде.* — Сегед — горад у Венгрыі.

Стар. 173. *...в Австрийских Альпах, близ города Роттенманна, на реке Энс...* — Ротэнман — горад у Аўстрыі. Энс — рака ў Верхняй Аўстрыі, правы прыток Дуная.

Стар. 173. *ИПТАП* — знішчальна супрацьтанкавы артылерыйскі полк.

[Интервью газете «Смена»] (стар. 174)

Друкуецца паводле газ. «Смена», 1985, 13 студз., дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «Писать правду войны...». Друкавалася таксама ў часоп. «Смена», 1985, № 9 пад назвай «Василь Быков: Совесть велела». Інтэрв'ю вёў Леў Сідароўскі.

Датуецца часам першай публікацыі.

Стар. 176. *Читателю не надо подробно разъяснять, что заставило Александра Матросова броситься на амбразуру дзота, что повело на смерть молодого гвардейцев...* — Матросаў Аляксандр (1924–1943) — чырвонаармеец; Герой Савецкага Саюза (1943, пасмяротна); вядомы дзякуючы гераічнаму подзвігу, калі закрыў сабой амбразуру нямецкага дзота.

Стар. 176. *Пшеничный* — Пшанічны — герой аповесці «Жураўліны крык».

Стар. 176. *...на Кировоградчине, возле деревни Большая Севериновка...* — Дакладней — Вялікая Севярынка.

Стар. 178. *Сестру гитлеровцы отправили в Германию, в дороге бежала.* — Размова ідзе пра Валянціну Быкаву (1926–2016), якую немцы спачатку забралі ў лагер рыць акопы, адкуль яна збегла, але была злоўлена і вернута ў лагер. Праз два месяцы абарончых прац разам з іншымі вяскоўцамі была адпраўлена пехатой у бок Глыбокага, аднак зноў збегла па дарозе.

Стар. 178. *...главным режиссером Яковом Хамармером.* — Хамармер Якаў (1920–1986) — расійскі тэатральны рэжысёр; народны артыст РСФСР.

[Выступленне на вечары Рыгора Барадуліна] (стар. 179)

Друкуецца паводле Зб. тв.: у 6 т., т. 6. Упершыню: Быкаў В. З глыбінь душы // Вобраз–86: літ.-крытыч. артыкулы / склад. Т. Чабан. Мінск, 1986. Часткова і ў перакладзе на рускую мову ў якасці прадмовы: Быков В. Первозданная сущность // Бородулин Р. Белая яблоня грома: стихи / пер. с белорус.; предисл. В. Быкова. М., 1988; цалкам — у кн. «На крыжах».

Датуецца лютым 1985 г. — паводле пазнакі ў кн. «На крыжах».

Падчас публікацыі ў Зб. тв.: у 6 т., т. 6 былі зроблены пэўныя скарачэнні — эса пачыналася наступным чынам:

«У канцы свайго жыцця вялікі амерыканскі пісьменнік Эрнэст Хемінгуэй пісаў, што найлепшая школа для пісьменніка — гэта нешчаслівае дзяцінства. Што гэта сапраўды так, мы пераканаліся на вопыце некалькіх пакаленняў нашых беларускіх пісьменнікаў, да аднаго з якіх — шматпакутнага пакалення, абпаленага вайной у самым дзяцінстве, — належыць і наш Рыгор Барадулін. [Паводле копіі машынапісу з асабістага архіва Р. Барадуліна першапачаткова было: «наш мілы юбіляр Рыгор Барадулін». — *Уклад.*] Я думаю, што менавіта адтуль — з трывожнага, страшнага і крывавага дзяцінства — бярэ свой пачатак ягоная цудоўная муза, яго паэзія!»

У фінальнай частцы эса замест сказа: «(Зрэшты, Пушкіна таксама не пецілі ні імператар, ні ягонае міністэрства асветы, затое яго прыняла літаратурная вечнасць.)» далей ішло:

«Нізкі паклон той зямлі, якая цябе ўздавала!

Вечнасці — тваёй паэзіі, дарагі Салоўка Белай Русі!»

Под Кировоградом (стар. 181)

Друкуецца паводле кн. «Колокола Хатыни». Упершыню — «Лит. газета», 1985, 9 мая пад назвай «Обелиск в Северинке» ў рубрыцы «Монолог о Победе». Друкавалася таксама пад назвай «Под Кировоградом» у Зб. тв.: у 4 т., т. 4.

Датуецца часам першай публікацыі.

Стар. 181. ...генерала Ротмистрова... — Ротмістраў Павел (1901–1982) — савецкі военачальнік; галоўны маршал бранятанкавых войскаў; Герой Савецкага Саюза (1965).

Стар. 186. *В свете этого утра за стеною мелькнула тень, послышалось усталое дыхание, и дверь передо мною резко распахнулась. [...] Так я подарил ему жизнь, впрочем, как и он мне тоже.* — Гэтая гісторыя пазней была апісана Быкавым у апавяданні «Падоранае жыццё» (гл. гэтае выданне, т. 2, с. 597–599).

Стар. 187. ...к Бугу... — Размова ідзе пра Паўднёвы Буг — раку, што працякае па паўднёва-заходняй частцы Украіны.

[Ответы на анкету журнала «Вопросы литературы»]

(стар. 188)

Друкуецца паводле часоп. «Вопросы литературы», 1985, № 5, дзе ўпершыню апублікавана.

Датуецца часам першай публікацыі.

Адказы В. Быкава надрукаваны разам з адказамі іншых пісьменнікаў: А. Адамовіча, М. Аляксеева, Г. Бакланава, Ю. Ванага, К. Ваншэнкіна, Я. Вараб'ёва, А. Ганчара, Ю. Друнінай, В. Кандрацьева, А. Межырава, І. Навуменкі, Я. Ржэўскай, Д. Самойлава, І. Шамякіна і інш. пад агульнай назвай «Во имя жизни на земле».

Стар. 188. ...Александра Бека... — Бек Аляксандр (1902–1972) — расійскі пісьменнік.

Во имя жизни (стар. 189)

Друкуецца паводле кн. «Колокола Хатыни», дзе апублікавана пад назвай «Во имя жизни» і з падзагалоўкам «Интервью для газеты "Дойче Фольксцайтунг ди тат"». Інтэрв'ю для АПН (Агенцтва друку «Новости») было ўпершыню апублікавана 6 мая 1985 г. Друкавалася таксама ў Зб. тв.: у 4 т., т. 4.

Датуецца часам першай публікацыі.

Стар. 190. (*Известно, что читатели возвращали Гамсуну его книги, швыряя их через ограду усадьбы писателя.*) — Гамсун Кнут (сапр. Педэрсен Кнуд; 1859–1952) — нарвежскі пісьменнік; лаўрэат Нобелеўскай прэміі (1920). У 1934 г. публічна выказаў падтрымку нацыстам. У 1945 г. быў арыштаваны і праз два гады асуджаны за калабарацыянiзм.

Стар. 190. *Гете, Гейне* — Гётэ Іаган Вольфганг (1749–1832), Гейнэ Генрых (1797–1856) — нямецкія паэты; класікі сусветнай літаратуры.

Стар. 190. *...Шиллера...* — Шылер Фрыдрых (1759–1805) — нямецкі паэт, філосаф, драматург, тэарэтык мастацтва; класік сусветнай літаратуры.

Стар. 191. *...Освенцима...* — Асвенцым — комплекс нямецкіх канцэнтрацыйных лагераў і лагераў смерці, якія знаходзіліся недалёка ад польскага горада Асвенцыма, у 1939 г. указам Гітлера далучанага да тэрыторыі Трэціяга рэйха. Тут у 1941–1945 гг. па розных ацэнках было забіта ад 1,4 млн да 4 млн чалавек.

Стар. 192. *...Генриха Белля...* — Бэль Генрых (1917–1985) — нямецкі пісьменнік; лаўрэат Нобелеўскай прэміі (1972).

Стар. 192. *...Гюнтера Грасса...* — Грас Гюнтэр (1927–2015) — нямецкі пісьменнік, скульптар, мастак; лаўрэат Нобелеўскай прэміі (1999).

Стар. 192. *...Дитера Нолья...* — Ноль Дзітэр (1927–2008) — нямецкі пісьменнік.

[Выступленне на пленуме СП БССР (чэрвень 1985 г.)]

(стар. 193)

Друкуецца паводле: Зб. тв.: у 6 т., т. 6. Друкавалася таксама ў кн. «На крыжах».

Датуецца чэрвенем 1985 г.

Правда, Простота, Искренность (стар. 196)

Друкуецца паводле газ. «Московские новости», 1985, 23 чэрв., дзе ўпершыню апублікавана ў рубрыцы «75-летие Александра Твардовского».

Датуецца часам першай публікацыі.

Эсэ «Правда, Простота, Искренность» з'яўляецца перапрацаваным варыянтам артыкула памяці А. Твардоўскага, які пад назвай «Пухам табе зямля!» быў апублікаваны ў 1971 г. у газ. «Літ. і мастацтва» (гл. гэтае выданне, т. 10, кн. 1, с. 217–221).

Стар. 199. *...Эжена Ионеско...* — Іанэско Эжэн (1909–1994) — французскі драматург румынскага паходжання; адзін з заснавальнікаў тэатра абсурду; класік тэатральнага авангарда.

Стар. 199. ...*Льера Паоло Пазоліні*. — Пазаліні П'ер Паала (1922–1975) — італьянскі кінарэжысёр.

[Предисловие к книге Анатолия Сульянова «Хождение за седьмое небо»] (стар. 200)

Друкуецца паводле кн.: Сульянов А. Хождение за седьмое небо: повести и рассказы. Минск, 1985, дзе ўпершыню апублікавана ў якасці прадымовы.

Датуецца часам першай публікацыі.

Сульянаў Анатоль (нар. у 1927) — беларускі пісьменнік і ваенны лётчык; генерал-маёр авіяцыі ў адстаўцы.

1986

[Вступительное слово к воспоминаниям Анны Бяляй] (стар. 204)

Друкуецца паводле: Бяляй А. В ту далекую осень... // Неман, 1986, № 8, дзе ўпершыню апублікавана ў якасці ўступнага слова без назвы.

Можа быць датавана не пазней лютага 1986 г. — зыходзячы з ліста В. Быкава (прыводзіцца ніжэй).

Гісторыя напісання Быкавым уступнага слова вядомая з аповеда былой медсястры, ветэрана Вялікай Айчыннай вайны Ганны Іванаўны Бяляй (нар. у 1925): «Зімой 1985 г. Васіль Уладзіміравіч абіраўся ў нас [у г. Тураве. — *Уклад.*] дэпутатам у Вярхоўны Савет. На сустрэчы з выбаршчыкамі я сядзела ў прэзідыуме сходу побач. Выступаючы перад выбаршчыкамі, Васіль Уладзіміравіч шмат гаварыў пра вайну, звяртаўся да тых, хто прайшоў дарогамі вайны, каб больш пісалі пра яе. Казаў, што пра Вялікую Айчынную вайну шмат напісана, але яшчэ больш не напісана. А калі вярнуўся на сваё месца, звярнуўся да мяне з пытаннем: “А вы напісалі што-небудзь?” Я адказала, што напісала для сваіх дзяцей — тыя спыткі дома ляжаць. Ён папрасіў перадаць іх яму»¹.

У той жа дзень Г. Бяляй перадала рукапіс сваіх успамінаў. Далейшае развіццё падзей вядомае з лістоў Быкава:

«Уважаемая Анна Ивановна,

с огромным интересом и волнением прочитал Ваши записки, вполне разделяю все пережитое Вами, нечто похожее пришлось пережить и мне в 41[-м] под Харьковом. Написано у Вас, конечно, не очень ли-

¹ Паводле ліста Г. Бяляй да ўклад. ад 20 сак. 2007 г. Пераклад з рускай мовы ўклад.

тературно, очевидно, все это надо бы переписать более литературной рукой. Но напечатать это надо, хотя я еще не знаю, как и где, есть ряд трудностей в этом смысле. Но я подумаю и постараюсь, хотя, возможно, это будет и не очень скоро.

Если же ничего не выйдет, то тетрадки Ваши я верну, за это не беспокойтесь.

Очень желаю Вам, дорогая ветеранка, доброго здоровья и благополучия.

С уважением и приветом,

В. Быков.

10 февр. 85 г.»¹.

«Уважаемая Анна Ивановна,

часть Ваших записок (до направления в медсанбат осенью 41 г.) я подготовил и передал в журнал "Неман", который планирует опубликовать их осенью 86 года. (Ранее не получится.) Надеюсь, редакция еще свяжется с Вами, пришлет корректуру.

Желаю Вам доброго здоровья.

И всего хорошего.

С приветом,

В. Быков.

26 февр. 86 г.»

«Дорогая Анна Ивановна,

только сегодня вернулся из отпуска и прочитал Ваше письмо. Пусть Вас не смущает ни гонорар, ни моя роль в публикации, все вполне естественно. Я прочитал Ваши тетрадки и увидел там страдания, на которое не мог не отозваться. Немножко поправил рукопись, но это пустяки. Главное то, что Вы написали. Спасибо Вам за то от имени читателей. Гонорар заслужен Вами по праву и пользуйтесь им целиком. [...]

С приветом,

В. Быков. [...]

4 окт. 86 г.»

У БДАМЛМ, у фондзе часоп. «Нёман», захоўваюцца ўспаміны Г. Бяляй з праўкамі і дапаўненнямі В. Быкава, сярод якіх вылучаецца наступны рукапісны тэкст, зроблены пісьменнікам (з яго і пачынаецца публікацыя мемуарных запісаў):

«В ту памятную субботу в парке на берегу Припяти шли танцы, в вихре вальсов и полек кружилась молодежь и наши студентки из медучилища. Я тоже была на танцах (перелезла через забор в углу),

¹ Тут і далей лісты В. Быкава да Г. Бяляй друкуюцца паводле копіі рукапісных тэкстаў з асабістага архіва ўклад.

настроение было праздничное и радостное, т. к. завтра предстоял выходной, на экзамен идти было не надо, можно было выспаться вволю. Жила я на квартире по ул. Слуцкой и к экзаменам обычно готовилась на горке в саду. Помню, с танцев пришла поздно и, казалось, только уснула, как меня разбудили необычные звуки какой-то тревоги — это уже передали о вероломном нападении гитлеровской Германии.

Наспех одевшись, я побежала на площадь, там уже было полно людей, все молча слушали радио. Меня очень поразило это молчание и суровая озабоченность всех. Я многого тогда не понимала, мне шел всего только шестнадцатый год, но уже там, на площади, у меня появилось непреодолимое желание идти на фронт.

Руководимая этим непроходящим желанием, я на другой день побежала в военкомат. Таких, как я, наиболее горячих парней и девочек там уже было много, все просились на фронт, но к[оманди]р был не стоворчив и отправил нас сдавать экзамен в училище. Экзамен мы сдавали, одновременно наведываясь в военкомат и посещая дом Осавиахима¹, где готовились на сандружинниц для фронта. Но вот все позади, экзамены все сданы, мы получили отпечатанные на машинке удостоверения. Многих из наших девушек взяли на фронт, а меня, как самую младшую, направили на работы в 1[-ю] советскую больницу. Этим направлением я была очень недовольна².

* * *

Стар. 204. ...с генерал-полковником *Кирпоносом*. — Кірманос Міхаіл (1892–1941) — савецкі военачальнік; генерал-палкоўнік; Герой Савецкага Саюза (1940).

[Иван Драч] (стар. 204)

Друкуецца паводле кн. «На крыжах», дзе апублікавана пад назвай «Газета “Літаратурная Украіна”». Дакладную назву артыкула ўзнавіць не ўяўляецца магчымым, бо «Літаратурна Украіна» за гэты перыяд у фондах Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі адсутнічае.

Датуецца красавіком 1986 г. — паводле пазнакі ў кн. «На крыжах».

Стар. 205. ...*Микола Платонович Бажан...* — Бажан Мікола (Мікалай; 1904–1983) — украінскі паэт.

¹ Товариства садзейнічання абароне, авіяцыйнаму і хімічнаму будаўніцтву, грамадска-палітычная абаронная арганізацыя, якая існавала ў СССР у 1927–1948 гг.

² БДАМЛМ. Ф. 165, воп. 2, адз. зах. 74, арк. 2.

[Выступленне на IX з'ездзе СП БССР] (стар. 206)

Друкуецца паводле кн. «Крыжовы шлях». Упершыню апублікавана ў газ. «Літ. і мастацтва», 1986, 25 крас. пад назвай «На службе грамадству і радзіме» і з падзагалоўкам «Уступнае слова Васіля Быкава». Друкавалася таксама ў кн. «На крыжах» і ў Зб. тв.: у 6 т., т. 6.

Датуецца красавіком 1986 г.

Гэтае выступленне В. Быкава ва ўсіх названых кніжных выданнях памылкова прадстаўлена як выступленне на пленуме СП БССР ў лістападзе 1985 г. Між тым стэнаграма IX з'езда пісьменнікаў (праходзіў у Мінску 23–24 красавіка 1986 г.; стэнаграма захоўваецца: БДАМЛМ, ф. 78, воп. 1, адз. зах. 537, арк. 56–60) і вышэй прыгаданая публікацыя ў газ. «Літ. і мастацтва» сведчаць пра іншае.

Да таго ж існуе некалькі істотных разыходжанняў паміж стэнаграмай выступлення В. Быкава і яго кніжнымі публікацыямі. У стэнаграме тэкст пачынаецца наступным чынам: «Дарагія таварышы, нашы паважаныя госці! Мы жывём у знамянальны і велічны час грандыёзных матэрыяльных дасягненняў, час навукова-тэхнічнай рэвалюцыі, якая паступова і няўхільна вызваляе чалавецтва ад спрадвечнай цяжкой чорнай працы, дае новыя радасці матэрыяльнага карыстання. Час вялікіх даброт, але і яшчэ большых трывог ад страшэннай пагрозы вайны на знішчэнне, час-рысу, якая падзяляе існаванне чалавецтва на ДА і ПАСЛЯЯтамную эпоху і тоіць у сабе пытанне: ці наступіць наогул гэтая пасля-эпоха?»

Апроч таго ў стэнаграме адсутнічаюць наступныя фрагменты, якія ёсць у публікацыях: «без меры прывярэдлівага Галоўліта, некаторых кансерватыўных (літаратурных і нелітаратурных) начальнікаў»; «Але гэта пасля, бо пры жыцці “нет пророка в отечестве своем” — ісціна, добра вядомая з часоў першых хрысціян, і кожны з нас, творцаў, павінен памятаць гэта»; «нашага старэйшага і заўжды маладога Пімена Панчанкі, ці няўрымслівага Генадзя Бураўкіна, ці чараўніка беларускага слова Рыгора Барадудзіна, той мудрай шчырасці адчування, якая сціпла і добра жыве ў радках таленавітай Жэні Янішчыц, той нечаканай стыхійнай натуральнасці, што ёсць у вершах маладога Леаніда Галубовіча». Нарэшце, сказ: «Але, мабыць, так ужо заведзена на белым свеце...» у стэнаграме завяршаецца наступным чынам: «заўжды ставіцца няўдзячна».

Стар. 206. ...*рашэнні XXVII з'езда КПСС...* — XXVII з'езд КПСС адбыўся 25 лютага – 6 сакавіка 1986 г. Гэта першы з'езд пасля шэрагу смярцей генеральных сакратароў ЦК КПСС Л. Брэжнева, Ю. Андропова, К. Чарненкі.

Стар. 208. ...*Жэні Янішчыц...* — Янішчыц Яўгенія (1948–1988) — беларуская паэтка.

Стар. 208. ...*Леаніда Галубовіча.* — Галубовіч Леанід (нар. у 1950) — беларускі паэт, празаік, крытык.

[Интервью «Литературной газете»] (стар. 209)

Друкуецца паводле «Лит. газеты», 1986, 14 мая, дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «Василь Быков: На высоте совести» ў рубрыцы «Беседа за рабочим столом». Гутарку вяла Ірына Рышына.

Датуецца часам першай публікацыі.

Гутарцы, нагодай для якой стала ўганараванне В. Быкава Ленінскай прэміяй, папярэднічаюць эпіграф:

Так память горя велика,
Глухая память боли.
Она не стихнется, пока
Не выскажется вволю.

А. Твардовский

і ўступнае слова: «...Перед отъездом в Минск я посмотрела фильм В. Дашука “Василь Быков”. В начале ленты на вопрос, как бы он снимал такой фильм, если бы был режиссером, В. Быков отвечает, что “не стал бы снимать, потому что негодящий... актер”. “Но это документальное кино, — возражает Дашук, — здесь актерствовать не надо, а надо рассказывать про свою жизнь...” — “То же самое актерство, — настаивает прозаик, — которое я не умею. Надо становиться на котурны, вещать о своей жизни...”

Да, как-то трудно, просто невозможно представить, что он станет на котурны, примет позу... Мне не раз выпадал счастливый случай — и, хочется надеяться, будет еще — работать с Василием Владимировичем, делать с ним беседы, записи “монологов”. И потому я хорошо знаю, что он и в этом устном жанре, как и в своих сочинениях, не позволяет себе облегченности и, уж конечно, ничего ради красного словца. Все взвешено, полемически остро, не шумно и твердо. Для тех, кто, испытывая неудовольствие, ворчит: “Ну сколько можно перелопачивать одно трудное да кровавое...” — он и писать, и говорить не станет. Потому что уверен: “Настоящая литература... никогда не укладывалась в прокрустово ложе, уготованное ей любителями легкого чтения”, и предпочитает темы, вопросы, “с помощью которых не только не избавишься от бессонницы — от них и вовсе глаз не сомкнешь”».

Стар. 211. ...публицистов *Васильева, Черниченко*... — Магчыма, маецца на ўвазе Васільеў Іван (1924–1994) — расійскі пісьменнік. Чарнічэнка Юрый (1929–2010) — расійскі пісьменнік, публіцыст, грамадскі дзеяч.

Стар. 212. *Как говорится в песне Б. Окуджавы, «...из собственной судьбы я выдергивал по нитке».* — Акуджава Булат (1924–1997) — расійскі паэт, бард, празаік. Тут цытуецца радок з верша «Я пишу исторический роман».

Стар. 217. ...*А. Германа...* — Герман Аляксей (1938–2013) — расійскі кінарэжысёр, сцэнарыст; народны артыст Расіі (1994).

Стар. 218. ...*Рафаэля...* — Рафаэль Санці (1483–1520) — вялікі італьянскі мастак.

[Інтэрв'ю газете «Вечерний Ленинград»] (стар. 219)

Друкуецца паводле газ. «Вечерний Ленинград», 1986, 24 мая, дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «Василь Быков: Верю в человека» ў рубрыцы «Наша гостиная». Інтэрв'ю вёў В. Шуб.

Датуецца часам першай публікацыі.

Ва ўступным слове да інтэрв'ю паведамляецца, у прыватнасці, пра тое, што В. Быкаў быў госцем Ленінграда (цяпер — Санкт-Пецярбург), дзе ў Тэатры драмы і камедыі другі год запар з поспехам ідзе спектакль па аповесці «Знак бяды»; гэтым разам галоўны рэжысёр тэатра Якаў Хамармер і мастацкі савет пазнаёміліся з новай аповесцю пісьменніка «Кар'ер».

[Інтэрв'ю для Агентства друку «Навіны»] (стар. 222)

Друкуецца ў скарачэнні паводле газ. «Чырвоная змена», 1986, 4 чэрв., дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «Васіль Быкаў: Праўда пра вайну бяздонная...». Друкавалася таксама пад назвай «Василь Быков: Правда о войне бездонная...» у газ. «Комсомолец Донбасса», 1986, 4 чэрв., «Советская Литва» (Вільнюс, Літва), 1986, 12 чэрв., «Ригас Балсс» (Рыга, Латвія), 1986, 24 чэрв. Інтэрв'ю ўзяў М. Назараў.

Датуецца часам першай публікацыі.

[Гутарка з чытачамі ў Дзяржаўнай бібліятэцы Беларусі] (стар. 223)

Друкуецца паводле газ. «Літ. і мастацтва», 1987, 9 студз., дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «Азірнуцца і цвяроза аданіць» і з падзагалоўкам «В. Быкаў гутарыць з чытачамі». Гутарку запісала Людміла Козіна.

Магчыма датаваць снежнем 1986 г.

Публікацыі папярэднічае ўступнае слова: «Народны пісьменнік Беларусі, лаўрэат Ленінскай прэміі Васіль Быкаў стараецца пазбягаць інтэрв'ю. Іншая справа — нязмушаная размова на сустрэчы з чытачамі. І не мае значэння — прыхільнікі або апаненты. Такія гутаркі — спажыва для розуму і сэрца літаратара. Чытачоў гэтыя гутаркі радуюць удвая. Ім цікава пабачыцца з аўтарам, яшчэ раз нібы сустрэцца з героямі яго аповесцей — салдатамі, лёс якіх і праз дзесяцігоддзі пасля вайны прымушае нас пакутаваць, думаць, пераглядаць ацэнкі і пазіцыі.

Такім быў і чарговы дыялог народнага пісьменніка з чытачамі, які адбыўся напярэдадні Новага года ў Дзяржаўнай бібліятэцы БССР імя У. І. Леніна».

Стар. 223. *Акадэмік Ліхачоў* — Ліхачоў Дзмітрый (1906–1999) — расійскі філолаг, культуролаг, мастацтвазнавец; старшыня праўлення Расійскага (да 1991 г. — Савецкага) фонду культуры (1986–1993); акадэмік АН СССР (1970).

Стар. 228. *Уладзімір Арлоў* (нар. у 1953) — беларускі празаік, паэт.

Стар. 228. *...Кастуся Тарасава...* — Тарасаў Кастусь (1940–2010) — беларускі пісьменнік.

[Вячаслаў Кандрацьеў] (стар. 231)

Друкуецца паводле: Братэрства, 86: літ. зб. / уклад. А. Вольскі; рэд. кал.: Р. Барадулін (гал. рэд.) і інш. Мінск, 1986, дзе ўпершыню апублікавана ў якасці ўступнага слова да апавядання «Гошка, былы разведчык» Вячаслава Кандрацьева (1920–1993), расійскага пісьменніка.

Датуецца часам першай публікацыі.

1987

[Выступленне на сходзе, прысвечаным 150-м угодкам з дня смерці Аляксандра Пушкіна] (стар. 232)

Друкуецца паводле: Зб. тв.: у 6 т., т. 6. Друкавалася таксама ў кн. «На крыжах».

Датуецца студзенем 1987 г. — паводле пазнакі ў кн. «На крыжах».

Стар. 232. *«Ни наших университетов, ни наших театров Пушкин не любил», — сведчыць адзін з яго блізкіх сяброў Павел Воінавіч Нашчокін.* — Нашчокін Павел (1801–1854) — рускі мецэнат, калекцыянер; блізкі сябар А. Пушкіна ў апошнія гады яго жыцця. Выказванне цытуецца, відаць, па кнізе «Пушкін у жыцці» Вікенція Верасаева.

Стар. 232. *Ёсць яго асабістае сведчанне, якое ў перадачы ягонай сяброўкі Аляксандры Андрэеўны Фукс гучыць так: «Как жалки те поэты, которые начинают писать прозу; признаюсь, ежели бы я не был вынужден обстоятельствами, я бы для прозы не обмакнул пера в чернила».* — Фукс Аляксандра (каля 1792–1853) — руская паэтка, аўтарка этнаграфічных нарысаў і мемуараў. Выказванне цытуецца, відаць, па кнізе «Пушкін у жыцці» Вікенція Верасаева.

Стар. 232. *...мы нават удзячны тым невясёлым абставінам, якія затрымалі паэта на некалькі тыдняў у далёкім Болдзіне і тым садзейнічалі нараджэнню бессмяротных радкоў ягонай прозы — маленькіх аповесцяў і маленькіх трагедый.* — Пустэльніцтва ў маёнтку Вялікае

Болдзіна (сяло ў Ніжагародскай вобласці, якое чатыры стагоддзі належала роду Пушкіных) з-за абвешчанага халернага каранціну супала з падрыхтоўкай да жаніцьбы на Наталлі Ганчаровай. У гэты час А. Пушкін завяршыў працу над паэмай «Яўген Анегін», цыкламі «Аповесці Белкіна» і «Маленькія трагедыі», напісаў паэму «Домік у Каломне» і больш трох дзясяткаў лірычных вершаў.

Стар. 232. ...сам аўтар, які, дарэчы, схавайся тады за прыдуманым іменем Івана Пятровіча Белкіна... — Размова ідзе пра «Аповесці нябожчыка Івана Пятровіча Белкіна» — цыкл аповесцей, якія першапачаткова былі выдадзены без указання імя сапраўднага аўтара — А. Пушкіна.

Стар. 233. Ён жа затым і сфармуляваў яе славуае нейміручае крэда: «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат». — Цытата з заметкі «Пра рускую прозу» (1822).

Стар. 233. *Лермантаў* Юрый (1814–1841) — рускі паэт; класік рускай літаратуры.

Стар. 233. *Гогаль* Мікалай (1809–1852) — рускі пісьменнік украінскага паходжання (нарадзіўся ў мястэчку Сарочанцы Палтаўскай губерні); класік рускай літаратуры.

Стар. 233. *Міхайлаўскае* — дваранскі маёнтак у Пскоўскай вобласці, вядомы з XVII ст. як частка ўладання царскай сям’і; у 1742 г. быў падараваны імператрыцай Елізаветай Пятроўнай прадзеду Пушкіна — Абраму Ганібалу. А. Пушкін неаднаразова наведваў Міхайлаўскае; у 1824–1826 гг. жыў тут у ссыльцы.

Стар. 233. *Жукоўскі* Васілій (1783–1852) — рускі паэт, перакладчык; стваральнік рамантызму ў рускай паэзіі.

Стар. 234. *міністр асветы граф Увараў* — Увараў Сяргей (1786–1855) — рускі дзяржаўны дзеяч, міністр народнай асветы (1833–1849).

[Гутарка з Файезам Рашыдам] (стар. 234)

Друкуецца паводле газ. «Літ. і мастацтва», 1987, 24 крас., дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «Абавязак мастака — быць разам з народам» у рубрыцы «Сустрэчы ў рэдакцыі». Запісаў Віталь Тарас.

Датуецца часам першай публікацыі.

Гутарцы папярэднічае ўступнае слова: «Нядаўна гасцямі рэдакцыі “Літаратура і мастацтва” былі народны пісьменнік БССР Васіль Быкаў і палесцінскі журналіст і медык Файез Рашыд, супрацоўнік часопіса “Эль-Хадаф” (“Мэта”) — аднаго з выданняў АВП. Творчасць Васіля Быкава, кнігі якога шырока выдаюцца за рубяжом, вядома і арабскаму чытачу. Так, у 1967 годзе ў Каіры выйшла “Трэцяя ракета” ў перакладзе вядомага арабскага пісьменніка Ахмада Адама Мухамеда. У 1981 годзе выдавецтва “Прагрэс” (Масква) апублікавала на арабскай мове аповесць “Сотнікаў”. Перакладаліся на арабскую мову і іншыя

творы пісьменніка. Вялікую цікавасць да творчасці Васіля Быкава, па словах Ф. Рашыда, праяўляюць і чытачы палесцінскага часопіса.

Паміж арабскім госцем і беларускім пісьменнікам адбылася гутарка, са зместам якой, безумоўна, цікава будзе пазнаёміцца нашаму чытачу».

[Інтэрв'ю журналу «Огонек»] (стар. 236)

Друкуецца ў скарачэнні паводле кн.: Медведев Ф. Цена прозрения. М., 1990, дзе апублікавана пад назвай «Трава после нас». Упершыню — Медведев Ф. Трава после нас // Огонек, 1987, № 19. Інтэрв'ю ўзяў Фелікс Мядзведзеў.

Датуецца маем 1987 г.

Інтэрв'ю папярэднічае ўступнае слова: «Минск Танковая улица дом десять квартира 132 Василю Владимировичу Быкову тчк Просим ответить на следующие вопросы корреспондента Огонька Феликса Медведева тчк Первый не кажется ли вам что в последнее время читатели как бы поостыли к произведениям на военную тему тчк Если вы с этим согласны то чем это можно объяснить тчк

Василь Быков, его творчество продолжает волновать читателей. Новые произведения, выходящие из-под пера известнейшего белорусского прозаика, пишущего в основном “про войну”, сразу же обжигают людское сердце, тревожат душу, заставляют думать, бередают память.

Давно мне хотелось повстречаться с писателем, поговорить с ним. Скромный и застенчивый, много занятый общественными делами человек, не любящий суесловия, парадности, Василь Владимирович никак не мог выбрать для этого время. Тогда я послал ему телеграмму с вопросами, зная, что он приедет в Москву на пленум Союза писателей СССР. Журналистский прием оказался удачным: когда писатель приехал в Москву, он был настроен на разговор. Мы с ним беседовали в гостинице “Россия”, где он жил, и два дня просидели вместе на писательском форуме в Центральном Доме литераторов».

Стар. 239. *Чингиз Айтматов писал о том, что «судьба сберегла нам Василя Быкова, чтобы он жил и писал от имени тех, кто юнцами познал войну и возмужал духом с оружием в руках, для которых день жизни был равен веку жизни».* — Не зусім дакладная цытата з эсэ «Белорусский брат» (1974): «Да, благодарить за то, что судьба сберегла нам Василя Быкова, чтобы он жил и писал от имени целого поколения, от имени тех, кто юнцом познал войну и возмужал духом с оружием в руках, для которых день жизни был равен веку жизни...»¹

¹ Айтматов Ч. Статьи, выступления, диалоги, интервью. М., 1988. С. 46.

Стар. 240. ...я понимаю, почему Марк Шагал, когда он приезжал в Советский Союз, не посетил Витебск. — Шагал Марк (імя пры нараджэнні — Маісей; 1887–1985) — беларускі і французскі мастак і паэт, адзін са знакаміцейшых прадстаўнікоў мастацкага авангарда XX ст. У 1973 г. М. Шагал прыезджаў у СССР, наведаў Маскву і Ленінград, але ў Віцебск, дзе правёў дзіцячыя і юнацкія гады, не прыехаў. Расійскі паэт Андрэй Вазнясенскі так пісаў пра гэта: «Приехал к нам в июне 1973 года, он подарил сто листов своей графики и был огорчен, что к приезду организовали лишь скромную выставку литографий! Марк Захарович мечтал о встрече с Витебском и боялся ее. Увы, просквозившись на балконе гостиницы, он простудился, и о поездке не могло быть и речи. Впрочем, может быть, старый мэтр лукавил. “Я испытывал страх не увидеть своего города таким, каким храню его в своем сердце все время”, — напишет он»¹.

Стар. 240. ...белорусская интеллигенция благодарна Андрею Вознесенскому, напечатавшему свой очерк о Шагале в «Огоньке»... — Размова ідзе пра нарыс «Гала Шагала» (Огонек, 1987, № 4), у якім Андрэй Вазнясенскі задаваўся пытаннямі: «Но как получилось, что родина художника оказалась среди немногих стран, где не издано ни одного альбома, монографии о нем, ни одной открытки, не было ни одной выставки его живописи? Имя его и произведения были долгие годы абсурдно запрещены. Во всем мире знают Витебск по его картинам и потому, что он в нем родился, а в городе нет ни музея, ни улицы его имени?»

Стар. 241. А работы мои давние не сохранились. Во время войны я еще кое-что делал по рисовальной части. Но однажды сгорел «студебекер» с нашим солдатским имуществом и сгорел мой мешок, где был альбом с рисунками. С тех пор рисованием я не занимался. — Насамрэч маляваннем Быкаў займаўся ўсё жыццё і ў другой палове 1950-х гг. нават ілюстраваў уласныя апавяданні [гл. альманах «Нёман» (Гродна), 1958, № 2]. Самыя даўнія малюнкi пісьменніка, вядомыя сёння, датуюцца 1945 г., упершыню былі надрукаваныя ў якасці ілюстрацый да нарыса А. Нікалаева «Пісьменнікі-мастакі» («Дружба народов», 1970, № 5). Пазней тры з іх былі ўключаны ў зб. «Когда пушки гремели...» (М., 1973). Друкаваліся таксама ў кн.: Шапран С. Васіль Быкаў. Гісторыя жыцця ў дакументах, публікацыях, успамінах, лістах. Частка I. Мінск, Гародня, 2009. Малюнкi Быкава розных часоў таксама прадстаўлены ў кн.: Барадулін Р. Лісты ў Хельсінкі. Мінск, 2000; Барадулін Р., Быкаў В. Калі рукаюцца душы...: паэзія і проза / мастак А. Баркоўскі. Мінск, 2003; Дажыць да зялёнай травы...: ліставанне і аўтографы Васіля Быкава і Рыгора Барадуліна (1960–2003) / уклад., прадм. і камент. С. Шапрана. Львів, 2008; Быкаў В. Гарадзенскі архіў: Невядомыя творы (1957–1972). Незавершанае.

¹ Вознесенский А. Гала Шагала // Огонек, 1987, № 4, с. 8.

Нататнікі. Гародня, Вроцлаў, 2012; Быкаў В. Мёртвым не баліць. Без цэнзуры / укладанне, пасляслоўе, каментарыі С. Шапрана. Мінск, 2014; Быкаў В. Ліквідацыя. Без цэнзуры / падрыхт. тэксту, пасляслоўе, каментарыі С. Шапрана. Мінск, 2014.

Стар. 242. *У меня два сына, один военный, другой врач.* — Быкаў Сяргей (нар. у 1952), жыве ў Мінску; Быкаў Васіль (нар. у 1957), жыве ў Гродне.

Стар. 243. *Потому что на многие десятилетия многие писатели были вышиблены из круга российской словесности по разным причинам. Когда-то был вышиблен Есенин.* — Ясенін Сяргей (1895–1925) — расійскі паэт; класік рускай літаратуры. Пасля выступлення на старонках газеты «Правда» члена ЦК ВКП(б) Мікалая Бухарына з артыкулам «Злые заметки» (у якім аўтар прапаноўваў даць «хорошенький залп» па «классово чуждому» паэту) пачалася шырокамаштабная кампанія цкавання С. Ясеніна, у выніку чаго ягоныя кнігі доўгі час у СССР не друкаваліся.

Стар. 243. *Когда-то не издавали совершенно эпохальные вещи Бунина.* — Бунін Іван (1870–1953) — рускі пісьменнік; лаўрэат Нобелеўскай прэміі (1933); у 1920 г. эміграваў ва Францыю. Калі праз два гады ў СССР было заснаванае Галоўнае ўпраўленне па справах літаратуры і выдавецтваў (орган, які ажыццяўляў нагляд за ўсёй друкаванай прадукцыяй), яго першым цыркулярам быў забаронены ўвоз з-за мяжы твораў, якія носяць варожы ў дачыненні да савецкай улады характар. У гэтым цыркуляры значылася і імя І. Буніна. Да таго ж перыядычна «чысціў» савецкія бібліятэкі ад кніг пісьменніка-эмігранта і Галоўны палітыка-асветніцкі камітэт Наркамасветы РСФСР. Паступовае вяртанне імя Буніна пачалося толькі пасля смерці Сталіна.

Стар. 244. *Это относится к тому же Шукшину.* — Шукшын Васіль (1929–1974) — расійскі пісьменнік, кінарэжысёр, акцёр.

Стар. 244. *Ведь у нас еще остры проблемы, связанные с аварией на Чернобыльской АЭС.* — Маецца на ўвазе разбурэнне 26 красавіка 1986 г. чацвёртага энергаблока Чарнобыльскай атамнай станцыі (Украіна), у выніку чаго адбылося заражэнне вялікай тэрыторыі радыеактыўнымі рэчывамі, ад якіх найбольш пацярпела Беларусь.

Стар. 246. *...Сен-Симона...* — Сен-Сімон Анры (1760–1825) — французскі філосаф, сацыёлаг.

Стар. 247. *...выдающегося американского писателя Уильяма Сарояна...* — Сараян Уільям (1908–1981) — амерыканскі пісьменнік армянскага паходжання; лаўрэат Пулітцэраўскай прэміі (1940), ад якой ён адмовіўся.

Стар. 249. *...Татьяне Земсковой...* — Зямскова Таццяна — расійская журналістка, пісьменніца.

Стар. 250. *...Кайсына Кулиева...* — Куліеў Кайсын (1917–1985) — балкарскі паэт; народны паэт Кабардзіна-Балкарскай АССР (1967).

Мужнасць (стар. 251)

Друкуецца паводле Зб. тв.: у 6 т., т. 6. Упершыню — газ. «Літ. і мастацтва», 1987, 28 жн. пад назвай «Па праву мастака і мысліцеля». Друкавалася таксама пад назвай «Газета “Літаратура і мастацтва”» ў кн. «На крыжах».

Датуецца часам першай публікацыі (у кн. «На крыжах» памылкова ўказаны верасень 1987 г.)

Артыкул напісаны з нагоды 60-годдзя Алеся Адамовіча (1927–1994).

Стар. 252. *...ягонь безразважны ўдзел у ліквідацыі пагрозы чарнобыльскай катастрофы — учынак, што, як вядома, каштаваў Адамовічу немалых страт, затое дапамог людзям засцерагчыся ад вялікай нечаканай бяды.* — Адразу пасля аварыі на ЧАЭС А. Адамовіч, сустрэкаючыся з навукоўцамі, пачаў збіраць засакрэчаную інфармацыю, якая датычылася ўзроўню радыяцыйнай забруджанасці беларускіх населеных пунктаў і вынікаў лячэння. Публікуючы гэтыя факты, па сутнасці, менавіта Адамовіч прарваў інфармацыйную блакаду. Аднак, не абмежаваўшыся гэтым, ён адвёз ліст асабіста Генеральнаму сакратару ЦК КПСС М. Гарбачову, у якім апісаў маштабы трагедыі і назваў першыя крокі, якія трэба зрабіць для выратавання насельніцтва Беларусі. Ужо праз тры дні ў Мінск прыехала камісія з 60 чалавек, якую сустрэлі беларускія чыноўнікі, абвінаваціўшыя Адамовіча ў беспадстаўным панікёрстве.

Стар. 252. *...ён кінуў усе свае літаратурныя клопаты і разам з Брылём і Калеснікам падаўся ў народ запісваць — не сваё — народнае веданне вайны, ратаваць ад забыцця трагічныя лёсы «хатынскіх вёсак».* — Калеснік Іван (1932–1979) — беларускі паэт, публіцыст, перакладчык. Маецца на ўвазе праца на кнігай «Я з вогненнай вёскі...», што была напісана ў сааўтарстве А. Адамовічам, Я. Брылём і І. Калеснікам.

Стар. 254. *Стэнлі Крамер* (1913–2001) — амерыканскі кінарэжысёр, прадзюсар.

Прызнанне ў любові (стар. 254)

Друкуецца паводле часоп. «Маладосць», 1987, № 8, дзе ўпершыню апублікавана ў рубрыцы «Віншваем з юбілеем!».

Датуецца часам першай публікацыі.

Артыкул напісаны з нагоды 70-годдзя Пімена Панчанкі (1917–1995). У БДАМЛМ (ф. 37, воп. 1, адз. зах. 591, арк. 11–13) захоўваецца машынапіс артыкула (3 арк.) пад назвай «Прызнанне ў любові» і закрэсленым падзагалоўкам «Да сямідзесяцігоддзя Пімена Панчанкі» з незначнымі аўтарскімі праўкамі стылістычнага характару.

Стар. 255. *...у бытнасьць яго рэдактарам часопіса «Маладосць»...* — П. Панчанка ўзначальваў часоп. «Маладосць» у 1958–1966 гг. У часы ягонага рэдактарства ў «Маладосці» былі надрукаваныя амаль усе першыя аповесці Быкава: «Жураўліны крык», «Трэцяя ракета», «Альпійская балада», «Мёртвым не баліць», а таксама апавяданне «Адна ноч».

[Коллективное письмо в редакцию газеты «Советская культура»] (стар. 256)

Друкуецца паводле газ. «Советская культура», 1987, 3 кастр., дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «Кто украл “фонарь гласности”?» у рубрыцы «Почта редакции».

Датуецца часам першай публікацыі.

Сярод падпісантаў калектыўнага ліста Святлана Алексіевіч (нар. у 1948), Аляксандр Дракахруст (1923–2008), Навум Кіслік (1925–1998), Віктар Казько (нар. у 1940), Алесь Разанаў (нар. у 1947), Валянцін Тарас (1930–2009), Канстанцін Тарасаў (1940–2010).

Стар. 256. *...В. Бегуна...* — Бягун Уладзімір (1929–1989) — беларускі публіцыст; кандыдат філасофскіх навук; старшы навуковы супрацоўнік Інстытута філасофіі і права АН БССР. Найбольш вядомы як барацьбіт супраць сіянізма, іўдаізма і масонства.

Стар. 256. *...В. Бовшем.* — Боўш Віктар (1930–2005) — доктар філасофскіх навук (1982); загадчык аддзела крытыкі буржуазнай філасофіі і ідэалогіі антыкамунізма Інстытута філасофіі і права АН БССР.

Стар. 257. *Этому выступлению В. Бегуна и В. Бовша предпослано письмо группы читателей — военнослужащих Советской Армии, которые предъявляют серьезные политические обвинения известному белорусскому писателю Алесю Адамовичу...* — У лісце, які быў падпісаны палкоўнікамі Д. Напалкавым, В. Троіцкім, В. Вераценнікавым, Е. Сіненкам, маёрам Г. Комавым і кандыдатам гістарычных навук Л. Смілавіцкім, гаворыцца, у прыватнасці: «...белорусский писатель А. Адамович неоднократно выступал с позиций пацифизма, а в последнее время поставил под сомнение правомерность ответного удара в случае империалистической агрессии против нашего государства. В ответ — молчание. Как понимать такую “безгласность”? Нам думается, что писатель относится к числу так называемых “неприкасаемых”, чье мнение выше всякой критики. Но ведь гласность предполагает сопоставление взглядов по различным вопросам, в том числе и по столь важному, как борьба за мир.

Нас тревожит сползание отдельных писателей, особенно А. Адамовича, на позиции, которые противоречат положениям программы КПСС относительно оборонной политики, а также распространение непротивленческих воззрений среди некоторых граждан.

Вот почему просим опубликовать наше письмо и рассмотреть пацифистские взгляды А. Адамовича с позиций идеологии марксизма-ленинизма».

Стар. 258. *Той же страстью проникнута и статья В. Бегуна «Украденный фонарь гласности» в первом номере «Политического собеседника», в которой автор уничижительно, издевательски отзывается о творчестве художника Марка Шагала.* — У сваім артыкуле («Политический собеседник», 1987, № 1) У. Бягун пісаў, у прыватнасці: «Достаточно привести хотя бы два из множества фактов: на картине “величайшего” художника, названной “Россия, ослы и другие”, нашу страну символизирует осел, женщина без головы и купол церкви с крестом; внимание к Лиозно или Витебску он [М. Шагал. — *Уклад.*] не подтвердил ничем, зато его любовь к Израилю общеизвестна — там он украшал здания кнессета и синагоги, ублажал подарком Голду Меир¹, за что и получил премию имени Вольфа. Тем не менее уже израсходовано много типографской краски на доказательство какой-то “ностальгии” и “любви к родине” этого парижанина. [...]

Мало сказать, что Шагал жил в Витебске, — важнее то, что он там делал. Об этом как раз и не говорится. Между тем истина такова, что Витебский художественно-практический институт, которым некогда руководил Шагал, имел, по докладу губернской комиссии рабоче-крестьянской инспекции, “исключительно отрицательные стороны, заключающиеся в причинении ущерба республике”. Ущерб состоял в том, что в институте нашли прибежище дезертиры, спекулянты и другие темные личности, а подлинных художников было мало».

Стар. 259. *...для экстремистов пресловутой «Памяти».* — Нацыянал-патрыятычны фронт «Памяць» (вядомы таксама як таварыства «Памяць») — руская ўльтраправая антысеміцкая манархічная арганізацыя, якая ўзнікла ў 1980 г. у Маскве і якая прэтэндавала на ролю галоўнага ідэолага рускага нацыяналістычнага руху.

Стар. 259. *...М. Шатрова...* — Шатроў Міхаіл (сапр. Маршак; 1932–2010) — расійскі драматург, сцэнарыст.

Стар. 259. *У. Черчилль* — Чэрчыл Ўінстан (1874–1965) — брытанскі дзяржаўны і палітычны дзеяч, прэм’ер-міністр Вялікабрытаніі (1940–1945, 1951–1955); ганаровы член Брытанскай акадэміі; лаўрэат Нобелеўскай прэміі па літаратуры (1953).

¹ Голда Меир (1898–1978) — дзяржаўны дзеяч Ізраіля ўкраінскага паходжання (нарадзілася ў Кіеве, дзяцінства прайшло ў Пінску), прэм’ер-міністр Ізраіля (1969–1974).

[Монолог, записанный Геннадием Жаворонковым]
(стар. 260)

Друкуецца ў скарачэнні паводле газ. «Московские новости», 1987, 6 снеж., дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «Чтобы не было стыдно живым» і з падзагалоўкам «Штрихи к неоконченному портрету писателя Василя Быкова» ў рубрыцы «Советские знаменитости — 12 имен года». Запісаў Генадзь Жаўранкаў.

Датуецца часам першай публікацыі.

Стар. 261. Журнал «Новый мир» *лишь недавно назвал конкретных авторов травли Осипа Мандельштама, «Московские новости» — имя следователя по делу Н. Вавилова.* — Мандэльштам Восіп (1891–1938) — расійскі паэт, празаік, перакладчык. Двойчы арыштаваны, першы раз — за эпіграму «Мы живем, под собою не чуя страны». Памёр ва ўладзівастоцкім перасыльным пункце. Следства па справе В. Мандэльштама вёў Мікалай Шывараў (1898–1940) — следчы НКУС, які займаўся цэлым шэрагам «літаратурных» спраў; у 1937 г. быў арыштаваны як «перабегчык-шпіён» і асуджаны на пяць гадоў пазбаўлення волі; скончыў жыццё самагубствам. Вавілаў Мікалай (1887–1943) — расійскі вучоны-генетык, батанік, хімік, географ; акадэмік АН СССР (1929), прэзідэнт (1929–1935), віцэ-прэзідэнт (1935–1940) Усесаюзнай акадэміі сельскагаспадарчых навук СССР; заснавальнік (1920) і дырэктар Усесаюзнага інстытута раслінаводства (1930–1940), дырэктар Інстытута генетыкі АН СССР (1930–1940). У 1940 г. быў арыштаваны і прыгавораны да растрэлу, але прысуд быў зменены на 20 гадоў пазбаўлення волі. Памёр у турме. Рэабілітаваны ў 1955 г. Следства па справе М. Вавілава доўжылася 11 месяцаў; за гэты час яго выклікалі на допыты 400 разоў, падчас якіх актыўна ўжываліся катаванні. Следства вёў следчы НКУС Хват Аляксандр (1907–1993). Калі ў 1955 г. разглядалася «справа Мікалая Вавілава», А. Хвата не змаглі прыцягнуць да адказнасці з-за сканчэння тэрміна даўнасці здзейсненых ім злачынстваў.

Не отлучайте сами себя (стар. 262)

Друкуецца паводле кн. «На крыжах», дзе апублікавана пад назвай «Газета “Советская культура”». Упершыню — газ. «Советская культура», 1987, 10 снеж. пад назвай «Не отлучайте сами себя».

Датуецца часам першай публікацыі (у кн. «На крыжах» памылкова ўказаны люты 1988 г.).

Артыкул В. Быкава (разам з артыкулам А. Адамовіча «Если не мы, то кто же?», надрукаваным у гэтым жа нумары «Советской культуры») з’яўляецца адказам на публікацыю «Отлучение от перестройки» У. Бегуна і В. Боўша, якія палемізуюць з калектыўным лістом пісьменнікаў С. Алексіевіч, В. Быкава, А. Дракахруста, Н. Кісліка,

В. Казько, А. Разанава, В. Тараса і К. Тарасава, апублікаваным на старонках «Советской культуры» ў кастрычніку т. г. (у гэтым выданні друкуецца пад назвай «[Коллективное письмо в редакцию газеты “Советская культура”]»). Прывядзём некаторыя фрагменты з артыкула Бегуна і Боўша:

«Нас, как и многих читателей “Политического собеседника”, удивляет содержание письма В. Быкова и других писателей. Странными являются приемы его авторов: отказ от выяснения истины в пользу тотальной обструкции, инсинуации, разносный тон, откровенные выпады. Подчеркивая свою непримиримость к ярлыкам, авторы сами начинают с навешивания ярлыка “тандем”. Трудно найти рациональное объяснение желанию отмахнуться от наших аргументов посредством крепких выражений: “чушь”, “провалы памяти”, “наклеивание ярлыков”, “мышление вчерашнего дня”, “писания”, “опусы” и т. п. Магия подобных слов приводит к комической ситуации: наше мнение якобы развенчивается, а нас самих “отлучают” от перестройки, причем без права апелляции. Такова культура полемики. Достается и журналу “Политический собеседник”, редакция которого предпочла полусонному бытию поиск живого, диалектически напряженного диалога с читателями.

Чем же все-таки журнал и мы, его авторы, навлекли на себя гнев? Думается, тем, что за живое задеты партикулярные, групповые интересы, что мы вступили на заповедную территорию, нарушив безмятежное существование авторитетов. Отсюда понятны и гнев, и недозволенные приемы авторов письма, и, конечно, их желание придать делу такой оборот, чтобы мы хорошенько усвоили границы заповедных зон и впредь держались от них подальше. Разумеется, если на это “впредь” мы смеем рассчитывать...

Большая часть письма — это осуждение нас за критику взглядов А. Адамовича по существенным аспектам проблемы войны и мира. Авторы, например, утверждают, будто мы вслед за группой офицеров Советской Армии, выразивших свое несогласие с концепцией писателя, предъявляем ему политическое обвинение. Это неправда. [...]

Суть нашей полемики с А. Адамовичем касается, в частности, возмездия за ядерную агрессию, целесообразность которого оспаривается писателем в политическом и нравственном отношениях. [...]

Философия непротивления (в данном случае мы имеем дело с ней), какие бы формы и оттенки ей ни придавались, была и остается беспочвенной в силу пренебрежения объективными реалиями. [...]

Правда о возмездии состоит в том, что его неотвратимость есть фактор, способный в решающей степени воспрепятствовать потенциальному агрессору осуществить свои замыслы. Таким образом, речь идет не о “добивани”, а, наоборот, о спасении человечества. [...]

Нельзя не сказать и о гуманистической стороне проблемы. А. Адамович склонен усматривать в отказе от возмездия за ядерное нападение акт гуманизма. Можно ли согласиться с такой позицией?

Конечно, нет. Дело в том, что реалии ядерного века, если говорить о них всерьез, накладывают отпечаток и на наше понятие о гуманизме. [...] Стоит человечеству переступить опасный порог, и рассуждения о гуманизме потеряют всякий смысл. Не будем тестить себя иллюзиями, что может быть иначе. Подлинный гуманизм неделим.

Нам могут возразить: речь идет вообще о сохранении жизни на планете, и, следовательно, надо видеть гуманизм хотя бы в этом. Да, жизнь достойна защиты в силу своей уникальности во Вселенной. Но опять-таки чья жизнь?

Наслышанные о “ядерной зиме” А. Адамовича и авторы письма не могут, естественно, не знать также о тех на Западе, кто всерьез надеется “перезимовать” эту “зиму” и поэтому озабочен не проблемой предотвращения катаклизма, а строительством фешенебельных убежищ. “Я не нажал бы” А. Адамовича, хочет того писатель или нет, объективно отвечает интересам этих господ. Если уж быть до конца откровенными, в данном случае нужно вести речь даже не столько об абстрактном гуманизме, сколько о самом настоящем космополитизме.

Далее, мы не ставим под сомнение ни факт наличия в нашей стране поклонников творчества М. Шагала, ни их право оказывать знаки внимания своему кумиру. Для нас, как и многих советских граждан, неприемлемо другое — не свойственная культурной жизни нашей страны рекламная шумиха вокруг имени Шагала, развернутая некоторыми его почитателями, произвольное жонглирование оценками творчества художника.

Подлинные интересы группы писателей обнаружили в том, что они недовольны правдой о Шагале в статье “Украденный фонарь гласности”. Неудобно это говорить, но в письме они воспользовались ложью — заявили, будто “Бегун видит в Марке Шагале сиониста”, “отождествляет два совершенно разных понятия — национальное и политическое”, то есть считает каждого еврея сионистом. Помилуйте, ведь в статье ничего подобного нет и в помине! [...]

В письме группы литераторов выяснилось и другое. Оказывается, о художнике Шагале нельзя сказать правду. Тот, кто дерзнет упомянуть хотя бы один негативный факт, немедленно попадает в осаду. Вот и авторы письма издевательски заявляют, будто Бегун “обожает цветную фотографию, и ему претит “странный” Шagal”. Так и хочется спросить: а вам, уважаемые, не претит изображенный Шагалом вождь нашей революции, стоящий в присутствии осла на одной руке вверх ногами?»

Публикация ў кн. «На крыжах» адрозніваецца ад першапублікацыі ў газ. «Советская культура» — ніжэй прыводзяцца найбольш істотныя разыходжанні:

Стар. 264. *Но неужто для того из десяти миллионов жителей республики отыскался один А. Адамович, не маловато ли? Наверное, маловато, и они ищут.* — Адсутнічае ў «Советской культуре».

Стар. 264. ...некоторыми заимствованиями у другого, еще более известного теоретика тридцатых годов. — У «Советской культуре»: «некоторыми заимствованиями у известного германского “теоретика” тридцатых годов».

Стар. 264–265. К юбилею художника в республике не было напечатано ни одной статьи, зато после, вдогонку, был выпущен оглушительный залп все тех же и некоторых других авторов, в котором трудно сказать, чего больше — дремучего невежества в вопросах культуры или сыскного усердия людей, поставивших себе целью дискредитировать этого художника, который своим творчеством снискал себе мировую славу, но имел несчастье родиться в Белоруссии. — Адсутнічае ў «Советской культуре».

Стар. 265. Вот это перестройка — с помощью топора и ножовки, «ученое» обоснование которым столь убедительно дано в выступлениях и трудах уважаемых оппонентов. — Адсутнічае ў «Советской культуре».

Стар. 266. В свете некоторых последних событий становится, однако, понятно, почему их философия не в состоянии защитить себя «без милиции». Наверное, этим же объясняется и их излюбленная манера обращаться к правосудию. Но в таком тонком деле, как мораль и философия, правоохранительные органы — тоже ненадежная опора. — Адсутнічае ў «Советской культуре».

* * *

Стар. 262. Наверное, многим еще памятен последний визит в нашу страну премьер-министра Великобритании госпожи Маргарет Тэтчер... — Тэтчер Маргарэт (1925–2013) — англійскі дзяржаўны дзеяч, прэм’ер-міністр Вялікабрытаніі (1979–1990). За жорсткую крытыку савецкага кіраўніцтва атрымала мянушку «жалезная лэдзі». М. Тэтчэр наведала СССР у 1985 г.

Стар. 264. А. Вознесенский... — Вазнясенскі Андрэй (1933–2010) — расійскі паэт.

Стар. 265. ...в его родном Лиозно... — Шэрагам даследчыкаў месцам нараджэння М. Шагала называюцца не Пескавацікі, яўрэйская ўскраіна Віцебска, а мястэчка Лёзна ў Віцебскай вобласці, адкуль Шагал ва ўзросце аднаго году быў перавезены бацькамі ў Віцебск.

Стар. 265. ...расписал синагогу в Иерусалиме. — М. Шагал распісаў 12 вокнаў у сінагозе медыцынскага цэнтра Хадаса ў Эйн-Карэме ў Ерусаліме.

Стар. 265. О том же, что его руками расписана знаменитая Гранд-опера в Париже, а его витражами украшен Реймский собор во Франции и здание ООН в Нью-Йорке... — У 1963 г. М. Шагал распісаў плафон Гранд-опера — тэатра ў Парыжы, аднаго з найвядомейшых у свеце тэатраў оперы і балета. У 1964 г. Шагал падараваў вітражнае

пано Арганізацыі Аб'яднаных Нацый у Нью-Ёрку, у 1974-м распісаў вітражы славутага Рэймскага сабора ва французскім гарадку Рэймсе.

[Ответ на вопрос газеты «Московские новости»] (стар. 266)

Друкуецца паводле газ. «Московские новости», 1987, 27 снеж., дзе ўпершыню апублікавана.

Датуецца часам першай публікацыі.

Надрукавана ў якасці адказа на пытанне газ. «Московские новости»: «С какими планами вступаете в новый год?»

1988

Вопросы, ждущие ответа (стар. 268)

Друкуецца паводле кн. «На крыжах», дзе апублікавана пад назвай «Газета “Советская Белоруссия”». Упершыню — газ. «Советская Белоруссия», 1988, 9 студз. пад назвай «Вопросы, ждущие ответа». Апублікавана таксама ў зб.: Пытанні, якія чакаюць адказу // Сучаснік—88: нарысы, публіцыстыка / уклад. В. Супрунчук; рэдкал. Л. Левановіч (гал. рэд.) і інш. Мінск, 1988.

Датуецца часам першай публікацыі (у кн. «На крыжах» памылкова ўказаны сакавік 1988 г.).

Стар. 268. *Считая себя некоторым образом причастным к малопопеченной у нас категории «доморощенных реабилитаторов», о которых снисходительно упоминается в недавней статье Валентина Пепеляева («Советская Белоруссия» № 296 за прошлый год)...* — Размова ідзе пра артыкул: Пепеляев В. Память добрая и злая // Советская Белоруссия, 1987, 29 снеж., у якім пісалася, у прыватнасці: «И именно поэтому в один ряд с Дмитрием Жилуновичем, Максимом Горецким, Михасем Чаротом, Владиславом Голубком, Язэпом Дылой, Брониславом Тарашкевичем, Павлом Волошиным и многим другими, действительно внесшими значительный вклад в становление и развитие Советской Белоруссии, у него [размова ідзе пра выступленне паэта А. Сыса. — Уклад.] встали Вацлав Ластовский, Степан Некрашевич, Язэп Лесик, Александр Цвикиевич, которые были политическими противниками большевиков, боролись за отделение Белоруссии от Советской России, возлагали надежды на Польшу и Германию для осуществления своих планов.

Объективности ради, как, впрочем, и для того, чтобы хоть каким-то образом развенчать в глазах нашей молодежи насильственно навязываемых ей “кумиров”, пройдемся по персоналиям некоторых “жертв”, о чьих трагических судьбах, кстати, льются нескончаемые крокодиловы слезы со страниц реакционной эмигрантской печати, о

ком бесконечно печалются неразборчивые доморощенные реабилитаторы довольно высоких рангов и званий».

Стар. 269–270. *Все попытки что-то объяснить из драматических событий тридцатых годов авторы двух публикаций в «Советской Белоруссии» А. Майсеня и В. Пепеляев, по существу, сводят к доказательству того, что многие руководители, культурные и научные деятели республики были репрессированы вполне обоснованно, что веских причин для пересмотра их дел не имеется.* — Маецца на ўвазе артыкул: Майсеня А. Мера памяти // Советская Белоруссия, 1987, 17–18 лістап., а таксама вышэй названая публікацыя В. Пепеляева, у якой адмаўлялася ў рэабілітацыі шэрагу нацыянальных дзеячаў: «Выделяя в особую группу В. Ластовского, С. Некрашевича, Я. Лесика и А. Цвикевича, напомним прежде всего, что о каких бы “научных заслугах” и “активной общественной деятельности” ни велась речь, для них не может быть идейно-политической реабилитации».

Стар. 270. *И мы узнаем, что Бухарин, Рыков, Рудзутак, Раскольников и другие вовсе не «враги народа»...* — Бухарын Мікалай (1888–1938) — савецкі палітычны дзеяч; член ЦК ВКП(б) (1917–1934), член Палітбюро ЦК ВКП(б) (1924–1929); у 1928 г. выступіў супраць выкарыстання надзвычайных мер падчас правядзення калектывізацыі і індустрыялізацыі, што было абвешчана «правым укланом» у ВКП(б). Расстраляны. Рэабілітаваны ў 1988 г. Рыкаў Аляксей (1881–1938) — савецкі палітычны і дзяржаўны дзеяч; старшыня Савета народных камісараў СССР (1924–1930) і адначасова старшыня СНК РСФСР (1924–1929); член Палітбюро ЦК ВКП(б) (1922–1930). У 1928–1929 гг. выступаў супраць звёрстання НЭПа, фарсіравання індустрыялізацыі і калектывізацыі, што было абвешчана «правым укланом» у ВКП(б). У 1930 г. зняты з пасады старшыні СНК СССР і выведзены са складу Палітбюро. У 1937 г. выключаны з партыі і арыштаваны. Расстраляны. Рэабілітаваны і ўзноўлены ў КПСС у 1988 г. Рудзутак Ян (1887–1938) — савецкі партыйны, дзяржаўны і прафсаюзны дзеяч латвійскага паходжання; член ЦК ВКП(б) (1920–1937), член Палітбюро ЦК ВКП(б) (1926–1932). У 1937 г. арыштаваны па абвінавачанні ў тым, што ўзначальваў антысавецкую нацыяналістычную латышскую арганізацыю, займаўся шкодніцтвам і быў шпіёнам замежных разведак. Расстраляны. Рэабілітаваны і ўзноўлены ў КПСС у 1955 г. Раскольнікаў Фёдар (сапр. Лын; 1892–1939) — савецкі ваенны і дзяржаўны дзеяч, дыпламат. Даведаўшыся пра сваё зняцце з пасады паўнамоцнага прадстаўніка СССР у Балгарыі, застаўся за мяжой і выступіў у эмігранцкай газеце з пратэстным лістом «Як мяне зрабілі “ворагам народа”». Вярхоўным судом СССР быў абвешчаны па-за законам, што азначала расстрэл. Загінуў ва Францыі пры да канца не высветленых абставінах. Рэабілітаваны ў 1963 г.

Стар. 271. *Не вдаваясь в подробности биографий всех перечисленных в статье В. Пепеляева лиц, напомним только, что, например, тот же Я. Лесик, «требовавший», как пишет автор, «национально-терри-*

ториальной автономии Белоруссии в составе Российского государства» и тем, по мнению автора статьи, совершивший непростительное преступление, на самом деле следовал популярному в то время ленинскому положению о территориальном самоопределении наций вплоть до полного отделения. Выйдя из Белорусской социал-демократической партии, Лёсик сразу же после Гражданской войны порвал с прежней деятельностью и с 1921 года работал преподавателем в вузах республики, публиковал повести и рассказы, издал «Граматыку беларускай мовы», по которой в школах и на ликбезах овладевали грамотой миллионы белорусов. В 1928 году он избирается академиком АН БССР и плодотворно работает в литературе и языковедении вплоть до ареста и расстрела в 1938 году. — Лёсик Язэп (1883–1940) — беларускі нацыянальны і палітычны дзеяч, пісьменнік, публіцыст, мовазнавец, педагог. Адзін з лідараў Беларускай сацыялістычнай грамады (БСГ). Уздзельнік Усебеларускага з'езда 1917 г. Адзін з ініцыятараў Акта незалежнасці Беларускай Народнай Рэспублікі. Пасля расколу БСГ — адзін са стваральнікаў і кіраўнікоў Беларускай сацыял-дэмакратычнай партыі. 3 мая 1918 г. — старшыня прэзідыума Рады БНР. Пасля прыходу бальшавікоў у Мінск у снежні 1918 г. абвешчаны па-за законам. Пасля заканчэння Грамадзянскай вайны застаўся ў БССР, абвясціўшы аб прызнанні прынцыпаў Савецкай улады і выйшаўшы з палітычнага жыцця, займаўся навукай, культурна-асветніцкай і літаратурнай працай. У 1922 г. абраны правадзейным членам Інстытута беларускай культуры. З 1928 г. — правадзейны член Беларускай Акадэміі навук. У 1922 г., пасля выхаду падручніка «Практычная граматыка беларускае мовы», які быў названы «контррэвалюцыйным», Я. Лёсик быў арыштаваны, але ў яго абарону выступіў нарком асветы БССР У. Ігнатоўскі. Лёсик быў адпушчаны, але зноў арыштаваны ў 1930 г. — ужо па справе «Саюза вызвалення Беларусі». Быў пазбаўлены звання акадэміка і ў 1931 г. сасланы ў Саратаўскую вобласць. У 1934 г. амніцыраваны без дазволу вяртання ў Мінск. У 1938 г. ізноў арыштаваны і праз два гады асуджаны па пяць гадоў лагераў за «контррэвалюцыйную агітацыю». Паводле афіцыйнай версіі, памёр у турме ад сухотаў. Па прысудзе 1938 г. рэабілітаваны ў 1958 г., па прысудзе 1931 г. — у 1988-м. У званні акадэміка адноўлены ў 1990 г.

Стар. 274. Газета «Московские новости» в номере за 3 января 1988 года сообщила потрясающие подробности о недавней реабилитации Верховным судом СССР группы московских девушек, осужденных в 1939 году за «контрреволюционную деятельность»... — Феофанов Ю. Дочки Арбата: мысли и чувства, навеянные рассмотрением одного протеста на пленуме Верховного суда СССР // Московские новости, 1988, 3 янв.

Стар. 275. ...Шаранговича... — Шаранговіч Пётр (1893–1938) — беларускі партыйны дзеяч; першы сакратар ЦК КПБ (сакавік–ліпень 1937). У 1937 г. арыштаваны па абвінавачанні ў здрадзе Радзіме і расстраляны. Рэабілітаваны ў 1956 г.

Стар. 275. *...Платона Головача...* — Галавач Платон (1903–1937) — беларускі пісьменнік. У 1937 г. асуджаны да вышэйшай меры пакарання як «арганізатар тэрарыстычнай групоўкі» і за «правядзенне нямецка-фашысцкай дзейнасці». Рэабілітаваны ў 1956 г.

Стар. 275. *...Міхася Зарэцкаго, Владіслава Голубка...* — Зарэцкі Міхась (сапр. Касяноў Міхаіл; 1901–1937) — беларускі пісьменнік, драматург, перакладчык. У 1937 г. асуджаны як «актыўны член нацыянал-фашысцкай тэрарыстычнай арганізацыі» да вышэйшай меры пакарання. Рэабілітаваны ў 1957 г. Галубок Уладзіслаў (сапр. Голуб; 1882–1937) — беларускі драматург, рэжысёр, акцёр; адзін з заснавальнікаў беларускага савецкага тэатра; першы народны артыст БССР (1928). У 1920 г. стварыў беларускі вандроўны тэатр, якому ў 1926 г. была афіцыйна нададзена назва Беларускі дзяржаўны вандроўны тэатр. У 1937 г. У. Галубок быў арыштаваны. Была арыштаваная і расстраляная ў поўным складзе і трупа ягонага тэатру. Далейшы лёс самога Галубка невядомы — паводле афіцыйнай версіі, ён памёр у 1942 г. ад гіпертаніі. Рэабілітаваны ў 1957 г.

[Беседа для сборника «Весть»] (стар. 275)

Друкуецца паводле зб.: *Весть: Сборник. Проза, поэзия, драматургия.* М., 1989, дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «Истоки надежды: беседа с Василем Быковым». Гутарку веў Георгій Яфрэмаў. Датуецца 14 студзеня 1988 г. — паводле пазнакі ў зб. «Весть».

Стар. 276. *...от имени инициативной группы...* — Тут жа ў зноскы пазначана: «Тогда в инициативную группу по созданию кооперативного издательства “Весть” входили: В. Быков, Л. Гутман, А. Давыдов, Г. Евграфов, Г. Ефремов, Ф. Искандер, В. Каверин, И. Калугин, Л. Либединская, Э. Межелайтис, Б. Окуджав, Д. Самойлов, Д. Сухарев, Ю. Черниченко».

Стар. 276–277. *«Дети Арбата» Анатолия Рыбакова* — «Дзеці Арбата» — раман расійскага пісьменніка Анатоля Рыбакова (1911–1998), адзін з першых твораў пра лёсы маладога пакалення ў 1930-я гг., у якім аўтар, імкнучыся зразумець феномен Сталіна і сталінізма, раскрываў механізм таталітарнай улады.

Стар. 277. *Я просто не понимаю, как люди, называющие себя художниками-гуманистами, могут противиться публикации поэм Твардовского и Ахматовой или же романов Дудинцева, Рыбакова, повести Приставкина, произведений Платонова, противиться возвращению Набокова...* — Мабыць, размова ідзе пра паэму «Цёркін на тым свеце», за якую А. Твардоўскі ў 1954 г. быў асуджаны асобнай пастановай сакратарыята ЦК КПСС пад старшынствам М. Хрушчова. Ахматава Ганна (1889–1966) — расійская паэтка, перакладчыца; многія яе вершы не друкаваліся нават два дзесяцігоддзі пасля смерці

паэткі. Што датычыць расійскага пісьменніка Уладзіміра Дудзінцава (1918–1998), мусіць, маецца на ўвазе ягоны раман «Белыя адзёжы» пра вучоных-біёлагаў, заснаваны на рэальным канфлікце паміж акадэмікам Т. Лысенкам, які для дасягнення асабістай улады пры дапамозе рэпрэсій укараняў псеўданавуковыя тэорыі, і навукоўцамі, прыхільнікамі «класічнай» генетыкі. Раман упершыню быў надрукаваны ў 1987 г., праз 30 гадоў пасля напісання. У гэтым сэнсе раману «Дзеці Арбата» А. Рыбакова пашанцавала болей — ён не друкаваўся 5 гадоў. Што датычыць расійскага пісьменніка Анатоля Прыстаўкіна (1931–2008), то, пэўна, маецца на ўвазе ягоная аповесць «Начавала хмарка залатая», у якой распавядаецца пра дэпартацыю ў 1944 г. чачэнцаў і інгушаў. Платонаў Андрэй (1899–1951) — расійскі пісьменнік, пры жыцці неаднаразова падвяргаўся ганенням. Яго найбольш вядомыя творы — аповесць «Катлаван» і раман «Чэвенгур» — былі надрукаваныя ўжо пасля смерці аўтара. Набокаў Уладзімір (1899–1977) — расійскі і амерыканскі пісьменнік, перакладчык, літаратуразнавец. У 1922 г. эміграваў у Берлін, пазней — ва Францыю, затым у ЗША; апошнія гады правёў у Швейцарыі.

Стар. 281. ...*Давида Самойлова*... — Самойлаў Давід (сапр. Каўфман; 1920–1990) — расійскі паэт, перакладчык. Ёсць некаторыя недакладнасці ў працытаваным вершы «Если вычеркнуть войну...» (1961) — у арыгінале: «Простота ее начал»; «Словно доблестью гражданской»; «Нас невольно отмечал»; «Как вы жили, чем вы жили?»; «Словно может нас спасти / От упреков и досады».

Не останавлівацца (стар. 293)

Друкуецца паводле кн. «Крыжовы шлях». Упершыню — газ. «Известия», 1988, 10 сак. пад назвай «Василь Быков: Важно не останавлівацца» ў рубрыцы «Точка зрэння». Гутарку вёў Мікалай Матукоўскі.

Датуецца часам першай публікацыі.

Стар. 294. *бывший нарком Б. Л. Ванников* — Ваннікаў Барыс (1897–1962) — савецкі дзяржаўны і ваенны дзеяч; адзін з галоўных удзельнікаў атамнай праграмы; у 1939–1941 гг. — народны камісар узбраення СССР; тройчы Герой Сацыялістычнай Працы (1942, 1949, 1954). У чэрвені 1941 г. быў арыштаваны, але неўзабаве, у сувязі з пачаткам вайны, вызвалены паводле асабістага распараджэння І. Сталіна. У 1942–1946 гг. — народны камісар боепрыпасаў СССР.

Стар. 294. *Н. Хрущев сделал огромное дело, разоблачив преступления Сталина и его приспешников.* — Хрушчоў Мікіта (1894–1971) — савецкі палітычны і дзяржаўны дзеяч, першы сакратар ЦК КПСС (1953–1964), старшыня Савета міністраў СССР (1958–1964). Ініцыятар развянчання культуры асобы І. Сталіна.

Стар. 294–295. *Так, сын Лысенко утверждает, например, что академик Вавилов оклеветал себя сам, а лысенковщина как наука давно доказала свое преимущество над вавиловской генетикой.* — Лысенка Трафім (1898–1976) — расійскі аграном, біелаг; заснавальнік псеўданавуковага напрамку ў біялогіі — мічурынскай аграбіялогіі; дырэктар Інстытута генетыкі АН СССР (1940–1965); акадэмік АН СССР (1939), акадэмік Усесаюзнай акадэміі сельскагаспадарчых навук (1935); Герой Сацыялістычнай Працы (1945); тройчы лаўрэат Сталінскай прэміі (1941, 1943, 1949). З імем Т. Лысенкі звязаная кампанія ганенняў супраць вучоных-генетыкаў і ягоных апанентаў, якія не прызнавалі «мічурынскую генетыку». Што датычыць М. Вавілава, то ён сапраўды даваў паказанні супраць самога сябе (у прыватнасці, пацвярджаў, што займаўся шкодніцтвам па заданні былога наркома земляробства СССР Я. Якаўлева, які незадоўга перад тым быў арыштаваны і расстраляны), аднак рабіў гэта з прычыны катаванняў, якім падвяргаўся сістэматычна на працягу амаль года. На думку даледчыкаў, дачыненне Т. Лысенкі (які адмаўляў генетыку, але якога, між іншым, М. Вавілаў падтрымаў на пачатку ягонай кар’еры) да гібелі Вавілава і ягоных саратнікаў бяспрэчнае.

Стар. 298. *Давно замечено, что писателей любят уже «ушедших». Судьбы Есенина, Булгакова, Пастернака, Цветаевой, Гумилева, Ахматовой, многих мастеров национальных культур, разве не свидетельствуют об этом?* — Булгакаў Міхаіл (1891–1940) — расійскі пісьменнік украінскага паходжання (нарадзіўся ў Кіеве). У Булгакава праводзіўся вобыск, ягоныя творы былі канфіскаваныя і не друкаваліся, п’есы забараняліся для пастаноўкі ў тэатрах, а самыя вядомыя творы, якія прынеслі Булгакаву сусветную вядомасць, — раманы «Майстар і Маргарыта» — былі надрукаваны ўжо пасля смерці аўтара, у 1966 г. Пастарнак Барыс (1890–1960) — расійскі паэт, празаік, перакладчык; лаўрэат Нобелеўскай прэміі (1958), ад якой вымушаны быў адмовіцца ў выніку шырокамашабнай кампаніі цікавання, што ўсчалася пасля выхаду на Захадзе рамана «Доктар Жывага» і прысуджэння Нобелеўскай прэміі (прэзідыум ЦК КПСС нават прыняў асобную пастанову «Пра паклёпніцкі раман Б. Пастарнака»). Б. Пастарнак быў выключаны з СП СССР; калегі-літаратары патрабавалі пазбавіць яго савецкага грамадзянства і выслать з Савецкага Саюза. Цвятаева Марына (1892–1941) — расійская паэтка, празаік, перакладчыца. Знаходзячыся ў эміграцыі (1922–1939), пэўны час жыла разам з сям’ёй практычна ў жабрацтве. Апошні прыжыццёвы зборнік паэзіі М. Цвятаевай выйшаў у 1928 г. Пасля вяртання ў СССР былі арыштаваныя яе муж Сяргей Эфрон (расстраляны ў 1941 г.) і дачка Арыядна (у 1955 г. была рэабілітаваная — пасля 15 гадоў зняволення і ссылак). Эвакуірываўшыся разам з сынам Георгіем у Елабугу (Татарстан), М. Цвятаева скончыла жыццё самагубствам. Гумілёў Мікалай (1886–1921) — расійскі паэт, празаік, перакладчык; стваральнік школы акмеізма. Быў арыштаваны па падазрэнні ва ўдзе

ў змове «Петраградскай баявой арганізацыі У. М. Таганцава» і расстраляны. Гэта адна з першых спраў у СССР, калі масаваму расстрэлу былі падвергнуты прадстаўнікі навуковай і творчай інтэлігенцыі. У 1992 г. справа «Петраградскай баявой арганізацыі» была прызнаная сфабрыкаванай, усе асуджаныя рэабілітаваны. Ахматава Ганна (1889–1966) — расійская паэтка, перакладчыца. Два яе мужа былі рэпрэсаваныя: паэт Мікалай Гумілёў расстраляны (ужо пасля іх развода); трэці муж Ахматавай Мікалай Пунін быў тройчы арыштаваны; загінуў у лагеры. Сын Леў Гумілёў правёў у зняволенні больш за дзесяць гадоў. Творы Ахматавай падвяргаліся цензуре, а сама паэтка цкаванню — у выніку пастановы аргбюро ЦК ВКП(б) «Пра часопісы “Звязда” і “Ленінград”» 1946 г. Ахматава была выключана з СП СССР. Многія вершы Ахматавай не друкаваліся не толькі пры яе жыцці, але і доўгі час пасля яе смерці. Пастанова аргбюро ЦК ВКП(б) была прызнана памылковай і адменена толькі ў 1988 г.

[Беседа с Иваном Афанасьевым] (стар. 298)

Друкуецца паводле электроннага носьбіта з архіва І. Афанасьева. Упершыню: Великая Отечественная война в судьбе литературы и культуры: исторический опыт как мировоззренческий и моральный выбор / ред.-сост. И. Н. Афанасьев. Мозырь, 2011. Друкавалася таксама: Афанасьев И. Василь Быков: И был фронт, и была война, и был плен... // Вопросы литературы, 2012, № 6. Гутарку веў Іван Афанасьеў.

Датуецца 13 мая 1988 г.

Гісторыя з’яўлення гутаркі вядомая з аповеда І. Афанасьева: «Беседа с Василем Владимировичем Быковым состоялась 13 мая 1988 года в минском Доме литератора. [...] В то время под научным руководством Алеся (Александра Михайловича) Адамовича — большого друга и самого глубокого знатока творчества писателя — я завершал работу над кандидатской диссертацией на тему “Антивоенная направленность творчества Василя Быкова” и, по рекомендации Александра Михайловича, представлял Василю Владимировичу основные выводы исследования. [...]

Василь Владимирович очень внимательно, терпеливо выслушал мой доклад, ободрил поддержкой и согласился ответить на вопросы, которые, как и направление всей беседы, лежали в русле диссертационного исследования. По обыкновению, размышления Василя Владимировича приобрели фундаментальный характер, который с течением времени все более очевиден и, думается, остро востребован нашей современностью»¹.

¹ Афанасьев И. Предыстория / Афанасьев И. Василь Быков: И был фронт, и была война, и был плен... // Вопросы литературы, 2012, № 6. С. 83, 84

Стар. 298. ...в своем докладе «Наша сила и воля»... — Выступленне на навуковай канферэнцыі па праблемах «ваеннай» прозы, якая была арганізавана Інстытутам літаратуры імя Я. Купалы АН БССР разам з СП БССР у красавіку 1983 г. (гл. вышэй).

Стар. 300. *А как вы тогда относитесь к утверждению П. М. Топера по поводу «Третьей ракеты»? О сцене, где герой произносит свой антивоенный монолог про обожженного немецкого танкиста, он говорит, что в этом есть что-то... даже не совсем правильное...* — Расійскі літаратуразнавец Павел Топер (нар. у 1923), аналізуючы гэты эпізод з «Трэцяй ракеты», пісаў аб «фальшы в смятении героя перед самим фактом войны, в перечислении, через запятое, всех, кто “гибнет”, своих и чужих, фальши — в истерическом отчаянии перед войной как таковой, охватившем героя в разгаре боя». «Это было важное и необходимое “усложнение” задачи, — заключаў П. Топер, — но результат не получился органичным»¹.

Стар. 300. ...В. И. Вернадского. — Вярнадскі Уладзімір (1863–1945) — расійскі і ўкраінскі вучоны, мысляр, грамадскі дзеяч; акадэмік Імператарскай Санкт-Пецярбургскай акадэміі навук (1908; з 1917 г. — Расійская Акадэмія навук; з 1925 г. — Акадэмія навук СССР); адзін з заснавальнікаў і першы прэзідэнт Украінскай Акадэміі навук (1918–1921).

Стар. 301. *Паулюс* — Паўлюс Фрыдрых (1890–1957) — нямецкі военачальнік; камандуючы 6-й арміяй, якая была акружана савецкімі войскамі і капітулявала пад Сталінградам (1943); адзін з аўтараў плана Барбароса — плана нападу Германіі на СССР.

Стар. 304. *Как известно, лейтенант Шмидт пошел руководить восстанием, с решением о начале которого он не был согласен. А потом он пошел и под расстрел.* — Шміт Пётр (1867–1906) — рэвалюцыйны дзеяч; адзін з кіраўнікоў Севастопальскага паўстання 1905 г.

Стар. 307. ...речицкого художника Исачева. — Ісачоў Аляксандр (1955–1987) — беларускі мастак, які памёр ва ўзросце 32 гадоў ад сардэчнага прыступу.

Стар. 308. *Сходная судьба постигла когда-то поэта Надсона. Потом — актера и барда Высоцкого.* — Надсан Сямён (1862–1887) — рускі паэт; памёр ва ўзросце 24 гадоў. Творчасць С. Надсана набыла яшчэ большую вядомасць пасля яго смерці: калі першая і адзіная кніга перавыдавалася пры жыцці паэта 5 разоў, то пасля смерці — 29, і калі наклад першага выдання быў 600 асобнікаў, то апошняе выданне выйшла 10-тысячным накладам. Высоцкі Уладзімір (1938–1980) — расійскі паэт, бард, акцёр тэатра і кіно; памёр ва ўзросце 42 гадоў. Першая паэтычнай кніга У. Высоцкага выйшла 25-тысячным накладам ужо пасля яго смерці (1981); неўзабаве была канчаткова знятая і забарона на публікацыю ягоных твораў.

¹ Топер П. Ради жизни на земле. М., 1985. С. 479.

Стар. 308. *Такая история получилась с панфиловцами.* — Панфілаўцы — вайскоўцы 316-й стралковай дывізіі пад камандаваннем генерал-маёра Івана Панфілава, што ўдзельнічалі ў 1941 г. у абароне Масквы ад нямецкіх захопнікаў. Паводле шырока распаўсюджанай у СССР версіі, калі пачаўся чарговы наступ немцаў на Маскву, байцы 4-й роты на чале з камісарам Васіліем Клачковым здзейснілі подзвіг, знішчыўшы ў ходзе 4-гадзіннага бою 18 варожых танкаў. Усе 28 байцоў загінулі і былі названы героямі. Фраза, якую казаў перад смерцю камісар Клачкоў: «Вялікая Расія, а адступаць няма куды — за намi Масква», увайшла ў школьныя падручнікі. Толькі з цягам часу высветлілася, што некаторыя з 28 герояў-панфілаўцаў загінулі раней, іншыя — пазней; некаторыя былі параненыя, але засталіся ў жывых; былі і тыя, хто патрапіў у палон, а адзін супрацоўнічаў з немцамі, за што пазней быў асуджаны.

Стар. 309. *Когда-то, много лет тому назад, я разговаривал об одной диссертации Василя Бурана...* — Буран Васіль (1924–200?) — беларускі крытык, літаратуразнавец; пісаў на беларускай і ўкраінскай мовах. В. Буран быў адным з нямногіх літаратурных крытыкаў, хто ў 1966 г., у самы разгар кампаніі шальмавання аповесці «Мёртвым не баліць» і яе аўтара, выступіў са станоўчай, з некаторымі агаворкамі, ацэнкай гэтага твора¹. Аднак, абараняючы ў 1968 г. кандыдацкую дысэртацыю па тэме «Творчасць Васіля Быкава: станаўленне мастацкай індыўідуальнасці пісьменніка», быў вымушаны даць негатыўны водгук на аповесць. Быкаў прыгавдаў: «У Горадню зь Менску прыехаў Васіль Буран, які рыхтаваў да абароны кандыдацкую дысэртацыю па творчасці Быкава. Дысэртацыю не прымалі, бо там даваліся ня тыя ацэнкі некаторым момантам маёй творчасці. Васіль біўся над ёй колькі месяцаў, і ўсё марна. Я сказаў яму: “Напішы ты, што ім патрэбна”. Але Васіль, які аказаўся слаўным украінскім хлопцам, маім аднагодкам, упарціўся. Дык мы разам сядзелі вечар, і я памагаў яму рабіць фармулёўкі ўласных творчых хібаў. Здаецца, тое памагло, дысэртацыю прынялі»².

[Выступленне на пленуме СП БССР (май 1988 г.)] (стар. 310)

Друкуецца паводле стэнаграмы выступлення В. Быкава на пленуме праўлення СП БССР па тэме «Гісторыя народа і літаратура». Упершыню ў скарачэнні і пад назвай «Выступленне Васіля Быкава» — у газ. «Літ. і мастацтва», 1988, 3 чэрв.

Можа быць датавана не пазней 19 мая 1988 г. — дня выступлення В. Быкава на пленуме.

¹ Гл.: Буран В. Воюющий гуманизм // Неман, 1966, № 12.

² Гэтае выданне, т. 8, с. 208.

Стэнаграма выступлення захоўваецца ў БДАМЛМ (ф. 78, воп. 1, адз. зах. 578, арк. 73–84). Ніжэй падаюцца істотныя разыходжанні паміж стэнаграмай і публікацыяй у газ. «Літ. і мастацтва». Так, пачатак выступлення скарачаны як падчас першай публікацыі, так і ў гэтым выданні: «Дарагія таварышы! Я думаю, вы са мной пагодзіцеся, што мы праслухалі цікавыя, грунтоўныя даклады, якія даюць магчымасць пагаварыць пра вялікія справы» (выступленню Быкава папярэднічалі прамовы М. Танка, А. Мальдзіса і М. Мушынскага). У публікацыі ў «Літ. і мастацтве» таксама адсутнічаюць наступныя фрагменты:

«Насуперак думцы многіх, я зусім не з'яўляюся бяздумным апагетама мастацкай манеры Марка Шагала... [...] І наадварот: усякая рэгламентацыя, нацыянальная ці іншая нецярпімасць, ідэйная абмежаванасць у культуры заўжды даюць непажаданыя, калі не цалкам негатыўныя, вынікі» (арк. 77–78).

«І хай не ліцамераць тыя паборнікі “высокай мастацкасці”, якія быццам бы недабіраюць яе ў “Дзесях Арбата” ці “Белых адзёжах” і іншых творах» (арк. 79).

«І вось “Талака” арганізавала мітынг у абарону таго, што яшчэ ў нас засталася... [...] Сабор жа можна і парушыць — ці мала іх пабурылі на нашай зямлі» (арк. 81).

«Дагэтуль грамадства рэспублікі ганебна-моўчкі перажывае драматычную гісторыю з кнігай Алега Бембеля. [...] А здарылася яна ў наш час дэмакратызацыі і перабудовы...» (арк. 82).

* * *

Стар. 310. ...*Брэжнева*... — Брэжнеў Леанід (1906–1982) — савецкі партыйны і дзяржаўны дзеяч; з 1964 г. — першы сакратар ЦК КПСС (з 1966 г. — Генеральны сакратар).

Стар. 311. «*Народ безмолвствует*»... — заключныя словы апошняй сцэны трагедыі «Барыс Гадуноў» А. Пушкіна.

Стар. 311. *Мао Цзэдун* (1893–1976) — кітайскі палітычны і дзяржаўны дзеяч, з 1943 г. — старшыня Кампартыі Кітая; у 1954–1959 гг. — старшыня КНР. Правёў некалькі гучных кампаній, самыя вядомыя сярод якіх «Вялікі скачок» і «Культурная рэвалюцыя» (1966–1976), што ўнеслі жыцці мільёнаў людзей.

Стар. 311. ...*наш паважаны віцэ-прэзідэнт Акадэміі навук БССР і старшыня Вярхоўнага Савета рэспублікі*... — Размова ідзе пра Івана Навуменку (1925–2007), беларускага пісьменніка; народнага пісьменніка Беларусі (1995); віцэ-прэзідэнта АН БССР (з 1982), старшыню ВС БССР (1985–1990).

Стар. 312. ...*проза Б. Мікуліча, А. Мрыя*... — Мікуліч Барыс (1912–1954) — беларускі пісьменнік. У 1936 г. быў арыштаваны і асуджаны як «член контррэвалюцыйнай нацыянал-фашысцкай арганізацыі» і «за антысавецкую дзейнасць». Пакаранне адбываў у Сібіры. Пасля

вызвалення ў 1946 г. без дазволу ўладаў вярнуўся ў Беларусь. У 1947 г. судзімасць з Б. Мікуліча была знятая. У 1949 г. паўторна арыштаваны і сасланы на вечнае пасяленне ў Сібір, дзе і памёр. Рэабілітаваны ў 1954 г. Мрый Андрэй (сапр. Шашалевіч; 1893–1943) — беларускі пісьменнік. У 1934 г. быў арыштаваны і асуджаны на 5 гадоў зняволення. У 1940 г. зноў арыштаваны «за ўдзел у антысавецкай арганізацыі». Асуджаны на 5 гадоў. У 1943 г. быў прызнаны медыцынскай камісіяй інвалідам і адпраўлены паміраць дамоў. Памёр у Мурманскай вобласці (паводле некаторых звестак, забіты рэцыдывістамі ў цягніку).

Стар. 312. ...*А. Бачылы...* — Бачыла Алесь (Аляксандр; 1918–1983) — беларускі паэт, перакладчык.

Стар. 312. ...*С. Грахоўскага...* — Грахоўскі Сяргей (1913–2002) — беларускі паэт, празаік, перакладчык. У 1937 г. быў арыштаваны і асуджаны на 10 гадоў як «член контррэвалюцыйнай нацыянал-фашысцкай арганізацыі» і «за антысавецкую дзейнасць». У 1947 г. судзімасць была знятая. У 1949 г. зноў арыштаваны і асуджаны на пасяленне ў Сібіры. Цалкам рэабілітаваны ў 1955 г.

Стар. 312. ...*знакамітая сатыра Ведзьмака Лысагорскага...* — «Сказ пра Лысую гару» (1988) Францішка Ведзьмака-Лысагорскага. У 2003 г. Ніл Гілевіч публічна абвясціў, што менавіта ён з'яўляецца аўтарам «Сказа пра Лысую гару», але паэт Мікола Аўрамчык (Мікалай; 1920–2017) запярэчыў, што з'яўляецца сааўтарам, што, аднак, не перашкодзіла Гілевічу перавыдаць «Сказ пра Лысую гару» пад адным імем: Гілевіч Н. Сказ пра Лысую гару: у апош. аўт. рэд. Мінск, 2003.

Стар. 312. ...*Сахару.* — Сахара — найбуйнейшая гарачая пустыня ў свеце, размешчаная на поўначы Афрыканскага кантынента.

Стар. 312. *Калі літаратурай па сутнасці кіравалі, вызначаючы, у які бок ёй развівацца, не праўленне Саюза пісьменнікаў, не Танк і не Гілевіч...* — Танк Максім (сапр. Скурко Яўген; 1912–1995) — беларускі паэт, грамадскі дзеяч; народны паэт БССР (1968); у 1967–1990 гг. — старшыня праўлення СП БССР. Ніл Гілевіч, будучы ў 1980–1989 гг. першым сакратаром праўлення СП, з'яўляўся, па сутнасці, «правай рукой» М. Танка.

Стар. 315. ...*выслана на Салаўкі, у Комі і Казахстан...* — Салавецкія астравы, Рэспубліка Комі, Казахстан — тут падчас сталінскіх рэпрэсій былі створаны шматлікія лагеры, якія сталі часткай ГУЛАГа (Галоўнага ўпраўлення папраўча-працоўных лагераў, якое здзяйсняла кіраўніцтва месцамі заключэння і ўтрымання ў СССР у 1930–1960-я гг.). Апроч таго, у Казахстан ужо ў 1940-я гг. масава дэпартавалі цэлыя народы: немцаў, калмыкаў, чачэнцаў, карачаяўцаў, балкарцаў, крымскіх татарцаў, балгараў, курдаў і інш.

Стар. 315. ...*пра былога старшыню СНК БССР Кавалёва (дарэчы, рэабілітаванага яшчэ з ласкі Берыі ў 1946 годзе)...* — Кавалёў Апанас (1908–1993) — беларускі палітычны і дзяржаўны дзеяч, старшыня Савета народных камісараў БССР (1937–1938). У 1939 г. быў арышта-

ваны як «член контррэвалюцыйнай арганізацыі» і сасланы ў Омскую вобласць. Вызвалены ў 1942 г. Рэабілітаваны ў 1943 г.

Стар. 315. *...акадэміка Жабрака...* — Жабрак Антон (1901–1965) — беларускі генетык, селекцыянер, грамадскі дзеяч; прэзідэнт АН БССР (1947). Публічна выступіў супраць манапалізму Т. Лысенкі ў біялогіі, у выніку чаго быў адхілены ад пасады прэзідэнта АН БССР і фактычна пазбаўлены магчымасці пэўны час працягваць даследчыцкую працу.

Стар. 315. *...старыя яжоўска-берыеўскія паклёпы...* — Яжоў Мікалай (1895–1940) — савецкі партыйны і дзяржаўны дзеяч; з 1937 г. — генеральны камісар дзяржбяспекі; народны камісар унутраных спраў ССРСР (1936–1938); народны камісар воднага транспарту (1938–1939). Адзін з найбліжэйшых паплечнікаў І. Сталіна па арганізацыі масавых рэпрэсій. У 1939 г. быў арыштаваны і праз год расстраляны па абвінавачанні ў падрыхтоўцы дзяржаўнага перавароту. Берыя Лаўрэнцій (1899–1953) — савецкі партыйны і дзяржаўны дзеяч, кіраўнік МУС–МДБ ССРСР (1938–1945); з 1941 г. — намеснік старшыні Савета народных камісараў (пазней — Савета міністраў ССРСР). Адзін з найбліжэйшых паплечнікаў І. Сталіна па арганізацыі масавых рэпрэсій. Расстраляны па абвінавачанні ў супрацоўніцтве з шэрагам замежных разведкак.

Стар. 315. *...адыёзным артыкулам ленінградскай хімічкі...* — Маецца на ўвазе артыкул «Не магу адступіцца ад прынцыпаў» Ніны Андрэвай (нар. у 1938), выкладчыцы кафедры фізічнай хіміі Ленінградскага тэхналагічнага інстытута, лідара незарэгістраванай Усесаюзнай камуністычнай партыі бальшавікоў. Артыкул быў надрукаваны ў газ. «Советская Россия» (1988, 13 сакавіка) і стаў, па сутнасці, маніфестам антыперабудовачных сіл.

Стар. 315. *...«Талакі»...* — «Талака» — незалежніца арганізацыя моладзі, гісторыка-культурнае аб'яднанне, якое існавала ў 1985–1990 гг. Займалася ўдзелам у рэстаўрацыйных работах і археалагічных раскопках, аховай помнікаў гісторыі і архітэктуры, змаганнем за стварэнне беларускіх класаў і школаў, правядзеннем экалагічных экспедыцый, культурна-асветніцкай дзейнасцю, адраджэннем народных святаў (у тым ліку Купалля, Калядаў і Гукання вясны).

Стар. 316. *...У. Дамашэвіча...* — Дамашэвіч Уладзімір (1928–2014) — беларускі пісьменнік; у 1957–1967 гг. працаваў у рэдакцыі мастацкай літаратуры Дзяржаўнага выдавецтва БССР. Быў рэдактарам першых кніг Быкава «Жураўліны крык» (1960) і «Трэцяя ракета. Здрада» (1962).

Стар. 316. *Дагэтуль грамадства рэспублікі ганебна-моўчкі перажывае драматычную гісторыю з кнігай Алега Бембеля. Грунтоўная сацыялагічная праца гэтага вучонага, якую гораца ўхваліў прадмовавай незабыўны і сумленны Ул. Караткевіч, стала прычынай зальнення аўтара з пасады, выключэння з партыі.* — Бембель Алэг (нар. у 1939) — беларускі філосаф, паэт, публіцыст. Вядомы найперш як аўтар выдадзенай у Лондане працы «Роднае слова і маральна-эстэтычны прагрэс»

(1985), прывечанай моўнай сітуацыі ў БССР і рэальнаму стану беларускай мовы ў СССР. Пасля выхаду кнігі А. Бембель быў выключаны з КПСС і звольнены з Інстытута філасофіі і права. Аадзел эстэтыкі і псіхалогіі, дзе ён працаваў, быў распушчаны.

Стар. 317. *Хоць бы лёс нашага Алеся Адамовіча, гэтай светлай галавы не толькі ў беларускай, але, можа, і ў сусветнай літаратуры. У той час, як ён дзейнічаў агульнапрынятымі сродкамі літаратуры і публіцыстыкі, на яго падзейнічалі іншымі метадамі, што і прывяло да яго выезду з рэспублікі. Цяпер ён — дырэктар Усесаюзнага інстытута кінамастацтва, у той час як у нас яго не стрывалі на пасадзе аднаго са шматлікіх загадчыкаў аддзелаў Інстытута літаратуры. Тое ж самае можна сказаць і пра другога беларускага вучонага Вячаслава Сцёпіна, які год назад у Маскве стаў не толькі кіраўніком інстытута, але і быў абраны членам-карэспандэнтам АН СССР.* — Актыўнасьць А. Адамовіча па зборы інфармацыі пра наступствы аварыі на ЧАЭС і рэальную пагрозу для насельніцтва Беларусі дорага каштавала не толькі самому пісьменніку, але і тым, хто яго падтрымліваў: былі пазбаўленыя сваіх пасадаў дырэктар Інстытута ядзернай энергетыкі АН БССР Васіль Несцярэнка (1934–2008), прэзідэнт АН БССР Мікалай Барысенка (1923–2015), сакратар ЦК КПБ па ідэалогіі Аляксандр Кузьмін (1918–2003). Сам Адамовіч быў вымушаны з'ехаць у Маскву, дзе з ініцыятывы кінарэжысёра Э. Клімава стаў дырэктарам Усесаюзнага інстытута кінамастацтва. Сцёпін Вячаслаў (1934–2018) — беларускі і расійскі філосаф і арганізатар навукі. З 1981 г. быў загадчыкам кафедры філасофіі гуманітарных факультэтаў БДУ. У 1987 г. пераехаў у Маскву, дзе ўзначаліў спачатку Інстытут гісторыі прыродазнаўства і тэхнікі АН СССР (1987–1988), затым Інстытут філасофіі АН СССР (1988–2006; з 1992 г. — Інстытут філасофіі РАН); акадэмік РАН (1994); прэзідэнт Расійскага філасофскага таварыства.

Стар. 317. *...Алега Лойкі...* — Лойка Алег (1931–2008) — беларускі паэт, празаік, літаратуразнавец, педагог.

Стар. 317. *...У. Якутава...* — Якутаў Уладзімір (нар. у 1926) — беларускі пісьменнік.

Стар. 317. *...Эрнеста Ялугіна...* — Ялугін Эрнест (нар. у 1935) — беларускі пісьменнік, журналіст.

Стар. 318. *...братоў Грыцкевічаў, Гадзенчыка, Круталевіча, Пазьняка, Ткачова з Гродна.* — Грыцкевічы Анатоль (1929–2015) і Валянцін (1933–2013) — беларускія гісторыкі. Гадзенчык — тут памылка, насамрэч Галенчанка Георгій (нар. у 1937) — беларускі гісторык, кнігазнавец. Круталевіч Вадзім (1922–2006) — беларускі юрыст, гісторык, сацыёлаг. Пазьняк Зянон (нар. у 1944) — беларускі вучоны, палітычны і грамадскі дзеяч, паэт, публіцыст. У 1988 г. адкрыў і археалагічна даследаваў масавыя пахаванні людзей у Курапатах. Заснавальнік і старшыня БНФ «Адраджэньне» (1989–1999); дэпутат ВС Беларусі XII склікання (1990–1996); кіраўнік Кансерватыўна-Хрысціянскай партыі БНФ (з 1999). У 1996 г. быў вымушаны эмі-

гравець. Ткачоў Міхась (1942–1992) — беларускі гісторык, археолаг, грамадска-палітычны дзеяч.

Курапаты — дарога смерці (стар. 318)

Друкуецца паводле кн. «Крыжовы шлях». Упершыню — газ. «Літ. і мастацтва», 1988, 3 чэрв., дзе апублікавана ў якасці прадмовы без назвы да артыкула «Курапаты — дарога смерці» З. Пазьняка і Я. Шмыгалёва. Друкавалася таксама ў зб.: Сучаснік–89: нарысы, інтэрв'ю, публіцыстыка / уклад. В. Супрунчук; рэдкал.: Л. Левановіч (гал. рэд.) і інш. Мінск, 1989; пад назвай «Газета “Літаратура і мастацтва”» ў кн. «На крыжах»; у якасці ўступнага слова да артыкула «Курапаты — дарога смерці» З. Пазьняка і Я. Шмыгалёва ў зб.: Курапаты. Менск–Нью-Ёрк, 1993; пад назвай «Курапаты — дарога смерці» — у Зб. тв.: у 6 т., т. 6.

Датуецца часам першай публікацыі.

Перадгісторыя напісання артыкула вядомая з аповедаў В. Быкава і З. Пазьняка. Апошні прыгадваў: «Я пазнаёміўся з Васілём Уладзімеравічам Быкавым у траўні 1988 года. Гэта быў актыўны год у маім жыцці: Курапаты, Мартыралёг Беларусі, Народны фронт. У траўні я зрабіў першыя археалагічныя раскопкі ў Курапатах, запісаў разам з Яўгенам Шмыгалёвым¹ сьведкаў расстрэлаў і, абагуліўшы матэрыял, выклаў яго ў вялікім артыкуле “Курапаты — дарога сьмерці”, які аднёс у газету “Літаратура і мастацтва”. [...]

Матэр'ял прынялі добра, але параілі заручыцца ўступным словам Васіля Быкава, каб мець больш сілы для змаганьня. (Нагадаю, што кожны нумар “ЛіМа” праходзіў праз трайную цэнзуру — ЦК КПБ, Міністэрства культуры і Галоўліт.)

Я пазваніў Васілю Ўладзімеравічу, мы спаткаліся і пазнаёміліся. Гаварылі мала. Я коротка абмаляваў сітуацыю і выклаў сваю просьбу. Мне здалося, што Быкаў быў крыху насыцярожаны. “Апінію” ў афіцыйных колах я меў нядобрую, мяне ўважалі за нацыяналіста і антысаветчыка, з-за чаго савецкая ўлада пастаянна мяне ў чымнебудзь перасьледала. Быкаў моўчкі кідаў на мяне ўважлівыя позіркі і, відаць, хацеў зразумець, ці сур'ёзны я ёсьць чалавек, ці варта са мной займацца. Артыкул ён узяў і хутка напісаў вельмі добрую і прыхільную прадмову. Яна сыграла станоўчую ролю, выбівала ў партыйных цэнзурыстаў аргумент тыпу “да хто он такой” (гэта пра мяне), бо побач быў Быкаў². Іншым разам З. Пазьняк пісаў: «Гэта

¹ Шмыгалёў Яўген (1928–2000) — беларускі інжынер-канструктар, вядомы найперш як сааўтар, разам з З. Пазьняком, артыкула «Курапаты — дарога смерці».

² Пазьняк З. Дарагі Васіль Уладзімеравіч... // Наш Быкаў. С. 160, 161.

была бомба пад Савецкі Саюз. Агітаваць Быкава не было патрэбы. Гэта выглядала б смешна. Тут павінен быў стацца выбар»¹.

У сваю чаргу, В. Быкаў сведчыў: «Галоўным рэдактарам “ЛіМу” тады быў Анатоль Вярцінскі, ён намагаўся рабіць газету пісьменьнікаў актыўным барацьбітом за перабудову, надрукаваў шэраг смелых і глыбокіх артыкулаў пра палітыку і асабліва пра стан беларускай мовы. Адночы ён пазваніў мне і папрасіў пра адну паслугу. Рэч была ў тым, што два аўтары — Зянон Пазыняк і Леанід Шмыгалёў — прынеслі яму артыкул пра знойдзеныя пад Менскам пахаваныя ахвяраў НКВД 1930-х гадоў. Каб надрукаваць артыкул, трэба “паплавок” — кароценькая прадмова кагось з аўтарытэтных аўтараў, якога ён бачыць у асобе Быкава. Зь Зянонам Пазыняком я ня быў знаёмы, ведаў толькі, што ён піша кніжкі па краязнаўстве і ёсьць аўтарам вельмі добрага артыкулу пра мову, надрукаванага ў эстонскім часопісе “Радуга”. У той жа дзень Пазыняк пазваніў, і мы спаткаліся каля знакамітай у Менску турмы — Пішчалаўскага замку. Пазыняк выглядаў старэйшым за свае няпоўныя пяцьдзясят гадоў, быў стрыманы і ветлівы, перадаў мне рукапіс артыкулу, які я прачытаў дома і напісаў кароценькую ўрэзку. Прадбачачы, вядома, які вэрхал паднімецца пасля публікацыі.

Так яно і сталася. Але ў адрозьненне ад мінулых часоў цяпер і другі бок мог пастаяць за ўласныя прынцыпы. А прынцыпы гэтыя былі наскрозь выкрывальніцкія ў адносінах да нядаўняга чэкіскага мінулага. Публікацыю “ЛіМу” падхапілі некаторыя расейскія СМІ, польская “Газета выборча”, а затым іншыя замежныя газеты. Урад Беларусі быў змушаны неяк рэагаваць і стварыў камісію па расьледаваньні, маючы надзею неяк усё ўтаіць»².

Единственный шанс (стар. 319)

Друкуецца паводле кн. «На крыжах», дзе апублікавана пад назвай «Газета “Советская культура”». Упершыню — газ. «Советская культура», 1988, 11 чэрв. пад назвай «Единственный шанс» у раздзеле «Проблемы, суждения». Друкавалася таксама ў зб.: Говоря откровенно: заметки писателей о межнациональных отношениях / сост. Г. Иванова, В. Канунниковой. М., 1989.

Датуецца часам першай публікацыі.

Артыкул «Единственный шанс» з’яўляецца, па сутнасці, перапрацаваным перакладам на рускую мову выступлення В. Быкава на майскім пленуме СП БССР (гл. «[Выступленне на пленуме СП БССР (май 1988 г.)]»). Падчас публікацыі ў кн. «На крыжах» у артыкуле — калі параўнаць з публікацыяй у газ. «Советская культура» —

¹ Пазыняк З. Ён заўсёды быў, каб падаць руку... // Народная воля, 2003, 21 жн.

² Гэтае выданне, т. 8, с. 379–380.

быў скарочаны наступны фрагмент: «Недавно в культурной жизни нашей республики случилось ЧП, чрезвычайное происшествие: один из лучших наших поэтов, неутомимый борец за перестройку, народный поэт республики Пимен Панченко принародно распрощался с родным языком, перестал на нем писать по той причине, что древний белорусский язык теряет сферу своего употребления, становится “языком для узкого круга”. Что это, если не безмерное несчастье нации? Несчастье, свалившееся отнюдь не в последние годы, вызревшее исподволь и имеющее очень определенную первопричину, название которой — антидемократизм».

Учора і сёння (стар. 326)

Друкуецца паводле кн. «Крыжовы шлях». Друкавалася таксама ў Зб. тв.: у 6 т., т. 6. і ў кн. «На крыжах» — на рускай мове і пад назвай «Журнал “Дружба народов”, № 9».

Магчыма датаваць 1988 г.

Артыкул «Учора і сёння» з’яўляецца, па сутнасці, дапрацаваным перакладам на беларускую мову выступлення В. Быкава падчас круглага стала, арганізаванага рэдакцыяй часоп. «Дружба народов» з удзелам Сяргея Аверынцава (1937–2004), расійскага філолага, культуролога, філосафа, літаратуразнаўцы і перакладчыка, Вячаслава Усеваладавіча Іванова (1929–2017), расійскага лінгвіста, перакладчыка, семіётыка і антраполога, Ігара Дзядкова (1934–1995), расійскага літаратуразнаўцы, і Атнера Хузангая (нар. у 1948), чувашскага крытыка. Матэрыялы круглага стала былі падрыхтаваны да друку Аляксандрам Архангельскім, Наталляй Ігруновай, Аленай Сяславінай і апублікаваны пад назвай «Нация. Язык. Литература» ў часоп. «Дружба народов» (1988, № 6; у кн. «На крыжах» памылкова пазначаны № 9 і ў якасці года публікацыі — 1987).

Стар. 326. *Што адбываецца ў рэспубліцы, у адной з суверэнных рэспублік СССР, даўняга і раўнапраўнага члена ААН?* — Арганізацыя Аб’яднаных Нацый — міжнародная арганізацыя, якая была створана для падтрымання і ўмацавання міжнароднага міру і бяспекі, развіцця супрацоўніцтва паміж дзяржавамі. Статут ААН быў зацверджаны і падпісаны ў чэрвені 1945 г. прадстаўнікамі 50 дзяржаў, у тым ліку Беларускай і Украінскай ССР — рэспублікамі, якія панеслі падчас Другой сусветнай вайны найбольшыя страты. Неўзабаве да дзяржаў — заснавальнікаў ААН далучылася Польшча.

Стар. 327. *...былі створаны Інстытут беларускай культуры, а затым і першая Акадэмія навук...* — Скарочана — Інбелкульт, вышэйшая шматгаліновыя навукова-даследчая ўстанова, першая ў гісторыі Беларусі. Інстытут быў заснаваны ў 1922 г., існаваў да 1928 г., калі быў ператвораны ў Акадэмію навук.

Стар. 327. «Маладняк» — аб'яднанне беларускіх пісьменнікаў, якое існавала ў 1923–1928 гг.

Стар. 327–328. *Ужо ў канцы дваццатых гадоў была разгромлена Акадэмія навук БССР (першы прэзідэнт якой У. Ігнатоўскі скончыў жыццё самагубствам)...* — Ігнатоўскі Усевалад (1881–1931) — беларускі грамадскі і палітычны дзеяч, гісторык; першы прэзідэнт АН БССР (1928–1930). Падчас кампаніі супраць нацыянал-дэмакратызму быў зняты з пасады прэзідэнта, а затым ЦК КП(б)Б выключыў У. Ігнатоўскага з партыі як «лідара нацыянал-дэмакратычнай контррэвалюцыі». Выклікаўся на допыты ў ДПУ, пасля аднаго з іх скончыў жыццё самагубствам (па іншай версіі, быў застрэлены супрацоўнікамі ДПУ ў сваім доме).

Стар. 328. *Янка Купала і Якуб Колас выступілі ў друку з дзіўным на сваёй недарэчнасці самавыкрыццём нібыта шматгадовай контррэвалюцыйнай, антысавецкай дзейнасці. Аднак нават гэтая крайняя мера не засцерагла Купалу ад арышту, у час якога той зрабіў спробу самагубства.* — Абодва беларускія класікі, нягледзячы на афіцыйнае прызнанне літаратурных заслуг, у 1920–1930-я гг. таксама трапілі пад хвалю сталінскіх рэпрэсій. Так, у доме Я. Коласа неаднойчы праводзіліся вобыскі, а самога паэта выклікалі на допыты. Органы НКУС БССР спрабавалі прыцягнуць яго да шэрагу спраў, у тым ліку да сфабрыкаванай справы «Саюза вызвалення Беларусі», калі па абвінавачанні ў контррэвалюцыйнай і антысавецкай дзейнасці было арыштавана больш за сто дзеячаў навукі і культуры БССР (у тым ліку акадэмікі В. Ластоўскі, Я. Лёсік, С. Некрашэвіч, прафесары А. Смоліч, А. Цвікевіч, пісьменнікі М. Гарэцкі, П. Галавач, У. Дубоўка, А. Дудар, Я. Пушча). У гэты час Колас выступіў у друку з «Адкрытым лістом», у якім асуджаў контррэвалюцыйную дзейнасць асобных прадстаўнікоў беларускай інтэлігенцыі і каляўся ва ўласных «памылках» — пісаў, у прыватнасці: «Катэгарычна парываючы з беларускім нацыянал-дэмакратызмам, які ва ўмовах Заходняй Беларусі перарос у нацыяналіфашызм, я безагаворачна асуджаю яго як канцэпцыю рэстаўрацыі капіталізму, канцэпцыю адміраючых класаў, варожых дыктатуры пралетарыяту, як мутную антыпралетарскую плынь у творчым патоку сацыялістычнага будаўніцтва, як агіднае звязно ў іржавым ланцугу шкодніцтва контррэвалюцыйных арганізацый, нядаўна выкрытых у розных месцах Саюза ССР, шпіянажу замежных капіталістычных дзяржаў і генеральных штабаў, рыхтуючых употайку крываваю інтэрвенцыю супроць Саюза ССР»¹. Сістэматычна падваргаўся рэпрэсіям і Я. Купала. Так, у 1921 г. на яго быў накладзены хатні арышт, былі канфіскаваныя рукапісы. У 1930 г. былі раскулачаны маці і ся-

¹ Колас Я. Зб. тв.: у 20 т. Т. 16. Публіцыстыка (1906–1950) / рэд. тома Т. С. Голуб, М. І. Мушыньскі; падрыхт. тэкстаў і камент. А. А. Васілевіч [і інш]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы. Мінск, 2011. С. 82–83.

стра Купалы. Пасля ж з'яўлення артыкула «Шлях паэта» Л. Бэндэ, у якім паэт абвясчаўся «ідэолагам буржуазнага нацыянал-адраджанізму», Купалу выклікалі на допыты ў ДПУ, інкрымінауючы лідарства ў «Саюзе вызвалення Беларусі». 20 лістапада 1930 г. пасля «гутарак» у ДПУ Купала зрабіў спробу самагубства, але быў выратаваны. 14 снежня 1930 г. ён быў вымушаны апублікаваць у «Звяздзе» «Адкрыты ліст», у якім пісаў пра «шкоднасць і гібельнасць таго шляху, на якім памыкаліся беларускія нацыянал-дэмакраты павярнуць ход гісторыі», і парываў «катэгарычна і беспаваротна ідэйна і арганізацыйна з беларускім нацыянал-дэмакратызмам, як з нейкай хвароблівай зданню»¹. «Адкрыты ліст Я. Купалы» не быў першы сярод пакаянных лістоў, у якіх вядомыя людзі публічна «прызнаваліся» ў «памылках», — першы такі ліст быў напісаны 30 лістапада 1930 г. Коласам, затым з'явіліся лісты У. Ігнатоўскага, З. Бядулі і іншых. На думку даследчыкаў, яны пісаліся пад прымусам, і магчыма меркаваць, што «Адкрыты ліст Я. Купалы» мог быць напісаны не самім паэтам — яго аўтарам мог быць сумна вядомы крытык-вугарызатар Лукаш Бэндэ.

Стар. 328. *Застрэліўся кіраўнік рэспублікі А. Чарвякоў, загінуў М. Галадзед...* — Чарвякоў Аляксандр (1892–1937) — беларускі палітычны дзеяч; першы старшыня прэзідыума Цэнтральнага выканаўчага камітэта СССР ад БССР (1920–1937), старшыня СНК БССР (1920–1924), першы народны камісар замежных спраў БССР (1920–1923). У канцы 1920-х — на пачатку 1930-х А. Чарвякоў быў абвінавачаны ў тым, што падзяляе праваапартуністычныя погляды М. Бухарына, затушоўвае вядучую ролю прамысловасці і г. д. Асабліва жорстка крытыкавалі Чарвякова падчас XVI з'езда КП(б)Б — ад яго патрабавалі тлумачэнняў, чаму ён не выкрыў ніводнага ворага народа, і абвінавачвалі ў тым, што ён з'яўляецца ідэйным натхняльнікам і кіраўніком нацыянал-апартуністычнай плыні ў партыі. Дэлегаты патрабавалі выказаць яму палітычны недавер. Падчас перапынку з'езда А. Чарвякоў застрэліўся ў сваім кабінце. Рэабілітаваны ў 1957 г. Галадзед Мікалай (1894–1937) — беларускі грамадскі і палітычны дзеяч, старшыня СНК БССР (1927–1937). Быў арыштаваны ў Маскве і накіраваны ў Мінск, дзе падчас допыту ў НКУС выкінуўся з акна пятага паверха. Рэабілітаваны ў 1956 г.

Стар. 329. *І пэўны артыкул Канстытуцыі БССР наконт прызнання дзяржаўнасці беларускай мовы быў зменены такім чынам, што беларуская мова была з яго выключана. І гэты сумны выпадак адбыўся на сесіі Вярхоўнага Савета Беларусі пры майклівым удзеле дэпутатаў-пісьменнікаў, пад старшынствам народнага пісьменніка рэспублікі.* — Размова, мусіць, ідзе пра Івана Навуменку (1925–2006), народнага пісьменніка Беларусі (1995), які ў 1985–1990 гг. быў старшынёй ВС БССР.

¹ Купала Я. Поўны зб. тв.: у 9 т. Т. 8. Артыкулы, нататкі, выступленні. Калектыўныя творы. Мінск, 2002. С. 117, 118.

Стар. 329–330. *Пасля амаль сямідзесяцігадовага забыцця толькі нядаўна выдадзена кніга паэта дзівоснага таленту Алеся Гаруна.* — Гарун Алесь (сапр. Прушынскі Аляксандр; 1887–1920) — беларускі паэт, празаік, публіцыст, грамадскі дзеяч. Мусіць, маеца на ўвазе кн.: Гарун А. Матчын дар: думы і песні; 1907–1914 г. / факсімільнае выданне. Мінск, 1988.

Стар. 330. *Цяжка зразумець, чым кіраваліся айтары газеты «Советская Белоруссия», якія ў канцы мінулага года выступілі з сержыяй артыкулаў, што па сутнасці мелі на мэце апраўдаць рэпрэсіі трыццатых гадоў адносна «нацдэмаўшчыны» і абяліць іх непасрэдных выканаўцаў. Справа дайшла да кур'ёзу: айтар аднаго з такіх артыкулаў В. Пепяляеў красамоўна пераконваў чытача ў немагчымасці апраўдання беларускіх «нацыяналістаў», у ліку якіх называў імя расстралянага акадэміка Сцяпана Некрашэвіча, пастановай Вярхоўнага суда СССР яшчэ ў пяцідзясятых гады цалкам рэабілітаванага з прычыны адсутнасці за ім складу злачынства.* — Некрашэвіч Сцяпан (1883–1937) — беларускі навуковец і грамадскі дзеяч, ініцыятар стварэння і першы старшыня Інстытута беларускай культуры (цяпер — Нацыянальная Акадэмія навук Беларусі); арыштаваны ў 1930 г. па справе «Саюза вызвалення Беларусі»; у 1931 г. высланы на 5 гадоў у Сарапул (Удмурцыя, Расія); у 1936 г. тэрмін высылкі прадоўжаны на 2 гады; паўторна арыштаваны ў 1937 г. Расстраляны. Пасмяротна рэабілітаваны (па другім прысудзе — у 1957 г., па першым — у 1988-м; адноўлены ў званні акадэміка ў 1978 г.).

Стар. 331. *Каваленка Віктар (1929–1997) — беларускі крытык, літаратуразнавец, пісьменнік; член-карэспандэнт АН БССР (1984); доктар філалагічных навук (1978). З 1958 г. — у Інстытуце літаратуры імя Я. Купалы АН БССР; у 1982–1997 гг. — дырэктар Інстытута.*

Стар. 331. *...хай не будзе яго ў «іхняга» Шагала.* — Мемарыяльны Дом-музей Марка Шагала з'явіўся ў Віцебску толькі ў 1997 г.

Стар. 335. *Ключэйскі* Васілій (1841–1911) — расійскі гісторык.

Мова — душа народа (стар. 335)

Друкуецца паводле зб. «Сучаснік–89». Упершыню — газ. «Известия», 1988, 8 кастр. пад назвай «Васіль Быков: Язык — душа народа». Інтэрв'ю ўзяў Міхась Шыманскі.

Датуецца часам першай публікацыі.

Інтэрв'ю ў газ. «Известия» папярэднічае ўступнае слова: «Культура языковых взаимоотношений в наших национальных республиках, развитие языков коренных национальностей и национальных меньшинств, обучение языкам народов СССР и русскому языку как средству межнационального общения — круг этих вопросов глубоко волнует читателей. В потоке откликов на статьи Э. Кондратова “Наших душ связующая нить” (№ 75), В. Шелике “Расслышать друг друга”

(№ 168) и других сталкиваются разные мнения. Например, мысль В. Шелике о том, что каждый вправе сам решать, изучать ему или нет язык той национальности, среди людей которой он живет, вызвала резкую отрицательную оценку у большинства читателей.

Нормы пользования языками национального и межнационального общения закреплены в Конституции СССР. Но в жизни осуществление провозглашенного Основным законом шло непростым путем.

По просьбе редакции ознакомившись с читательской почтой, писатель Василь Быков выражает свой взгляд на эти проблемы».

Стар. 340. «Тутэйшыя», «Талака», «Паходня» — «Тутэйшыя» — беларускае літаратурнае таварыства, якое існавала ў 1986–1990 гг. (у ягоны склад уваходзілі А. Бяляцкі, П. Васючэнка, С. Кавалёў, У. Сцяпан, А. Сус і інш.). «Талака» — гл. каментары да выступлення Быкава на пленуме СП БССР (май 1988 г.). «Паходня» — гісторыка-культурнае таварыства, заснаванае ў Гродне ў 1986 г.

[Коллективное письмо в редакцию газеты «Советская культура» о создании музея Марка Шагала в Витебске]
(стар. 341)

Друкуецца паводле: Быков В., Бородулин Р., Вознесенский А., Симанович Д. О музее Марка Шагала в Витебске / Шагаловский сборник: материалы I–V Шагаловских дней в Витебске (1991–1995) / ред.-сост. Д. Симанович. Витебск, 1996, дзе месцам першапублікацыі пазначана газ. «Советская культура» (кастр. 1988), але ліст за гэты перыяд у «Советской культуре» не выяўлены. Друкавалася таксама ў газ. «Витебский курьер», 1990, 22 верас. пад назвай «О музее Марка Шагала в Витебске».

Гіпатэтычна магчыма датаваць 1988 г.

Аўтарам гэтага калектыўнага ліста быў беларускі паэт Давід Сімановіч (1932–2014), які жыў у Віцебску і намаганнямі якога ў тым ліку быў створаны Музей Марка Шагала. Як прыгадваў Д. Сімановіч, першым ліст падпісаў В. Быкаў, прапанаваўшы паправіць фразу: «Вся жизнь и творчество Шагала связаны с Витебском» (прыбраць слова «жизнь»). Меркавалася, што ліст мог таксама падпісаць А. Адамовіч, але ён у гэты час знаходзіўся ў Іспаніі.

Стар. 341. ...вспоминал художник в книге «Моя жизнь». — Цяжка вызначыць, паводле якой крыніцы цытуецца М. Шагал, бо хоць кніга «Маё жыццё» была напісана на рускай мове і неаднаразова выдавалася на еўрапейскіх мовах, аднак упершыню па-руску выйшла толькі ў 1994 г. і — у перакладзе з французскай, бо арыгінал успамінаў быў згублены (Шагал М. Моя жизнь / пер. с франц. Н. Мавлевич; послесловие, коммент. Н. Апчинской. М., 1994).

Стар. 341. *...в мастерскую Ю. М. Пэна...* — Пэн Юдаль (1854–1937) — беларускі мастак і педагог, сярод вучняў якога былі Марк Шагал, скульптар Восіп Цадкін (1890–1967), мастак і архітэктар Лазар Лісіцкі (1890–1941). Ю. Пэн быў забіты невядомымі ў сваёй кватэры.

Стар. 341. *...наркома просвещения А. В. Луначарского...* — Луначарскі Анатоль (1875–1933) — савецкі дзяржаўны дзеяч, філосаф, пісьменнік, мастацтвазнавец; акадэмік АН СССР (1930); нарком асветы РСФСР (1917–1929); старшыня Вучонага камітэта пры ЦВК СССР (1929–1933); адзін з арганізатараў савецкай сістэмы адукацыі.

Стар. 342. *Кажется, близок к положительному разрешению вопрос об открытии музея витебской художественной школы в здании, где когда-то размещались мастерские Казимира Малевича и УНОВИСа.* — Малевіч Казімір (1879–1935) — расійскі мастак-авангардыст, тэарэтык мастацтва і педагог польскага паходжання; заснавальнік супрэматызму; у 1919–1922 г. пражываў у Віцебску, дзе быў кіраўніком майстэрні ў Народным мастацкім вучылішчы, якое пэўны час узначальваў Марк Шагал. УНОВІС («Утвердители нового искусства») — авангарднае мастацкае аб'яднанне, якое было створана К. Малевічам у Віцебску.

Стар. 342. *вдова художника Валентина Григорьевна* — Бродская Валянціна (1905–1993) — другая жонка М. Шагала.

[Выступленне на ўстаноўчым сходзе Беларускага гісторыка-асветніцкага таварыства памяці ахвяраў сталінізму «Мартыралог Беларусі»] (стар. 343)

Друкуецца паводле газ. «Літ. і мастацтва», 1988, 28 кастр., дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «Уступнае слова Васіля Быкава». Друкавалася таксама ў кн.: Быкаў на Свабодзе (Бібліятэка Свабоды. XXI стагодзьдзе.) 2-е выд., дапоўненае. [Без м.], 2005.

Можа быць датавана 19 кастрычніка 1988 г.

Выступленне В. Быкава на ўстаноўчым сходзе Беларускага гісторыка-асветніцкага таварыства памяці ахвяраў сталінізму «Мартыралог Беларусі», які адбыўся 19 кастрычніка 1988 г. у памяшканні касцёла Святога Сымона і Святой Алены (у той час Дом кіно).

В. Быкаў выступіў на сходзе двойчы — беручы слова другім разам, прапанаваў абраць старшыню «Мартыралога Беларусі», казаў, у прыватнасці: «Гэты чалавек павінен быць пазбаўлены таго вялізнага недахопу, які ёсць ва ўсіх нас, які выхаваны ўсімі папярэднімі гадамі, — ён павінен быць пазбаўлены страху. Найперш страху перад начальствам. І такім чалавекам (я думаю, што вы мяне падтрымаеце) я назаву Зянона Станіславіча Пазньяка»¹. Гэтаму запярэчыў прадстаў-

¹ Навумчык С. Сем гадоў Адрэджэння, або Фрагмэнты найноўшай беларускай гісторыі (1988–1995). Варшава, Прага, 2006. С. 14.

нік ЦК КПБ Расціслаў Бузук, але Быкаў тут жа правёў галасаванне. У выніку старшынёй «Мартыралогу Беларусі» быў абраны Зянон Пазыняк, які неўзабаве паставіў на галасаванне прапанову аб утварэнні Аргкамітэту Беларускага народнага фронту «Адраджэньне».

[Марк Шагал] (стар. 345)

Друкуецца паводле газ. «Московские новости», 1988, 30 кастр., дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «На своем поле как подпольщики: Марк Шагал — поэт и гражданин» у рубрыцы «Аванс?» (верагодна меркаваць, што назва, ва ўсялякім выпадку першая яе частка, дадзена рэдакцыяй газ. «Московские новости»).

Датуецца часам першай публікацыі.

Стар. 345. *Сборник стихов поэта-художника подготовило к изданию минское издательство «Мастацкая літаратура» в прекрасных переводах другого выдающегося мастера Витебщины Рыгора Бородулина.* — Шагал М. Паэзія / [пер. з ідзіш Р. Барадуліна, Л. Бярынскага; іл. М. Шагала.] — Мінск, 1989.

[Интервью газете «Московские новости»] (стар. 346)

Друкуецца паводле газ. «Московские новости», 1988, 6 лістап., дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «Белорусская инициатива» ў рубрыцы «Интервью “МН”». Гутарку вёў Леанід Міласлаўскі.

Датуецца часам першай публікацыі.

Інтэрв’ю папярэднічае ўступнае слова: «Писатель Алесь Адамович, говоря о политической обстановке в Белоруссии, вспомнил Вандео — область во Франции, активно сопротивлявшуюся революции 1789 года (“Огонек” № 39). Белорусская пресса откликнулась на художественный образ статьей (перепечатанной почти всеми республиканскими газетами), где Адамович представляется человеком некомпетентным и слабо разбирающимся в ситуации. Через несколько дней учредительное собрание общества памяти жертв сталинизма “Мартиролог” решило создать инициативную группу Народного фронта Белоруссии. Этот шаг творческой интеллигенции стал поводом для новых публикаций и публичных дискуссий. Идеологические “штыки”, встретившие инициативу “Мартиролога”, — тревожный симптом активного торможения перестройки в республике, считает белорусский писатель, член правления “Мартиролога” и инициативной группы Народного фронта Василь Быков. Публикуя беседу с ним, редакция готова предоставить слово сторонникам противоположной точки зрения».

Стар. 346. *Из последних публикаций в «Вечернем Минске» стало известно, что местная общественность выступает против «антинародного Народного фронта». Его инициаторов называют экстремистами, белорусскую молодежь из общества «Талака» — националистами. Многие сравнивают тон статьи о «Талацэ» с образцами довоенной разгромной публицистики. Но ведь в статье есть и факты?»* — Мусіць, размова ідзе пра артыкул: Дорожкін Н., Барданов А., Філімонов А., Жмуровскі Д., Доморад К. Эволюция политического невежества // Вечерний Минск. 1988. 21 окт.

Стар. 346. *Один из подписавших ее, доктор исторических наук А. Филимонов... — Філімонаў Аляксандр (1918–2007) — беларускі гісторык; старшы навуковы супрацоўнік Інстытута гісторыі АН БССР; доктар гістарычных навук, прафесар; Герой Савецкага Саюза. Сярод аўтараў артыкула таксама пазначаны Мікалай Дарожкін (1905–1993), акадэмік АН БССР, лаўрэат Дзяржаўнай прэміі СССР, заслужаны дзеяч навукі БССР; Аляксандр Барданаў (1920–2011), адказны сакратар Мінскай секцыі Савецкага камітэта ветэранаў вайны, Герой Савецкага Саюза; Дзмітрый Жмуруўскі (1918–2010), прафесар кафедры гісторыі КПСС БДУ імя У. І. Леніна, доктар гістарычных навук, Герой Савецкага Саюза; Канстанцін Дамарад (1918–2001), намеснік старшыні савета ветэранаў Мінскага абласнога партызанскага аб'яднання, кандыдат гістарычных навук, дацэнт.*

Стар. 346. *Знаете, как организовывалась дискуссия с неформальным клубом «Современник» по поводу самой идеи Народного фронта? Парткомы предприятий мобилизовали в Дом политпросвета около 900 человек... дать отпор «врагам перестройки».* — Размова, мабыць, ідзе найперш пра публікацыю ў газ. «Вечерний Минск» (1988, 24 кастр.) пад назвай «Нам с вами не по пути!», якая завяршаецца «Резолюцыяй», што была прынятая «представителями общественности города, присутствующими на дискуссии» 22 кастрычніка ў ДOME палітасветы:

«Группа самозванцев, присвоивших право представлять все население республики, объявила себя инициативной группой по созданию Народного фронта Белоруссии.

Мы категорически против создания надуманных организаций.

Мы выражаем недоверие созданной группе и считаем ее неправомочной и недействительной.

Мы осуждаем антидемократичные и безответственные действия отдельных лиц, самодетельных групп, возомнивших себя единственными борцами за перестройку, а на самом деле вносящими в жизнь людей хаос и неуверенность.

Мы требуем от руководства республики, местных органов Советской власти призвать к порядку зарвавшихся самозванцев.

Хватит безответственных лозунгов!

Хватит пустой болтовни и крикливых митингов!

Пора перестройку двигать делами!»

Стар. 346. *редактор «Огонька» Коротич* — Кароціч Віталій (нар. у 1936) — українець і расійскі пісьменнік, публіцыст; у 1986–1991 гг. — галоўны рэдактар часоп. «Огонек».

Стар. 347. *На сабрании «Мартиролога» был представитель ЦК Компартии Белоруссии Р. Бузук.* — Бузук Расціслаў (нар. у 1946) — беларускі партыйны дзеяч і тэатразнавец; у 1976–1982 гг. працаваў у Міністэрстве культуры БССР (начальнік упраўлення кадраў вучэбных і навуковых устаноў, затым начальнік упраўлення па справах мастацтваў); у 1987–1989 гг. — намеснік загадчыка аддзела культуры ЦК КПБ.

Дубинки против гласности? (стар. 348)

Друкуецца паводле кн. «На крыжах», дзе апублікавана пад назвай «Журнал “Огонек”». Упершыню — часоп. «Огонек», 1988, № 47 пад назвай «Дубинки против гласности?» у рубрыцы «Прошу слова!».

Датуецца часам першай публікацыі.

Гісторыя напісання артыкула вядомая з аповеда В. Быкава: «Якраз у гэты час [...] насоўваліся Дзяды, меркавалася прыняць у іх удзел. Але на паседжаньні БНФ рашылі, што паколькі Дзяды — сьвята рэлігійнае, дык удзел у іх — справа асабістая. Я тады грыпаваў і на могілкі не пайшоў. А менавіта там разгарнуліся трагічныя для менчукоў падзеі. Як тысячы іх падышлі ад станцыі мэтро да могілкаў, там ужо нарыхтаваліся шэрагі войска і міліцыі — з варанкамі, аўтобусамі і нават вадамітамі. Людзей пачалі разганяць, біць, арыштоўваць, труціць газамі з партатыўных балёнчыкаў. Атруцілі і Пазьняка, які ішоў на чале калёны. Але Пазьняк не саступіў. Ён скіраваў натоўп на ўскраіну і павёў да Курапатаў. Аднак і там дарогу калёне перагарадзілі войскі. Тады Пазьняк завярнуў усіх у поле. І ў чыстым полі пад сьняжком, які сыпаў з хмарнага неба, адбылося набажэнства. Угары разьвяваўся бел-чырвона-белы сьцяг, выступалі прамоўцы і сярод іх пісьменьнік Уладзімер Арлоў. Тады і пасья шмат людзей апынуліся зьбітыя і затрыманья ў пастарунках.

Ранкам я звязваўся з маскоўскім часопісам “Огонек” (рэдагаваным тады В. Кароцічам), які быў самым радыкальным друкаваным органам краіны і шмат пісаў пра перабудову. У рэдакцыі казалі, што прышлюць у Менск спэцкора, але матэрыял пра інцыдэнт патрэбны тэрмінова ў нумар. Ноччу я напісаў артыкул, перадаў яго па тэлефоне, і ён хутка зьявіўся ў “Огоньке”. Артыкул называўся “Дубінкі замест перабудовы”. Гэта быў ці ня першы матэрыял наконт падаўленьня нацыянальна-вызвольнага руху ў Беларусі.

Скандал атрымаўся магутны. ЦК Беларусі на чале з Сакаловым разьбушана прымаў меры. Кіраўнікі найперш узяліся ўсяляк абвяргаць факт паліцэйскай расправы над мірнай дэманстрацыяй. (Міліцыя нікога ня біла, ня труціла “чаромхай”). Гэта быў мяцеж нацыяналістаў

супраць савецкай улады, які ўдалося падавіць мірнымі сродкамі.) Мяне выклікаў Сакалоў і апрацоўваў у гэткім, прыкладна, пляне. Я яму кажу пра гвалт з боку правахоўных органаў, а ён даводзіць, што фактаў гвалту няма. Дзеля таго пасылаецца на заключэньне камісіі, якая ўжо расьсьледавала той інцыдэнт. А ў камісіі, кажа, такія паважаныя людзі, які мастак-акадэмік Савіцкі, пісьменьнік-ляўрэат Гілевіч, мы ім змушаны верыць. Шмат якія журналісты даводзілі адваротнае, але ім не было веры. Будзінас нават зьняў пабоішча на кінастужку, усё роўна даводзілі, што газы не прымяняліся. (Камісія ўзважыла запасы “чаромхі” ў МВД — уся ў наяўнасці.) Прышоўшы ад Сакалова, я напісаў ліст Гарбачову, распавёў пра варварскую гісторыю ў Беларусі і прасіў справядлівасці.

Адказу ад Гарбачова, вядома, не атрымаў — атрымаў выклік на нараду творчай інтэлігенцыі, якая ладзілася на Старой плошчы, у ЦК КПСС. Там у невяліччай залі сабраўся ці ня ўвесь творчы актыў краіны, было шмат знаёмых літаратараў. На сцэну выйшла палітбюро ў поўным складзе на чале з Гарбачовым. Той пачаў штось гаварыць [...]. І тады раптам чую — Гарбачоў звяртаецца да мяне: “Васіль Быкаў, як так здарылася, што беларусы выйшлі супраць савецкай улады? Спакойны, дысцыплінаваны народ... Не зразумела”.

Я пачаў штось тлумачыць, сказаў пра жорсткасць міліцыі, якая зьбівала і труціла жанок і дзяцей, што ішлі на могілкі, дзе пахаваны сьланныя людзі Беларусі, у тым ліку і Машэраў. Гарбачоў недаўменна паціскаў плячыма. Насупраць у першым радзе сядзеў галоўны арганізатар таго Я. Сакалоў і маўчаў»¹.

Стар. 349. *Особому поношению подвергся писатель Алесь Адамович, посмевиший в одной из «огоньковских» публикаций употребить намек на сходство происходящего в Минске с некоторыми моментами французской буржуазной революции и назвать имена.* — Запазычаная з рамана «93 год» Віктара Гюго назва французскай правінцыі — Вандэя, якая стала цэнтрам контррэвалюцыйнага мяцяжа, набыла гэтакім чынам сімвалічны сэнс. Размова ідзе пра артыкул «Оглянься окрест!» («Огонек», 1988, № 39), у якім А. Адамовіч, распавядаючы пра сітуацыю, што склалася вакол урочышча Курапаты, пісаў, у прыватнасці: «Это лишний раз доказывает, как назрел такой сдвиг и в Минске, заслужившем в последнее время печальную репутацию антиперестроечной Вандеи стараниями некоторых обществоведов и идеологических начальников. Но тут они оказались бессильны: тысячи людей, горожан из деревень, двинулись на митинг в Курапаты. [...]»

Могу сообщить: еще один серьезный барьер против перестройки, возводимый вот уже столько месяцев, о который бился все это время, казалось, один Василь Быков, — затрещал этот барьер, а некоторые

¹ Гэтае выданне, т. 8, с. 384–385, 386.

секции в одночасье рухнули. Нет, и Павлов, и Бовш, и Залесский, и Бегун, и Игнатенко, и Малашко, и им подобные все еще чувствуют себя на коне. Вот и недавно, уже после Куропат, на различных академических и вузовских сессиях, круглых столах подтвердили свои повторные обвинения-приговоры деятелям белорусской культуры, литературы, многие из которых были уже реабилитированы после XX съезда КПСС. Но они и после XXVII гнут свое. Читают и бурно приветствуют доклад: “Сталин — политический вождь” (сам афишу видел), а народ идет с плакатами “Сталин — кат», — что ж, “философский” спор уже вынесен на улицу, а это для наших “философов” смертельный номер. Вы где-нибудь слышали наших идеологов, выступающих перед сегодняшней толпой? Нет зрелища, истории на свете печальнее, чем это! В тех же Куропатах было продемонстрировано: только молодежь из “Талакі”, принявшая на себя ответственность за порядок и дисциплину, спасла их от позорного изгнания с митинга.

Рядом с Куропатами — Вандея? Это долго продолжаться не может — такое соседство».

Стар. 352. *художники М. Купава, А. Марочкин, И. Марочкин, журналист В. Мартыненко* — Купава Мікола (нар. у 1946), Марачкіны Аляксей (нар. у 1940) і Ігар (нар. у 1963) — беларускія мастакі. Мартыненка Вітаўт (1959–2016) — беларускі журналіст, пісьменнік.

Стар. 352. *преподаватель университета А. Белый* — Белы Анатолий (1939–2011) — беларускі грамадска-культурны дзеяч, навуковец, выкладчык, калекцыянер, стваральнік прыватнага мастацкага музея ў г. Старыя Дарогі (цяпер Старадарожскі мастацкі музей).

Стар. 352. *главный режиссер Театра имени Я. Купалы В. Раевский, писатель В. Яковенко* — Раеўскі Валерый (1939–2011) — беларускі тэатральны рэжысёр; мастацкі кіраўнік Нацыянальнага акадэмічнага тэатра імя Я. Купалы (1991–2009); народны артыст Беларусі (1998). Якавенка Васіль (1936–2018) — беларускі пісьменнік.

Стар. 354. *П. Машеров, Ф. Сурганов* — Машэраў Пётр (1918–1980) — савецкі партыйны і дзяржаўны дзеяч; першы сакратар ЦК КПБ (1965–1980). Сурганаў Фёдар (1911–1976) — беларускі партыйны і дзяржаўны дзеяч; старшыня прэзідыума ВС БССР (1971–1976). П. Машэраў і Ф. Сурганаў загінулі ў аўтамабільных аварыях.

[Інтэрв’ю газеце «Літаратура і мастацтва»] (Стар. 355)

Друкуецца паводле газ. «Літ. і мастацтва», 1988, 30 снеж., дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «Восем дзён у снежні» і з падзагаловак «Васіль Быкаў пра паездку ў Злучаныя Штаты Амерыкі». Гутарку вёў А. Ганчароў.

Датуецца часам першай публікацыі.

Нагодой для інтэрв’ю стала паездка В. Быкава ў Нью-Ёрк (ЗША) на сесію Генеральнай Асамблеі Арганізацыі Аб’яднаных Нацый у

межах афіцыйнага візіту Генеральнага сакратара ЦК КПСС Міхаіла Гарбачова (падрабязней пра паездку гл. гэтае выданне, т. 8, с. 387–392).

Стар. 355. *Уладзімір Карнаў* (1922–2010) — расійскі пісьменнік; першы сакратар праўлення СП СССР (1986–1991).

[Інтэрв'ю газеце «Чырвоная змена»] (Стар. 357)

Друкуецца паводле газ. «Чырвоная змена», 1988, 31 снеж., дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «Узяў наш боль». Інтэрв'ю вёў І. Рыбалтоўскі.

Датуецца часам першай публікацыі.

Стар. 357. *Ці з'явілася для вас нечаканасцю ваша перамога ў хіт-парадзе папулярнасці «Чырвонай змены»...* — Размова ідзе пра «Парад папулярнасці 1988» (апублікаваны ў гэтым жа нумары «Чырвонай змены»), паводле якога чытацкія сімпатыі размеркаваліся наступным чынам: 1. Быкаў, 2. Караткевіч, 3–4. Адамовіч, Арлоў.

Стар. 357. *Дарэчы, «Кар'ер» — таксама пераможца.* — Паводле «Парада папулярнасці 1988» лепшымі літаратурнымі творамі за 1988 г. былі названы наступныя кнігі: 1. «Кар'ер» В. Быкава; 2. «След ваўкалака» Л. Дайнекі; 3. «Старажытная Беларусь» М. Ермаловіча; 4–5. «Пасля небыцця» Э. Ялугіна (часопісная назва дакументальнай аповесці «Без эпітафіі» пра жыццё і дзейнасць Ц. Гартнага); «Тутэйшыя» Я. Купалы.

Стар. 358. *Сярод нашых чытачоў вы папулярны не толькі як пісьменнік, але і як грамадскі дзеяч (2-е месца).* — 1-е месца заняў З. Пазьняк.

Стар. 358. *...жахлівую бяду ў Арменіі.* — Маецца на ўвазе Спітакскі землятрус, які адбыўся 7 снежня 1988 г. і які за паўхвіліны разбурыў амаль усю паўночную частку Арменіі. У выніку загінула 25 тысяч чалавек (па іншых дадзеных — да 150 тысяч), больш чым паўмільёна засталася без прытулку. Быў дашчэнтну разбураны Спітак; яшчэ 21 горад і больш за 300 населеных пунктаў былі разбураны часткова.

1989

Выпрабаванне дэмакратыі (стар. 359)

Друкуецца паводле кн. «Крыжовы шлях». Упершыню — часоп. «Беларусь», 1989, № 1 у рубрыцы «Актуальны дыялог». Гутарку вяла Галіна Грыбоўская.

Датуецца часам першай публікацыі.

Стар. 359. У сваім артыкуле «Апошні шанц», апублікаваным у «Советской культуре»... — Размова, мусіць, ідзе пра артыкул «Единственный шанс» («Советская культура», 1988, 11 чэрв.).

Стар. 360. У выдавецтве «Прогресс» выйшла кніга «Иного не дано», аўтарамі якой з'яўляюцца Т. Заслаўская, А. Сахараў... — Размова ідзе пра зб. артыкулаў вядомых прадстаўнікоў інтэлігенцыі па найбольш вострых пытаннях перабудовы «Иного не дано» (М., 1988). Заслаўская Таццяна (1927–2013) — расійскі сацыёлаг, эканаміст; акадэмік АН СССР (1981). Сахараў Андрэй (1921–1989) — расійскі фізік і грамадскі дзеяч, дысідэнт, праваабаронца; адзін са стваральнікаў першай савецкай вадароднай бомбы; лаўрэат Нобелеўскай прэміі міра (1975).

Стар. 362. Пасля XIX партканферэнцыі... — XIX усесаюзная канферэнцыя КПСС праходзіла ў Маскве 28 чэрвеня – 1 ліпеня 1988 г. Партканферэнцыя прыняла пяць рэзалюцый: «Аб дэмакратызацыі савецкага грамадства і рэформе палітычнай сістэмы», «Аб барацьбе з бюракратызмам», «Аб міжнацыянальных адносінах», «Аб галоснасці» і «Аб прававой рэформе».

Стар. 362. ...пасля публікацый матэрыялаў пра Бэндэ. — Мабыць, маецца на ўвазе публікацыя: Сачанка Б. Бэндэ: (30-я ў абліччах і дакументах) // Літ. і мастацтва, 1988, 3 чэрв. Бэндэ Лукаш (1903–1961) — беларускі крытык, літаратуразнавец. Прыкрываючыся ў 1930-я гг. ідэяй новай культуры, цалкам адмятаў культурны набытак мінулага, абвясчаючы пры гэтым дакастрычніцкую беларускую літаратуру контррэвалюцыйнай, прасякнутаю буржуазна-ліберальнай ідэалогіяй. З гэтых пазіцый займаўся палітычнай і літаратурнай дыскрэдытацыяй Я. Купалы і Я. Коласа. Абвінавачваў членаў літаратурных аб'яднанняў «Узвышша» і «Польмя» ў буржуазным нацыяналізме, дэкадэнцкіх ухілах, называў іх класавымі ворагамі Савецкай дзяржавы. Дзякуючы вульгарызатарскай дзейнасці Л. Бэндэ былі рэпрэсаваны многія выдатныя прадстаўнікі беларускай літаратуры, некаторым з іх «крытычныя» выступленні Бэндэ каштавалі жыцця.

Стар. 362. ...эта і раман В. Гросмана «Жизнь и судьба», і ўспаміны К. Сіманова «Глазами человека моего поколения»... — Гросман Васілій (Іосіф; 1905–1964) — расійскі пісьменнік. Яго раман «Жыццё і лёс» быў канфіскаваны КДБ разам з чарнавікамі ў 1961 г. пасля таго, як В. Гросман аддаў рукапіс для публікацыі ў часоп. «Знамя» (галоўны рэдактар якога Вадзім Кажэўнікаў сам перадаў свой экзэмпляр рамана ў КДБ). Імкнучыся выратаваць кнігу, Гросман звярнуўся пісьмова да Н. Хрушчова, але яго прыняў член Палітбюро ЦК КПСС М. Сулаў, які заявіў, што раман можа быць надрукаваны ў СССР не раней, чым праз 200–300 гадоў. Копія рамана ўжо пасля смерці аўтара была таёмна вывезена на Захад, і ўпершыню раман быў выдадзены ў 1980 г. у Швейцарыі. У СССР «Жыццё і лёс» выйшаў толькі ў 1988 г., ды і то — з купюрамі.

Стар. 362. ...*дакументальныя фільмы пра Ракасоўскага, Конева, Васілеўскага*. — Ракасоўскі Канстанцін (1894–1968) — савецкі военачальнік польскага паходжання [нарадзіўся ў Варшаве, аднак пасля ўзнагароджання другой Залатою зоркай Героя Савецкага Саюза (1945) стаў называць годам нараджэння 1896-ы, а месцам нараджэння — Вялікія Лукі (Расія)]; Маршал Савецкага Саюза (1944), маршал Польшчы (1949). Конеў Іван (1897–1973) — савецкі военачальнік, падчас Другой сусветнай вайны камандуючы войскамі шэрагу франтоў; Маршал Савецкага Саюза (1944); Герой Савецкага Саюза (1944, 1945). Васілеўскі Аляксандр (1895–1977) — савецкі военачальнік; Маршал Савецкага Саюза (1943); у гады Другой сусветнай вайны на пасадзе начальніка Генштаба (1942–1945) прымаў дзейны ўдзел у распрацоўцы і ажыццяўленні практычна ўсіх буйных аперацый на савецка-германскім фронце. У 1945 г. — галоўнакамандуючы савецкімі войскамі на Далёкім Усходзе ў вайне з Японіяй. У 1949–1953 гг. — міністр Узброеных Сіл і ваенны міністр СССР. Двойчы Герой Савецкага Саюза (1944, 1945); кавалер двух ордэнаў «Перамога» (1944, 1945).

Стар. 362. *А падзеі блакаднага Ленінграда ў перапісцы Б. Пастарнака і В. Фрэйдэнберга? І новыя творы Д. Гусарава, А. Ржэўскай*. — Дакладней — Фрэйдэнберг Вольга (1890–1955) — расійскі філолаг, культуролаг-фалькларыст; перапіска В. Фрэйдэнберг і Б. Пастарнака доўжылася больш за сорак гадоў (1910–1954). Размова, мабыць, ідзе пра публікацыю: Борис Пастернак — Ольга Фрэйдэнберг. Письма и воспоминания / предисловие, публикация, составление и примечания Е. В. Пастернак, Е. Б. Пастернака, Н. Б. Брагинской // Дружба народов, 1988, № 7–10. Гусараў Дзмітрый (1924–1995) — расійскі пісьменнік; народны пісьменнік Рэспублікі Карэлія (1994). Ржэўская Алена (сапр. Каган; 1919–2017) — расійская пісьменніца беларускага паходжання (нарадзілася ў Гомелі).

Стар. 363. ...*раман Б. Ямпольскага...* — Ямпольскі Барыс (1921–2000) — расійскі пісьменнік.

Стар. 363. *Які грамадскі рэзананс атрымала публікацыя матэрыялу «Курапаты — дарога смерці»?* — Пазыняк З., Шмыгалёў Я. Курапаты — дарога смерці // Літ. і мастацтва, 1988, 3 чэрв.

Стар. 364. ...*першага сакратара ЦК КПМ С. Гросу...* — Гросу Сямён (нар. у 1934) — малдаўскі партыйны дзеяч, першы сакратар ЦК КП Малдаўскай ССР (1980–1989).

Стар. 364. *Пра канфлікт у Малдавіі пісьменнікаў і супрацоўнікаў ЦК нам добра вядома*. — Размова, відаць, ідзе пра публічныя патрабаванні малдаўскіх пісьменнікаў аб прызнанні дзяржаўнай мовай малдаўскай і — на аснове лацінскай графікі.

Стар. 364. *галоўны рэдактар «Правды» т. Афанасьеў* — Афанасьеў Віктар (1922–1994) — расійскі філосаф і партыйны дзеяч; галоўны рэдактар газ. «Правда» (1976–1989).

Стар. 364. *драматург І. Друцэ* — Друцэ Іон (нар. у 1928) — малдаўскі пісьменнік, драматург.

**[Ответы на вопросы студентов и преподавателей МГУ
им. М. В. Ломоносова и читателей «Литературной газеты»]
(стар. 365)**

Друкуецца паводле кн. «На крыжах», дзе апублікавана пад назвай «Встреча со студентами и преподавателями МГУ им. Ломоносова. «Литературная газета»». Упершыню — «Лит. газета», 1989, 18 студз. пад назвай «Василь Быков: Под знаком перемен» у рубрыцы «Аудитория “ЛГ”: записки из зала».

Датуецца часам першай публікацыі.

Ва ўступным слове да публікацыі ў «Лит. газете» паведамляецца пра тое, што ніжэй друкуюцца адказы В. Быкава на запіскі, якія ён атрымаў падчас нядаўняй сустрэчы ў МДУ імя М. В. Ламаносава, а таксама на пытанні чытачоў у сувязі са з’яўленнем на старонках «Лит. газеты» рубрыкі «Аудитория “ЛГ”: записки из зала», у межах якой чытачам прапаноўвалася назваць пісьменнікаў, якіх яны хацелі б бачыць у гэтай рубрыцы, і адрасаваць ім пытанні.

Стар. 365. *Можно было еще поверить, допустим, что маршал Тухачевский — немецкий шпион...* — Тухачэўскі Міхаіл (1893–1937) — савецкі военачальнік РККА («Рабоче-Крестьянской Красной Армии») часоў Грамадзянскай вайны; Маршал СССР (1935). У 1937 г. быў арыштаваны па «справе антысавецкай трацкісцкай вайсковай арганізацыі». У ходзе папярэдняга следства прызнаў сябе вінаватым у падрыхтоўцы ваеннай змовы ў РККА, мэтай якой было гвалтоўнае звяржэнне ўлады і ўсталяванне ў СССР ваеннай дыктатуры. Для рэалізацыі поспеху планавалася падрыхтаваць паражэнне РККА ў будучай вайне з Германіяй і, магчыма, Японіяй. Тухачэўскі таксама прызнаў, што ім разам з іншымі ўдзельнікамі «змовы» нібыта былі перададзеныя германскай выведцы звесткі, якія складаюць дзяржаўную тайну. Расстраляны. Рэабілітаваны ў 1957 г.

Стар. 370. *Мы прочитали в «ЛГ» о вечере памяти В. Некрасова в Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева, где вы выступали. Наконец-то, и очень, очень жаль, что Виктор Платонович не дождал до официального признания его таланта, его заслуг перед отечественной литературой.* — Някрасаў Віктар (1911–1987) — расійскі пісьменнік украінскага паходжання (нарадзіўся ў Кіеве); лаўрэат Сталінскай прэміі (1947). Самы вядомы твор В. Някрасава — апавесць «У акопах Сталінграда». Пабываўшы ў 1960 г. у Італіі, ЗША і Францыі, напісаў кнігу «Па абодва бакі акеана», за якую ў 1963 г. быў раскрытыкаваны М. Хрушчовым і абвінавачаны ў «нізкакапклонстве» перад Захадам. У 1972 г. за тое, што, як сказана ў рашэнні, «дазволіў сабе мець уласную думку, якая не супадае з лініяй партыі», быў выключаны з КПСС, затым з СП СССР. У 1974 г. пасля вобыску на кватэры і серыі допытаў у КДБ быў вымушаны эміграваць ва Францыю. У тым жа годзе пазбаўлены савецкага грамадзянства —

пасля таго, як у адной з радыёпраграм іранічна выказаўся пра «трылогію» Л. Брэжнева. Распараджэннем Галоўліта было забаронена прыгадваць у друку імя Някрасава і яго творы; кнігі Някрасава былі канфіскаваныя з бібліятэк і ў асноўным знішчаны.

Стар. 370. *В журнале «Театр» напечатана весьма примечательная стенограмма двух заседаний — драматическая история Любимова и Театра на Таганке. Я думаю, что человеку, прочитавшему эту стенограмму или материалы суда над Бродским (в «Огоньке»)...* — Любімаў Юрый (1917–2014) — расійскі тэатральны рэжысёр, актёр, педагог; народны артыст Расіі (1992); з 1964 г. — галоўны рэжысёр Маскоўскага тэатра драмы і камедыі на Таганцы (ранейшая назва — Маскоўскі тэатр драмы і камедыі). Спектаклі Тэатра на Таганцы мелі неверагодны поспех, але на пачатку 1980-х, пасля смерці Уладзіміра Высоцкага, абстаноўка вакол тэатра напалілася: улады забаранілі спектакль «Уладзімір Высоцкі», а таксама «Барыса Гадунова» А. Пушкіна і «Тэатральны раман» М. Булгакава. У 1984 г., падчас знаходжання ў Англіі, Любімаў быў завочна пазбаўлены грамадзянства СССР (вернута ў 1989 г.). Нагодай для выгнання магла стаць роля Ю. Любімава ў арганізацыі пахавання У. Высоцкага. Бродскі Іосіф (1940–1996) — расійскі і амерыканскі паэт, эсэіст; лаўрэат Нобелеўскай прэміі (1987). У 1964 г. быў арыштаваны за «тунеядство» і асуджаны на 5 гадоў прымуовай працы. Пасля 1,5 года тэрмін ссылкі пад ціскам сусветнага грамадства (у прыватнасці, пасля звароту да савецкага ўрада французскага філосафа Ж.-П. Сартра) быў скарачаны. У 1972 г. Бродскі быў вымушаны эміграваць у Аўстрыю, пасля — у ЗША. Што тычыцца стэнаграмы суда над І. Бродскім (упершыню: часоп. «Огонек», 1988, № 49), то толькі з цягам часу высветлілася, што гэта не, уласна кажучы, стэнаграма, а запіс судовага працэсу, зроблены журналісткай Фрыдай Вігдаравай.

Стар. 371. *...подобным постановлению о журналах «Звезда» и «Ленинград».* — Пастанова «Аб часопісах “Звезда” і “Ленінград”» была прынята аргбюро ЦК ВКП(б) 14 жніўня 1946 г. Выклікаўшая шырокі грамадскі рэзананс, яна закранула лёсы асобных перыядычных выданняў і спрыяла выключэнню Г. Ахматавай і М. Зошчанкі з СП СССР. У 1988 г. прызнана памылковай і адменена.

Стар. 372. *...до не менее заселенного Сен-Женевьев-де-Буа.* — Дакладней — Сент-Жэнеўеў-дэ-Буа — могілкі ва французскім г. Сент-Жэнеўеў-дэ-Буа, дзе пахаваныя шматлікія рускія вайскоўцы, прадстаўнікі духавенства, пісьменнікі, мастакі, артысты — усяго больш за 15 тысяч.

Стар. 375. *Я упомянул о бывшем харьковском прокуроре. Судебный процесс по его иску во многом поучителен, и очень важно, что по нему снят фильм...* — Размова ідзе пра судовы іск па абароне годнасці І. Сталіна, які быў пададзены ў 1988 г. былым харкаўскім пракурорам Іванам Шахаўцовым да газ. «Советская культура» і А. Адамовіча. Нагодай стаў артыкул у «Советской культуре», у якім Адамовіч нядо-

бра выказаўся пра Сталіна. Гэтая гісторыя стала асновай дакументальнага фільма «Сустрэчны іск» беларускіх рэжысёраў А. Рудэрмана і Ю. Хашчавацкага.

Гуманізм неважможно учредіць (стар. 377)

Друкуецца паводле кн. «Крыжовы шлях», дзе апублікавана з падзагалоўкам «Из беседы с молодежью». Упершыню — газ. «Знамя юности», 1989, 8 лют. пад назвай «Василь Быков: Гуманізм неважможно учредіць...». Падрыхтаваў Алег Груздзіловіч.

Датуецца часам першай публікацыі.

Адказы В. Быкава на пытанні ўдзельнікаў Усесаюзнай інфармацыйна-дыскусійнай сустрэчы рэдактараў маладзёжных газет, якая адбылася ў ДOME палітычнай асветы пры Мінскім абкоме КПБ (з 1994 г. — дзяржаўнае прадпрыемства «Рэспубліканскі культурна-асветніцкі цэнтр» Кіраўніцтва справамі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь).

Стар. 378. *Вот Шеховцов мог выступить и заявить, что он законченный сталинист.* — Гл. каментары да «[Ответов на вопросы студентов и преподавателей МГУ им. М. В. Ломоносова и читателей "Литературной газеты"]».

Стар. 380. *...Гавришпа Попова...* — Папоў Гаўрыіл (нар. у 1936) — расійскі эканаміст і палітык; адзін з лідараў дэмакратычнага руху ў СССР мяжы 1980–1990-х гг.; старшыня Маскоўскага гарадскога Савета народных дэпутатаў (1990–1991); першы мэр Масквы (1991–1992).

Стар. 383. *...Ельцину?* — Ельцын Барыс (1931–2007) — расійскі партыйны і дзяржаўны дзеяч, першы прэзідэнт Расійскай Федэрацыі (1991–1999).

Путь — демократизация (стар. 384)

Друкуецца паводле «Лит. газеты», 1989, 15 лют., дзе ўпершыню апублікавана ў рубрыцы «Слово кандидата».

Датуецца часам першай публікацыі.

Артыкул з’яўляецца, па сутнасці, канцэпцыйнай праграмы кандыдата ў дэпутаты (у 1989 г. В. Быкаў быў абраны народным дэпутатам СССР).

[Беседа для журнала «Наше наследие»] (стар. 386)

Друкуецца паводле часоп. «Наше наследие», 1989, № 3 (9), дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «Человеку должно быть хоро-

шо» ў рубрыцы «Современность и культура». Гутарку вёў Аркадзь Бржазоўскі.

Датуецца часам першай публікацыі.

Гутарцы папярэднічае ўступнае слова, у якім апавядаецца пра гісторыю ранення і выратавання В. Быкава зімой 1944 г. Завяршаецца яно наступным чынам: «Сегодня, в непростой обстановке противоборства сил перестройки и торможения, своими публицистическими выступлениями, активной поддержкой развернувшегося в республике и стране движения за демократические реформы, направленные на гуманизацию общества, писатель приобрел авторитет крупного общественного деятеля и правозащитника. Его мнение и слова нынче значат в Белоруссии больше, чем иные административные установления. И если бы в республике существовал некий "индекс популярности", имя Быкова наверняка значилось бы в нем среди первых».

Стар. 388. *Например, Адам Мицкевич — великий поэт Польши, но и наш великий поэт.* — Міцкевіч Адам (1798–1855) — польскі паэт беларускага паходжання (нарадзіўся ў фальварку Завоссе Навагрудскага павета), публіцыст, асветнік, дзеяч нацыянальна-вызваленчага руху польскага руху; класік сусветнай літаратуры.

Стар. 391. *«сбросить Пушкина с корабля современности»* — Заклік з маніфеста (1912) паэтаў кубафутурыстаў В. Хлебнікава, У. Маякоўскага, Д. Бурлюка, А. Кручоных, В. Каменскага і Б. Ліўшыца. Дакладней: «Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода Современности».

Стар. 391. *Несколько лет назад известный специалист в области атеизма профессор Крывелев обвинил вас в «заигрывании с боженькой».* *Его статья в «Комсомольской правде», помнится, наделала много шума, автор упрекал в «богоискательстве» наряду с вами Чингиза Айтматова и Виктора Астафьева.* — Крывялёў Іосіф (1906–1991) — расійскі рэлігіязнавец, прапагандыст навуковага атэізму. Размова ідзе пра артыкул: Крывелев И. Кокетничая с боженькой // Комсомольская правда, 1986, 30 ліп., у якім, у прыватнасці, сцвярджалася: «Религия претендовала и претендует на монополию в области этики. Без веры, мол, нет нравственности. Казалось бы, дела давно минувших дней. Однако нет. В последнее время все чаще встречаются заявления, авторы которых открыто или чуть замаскированно поддерживают эти претензии. В таком духе, например, высказался в печати писатель В. Быков.

Он совершенно справедливо утверждает, что «совесть, сострадание, милосердие — нравственные начала, из века в век утверждавшиеся в людском мире». Но тут же почему-то непосредственно связывает эти нравственные начала с религией. Конечно, признает писатель, в религии есть темные стороны, которые дали основание считать ее опиумом для народа, но ее содержание, как он считает, к этому не сводится, ибо «ею проповедовались и общечеловеческие ценности,

важные для всех времен и народов”, а между тем, когда у нас “развернулась борьба с религией, то некоторые ретивые головы стали отмечать все подряд”.

Давайте вспомним, что Ленин не только осуждал пролеткультовское варварство, но не менее решительно отвергал и любые проявления “коклетничанья с боженькой”, характеризуя их как “невыразимейшую мерзость”, заодно относя эту характеристику ко “всякой религиозной идее, всякой идее о всяком боженьке”.

Отказаться от принципиального, последовательного атеизма — значит отказаться от самих основ научно-материалистического мировоззрения.

А оставлять нравственность на откуп религии — не есть это некая форма заигрывания с боженькой?

Довольно явственную попытку в этом направлении предпринимает в своем последнем романе “Плаха” (Новый мир, 1986, № 6) Ч. Айтматов. [...]

И никак не пройти в этой связи мимо некоторых высказываний В. Астафьева, сделанных им на страницах журнала “Наш современник” (1986, № 5). [...]

Читать такое в советской прессе — более чем странно. И не только из-за явственно выраженной тенденции кокетничанья с боженькой, но и потому, что перед нами уж очень вопиющие примеры забвения всем известных фактов истории и современности, притом таких фактов, которые марксизмом освещены и теоретически осмыслены и которые в силу их очевидности давно не оспариваются. [...]

Лучшие и высочайшие умы в истории человечества самоотверженно боролись с духовной сивухой. Сложилась благородная героическая традиция свободомыслия и атеизма.

Мы, коммунисты, восприняли эту традицию и развили ее. Наш атеизм базируется на фундаменте научного мировоззрения, и он так же незыблем, как это мировоззрение».

[Интервью газете «Молодежь Эстонии»] (стар. 394)

Друкуецца паводле газ. «Молодежь Эстонии», 1989, 13 мая, дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «Смешно не признавать то, что освящено временем». Друкавалася таксама ў спецвыпуску газ. «Навіны», 1989, № 5. Гутарку вяла Эла Аграноўская.

Датуецца часам першай публікацыі.

Інтэрв'ю друкуецца паводле экзэмпляра газеты, які захоўваецца ў Архіве В. Быкава і ў якім самім пісьменнікам зроблены наступныя ўдакладненні:

Стар. 395. *Ведь в настоящее время...* — «в настоящее время» дапісана.

Стар. 395. ...исчезает последний оплот национального различия... — Першапачаткова: «национальной культуры».

* * *

Стар. 397. *Жили вы не в столице, а в Гродно...* — У Мінск Быкаў пераехаў напрыканцы 1977 г.

Стар. 398. *И еще в Грюнвальдской битве наши полки воевали под ними против немецких рыцарей.* — Грунвальдская бітва 15 ліпеня 1410 г. — бітва паміж злучаным войскам Польскага Каралеўства і Вялікага Княства Літоўскага і войскам Дзяржавы Тэўтонскага ордэна, якая адбылася ў час Вялікай вайны (1409–1411) недалёка ад вёсак Грунвальд, Таненберг і Ладвігова (Усходняя Прусія, сучасная Польшча) і перамогу ў якой узяло саюзнае войска Польскага Каралеўства і ВКЛ.

Стар. 398. *Андреевский флаг* — Андрэеўскі сцяг — сцяг з косым «Андрэеўскім» крыжом (крыж, які сімвалізуе распяцце Андрэя Першазваннага). Найбольш вядомы кармавы сцяг караблёў Ваенна-марскога флоту Расійскай імперыі ў 1865–1917 гг.; з 1992 г. — ваенна-марскі сцяг Расійскай Федэрацыі; з 2001 г. — сцяг Ваенна-марскога флоту Расійскай Федэрацыі.

Стар. 399. *Я написал об этих событиях в «Огоньке»...* — Быков В. Дубинки против гласности? // Огонек, 1988, № 47.

[Адказы на пытанні газеты «Літаратура і мастацтва»] (стар. 402)

Друкуецца паводле газ. «Літ. і мастацтва», 1989, 19 мая, дзе ўпершыню апублікавана без назвы.

Датуецца часам першай публікацыі.

Адказ В. Быкава на пытанні газ. «Літ. і мастацтва» напярэдадні З'езда народных дэпутатаў СССР (адкрываўся ў Маскве 25 мая 1988 г.): «Што яго перш за ўсё хвалюе і што ён мае на мэце зрабіць як народны абраннік для развіцця нацыянальнай культуры?» быў надрукаваны разам з адказамі іншых народных дэпутатаў — дзеячаў культуры: І. Лучанка, М. Савіцкага, У. Стальмашонка і інш. пад агульнай назвай «Лічу сваім абавязкам...».

Свидетельствую: методы силы и запрета отжили свое! (стар. 403)

Друкуецца паводле кн. «На крыжах», дзе апублікавана пад назвай «Еженедельник “Неделя”». Упершыню — газ. «Неделя», 1989, 22–28 мая пад назвай «Свидетельствую: методы силы и запрета отжили свое!» у рубрыцы «Мысли к съезду».

Датуецца часам першай публікацыі.

Артыкулу папярэднічае ўступнае слова пад назвай «Есть такая «справка»» без подпісу (верагодна меркаваць, што аўтарства належыць загадчыку Беларускага аддзялення рэдакцыі газ. «Известия» Мікалаю Матукоўскаму):

«Необычный документ прислали нам читатели из Белоруссии. Это небольшого типографского формата семистраничная «Справка», в которой даются характеристики неформальным объединениям в республике. Автор ее неизвестен, нет выходных данных — где, каким тиражом печаталась. А отсутствие какого-либо служебного грифа, какого-то указания на ограничение круга предполагаемых читателей по ведомственному или иному признаку наводит на мысль, что «Справка» рассчитана на широкий круг людей.

Содержание же ее таково, что, как нетрудно догадаться, обязано наполнить сердца читающих негодованием по адресу «неформалов», расшатывающих устои общества.

Оказывается, в Белоруссии свыше десяти неформальных общественных организаций — от известных далеко за пределами республики минских «Талакі» и «Мартиролога Белоруссии» до не столь популярного «Общественно-политического клуба им. Че Гевары» из Гомеля. И все они, как указано, прикрываясь призывами в поддержку перестройки, используя демократизацию и гласность, пропагандируют «сомнительные лозунги и цели», «пытаются играть роль «народной оппозиции» советским и партийным органам».

Хуже того, выступая якобы за возрождение национальной белорусской культуры и самобытности, восстановление исторических памятников, за окончательное преодоление последствий культа личности и застоя, «неформалы» на самом деле впали в ярый национализм, стравливают белорусов и небелорусов, требуют «восстановления белорусской национальной символики: бело-красно-белого флага, герба «Погоня»... возрождения белорусской греко-католической (униатской) церкви, сотрудничавшей с фашизмом в годы Великой Отечественной войны». А кое-кто, как написано в «Справке», даже мечтает о восстановлении «Белоруссии до границ Великого Княжества Литовского XIV века».

Кто же в этих объединениях пытается использовать таким образом наш курс на перестройку? «Справка» дает ясный и четкий ответ: главным образом интеллигенты и студенты, которые стараются втянуть в свою деятельность рабочих и других трудящихся. Например, на собрании по созданию «Мартиролога Белоруссии», устроенном «под предлогом привлечения широкой общественности к расследованию сталинских преступлений», присутствовали представители четырех творческих союзов республики, отделения Фонда культуры и многочисленные «неформалы». А такие, казалось бы, уважаемые, известные всей стране деятели культуры, как В. Быков, Я. Брыль, Н. Гилевич и другие, при этом «поощряли хулиганские выходки присутствующим».

ших молодых “неформалов”... Эмоциональную телеграмму прислал А. Адамович”.

Есть в “Справке” и другие примеры деятельности неформальных объединений. Скажем, упомянут митинг в Куропатах, который в августе прошлого года провела “Талака”. О митинге сказано, что он состоялся “вопреки запрету властей”, а о самих Куропатах — всего лишь, что тут “обнаружены захоронения 1936–1949 гг.” Но ни слова о том, что это за “захоронения”, почему именно сюда пришли тысячи людей. Хотя каждый из нас сегодня знает: тут, в районе Куропат, сталинские палачи тайно казнили безвинных (и, увы, пока безымянных для нас) людей. О потрясшем многих разгоне в Минске митинга-реквиема памяти жертв репрессий (30 октября 1988 г.) в “Справке” сказано по-деловому просто: митинг был “прекращен милицией”.

И, конечно же, есть непеременные утверждения, что все “неформалы” льют воду на мельницу наших недругов, дают пищу разным радиоголосам, вроде пресловутой “Свободы”.

...Вот такая “Справка”. Пусть простит нас неизвестный автор этого документа, но многое в нем вызывает недоверие. Уж больно густа черная краска, слишком знаком язык.

Поэтому мы попросили прокомментировать “Справку” и ситуацию в общественном движении республики лауреата Ленинской премии, народного писателя Белоруссии, народного депутата СССР Василя Быкова».

Стар. 405. *Единственный кандидат в народные депутаты СССР первый заместитель предсовмина Белоруссии Ю. Хусаинов...* — Хусаінаў Юрый (1929–1996) — беларускі партыйны і дзяржаўны дзеяч; у 1982–1991 гг. — першы намеснік старшыні Савета міністраў БССР.

Стар. 405. *Трагический опыт Минска и Тбилиси...* — Мусіць, маецца на ўвазе разгон АМАПам мітынга-рэквіема «Дзяды» 30 кастрычніка 1988 г. у Мінску і спецаперацыя па разгоне мітынгу каля дома ўрада ў Тбілісі, якая была ажыццёўлена ў ноч на 9 красавіка 1989 г. з дапамогай унутраных войскаў МУС СССР і Савецкай Арміі і якая прывяла да чалавечых ахвяраў (19 загінулі, больш за 250 звярнуліся ў бальніцы).

[Прамова на I з’ездзе БНФ] (стар. 408)

Друкуецца паводле кн. «Крыжовы шлях», дзе апублікавана пад назвай «Прамова на I з’ездзе БНФ». Упершыню ў скарачэнні — газ. «Літ. і мастацтва», 1989, 7 ліп. пад назвай «Адгорнем новую старонку...». Пад назвай «Адгорнем новую старонку» і з падзагалоўкам «Выступленне на Устаноўчым з’ездзе Беларускага народнага фронту» друкавалася ў зб.: 3 гісторыяй на «Вы»: публіцыстычныя артыкулы

/ уклад. У. Арлова. Мінск, 1991. Друкавалася таксама пад назвай «Прамова на I з'ездзе БНФ» у кн. «На крыжах» і ў Зб. тв.: у 6 т., т. 6.

Можа быць датавана не пазней чэрвеня 1989 г.

Прамова В. Быкава была зачытана падчас устаноўчага з'езду Беларускага народнага фронту за перабудову «Адраджэньне» (24–25 чэрв. 1989 г.); сам пісьменнік не прысутнічаў на з'ездзе з прычыны запланаванай паездкі ў Іспанію.

[Коллективное письмо народных депутатов СССР]

(стар. 410)

Друкуецца паводле газ. «Советская Белоруссия», 1989, 1 верас., дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «Обращение группы народных депутатов СССР» у рубрыцы «Строка в закон».

Датуецца часам першай публікацыі.

Синдром неприятия (стар. 413)

Друкуецца паводле кн. «На крыжах», дзе апублікавана пад назвай «Еженедельник “Московские новости”». Упершыню — газ. «Московские новости», 1989, 10 верас. пад назвай «Синдром неприятия» ў рубрыцы «Национальный вопрос».

Датуецца часам першай публікацыі.

Назад ці наперад? (стар. 416)

Друкуецца паводле кн. «Крыжовы шлях». Упершыню — газ. «Літ. і мастацтва», 1989, 24 лістап. пад назвай «Назад ці наперад?» і з падзагалюкам «Некалькі меркаванняў аб перабудове». Друкавалася таксама — газ. «Правда», 1989, 24 лістап. пад назвай «Жагда перамен»; пад назвай «Газета “Правда”» — у кн. «На крыжах»; пад назвай «Назад ці наперад?» — у Зб. тв.: у 6 т., т. 6.

Датуецца часам першай публікацыі.

Стар. 420. *міністр фінансаў БССР Б. І. Шаціла* — Шаціла Баляслаў (1919–2009) — беларускі дзяржаўны дзеяч, у 1965–1990 гг. — міністр фінансаў БССР.

Стар. 420. *Вядомая Балтыйская акцыя трох народаў, у якой прынялі ўдзел некалькі мільёнаў людзей...* — Маецца на ўвазе так званы Балтыйскі шлях, мірная акцыя ў трох прыбалтыйскіх рэспубліках СССР, якая прайшла 23 жніўня 1989 г., калі два мільёны жыхароў Эстоніі, Латвіі і Літвы выбудавалі жывы ланцуг даўжынёй амаль у 600 км, злучыўшы такім чынам Талін, Рыгу і Вільнюс. Акцыя была прымеркавана да 50-годдзя з дня падпісання пакта Молатава–Рыбентропа і ставіла на мэце прыцягнуць увагу сусветнай супольнасці

да гістарычных падзей, якія змянілі статус краін Прыбалтыкі (паводле пакта і сакрэтнага пратаколу, СССР і Германія падзялілі сферы ўплыву ў Еўропе: Латвія, Эстонія, Фінляндыя, усходнія вобласці Польшчы і Бесарабія адыходзілі СССР, Літва і захад Польшчы — Германіі.) Арганізатарамі «Балтыйскага шляху» былі Народны фронт Эстоніі, Народны фронт Латвіі і літоўскі «Саюдыс». Акцыя прадэманстравала жаданне народаў Прыбалтыкі аддзяліцца ад СССР.

Стар. 423. *Але вось Д. Юрасаў нядаўна паведаміў у друку, што ўжо ў 1987 годзе знішчаны архіў Вярхоўнага суда СССР, усе яго сумныя і крываваыя справы.* — Юрасаў Дзмітрый (нар. у 1964) — расійскі гісторык-архівіст, праваабаронца; адзін са стваральнікаў «Мемарыяла» — няўрадавай арганізацыі, галоўнай мэтай якой было даследаванне палітычных рэпрэсій у СССР. Працуючы захавальнікам фондаў Асаблівага архіва Вярхоўнага суда СССР і Ваеннай калегіі, Д. Юрасаў таемна выпісваў звесткі з судовых, касацыйных і рэабілітацыйных спраў, капіяваў спісы расстраляных. За год працы ў архіве склаў каля сотні запісных кніжак са спісамі рэабілітаваных, але ўсе яны былі канфіскаваныя падчас вобыску на кватэры ў 1987 г.

[Інтэрв’ю газете «Во славу Родины»] (стар. 427)

Друкуецца ў скарачэнні паводле газ. «Во славу Родины», 1989, 6 снеж., дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «Василь Быков: Вечен огонь из подвига» ў рубрыцы «Армия: взгляд с позиции перестройки». Інтэрв’ю ўзяў падпалкоўнік М. Захарчук.

Магчыма датаваць двума гадамі — 1986, 1989. Гэта абумоўлена наяўнасцю іншага варыянта інтэрв’ю, які быў надрукаваны пад назвай «Обелиски Василия Быкова» ў газ. «Во славу Родины» значна раней — 6 жніўня 1986 г. Размова, пэўна, ідзе пра першае інтэрв’ю М. Захарчука з В. Быкавым, якое праз тры гады было пашырана і выйшла ў газ. «Во славу Родины», 1989, 6 снеж. Праўда, наступныя фрагменты з першага інтэрв’ю ў пазнейшую рэдакцыю не патрапілі:

«Я сам долгое время состоял в кадрах, служил в Белорусском, Одесском, Дальневосточном округах, побывал на Сахалине, на Курилах. Теперь мой сын Сергей служит офицером-связистом. Он уже догнал меня в звании — майор. Так что военное окружение для меня — привычное».

«Хорошо помню первый бой, хотя я в нем участвовал скорее как “наблюдатель”, а не как солдат. Это было под Харьковом. У меня и сейчас перед глазами — большое свекловичное поле, село в отдалении. Видны только соломенные крыши, утопающие в садах. Там был противник.

И вот в контратаку на врага устремились кавалерийские подразделения. Судя по всему, конники прибыли издалека. Всадники были запыленные и экипированы по-походному: с переметными суммами

у седел, винтовками и шашками, средствами противохимической защиты для себя и лошадей.

Мы, наспех вооруженные новобранцы, должны были прикрывать их атаку с фланга. Несколько минут кавалеристы скакали в полной тишине, а потом по ним ударили фашистские пулеметы, пушки. Дело довершили “юнкеры”...

Почему-то мне больше всего врезались в память болтающиеся трубки лошадиных противогазов...»

«В тех январских боях под Кировоградом полегло много наших бойцов. Их хоронили в братской могиле в Северинке. Наверное, там подобрали и мою полевую сумку. Все это и дало командирам основание предположить, что я погиб. Моя фамилия была написана на обелиске павшим воинам. Вот вкратце вся история».

Стар. 427. *Писемский* — Пісемскі Аляксей (1821–1881) — рускі пісьменнік.

Стар. 427. *Жюль Верн* — Верн Жуль (1828–1905) — французскі географ і пісьменнік, адзін з пачынальнікаў навуковай фантастыкі.

Стар. 427. *Вальтер Скотт, Майн Рід* — Скот Вальтэр (1771–1832) — англійскі пісьменнік і гісторык шатландскага паходжання, пачынальнік жанра гістарычнага рамана. Томас Майн Рід (1818–1883) — англійскі пісьменнік, аўтар прыгодніцкіх раманаў.

Стар. 427. *...Большой Севериновкой...* — Насамрэч Вялікая Севярынка.

Стар. 429. *В румынском городке за Прутом мне попался бывший однопольчанин, который считался погибшим и «посмертно» был удостоен высокой боевой награды за храбрость. Однако оказалось, что он попал в плен и, надеясь перехитрить врага, записался к власовцам. Думал, перебежит к нам — не получилось. Так возникла идея «Сотникова».* — Гл. артыкул «Як была напісана аповець “Сотнікаў”» (гэтае выданне, т. 10, кн. 1, с. 231–237).

Стар. 429. *К образу учителя из «Обелиска» прямое отношение имеет и польский педагог Януш Корчак, который по собственной воле принял смерть вместе с питомцами — варшавскими детьми, и известная трагедия школьников в югославском городе Крагуеваце.* — Корчак Януш (сапр. Гольдшміт Эрш Хенрык; 1878–1942) — польскі педагог, урач, дзіцячы пісьменнік; адхіліўшы прапановы аб уцёках з варшаўскага гета, разам з 200 выхаванцамі і персаналам дома сірот загінуў у нацысцкім канцлагеры. Што датычыць трагедыі ў сербскім г. Крагуеваце, то тут у кастрычніку 1941 г. нямецкія войскі ў адплату за 70 забітых партызанамі нямецкіх салдат і афіцэраў расстралялі 7 тысяч жыхароў горада, сярод якіх было каля 300 вучняў і 18 настаўнікаў мясцовай гімназіі.

[Интерв'ю газете «Московские новости»] (стар. 433)

Друкуецца паводле газ. «Московские новости», 1989, 17 снеж., дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «Облава: диалог по прочтении рукописи» ў рубрыцы «Литература и искусство». Інтэрв'ю ўзяла Вольга Мартыненка.

Датуецца часам першай публікацыі.

Стар. 434. *Жуков* — Жукаў Георгій (1896–1974) — савецкі военачальнік; у часы Другой сусветнай вайны камандуючы вайскамі шэрагу франтоў; намеснік Вярхоўнага Глаўнакамандуючага; Маршал Савецкага Саюза (1943); Герой Савецкага Саюза (1939, 1944, 1945, 1956).

Стар. 434. *...Дантона...* — Дантон Жорж Жак (1759–1794) — французскі рэвалюцыянер, палітычны дзеяч, адзін з заснавальнікаў Першай французскай рэспублікі.

Стар. 435. *...Гегеля или Шопенгауэра...* — Гегель Георг Вільгельм Фрыдрых (1770–1831), Шапенгаўэр Артур (1788–1860) — нямецкія філосафы.

Кроў і праклён (стар. 437)

Друкуецца паводле: Зб. тв.: у 6 т., т. 6, дзе апублікавана пад назвай «Прадмова да кнігі А. Лукашука». Упершыню — Быкаў В. Кроў і праклён / Лукашук А. Здзек: нарысы. Мінск, 1989. Друкавалася таксама пад назвай «Прадмова да кнігі А. Лукашука» ў кн. «На крыжах».

Датуецца часам першай публікацыі.

Перадгісторыя з'яўлення прадмовы вядомая са слоў Аляксандра Лукашука (нар. у 1955), беларускага журналіста, дырэктара Беларускай службы Радыё «Свабода»: «...Дзясяты пад'езд дому на Танкавай, я знаходжу ў паўцемры паштовую скрынку і апускаю рукапіс. Па-мойму, другі экзэмпляр, першы — у рэдакцыі. Канец 1980-х, кніжку рыхтуе часопіс “Маладосць”, першапачатковая назва “Сталін цэліцца ў нас”, здаецца, ужо замененая на “Зьдзек”. Але рэдакцыя баіцца, што без аўтарытэтнай прадмовы надрукаваць ня ўдасца. Праз два дні Васіль Уладзімеравіч тэлефануе забраць тэкст з клясычным “быкаўскім” загаловам “Кроў і праклён”. Вось тады я ўпершыню хіба і пабачыў яго зблізку»¹.

Падчас першапублікацыі ў кн. «Здзек» у прадмове В. Быкава адсутнічае другі абзац зверху: «Але ці можна такімі метадамі і ў такой атмасферы пабудаваць што-небудзь прыстойнае, не кажучы ўжо пра справядлівае сацыялістычнае грамадства?»

¹ Лукашук А. «Лісты цяпер для мяне — манна нябесная»: перапіска з Васілём Быкавым // Быкаў на Свабодзе. С. 566.

В мире прекрасного (стар. 438)

Друкуецца паводле кн.: Глебов Е. Сувениры: пьесы для фортепиано / [вступительные слова В. Быкова; послесловие И. Оловникова]. Минск, 1989, дзе апублікавана ўпершыню ў якасці прадмовы. Друкавалася таксама: Евгений Глебов. Судьбы серебряные струны: воспоминания, интервью, посвящения, эссе / авт. концепция кн., ред.-сост. Лариса Глебова. Минск, 2010.

Датуецца часам першай публікацыі.

Глебаў Яўген (1929–2000) — беларускі кампазітар; народны артыст СССР (1984).

Стар. 438. ...одного из лучших своих балетов «Альпийская баллада»... — Балет «Альпийская баллада» (лібрэта Р. Чарахоўскай) быў пастаноўлены Дзяржаўным акадэмічным вялікім тэатрам Беларусі ў 1967 г.

1990

Зварот да выбаршчыкаў (стар. 441)

Друкуецца паводле кн. «Крыжовы шлях». Упершыню — газ. «Знамя юности», 1990, 25 лют. пад назвай «Пусть решит народ!» у рубрыцы «Открытым текстом». Друкавалася таксама пад назвай «Зварот да выбаршчыкаў» у кн. «На крыжах» і ў Зб. тв.: у 6 т., т. 6.

Датуецца часам першай публікацыі (ва ўсіх кніжных выданнях памылкова ўказаны красавік 1989 г.).

Падчас публікацыі зварота ў кн. «Крыжовы шлях» быў скарачаны перадапошні абзац: «Воля народа не павінна прапасці марна». Апроч таго, у газ. «Знамя юности» пад зваротам пазначана: «Народные депутаты СССР Василь Быков, народный писатель Белоруссии, Владимир Платонов, академик АН СССР и АН БССР, Михаил Савицкий, народный художник СССР».

[Интервью газете «Советская молодежь»] (стар. 442)

Друкуецца паводле газ. «Советская молодежь» (Рыга, Латвія), 1990, 4 мая, дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «Василь Быков: Сегодняшний кризис — от тотальной идеологизации». Інтэрв'ю ўзяў Сяргей Шапран.

Датуецца 22 сакавіка 1990 г. — паводле запісу аўтара інтэрв'ю.

Стар. 442. ...нынешнее белорусское руководство... — Муціц, маецца на ўвазе Сакалоў Яфрэм (нар. у 1926) — беларускі партыйны дзеяч, у 1987–1990 гг. — першы сакратар ЦК КПБ.

Стар. 443. ...членом «Комитета-58»... — Так яшчэ называлася Беларускае гісторыка-асветніцкае таварыства памяці ахвяраў сталінізму «Мартыралог Беларусі», у склад якога першапачаткова ўваходзілі Р. Барадулін, В. Быкаў, В. Вячорка, Н. Гілевіч, А. Грыцкевіч, М. Дубянецкі, У. Конан, Я. Кулік, А. Мальдзіс, З. Пазьняк, П. Панчанка, П. Садоўскі, К. Тарасаў, М. Чарняўскі і інш.

Стар. 443. *В прошлом году, например, по инициативе «Мартыралога» было реабилитировано около пятидесяти деятелей литературы и искусства Белоруссии.* — Быкаў прыгадваў у «Доўгай дарозе дадому»: «Яшчэ вясной я зьвяртаўся да яго [старшыні ВС БССР Георгія Таразевіча. — Уклад.] з просьбай аб рэабілітацыі шмат якіх дзеячаў культуры. Перад тым на нарадзе ў ЦК мы зьвярталіся да Я. Сакалова наконт рэабілітацыі А. Гаруна і Ц. Гартнага, але Сакалоў сказаў, што, “на жаль”, няма адпаведных дакумэнтаў. Пасьяля прыватным чынам я гутарыў наконт таго ж з другім сакратаром Ігруновым, але ўсё без вынікаў. Таразевіч сказаў: “Складзіце сьпіс і падайце мне быццам на памілаваньне”. Я абзваніў усе творчыя саюзы, тэатры, кансэрваторыю — набраў 55 чалавек, аднёс у Вярхоўны Савет. І празь якія два месяцы выйшаў указ, падпісаны Таразевічам, аб рэабілітацыі ўсіх, апроч Ф. Аляхновіча, крымінальная справа якога знаходзілася ў Літве, дзе ён загінуў»¹.

Стар. 444. *«Весь мир не стоит слезинки ребенка».* — Маецца на ўвазе вядомы выраз з рамана Ф. Дастаеўскага «Братья Карамазовы»: Іван Карамазаў, размаўляючы з братам Алёшам, паслушнікам праваслаўнага манастыра, кажа пра непрыманне Бога, які дазваляе пакуты нявінных дзяцей, — супрацьпастаўляючы «слезінку дзіцяці» будучай сусветнай гармоніі, Іван Карамазаў адпрэчвае гармонію, што дасягнута такім коштам.

В железной раковине (стар. 446)

Друкуецца паводле кн. «На крыжах», дзе апублікавана пад назвай «Літаратурная газета». Упершыню — «Лит. газета», 1990, 4 крас. пад назвай «В железной раковине».

Датуецца часам першай публікацыі.

Стар. 447–448. *В самую пору застоя, когда за некоторые публикации на автора этих строк обрушилась зубодробительная критика партийной и военной печати, когда любое партийное мероприятие в Гродно, чему бы оно ни посвящалось, сводилось в итоге к излюбленной теме проработки Быкова за его «клевету» на героизм Советской Армии в годы Великой Отечественной войны...* — Размова ідзе пра другую палову 1960-х — пачатак 1970-х, калі разноснай крытыцы

¹ Гэтае выданне, т. 8, с. 383.

падвяргаліся тры аповесці Быкава: «Мёртвым не баліць», «Праклятая вышыня» і «Круглянскі мост».

Стар. 449. *ИТЛ* — «Исправительно-трудовой лагерь».

Стар. 449. ...из концентрационного лагеря Штуттгоф... — Штуттгаф — нацысцкі канцэнтрацыйны лагер, які быў створаны ў 1939 г. на тэрыторыі акупаванай Трэцім рэйхам Польшчы побач з мястэчкам Штуттгаф (цяпер — Штутава), на ўсход ад Данцыга (Гданьска).

Стар. 449. ...до родного хутора под Белостоком. — Карпюк нарадзіўся ў вёсцы Страшава Беластоцкага ваяводства.

Стар. 450. ...первому секретарю обкома КПБ Микуловичу. — Мікуловіч Іван (1918–?) — беларускі партыйны дзеяч, у 1968–1972 гг. — першы сакратар Гродзенскага абкома КПСС.

Стар. 451. *Первым делом его отстранили от работы секретаря областного отделения СП БССР...* — Карпюк узначальваў Гродзенскае абласное аддзяленне СП БССР у 1965–1970 гг. і ў 1978–1992 гг. Быў зняты ў 1970 г. па надуманай падставе. У выніку аддзяленне СП апынулася пад пагрозай закрыцця, пакуль узначаліць яго не пагадзіўся Быкаў (афіцыйна абавязкі старшыні ён выконваў з мая 1971-га па люты 1978 г.).

Стар. 451. *Жить стало не на что, кормить семью было нечем. Время от времени писал заявления в Литфонд об оказании материальной помощи, но помощь оказывалась маленькой суммой раз в год. Другой помощи ждать было неоткуда.* — Сапраўды, Быкаў пісаў у верасні 1970 г. у лісце да расійскага перакладчыка Паўла Кабзарэўскага: «У меня все слава богу, а вот А. Карпюк вот уже четвертый месяц без работы и без заработка. Пребывает в черном теле»¹. У гэты час Быкаў шукаў розныя шляхі, як дапамагчы сябру, у якога была сям'я — жонка-настаўніца і дзве маленькія дачкі. Напрыклад, пісьмова звяртаўся да сакратара праўлення СП М. Ткачова: «А. Карпюку патрэбна матэрыяльная дапамога хоць бы ў выглядзе фінансавання з выпадку творчай камандзіроўкі. Калі гэта немагчыма зрабіць на яго імя, дык я прашу аформіць такую камандзіроўку на мяне. Вельмі прашу Вас аб гэтым»².

Стар. 451. *Друзья... Ближайший из них, доцент мединститута Б. Клейн, был также исключен из партии и лишился работы...* — Клейн Барыс (нар. у 1928) — беларускі гісторык. У 1971–1972 гг. быў падвергнуты палітычнаму пераследу за адмову прыняць удзел у антыізраільскай кампаніі савецкай прэсы. Быў пазбаўлены вучонай ступені кандыдата гістарычных навук і звання дацэнта з забаронай

¹ Рукапісны тэкст. Арыгінал. БДАМЛМ. Ф. 31, воп. 2, адз. зах. 297, арк. 3.

² Рукапісны тэкст. Арыгінал. БДАМЛМ. Ф. 281, воп. 1, адз. зах. 140, арк. 2.

друкавацца, удзельнічаць у грамадскай дзейнасці і змяняць месца сталага жыхарства. У правах вучонага адноўлены ў 1979 г. Доктар гістарычных навук (1989), прафесар (1990). З 1992 г. жыве ў ЗША.

Стар. 451. *...автор этих строк, будучи беспартийным, подвергся жесткому прессингу партийных и охранительных органов, включая мордобой руками уголовных элементов...* — Быкаў прыгадваў у «Доўгай дарозе дадому»: «Аднойчы ўвечары ён [Б. Клейн. — Уклад.] прыйшоў да мяне на кватэру, мы пасядзелі трохі, і я пайшоў яго праводзіць дадому. Самую важную частку размовы, вядома, прыпасалі да гэтага часу. Клейн жыве недалёка, у цэнтры гораду, каля турмы. Прайшлі ў адзін канец, затым у другі. Было ўжо цёмна, людзей на вуліцы трапляла няшмат. Ля самага пад'езду раптам перад намі выніклі тры, заступілі дарогу. Спыраша мы нават не зразумелі, чаму яны перагарадзілі нам вузкі шлях, як тут жа атрымалі па ўдары ў твары — я і Барыс. У таго адразу ўпалі пад ногі акулера, я здушана крыкнуў: «У чым справа?» І зноў атрымалі — другі раз. Тады мы закрычалі — на ўсю вуліцу. Адзін таропка перайшоў на другі бок, дзе ўжо стаяў трэці з іх групы. Астатні раптам наблізіўся амаль ушчыльную, але замест таго, каб ударыць, ціха сказаў: «Простите, ребята!» і пайшоў да тых двух»¹.

Стар. 452. *...в Гродненский горком, где его первый секретарь Могильницкий...* — Магільніцкі Адам (1930–2011) — беларускі партыйны дзеяч, у 1962–1971 гг. — першы сакратар Гродзенскага гаркома КПБ.

Стар. 453. *белостокский писатель Олек Омелянович* — Дакладней — Амільяновіч Аляксандр (нар. у 1923) — польскі журналіст, блізкі сябар А. Карпюка.

Стар. 454. *На заседании бюро ЦК КПБ благодаря заступничеству покойного П. Машерова Карпюк избежал исключения, отделавшись строгим выговором (за «неискренность перед партией, намерение улучшить автобиографию») — надо же было как-то оправдать многолетние усилия органов, партapparата и прокуратуры.* — Сам А. Карпюк прыгадваў, што пасля разгляду ягонаў справы на бюро ЦК КПБ (калі першы сакратар ЦК П. Машэраў упікнуў яго: «Вы, таварыш Карпюк, калі бачылі што-небудзь заганнае, то, як сапраўдны камуніст, павінны былі ў першую чаргу сюды прыйсці ды выкладаць, што маеце, а вы як рабілі? Вылезце на трыбуну ды галосце на ўсю рэспубліку. Я, бывала, прывязу з Масквы гасцей у Саюз пісьменнікаў Беларусі, а яны з Быкавым, Адамовічам павылаззяць на трыбуну ды на гасцей валяць, а мне хоць скрозь зямлю праваліся! Вось за што мы вас зараз разбіраем») неўзабаве быў выкліканы ў Гродзенскі гарком КПБ для азнаямлення з рашэннем бюро ЦК. «Надзіва, там зноў былі пералічаны ўсе мае ўяўныя злачынствы, — прыгадваў Карпюк, — а пад канец стаяла: ЦК пакідае мяне ў партыі не таму, што не было за

¹ Гэтае выданне, т. 8, с. 243–244.

што выключачь, а з-за майго шчырага раскаяння ды прызнання памылак. [...] Так і ўзялі нада мной бюракраты верх»¹.

Стар. 455. ...создал ряд книг, ставших заметным явлением в современной белорусской литературе. За одну из них получил литературную премию имени И. П. Мележа. — Літаратурную прэмію СП БССР імя І. Мележа Карпюк атрымаў за кнігу «Сучасны канфлікт» (1985).

Стар. 455. *Началом нового витка преследований Карпюка послужили его публикации в областной газете на темы коллективизации в западных областях Белоруссии.* — Размова ідзе пра публікацыю ў газ. «Гродзенская правда» «Печальных былей» А. Карпюка, у выніку чаго ў гродзенскім друку пад грыфам «У бюро абкома КПБ» з’явілася інфармацыйнае паведамленне «Аб звароце ў пісьмах ветэранаў вайны і працы ў абком партыі з выпадку публікацыі “Печальные были” А. Карпюка ў газеце “Гродзенская правда” — ветэраны прасілі «разабрацца з беспрынцыповай пазіцыяй рэдакцыі “Гродзенская правда”, якая дапусціла публікацыю на сваіх старонках артыкулаў А. Карпюка, — яны ачарнілі гісторыю вобласці і яе людзей, сказілі ісціну»². Тут жа быў апублікаваны матэрыял спецыяльнай камісіі, якая прыйшла да высновы, што Карпюк суб’ектыўна і аднабакова адносіцца да вызваленчага паходу Чырвонай Арміі ў верасні 1939 г.; апроч таго, ізноў гаварылася аб падазронай ведамасці ў канцлагеры Штутгоф з подпісам Карпюка на атрыманне нямецкіх марак і аб яго ўцёках адтуль. Сам Аляксей Нічыпаравіч звязваў новыя ганенні са зменай мясцовага кіраўніцтва — ранейшы першы сакратар Гродзенскага абкома КПБ Леанід Кляцкоў, «які сваіх літаратараў апекаваў і ўсяляк ім дапамагаў, а на зграю сталіністаў адзеў наморднік», выйшаў на пенсію, тым часам Гродзенскі гарком КПБ узначаліў Аляксандр Алёшын, які «ў сваім устаноўчым дакладзе з якойсьці бяздумнай лёгкасцю аб’явіў, што сакратар аддзялення СП БССР у Гродне Карпюк са сваімі літаратарамі (цытую) “спрабуе пазбавіць беларускі народ яго гістарычнага мінулага, пры кожным выпадку ўбівае клін паміж працоўнымі і прадстаўнікамі савецкай улады [...], чым, як сцвердзіў дакладчык, Карпюк прыносіць шкоду жыхарам горада і ўсяму беларускаму народу».

Стар. 456. *При этом, кажется, забыт или игнорирован хотя бы тот факт, что почти все бывшие «экзекуторы» Карпюка так или иначе скверно кончили.* — Як прыгадваў А. Карпюк, сапраўды справядліvasць тады, надзіва, узяла верх: «“Генка” папаўся на непрыстойных махінацыях. З мэра горада перавялі яго дырэктарам камбіната.

¹ Карпюк А. Выбраныя творы / уклад., прадм., камент. А. Фядута. Мінск, 2007. С. 425–426, 428.

² Тут і далей цытуецца паводле: Карпюк А. Выбраныя творы. С. 434, 435, 437.

Бачачы, што ўсё гэта толькі пачатак, аднойчы напіўся ды з дубальтоўкі стрэліў сабе ў рот.

Магільніцкі к таму часу выбіўся ў пракуроры рэспублікі. Вельмі пышна сябра пахаваў. Яшчэ дапамог яго судовую справу ануляваць, але пагарэў неўзабаве і сам на вядомай у рэспубліцы авантуры, пасля чаго яго звольнілі з пасады ды выключылі з партыі.

Затым наш абласны цэнтр патрэсла справа высокапастаўленых паляўнічых.

Упамянута ўжо сакратар абкома партыі Ульяновіч з начальнікам КДБ Кузняцовым і намеснікам старшыні аблвыканкама Пронькам былі да ўсяго заядлымі браканьерамі. Гэтыя зухі пад Новы год заехалі ў дзяржаўны Белавежскі запаведнік, каб разжыцца на свята дзічынай. Панапіваліся, кажуць людзі, да таго, што ў вачах ім стала двацца ды траіцца. У выніку чаго адзін, страляючы бытта бы па кабану, загнаў жакан Ульяновічу ў жывот. [...] Усіх “варашылаўскіх стралкоў” Машэраў зараз жа звольніў з працы»¹.

Стар. 456. *...no запросу СМЕРШа...* — СМЕРШ (скарочана ад «Смерць шпіёнам») — афіцыйная назва органаў савецкай ваеннай контрразведкі ў 1943–1946 гг. Існавала тры незалежныя органы: галоўнае ўпраўленне контрразведкі «Смерш» Наркамата абароны — ваенная контрразведка; упраўленне контрразведкі «Смерш» Наркамата Ваенна-марскога флоту і аддзел контрразведкі «Смерш» Наркамата ўнутраных спраў (яго начальнік С. Юхімовіч падпарадкоўваўся непасрэдна Л. Берыі), які і мае на ўвазе Быкаў.

[Выступленне на X з’ездзе СП БССР] (стар. 457)

Друкуецца паводле кн. «Крыжовы шлях», дзе памылкова апублікавана пад назвай «Выступленне на VII з’ездзе СП БССР». Упершыню — пад назвай «За хлеб, за гонар, за праўду...» у газ. «Літ. і мастацтва», 1990, 18 мая і пад назвай «Хлеб и достоинство» — у «Лит. газете», 1990, 27 чэрв. Пад назвай «Выступленне на VII з’ездзе СП БССР» друкавалася ў 36. тв.: у 6 т., т. 6 і ў кн. «На крыжах». Пад назвай «Выступленне на X з’ездзе СП БССР» — у кн.: Быкаў В. Выбраныя творы / уклад., прадм., камент. М. Тычыны. Мінск, 2004.

Можа быць датавана 25 красавіка 1990 г. — днём выступлення В. Быкава на з’ездзе.

X з’езд СП БССР праходзіў у Мінску 25–26 красавіка 1990 г. Пры параўнанні кніжных публікацый і стэнаграмы выступлення В. Быкава (захоўваецца: БДАМЛМ. Ф. 78, воп. 1, адз. зах. 615, арк. 69–78) звяртаюць на сябе ўвагу некаторыя разыходжанні. Так, сказ: «Дзесяцігоддзямі сядзелі, бяскрыўдна дазваляючы папінаць сябе зграі ідэалагічных наглядчыкаў ад класнай дамы Сінельнікавай да

¹ Карпюк А. Выбраныя творы. С. 429.

ідэалагічнага Прышыбеева — Паўлава, які нават стаў нашым калегам» у стэнаграме выглядае іначай: «Дзесяцігоддзямі сядзелі, бяскрыўдна дазваляючы папінаць сябе зграі ідэалагічных наглядчыкаў, сярод якіх адзін Паўлаў чаго варты. Я падтрымліваю абсалютна сённяшняю прапанову накіраваную на выключэння Паўлава з Саюза пісьменнікаў хоць бы за тое ўжо, што за яго антынародную, антынацыянальную дзейнасць на яго ранейшай пасадзе, за тое, што ён увогуле пастараўся накіраваць іншыя класы супраць інтэлігенцыі, супраць творчых саюзаў і, канечне, дамогся ў гэтым сэнсе пэўных і значных поспехаў. (Апладысменты.) Я хачу сказаць, што каб наша партыя дбала пра свой аўтарытэт, пара яго па цяперашнім часе таксама выключыць з радыў Камуністычнай партыі, якую ён даволі-такі зганьбіў у вачах беларускага народу. (Апладысменты.)» (арк. 72). Пасля ж сказа: «За што пасля па адным іх цягалі ў ЦК на допыты, па сутнасці на здзек, бо ўсе пункты скаргаў ЦК КПБ разам з падначаленымі яму міністэрствамі настойліва абвяргаў» у стэнаграме далей ідзе: «І гэтыя скаржнікі выступалі ў якасці, канешне ж, паклёпнікаў» (арк. 74).

Стар. 458. *Сусанін* Іван (?–1613) — расійскі нацыянальны герой; паводле легенды, селянін, які ўзімку 1612–1613 гг. быў наняты атрадам нібыта палякаў у якасці правадыра ў сяло Дамніно, дзе хаваўся расійскі цар Міхаіл Фёдаравіч. Сусанін завёў палякаў у лясы (або балоты), дзе быў імі закатаваны за адмову паказаць правільны шлях. Зрэшты, гэтая легенда выклікае шмат пытанняў.

Стар. 458. *Калі чытаеш у «ПС»...* — «Политический собеседник», друкаваны орган ЦК КПБ.

Стар. 460. *Дзесяцігоддзямі сядзелі, бяскрыўдна дазваляючы папінаць сябе зграі ідэалагічных наглядчыкаў ад класнай дамы Сінельнікавай да ідэалагічнага Прышыбеева — Паўлава, які нават стаў нашым калегам.* — Размова ідзе пра Ж. Сінельнікаву, інструктара сектара літаратуры і мастацтва аддзела культуры ЦК КПБ. «Унцер Прышыбееў» — так называецца апаваданне А. Чэхава, імя галоўнага героя якога зрабілася фразеалагізмам: унцер Прышыбееў — гэта той, хто кожнаму стараецца навізаць сваю волю, усюды ўсталяваць кантроль і парадак. Паўлаў Савелій (нар. у 1934) — беларускі партыйны дзеяч, загадчык аддзела агітацыі і прапаганды ЦК КПБ (1971–1989). Яшчэ на пачатку Х з’езда СП БССР пісьменнікам А. Емельянавым было пастаўлена пытанне аб выключэнні Паўлава з СП. Прапанова была сустрэта апладысментамі і падтрымана іншымі выступоўцамі. У выніку з’езд прыняў асобную рэзалюцыю аб выключэнні С. Паўлава з СП, «як чалавека, які, карыстаючыся сваім службовым становішчам, на працягу многіх гадоў свядома і мэтанакіравана перашкаджаў справе развіцця беларускай літаратуры і культуры ў цэлым»¹.

¹ Паводле стэнаграмы Х з’езда СП БССР. БДАМЛМ. Ф. 78, воп. 1, адз. зах. 615, арк. 296.

Стар. 460. *Тыя, хто цяпер выступае супроць ушанавання таленту Рыгора Барадудзіна...* — Быкаў мае на ўвазе наданне Р. Барадудзіну звання народнага паэта Беларусі, якое ён усё-ткі атрымаў, але толькі ў 1992 г.

Стар. 460. *Калі ў Траецкім прадмесці, дзе цяпер збіраюцца паставіць помнік ахвярам афганскай авантуры...* — Размова ідзе пра мемарыял, будаўніцтва якога пачалося ў 1988 г., калі Афганская вайна яшчэ не скончылася. Мемарыял атрымаў назву «Востраў слёз», або «Востраў мужнасці і смутку» і прысвечаны беларускім воінам-інтэрнацыяналістам, што загінулі падчас вайны ў Афганістане (1979–1989).

Стар. 460. *...векіапамае 30 кастрычніка...* — Маецца на ўвазе 30 кастрычніка 1988 г., калі падчас адзначэння свята Дзяды шматтысячная маніфестацыя была жорстка разаганная АМАПам (падрабязней пра гэта гл. артыкул «Дубінкі против гласности?»).

Стар. 461. *...для якой-небудзь Верхняй Вольты...* — Верхняя Вольга, цяпер Буркіна-Фасо — заходнеафрыканская краіна, што набыла алегарычнае значэнне слабаразвітай дзяржавы.

Стар. 461. *ТБМ* — Таварыства беларускай мовы імя Ф. Скарыны.

Стар. 462. *Саюзы ВС* — Вярхоўны Савет СССР.

Стар. 462. *...Прэзідыум нашага ВС...* — Вярхоўнага Савета БССР.

Стар. 462. *Як яны ні ў нас, ні ў Маскве не адказвалі ні за Венгрыю 1956-га года, ні за Чэхаславакію 1968-га, ні за Афганістан.* — Маецца на ўвазе Венгерскае паўстанне 1956 г. супраць таталітарнага камуністычнага кіраўніцтва Венгерскай Народнай Рэспублікі і ваеннай прысутнасці СССР на тэрыторыі краіны, у выніку якога ўрад быў зрынуты, а новы ўрад афіцыйна распусціў Упраўленне дзяржбяспекі і заявіў пра намер выйсці з Варшаўскай дамовы. Аднак пасля аб'явы аб гатоўнасці весці перамовы пра вывад савецкіх войскаў Палітбюро ЦК КПСС змяніла сваю пазіцыю і пачало задушэнне рэвалюцыі з прымяненнем ваеннай тэхнікі і салдат. У выніку больш за 2500 венграў былі забітыя, а 200 тысяч былі вымушаны пакінуць краіну. СССР у Венгрыі быў усталяваны новы ўрад. Пад Чэхаславакіяй 1968 г. маецца на ўвазе нядоўгі перыяд палітычнай лібералізацыі ў Чэхаславакіі, які звязаны з абраннем першым сакратаром ЦК КПЧ Аляксандра Дубчака і яго рэфармамі, накіраванымі на пашырэнне правоў і свабод грамадзян і дэцэнтралізацыю ўлады ў краіне. Але гэты перыяд працягваўся роўна да таго моманту, пакуль СССР і іншыя члены Варшаўскай дамовы (Польшча, Венгрыя, Румынія і Балгарыя) не ўвялі войскі, у выніку чаго «Пражская вясна» была таксама задушана. Афганская вайна (1979–1989) — ваенны канфлікт на тэрыторыі Дэмакратычнай Рэспублікі Афганістан (з 1987 г. — Рэспубліка Афганістан) паміж урадавымі сіламі Афганістана пры падтрымцы так званага Абмежаванага кантынгенту савецкіх войскаў з аднаго боку і ўзброенымі фармаваннямі афганскіх маджахедаў, якія карысталіся падтрымкай вядучых дзяржаў НАТА (ваенна-палітычнай арганізацыі краін Паўночнай Амерыкі і Еўропы), з другога боку.

Стар. 462. ...самайпрайствам міліцыі... — Відаць, маецца на ўвазе ўчынены міліцыйны ператрус у адным з кабінетаў Дома літаратара.

Стар. 463. ...нашы псеўдавучоныя ад Абэцэдарскага да Залескага. — Абэцэдарскі Лаўрэнцій (1916–1975) — беларускі гісторык, выкладчык; доктар гістарычных навук [тэма доктарскай дысертцыі «Барацьба беларускага народа за злучэнне з Расіяй (другая палова XVI–XVII ст.)»]. Залескі Адам (1912–2002) — беларускі гісторык, педагог; доктар гістарычных навук [тэма доктарскай дысертцыі «Савецкі патрыятызм сялянства ва ўмовах нямецка-фашысцкай акупацыі Беларусі (1941–1944 гг.)»].

[Рецензия на либретто оперы «Мастер и Маргарита»]

(стар. 465)

Друкуецца паводле кн.: «Евгений Глебов. Судьбы серебряные струны».

Датуецца 22 мая 1990 г. — паводле пазнакі напрыканцы рэцэнзіі.

Рэцэнзія на лібрэта кампазітара Яўгена Глебава і яго жонкі Ларысы Глебай (нар. у 1941).

Перекрывать кислород они умели (стар. 465)

Друкуецца паводле «Лит. газеты», 1990, 23 мая.

Датуецца часам першай публікацыі.

Артыкул В. Быкава з’яўляецца адказам на размешчаны ў гэтым жа нумары «Лит. газеты» артыкул «Как они на нас доносили...» Уладзіміра Сеўрука (1932–2005), адказнага супрацоўніка ЦК КПСС (намеснік загадчыка, затым загадчык аддзела прапаганды і агітацыі ЦК КПСС), які, у сваю чаргу, адказаў А. Адамовічу на ягоны артыкул «Так они нами руководили» («Лит. газета», 1990, 2 мая). Выступленнем В. Быкава і У. Сеўрука папярэднічае рэдакцыйны ўступ: «Отклики читателей, вызванные “Пристрастными заметками” Алеся Адамовича “Так они нами руководили”, подтверждают, сколь актуальна тема “художник и власть”. В конечном счете, как говорится в одном из писем, именно это — “так руководили” — привело нас к культурному, духовному обнищанию. [...]»

В. Севрук прав, когда пишет, что «не всякий читатель “Литературки” будет рыться в подшивках двадцатичетырехлетней давности». Мы же порылись и тогда, проверяя аргументы А. Адамовича, и теперь и должны сказать, что, хотя В. Севрук заявляет, что ему в связи с правдинской статьёй “придется прояснить истину”, он все же этого не делает, потому как примеры дает только позитивные и вообще уходит от цитирования “критических инвектив”. Но, проясняя истину, все-таки надо было, наверное, хоть что-то привести из них. Например, это: «Повесть “Мертвым не больно” — неудача автора...

Эта неудача — следствие серьезных идейно-эстетических просчетов писателя». Что же касается сути полемики Адамович — Севрук, то точку в этом плюрализме мнений, касающихся В. Быкова, должен, на наш взгляд, поставить сам В. Быков».

Нагодай для публічної палемікі з'явилася розказана Адамовичам гісторія пра шматгадовы пераслед Быкава Сеўруком, які, усё цяпер аспрэчваючы, пісаў:

«Из статьи узнал я, что являюсь “многолетним изнуряющим бесом”, а также “иезуитом”. Последняя кличка из телеграммы на имя, кстати, М. В. Зимянина, а не М. А. Сулова. Но в ней я был заклеимен и как “антисоветчик” — тогда, в 1981 году, требовался именно такой ярлык. Мог перечеркнуть судьбу любого. Но Михаил Васильевич на пряную приманку не реагировал, лишь оценил публично и автора телеграммы, и исполнителя по моральным нормам порядочных людей.

Начинает Алесь Адамович с собственной интерпретации моей статьи “Правда о великой войне”, опубликованной четверть века назад в “Правде”, 17 апреля 1966 года. Только ни одной строчки из нее, “разгромной” и “антибыковской”, он не приводит. Авось поверят и так, ведь не всякий читатель “Литературки” будет рыться в подшивках двадцатичетырехлетней давности. [...]

Да, есть в статье и четыре с половиной критических абзаца относительно повести “Мертвым не больно”. Думаю — слишком прямолинейные и нормативные, если судить о них четверть века спустя. Но после всех критических инвектив следовал вполне определенный вывод:

“...Отмечая это, мы далеки от того, чтобы бросать тень на все творчество талантливого художника...” [...]

Подвели информаторы Алеся Адамовича и в истории с моей диссертацией. По-моему, они ее просто не читали. Не была она ни “быковской”, ни “антибыковской”. Тема ее определилась еще в 1963 году и звучала без изменений так: “Проблемы гуманизма в советской художественной прозе о Великой Отечественной войне”. Есть там критические суждения о повести В. Быкова “Мертвым не больно” и рассказе “Одна ночь”, так же как и многие страницы, однозначно восторженно (может быть, и не в диссертационном стиле) оценивающие, пожалуй, все остальное, что было написано писателем к тому времени. [...]

И несколько слов, как сам Александр Михайлович сказал, его “кляузе”. Пишу в единственном числе убежденно, потому что и по стилю, и по содержанию она принадлежит все-таки Алесю Адамовичу, хотя там и стоит подпись искренне уважаемого мною большого художника — В. В. Быкова. Ибо это совсем другой человек, чья израненная душа стала для Адамовича разменной монетой в многолетней изнурительной борьбе за “приручение” аппарата — и партийного, и государственного, и общественного. [...]

Стар. 465. *Чтобы по справедливости оценить все значение давней правдинской статьи В. Севрука, надобно представить себе степень идеологического остервенения, охватившего общественную жизнь страны весной 1966 года.* — Размова ідзе пра артыкул «Правда о великой войне» («Правда», 1966, 17 крас.), у якім У. Сеўрук пісаў, у прыватнасці: «Акценты в повести расставлены так, что утрачивается ощущение времени, а порой даже самого характера войны, явившейся великим подвигом советского народа в борьбе против фашизма — злейшего врага человечества. Главный конфликт изображен как столкновение и противоборство “трудяг” и “бедолаг” войны с беспечными к судьбам людей и жестокими силами, олицетворением которых выступают капитан Сахно и председатель трибунала Горбатюк. Такое “расслоение” надуманно и противоречит жизненной правде.

Автор активно осуждает тупую категоричность и подозрительность, с которой относятся к людям Сахно и Горбатюк.

Но разве по-иному мыслит главный герой повести Василевич, которого автор противопоставляет им? Он тоже безапелляционно оценивает людей по профессии, по должности, по фронтовой прописке.

Василевич — отнюдь не тот герой, который воплощает в себе высокие идейные и моральные качества, совесть народа-воина.

Сложных противоречий прошлых лет В. Быков касается не первый. Понятно, что и дальше в искусстве будет продолжаться процесс все более глубокого и полного постижения событий истории нашей страны. Не минуя при этом и горестных страниц, и тех явлений, которые были чужды природе социалистического строя и которым партия окончательно и бесповоротно положила конец. Тут от писателя требуются высокая ответственность, верность партийным, классовым позициям, забота о том, достаточно ли полно и глубоко сказал он о сложном и трудном этапе истории, не увел ли читателя от верных ориентиров в понимании жизни страны и главного конфликта эпохи. Здесь недопустимы односторонние, размашистые оценки, с чем мы встречаемся в повести В. Быкова.

Повесть “Мертвым не больно” — неудача автора. Об этом нужно сказать прямо и бескомпромиссно. Эта неудача — следствие серьезных идейно-эстетических просчетов писателя. Отмечая это, мы далеки от того, чтобы бросать тень на все творчество талантливого художника, но мы решительно против его односторонней и во многом неправдивой концепции времени и общества, отчетливо проступающей в повести. Несостоятельность ее очевидна».

Стар. 466. *На днях белорусская газета «Літаратура і мастацтва» напечала статью В. Хомченко, проливающую новый свет на историю с телеграммой директора издательства М. Дубенецкого, где главным действующим лицом выступает все тот же Севрук.* — Дубянецкі Міхал (1927–1990) — беларускі перакладчык, публіцыст, выдавец, у 1979–1986 гг. — дырэктар выдавецтва «Мастацкая літаратура».

Размова ідзе пра артыкул: Хомчанка В. Гісторыя адной тэлеграмы // Літ. і мастацтва, 1990, 11 мая і пра тэлеграму наступнага зместу:

«СРОЧНАЯ

Москва. ЦК КПСС

товарищу Зимянину М. В.

Глубокоуважаемый Михаил Васильевич

20 ноября вечером по указанию тов. Севрука В. Н. в Минске на завершающей стадии прекращено издание 3-го тома Собрания сочинений народного писателя Белоруссии, депутата Верховного Совета Республики, лауреата Государственных премий СССР, БССР Василя Быкова из-за содержащейся там повести “Мертвым не больно”.

Повесть опубликована “Новым миром” и “Малодосцю”, во многих странах вышла книгой. На всех международных встречах издатели, особенно соцстран, упрекают нас, почему этой книги нет на родине Быкова. На последней ММКВЯ эти упреки, к счастью, как нам казалось, были уже сняты нами. Маловеерам показывалась подписная корректура тома.

Решение тов. Севрука В. Н. объективно носит антисоветский, противозаконный, реакционный характер. Об этом недоумии уже знает весь интеллектуальный Минск, значит, узнает и весь мир.

Дорогой Михаил Васильевич, спасите, пожалуйста, значительную духовную ценность от средневекового костра, а нашу издательскую практику от позора. Повесть талантлива, полностью отвечает духу соцреализма, если его понимать здраво, а не вульгарно-социологически.

С искренним уважением и верой в победу разума,

директор издательства

“Мастацкая літаратура”

*Дубенецкий Михаил Федорович*¹.

Стар. 466. *Отправляя с Адамовичем нашу злополучную жалобу в ЦК КПСС, мы, разумеется, не рассчитывали на скорую справедливость...* — Маецца на ўвазе ліст Быкава і Адамовіча Генеральнаму сакратару ЦК КПСС М. Гарбачову ад 14 студз. 1986 г., размова ў яким ідзе пра пераслед Сеўруком абодвух пісьменнікаў. Быкаў прыгадваў у «Доўгай дарозе дадому»: «Завітаўшы да мяне на кватэру, Адамовіч сказаў, што напісаў ліст Гарбачову, прынёс, каб я яго прачытаў. То была скарга генсеку на яго падначаленага Сеўрука, які даўно і нязрушна зрабіўся злым геніем беларускай літаратуры, у прыватнасці да пісьменнікаў Быкава і Адамовіча. Далей у лісьце ішоў пералік

¹ Завераная машынапісная копія за подпісам М. Дубянецкага і з пачаткай выдавецтва «Мастацкая літаратура». Дзяржаўны музей гісторыі беларускай літаратуры. КП 10735/839.

выпадкаў, калі Сеўрук загадваў рэдактарам і дырэктарам выдавецтваў не друкаваць гэтых літаратараў, зьнімаць са старонак часопісаў іхнія творы, выкідваць артыкулы і нават не пушчаць Адамовіча ў замежныя паездкі, дзе ён павінен быў выступаць з дакладамі. Падпішаш? — пытаўся Адамовіч. Я выказаў сумнеў у карысьці такога звароту, сказаў, што ніколі гэтым людзям ня скардзіўся, але падпісаў. Чаго за кампанію ня зробіш?»¹

Стар. 466. *К чэсти А. Т. Кузьміна, он с должным пониманием отнесся ко всей этой истории, не стал нас распинать...* — Быкаў пісаў у «Доўгай дарозе дадому»: «Доўга з Масквы не было ніякага адказу, затым абодвух падпісантаў нечакана паклікаў Кузьмін. Ён зачытаў нам частку паперы, што атрымаў з апарату ЦК. Там паведамлялася, што з нагоды скаргі двух літаратараў у ЦК КПСС праведзена старанная праверка дзейнасьці тав. Сеўрука У. Н. і што ніводзін факт, прыведзены ў іхнім лісьце, не пацьвердзіўся. Дырэктары выдавецтваў і рэдактары часопісаў паказалі, што тав. Сеўрук не ажыцьцяўляў у адносінах да іх ніякага дыктату, што патрабаваньні да пісачеля Адамовіча былі зроблены па іх асабістай ініцыятыве. У заключэньне сакратару ЦК КПБ загадалася прыняць меры ўздзеяньня на двух беларускіх паклёпнікаў, якія дапусьцілі неадэкватныя выпадкі супраць адказнага работніка ЦК КПСС. Адамовіч слухаў усё тое, і ягоны твар браўся чырвонымі плямамі, я ж адчуваў зласьлівую радасьць за сябра — будзеш ведаць, як скардзіцца! Прачытаўшы, Кузьмін таксама заўсьміхаўся — ну што мне з вамі рабіць? Былі б члены партыі — паставіў бы пытаньне аб выключэньні, а так... Перадам у прафсаюзную арганізацыю, сказаў ён і шчыра засьмяяўся. Мы сумна засьмяяліся разам»². У сваю чаргу А. Адамовіч сведчыў: «Через какое-то время нас с Быковым пригласил к себе секретарь ЦК КПБ А. Т. Кузьмин, единственный, с кем мы находили общий язык, и с понимающей усмешкой подал наше письмо и к нему прилагаемые документы, объяснения, обвинения (в наш с Быковым адрес).

Та папка о многом нам поведала. Во-первых, что мы жаловались на то, что нас мало издают и мало ездим по заграницам. (Прилагался документ, что все совсем наоборот.) Дальше, что Севрук В. Н. не только не надоел интеллигенции за 25 лет сидения «на печати», но, наоборот, работать с ним — отрада и удовольствие (письма руководителей или замов «Советского писателя», СП СССР, «Литературной газеты»). И т. д. и т. п.

Василь мрачно смотрел на меня: ну, что, говорил я тебе? А я был в восторге: мастер есть мастер, даже если он на твоей спине выкалывает чечетку! А. Т. Кузьмин смотрел на нас, как взрослый на

¹ Гэтае выданне, т. 8, с. 376.

² Тамсама, т. 8, с. 376–377.

безмозглях юнцов, пообещал: в покое он вас не оставит, но будет теперь поосторожнее»¹.

Зноў гучыць баявая труба (стар. 466)

Друкуецца паводле газ. «Літ. і мастацтва», 1990, 27 ліп., дзе ўпершыню апублікавана з падзагалоўкам «Ліст у рэдакцыю».

Датуецца часам першай публікацыі.

Ліст за подпісамі В. Быкава, Р. Барадуліна і Міхася Тычыны (нар. у 1943), беларускага крытыка і літаратуразнаўцы, з'яўляецца рэакцыяй на артыкул «Пафос беспачвеннага отрицання» кандыдата філалагічных навук В. Юдзіна, які быў надрукаваны ў часоп. «Політычэскіх беседнік», 1990, № 7 і ў якім разнаснай уніжальнай крытыцы была падвергнута новая кніга Святланы Алексіевіч «Цынкавыя хлопчыкі» (дакладней — фрагменты з яе, што былі надрукаваныя ў «Комсомольской правде», 1990, 15 лют.).

Стар. 467. *Назваваючы пры гэтым імя М. Шолахава, літаратуразнаўца В. Юдзін забывае, што яго герой пасля ўсяго перажытага ўзняў вочы ў неба і ўбачыў «чорнае сонца».* — Размова ідзе пра галоўнага героя рамана «Ціхі Дон» Грыгорыя Мелехава, які, пахаваўшы галоўнае каханне свайго жыцця — Аксінню, узняў вочы на неба: «В дымной мгле суховея вставало над яром солнце. Лучи его серебрили густую седину на непокрытой голове Григория, скользили по бледному и страшному в своей неподвижности лицу. Словно пробудившись от тяжкого сна, он поднял голову и увидел над собой черное небо и ослепительно сияющий черный диск солнца». М. Шолахаў прыгаданы ў артыкуле В. Юдзіна ў наступным кантэксте: «Искусство, взявшее за образец “мрак безнадежности”, теряет право называться искусством, ибо оно не стимулирует к жизни, добру, гуманизму, а в лучшем случае пассивно констатирует низменные стороны бытия, ничего положительного ему не противопоставляя. Но ведь “красота спасет мир”! Не нами сказано. Подлинное искусство во все времена отличалось прежде всего тем, что, не отворачиваясь от дурных сторон жизни, не игнорировало самую жизнь, светило людям вдохновенным положительным идеалом, неустанно звало к торжеству добра и справедливости, то есть подлинно высокое искусство всегда обогащено столь же высоким благородным нравственным стержнем.

Можно ли такой стержень обнаружить в главах книги С. Алексиевич? Вряд ли. Опускаясь в глубины человеческой мерзости, нельзя забывать о небе и солнце, способном высветить в человеке прекрасное. Ярчайший пример тому — преисполненное гуманисти-

¹ Адамович А. Так они нами руководили // Лит. газета, 1990, 2 мая.

ческаго огня творчество Достоевскаго, Толстаго, Чехова, Шолохова, Леонова...»

Стар. 467. *...на мёртвых дзеячай «мадрыдскага двара»... — Жартаўлівы выраз «таямніцы мадрыдскага двара» звычайна ўжываецца з нагоды сенсацыйнага выкрыцця якой-небудзь таямніцы. Фразеалагізм узнік пасля з'яўлення рускага перакладу рамана «Таямніцы Мадрыдскага двара» нямецкага пісьменніка Георга Борна.*

Стар. 468. *І ўсё той жа славуты савецкі «новояз», народжаны ў час вострай ідэалагічнай барацьбы з замежнымі «спецслужбамі»: «отцы-изверги», «досужие судилища», «подлинные патриоты», «славные советские парни», «этакіе хлюпiki-многострадальцы з іх паціфізмам, слацаво-приторной сентыментальнасцю, брезгливо расторгнувшыя всякіе духовныя сувязі з Родинай, своим народом». — Цытаты з артыкула В. Юдзіна.*

Будучыня Беларусі (стар. 468)

Друкуецца паводле кн. «Крыжовы шлях». Упершыню — газ. «Літ. і мастацтва», 1990, 3 жн. пад назвай «Васіль Быкаў: Будучыня Беларусі залежыць ад адзінства і згуртаванасці сіл» у рубрыцы «Дэпутацкі клуб “ЛіМа”». Гутарку вёў Сяргей Навумчык.

Датуецца часам першай публікацыі.

Стар. 468. *Вярхоўны Савет БССР прыняў Дэкларацыю аб дзяржаўным суверэнітэце рэспублікі. — Дэкларацыя была прынята 27 ліпеня 1990 г.*

Стар. 470. *...кандыдатура крайне неппулярнага Я. Лігачова... — Лігачоў Ягор (нар. у 1920) — савецкі дзяржаўны і палітычны дзеяч, сакратар ЦК КПСС (1983–1990).*

Стар. 470. *...калі на выбарах старшынь пастаянных камісій «падсякала» Канаплю, Баршчэўскага, Вярцінскага... — Канапля Яўген (1939–2010) — дырэктар Інстытута радыебіялогіі АН БССР; у 1990–1995 гг. — дэпутат ВС Беларусі XII склікання. Баршчэўскі Лявон (нар. у 1958) — беларускі філолаг, перакладчык, крытык, грамадскі і палітычны дзеяч; у 1990–1995 гг. — дэпутат ВС Беларусі XII склікання; член камісіі па пытаннях адукацыі, культуры і захавання гістарычнай спадчыны, а таксама член камісіі па міжнародных справах і знешнеэканамічнай дзейнасці. Вярцінскі Анатоль (нар. у 1931) — беларускі паэт, драматург, крытык, перакладчык; у 1986–1990 г. — галоўны рэдактар газ. «Літ. і мастацтва»; у 1990–1995 гг. — дэпутат ВС Беларусі XII склікання, намеснік старшыні пастаяннай камісіі па пытаннях галоснасці, сродкаў масавай інфармацыі і правоў чалавека, член канстытуцыйнай камісіі.*

Стар. 470. *...што было ў Расіі пасля лютаўскай рэвалюцыі.* — Лютаўская рэвалюцыя — масавыя антыўрадавыя выступы петраградскіх рабочых і салдат петраградскага гарнізона, якія прывялі да зваржэння расійскай манархіі і стварэння Часовага ўрада. Рэвалюцыйныя падзеі ахапілі перыяд канца лютага — пачатак сакавіка 1917 г.

Да pomoжет вам Бог! (стар. 474)

Друкуецца паводле кн. «На крыжах», дзе апублікавана пад назвай «Журнал “Политика” (Вільнюс)». Упершыню надрукавана на літоўскай мове пад назвай «Да pomoжет вам Бог!» у часоп. «Политика» (Вільнюс, Літва), 1990, № 8.

Датуецца часам першай публікацыі (у кн. «На крыжах» названы ліпень 1990 г. у якасці даты першапублікацыі, між тым у картатэцы Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі пазначана: часоп. «Политика», № 8, то бок магчыма меркаваць, што жнівеньскі, але ўдакладніць гэта не ўяўляецца магчымым з той прычыны, што сам часопіс выйць не ўдалося).

Стар. 475. *Можно по-разному относиться к акту 11 марта...* — 11 сакавіка — Дзень аднаўлення незалежнасці Літвы. У гэты дзень у 1990 г. Вышэйшая Рада Літоўскай ССР абвясціла пра аддзяленне ад СССР і пра намер аднавіць незалежную Рэспубліку Літва.

Стар. 476. *Почти загнанный в подполье, этот фронт организационно оформился благодаря участию и поддержке «Саюдиса», граждан славного Вильнюса, предоставивших белорусам возможность провести в нем свой первый съезд.* — «Саюдис» — грамадска-палітычная арганізацыя Літвы, якая ў 1988–1990 гг. узначаліла працэс выхада Літоўскай ССР са складу СССР. Устаноўчы з’езд БНФ праходзіў у Вільнюсе 24–25 чэрвеня 1989 г.

Полной справедливости! (стар. 477)

Друкуецца паводле «Лит. газеты», 1990, 29 жн., дзе ўпершыню апублікавана ў рубрыцы «Размышления по поводу Президентского Указа».

Датуецца часам першай публікацыі.

Артыкул В. Быкава — рэакцыя на ўказ прэзідэнта СССР М. Гарбачова аб вяртанні савецкага грамадзянства шэрагу дзеячаў рускага замежжа і членам іх сямей: В. Аксёнаву, У. Вайновічу, В. Карчнэму, Л. Копелеву, А. Салжаніцыну і іншым — усяго 23 былым грамадзянам СССР. Тут жа надрукаваныя інтэрв’ю двух з іх — крытыка, дысідэнта і праваабаронцы Льва Копелева (1912–1997) і пісьменніка і дысідэнта Васілія Аксёнава (1932–2009), якія былі

пазбаўлены савецкага грамадзянства ў 1981 г. і далейшае сваё жыццё правялі ў эміграцыі.

Стар. 477. *Они устроили его выдворение, дирижировали многолетней травлей, угрозами и ложью выбивали подписи под исполненными фальшивого гнева письмами, которые распространяли во всесоюзной прессе — от «Правды» до последней заводской многотиражки. Им надо было не только заклеить, стереть в «бумажную пыль» великого гражданина русской земли, но и запачкать подлостью как можно больше имен, в том числе и честных.* — Менавіта Палітбюро ЦК КПСС было рэкамендавана ў 1973 г. пачаць публікацыю рознага кшталту калектыўных лістоў «ад імя вучоных і інтэлігенцыі», у якіх бы асуджаўся акадэмік А. Сахараў¹. Так 29 жніўня 1973 г. у газ. «Правда» з'явілася «Письмо членов Академии наук СССР», у якім сорак акадэмікаў заявілі, што «в последние годы академик А. Д. Сахаров отошел от активной научной деятельности и выступил с рядом заявлений, порочащих государственный строй, внешнюю и внутреннюю политику Советского Союза». А ўжо праз два дні ў «Правде» быў апублікаваны ліст вядомых савецкіх літаратараў, якія абураліся паводзінамі не толькі А. Сахарава, але і А. Салжаніцына. Пад лістам значыліся імёны Ч. Айтматава, Ю. Бондарава, В. Быкава, Р. Гамзатава, А. Ганчара, М. Грыбачова, С. Залыгіна, В. Катаева, А. Кешокава, В. Кажэўнікава, М. Луконіна, Г. Маркава, І. Мележа, С. Міхалкова, С. Нараўчатава, Б. Палявога, С. Сартакова, К. Сіманавы, С. Смірнова, К. Федзіна, А. Чакоўскага, М. Шолахава і інш. Зрэшты, гэта быў толькі пачатак санкцыяванай ЦК КПСС кампаніі — лісты супраць Сахарава і Салжаніцына друкаваліся ў «Правде» (і не толькі там) яшчэ працяглы час. У выніку ў кампанію асуджэння былі ўключаны многія вядомыя прадстаўнікі мастацтва і культуры: Д. Кабалеўскі, Г. Свірыдаў, С. Тулікаў, А. Хачатуран, Ц. Хрэнікаў, Д. Шастаковіч, Р. Шчадрын, А. Эшпай, Р. Аляксандраў, А. Алаў, В. Артманэ, С. Бандарчук, С. Герасімаў, М. Данской, В. Жалакявічус, А. Згурыдзі, Л. Куліджанаў, Я. Матвееў, Ю. Озераў, Ю. Райзман, Г. Рашаль, В. Ціханаў, В. Санаеў, І. Хейфіц, Л. Чурсіна, С. Юткевіч і інш.

Стар. 477. *И я очень хорошо понимаю Александра Исаевича Солженицына, когда он в ответе И. Силаеву сетует на то, что до сих пор движение его слова на родину «тормозят отчаянно»!* — Сілаеў Іван (нар. у 1930) — расійскі дзяржаўны дзеяч, у 1990–1991 гг. — старшыня Савета міністраў РСФСР. Размова ідзе пра адказ А. Салжаніцына на прапанову І. Сілаева прыехаць у Расію ў якасці асабістага госця²: пісьменнік публічна падзякаваў, але адказаў, што

¹ Медведев Р. Андрей Сахаров и Александр Солженицын // Медведев Ж., Медведев Р. Солженицын и Сахаров. Два пророка. М., 2004. С. 21.

² Письмо Председателя Совета Министров РСФСР И. Силаева писателю А. Солженицыну // Советская Россия, 1990, 18 авг.

для яго гэта немагчымая рэч — быць госцем або турыстам на роднай зямлі. «Когда я вернусь на родину, то чтобы жить и умереть там», — напісаў А. Салжаніцын¹.

Вечное слово Франциска Скорины (стар. 478)

Друкуецца паводле кн. «На крыжах», дзе апублікавана пад назвай «Газета “Известия”». Упершыню — газ. «Известия», 1990, 4 верас. пад назвай «Вечное слово Франциска Скорины: к 500-летию со дня рождения великого сына Белоруссии».

Датуецца часам першай публікацыі.

Артыкул напісаны да 500-годдзя Францыска Скарыны (каля 1490 — каля 1551), беларускага і ўсходнеславянскага першадрукара, пісьменніка і асветніка-гуманіста.

Стар. 479. *В течение небывало короткого времени Скорина перевел, прокомментировал и напечатал 23 книги Библии под общим названием «Библия Руска, выложена доктором Франциском Скаринюю из славного горда Полоцька богу ко чти и людям посполитым к добру научению».* — Дакладней: «Библия руска, выложена доктором Франциском Скаринюю из славного града Полоцька, Богу ко чти и людемъ посполитым к доброму научению».

Стар. 479. *Не приняла его и Москва, куда он приехал в конце 1520 года с намерением заинтересовать русское правительство в книгопечатании.* — Дакладней, як лічаць некаторыя даследчыкі, Маскву Ф. Скарына мог наведаць у канцы 1520-х — у пачатку 1530-х гг.

Стар. 479. *...«люди, где зародились и ускормлены суть по бозе, к тому месту великую ласку имеют»...* — Дакладней: «люди, где зародились и ускормлены суть по Бозе, к тому месту великую ласку иметь».

[Интервью газете «Известия»] (стар. 480)

Друкуецца паводле газ. «Известия», 1990, 14 верас., дзе ўпершыню апублікавана пад назвай «“Батьковщина” собирает друзей». Запісаў Міхаіл Шыманскі.

Датуецца часам першай публікацыі.

Інтэрв’ю з нагоды ўстаноўчай канферэнцыі Згуртавання беларусаў свету «Бацькаўшчына».

¹ От Л. Солженицына — И. Силаеву // Комсомольская правда, 1990, 24 авг.

Так что же сделали с Победой? (стар. 481)

Друкуецца паводле кн. «На крыжах», дзе апублікавана пад назвай «Газета “Комсомольская правда”». Упершыню — газ. «Комсомольская правда», 1990, 29 верас. пад назвай «Так что же сделали с Победой?» у рубрыцы «Возвращаясь к напечатанному».

Датуецца часам першай публікацыі.

Падчас першапублікацыі артыкулу папярэднічае ўступнае слова: «Опубликован 31 августа отклики на беседу “Украденная Победа” нашего политического обозревателя А. Афанасьева и историка Г. Бордюгова (см. “КП” от 05.05.90), мы полагали, что в разговоре в основном поставлены точки над “і”. Однако мы ошиблись — дискуссия получила продолжение: эстафету приняла “Правда”, предоставив слово поэтессе Ю. Друниной. Не станем отгадывать, почему столь уважаемый нами человек решила участвовать в разговоре, прибегнув к недопустимому, на наш взгляд, в мирной жизни тону. Но важнее, впрочем, суть полемики. Мы решили завершить ее, предоставив слово еще одному уважаемому человеку, также участнику Великой Отечественной войны».

Стар. 482. «план Маршала» — Афіцыйная назва — «Праграма аднаўлення Еўропы», праграма дапамогі Еўропе пасля Другой сусветнай вайны. План быў прапанаваны ў 1947 г. амерыканскім дзяржаўным сакратаром Джорджам К. Маршалам. У яго ажыццяўленні ўдзельнічалі 17 еўрапейскіх краін (уключаючы Заходнюю Германію). «План Маршала» з’яўляецца адной з найбольш паспяховых эканамічных праграм у сусветнай гісторыі.

Стар. 482. *Покончив в канун войны с Троцким...* — Троцкі Леў (імя пры нараджэнні — Бранштэйн Лейба; 1879–1940) — расійскі дзеяч міжнароднага камуністычнага рэвалюцыйнага руху, практык і тэарэтык марксізму, ідэолаг адной з яго плыняў — трацкізму. Адзін з арганізатараў Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 г. і стваральнікаў Чырвонай Арміі. У першым савецкім урадзе — наркам па замежных справах; у 1918–1925 гг. — наркам па ваенных і марскіх справах і старшыня Рэўваенсавета РСФСР, потым СССР. З 1923 г. — лідар унутрыпартыйнай левай апазіцыі («Новы курс»). У 1919–1926 гг. — член Палітбюро ВКП(б). У 1927 г. быў зняты з усіх пастоў і адпраўлены ў ссылку. У 1929 г. — высланы за межы СССР. У 1932 г. пазбаўлены савецкага грамадзянства. У 1940 г. смяротна паранены агентам НКУС у Мехіка (Мексіка).

Стар. 482. *Для решительного поворота от недавнего плодотворного сотрудничества с союзниками требовалась формальная зацепка, и ее великодушно подкинул Черчилль, выступив с известной речью в Фултоне.* — Маецца на ўвазе прамова Уінстана Чэрчыля (які ў той момант не быў прэм’ер-міністрам Вялікабрытаніі, а пасля паразы кансерватыўнай партыі на выбарах з’яўляўся лідарам апазіцыі) 5 са-

кавіка 1946 г. у Вестмінстэрскім каледжы ў Фултоне (ЗША). Гэтая прамова стала афіцыйным пачаткам «халоднай вайны» — Сталін, паставіўшы Чэрчыля ў адзін шэраг з Гітлерам, заявіў, што той заклікаў Запад да вайны з СССР.

Стар. 483. *Юлія Друніна* — Друніна Юлія (1924–1991) — расійская паэтка. З пачаткам вайны ў 1941 г. 16-гадовая Ю. Друніна, дабавіўшы сабе год, запісалася ў добраахвотную санітарную дружыну. У 1943 г. пасля цяжкага ранення была прызнана інвалідам і камісавана.

Стар. 484. *Александр Зиновьев* — Зіноўеў Аляксандр (1922–2006) — расійскі філосаф, пісьменнік, сацыёлаг. Пасля публікацыі на Захадзе вострасатырычнай кнігі «Зияющие высоты», якая прынесла А. Зіноўеву сусветную вядомасць, быў высланы з краіны і пазбаўлены савецкага грамадзянства (1978). Вярнуўся ў Расію ў 1999 г.

Стар. 484. *...известный герой Малой земли.* — Муціць, маецца на ўвазе Леанід Брэжнеў (1906–1982), з 1964 г. — першы сакратар ЦК КПСС (з 1966 г. — Генеральны сакратар); аўтар мемуарнай трылогіі «Малая зямля», «Адраджэнне» і «Цаліна», за якую ў 1980 г. атрымаў Ленінскую прэмію па літаратуры, што, зрэшты, ад самага пачатку ў пэўнай частцы савецкага грамадства выклікала іронію, бо ўспаміны Л. Брэжнева былі падрыхтаваны да друку не ім самім, а прафесійнымі журналістамі.

[Выступленне на ўстаноўчай канферэнцыі Згуртавання беларусаў свету «Бацькаўшчына»] (стар. 485)

Друкуецца паводле газ. «Літ. і мастацтва», 1990, 12 кастр., дзе ўпершыню апублікавана разам з артыкулам старшага намесніка старшыні рады Згуртавання «Бацькаўшчына» Вячаслава Рагойшы пад агульнай назвай «Бацькаўшчына кліча!».

Можа быць датавана часам правядзення ўстаноўчай канферэнцыі Згуртавання беларусаў свету «Бацькаўшчына» — 10 верасня 1990 г.

Стар. 487. *БАМ* — Байкала-Амурская магістраль, чыгуначная дарога ва Усходняй Сібіры і на Далёкім Усходзе.

Давайте спорить, а не ошеломять оппонента (стар. 488)

Друкуецца паводле кн. «На крыжах», дзе апублікавана пад назвай «Газета “Комсомольская правда”». Упершыню — газ. «Комсомольская правда», 1990, 14 кастр. пад назвай: «Василь Быков: Давайте спорить, а не ошеломять оппонента».

Датуецца часам першай публікацыі (у кн. «На крыжах» памылкова пазначаны жнівень 1990 г.).

Артыкул напісаны В. Быкавым адмыслова да канферэнцыі пісьменнікаў і грамадскіх дзеячаў з СССР і рускага замежжа, якая праходзіла 15–16 кастрычніка 1990 г. у Рыме (Італія) і галоўнай ідэяй якой было не ідэйнае прымірэнне, але прымірэнне нацыянальнае, за грамадзянскі мір у СССР — супраць грамадзянскай вайны¹.

Фрагмент: «Хорошо это или плохо — другой вопрос, но мы не можем относиться к этому явлению иначе, как к мало зависящей от нас данности. Которую, однако, нельзя не учитывать, хотя бы потому, что приходится существовать в ней, как-то с нею мириться и — что сложнее всего — что-то еще в ней творить» адсутнічае ў першапублікацыі ў газ. «Комсомольская правда».

Абудзіць у сабе сумленне (стар. 490)

Друкуецца паводле газ. «Літ. і мастацтва», 1990, 2 лістап., дзе ўпершыню апублікавана. Друкавалася ў скарачэнні разам з тэкстам выступлення Д. Ліхачова пад агульнай назвай «Попытаться разбудить в себе совесть...» у рубрыцы «Из стенограммы Римской встречи» — у часоп. «Родина», 1990, № 12; разам з фрагментамі выступленняў Ч. Айтматава, Д. Ліхачова, У. Максімава і ліста І. Бродскага пад агульнай назвай «Прямые речи Римской встречи» — у газ. «Поиск», 1990, 26 кастр. — 1 лістап.; падрыхт. Б. Пастарнак і Е. Панарына); у «Народнай газете», 1991, 3 студз. — пад назвай «Слова народнага пісьменніка Беларусі Васіля Быкава: Сорам — пачуццё, болей вартае за нянавісьць»; пад назвай «Выступление на Римском конгрессе литераторов» — у кн. «На крыжах».

Можа быць датавана кастрычнікам 1990 г.

Рымская канферэнцыя (кангрэс) прадстаўнікоў расійскай і савецкай літаратур «Нацыянальныя пытанні ў СССР: абнаўленне ці грамадзянская вайна?» была арганізавана 15–16 кастрычніка 1990 г. рэдакцыяй газ. «Комсомольская правда» і парызскім часоп. «Континент» пры ўдзеле Незалежнага ўніверсітэта «Вашынгтон — Парыж — Масква» (Вашынгтон, ЗША) і Хельсінкскага камітэта Італіі. На канферэнцыі выступілі савецкія пісьменнікі і дзеячы культуры, а таксама прадстаўнікі рускай эміграцыі Ч. Айтматаў, У. Букоўскі, І. Гарбанеўская, Д. Ліхачоў, У. Максімаў, А. Стрэляны, М. Шамякін; быў абраны аргкамітэт «Нацыянальнай згоды», старшынямі якога сталі У. Максімаў і В. Быкаў.

Падчас канферэнцыі было прынятае «Римское обращение», падпісанае ў тым ліку Быкавым:

¹ Паводле рэдакцыйнага ўступнага слова да артыкулаў В. Быкава і У. Салаўхіна («Комсомольская правда», 1990, 14 окт.).

«РИМСКОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Мы, писатели и общественные деятели, живущие в СССР и на Западе, собрались в Риме на конференцию “Национальные вопросы в СССР: обновление или гражданская война?” в тот момент, когда заканчивается существование одной из величайших империй в истории человечества и на ее территории возникают новые государственные образования. Мы по-разному объясняем и оцениваем этот процесс, но он уже необратим. Речь сегодня может идти не о предотвращении или консервации происходящего, а только о правовом, демократическом и человеческом решении возникающих в его ходе национальных, социальных, территориальных, политических и прочих конфликтов.

Мы считаем, что основой решения национального вопроса в СССР, как и во всем мире, является реальное право на самоопределение путем референдума или решения свободно избранного парламента. Независимо от того, будет ли осуществляться это право в виде отделения республик или сохранения какими-то из них тех или иных форм государственного единства, в любом случае оно предполагает культурную автономию и гражданские права всех национальных меньшинств.

С другой стороны, современное общественное развитие создает потребность и условия экономической интеграции разных стран на основе равноправия, суверенности и уважения взаимных интересов, как показывает пример Европейского сообщества. Мы считаем желательным, чтобы государства, которые возникнут в результате этого процесса, добровольно налаживали экономическое сотрудничество.

Все это, на наш взгляд, неосуществимо без полной и окончательной ликвидации тоталитарной системы и без высвобождения возможностей национально-исторического творчества народов теперешнего СССР. Все это также неосуществимо без отказа от имперского, тоталитарного мышления как в целом в стране, так и в республиках, от любого применения насилия — как физического, так и духовного. В том числе — без отказа от разжигания национальной вражды, межрелигиозной нетерпимости, антисемитизма, русофобии, ненависти к “инородцам” и шовинизма любого толка.

И здесь мы видим особую роль интеллигенции, освобождающейся от власти всяческих утопий и обязанной взять на себя ответственность за развитие подлинного диалога народов и национальных культур, ибо любая национальная культура принадлежит всему человечеству и может сдерживать нарастание агрессивного национализма. Противостоять моральному нигилизму, который охватил современное общество, и восстановить подлинную иерархию духовных ценностей трудно без возрождения исторического и религиозного сознания и критического мышления, и в этом задача любой национальной интеллигенции.

У нас остается единственная возможность: честный, настоящий диалог. Диалог внутри страны и со всем миром. Диалог на всех уров-

нях — национальном, политическом, культурном, религиозном. Мы, интеллигенция, должны найти в себе достаточно дальновидности и гражданской решимости продолжать и расширять такой диалог, переводя его в плоскость практических дел.

Евгений Аверин, Чингиз Айтматов, Виктор Астафьев, Григорий Бакланов, Иосиф Бродский, Владимир Буковский, Василь Быков, Игорь Виноградов, Наталья Горбаневская, Андрей Дементьев, Сергей Залыгин, Игорь Золотусский, Владимир Крутин, Дмитрий Лихачев, Эдуард Лозанский, Владимир Максимов, Эрнст Неизвестный, Леонид Плющ, Владимир Солоухин, Анатолий Стреляный, Владимир Фронин, Михаил Шемякин, Юлиу Эдлис.

К обращению присоединились:

*Серджио Рапетти, Витторио Страда, Клара Страда, Антонио Станго*¹.

[Памяти Андрея Сахарова] (стар. 493)

Друкуецца паводле кн. «На крыжах», дзе апублікавана пад назвай «Еженедельник “Московские новости”».

Гіпатэтычна магчыма датаваць снежнем 1990 г. — паводле пазнакі ў кн. «На крыжах».

Артыкул напісаны з нагоды смерці акадэміка Андрэя Сахарова (1929–1989), расійскага фізіка і грамадскага дзеяча, дысідэнта, праваабаронцы; аднаго са стваральнікаў першай савецкай вадароднай бомбы; лаўрэата Нобелеўскай прэміі міра (1975). Месца першапублікацыі артыкула В. Быкава не выяўлена з прычыны таго, што неабходныя нумары газ. «Московские новости» (А. Сахараў памёр 14 снежня 1989 г.), што захоўваюцца ў Нацыянальнай бібліятэцы Беларусі, маюць пашкоджаны выгляд, частка артыкулаў адсутнічае.

Стар. 494. *Горбачев освободил его от унижительной, противоправной ссылки...* — У 1980 г. А. Сахараў быў без суда сасланы ў Горкі (цяпер — Ніжні Ноўгарад). Тады ж за антысавецкую дзейнасць быў пазбаўлены звання тройчы Героя Сацыялістычнай Працы (1953, 1956, 1962) і званняў лаўрэата Сталінскай (1953) і Ленінскай (1956) прэмій. Вярнуўся ў Маскву напрыканцы 1986 г. з дазволу Генеральнага сакратара ЦК КПСС М. Гарбачова.

¹ Друкуецца паводле: Комсомольская правда, 1990, 23 окт., дзе ўпершыню апублікавана; друкавалася таксама: Обращение // Московские новости, 1990, 26 окт. — 1 нояб.

[Предисловие к избранным произведениям Владимира Короткевича] (стар. 496)

Друкуецца паводле кн. «На крыжах», дзе апублікавана пад назвай «Предисловие к двухтомнику Владимира Короткевича. Издательство “Художественная литература”».

Датуецца паводле пазнакі ў кн. «На крыжах».

Дадзеная прадмова з’яўляецца, па сутнасці, пашыраным і дапрацаваным варыянтам прадмовы «Яркае і самабытнае дараванне» да Выбранных твораў У. Караткевіча 1980 г. выдання¹.

Стар. 498. *Его посмертный сборник «Был. Есть. Буду»...* — Караткевич У. Быў. Ёсць. Буду: кніга паэзіі. Мінск, 1986.

Стар. 499. *В 1964 году журнал «Малодосць» опубликовал историко-приключенческий детектив «Дикая охота короля Стаха» — одно из самых популярных произведений Владимира Короткевича. Сразу после появления в журнале оно было переведено на другие языки, впоследствии экранизировано, в киноварианте обошло многие экраны мира и удостоено Оскара, высшей награды США.* — Фільм кінарэжысёра Валерыя Рубінчыка «Дзікае паляванне караля Стаха» (1979; сцэнарый У. Караткевіча і В. Рубінчыка) быў лаўрэатам многіх замежных кінафестываляў (у Бельгіі, ЗША, Італіі, Канадзе, Францыі), але прэміяй «Оскар» уганараваны не быў.

Стар. 499. *...Генриха Сенкевича.* — Сянкевіч Генрык (1846–1916) — польскі пісьменнік, аўтар гістарычных раманаў; лаўрэат Нобелеўскай прэміі (1905).

Стар. 500. *...животись Иеронима Босха.* — Босх Іеранім (сапр. ван Акен Ерун; каля 1450–1516) — нідэрландскі мастак, адзін з выбітных мастакоў перыяда Паўночнага Адраджэння.

Стар. 500. *В предпоследний год своей жизни он заканчивает «Черный замок Ольшанский» — эту «наполовину безделушку, в которой, однако, также есть спрятанный смысл и еще кое-что», — как писал он на одной из своих книжек.* — Быкаў цытуе дарчы аўтограф Караткевіча на кнізе «Чорны замак Альшанскі» (Мінск, 1983): «Васілю Быкаву. Другу майму шчыраму, пісьменніку вышэй Эверэста, чалавеку, якога я за шмат што паважаю і люблю — гэтую напаўзабаўку, у якой, аднак, таксама ёсць схаваны сэнс і яшчэ сёе-тое (капаць толькі доўга). Яму і дарагой ягонай Ірышы² з любоўю. Ул. Караткевіч. 11 лютага 84 г.»³

¹ Быкаў В. Яркае і самабытнае дараванне // Караткевіч У. Выбр. тв.: у 2 т. Т. 1. Апавяданні, аповесці. Мінск, 1980. Гл. гэтае выданне, т. 10, кн. 1, с. 413–417.

² Быкава Ірына (нар. у 1927) — другая жонка В. Быкава.

³ Захоўваецца ў Архіве В. Быкава.

[Предисловие к книге «Белорусская кровинка» Евгения Евтушенко] (стар. 504)

Друкуецца паводле: Евтушенко Е. Белорусская кровинка: отрывок из поэмы, стихи. Минск, 1990, дзе ўпершыню апублікавана.
Датуецца часам першай публікацыі.

Стар. 504. *Ко всему сказанному, может, нелишне добавить, что родные истоки Евгения Александровича находятся в Белоруссии...* — Продкі Яўгена Еўтушэнкі па лініі маці Зінаіды Еўтушэнкі паходзяць з вёскі Хамічы на Гомельшчыне (цяпер Калінкавіцкі раён Гомельскай вобласці). Па сведчанні Я. Еўтушэнкі, ягоная маці ніколі не была на Палессі і нават забылася назву роднай вёскі яе бацькі, прыгадала выпадкова — паэт пісаў у паэме «Мама и нейтронная бомба»:

Мама никогда не бывала в Полесье,
но знала, что там у деда остались
две сестры,
 одна из которых, Ганна,
приезжала однажды в тридцатых к нам в гости
и привезла мне постолы —
 белорусские лапоточки, —
а ещё корзину,
 где было штук сто яиц.
Мама забыла название отцовской деревни,
но когда мы однажды при маме с друзьями
вспоминали о славном прошлом футбола —
 о Хомиче, о Боброве,
мама вскрикнула: «Хомичи!
 Хомичи — это село!»

Стар. 504. *...Ермолай Евтушенко, дед поэта, трагически погибший во времена сталинского геноцида.* — Еўтушэнка Ермалай (1883–1938) — дзед Я. Еўтушэнкі (бацька маці паэта) служыў інспектарам у Артылерыйскім упраўленні РККА («Рабоче-Крестьянской Красной Армии»). Быў расстраляны ў 1938 г. за ўдзел у «кантррэвалюцыйнай тэарыястачнай арганізацыі». Рэабілітаваны ў 1957 г.

Стар. 504. *Здесь же и «тетка Ганна», о встрече с нею рассказывает в поэме «Мама и нейтронная бомба».* — Цётка Ганна — родная сястра Ермалая Навумавіча Еўтушэнкі, дзеда паэта. Сустрэча з ёй наступным чынам апісана ў паэме «Мама и нейтронная бомба»:

...И какая-то непостижимая сила
меня толкнула
 к махонькой ловкой старушке,
которая, взяв за шкуру мешок,

наполненный наполовину,
встряхивала его,
как сонного пьяного мужика.
«Вы — Ганна?» —
«Ну я буду Ганна... — она отвечала,
вытирая руки о старенький сарафан. —
А вы будете хто?» —
«А я — ваш внук Женя...» —
«Ды як же ты Женя?
Хиба ж ты з голоду не помер
на войне у Маскве?» —
«Не умер...»

И тогда она взвыла на целое поле:
«Людцы, бяжите сюды!
Кровиночка наша знайшлася!»
И заплакали Андрей Макаенок
и генерал ВВС,
когда ко мне побежали женщины
и поползли младенцы,
все — с незабудочными явтушенковскими глазами,
сжимая в руках картофелины,
второе больше их крошечных кулачков...

[Вітальнае слова часопісу «Полацак»] (стар. 505)

Друкуецца паводле часоп. «Полацак» (Кліўленд, ЗША), 1991,
№ 2, дзе ўпершыню апублікавана.

Вітальнае слова В. Быкава можа быць датавана 1990 г., бо побач надрукавана і вітальнае слова Р. Барадуліна, напрыканцы якога пазначана: «Менск, 90».

Сяргей Шапран

ЗМЕСТ

1981

[Інтэрв'ю часопісу «Беларусь»]	5
Заканчэння не будзе.....	7
[Інтэрв'ю газеце «Віцебскі рабочы»]	10
Зарука нашае будучыні.....	12
Слова за намі.....	16
Сильные духом.....	18
[Интервью газете «Социалистическая индустрия»]	20
На чарговым этапе	24
Болгария — Белоруссия.....	29
Галоўнае дасягненне нашай літаратуры	30
[Прадмова да кнігі «Чайкі над Эльтыгенам» Анатоля Ніканоркіна].....	36
[Предисловие к книге «Почтовый круг» Валерия Хайрюзова].....	37

1982

Дорога памяці.....	39
[Интервью газете «Красная звезда»].....	46
Некалькі злабадзённых пытанняў	49
У дзень юбілею.....	51
Няўступлівае сумленне.....	52
Некалькі думак перад юбілеем.....	53
Майстар мастацкай прозы.....	56
[Прадмова да кнігі Яўгена Каршукова «Пісьмо жонцы»].....	57

1983

Андрэй Макаёнак.....	59
[Интервью газете «Комсомольская правда»]	61
[Інтэрв'ю газеце «Голас Радзімы»]	66
Нашы сіла і воля.....	70

	[Интервью журналу «Отчизна»].....	77
	Наука побеждать.....	83
	Тое, што стала жыццём і лёсам.....	85
	[Интервью газете «Советская молодежь»].....	89
	[Адказы на пытанні Аляксея Гардзіцкага і ўдзельнікаў літаратурнага семінара ў Доме творчасці пісьменнікаў у Каралішчавічах].....	92
	[Сергей Залыгин].....	102
	Урокі мінулай вайны.....	104
	О пережитом.....	105
1984		
	[Інтэрв'ю часопісу «Польмя»].....	107
	[Беседа для журналу «Юность»].....	118
	Скорбь народная.....	124
	От имени поколения.....	125
	[Интервью газете «Гродненская правда»].....	127
	[Беседа для газеты «Книжное обозрение»].....	128
	[Гутарка з Аляксеем Гардзіцкім].....	131
	[Беседа для газеты «Литературная Россия»].....	132
	[Интервью газете «Неделя»].....	141
	Светлы дзень.....	145
	Помнить!.....	146
	[Интервью газете «Советская торговля»].....	153
	[Интервью газете «Правда Украины»].....	155
	Рыцар чалавечага духу.....	159
	[Выступленне на пленуме СП БССР (лістапад 1984 г.)].....	160
	[Ответ на анкету «Литературной газеты» «Право на имя»].....	162
	Высакароднасць погляду на свет і жыццё.....	163
	Пра Петруса Броўку.....	165

	[Прадмова да рамана «Ядловец стрывае і ў спёку» Юло Тууліка].....	168
1985	На Тыняновских чтениях.....	169
	Дожить до Победы.....	171
	[Интервью газете «Смена»].....	174
	[Выступленне на вечары Рыгора Барадулiна].....	179
	Под Кировоградом.....	181
	[Ответы на анкету журнала «Вопросы литературы»].....	188
	Во имя жизни.....	189
	[Выступленне на пленуме СП БССР (чэрвень 1985 г.)].....	193
	Правда, простота, искренность.....	196
	[Предисловие к книге Анатолия Сульянова «Хождение за седьмое небо»].....	200
1986	[Вступительное слово к воспоминаниям Анны Беляй].....	204
	[Иван Драч].....	204
	[Выступленне на IX з'ездзе СП БССР].....	206
	[Интервью «Литературной газете»].....	209
	[Интервью газете «Вечерний Ленинград»].....	219
	[Інтэрв'ю для Агенцтва друку «Навіны»].....	222
	[Гутарка з чытачамі ў Дзяржаўнай бібліятэцы Беларусі].....	223
	[Вячаслаў Кандрацьеў].....	231
1987	[Выступленне на сходзе, прысвечаным 150-м угодкам з дня смерці Аляксандра Пушкіна].....	232
	[Гутарка з Файезам Рашыдам].....	234
	[Интервью журналу «Огонек»].....	236
	Мужнасць.....	251

Прызнанне ў любові.....	254
[Коллективное письмо в редакцию газеты «Советская культура»].....	256
[Монолог, записанный Геннадием Жаворонковым].....	260
Не отлучайте сами себя.....	262
[Ответ на вопрос газеты «Московские новости»].....	266
1988	
Вопросы, ждущие ответа.....	268
[Беседа для сборника «Весть»].....	275
Не останавливаться.....	293
[Беседа с Иваном Афанасьевым].....	298
[Выступленне на пленуме СП БССР (май 1988 г.)].....	310
Курапаты — дарога смерці.....	318
Единственный шанс.....	319
Учора і сёння.....	326
Мова — душа народа.....	335
[Коллективное письмо в редакцию газеты «Советская культура» о создании музея Марка Шагала в Витебске].....	341
[Выступленне на ўстаноўчым сходзе Беларускага гісторыка-асветніцкага таварыства памяці ахвяраў сталінізму «Мартыралог Беларусі»].....	343
[Марк Шагал].....	345
[Интервью газете «Московские новости»].....	346
Дубинки против гласности?.....	348
[Інтэрв'ю газеце «Літаратура і мастацтва»].....	355
[Інтэрв'ю газеце «Чырвоная змена»].....	357

1989

Выпрабаванне дэмакратыяй.....	359
[Ответы на вопросы студентов и преподавателей МГУ им. М. В. Ломоносова и читателей «Литературной газеты»].....	365
Гуманизм невозможно учредить.....	377
Путь — демократизация.....	384
[Беседа для журнала «Наше наследие»].....	386
[Интервью газете «Молодежь Эстонии»].....	394
[Адказы на пытанні газеты «Літаратура і мастацтва»].....	402
Свидетельствую: методы силы и запрета отжили свое!.....	403
[Прамова на I з'ездзе БНФ].....	408
[Коллективное письмо народных депутатов СССР].....	410
Синдром неприятия.....	413
Назад ці наперад?.....	416
[Интервью газете «Во славу Родины»].....	427
[Интервью газете «Московские новости»].....	433
Кроў і праклён.....	437
В мире прекрасного.....	438

1990

Зварот да выбаршчыкаў.....	441
[Интервью газете «Советская молодежь»].....	442
В железной раковине.....	446
[Выступленне на X з'ездзе СП БССР].....	457
[Рецензия на либретто оперы «Мастер и Маргарита»].....	465
Перекрывать кислород они умели.....	465
Зноў гучыць баявая труба.....	466
Будучыня Беларусі.....	468
Да поможет вам Бог!.....	474

Полной справедливости!	477
Вечное слово Франциска Скорины	478
[Интервью газете «Известия»].....	480
Так что же сделали с Победой?	481
[Выступленне на ўстаноўчай канферэнцыі Згуртавання беларусаў свету «Бацькаўшчына»].....	485
Давайте спорить, а не ошеломлять оппонента.....	488
Абудзіць у сабе сумленне	490
[Памяти Андрея Сахарова].....	493
[Предисловие к избранным произведениям Владимира Короткевича].....	496
[Предисловие к книге «Белорусская кровинка» Евгения Евтушенко]	504
[Вітальнае слова часопісу «Полацак»].....	505

Быкаў, В.

Б95 Поўны збор твораў : у 14 т. / Васіль Быкаў. — Мінск : Кнігазбор, 2019. — Т. 10, кн. 2 : Артыкулы, эсэ, прадмовы, выступленні, інтэрв'ю, гутаркі, калектыўныя творы (1981–1990). — 640 с.
ISBN 978-985-7207-84-8.

Гэта першы ў гісторыі Поўны збор твораў народнага пісьменніка Беларусі Васіля Быкава (1924–2003).

Другую кнігу дзясятага тома склала публіцыстычная і літаратурна-крытычная спадчына В. Быкава 1981–1990 гг.: артыкулы, эсэ, прадмовы, выступленні, інтэрв'ю, гутаркі і калектыўныя творы.

УДК 821.161.3-4

ББК 84(4Бел)-6

16+

Літаратурна-мастацкае выданне

ВАСІЛЬ БЫКАЎ

*Поўны збор твораў
у чатырнаццаці тамах*

Том 10

Кніга 2

Артыкулы, эсэ, прадмовы, выступленні, інтэрв'ю, гутаркі,
калектыўныя творы (1981–1990)

Адказны за выпуск *Генадзь Вінярскі*
Рэдактары *Барыс Пятровіч, Алесь Пашкевіч*
Набор *Сюзанны Паўкіштэла, Сяргея Шапрана*
Вёрстка *Ларысы Гарадзецкай*
Карэктары *Марыяна Валюшко, Вікторыя Трэнас*

Падпісана да друку 29.05.2019. Фармат 84×108 1/32.
Папера афсетная. Друк афсетны. Ум. друк. арк. 33,60.
Ул.-выд. арк. 35,17. Наклад 300 ас. (1 з-д — 1–100). Зак.749 .

ПУП «Кнігазбор».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюдніка друкаваных выданняў № 1/377 ад 27.06.2014.

Вул. Я. Лучыны, 38-93, 220112, Мінск.

Тэл./факс (017) 207-62-33, тэл. (029) 772-19-14, 682-83-86.

E-mail: bkniha@tut.by

Пры ўдзеле ТАА «Выдавецтва “Время”».
Вул. Пятніцкая, 25, 115326, Масква, Расія.

Надрукавана з арыгінала-макета заказчыка ў
ПУП «Джы энд Дзі».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі
выдаўца, вытворцы, распаўсюдніка
друкаваных выданняў № 2/36 ад 13.01.2014.

Вул. Бурдзейнага, 37-191, 220136, Мінск.

ISBN 978-985-7207-84-8

9 789857 207848

Библия

10
Книга **2**

Василий

Васіль

Быкаў

10 том
Кніга **2**

Поўны збор
твораў